

Роберт ХАЙНЛАЙН

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Роберт
ХАЙНЛАЙН

Пятница,
которая
убивает

Магия. Инкорпорейтед

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Серия

**«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1993 году.**

**Включает в себя лучшие произведения наиболее
известных и популярных писателей-фантастов США.**

МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Роберт ХАЙНЛАЙН

РОМАНЫ

Магия.
Инкорпорейтед

ПОО "ФАБУЛА"
1993

ББК 84.4/8
X15

Хайнлайн Р.

X15 Пятница, которая убивает. Магия. Инкорпорейтед:
Пер. с англ. — М.: ООО «Фабула», 1993. — 384 с. —
(Сер. «Мастера американской фантастики»).

ISBN 5-86090-153-4

Творчество Роберта Хайнлайна, одного из популярных американских писателей-фантастов, стало известно нашему читателю только в последнее время.

Оригинальный сюжет, добрый юмор, элементы эротики, беспокойность будущим человечества заставляют пережить вместе с автором удивительные приключения героев.

4804010000 — Без объявл.

ББК84.4/8

ISBN 5-86090-153-4

© ООО «Фабула», 1993

© П. Храмцов. Оформление серии. 1993

Пятница, которая убивает

1

Когда я вылезала из антигравитационной капсулы в Кении, он висел у меня на хвосте. Он прошел за мной к двери, ведущей к таможене, медпункту и иммиграционной службе. Когда дверь захлопнулась за ним, я убила его.

Никогда не любила пользоваться антигравом. Не любила еще задолго до катастрофы на «Парящем Тросе» — висящий прямо в небе и ничем не закрепленный трос очень уж отдает черной магией. Но любой другой способ попасть на Эль-5 занимает слишком много времени и очень дорого стоит. Мои инструкции и финансовые лимиты не позволяют прибегать к подобной роскоши.

Итак, я была здорово раздражена еще до того, как покинула звездолет с Эль-5 на стационарном спутнике, чтобы пересечь в антигравитационную капсулу, но... Черт возьми, раздражение — еще не причина для убийства. Я намеревалась лишь вырубить его на несколько часов.

У подсознания своя собственная логика. Он не успел брякнуться на пол, как я перехватила его и быстро потащила, стараясь не запачкать пол, к дверцам бомбонепроницаемых кабинок. Там прижала его большой палец к замку — дверца с лязгом отъехала в сторону, — моментально нашла его бумажник, присвоила удостоверение личности и всю наличность. Клубную карточку сунула в прорезь. Положив пустой бумажник в карман трупа, втокнула тело внутрь, дверца встала на место, замок защелкнулся. Я отвернулась.

Прямо надо мной висел «следающий глаз».

Особо дергаться не стоило. Девять шансов из десяти, что «глаз» болтается здесь случайно и никто не наблюдает за монитором, а его двенадцатичасовая запись будет стерта без просмотра. И один шанс, что какая-нибудь девка из Службы пристально смотрит на монитор, или... просто почесывается и вспоминает о предыдущей ночи.

5

Итак, не обращая внимания на «глаз», я устремилась к выходу в конце коридора. Но эта «прилипала», конечно же, потащилась за мной, поскольку в данном пространстве я была единственной массой, излучавшей тридцатисемиградусное тепло. Но секунды три «глаз» потерял — перед тем как сфокусироваться на мне, он просветил бронированную кабинку, где лежал неостывший труп.

Пока я мысленно перебирала три наиболее безопасных варианта действий, другая часть мозга взяла верх и руки четко привели в исполнение четвертый вариант: моя авторучка плюнула лазерным лучом и убила «глаз» — не просто ослепила, а ликвидировала антигравитационное устройство. «Глаз» шлепнулся на пол, надеюсь, со стертой памятью.

Мне пришлось еще раз воспользоваться этой «кредитной карточкой» — я открыла замок кабинки авторучкой, чтобы не стереть отпечаток большого пальца, и сильным пинком отправила «глаз» внутрь, составить компанию остывающему телу. Потом стала действовать очень быстро — пришло время сменить обличье. Как и в большинстве аэропортов, в Кении были удобства для пассажиров по обе стороны границы. Вместо того, чтобы прямо идти к таможене, я отыскала туалетные комнаты и заплатила наличными за пользование кабинкой для переодевания и душем.

За двадцать семь минут я успела не только принять душ, но и сменить одежду, цвет волос и все лицо — то, что искусственно создается за три часа, снимается за пятнадцать минут с помощью горячей воды и обыкновенного мыла. Мне не очень хотелось демонстрировать здесь свое настоящее лицо, но я должна была избавиться от той «крыши», под которой выполняла задание. Та часть «крыши», которая не смылась водой, отправилась в мусоропоглотитель: спортивный костюм, теннисные туфли, отпечатки пальцев, контактные линзы, паспорт. В оставшемся паспорте было мое настоящее имя, — ну, во всяком случае, одно из настоящих, — стереографическое изображение лица и очень убедительно выглядящая виза Эль-5.

Прежде чем отправить в мусоропоглотитель документы мертвеца, я внимательно проглядела их и... задумалась.

Его кредитные карточки и удостоверения личности были оформлены на четыре разные персоны.

Где остальные три паспорта?

Вероятно, остались в одном из карманов его костюма. Я не обыскала его как следует — времени не было, — а просто схватила все, что было в бумажнике.

Вернуться и обыскать? Если я потащусь назад, стану возиться с замком и соваться в кабину с еще не остывшим телом, меня навсерьез кто-нибудь заметит. Беря его карточки и паспорт, я надеялась затруднить установление его личности и тем самым дать себе побольше времени для того, чтобы убраться отсюда, но... Одну секунду! Ага, паспорт и клубная карточка были на имя Адольфа

Белсена. «Америкэн Экспресс» предоставляла кредит Альберту Бюмону, банк в Гонконге брал на себя обязательства о платежеспособности Артура Букмена, в то время, как Единая Карта была выписана Арчибальду Бакенану.

В уме я воссоздала картину преступления: Бюмон-Букмен-Бакенан прижал большой палец к замку дверцы и в этот момент Белсен ударил его сзади, засунул тело в кабину, закрыл кабину своей клубной карточкой и поспешно убрался прочь.

Да, блестящая версия... Сделаем еще кое-что, чтобы лучше замести следы.

Удостоверения и кредитные карточки я сунула к себе в бумажник, а паспорт на имя Белсена спрятала поглубже. Конечно, его найдут при личном досмотре, но есть множество способов избежать такового — скажем, взятка, подкуп, простуда, состроить «глазки» (и это далеко не все).

Когда я вышла из туалета, уже прибыла следующая капсула и ее пассажиры стояли в очереди к таможенному контролю. Я встала в самый конец. Офицер таможи обратил внимание на легкость моей сумки и поинтересовался, как идут дела на черном рынке. Я скорчила самую глупую мину, на которую была способна, — точь-в-точь, как на фотографии в паспорте, а он как раз в этот момент обнаружил сложенную вдвое купюру, засунутую в паспорт, и сменил тему.

Я спросила его, где здесь лучший отель и лучший ресторан. Он сказал, что не в праве давать рекомендации, но «Найроби Хилтон», на его взгляд, неплох. Что же касается еды, то, если мои финансы позволят, в «Толстяке», что напротив «Хилтона», лучшая кухня во всей Африке. Он также выразил надежду, что пребывание в Кении доставит мне удовольствие.

Я сказала «спасибо» и через несколько минут была уже внизу, в городе — о чем очень сожалею.

Воздух был тяжелый, густой и слишком теплый, моя одежда почти сразу вымокла от пота. Я почувствовала, как начали опухать ноги, а они еще и здорово ныли — ведь им приходилось тащить мой полный вес. Не люблю отправляться на внеземное задание, но возвращаться из него — во много раз хуже.

Призвав на помощь самоконтроль, стала вспоминать тренировки и... Чушь! Если бы мой инструктор по самоконтролю меньше торчал в позе лотоса и больше проводил времени в Кении, его советы могли бы пойти на пользу. Я плюнула на самоконтроль и сосредоточилась на главной проблеме: как бы побыстрее выбраться из этой сауны.

В холле «Хилтона» царила приятная прохлада. К счастью, бюро путешествий оказалось полностью автоматизировано. Я нашла свободную кабину и уселась перед экраном. Тут же в кабине появилась служащая:

— Чем я могу вам помочь?

Я сказала ей, что справлюсь сама — приборная панель была мне хорошо знакома (обычная модель — Кенсингтон-400).

— Но я с удовольствием помогу вам, — продолжала настаивать она, — я сейчас совсем свободна.

На вид ей было лет шестнадцать, ее миленькое личико, приятный голос и манеры полностью убедили меня в том, что она действительно хочет помочь. Но меньше всего мне нужна была чья-то помощь — я ведь намеревалась оперировать чужими карточками. Поэтому я сунула ей в ладонь небольшую купюру, сказав, что предпочитаю делать это сама, а если возникнут трудности, позову ее. Она запротестовала было, говоря, что вовсе не обязательно давать ей деньги, но в конце концов ушла, не сделав попытки вернуть их.

Адольф Белсен на монорельсе прибыл в Каир, а затем полувоздушным транспортом добрался до Гонконга, где клуб зарезервировал для него номер в «Пенинсуле».

Альберт Бюмон находился в отпуске. Он отправился на сафари — в Тимбукту, где «Америкэн Экспресс» предоставил ему фешенебельный коттедж в Шангри-Ла на берегу Моря Сахары.

Банк Гонконга оплатил дорогу Артура Букмена в Буэнос-Айрес.

Арчибальд Бакенан отправился в свой родной Эдинбург — путешествие оплачено Единой Картой. Поскольку всю дорогу он мог проделать на монорельсе с одной лишь пересадкой в Каире, уже часа через два он должен быть в доме своих предков.

Я ввела в компьютер еще ряд запросов, но никаких заказов, никаких покупок. Они присутствовали лишь во временной памяти. Удовлетворенная, я вышла из кабины и спросила рябую служащую, попаду ли через вход на монорельс, который, как я заметила, был прямо в холле отеля, к ресторану «Толстяк». Она любезно объяснила мне, куда надо свернуть, я поблагодарила, спустилась к монорельсу и... заплатив наличными, села в вагон на Момбасу.

Момбаса от Найроби всего в тридцати минутах езды (450 километров), но она расположена на уровне моря, и климат Найроби, по сравнению с тамошним, кажется раем. Я постаралась выбраться оттуда как можно скорее и через двадцать семь часов уже была в провинции Иллинойс Чикагской Империи. Вы можете сказать, что это слишком долго для дуги по большой окружности длиной всего в тринадцать тысяч километров. Но я не ехала по большой окружности, не пересекала таможенных границ и не проходила через пункты иммиграционного контроля. Не пользовалась я и кредитными карточками — ни своими, ни чужими. И еще я ухитрилась выкроить семь часов для сна в Свободном штате Аляска — я не спала как следует с того момента, как двумя днями раньше покинула город на космической станции Эль-5.

Как я это сделала? Секрет фирмы. Этот маршрут может мне никогда больше не понадобится, но, возможно, кому-то из моих коллег по работе придется им воспользоваться. Кроме того, как говорит мой босс, со всеми этими правительствами, которые дают на вас, где только могут и чем только могут, со всеми их

компьютерами, «следящими глазами» и еще сотней способов электронного надзора, каждая свободная личность просто морально обязана бороться — не давать дверям подзеем захлопнуться, держать окна зашторенными и пичкать компьютеры дезинформацией. Ведь компьютеры — тупы и ограничены, электронные досье — на самом деле вовсе не досье... Нельзя упускать случая одурачить эту систему. Если не можете увернуться от налога, заплатите чуть больше, чтобы сбить с толку компьютер, — переставьте числа, поменяйте цифры местами... Ну, и так далее.

Вопрос: как объехать полпланеты и не оставить следов? Ответ: плати наличными. Никаких кредитных карточек, ничего, что отправляется в недра компьютерной памяти. Взятка на самом деле — никакая не взятка: подобные передачи денег лишь сохраняют достоинство берущего. Как бы ни переплачивали гражданским служащим, они всегда твердо убеждены, что им чудовищно не доплачивают, и все служащие так или иначе склонны к воровству, иначе они просто не кормились бы у этого «стойла». Эти две простые истины — вот и все, что нужно знать, но будьте осторожны (!) — служащий, не уважающий самого себя, страшно жаждет и требует знаков уважения от публики.

Я всегда иду навстречу этой жажде, поэтому мое путешествие обошлось без всяких инцидентов. (Не считая того факта, что «Найроби Хилтон» взорвался и сгорел дотла через несколько минут после того, как я села в вагон на Момбасу, — нужно быть просто параноиком, чтобы подумать, будто это хоть как-то связано со мной.)

Правда, я избавилась от четырех кредитных карточек и паспорта, как только узнала об этом, но я и в любом случае намеревалась это сделать. Если бы противник хотел ликвидировать меня — возможно, но маловероятно, — уничтожить многомиллионную собственность и неизбежно убивать и калечить сотни, а то и тысячи посторонних, было бы все равно что охотиться на муху с топором. Непрофессионально.

А значит, теоретически возможно. Ну вот, наконец-то я опять в Империи, задание выполнено с минимальными накладками. Я вышла на Луг Линкольна, размышляя о том, что набрала достаточно коричневых бумажек, чтобы выклянчить у босса несколько свободных неделек в Новой Зеландии. Моя семья — семизначный С-брак, — жила в Крайстчерче, я не виделась с ними больше месяца. Давно пора!

Я с наслаждением вдыхала чистый, свежий воздух и любовалась сельской красотой Иллинойса — лучше может быть лишь на Южном острове. Говорят, на этих лугах когда-то стояли грязные фабрики — трудно поверить. Сегодня единственное здание, которое было видно с вокзала, — платная конюшня Авис.

У выезда на дорогу, возле станции, стояло два наемных экипажа и несколько фермерских вагончиков — как обычно. Я хотела было уже занять место в одном из экипажей, как вдруг увидела, что

подъезжает третий: пара красивых рысаков, запряженных в изящное ландо. Я узнала рысаков.

— Эй! Дядя Джим! Сюда... Это я!

Кучер дотронулся кнутом до шляпы и осадил лошадей. Ландо остановилось прямо перед ступеньками, на которых я стояла. Он слез с сиденья и снял шляпу.

— Хорошо, что вы вернулись домой, мисс Пятница.

Я стиснула его в объятиях, что он перенес стоически. У дяди Джима Пруфита были очень строгие понятия о пристойности. Говорят, он когда-то был обвинен в папизме, кто-то даже рассказывал, что его однажды взяли голыми руками, когда он служил мессу. Болтали разное, но, по-моему, в основном, чушь — что он был священником, завербованным нашей фирмой, а потом провалился, прикрывая других. Что касается меня, то в политике я не разбираюсь, но думаю, что священник непременно бы выдавал себя особой манерой, будь он настоящим или из нашей команды. Впрочем, я могу ошибаться — я в жизни своей не видела ни одного священника.

Когда он помог мне усесться, давая почувствовать себя настоящей леди, я спросила:

— Как ты здесь оказался?

— Хозяин велел встретить вас, мисс.

— Вот как? Но я не сообщала ему, когда приеду. — Я постаралась вычислить, кто же из команды Босса следил за мной, не наступая на пятки. — Я иногда думаю, что у Босса есть хрустальное яйцо, которое он катает, когда захочет, по блюдечку...

— Похоже, что так, — усмехнулся Джим, прищелкнув языком на Гога и Магога. Мы тронулись с места и поехали к ферме.

Я откинулась на спинку сиденья и расслабилась, слушая такие по-домашнему приятные: «Хлюп-хлюп... Хлюп-хлюп», с которыми лошадиные копыта месили грязь. Я приоткрыла глаза, когда Джим свернул в наши ворота, и окончательно проснулась, когда лошади встали под навес. Не дожидаясь, пока он поможет мне выйти, прыгнула на землю и повернулась, чтобы сказать Джиму «спасибо».

Они ударили меня одновременно — с двух сторон.

Старый, добрый дядя Джим не предупредил меня. Он просто стоял и наблюдал.

2

Моя вина! Моя тупая оплошность! Сколько раз меня учили, что ни одно место не может быть абсолютно безопасным, а уж то, куда ты обычно возвращаешься, — самое опасное. Именно там вероятнее всего тебя ждет ловушка, именно там тебе устроят засаду.

К сожалению, я лишь затвердила это, как попугай, не вдаваясь в смысл. И напрасно. Это меня и подвело.

Есть и еще одно, не менее важное правило: если тебя кто и убьет, так это тот, кто ближе всех к тебе, — член твоей семьи. Я и это никогда не принимала всерьез. Жить, опасаясь удара от близких? Лучше сдохнуть!

Главная моя тупость состояла в том, что я не обратила внимание на явное, четкое, в о п и ю щ е е предупреждение, а не на какой-то там общий принцип: как это добрый, старый «дядя» Джим умудрился точно встретить мой вагон? День в день и почти минута в минуту! Хрустальное яйцо? Босс, конечно, умнее нас всех вместе взятых, но и он не волшебник — в этом я уверена, хотя, конечно, могу и ошибаться. В конце концов, если бы Босс обладал сверхъестественной силой, ему были бы не нужны мы все.

Я не докладывала ему о своих передвижениях, я даже не сообщила, когда я покинула Эль-5. Это соответствовало нашим правилам: он не заставлял нас сообщать о каждом шаге, понимая, что любая накладка может стать роковой. Даже я сама не знала, что сяду именно в этот вагон, пока не села в него. Я заказала завтрак в кофейне отеля «Стюарт», встала из-за столика, не притронувшись к еде, кинула деньги на прилавок и — через три минуты была уже в вагоне экспресса. Так каким же образом?..

Наверняка, тот хвост, от которого я избавилась на Гравивокзале в Кении, был не единственный. Или его кто-то прикрывал, или же исчезновение мистера Белсена-Бюмона-Букмена-Бакенана было сразу замечено, и его быстро заменили. Возможно, они следили за мной все время, и то, что случилось с «Белсеном», предостерегло их — больше они не стали наступать мне на пятки. А несколько часов, пока я спала, могли дать им время аккуратно все вычислить. Да, пожалуй, любой вариант возможен. Вскоре после того, как я забралась в вагон в Аляске, кто-то отправил примерно следующую депешу: «Искра — Дракону. Девять минут назад Комарик вылез из капсулы Международного коридора. Стационарный контроль движения сообщил программу следования вагона и остановку на Лугу Линкольна. Ваше время — одиннадцать ноль три». Или что-то в этом роде. Так или иначе, кто-то из недругов видел, как я сажусь в этот вагон и предупредил своих заранее, иначе старина Джим никак не мог бы меня встретить. Логика простая.

Непредусмотрительность всегда чудесна — она демонстрирует вам, как лихо вы можете разбить себе лоб... Правда, уже после того, как вы его разбили.

Но я заставила их попотеть за свои денежки. Если бы я была умницей, я перестала бы сопротивляться, как только увидела, что их слишком много. Но я не умница — это я уже доказала. Мне вообще надо было рвать когти, как только Джим сказал, что его послал Босс, а не пускать слюни в этой чертовой телеге.

По-моему, я убила только одного из них.

А может, двоих. Но почему им понадобилось делать это так грубо? Они могли прекрасно подождать, пока я войду внутрь и там

воспользоваться баллончиком с газом, или пулей со снотворным... Или, в конце концов, простой веревкой. Я им нужна живой — это ясно. Но разве им не известно, что, когда нападают на агента с моей подготовкой, он автоматически входит в р а з н о с? Может быть, не я одна здесь дурочка?

И зачем так глупо терять время — насиловать меня? Во всей этой операции было что-то любительское. Профессионалы никогда не станут ни бить, ни насиловать перед допросом — в этом нет никакого смысла: любой профессионал проходит специальную тренировку и умеет справляться и с тем, и с другим. Когда ее насилуют (или его — я слышала, что мужчинам в этом случае труднее), она может или отключить разум и выждать, когда это закончится, или (специальный курс тренировки) последовать известной китайской поговорке: «Если насилие неизбежно, расслабься и получи удовольствие». Или же вместо первых двух методов (а возможно, и в сочетании со вторым) жертва может воспринять насилие, как предлог, чтобы хорошенько разозлиться на тех, кто ее схватил. Я не очень хорошая актриса, но всегда пытаюсь воспользоваться этим третьим способом: хотя это никогда не могло меня заставить платить недругам в той же валюте, но, по крайней мере, один раз спасло мне жизнь.

В этот раз способ № 3 не вызволил меня из плена, но вызвал некоторые здоровые распри между моими «друзьями». Вчетвером (смету я составила на ощупь и по запахам) они разложили меня в одной из спален наверху. Может, это была моя собственная комната, но я не уверена, поскольку какое-то время была без сознания. Когда же я пришла в себя, вся моя одежда состояла из липкой темной ленты на глазах. Они стащили матрас на пол, уложили меня на него, и началась обычная групповуха с минимальной примесью садизма... на который я не обращала внимание, будучи слишком занята способом № 3.

Про себя я назвала их: «Соломенный шеф» (по-видимому, старший в этой операции), «Булыжник» (так они сами его называли, имея в виду, наверное, булыжник вместо мозгов), «Коротышка» (во всех смыслах) и «Еще один», в котором не было ничего примечательного.

Поработала я с ними на славу (в смысле актерского мастерства, разумеется). Способы, один из которых я уже упомянула, следующие: № 1 — яростное сопротивление; № 2 — уступка силе; № 3 — постепенно страсть берет верх, и вы уже не владеете собой. Любой мужик клонет на эту приманку, и все они «клюнули», но особенно я старалась с Соломенным шефом в надежде, что стану его «любимицей» или чем-то в этом роде. Соломенный шеф был не так уж плох, способы № 2 и № 3 легко сочетались.

Труднее всего было с Булыжником — с ним пришлось сочетать способ № 3 со способом № 1, потому что у него отвратительно пахло изо рта. И вообще он был не очень чистоплотен, мне стоило больших

усилий не обращать на это внимание и реагировать так, чтобы не задеть его мужское самолюбие.

Уф, наконец-то он расслабился, на секунду затих, а потом сказал:

— Слушай, Мак, мы теряем время. Эта шлюха только наслаждается.

— Ну так слезь с нее и уступи место Коротышке. Он уже готов повторить.

— Нет, постой. Я сейчас ей врежу как следует, чтобы она посерьезней к нам относилась! — И он действительно врезал мне по левой скуле. Я заорала.

— Прекрати! — раздался окрик Соломенного шефа.

— Это еще почему? Кто велел? Мак, ты что-то много на себя берешь...

— Я велел! — донесся совсем незнакомый голос, явно усиленный динамиком, а значит, идущий из переговорника в потолке. — Булыжник, Мак — старший, и ты это знаешь. Мак, пришли Булыжника ко мне, я хочу сказать ему пару слов.

— Майор, я ведь только старался помочь!

— Ты все слышал, Булыжник? — негромко сказал Соломенный шеф. — Застегни штаны и проваливай отсюда.

Наконец-то он слез с меня и перестал дышать мне в лицо перегаром. Уже приятно. С потолка вновь раздался голос:

— Мак, это правда, что маленькая церемония, устроенная в честь прибытия мисс Пятницы, доставляет ей удовольствие?

— Это возможно, Майор, — не сразу ответил Соломенный шеф. — Судя по тому, как она себя ведет, да.

— Ну, а сама ты что скажешь, Пятница? Это твой любимый способ?

Я не стала отвечать на его вопрос. Вместо этого я высказалась насчет него и всей его семьи, упирая главным образом на его взаимоотношения с матерью и сестрой, — со всеми подробностями. Если бы я сказала ему правду — что Соломенный шеф мог бы быть довольно приятен в другой обстановке, но что Булыжник просто грязный ублюдок, с которым я непременно сведу счеты при первой же возможности, а что касается Коротышки и «Еще одного», то они ни в каком смысле не представляют интереса, — это свело бы на нет все мои усилия.

— Это ты не в масть, детка, — весело ответил голос из динамика, — не хочется тебя расстраивать, но я, к сожалению, сирота. И даже не женат, не говоря о матери и сестрах. Мак, надень на нее наручники и прикрой одеялом, но снотворное не втыкай, я поговорю с ней чуть позже.

Любитель. Мой Босс в жизни не дал бы знать пленнику, что его вскоре ожидает допрос.

— Эй, сирота!

— Да, милая?

Я высказала предположение, что он предается пороку, не требующему присутствия ни матери, ни сестры, ни вообще кого бы то ни было, но технически (как я слышала) возможному для некоторых мужиков.

— Каждую ночь, родная, — ответил динамик. — Это очень приятно.

Итак, один ноль в пользу Майора. Я решила, что при надлежащей подготовке из него мог бы получиться профессионал. Тем не менее сейчас он был жалким любителем и не вызывал у меня ни капли уважения. Он лишился одного, а может, и двух своих людей, напрасно заставил меня страдать от побоев, да еще от сексуального унижения — будь я обычной нетренированной женщиной — очень, кстати, болезненного. На всем этом он потерял часа два. Если бы на его месте был мой Босс, пленница (или пленник) давным-давно бы уже раскололась и провела бы эти два часа, торопливо выкладывая все, что знает (и не знает), перед микрофоном.

Соломенный шеф решил как следует поухаживать за мной — проводил меня не только в ванную, но и в туалет — последнее еще раз подчеркнуло их дилетантство, поскольку в технику допроса (если пленник, конечно, любитель) это никак не входит. Если в своей жизни женщина не сталкивалась с большими неудобствами, чем облегчать свой мочевой пузырь, не вставая с койки, и если мужчина обладает гипертрофированной половой гордостью — а это характерная черта почти всех мужиков, — это средство не менее эффективно, чем физическая боль и прочие трюки.

Не думаю, что Маку было это известно. Я вообще охарактеризовала его, как «святую невинность», несмотря на некоторое пристрастие к групповому изнасилованию — тоже достаточно распространенному у мужчин, если судить по учебникам психологии.

Кто-то кинул матрас на кровать. Мак велел мне лечь на спину, вытянуть руки вперед и приковал меня к койке наручниками — не полицейскими, а с мягкими прокладками. Их обычно используют разные придурки для своих сексуальных игр. Интересно, кто из них здесь любитель подобных развлечений? Наверное, Майор.

Мак проверил наручники, убедился, что они сидят как следует, но не причиняют мне боль, а потом аккуратно накрыл меня одеялом. Я бы не удивилась, если бы он поцеловал меня и пожелал спокойной ночи. Но он этого не сделал, а просто тихо вышел.

Интересно, согласно методу № 3 мне надо было ответить на такой поцелуй? Или возмущенно отплеиваться? Хороший вопрос. В основе способа № 3 лежит «я-просто-не-могу-с-собой-справиться», и тут очень важно рассчитать, когда и сколько выказать страсти. Если насильник заподозрит жертву в том, что она морочит ему голову, ее игра закончена.

В конце концов, засыпая, я все-таки решила — с некоторым сожалением, — что от этого предполагаемого поцелуя пришлось бы возмущенно отвсрнуться.

Как следует выспаться мне не дали. Я здорово вымоталась от всей этой передрыги и уснула почти сразу же, но очень скоро была разбужена пощечиной. Неужели Мак? Нет, разумеется, Булыжник. Ударил он меня не так сильно, как в первый раз, но все равно это было совершенно не обязательно. Наверное, он злился на меня за выволочку, которую получил от Майора, и я обещала себе, что, когда настанет время рассчитаться с ним, я сделаю это медленно.

— Мак приказал не бить ее, — услышала я голос Коротышки.

— А я и не бил. Просто ласково шлепнул, чтобы разбудить. Так что заткнись и займись своим делом. Отойди подальше и наведи на нее пистолет. На нее, идиот!.. А не на меня!

Они отвели меня в подвал, в одну из наших камер для допросов. Коротышка и Булыжник ушли — во всяком случае, Булыжник точно убрался, потому что исчез его вонючий запах, — и за меня взялась команда дознавателей. Не знаю, сколько их было, — ни один не проронил слова. Единственный обращавшийся ко мне голос принадлежал тому, кого я окрестила Майором, и голос, по-моему, раздавался из громкоговорителя.

— Доброе утро, мисс Пятница.

— (Утро? Что-то непохоже.) Привет, сирота!

— Рад, что вы в хорошем настроении, дорогая, поскольку нам предстоит долгий и утомительный процесс. Я бы даже сказал, неприятный. Я хочу знать о тебе все, красавица.

— Сейчас узнаешь. С чего начать?

— Расскажи все о путешествии, из которого ты только что возвратилась. Не упускай ни одной подробности. И все об организации, к которой ты принадлежишь. Должен тебя предупредить, что мы знаем о ней достаточно, так что если ты солжешь, мне сразу станет известно. Поэтому никаких легенд, дорогая, — я моментально уличу тебя во лжи, и то, что последует за этим... Я, конечно, буду сожалеть об этом, но ты пожалеешь гораздо сильнее.

— Я не собираюсь лгать. Магнитофон включен? Это займет много времени.

— Магнитофон включен.

— Ладно. — И в течение трех последующих часов я исполняла соло — честно выкладывала все, что знаю.

Это не противоречило уставу. Мой Босс прекрасно понимает, что девяносто девять агентов из ста не выдержат настоящей физической боли, примерно такой же процент расколется на достаточно длительном и изнуряющем допросе, но только сам Будда сумеет противостоять тщательно подобранному наркотику. И поскольку Босс мало полагается на чудеса и терпеть не может терять хороших агентов, его основное правило: «Если тебя поймали, пой!»

Естественно, что при таком положении вещей он должен быть уверен, что ни одно из действующих лиц не знает ничего лишнего. И курьер никогда не знает, что он везет. Я ровным счетом ничего не знаю о цели. Мне неизвестно настоящее имя Босса. Я понятия не

имею, правительственное ли у нас агентство, или же мы часть одного из интернациональных. Я знаю, где расположена наша ферма, но это известно многим, и... она очень хорошо охраняется (во всяком случае, охранялась). Что же касается других наших мест, то я ездила туда лишь в закрытых бронированных экипажах — скажем, гравилет доставлял меня на учебно-тренировочное поле, которое могло быть где угодно. Хоть на краю фермы. Или вообще не здесь.

— Майор, как вам удалось захватить это место? Оно неплохо охранялось.

— Здесь я задаю вопросы, моя остроглазенькая. Давай-ка прокрутим еще раз ту часть, когда тебя кто-то преследовал на выходе из антигравитационной капсулы.

Прошло еще много времени, и когда я выложила все, что знаю, и начала повторяться, Майор прервал меня.

— Дорогая, ты выдала нам очень убедительную историю... Да, и такую правдивую, что я, пожалуй, готов поверить каждому третьему слову. Приступим к процедуре «Б».

Кто-то схватил мою левую руку, и я почувствовала, как игла входит в вену. «Болтливый сок»! Дай бог, чтобы эти чертовы дилетанты хоть в этом не были так неуклюжи и бездарны, как во всем остальном, — ничего не стоит отдать концы от слишком большой дозы.

— Майор! Мне лучше сесть!

— Усадите ее на стул.

Кто-то выполнил его приказ.

...Десять, сто, тысячу лет я болтала и болтала, без устали повторяя все то же самое, а мозги у меня плавали в каком-то тумане, и туман сгущался, сгущался, но я все болтала, и болтала, и болтала... В какой-то момент я просто свалилась со стула, но они не стали сажать меня обратно, а уложили на холодный цементный пол. А я продолжала болтать...

Не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов они сделали мне другой укол, от которого у меня разболелись зубы и глаза чуть не выскочили из орбит, но я пришла в себя.

— Мисс Пятница!

— Да, сэр?

— Вы очнулись?

— Кажется, да.

— Ну что ж, дорогая. Я думаю, вас тщательно обработали под гипнозом, чтобы вы смогли под «соком» излагать ту же легенду, что и без наркотика. Это очень плохо, поскольку я теперь вынужден прибегнуть к другому способу. Вы можете встать?

— Думаю, да. Во всяком случае, я могу попробовать.

— Помогите ей встать и не давайте упасть.

Кто-то (двое) выполнил его приказ. Я нетвердо стояла на ногах, но они крепко держали меня.

— Приступите к процедуре «С», начните с пункта 5.

Чей-то тяжелый башмак с размаху опустился на мою босую ногу — прямо по пальцам. Я заорала.

Знаете что?.. Если вас когда-нибудь станут допрашивать с побоями, орите что есть сил. Не играйте Железного Человека — это лишь озлобит ваших мучителей, и они обойдутся с вами еще круче. Можете мне поверить, я ведь прошла через это. Орите так, чтобы у вас лопались барабанные перепонки, и раскалывайтесь, как можно быстрее.

Я не стану пересказывать подробности того, что происходило в следующие нескончаемые для меня часы. Если у вас есть воображение, вам захочется блевать, как хочется мне самой, когда я вспоминаю об этом. Кстати, пару раз меня тогда действительно вырвало. И несколько раз я просто вырубалась, но они приводили меня в чувство и снова принимались за дело, а голос из динамика упрямо продолжал задавать вопросы.

Наконец настал момент, когда они уже не сумели привести меня в чувство, и, вновь открыв глаза, я обнаружила, что лежу в кровати — той самой, к которой Мак приковывал меня наручниками, — вновь с наручниками на руках и ногах. Тело раздирала боль.

Голос из динамика с потолка произнес:

— Мисс Пятница!

— Какого черта тебе еще нужно?

— Мне — никакого. Но если для вас, моя дорогая, это послужит хоть каким-то облегчением, то могу сказать: вы — первый человек, которого я допрашивал и из которого так и не сумел выбить правду. Думаю, и последний.

— Ну и пошел ты в...!..

— Спокойной ночи, дорогая.

Дилетант хренов! Каждое слово из всего, что я наговорила, было чистой правдой.

3

Кто-то вошел в комнату и сделал мне укол. Боль моментально прошла, и я уснула.

Думаю, я спала долго. Или сны мои перепутались, или я временами просыпалась, а потом опять впадала в забытие, а может, и то, и другое. Кое-что явно было во сне — собаки, конечно, могут разговаривать, я сама видела нескольких, но вряд ли собака станет читать лекцию о правах искусственных существ. Стоны, крики и снующие туда-сюда люди могли быть и наяву, но скорее это все-таки походило на сон, потому что, когда я попыталась встать с кровати, то не смогла даже поднять голову, не говоря уже о том, чтобы принять участие в общем веселье.

Наконец в какой-то момент я решила, что окончательно проснулась, потому что наручники больше не стягивали мои запястья и щиколотки, а на глазах не было клейкой ленты. Но я не стала

спрыгивать с койки и даже не открыла глаза — я понимала, что в самые первые секунды после того, как я подниму веки, у меня будет наилучшая, а может, и единственная возможность сбежать.

Не двигаясь, я напрягла мышцы. Кажется, все тело послушно повиновалось мне, хотя почти везде оно здорово ныло. Одежда? Забыть о ней — я не только не имела понятия, где она может быть, но и считала, что тратить время на одевание, когда речь идет о жизни, просто безумие. Давайте сообразим — в комнате, кажется, никого не было. А на этаже? Замереть и прислушаться. Когда я буду уверена, что я одна на этаже, надо бесшумно встать с постели, быстро проскользнуть на лестницу, потом на третий этаж и на чердак. Там спрятаться. Дождаться темноты и — через чердак на крышу. Спуститься по задней стене и нырнуть в лес. Если я доберусь до леса, что начинается почти сразу за домом, они никогда меня не схватят, но... До тех пор я для них — удобная мишень.

Шансы? Один из десяти. Может быть, один из семи, если я все еще в форме. Самое слабое место в этом плане то, что меня легко могут засечь до того, как я выберусь из дома, потому что... Потому что, если меня засекут, — нет, пожалуй, к о г д а меня засекут, — мне придется не просто убивать, но убивать очень тихо...

Какие есть еще варианты? Только один — лежать и ждать, пока меня ликвидируют, а это... Это случится вскоре после того, как Майор решит, что больше ему из меня ничего не выжать. Какими бы бездарными дилетантами они ни были, все же они — во всяком случае, Майор — не так глупы, чтобы оставлять в живых свидетельницу, которую пытали и насиловали.

Я навестила уши и стала напряженно вслушиваться.

Нигде ни одного шороха. Нет смысла ждать дольше, каждая минута промедления приближала то время, когда «шорохи» появятся. Я открыла глаза.

— Проснулась? Хорошо.

— Босс! Где я?

— Что за дурацкий вопрос? Пятница, ты могла придумать что-нибудь поинтереснее. Закрой глаза и попробуй снова.

Я огляделась по сторонам. Спальня или, может быть, больничная палата. Окон нет. Освещение искусственное. Гробовая тишина, не нарушаемая, а, скорее, усиленная легчайшим звуком невидимого вентилятора. Я снова взглянула на Босса — приятное зрелище. Все, как всегда, даже старомодная повязка на глазу... Почему он, интересно, никак не делает себе регенерацию? Не хочет тратить время? Его костыли стояли возле стола так, чтобы до них было легко дотянуться... Его обычный, небрежно застегнутый, выношенный костюм, напоминающий плохо подогнанную пижаму... Я была жутко рада его видеть.

— Я хочу знать, где я. И как сюда попала? И почему?.. Это где-то под землей, конечно... Но где?

— Разумеется, под землей — метров... несколько. Где — тебе

будет сказано, когда в этом появится необходимость, или, во всяком случае, как отсюда выбраться и как сюда добраться. Это был основной недостаток нашей фермы — приятное местечко, но слишком многим было известно, где оно расположено. Так что вопрос: «Почему?» — вряд ли уместен. С вопросом: «Как?» — можно подождать. А теперь докладывай.

— Босс, вы умеете раздражать людей лучше, чем все, кого я знаю.

— Долго этим занимался. Докладывай.

— А ваш отец, наверняка, встретил вашу мать в дешевом отеле. И даже не снял перед ней шляпу.

— Они познакомились на пикнике, устроенном баптистской воскресной школой. И у обоих были прекрасные манеры. Докладывай.

— Черт бы вас побрал! Путешествие на Эль-5 обошлось без всяких инцидентов. Я нашла мистера Мортенсона и отдала ему содержание своего фальшивого пупка. Эта процедура была неожиданно прервана — случилось кое-что странное: на космической станции вдруг возникла какая-то эпидемия, неизвестные микробы в воздухе, и... Мне стало плохо. Мистер Мортенсон был очень добр, он отвез меня к себе домой, и там его жена окружила меня самой нежной заботой и прекрасным уходом. Босс, я хочу, чтобы все их расходы, связанные со мной, были оплачены.

— Учту. Продолжай.

— С головой у меня творилось что-то странное, поэтому я на неделю выбилась из графика. Но как только я почувствовала, что могу уехать, мистер Мортенсон сообщил мне, что посылка для вас уже со мной. Каким образом, Босс? Опять в тайнике за пупком?

— И да, и нет.

— Какого черта! Это не ответ.

— Был использован твой искусственный «карман».

— Я так и думала. Хотя там и нет нервных окончаний, я все равно что-то чувствую — может быть, небольшое давление, — когда он наполнен, — я надавила слегка на живот вокруг пупка и напрягла мышцы живота. — Но он пустой!.. Вы вынули?..

— Нет. Это сделали ваши противники.

— Значит, я провалилась? О, Господи! Босс, это ужасно...

— Нет, — мягко возразил он. — Ты справилась с заданием. Несмотря на огромную опасность и множество труднейших препятствий, ты справилась, и справилась прекрасно.

— Правда? Босс, может быть, хватит говорить загадками. Объясните все как следует.

— Объясню.

Пожалуй, сначала лучше я объясню вам кое-что. С помощью пластической операции мне был сделан искусственный «карман» внутри пупка. Он, конечно, невелик, но даже в пространство размером в один кубический сантиметр можно втиснуть довольно много микрофильмов. Вход в «карман» абсолютно не виден, края

разреза специальным клапаном удерживаются плотно сдвинутыми. Мой пупок выглядит совершенно нормальным. Многие беспристрастные судьи всегда говорили, что у меня очень красивый живот и очаровательный пупок... А это, между прочим, в некоторых (очень важных) отношениях гораздо важнее, чем смазливое личико, которого, кстати, у меня нет.

Силиконовый эластичный клапан постоянно держит края входа в «карман» сомкнутыми — даже когда я без сознания. Это очень важно, потому что там нет нервных окончаний, которыми можно было бы контролировать напряжение и которые есть, скажем, во влагалище и горловых связках. Чтобы наполнить «карман», смажьте клапан любым смягчающим кремом — не на спирту — и вдавите нужный предмет внутрь большим пальцем — только без всяких зазубрин и острых углов, уж будьте так любезны. Чтобы вынуть предмет, пальцами обеих рук я развожу связки насколько это возможно, напрягая брюшные мускулы, и — он выскакивает.

Искусство прятать что-то в человеческом теле имеет вековую историю. Классические способы включают в себя рот, ноздри, желудок, кишечник, мочевой пузырь, влагалище, пустую глазницу, ушные раковины. Есть экзотические, но не очень действенные методы использования татуировок — иногда, с волосатым покровом. Но любой из подобных классических способов прекрасно известен любому таможеннику и любому агенту на Земле, на Луне, на космических станциях и других планетах — словом, везде, куда только ступала нога человека. Поэтому забудьте о них. Единственный классический метод, которым можно провести профессионала, это «подкожное письмо». Но «подкожное письмо» требует действительно высокого мастерства, и, даже если оно выполнено с высоким знанием дела, тот, на ком оно «написано», не должен подозревать об этом, чтобы не выболтать под наркотиком.

Теперь взгляните на пару сотен пупков, которые вам по тем или иным причинам будет позволено увидеть. Поскольку теперь кое-кто узнал о моем «кармане», вполне возможно, что среди этих двух сотен (или двух тысяч — это уже зависит от вашей общительности) найдется два или три подвергнутых той же самой пластической операции. Вполне возможно, что скоро их будет множество, поскольку всякое новшество перестает быть новшеством, как только о нем знают больше двух человек. Таким образом, вскоре таможенники станут тыкать своими заскорузлыми пальцами в каждый пупок и... Я надеюсь, многие из этих офицеров нарвутся на сильный удар в глаз разъяренных жертв — пупок, знаете ли, очень нежная штука и страшно боится щекотки.

— Пятница, слабое место твоего кармана заключается в том, что при любом умелом исследовании...

— Это были дилетанты.

— ...Или грубом допросе под наркотиком тебя могут вынудить упомянуть о его существовании.

— Это могло быть после того, как они накачали меня «болтливим соком». Пока я была в сознании, я уверена, что не говорила об этом.

— Может быть. Или слушок мог дойти до них по другим каналам, ведь несколько человек знали об этом — ты, я, три медсестры, два хирурга, один анестезиолог. Возможно, кто-то еще. Словом, слишком многие. Не важно, откуда наши противники узнали, но они вынули то, что у тебя там было. Не корчи постную физиономию — все, что они получили, это микрофильм с длинным перечнем всех ресторанов, переснятым с телефонной книги бывшего города Нью-Йорка за 1928 год. Наверняка где-то сейчас трудится компьютер, пытаюсь подобрать ключ к «коду»... Это займет у него довольно много времени, потому что никакого кода там нет, а значит, нет и ключа. Этот «багаж» всего лишь фальшивка, так что расслабься.

— И ради этого я проделала весь путь на Эль-5, жрала черт-те что, чуть не блевала в этой проклятой «бобовой» капсуле, да еще вдобавок ко всему меня трахнули какие-то грязные ублюдки!

— Пятница, о последнем я очень сожалею. Но неужели ты полагаешь, что я стал бы рисковать жизнью своего самого блестящего агента ради ерунды.

Теперь вы понимаете, почему я работаю на этого самонадеянного ублюдка? Чего только не добьешься лестью.

— Прошу прощения, сэр.

— Нащупай свой шрам от аппендицита.

— Что? — Я сунула руку под простыню и потрогала шрам пальцами, потом откинула простыню и взглянула на свой живот. — Какого черта?

— Разрез был не длиннее двух сантиметров и точно по шраму — мышечная ткань осталась нетронутой. «Багаж» был вынут двадцать четыре часа назад из этого же разреза. С помощью ускоренного метода заживет через два дня — так мне сказали, ты не сумеешь обнаружить новый шрам на старом. Кстати, я очень рад, что Мортенсоны обеспечили тебя таким хорошим уходом, потому что, уверен, те искусственные симптомы лихорадки, которые пришлось у тебя вызвать, чтобы скрыть, что на самом деле с тобой происходит, были не очень-то приятны. Между прочим, там и вправду была короткая вспышка эпидемии катаральной лихорадки — где-то нарушилась герметичность.

Босс замолчал. Я, разумеется, не стала спрашивать, что же на самом деле я тащила в этом шраме, — все равно он не сказал бы. Помолчав, он произнес:

— Ты говорила о возвращении.

— Обратное путешествие обошлось без приключений. Босс, в следующий раз, когда вы пошлете меня в космос, я хочу лететь первым классом — в нормальном антигравитационном корабле. А не в этой дурацкой капсуле! Не верю я в такие фокусы.

— Технический анализ много раз подтверждал, что «небесный крюк» гораздо безопаснее любого корабля. Катастрофа с «Парящим Тросом» была результатом саботажа, а не технических неполадок.

— Вы просто скуповаты.

— Я не стану спорить с тобой, тем более, что это, по-моему, обыкновенная трусость с твоей стороны. Можешь в дальнейшем пользоваться антигравитационными кораблями, если позволят время и обстоятельства. В этот раз были свои причины — и весьма серьезные, — чтобы ты летела «бобовой» капсулой.

— Может быть, и так, но кое-кто повис у меня на хвосте, когда я вылезла из этой капсулы. И как только мы остались одни, я убила его.

Я замолчала. Когда-нибудь настанет такой день, и я сумею вызвать на его физиономии хоть тень удивления... Я подошла к этой теме с другой стороны:

— Босс, — сказала я, — мне необходимо пройти повторный курс тренировок с некоторой переориентацией.

— Вот как? Переориентация? Интересно, в какую сторону?

— У меня слишком быстрая реакция — реакция убийства. Я не преувеличиваю. Тот парень не сделал ничего такого, за что его стоило убить. Конечно, он следил за мной. Но мне было вполне достаточно стряхнуть его с хвоста там, или в Найроби, или в конце концов вырубить его на пару часов и убраться восвояси.

— Мы обсудим это позже. Продолжай.

Я рассказала ему про Следящий Глаз и про четыре удостоверения личности Белсена, про то, как я избавилась от них, а потом про путешествие домой.

— Ты не упомянула про взрыв отеля в Найроби, — прервал он меня.

— М-мм? Но, Босс, это же не имело ко мне никакого отношения. Я уже была на полпути в Момбасу.

— Дорогая Пятница, ты все-таки очень наивна. Огромное количество людей и громадные суммы денег были задействованы, чтобы помешать тебе выполнить задание, включая и вооруженное нападение на нашу бывшую ферму. Ты могла хотя бы предположить, что взрыв в «Хилтоне» был произведен с единственной целью — ликвидировать тебя.

— М-мда. Босс, вы ведь наверняка знали, что дело это крутое. Неужели вы не могли меня предупредить?

— Ты думаешь, ты была бы более аккуратна и решительна, если бы я напичкал тебя предупреждениями о непредсказуемых опасностях? Думаешь, справилась бы лучше? Дорогая моя девочка, ты не сделала ни одной ошибки.

— Черта с два! Дядя Джим встретил мой вагон, а он ведь никак не мог знать время моего прибытия — одно это должно было сразу включить сирену в моей башке. В тот самый момент, когда я увидела

его, мне тут же надо было ринуться обратно в тоннель и на первой попавшейся капсуле убраться подальше...

— Что чрезвычайно затруднило бы нам встречу с тобой и свело бы на нет все твое поручение так же неминуемо, как если бы ты просто потеряла свой «багаж». Детка, если бы все шло без сучка и задоринки, Джим обязательно встретил бы тебя по моему приказу — ты недооцениваешь мою сеть разведки, а заодно и ту тщательность, с которой мы прикрывали тебя. Я не посылал Джима встречать тебя, потому что сам в это время уносил ноги — фигурально выражаясь, конечно. Был в бегах и, поверь мне, очень торопился. Полагаю, Джим получил каблогранму от нашего человека или от противника, а скорее всего, от обоих.

— Босс, если бы я это знала, я скормила бы Джима его собственным лошадям. Черт! Он ведь мне очень нравился... Когда придет время, я хочу убрать его сама, слышите! Он мой!

— Пятница, в нашей работе иметь зуб на кого-то — нежелательно. Просто непрофессионально.

— Со мной это почти не бывает, но дядя Джим — особый случай. Есть, правда, еще один, с кем я тоже хочу разобраться сама, но мы поспорим об этом позже... Скажите, а правда, что дядя Джим был священником?

Босс почти удивился.

— Где ты слышала эту чушь?

— Так... Ходили слухи.

— Ничто человеческое... Глупо верить слухам. Я могу уточнить. Пруфит был уголовником. Я повстречался с ним в тюрьме, где он оказал мне одну услугу. Значительную услугу, и поэтому я дал ему место в нашей организации. Это была моя ошибка. Непростительная ошибка, поскольку уголовник всегда останется уголовником — он просто не может иначе. Но я тогда жаждал верить людям, доверял им. Был у меня такой дефект. Я полагал, что давно избавился от этой слабости. Но ошибся. Продолжай.

Я стала рассказывать ему, как меня схватили.

— Их было пятеро, по-моему. А может, всего четверо.

— Полагаю, шестеро. Как они выглядели?

— Не помню, Босс, мне было не до того. Разве что один из них — перед тем как убить, я успела окинуть его взглядом. Рост — около ста семидесяти пяти, весит килограммов семьдесят пять или семьдесят шесть. Лет тридцати пяти, чисто выбрит, славянские черты лица. Кроме него, никого не помню, он просто стоял так неподвижно, почти не шевелился... Даже когда у него треснула шея.

— Второй, которого ты убила, был блондин или брюнет?

— Белсен? Брюнет.

— Нет, тот, что на ферме... Ну, да ладно. Ты убила двоих и искалечила, как минимум, еще троих, пока они не навалились на тебя всем весом и не прижали к земле. Должен заметить, что твой инструктор знает свое дело. Отступали мы в спешке и не сумели

предотвратить этой ловушки для тебя, но... На мой взгляд, ты выиграла сражение. Пусть ты и лежала прикованная к койке, без сознания, но в конечном счете именно ты одержала победу. Продолжай.

— Пожалуй, вот и все, Босс. Дальше — групповое изнасилование, потом допрос. Вернее, целых три — простой, под наркотиком и болевой.

— Я сожалею об изнасиловании, Пятница. Ты получишь надбавку и увидишь, что я намного увеличил ее, потому что, насколько я могу судить, обстоятельства были крайне унижительны.

— Да нет, ничего особенного. Меня трудно назвать девственницей, и я могу припомнить несколько светских раутов «по согласию», которые были почти столь же неприятны. Но это — за исключением одного. Лица я не видела, но я узнаю его. Он мне нужен, Босс! Он нужен мне так же, как дядя Джим, и даже больше, потому что я хочу немножко помучить его, перед тем как он умрет.

— Я могу лишь повторить то, что уже говорил раньше. Личные пристрастия и злоба для нас — это ошибка. Они порой мешают остаться в живых.

— Ради этого парня я готова рискнуть, Босс. Я не собираюсь платить ему той же монетой — им приказали изнасиловать меня, потому что кто-то руководствовался дурацкой теорией, будто это размягчает жертву перед допросом. Но мужик должен принять ванну, сходить к дантисту и почистить зубы, прежде чем... Кроме того, ему следовало объяснить, что невежливо бить женщину, которую ты только что трахнул. Я не знаю его в лицо, но знаю голос, запах телосложение и знаю кличку. Булыжник, или Бульник...

— Джереми Бульфорд.

— Да? Вы его знаете? Где он?

— Когда-то знал, а недавно видел. Мир его праху.

— Правда? А, черт! Я надеюсь, он умер нелегко.

— Он умер нелегко. Пятница, я не рассказал тебе сразу всего, что сам знаю...

— Вы никогда этого не делаете.

— ...Потому что хотел сначала выслушать тебя. Им удалось захватить ферму, потому что Джим Пруфит вырубил всю энергию перед самым нападением. Из-за этого те из нас, кто носят личное оружие, с ним и остались, а остальные — большинство — с голыми руками. Я приказал отступить, и мы ретировались, или, если угодно, сбежали через туннель, оборудованный после переустройства фермы. С горечью и с гордостью могу сказать, что трое из наших лучших людей остались с оружием прикрывать наш отход и с честью погибли. Я знаю, что они погибли, потому что сам не закрывал туннель до тех пор, пока не услышал, что в него ворвались нападавшие. Тогда я взорвал его... Потребовалось несколько часов, чтобы собрать достаточно людей и контратаковать, а главное, нам нужно было достать хотя бы один гравилет, чтобы перевезти тебя.

— Откуда вы знали, что я еще жива?

— Оттуда же, откуда я знал, что в туннель ворвались нападавшие, — следящая и записывающая аппаратура. Пятница, все, что делала ты и что делала с тобой, все, что говорила ты и говорила тебе, просматривалось и записывалось. Я не мог просмотреть все лично — был занят подготовкой к контратаке, — но как только нашлось время, отдельные части были прокручены для меня. Позволь добавить, что я горжусь тобой... Зная, какие камеры фиксировали те или иные помещения, мы точно установили: где тебя держат, в каком ты положении, сколько их всего в доме, в каких они помещениях, и кто из них бодрствует. Когда подоспела команда на гравилете, я полностью контролировал ситуацию в доме. Мы ударили... То есть, я хочу сказать, наши люди ударили — я на этих двух костылях не возглавлял атаку, а нажимал на кнопки и махал дирижерской палочкой. Наши люди проникли в дом, четверо забрали тебя — один из них был вооружен лишь кусачками для металла, — и все покинули помещение. Операция заняла три минуты одиннадцать секунд. После этого дом был взорван.

— Босс, ваш любимый дом!

— Когда тонет корабль, некогда думать о гардинах в кают-компании. Мы все равно не смогли бы использовать дом в дальнейшем. А уничтожив его, мы уничтожили разом все секретные записи и все секретные и лже-секретные ловушки, которыми могли воспользоваться другие. Что еще важнее, мы одним махом избавились от тех, кто выдал кое-какие из этих секретов. Перед тем как воспользоваться зажигательной смесью, наш отряд выстроился целью перед зданием, и каждый, кто пытался выскочить, был застрелен на месте... Кстати, именно тогда я и имел удовольствие взглянуть на твоего приятеля, Джереми Бульфорда. Его ранили в ногу, когда он пытался выскочить из западного крыла. Он дернулся было назад, потом передумал и снова попытался выбежать, но... Было уже поздно, огонь настиг его. Судя по звукам, которые он издавал, могу уверить тебя, что умирал он нелегко.

— Ох, Босс... Когда я говорила, что хочу наказать его перед тем, как убью, я вовсе не имела в виду, что сожгу его заживо.

— Если бы он не вел себя, как кобыла, рвущаяся в горящее стойло, он умер бы, как все остальные, — легко и быстро — от лазерного луча. Умер бы мгновенно, потому что пленных мы не брали.

— Даже для допроса?

— Даже. Это, конечно, неверно, но таково было мое распоряжение. Моя дорогая Пятница, тебя ведь с нами не было, и ты не знаешь, в каком все были настроении. Все слышали пленки, во всяком случае те, где были записи изнасилования и третьего допроса. Наши ребята и девчонки не стали бы брать пленных, прикажи я им хоть двести раз. Так что я даже и не пытался. И хочу, чтобы ты знала, что все твои коллеги о ч е н ь высокого мнения о

тебе, — включая и тех, кто никогда тебя не видел, и тех, кого вряд ли увидишь когда-нибудь ты.

Босс потянулся за костылями и выпрямился.

— Я уже нахожусь здесь на семь минут дольше, чем мне позволил твой врач. Мы поговорим завтра. Сейчас отдыхай. Сестра сделает тебе укол, и ты заснешь. Спи и приходи в себя.

На несколько минут я была предоставлена самой себе. Эти минуты я блаженно наслаждалась ощущением тепла и покоя. «Высокого мнения»... Когда у вас никого нет и по-настоящему быть никого не может, такие слова значат для вас все. Эти слова наполнили меня таким теплом... Мне даже стало совершенно наплевать на то, что я — не человек.

4

Когда-нибудь я все-таки переспорю Босса. Только не надо ахать и охать. Были, бывали деньки, когда мне удавалось устоять перед его аргументами, — в те дни, когда он не навещал меня.

Началось все с различия наших точек зрения на то, сколько я должна еще торчать здесь — на лечении. Я была готова отправиться домой или вернуться к своим обязанностям через четыре дня. Нет, я не собиралась сразу возвращаться на поле боя и принимать участие в крутых операциях, но я могла взяться за какое-нибудь нетрудное задание, или... Отправиться в путешествие в Новую Зеландию, что, конечно, было бы намного приятнее. Все мои раны зажили.

Их было не так уж и много: несколько ожогов, четыре сломанных ребра, простой перелом левой берцовой кости, осколочные переломы костей правой ноги и три сломанных пальца на левой, черепная трещина (без осложнений) и еще (противная травма, но меньше всего отражающаяся на моей трудоспособности) — кто-то ухитрился оторвать мой правый сосок.

Этот последний эпизод — да еще ожоги и сломанные пальцы на ноге — я хорошо помню, а что касается всего остального, то, по-видимому, я уже была в отключке.

— Пятница, ты прекрасно знаешь, что на регенерацию соска уйдет как минимум шесть недель, — сказал Босс.

— Да, но пластикосметическая операция займет всего неделю. Доктор Крэсни сам мне сказал.

— Девушка, если кто-то из нашей организации травмирован во время исполнения служебных обязанностей, ему предоставляются для полного выздоровления все средства, которыми располагает современная медицина. Помимо этого обычного правила, в твоём случае есть еще одна причина — настолько важная, что ее одной было бы достаточно. На всех нас лежит моральное обязательство сохранять и оберегать красоту в этом бренном мире — она не должна

исчезнуть, и каждая утрата здесь может стать невозполнимой. У тебя исключительно красивое тело, и любая порча его вызывает горькое сожаление. Оно должно быть восстановлено.

— А я говорю, что косметико-пластической операции вполне достаточно. И в любом случае я не собираюсь заливать молоко в эти кувшины. А уж тому, кто окажется со мной в постели, можете быть уверены, будет абсолютно все равно.

— Пятница, ты убедила себя в том, что тебе никогда не понадобится никого кормить грудью. Но даже с эстетической точки зрения нормальная грудь очень отличается от пластиковой имитации. Конечно, предполагаемый сексуальный партнер может и не знать, но... Ты знаешь, и я знаю. Нет, моя дорогая. Ты будешь точно такая, как прежде.

— М-мда? А когда, интересно, вы займетесь регенерацией глаза?

— Не груби, детка. В моем случае эстетический фактор не играет никакой роли.

Итак, я обрету свою грудь в прежнем, а может, даже и в лучшем виде. Следующий спор возник по поводу нового курса тренировки, который был нужен мне, чтобы слегка понизить мой рефлекс убийства. Когда я вновь заговорила об этом, Босс взглянул на меня с таким выражением лица, будто откусил большой кусок от лимона.

— Пятница, я не помню, чтобы ты когда-либо совершала убийство, которое обернулось бы ошибкой. Были случаи, о которых я не знаю?

— Нет-нет, — торопливо сказала я, — до того, как я стала работать на вас, мне никого не приходилось убивать, и нет ничего такого, о чем бы я вам не докладывала.

— В таком случае все твои убийства были совершены как обычные акты самообороны.

— Все, кроме эпизода с этим Белсеном. Это не было самообороной, он ведь и пальцем до меня не дотронулся. Белсен, или как там его...

— Бюмон. Во всяком случае, именно это имя он использовал чаще всего. Самооборона подчас означает: «Делай с другими то, что они сделают с тобой, но бей первым». Де Камп, по-моему. Или какой-то другой философ-пессимист двадцатого столетия. Я познакомлю тебя с досье Бюмона, чтобы ты сама могла убедиться в том, что ему лучше быть мертвым.

— Не стоит утруждать себя, как только я заглянула в его бумажник, я поняла, что он преследует меня вовсе не для того, чтобы закадрить. Но я поняла это уже п о с л е.

Прежде чем ответить, Босс на несколько секунд задумался, что случилось крайне редко. Потом сказал:

— Пятница, ты хотела бы сменить жанр и стать исполнителем?

У меня отвисла челюсть, и я широко раскрыла глаза — другого ответа у меня не нашлось.

— Я вовсе не собирался пугать тебя увольнением с должно-

сти, — продолжал он. — Ты поймешь, что наша организация включает в себя и исполнителей убийств. Я бы не хотел терять тебя в качестве курьера — ты лучшая из лучших. Но мы всегда нуждаемся в профессиональных убийцах, поскольку продолжительность их службы невелика. Однако между курьером и профессиональным исполнителем есть очень существенная разница: курьер убивает только в случае самообороны, чаще всего рефлекторно и... Я полагаю, всегда с некоторой вероятностью ошибки — ведь не все курьеры обладают твоей блестящей способностью мгновенного сопоставления всех факторов и принятия единственно верного решения.

— Вот как?!

— Ты не ослышалась. Пятница, ты недооцениваешь себя, и это — одна из твоих слабостей. Профессиональный исполнитель убивает не рефлекторно, а по тщательно спланированному расчету. Если расчет оказывается настолько неверен, что ему приходится убивать рефлекторно, он почти наверняка беспомощен. Убивая, он всегда знает, з а ч е м, и соглашается с необходимостью, в противном случае... Я никогда не пошлю его на задание.

— ...Спланированное убийство? Убийство по выбору? Утром встать, позавтракать, встретиться с жертвой и холодно и спокойно ликвидировать ее? А потом с удовольствием пообедать, поужинать, развлечься и лечь спать? Босс, я... По-моему, это не моя стихия.

— Я тоже не уверен, что у тебя подходящий темперамент для этого. Но на всякий случай не отвергай это сразу. Я не в восторге от твоей идеи понизить у тебя защитную реакцию. Более того, можешь быть совершенно уверена, что, если мы попытаемся сделать то, о чем ты просишь, я больше никогда не буду использовать тебя в качестве курьера. Никогда. Хочешь рисковать жизнью — твое дело, но... В свободное от работы время. Твои задания всегда сопряжены с огромным риском, и я не стану использовать в них курьера, чей профессиональный уровень намеренно занижен.

Босс не убедил меня, но заставил засомневаться в себе. Когда я еще раз сказала ему, что мне вовсе не улыбается стать исполнителем, он, кажется, даже не слышал... Буркнул лишь, что даст мне кое-что почитать.

Я ожидала, что это — что бы там он ни решил мне дать — появится на экране компьютера в моей комнате. Однако вместо этого минут через двадцать после его ухода в комнате появился юнец, моложе меня, с книгой в руках (настоящей книгой, в переплете и с бумажными страницами). На обложке стоял серийный номер и штампы: «Не конспектировать», «Для тех-кто-допущен», «Совершенно секретно. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОЛУБОЙ ДОПУСК».

Я взглянула на книгу и побоялась даже дотронуться до нее, словно там была спрятана змея.

— Это мне? По-моему, тут какая-то ошибка.

— Старик никогда не ошибается. Распишитесь на этой бумаге.

Ему пришлось подождать, пока я прочла все, что было написано на «этой бумаге», а потом сказала:

— Здесь написано: «Не выпускать из поля зрения». Но я ведь иногда сплю.

— Позвоните перед тем, как заснете, в архив, спросите служащего по секретной документации — это я, и я тут же приду. Но пока я не приду, постарайтесь не засыпать. Очень постарайтесь.

— О'кей. — Я расписалась, подняла на него глаза и увидела, что он с интересом рассматривает меня.

— На что, интересно, ты уставился?

— М-мм... Мисс Пятница, вы очень красивая.

Никогда не знала, что на это надо отвечать, потому что это неправда. Фигура у меня действительно классная, но... Я ведь была одета.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Так ведь... Все знают, кто вы! Тогда, две недели назад... На ферме. Ведь это были ВЫ!

— Ах, да. Я была там. Но, честно говоря, плохо помню.

— Зато я п о м н ю! — глаза у него сияли. — Единственный раз я участвовал в военной операции! И я так рад, что и на мою долю досталось!

(Что же тебе досталось?) Я взяла его за руку, притянула к себе поближе, обеими руками взяла его за щеки и осторожно поцеловала — что-то среднее между поцелуем сестры и «давай-приступим!». Может быть, мне следовало вложить в поцелуй побольше страсти, но он был на дежурстве, а я все еще на больничном режиме, так что... Давать обещания, которые не можешь выполнить, — нечестно, особенно юнцам с такими сияющими глазами.

— Спасибо, что вытащил меня оттуда, — пробормотала я, подпустив слезу в голос, и отняла руки от его щек.

Парнишка зарделся и потупился, но все равно выглядел очень довольным.

Я так зачиталась этой книгой, что ночная сестра принялась ворчать. Впрочем, ночным сестрам иногда просто необходимо на что-нибудь поворчать — это часть их работы. Не стану приводить здесь отрывки из секретного документа, но... Вы только послушайте заголовки:

Номер 1. Единственное эффективное средство.

И дальше:

Ликвидация как высочайшее искусство.

Ликвидация как политический инструмент.

Ликвидация ради прибыли.

Убийцы, изменившие ход истории.

Общество осуществления быстрой смерти.

Основные положения Гильдии профессиональных убийц.

Убийцы-любители: Должны ли они быть уничтожены?

Почетные исполнители — несколько исторических примеров.
«Крайние меры» — «Мокрые дела» — Необходимы ли эвфемизмы?

Рабочие стенограммы семинаров: Техника и атрибутика.

Вот это да! Не было смысла читать все подряд. Но я прочла все. И была как в дурмане. Жуть!

Я решила для себя, что никогда в жизни я не сменю профессию и не стану больше поднимать вопрос о новом курсе тренировок. Если Босс захочет вернуться к этой теме, это его дело. Я включила компьютер, связалась с архивом и сообщила, что мне нужен служащий по секретной документации, чтобы забрать у меня документ под номером таким-то, а заодно попросила, чтобы он не забыл захватить листок с моей росписью. «Будет сделано, мисс Пятница», — ответил мне женский голос.

Кажется, я и в самом деле обрела известность...

Испытывая некоторую неловкость, я принялась ждать появления юнца. К стыду своему, должна признаться, что эта книга буквально отравила меня. Была ночь, даже почти утро, вокруг стояла мертвая тишина и... Если бы парнишка с сияющими глазами погладил меня, я скорее всего тут же забыла бы, что пока еще я все-таки инвалид. Мне сейчас не помешал бы пояс верности со здоровенным замком.

Но у юнца, видимо, закончилось дежурство — с листком, на котором я ставила свою подпись, вошла женщина, отвечавшая на мой запрос. Я ощутила некоторое облегчение и разочарование одновременно, а заодно и устыдилась разочарования. Неужели выздоровлению всегда сопутствует такая неразумная похотливость? Интересно, часто в госпиталях сталкиваются с проблемой половой дисциплины? Честно говоря, мне редко приходилось болеть, и тут я была не в курсе.

Служащая взяла у меня книгу, вернула мне мою расписку, а потом, к моему крайнему удивлению, спросила:

— А мне поцелуй не положен?

— О-о... Вы тоже там были?

— Там были все, дорогая, кто мог двигаться. Той ночью все были наперечет. Я, конечно, не лучший боец на свете, но как и все остальные, проходила общий курс боевой подготовки. И... Да, я была там. И не жалею об этом.

— Спасибо, что вытащили меня, — сказала я и поцеловала ее. — Постаралась я сделать это чисто символически, но она перехватила инициативу. Поцелуй вышел влажным и горячим, и... Ясное, чем любимыми словами, она дала мне понять, что стоит мне когда-нибудь пожелать сменить жанр, она встретит меня с распростертыми объятиями.

Ну, что бы вы сделали на моем месте? Кажется, у людей бывают такие ситуации, для которых не существует строго утвержденного регламента. Только что я узнала, что она рисковала своей жизнью ради спасения моей... В этом нет сомнений, поскольку рейд был

наверняка не так прост, как он выглядел в изложении Босса. Его обычная манера выражаться такова, что полное уничтожение, скажем, Сиэтла он охарактеризовал бы как «сейсмический толчок». Поблагодарив ее за спасение своей жизни, могла ли я сейчас оттолкнуть ее? Могла?..

Нет. И, целуя ее в ответ, я полуутвердительноотреагировала на ее немое послание... Правда, тайком скрестив пальцы за спиной, чтобы никогда не чувствовать себя обязанной выполнить обещание, на которое вынуждена была намекнуть своими губами.

Наконец, она прервала поцелуй, но не отодвинулась от меня.

— Слушай, родная, — сказала она, — хочешь я тебе скажу кое-что? Помнишь, как ты отбрила этого подонка, которого они называли Майором?

— Помню.

— Этот кусочек пленки переписан и ходит сейчас у нас по рукам. От того, что ты ему ответила и к а к ответила, все в восторге. И больше всех — я.

— Это интересно. Скажи, а не ты ли сама ухитрилась переписать этот кусочек?

— Ну что ты! Как ты могла подумать? — Она усмехнулась. — А ты против?

Я раздумывала не больше четверти секунды.

— Нет. Если тем, кто меня спас, нравится слушать, как я разговаривала с этим ублюдком, пускай наслаждаются. Только... Вообще-то я обычно так с людьми не разговариваю.

— Все это прекрасно знают. — Она погладила меня по щеке. — Но когда потребовалось, у тебя это здорово получилось, и каждая женщина здесь гордится тобой. Мужики тоже.

Она не торопилась уходить от меня, но вошла ночная сестра и велела мне лечь, сказав, что сейчас сделает мне укол снотворного. Я запротестовала, но так — приличия ради. Служащая из архива кивнула ей:

— Привет, Рыжик, — и, повернувшись вновь ко мне, тихо сказала: — Спи. Спокойной ночи, родная.

После этого она встала и вышла из комнаты, а Рыжик (это не имя — волосы у нее отливали золотом) спросила меня:

— Предпочитаете в руку? Или в ногу? Не обращайтесь внимания на Анну, она вполне безвредна.

— Она вполне нормальна. — Мне пришло в голову, что Рыжик могла не только прослушивать все, что делалось в палате, но и просматривать на мониторе. Могла?.. Нет никаких сомнений. — А ты была там? На ферме? Когда горел дом?

— Когда горел, нет. Я была в гравилете с командой, которая вытащила вас и доставила сюда. На вас... больно было смотреть, мисс Пятница.

— Не сомневаюсь. Спасибо тебе. Рыжик, а ты поцелуешь меня на ночь?

Ее поцелуй был теплым и совершенно нетребовательным. Позже мне стало известно, что она была в той четверке, которая ворвалась в дом, чтобы вызволить меня: один мужчина с кусачками, двое других — стрелки с оружием, а Рыжик... Она одна меня тащила. Но сама она так об этом и не упомянула ни разу — ни сейчас, ни позже.

О времени, проведенном в больничной палате, я всегда вспоминаю как о первом случае в своей жизни, не считая отпусков в Крайстчерче, когда я ощущала простую, тихую радость. Каждый день. Каждую ночь. Почему? Да просто потому, что я была н е о д н а.

Конечно, из того, что я уже рассказала, каждому ясно, что я живу как человек уже много лет. У меня давно уже нет удостоверения с большой пометкой «ИС» (равно как и с пометкой «ИЧ»). Когда я захожу в туалет, мне никто не может сказать, чтобы я воспользовалась самой крайней кабинкой. Но фальшивое удостоверение и выдуманное происхождение не дают вам ощущения тепла, они дают лишь избавление от унижений и преследований. И вы все равно прекрасно понимаете, что нет на свете такой нации и такого государства, которые бы сочли вас и весь ваш вид приемлемыми для равноправной причастности к ним. И вы прекрасно знаете, что на свете полно мест, где, стоит вам себя выдать, вы будете немедленно высланы, а то и уничтожены или проданы.

Искусственный человек страдает от того, что у него нет родословной, гораздо сильнее, чем вам может показаться. «Где вы родились?» — Что ж, строго говоря, я вообще не рождалась: я была создана в генно-инженерной лаборатории при Трех Университетах в Дейтройте. «Ах, вот как?» — Мое н а ч а л о было сформулировано в Мендельской ассоциации, в Цюрихе. Такой вот чудесный диалог!.. Только вы никогда и нигде его не услышите — ведь эти ответы никак не могут сравниться с ответами тех, чьи предки нашли себе место на «Мейфлаузере»*. В моей метрике сказано, что я «родилась» в Сиэтле — полностью разрушенном городе, из которого вышло чудное местечко для пропавших метрик. А также для утеранных родственников.

Поскольку я никогда не была в Сиэтле, я очень тщательно изучила все записи и картинки, которые только могла достать. Я думаю, истинный уроженец Сиэтла не смог бы подловить меня на какой-нибудь неточности. Во всяком случае, я надеюсь на это.

Но то, что я получила от всех, пока отходила от этого дурацкого изнасилования и отнюдь не забавного допроса, было настоящим, не фальшивым, и мне не нужно было даже думать о необходимости соблюдать осторожность. Это касалось не только Рыжика, Анны и того юнца (его звали Терренс), но еще по крайней мере двух дюжин человек, а то и больше. Просто с этими тремя я виделась, но точно

* Название судна, на борту которого в 1620 году прибыла в Северную Америку одна из первых групп английских колонистов.

знала, что в рейде участвовало гораздо больше. Сколько? Не знаю. Одно из основных правил Босса — не допускать лишних контактов членов организации, кроме тех случаев, когда этого требует деловая необходимость. Точно так же он относится к лишним вопросам — вы ведь не можете выдать секреты, которых просто не знаете, как не можете и выдать человека, о существовании которого не имеете представления.

Но Босс не придумывает инструкций ради инструкций. Встретившись однажды с коллегой по делам службы, вы можете продолжать встречаться с ним и просто так. Босс не поощряет таких взаимоотношений, но он и не такой дурак, чтобы запрещать их. Поэтому Анна частенько навещала меня поздними вечерами, перед тем как заступить на свое дежурство.

Она ни разу не пыталась получить награду, на которую намекнула первым поцелуем. Правда, и возможностей для этого было немного, но если бы мы очень захотели, то как-нибудь ухитрились бы. Причем, я вовсе не пыталась отшить ее — ни в коем случае: если бы она хоть раз еще намекнула, что не прочь получить по счету, я не только расплатилась бы с удовольствием, но и постаралась бы изо всех сил убедить ее, что это — моя инициатива. Но она ни разу больше не выказала таких намерений.

Я думаю, она была сродни тем чутким и очень редко встречающимся мужчинам, которые никогда не станут лапать женщину, если она того не хочет, — они хорошо чувствуют это.

В один чудный вечер, незадолго до выписки, у меня было особенно хорошее настроение — этим днем я завела себе еще двух друзей, тоже принимавших участие в рейде и моем спасении. Мне захотелось объяснить Анне, почему это так много для меня значит. Неожиданно я поймала себя на том, что начинаю рассказывать ей про... Ну, словом, что я — не совсем та, какой кажусь, и... Она прервала меня:

— Пятница, родная, послушай-ка секунду свою старшую сестричку.

— А что? По-твоему, я распускаю сопли?

— Может быть... Помнишь, той ночью, когда мы впервые с тобой встретились, ты возвращала мне секретный документ? Так вот, я получила свой допуск к «Сов. секретно» лично от мистера Два Костыля много лет назад. Книгу, которую ты вернула, я могу взять в любой момент. Но никогда не раскрывала и не раскрою. На ее титульном листе написано: «Для тех, кому необходимо ознакомиться», — а никто никогда не говорил, что мне н е о б о д и м о. Ты прочла ее, а я даже не знаю названия, не говоря уже о содержании — мне известен лишь ее кодовый номер... Точно так же дело обстоит и с личными вопросами. Когда-то существовал иностранный легион, славившийся тем, что у каждого его воина не было прошлого — до того дня, когда он записался в этот легион. Мистер Два Костыля хочет, чтобы мы были именно такими. К примеру, если бы нам

потребовалось искусственное существо, или, скажем, ИЧ — искусственный человек, — служащий, ведающий набором, был бы в курсе этого. Я — была бы в курсе, поскольку я обычно выполняю эту обязанность. Надо было бы обзавестись поддельным личным делом, возможно, потребовалась бы пластическая операция, в некоторых случаях — ликвидация лабораторных маркировок, а затем регенерация тех мест, где они ставились... Словом, когда все это было бы сделано, ему уже никогда не надо было бы волноваться и переживать, что его могут похлопать где-нибудь по плечу и вытолкать взащей. Он может жениться, у него даже могут быть дети и ему не стоит волноваться, что у них когда-нибудь возникнут проблемы, связанные с происхождением. Не стоит ему беспокоиться и относительно меня, поскольку я обучена з а б ы в а т ь. И потому... Родная, я не знаю, что у тебя сейчас на уме. Но если это — то, что ты обычно никому не рассказываешь, не рассказывай и м н е, а то на следующее утро ты можешь возненавидеть себя.

— Нет! Так не случится. Я...

— Ну, хорошо. Если через неделю ты захочешь выложить мне это, я тебя слушаю. Идет?

Анна была права: через неделю у меня уже не было потребности исповедоваться. На девяносто девять процентов я уверена, что она в курсе и... В любом случае это здорово, когда кто-то любит тебя за то, что ты такая, как ты есть. Когда кто-то не считает ИЧ нелюдями и монстрами.

Понятия не имею, знали ли об этом или хотя бы догадывались другие мои новые друзья. Босс, конечно, не в счет, он-то знает, но он — не друг. Он — Босс. Но это не имело никакого значения, потому что я поняла: если знали, им это безразлично, и если узнают, им будет наплевать. Единственное, на что им н е наплевать, это — член ли ты команды Босса. И все.

Как-то вечером ко мне зашел Босс, волоча за собой костыли и недовольно фыркая себе под нос. За его спиной маячила Рыжик. Он грузно уселся в кресло для посетителей и небрежно бросил Рыжику:

— Спасибо, сестра, вы мне не нужны, — потом повернулся ко мне и сказал: — Разденься.

В устах любого другого мужчины это имело бы или оскорбительный, или очень заманчивый смысл — смотря по обстоятельствам. Исходя же от Босса, это означало лишь, что он просто хочет, чтобы я сняла с себя одежду. Рыжик, по-видимому, поняла это, поскольку, услышав приказание Босса, кивнула и вышла, а Рыжик принадлежала к такому сорту медсестер, что дала бы прикурить самому Джеку Потрошителю, вздумай он покуситься на кого-то из ее пациентов.

Я быстро стащила с себя одежду и молча застыла в ожидании. Он оглядел меня сверху донизу и буркнул:

— Они стали совершенно одинаковыми.

— Мне тоже так кажется.

— Доктор Крэсни сказал, что провел тест на функциональность. Результат положительный.

— Да, он сделал какой-то трюк с моим гормональным балансом, и из них чуть-чуть закапало. Забавное ощущение... Потом он восстановил баланс, и они тут же высохли.

Босс хмыкнул.

— Повернись. Так... Покажи правую ступню. Теперь левую. Достаточно. Следы от ожогов исчезли.

— Те, что видны мне, да. Доктор сказал, что и остальные тоже. Саднить они перестали, так что, наверное, он не соврал.

— Одевайся. Доктор Крэсни говорит, что с тобой все нормально.

— Если бы я была нормальнее, чем сейчас, вам пришлось бы выпустить мне немного крови.

— Нормально — это предел. Нельзя быть более нормальным или менее. Да — да, нет — нет.

— Ладно. Я нормальной.

— Пустая болтовня. Завтра с утра ты отправляешься на реабилитационный тренировочный курс. Собери вещи и будь готова в 9.00.

— Я прибыла сюда не по своей охоте, и на сборы у меня уйдет секунд десять. Но мне нужно новое удостоверение личности, новый паспорт, новая кредитная карточка и немало наличных, потому что...

— Все это ты получишь до 9.00.

— Потому что я не собираюсь отправляться на курс тренировок, а еду в Новую Зеландию. Босс, сколько раз мне надо вам повторять: мне уже поздно переучиваться, менять профессию, а кроме того, мне кажется, я заслужила отдых в качестве компенсации за время, проведенное на больничной койке. А вы... Вы же не рабовладелец, в конце концов.

— Пятница, сколько лет тебе понадобится, чтобы усвоить: когда я не потакаю какому-нибудь твоему капризу, я делаю это прежде всего для твоего блага и для пользы нашей организации?

— Хорошо, Большой Белый Вождь, я смиряюсь, готова к разжалованию и пошлю вам цветную открытку из Веллингтона.

— Дай, пожалуйста. И чтобы на ней была какая-нибудь красotka племени маори. И гейзер. Реабилитационный курс будет проведен согласно твоим собственным потребностям, и ты сама решишь, когда закончить его. Хотя ты у нас теперь и «нормальной», курс необходим, чтобы вернуть тебе все мышечные рефлексы, которыми ты обладала с самого рождения.

— Рождения? Хватит шуток, Босс, у вас это плохо получается. «Мать моя — пробирка, а скальпель — мой отец».

— С твоей стороны это глупость и ребячество — придавать значение этой дурацкой помехе, с которой было покончено много лет назад.

— Вот как? Закон гласит, что я никогда не смогу быть гражданкой. Церковь утверждает, что у меня нет души. Я... Я — не «человек, рожденный женщиной», по крайней мере, перед лицом закона.

— Закон — дерьмо. Все записи относительно твоего происхождения давно изъяты из лабораторной картотеки, а вместо них подложены фальшивые, содержащие сведения об ИЧ м у ж с к о г о рода.

— Вы... Вы никогда мне об этом не говорили!

— До тех пор, пока ты не обнаружила в себе этот невротический комплекс, я не считал это необходимым. Подмена такого рода должна быть безупречна, и она была безупречна. Если завтра ты попытаешься объявить о своем истинном происхождении, ты нигде не сумеешь найти тому доказательств. Говорить, конечно, ты можешь, что хочешь и кому хочешь, но это не имеет никакого значения. И... Дорогая моя, откуда вдруг такие комплексы? Ты не только такая же женщина, как сама проматерь Ева, не только настоящий человек, но и с у п е р ч е л о в е к, почти что само совершенство. Во всяком случае, настолько, насколько это удалось твоим создателям. Как ты думаешь, почему я бросил все свои дела, чтобы заполучить тебя, когда у тебя не было ни опыта, ни умения, ни даже проблеска интереса к твоей нынешней профессии? И зачем я потратил почти целое состояние на твое образование и подготовку? А затем, что я з н а л. Несколько лет я ждал — хотел быть уверен, что ты развиваешься по тому пути, который предначертали тебе твои создатели, а потом я... Чуть было не потерял тебя, когда ты неожиданно вильнула хвостом и исчезла... — Он изобразил на своем лице гримасу, которая, по-видимому, должна была означать улыбку. — Ты доставила мне немало хлопот, девочка. Теперь о твоей тренировке. Реабилитационном курсе. Желает послушать?

— Да, сэр. (Я не стала пытаться рассказать ему о яслях при лаборатории. Люди... Они думают, что все ясли похожи на обычные. И я не сказала ему о пластиковой ложке, которой я была вынуждена есть до тех пор, пока мне не исполнилось десять. Не сказала, потому что не хотела рассказывать о том, как продырявила себе губу вилкой, когда впервые мне разрешили пользоваться ею. И как все смеялись надо мной... И дело даже не в этом, вернее не только в этом. Из сотен, из тысяч подобных мелочей складывается разница между тем, как вас воспитывают, если вы человеческий детеныш, и как, если вы... Если вас растят, как животное.)

— Ты пройдешь повторный курс для схваток без применения оружия, но заниматься будешь только со своим инструктором, так что никаких следов на тебе, когда ты отправишься навещать свою семью в Крайстчерче, не будет. Кроме того, ты пройдешь предварительную тренировку в обращении с личным оружием, включая некоторые его виды, о которых ты, возможно, никогда не слыхала. Если ты поменяешь жанр, это тебе понадобится.

— Босс, я не собираюсь становиться убийцей.

— В любом случае тебе это понадобится. Бывают случаи, когда курьер может везти оружие, и тогда он должен быть готов на все. Пятница, не стоит презирать убийц лишь за то, что они убийцы. Как и в любой другой работе, здесь важно, для чего и как их используют. Образование и падение бывших Соединенных Штатов Северной Америки произошло отчасти благодаря серии убийств. Но только отчасти, потому что убийства не были произведены по единому плану и оказались, в основном, нецеленаправленными. Что ты можешь сказать мне о прусско-русской войне?

— Немного... Почти ничего.

— А что если я скажу тебе, что эту войну выиграли двенадцать человек — семеро мужчин и пять женщин — и что самым тяжелым оружием, которым при этом пользовались, был пистолет шестимиллиметрового калибра?

— Что ж, вы никогда не лгали мне. Каким же образом?

— Пятница, самый дорогой товар — сила разума. Лишь она представляет собой истинную ценность. Любая организация, любая структура может оказаться бесполезной, беспомощной и представлять опасность для себя самой, если аккуратно и последовательно заменить лучшие ее мозги на тупые и неповоротливые. Потребовалось лишь несколько тщательно спланированных «несчастных случаев», чтобы превратить огромную прусскую военную машину в слепое и беспомощное чудовище. Но это выяснилось, лишь когда война была в разгаре, потому что до разгара схватки тупицы выглядят точно так же, как и гении.

— Дюжина людей... Босс! Это мы сделали?

— Ты же знаешь, что я не люблю отвечать на подобные вопросы. Нет, не мы. Операция была осуществлена небольшой организацией — столь же малочисленной и специализированной, как наша. Но я не люблю втягивать своих людей в войны между нациями — там всегда трудно понять, на чьей стороне ангелы, а на чьей — черти.

— Все равно, я не хочу быть убийцей.

— А я и не собираюсь позволять тебе становиться убийцей, так что давай на этом закроем тему. Завтра к девяти будь готова к отъезду.

5

Через девять недель я летела в Новую Зеландию.

Что касается Босса, то должна признать: этот надменный хвостун всегда знает, что говорит. Когда доктор Крэсни отпустил меня, я, конечно же, не была «нормальнейшей». Я была обыкновенным выздоровевшим пациентом, не нуждающимся более в больничном уходе, — и только.

Через девять недель я могла бы заполучить все призы на старинных олимпийских играх, ничуть при этом не вспотев. Когда

я взошла на борт ПБ-лайнера «Авель Тэсмэн» в виннипегском аэропорту, пилот сразу положил на меня глаз. Я знала, что неплохо выгляжу, и, идя к своему месту, слегка покачала бедрами, чего никогда обычно не позволяла себе в деловых путешествиях, — работая курьером, я всегда стараюсь держаться в тени. Однако сейчас я была в отпуске и могла слегка покрасоваться. Забавное ощущение. Кажется, я еще не забыла, как это делается, ибо пилот, не успевая я пристегнуть ремень, оказалась за моей спиной. А может, все дело было в новеньком комбинезоне из суперкожи — я надела его впервые в этом сезоне и впервые в жизни (купила прямо в магазине аэропорта и тут же влезла в него). Я не сомневаюсь, что пройдет совсем немного времени и все секты, считающие секс хоть капельку порочным, объявят ношение костюмов из суперкожи смертным грехом.

— Мисс Болдуин, не так ли? — спросил он. — Вас кто-нибудь встречает в Окленде? Военное положение и вся эта чушь, знаете... Словом, одинокой женщине не стоило бы появляться сейчас в международном аэропорту.

Я не стала говорить ему: «Слушай, детка, последний раз, когда я была в этом аэропорту, я пришла одного агента». Ростом капитан был примерно метр девяносто пять, весил килограммов сто или чуть больше, и при этом ни капли жира. На вид лет тридцати — из тех блондинов, которых чаще можно увидеть на экране, чем в авиации. Что ж, если он желает сыграть роль ангела-хранителя, я не возражаю.

— Меня никто не встречает, — ответила я, — я просто должна пересечь на «Шаттл», летящий на Южный Остров... Никак не могу справиться с этой застешкой. Кстати, эти полоски означают, что вы капитан?

— Давайте, я помогу вам. Капитан?.. А-а, да, капитан Жан Тормей. — И он наклонился, чтобы застегнуть мой ремень. Я не без удовольствия позволила ему помочь мне.

— Капитан! Это здорово. Никогда не встречала капитана.

Эта ремарка с моей стороны не означала никакого призыва, поскольку все разыгрывалось по древнейшему ритуалу времен деревенских танцулек. Он сказал: «Я на охоте, и вы мне нравитесь. Интересуетесь?» А я ответила: «Вы тоже ничего, но, к сожалению, я сегодня занята». На этом этапе он мог или ретироваться без всяких обид, или поинтересоваться насчет другого раза в недалеком будущем. Он выбрал второй вариант.

Застегнув на мне ремень, достаточно туго, но не слишком, и не делая при этом попыток как бы случайно потискать меня, он сказал:

— Времени на пересадку сегодня у вас будет немного. Если вы немного задержитесь, когда мы прибудем на место, и выйдете последней, я буду рад лично проводить вас к вашему «Шаттлу». Это будет быстрее, чем самой продираться сквозь толпу.

— (Капитан, времени на пересадку по сегодняшнему расписанию у меня двадцать семь минут, значит... У вас есть двадцать

минут, на процедуру соблазнения. Что ж, если вы и впредь будете так очаровательно любезны, я дам вам шанс.) О, благодарю вас, капитан! Если это, конечно, вас не затруднит...

— О чем речь, мисс Болдуин! Это доставит мне лишь удовольствие.

Люблю летать на полубаллистических лайнерах — резкий взлет, создающий ощущение, будто еще секунда и обшивка лопнет, перехватывающее дыхание свободное падение — кажется, вот-вот у вас кишки полезут наружу, а потом плавный полет, с которым не сравнится ни одно путешествие по воздуху ни на одном когда-либо придуманном аппарате. Ну где еще получишь столько веселья, при этом не раздеваясь? Но...

Есть один очень пикантный вопрос: свободна ли посадочная площадка? Полубаллистик не делает два захода на посадку — просто не может. Ну да, да, здесь, в этой самой брошюре черным по белому написано, что ПБ никогда не взлетает, не получив предварительно из порта приземления сообщения о том, что посадочная площадка для него свободна. Конечно, конечно, я верю в это, как... Как родители Босса верили в оборотней. Ну, а как насчет какого-нибудь разъяры на частном гравилете, который возьмет да и сядет на чужую площадку? Как насчет того вечера в Сингапуре, когда я сидела в баре на Верхней Башне и своими глазами видела, как за девять минут приземлились три ПБ, а? Ну, я надеюсь, не на одну и ту же площадку, но на пересекающуюся! Словом, это вариант русской рулетки.

Я буду летать на них и впредь: во-первых, мне это нравится, а, во-вторых, этого порой требует моя профессия. Но... От взлета до посадки я держу зубы стиснутыми.

Нынешний полет доставил мне обычную дозу острых ощущений. Я задержалась при выходе ровно настолько, чтобы, подойдя к дверцам, увидеть моего вежливого Волка, застывшего в ожидании возле двери в рубку. Стюард подал мне мою сумку, и капитан Тормей тут же перехватил ее, несмотря на мои неискренние протесты.

Он повел меня по проходу к «Шаттлу», проверил мои билеты, отыскал мое место, прошел вместе со мной за табло, на котором было написано: «Только для пассажиров», и, усевшись подле меня, сказал:

— Плохо, что вы так быстро улетаете... Я хочу сказать, для меня плохо. По правилам я должен болтаться тут три дня и... Так получилось, что в этот раз некому составить мне компанию. Раньше здесь жила моя сестра со своим мужем, но теперь они перебрались в Сидней, и мне просто не с кем общаться.

— (Так я и поверила! Прямо представила себе картинку — как вы, капитан, проводите все свое свободное время с сестрой и с зятем.) О, это ужасно! Я представляю, каково вам сейчас. Моя семья живет в Крайстчерче, и я всегда чувствую себя ужасно одиноко, когда мне приходится быть вдали от них. От моей большой, шумной и веселой семьи — я ведь замужем, в С-браке (всегда говорю это им сразу).

— Вот как? Чудесно! И сколько же у вас мужей?

— Капитан, это первый вопрос, который задают все мужчины. И происходит это из-за непонимания самой природы С-брака. От того, что «С» принимают за секс.

— А разве это не так?

— Господи, да конечно же нет! «С» означает «спокойствие», «социабельность», разумеется, «союз», в каком-то смысле «святую» и многое-многое другое: тепло, уют, радость... Ну, разумеется, «С» может означать и «секс» тоже, но ведь секс доступен кому угодно и где угодно. И совершенно не нужно создавать нечто столь сложное, как С-брак, только лишь ради секса. («С» означает «Синтетическая семья» — именно под такой формулировкой был впервые легализован С-брак в Калифорнийской Конфедерации — первой стране, признавшей его. Впрочем, голову даю на отсечение, капитан Тормей это прекрасно знает — просто мы продолжали разыгрывать с ним различные вариации Большого флирта.)

— Ну, я бы не сказал, что секс доступен где угодно... (На этот ход я даже отвечать не стала. Это с вашим-то ростом, капитан, с вашими плечами и розовыми щечками, да еще когда у вас полно свободного времени для «охоты», и не где-нибудь, а в Виннипеге и Окленде — там, где ни один «выстрел» не пропадает даром... Ну, нет, сэр! Попробуйте иначе.) Но я согласен с вами, что это недостаточная причина для брака. Вряд ли я когда-нибудь женюсь, потому что... Знаете, я как дикий гусь — люблю летать, куда мне хочется. Но С-брак кажется отличной штукой, к которой всегда приятно возвращаться.

— Так оно и есть.

— У вас большая семья?

— Вас по-прежнему интересует, сколько у меня мужей? Трое, сэр, и три «сестры» по браку... Думаю, вам понравились бы все три, особенно Лиз — самая молоденькая и симпатичная. Она такая рыженькая шотландка, просто прелесть, и очень кокетливая. Дети? Ну конечно. Каждый вечер мы пытаемся сосчитать их, но они плодятся слишком быстро. А еще есть котята и утки, щенки и огромный запущенный сад с розами, цветущими почти круглый год. Словом, это большое шумное гнездышко, где всегда нужно осторожно смотреть под ноги, чтобы не наступить на кого-нибудь.

— Звучит здорово. А не нужен ли вашей группе еще один муж, который нечасто может бывать дома, но согласен нести все необходимые расходы в семье? Сколько стоит войти в долю?

— Я поговорю об этом с Анитой, но... Не думаю, чтобы вы говорили всерьез.

Мы продолжали болтать, не придавая никакого значения словам, а просто играя в обычную игру. Оба знали, что продолжения сейчас не будет, но не отвергали возможной встречи в будущем и потому обменялись сигнальными кодами — в ответ на его предложение

пользоваться его квартирой в Окленде, когда мне вздумается, я дала ему код своей семьи в Крайстчерче. Он сказал, что оставил за собой квартиру сестры, после ее переезда, но пользуется ею в месяц дней шесть, не больше. «Так что, если окажетесь в городе и вам негде будет принять ванну или переночевать, — только позвоните».

— Но что если в это время место будет занято кем-нибудь из ваших друзей, или вы сами будете здесь, Жан? (Он попросил меня перестать называть его капитаном.)

— Вряд ли. Но если так случится, компьютер даст вам знать. Если же я буду в это время в городе или вскоре должен буду оказаться здесь, он также сообщит вам об этом, и... Мне бы очень не хотелось разминуться с вами.

Прямое предложение, но сделано самым вежливым образом, так что... Я дала ему код Крайстчерча, чем намекнула, что он может всегда сделать попытку стянуть с меня трусики, е с л и у него хватит духа познакомиться с моими мужьями, с моими сестрами по браку и шумной гурьбой детишек. Вряд ли, конечно, он позвонит. Рослым красивым холостякам с хорошо оплачиваемой и престижной работой нет нужды участвовать в скачках с таким множеством препятствий.

В это время громкоговоритель, бормотавший о прибытиях и отлетах, неожиданно смолк, а потом оттуда раздалось: «Пауза отмечает нашу глубокую скорбь по поводу следующего объявления — полностью уничтожен Акапулько. Вы получили это сообщение благодаря любезности „Межпланетного Транспорта“ линии Три-С: Служба Скорости и Спокойствия».

У меня перехватило дыхание. Капитан Жан сказал:

— Чертовы кретины!

— Какие кретины?

— Да все это Мексиканское революционное королевство. Когда же территориальные государства наконец поймут, что они не могут воевать с государствами-корпорациями! Поэтому я и говорю, что они кретины. И к а к и е!

— Но почему, капитан?.. То есть, простите, Жан?

— Да это же очевидно! Любое территориальное государство, даже если это Эль-4 или астероид, — что-то вроде наследки. И сражаться с многонациональной корпорацией — все равно что палить в тумане. Где мишень? Хотите воевать с Ай-Би-Эм? Но где находится Ай-Би-Эм? Основная контора зарегистрирована в ПО номер почтового ящика, в Делаварском свободном штате. Но это не мишень — конторы, служащие и «ветки» Ай-Би-Эм разбросаны в четырех сотнях территориальных государств на Земле и еще большее количество — в космосе. Вы не можете ударить по какой-то части Ай-Би-Эм, не задев так или иначе посторонних людей. Но может ли Ай-Би-Эм победить, скажем, Великую Россию?

— Понятия не имею, — призналась я. — Пруссак не сумели.

— Это будет зависеть лишь от того, сочтет Ай-Би-Эм это для себя выгодным, или нет. Насколько я знаю, у Ай-Би-Эм нет никаких

войск. Вполне возможно, что нет даже агентов-диверсантов. Поэтому им придется покупать бомбы и ракеты. Но они могут тянуть время и выбрать любой удобный для них момент, потому что Россия никуда не денется. Не может никуда деться и всегда будет на одном месте — огромная неподвижная мишень. Так будет и через неделю, и через год. И вот, «Межпланетный Транспорт» наглядно показал, чем это кончится, — война бессмысленна. Она уже закончена. В Мехико были уверены, что «Межпланетный», опасаясь общественного осуждения, не посмеет уничтожить мексиканский город. Но эти политики старого покроя забыли, что государствам-корпорациям, в отличие от территориальных, совершенно не нужно считаться с общественным мнением. Я же говорю: война закончена.

— Я надеюсь! Акапулько — такой красивый город... Был красивый!

— Да, и сейчас был бы таким, если бы Революционный Совет Монтесумы не витал где-то далеко в прошлом — веке в двадцатом. Теперь же все будут стараться сохранить лицо. «Межпланетный» извинится, заплатит компенсацию, а потом, без лишнего шума, Монтесума уступит землю и экстерриториальность под новый космопорт, который будет принадлежать новой корпорации с мексиканским названием и главной конторой в Мексике, но... Публике никто не потрудится сообщить, что новая корпорация на 60 процентов будет принадлежать «Межпланетному», а на остальные сорок — тем самым политикам, которые упирались слишком долго и довели дело до того, что Акапулько был уничтожен.

Вид у капитана Тормея был очень раздосадованный, и я вдруг увидела, что он на самом деле старше, чем мне показалось в начале нашего знакомства.

— Жан, — спросила я, — а ваша компания «АНЗАК» не часть «Межпланетного»?

— Может быть, поэтому я и рассуждаю так цинично, — кивнул он и поднялся. — Началась посадка на ваш «Шаттл», позвольте я возьму вашу сумку.

6

Крайстчерч — самый прекрасный город на нашем глобусе. Впрочем, и не только на глобусе, потому что по-настоящему красивого города вне пределов Земли просто нет. Луна-Сити весь под землей, Эль-5 снаружи выглядит как дурдом, а изнутри лишь один его акр смотрится неплохо. Марсианские города — обыкновенные муравейники, а большинство земных тщетно пытаются походить на Лос-Анджелес.

У Крайстчерча нет очарования Парижа, местоположения Сан-Франциско и набережной Рио. Зато в нем есть много вещей, превращающих город в чудное место: ровная гладь Авона, на которую выходят улочки нижней части города, умиротворяющая

прелесть Кафедральной площади, фонтан перед городской ратушей и, наконец, дивная красота наших известных во всем мире ботанических садов, раскинувшихся по всему городу.

«Каждый грек славит Афины»? Может быть, но я ведь не уроженка Крайстчерча (если «уроженка» вообще применимо к моей породе). Я повстречалась с Дугласом в Эквадоре, сначала была в восторге от дивного романа с вымокшими от пота простынями, потом была напугана его предложением, а потом успокоилась, когда он объяснил, что не имеет сейчас в виду ничего официального, а просто предлагает съездить в гости к его С-семье — посмотреть, понравятся ли я им, и понравятся ли они мне.

Это меняло дело. Я быстро смоталась в Империю, доложила обо всем Боссу и спросила, предпочитает ли он дать мне отпуск за мой счет, или мне лучше вообще подать в отставку. Он буркнул что-то вроде: «Валяй, съезди, охлади свои придатки и доложи, когда будешь готова снова взяться за работу...» — и я прилетела обратно в Кито до того, как Дуглас вылез из постели.

В то время просто не было способа добраться по прямой из Эквадора в Новую Зеландию, и потому... Сначала по туннелю мы доехали до Лимы, там на полубаллистике, через Южный полюс, в Восточно-австралийский Порт в Перте, оттуда опять по туннелю до Сиднея, там — прыжок в Окленд и по воде в Крайстчерч. На все ушло двадцать четыре часа — дикие зигзаги, и все ради того, чтобы пересечь Тихий океан. Виннипег и Кито почти на одном расстоянии от Окленда (не доверяйте бумажным картам, а спросите у своего компьютера), ну, может, Виннипег и чуть дальше, но не больше чем на одну восьмую пути.

То, что занимает сейчас сорок минут, длилось двадцать четыре часа, но меня это ничуть не огорчало: я ехала с Дугласом, в которого была влюблена по уши.

Через двадцать четыре часа я была влюблена по уши во всю его семью. Я никак не ожидала этого. Я предвкушала чудный отпуск с Дугласом — он обещал мне, что мы будем кататься на лыжах и заниматься любовью (честно говоря, я не настаивала на лыжах). Я знала, что должна буду переспать со всеми его С-братьями, если они того пожелают, — своего рода негласный ритуал. Но меня это отнюдь не беспокоило, потому что искусственный человек просто не может относиться так серьезно к обыкновенному совокуплению, как относятся люди. В нашем детском саду большинство девочек проходили специальную тренировку для работы «подружками по вызову», а потом их контрактировали международные корпорации. Я сама прошла основной курс такого тренинга до того, как объявился Босс, выкупил мой контракт и перевернул всю мою жизнь. А я сбежала, разорвав контракт с ним, и пропадала несколько месяцев черт-те где, но... Это уже другая история.

Наверное, мне все равно было бы чуждо человеческое восприятие секса, даже если бы я и не проходила курс тренинга на

«подружку» — ИЧ просто не может понять людского отношения, нас никогда ведь этому не учили. Но мы ничего, ничегошеньки не знаем и о том, что значит быть в семье. В самый первый день моего пребывания там все из-за меня пили чай намного позже обычного, потому что я не могла заставить себя прекратить кататься по полу с семьёю ребятишками — от одиннадцати лет и до ползункового возраста... Да еще с двумя или тремя собаками и молодым котом по имени Мистер-смотри-под-ноги — его называли так за уникальную способность занимать сразу весь пол в любой комнате.

Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. И я не хотела, чтобы это кончилось.

На лыжах меня возил кататься не Дуглас, а Бриан. Лыжные отельчики на Маунт-Хатт чудесные, но спальни там отапливаются плохо, и нужно крепко прижиматься друг к другу, чтобы согреться. Потом Викки возила меня смотреть стадо овец, принадлежащее семье, и там я была представлена псу с искусственно увеличенным интеллектом, который разговаривал, большой колли по имени Лорд Нельсон. Лорд был невысокого мнения об умственных способностях овец, в чем он, я думаю, был вполне компетентен.

Берти взял меня с собой на Милфорд Саунд — сначала мы «Шаттлом» добрались до Дунэдина и провели там ночь. Дунэдин мне понравился («Южный Эдинбург»), но это все же не Крайстчерч. На маленьком пароме мы поплавали по фьорду. Там были крошечные каютки, где могли уместиться двое, да и то лишь потому, что было холодно и опять приходилось тесно прижиматься друг к другу. Нигде больше нет фьорда, который мог бы сравниться с фьордом у Милфорд Саунд. Да, мне приходилось бывать на Бермудах, там действительно здорово, но... Я уже приняла решение.

Если вы думаете, что для меня Южный Остров — все равно что для мамы с ее перенец, что ж, так оно и есть. Северный Остров тоже неплох, с его горячими ключами и известными по всему миру Глоуормскими пещерами. И вообще, вся гряда островов выглядит как волшебная страна, но... На Северном Острове нет Южных Альп и нет Крайстчерча.

Дуглас водил меня смотреть их маслобойню, и я видела, как огромные полосы прекрасного масла аккуратно нарезались в брикеты. Вскоре до меня начало доходить, что, вполне вероятно, мне могут предложить остаться. И тогда я поняла, что от «Господи-что-же-мне-делать-если-они-предложат?» я перешла к «Господи-что-же-мне-делать-если-они-НЕ-предложат?», а потом к просто «Господи-что-же-мне-делать?».

Понимаете, я никогда не говорила Дугласу, что я — не человек. Я слышала не один раз, как люди хвастались, будто они могут моментально отличить искусственного человека от обычного. Чушь! Конечно, все могут отличить искусственное существо, если оно не соответствует человеческому облику, — скажем, мужчину с четырьмя руками или карлика с тремя парами конечностей. Но если гениый

инженер решил сознательно следовать образу и подобию человека (в этом и состоит техническое отличие ИЧ от ИС — искусственного человека от искусственного существа), никто из людей никогда не сумеет обнаружить разницу, даже другой генный инженер не сумеет.

У меня иммунитет против рака и большинства инфекционных заболеваний. Но на мне ведь нигде это не написано. У меня необычные рефлексы, но я не демонстрирую их, хватая на лету мух двумя пальцами. Я никогда не участвую в играх с людьми, где требуется ловкость и сноровка.

У меня необычная память, необычная ориентация во времени и пространстве, необычные лингвистические способности. Но если вы думаете, что из-за всего этого мой показатель теста на интеллект равен гениальности, то должна вам сказать: в той школе, где я училась, тест на интеллект состоял в том, чтобы не показывать свои способности. И никто из людей никогда не сумеет выявить мои уникальные способности и таланты, если только... Если не произойдет что-либо экстраординарное, связанное или с моей профессией, или с моей школой, или с тем и другим одновременно.

Весь комплекс моих способностей и возможностей накладывает, конечно, отпечаток и на сексуальную жизнь, но, к счастью, большинство мужчин считают любое усиление женской чувственности результатом своего высочайшего качества. (Мужское тщеславие, если к нему правильно подходить, вовсе не порок, а, наоборот, — добродетель. При правильном подходе эта черта делает мужчину намного приятнее, от него получаешь больше удовольствия. Что безумно раздражает меня в Боссе, так это полное отсутствие тщеславия. Поэтому нет никакой возможности манипулировать им, черт бы его побрал!)

Я не боюсь, что меня расколят. Поскольку все лабораторные знаки были устранены с моего тела, включая и татуировку на нёбе, способа выявить, что я была создана сознательно, а не выскочила по прихоти биорулетки, где миллиард сперматозоидов борется за шанс попасть в яйцеклетку... Такого способа просто не существует.

Но жена в С-браке должна вносить свою лепту в копошащийся клубок детей на ковре в гостиной.

Вы спросите: почему бы и нет? Я имею в виду, спросите меня. Причины есть. Целая куча.

Моя профессия — курьер, работающий в своего рода военизированной организации. Представьте себе, как я справляюсь с неожиданным нападением, выставляя перед собой живот с восьмимесячным младенцем внутри.

Нас, ИЧ женского пола, делают или стерильными, или с естественным предохранением от беременности. Для искусственного человека способность иметь детей — я хочу сказать, выращивать их внутри своего тела, вовсе не кажется «нормальной». Она кажется нам очень странной. Когда я впервые увидела беременную женщину,

то подумала, что она чем-то страшно больна. Когда же мне объяснили, что с ней, у меня... Тошнота подкатила к горлу. И теперь, когда я думала об этом здесь, в Крайстчерче, мне тоже было не по себе. Делать это, как кошки, с болью и кровью, Господи, да зачем? И зачем вообще это делать? Мы заполонили весь этот глобус, не говоря уже о небесах, так зачем же делать его еще хуже?

Словом, я, скрепя сердце, решила отказаться от участия в браке, — сказать, что я не могу иметь детей. Это не совсем так, но... Почти правда.

Никто не задавал мне вопросов.

Во всяком случае, на эту тему. Следующие несколько дней я изо всех сил наслаждалась семейной жизнью, пока это было доступно: теплотой женской болтовни, когда мы мыли посуду после чая, шумной возней с собаками, кошками и детьми, добродушными сплетнями за работой в саду — все это обдавало меня теплыми волнами причастности.

Как-то утром Анита пригласила меня на прогулку по саду. Я поблагодарила ее и объяснила, что как раз сейчас мне нужно помочь Викки, но Анита настояла на своем, и через несколько минут мы с ней расположились в дальнем углу сада, неподалеку от возившихся малышей.

— Марджори, дорогая, — начала Анита (в Крайстчерче я — Марджори Болдуин, поскольку именно под таким именем я познакомилась с Дугласом в Кито), — мы обе знаем, зачем Дуглас пригласил тебя сюда. Тебе хорошо с нами?

— Ужасно хорошо!

— Как ты думаешь, тебе нравится это настолько, что ты хотела бы остаться навсегда?

— Да, но... — У меня не получилось сказать: «Да, но, к сожалению, я не могу рожать детей». Анита оборвала меня на полуслове.

— Пожалуй, будет лучше, — сказала она, — если сначала я объясню кое-что, дорогая. Мы должны обсудить кое-какие материальные вопросы. Если предоставить это мужчинам, деньги вообще не будут упоминаться — Альберт и Бриан так же сходят по тебе с ума, как Дуглас, и я их понимаю. Но вся наша группа — это не только брак, но и своего рода семейная деловая корпорация, и кто-то должен взять на себя бухгалтерию, потому-то я являюсь председателем всего сообщества и главным менеджером. Дело в том, что эмоции никогда не застилают мне рассудок настолько, чтобы я забывала следить за делами. — Она улыбнулась, и ее вязальные спицы тихонько звякнули. — Спроси у Бриана, он иногда называет меня «Железной Рукой», но, между прочим, сам никогда не станет забивать себе голову такими «пустяками»... Ты можешь оставаться у нас в гостях сколько пожелаешь. Какое значение может иметь один лишний рот за таким столом, как наш? Никакого. Но если ты хочешь присоединиться к нам официально, со всеми формальностями, я

обязана стать «Железной Рукой» и оговорить все условия контракта, потому что я не могу допустить разбазаривания нашего семейного состояния. Надеюсь, ты поймешь меня правильно... Итак, Бриану принадлежат три доли, Альберту и мне — по две. У Дугласа, Виктории и Лиз — по одной. У всех право голоса соответствует их долям. Как видишь, из десяти голосов у меня есть лишь два, но... Вот уже несколько лет, когда я грожу им своей отставкой, они тут же голосуют за неограниченное доверие моим способностям. Настанет день, когда они сбросят «тирана», и тогда я смогу со спокойной душой отойти от дел и стать «бабушкой-на-печи». («Ну да, — подумала я, — и твои похороны состоятся вечером того же дня!») Однако пока что я при деле. Каждый из детей обладает правом на одну долю, но без права голоса, потому что доля ребенка выплачивается ему наличными, когда тот покидает семью, — в качестве приданого или как начальный капитал. Эти деньги, таким образом, могут просто уплыть из семьи, хотя я и надеюсь, что такого не случится. Такие потери капитала должны, разумеется, учитываться и быть тщательно спланированы — скажем, если три наших дочки выйдут замуж в течение одного и того же года, ситуация может стать довольно затруднительной, если не сказать катастрофической.

Я сказала ей, что все это звучит очень разумно и что наверняка на свете есть немного семей, где так заботились бы о будущем детей. (На самом деле я в этих делах совершенно не разбираюсь.)

— Да, мы стараемся, чтобы им было как можно лучше, — согласилась она. — В конце концов, в детях весь смысл семьи. Итак, ты сама понимаешь, что взрослый человек, желающий присоединиться к нашей семье, должен выкупить свою долю, иначе — весь механизм перестает работать. Браки, конечно, совершаются на небесах, но счета должны быть оплачены на Земле.

— Аминь! — кивнула я, поняв, что вопрос для меня исчерпан. И решение отрицательное. Я не могла, конечно, сейчас точно подсчитать состояние этой С-семьи, но... Они были богаты — это ясно, хотя и обходились без слуг и жили в старом доме без всякой автоматике. Как бы то ни было, я не могла выкупить свою долю.

— Дуглас сказал, что он понятия не имеет, есть у тебя деньги или нет. Я имею в виду капиталовложения.

— У меня их нет.

Она и бровью не повела.

— Когда мне было столько же лет, сколько тебе, у меня их тоже не было. Но ты ведь работаешь, правда? Не могла бы ты работать в Крайстчерче и выплачивать деньги за свою долю из своего жалованья? Я понимаю, найти работу в чужом городе не так-то просто, но... У меня есть кое-какие связи. Скажи, чем ты занимаешься? Ты никогда об этом не рассказывала.

(И не собираюсь!) Я поблагодарила ее, а потом откровенно сказала, что работа моя секретна и я не стану обсуждать ее даже в общих чертах, но... Нет, я не могу найти постоянную работу в

Крайстчерче, и поэтому вряд ли есть способ, с помощью которого я смогла бы присоединиться к ним, но я чудесно провела время здесь и надеюсь, что они тоже...

— Дорогая, — оборвала она меня на полуслове, — я затевала этот разговор вовсе не для того, чтобы доказать невозможность контракта. Меня не так интересует, почему это не получится, я хочу сделать так, чтобы это получилось. Бриан предложил отдать тебе одну его долю... Дуглас и Альберт тут же заявили, что возместят, хотя и не сразу, ему эту долю, но я наложила вето на это мероприятие. Это был бы плохой прецедент — я им так прямо и сказала, не стесняясь в выражениях. Вместо этого я согласилась принять одну долю Бриана в качестве поручительства за выполнение обязательств твоего контракта.

— Но... У меня нет никакого контракта!

— Будет. Продолжая работать там, где ты работаешь, сколько ты можешь выплачивать в месяц? Не нужно лезть из кожи вон, но постарайся выплатить свою долю как можно быстрее, потому что это как с годовым доходом от недвижимости: часть идет на уплату налога, а часть покрывает оставшийся долг и, таким образом, чем больше взносы, тем лучше для тебя.

— (Я никогда раньше не покупала недвижимость!) Могу ли я выплачивать золотом? Я могу, конечно, обменивать золото и на здешнюю валюту, но мне платят золотом.

— Золотом? — Анита неожиданно оживилась, открыла сумочку и достала приставку к своему компьютеру. — С золотом я могу предложить тебе более выгодную сделку. — Она набрала код, подождала, пока на дисплее появились какие-то цифры, и кивнула, — намного более выгодную. Я, конечно, не могу сбывать целые слитки, но кое-что мы можем устроить.

— Я же говорю, что могу перевести их в деньги. Можно даже в новозеландскую валюту и прямо сюда, на автоматический банковский депозит, даже если я в этот момент буду не на Земле. Куда лучше? В Крайстчерчскую контору банка Новой Зеландии?

— М-мм, нет. Пожалуй, в банк Кентербери. Я состою там в Совете директоров. Не возражаешь?

— Конечно, нет. Чем ближе к семье, тем лучше.

На следующий день мы подписали контракт, и в конце недели я вышла за них замуж — все чин по чину — в боковой часовенке кафедрального собора, и... Я была вся в белом (мать честная!)...

Еще через неделю я вернулась на работу — и с грустью, и с радостью одновременно. Следующие семнадцать лет я буду выплачивать 858 новозеландских долларов и 13 центов ежемесячно. Впрочем, не возбраняется внести всю сумму быстрее, если смогу и захочу. За что? Я не смогу жить дома, пока не выплачу все, потому что для ежемесячных взносов должна продолжать работать. Так за что же тогда? Не за секс, это точно. Как я говорила капитану Тормею, секс можно найти где угодно — глупо платить за это.

Наверное, за честь окунать руки в воду для мытья посуды, так я думаю. За возможность кататься по полу с детьми и щенками так, чтобы тряслись стены. За теплое чувство, что, где бы я ни была, на этой планете есть место, где я могу все это делать по праву, потому что я ч а с т ь этого.

Неплохая сделка. На мой взгляд.

Как только «Шаттл» взлетел, я звякнула своим, нарвалась на Викки и, выждав пока она перестанет вскрикивать, сказала ей номер моего рейса. Я собиралась позвонить из Окленда, но все время в оклендском аэропорту ушло на моего Вежливого Волка — капитана Жана. Впрочем, какая разница — хоть «Шаттл» и летит быстрее скорости звука, он делает две посадки, так что кто-то меня встретит. Во всяком случае — я надеялась на это.

Встречали меня все. Вернее, почти все... У нас есть лицензия на владение гравилетом, поскольку мы разводим овец и коров и не можем обойтись без грузового транспорта, однако нам не разрешено пользоваться им в пределах города. Тем не менее Бриан как-то ухитрился обойти это правило и на боковых сиденьях этого фермерского летающего вагончика расселась почти вся моя семья.

Прошел без малого год с моего последнего визита — вдвое больший интервал по сравнению с предыдущими. Нехорошо. За такое время дети могут подрасти и уйти из дому. Я перебрала в памяти все имена, стараясь никого не пропустить, и убедилась, что все на месте, кроме Эллен, которую уже трудно было назвать ребенком, — ей было одиннадцать, когда я выходила за них замуж, а теперь она уже молодая дама студенческих лет. Анита и Лиз остались дома — готовить пир по случаю моего приезда, и... Опять меня ожидали мягкие упреки за то, что я не предупредила их заранее, и опять мне придется терпеливо объяснять, что при моей работе мне лучше, как только выдадутся свободные деньки, схватить первый же ПБ, а не давать предупредительные звонки... В самом деле, мне что, нужно заранее договариваться о приезде к с е б е д о м о й?

Вскоре я уже каталась по полу с детьми. Мистер-смотри-под-ноги (когда я впервые познакомилась с ним, он был молодым тощим котярой) ждал возможности поприветствовать меня с достоинством, подобающим его статусу Главного Кота. Он внимательно оглядел меня, подошел, потерся о мой локоть и заурчал. Я была дома.

* * *

Через некоторое время я спросила:

— А где Эллен? Все еще в Окленде? Мне казалось, в университете уже каникулы. — Спрашивая, я смотрела на Аниту,

но она, казалось, меня не слышала. Интересно, у нее что-нибудь со слухом? Вряд ли.

— Марджи... — раздался голос Бриана, и я оглянулась. Он смотрел на меня без всякого выражения и больше не произнес ни слова, а лишь отрицательно покачал головой.

(Эллен — запретная тема? В чем дело, Бриан? Я решила отложить разговор, пока не смогу поговорить с ним отдельно. Анита всегда подчеркивала, что любит всех детей одинаково, независимо от того, ее эти дети или нет. Ну да, конечно! За исключением того, что ее особое отношение к Эллен становилось ясно любому, кто приближался к ней на расстояние выстрела.)

Поздно вечером, когда дом приутих и мы с Берти собирались ложиться в постель (следуя результату своего рода лотереи, где проигравший по придуманным нашими шутниками-мужьями правилам был обязан спать со мной первым), Бриан постучался и зашел в нашу комнату.

— Все нормально, — сказал Берти, — ты свободен. Я проиграл и готов расплатиться.

— Постой, Берт. Ты говорил с Марджи насчет Эллен?

— Нет еще.

— Тогда давай объясним ей... Эллен вышла замуж без благословения Аниты, и... Анита в ярости. Поэтому лучше при Аните сейчас не говорить об Эллен, замечано? Ну а теперь я побегу, пока она меня нехватила.

— А что, тебе запрещено зайти и сказать мне «спокойной ночи»? Или поцеловать меня? Или задержаться для этой цели здесь подольше? Ты ведь и м о й муж тоже. Или нет?

— Да, дорогая, разумеется, и Анита сейчас очень ранима, и совершенно незачем ее огорчать и лишний раз задевать.

Бриан чмокнул нас обоих, сказал нам «спокойной ночи» и ушел.

— Что все это значит, Берти? — спросила я. — Почему Эллен не может выйти замуж за того, за кого она хочет? Она достаточно взрослая, чтобы самой решить этот вопрос.

— Ну... Да, но... Эллен сделала не очень хороший выбор. Она вышла замуж за тонгана и собирается жить на этом острове... Как он там?..

— А Анита считает, что они должны жить здесь, в Крайстчерче?

— А-а, нет... Конечно, нет! Она вообще против этого брака.

— Почему? Этот парень... У него что-нибудь не так?

— Марджори, ты не расслышала меня? Он т о н г а н.

— Да-да, я не глухая. И живет он на острове... Для Эллен там будет очень жарко — то вырос в одном из нормальных климатов, там слишком жарко, но это уже ее трудности. И я так и не поняла, почему Анита расстроилась. Наверняка есть еще что-то, чего я не знаю.

— Да все ты знаешь! А может быть, и нет... Тонганы не такие, как мы, они не белые. Они дикари...

— Ничего подобного! — Я привстала на кровати, оборвав то, что

по-настоящему еще не началось. Секс и диспуты плохо совместимы. Для меня, во всяком случае. — Они самые цивилизованные люди из всех полинезийцев. Иначе зачем было бы ранним исследователям называть эту группу островов «Дружескими островами». Ты когда-нибудь был там, Берти?

— Нет, но...

— Я была. Если бы не жара, это был бы просто райский уголок. И не спорь, пока сам не увидишь. Этот парень... Чем он занимается? Если он просто сидит и вырезает безделушки из красного дерева для туристов, я могу понять Аниту. Это так?

— Нет. Но я сомневаюсь, что он сможет содержать жену. Эллен ведь не может еще работать, она не получила степени... Он — морской биолог.

— Понятно. Он небогат, а Анита... уважает деньги. Но он ведь и не будет нищим — он сможет стать профессором в Окленде или в Сиднее. Кроме того, биолог может здорово разбогатеть в наши дни. Он может создать какое-нибудь новое растение или животное и стать очень богатым.

— Дорогая, ты так и не поняла.

— Да, не поняла. Так объясни мне.

— Ну... Эллен должна была выйти замуж за кого-нибудь из... ее сорта.

— Что ты хочешь этим сказать, Альберт? За того, кто живет в Крайстчерче?

— М-мм... Это не повредило бы.

— За богатого?

— Не обязательно. Хотя большинство удачных браков — те, которые с финансовой стороны не слишком однобоки. Когда полинезийский парень женится на белой наследнице приличного состояния, у него ведь вполне может быть... свой резон.

— А-аа, вот оно что! Стало быть, он без гроша в кармане, а она только что получила причитающуюся ей долю... Да?

— Нет... Не совсем... А, черт, ну почему она не могла выйти за белого? Не для того же мы ее вырастили...

— Берти, что за чушь? Ты говоришь прямо как датчанин о шведе. Я думала, в Новой Зеландии давно покончили с этим. Помню, Бриан объяснял мне, что маори и в политическом, и в социальном уровне ничуть не уступают англичанам и достойны ничуть не меньшего уважения.

— Никто с этим не спорит. Но тут... другое дело.

— Наверное, я отупела, — сказала я (а может, это Берти отупел? Маори — полинезийцы, тонганы — тоже, так какого же?..) и оставила эту тему. Я проделала весь путь из Виннипега не для того, чтобы обсуждать достоинства своего зятя, которого я и в глаза не видела. «Зятя»... Как странно. Меня всегда умиляло, когда кто-нибудь из детишек называл меня не Марджи, а мама, но... Я никогда не представляла себе, что у меня может быть зять.

Однако по закону он был моим зятем... А я даже не знаю, как его зовут!

Я постаралась утихомириться, ни о чем не думать и дать возможность Берти доказать, что мне тут рады, — он в этом смысле очень неплох. Прошло немного времени, и я уже всю показала ему, как я рада, что я наконец дома, и... неприятная прелюдия была позабыта.

7

На следующее утро, еще лежа в постели, я решила не начинать самой разговора об Эллен и ее муже, пока кто-нибудь другой не заговорит об этом. В конце концов, я не могу судить обо всем, пока не узнаю всех подробностей. Я не собиралась оставлять эту тему... Эллен ведь и м о я дочь тоже. Но торопиться не стоило. Пусть Анита успокоится.

Однако никто об этом не заговаривал. Ленивые золотые денечки следовали один за другим, и я не стану их описывать, потому что вряд ли вас заинтересуют дни рождения и семейные пикники, — все это очень дорого мне, но у постороннего вызовет лишь скуку.

Мы с Викки отправились с ночевкой в Окленд — за покупками. Когда мы остановились в «Тасманском дворце», она сказала:

— Мардж, ты можешь кое-что сделать для меня? И никому — ни слова?

— Конечно, — кивнула я. — Надеюсь, что-нибудь пикантное? Дружок? Или сразу два?

— Если бы у меня объявился хоть один, я бы тут же поделилась им с тобой. Нет, это поделикатнее. Я хочу поговорить с Эллен, но мне не хочется ссориться из-за этого с Анитой. Здесь у меня впервые появился шанс все устроить. Ты можешь забыть потом об этом? О том, что я говорила с ней?

— Не совсем, потому что я сама собираюсь с ней поговорить. Но я не стану ничего рассказывать Аните, если ты этого не хочешь... Вик, в чем дело? Я знаю, что Анита расстроена из-за брака Эллен, но... Что ж она, ждет, что и все остальные не станут даже р а з г о в а р и в а т ь с Эллен? С нашей дочерью?

— Боюсь, что сейчас это — е е дочь. Анита... Она сейчас не очень способна здраво рассуждать, понимаешь?

— Похоже на то. Ну, я лично не позволю Аните отлучать меня от Эллен. Я бы позвонила ей раньше, но не знаю ее номера.

— Я ей сейчас позвоню, а ты запишешь. Следи внима...

— Стой! — Я схватила ее за руку. — Не трогай терминал, ты ведь не хочешь, чтобы Анита узнала об этом.

— Ну да. Потому я и звоню отсюда.

— И звонок будет включен в наш счет за номер в отеле, и ты заплатишь за счет своей семейной карточкой, и... Разве Анита уже не проверяет каждый счет в доме?

— Проверяет, конечно... Ох, Мардж, я такая тупица!

— Нет, ты просто не умеешь врать. Анита не станет возражать и сетовать на дороговизну, но она обязательно заметит по коду, что это был международный звонок. Мы можем зайти в местное отделение связи и позвонить оттуда — за наличные. Или проще, мы заплатим м о е й карточкой, и счет вообще не попадет к Аните.

— Ну конечно! Мардж, из тебя получился бы первоклассный шпион!

— Вряд ли, это слишком опасная профессия. Но у меня есть навыки, когда-то мне приходилось водить за нос мою мать... Давай не будем терять времени и сходим прямо сейчас на почту. Слушай, Вик, что там с этим мужем Эллен? Он с двумя головами, или?..

— А? Нет, он — тонган. Ты не знала?

— Да знаю я! Но тонганы не заразные, и в конце концов, это — дело Эллен. Ее трудности, если даже таковые и имеются. Хотя я лично никаких особых трудностей не вижу.

— Ну... Анита очень переживает. Конечно, раз уж дело сделано, ничего не остается, кроме как выдавливать дежурные улыбки, но... Смешанные браки всегда кончаются неудачей, особенно если девушка выходит замуж за парня низшего сорта, как это сделала Эллен.

— «Низшего сорта»? Все, что мне о нем известно, это что он тонган. Тонганы — рослые, красивые, гостеприимные и примерно такие же смуглые, как я. По виду они ничем не отличаются от маори. Что бы случилось, если бы этот молодой человек был маори? Из хорошей семьи... Богатый землевладелец и так далее... А?

— Честно говоря, Мардж, я не думаю, чтобы Аните это понравилось. Но она пошла бы на бракосочетание и дала бы свое благословение. У смешанных браков с маори есть много прецедентов, так что их... Ну, это нужно принимать как норму, но никто не обязан кричать «ура». Смешение рас не очень хорошее дело.

— Викки! Вик... (А ты знаешь какое-нибудь лучшее «дело», которым можно вытащить мир из той задницы, в которой он торчит?) Вот как? Викки, скажи, этот вечный загар на мне... Ты знаешь, где я его подхватила?

— Конечно, ты говорила нам. Американские индейцы... Чероки, так ты, по-моему, называла... Мардж! Я тебя обидела? О, Господи! Это ведь совсем другое! Все знают, что американские индейцы... Они, ну... Совсем как белые! Ничем не отличаются...

(Да, да, конечно! И: «Многие из моих лучших друзей — евреи». Но я — не чероки, насколько мне известно. Родная, маленькая Викки, интересно, что бы ты сказала, если бы узнала, что я — ИЧ? Мне следовало бы сказать тебе, но... Это будет слишком большой шок.)

— Ты не обидела меня, потому что я понимаю причину. Ты просто ничего не знаешь. Ты нигде не была и наверняка всосала расизм с материнским молоком.

Викки залилась краской и воскликнула:

— Это нечестно! Мардж, когда обсуждалось твое вступление в семью, я была на твоей стороне! Я голосовала за тебя!

— Мне казалось, что все были «за», в противном случае... Я никогда бы не вышла за вас замуж. Должна ли я понимать это так, что моя кровь чероки была минусом в этой дискуссии?

— Ну... Это упоминалось.

— Кем? И в каком смысле?

— Это... Мардж, это было закрытое голосование, иначе нельзя... И я не имею права говорить об этом.

— Что ж, я понимаю тебя. А собрание по поводу Эллен тоже было закрытым? Если даже так, то ты можешь смело говорить о нем со мной, поскольку я имела полное право присутствовать там и голосовать.

— Никакого собрания не было, Анита сказала, что это вообще не нужно. Она сказала, что не собирается кормить и содержать охотников за приданым. И с тех пор, как она запретила Эллен приводить Тома в дом и знакомить с семьей, никто не мог ничего поделаться.

— И никто из вас не заступился за Эллен? Викки, и ты не заступилась?

— Ну... — Викки опять покраснела. — Это просто взбесило бы Аниту.

— Сейчас это, кажется, начинает бесить меня. По нашему семейному уставу, Эллен — моя дочь и твоя дочь ничуть не в меньшей степени, чем дочь Аниты. А Анита неправа, запрещая ей приводить мужа домой, даже не посоветовавшись с остальными.

— Мардж, все было не совсем так. Эллен хотела привести Тома... Ну, она хотела превратить это в решающий визит. Ты же знаешь, что это такое.

— О, да. Конечно. Я ведь сама была под этим микроскопом.

— Анита старалась удержать Эллен от неудачного брака, не посвящая нас во все это. Первое, что мы все узнали, это что Эллен уже замужем. Стало быть, как только Эллен услышала «нет» от Аниты, она прямехонько пошла в церковь.

— А, черт! Кажется, я начинаю понимать. Эллен взяла Аниту за горло, выйдя замуж так неожиданно... Это ведь значило, что Анита должна выплатить ей долю из семейного бюджета наличными без всяких вычетов. Это могло быть и впрямь трудновато. Деньги немалые. У меня самой уходят годы на выплату моей доли.

— Да нет же, дело не в этом. Просто Анита разозлилась, оттого что ее дочь — ее любимая дочь, это ни для кого не секрет, вышла замуж за человека, который ее не стоит. Аните не нужно было платить столько денег, это вовсе не обязательно. Ведь по контракту нет юридического обязательства выплачивать долю, и... Анита подчеркнула, что нет и морального обязательства отрывать часть от общего семейного капитала ради какого-то искателя приключений.

Я почувствовала, как к горлу у меня подступает холодная ярость.

— Викки, — осторожно начала я, — я с трудом верю своим ушам. Что же вы все за бесхребетные червячки? Как же вы могли позволить, чтобы с Эллен обращались подобным образом? — Я на секунду замолчала и сделала глубокий вдох и выдох, чтобы справиться со злобой. — Я вас просто не понимаю. Вас всех. Но я постараюсь подать вам хороший пример. Как только мы вернемся домой, я сделаю две вещи: первое — когда все будут в гостинной, я подойду к терминалу, позвоню Эллен и приглашу ее с мужем в гости... Попрошу их приехать в ближайший уик-энд, потому что мне надо возвращаться на работу и я не хочу упускать случай познакомиться с моим новым зятем.

— Анита разорвет тебя на части.

— Посмотрим. Второе, что я сделаю, — созову семейный совет и потребую, чтобы Эллен выплатили ее долю в кратчайший срок — так быстро, насколько это позволяет состояние наших финансов и кредита. Полагаю, — добавила я, — Анита снова будет в ярости.

— Наверное. И напрасно, потому что голосование будет не в твою пользу. Мардж, зачем тебе все это? Ведь и так дела обстоят неважно.

— Может быть. Но вполне возможно, что некоторые из вас давно уже ждут, когда же появится кто-нибудь, кто возглавит восстание против тирании Аниты. По крайней мере, я увижу, как разделятся голоса. Вик, по контракту, что я подписала, я должна уплатить более семидесяти тысяч новозеландских долларов семье. И мне было сказано, что делается это для того, чтобы каждый из наших многочисленных детей мог получить полностью свою долю, покидая общий дом. Я не спорила. Я подписала контракт, и, если этот контракт в силе, все, что говорит Анита, не имеет никакого значения. Если мы не в состоянии выплатить Эллен ее долю сразу, я буду настаивать, чтобы все мои месячные взносы поступали на счет Эллен до тех пор, пока Анита не проглотит неизбежность потери одной доли и не выплатит Эллен всю сумму. Ты считаешь это несправедливым?

— Мардж, я не знаю, — сказала она, помолчав. — У меня не было времени подумать.

— Так найди время. Потому что самое позднее в среду тебе придется сказать или «да», или «нет». Я не позволю, чтобы с Эллен и дальше так обращались. — Я ухмыльнулась и добавила: — Расслабься! Улыбнись, и давай сходим на почту, поболтаем с Эллен и покажем ей другую сторону медали.

Но мы так и не пошли на почту и не позвонили Эллен, вместо этого мы пошли обедать и за обедом продолжали спорить. Я не помню точно, каким образом в разговоре появилась тема искусственных людей. Думаю, это произошло, когда Викки принялась «доказывать», насколько она свободна от всяких расовых предрассудков, демонстрируя эти самые предрассудки всякий раз, как только открывала рот. Маори были у нее, конечно, дэнди, равно как и американские

индейцы, и, разумеется, хинди, и, безусловно, китайцы, которые подарили человечеству несколько гениев... Словом, все это, конечно, так, и все это знают, но где-то же надо «провести черту»...

Мы уже ложились спать, и я старалась не отвечать ей, чтобы прекратить эту пустую болтовню, когда что-то буквально ударило меня. Я села на постели и спросила:

— А как ты узнаешь?

— Как я узнаю ч т о?

— Ты сказала: «Конечно, никто не женится на искусственном существе». Как ты узнаешь, что человек искусственный? На них ведь далеко не на всех есть серийные номера.

— А?.. Ох, Марджи, не будь дурочкой! Искусственно созданное существо невозможно принять за живого человека. Если бы ты видела хоть одного...

— Я видела. И не одного, а многих!

— Тогда ты сама знаешь.

— Ч т о я знаю?

— Тогда ты прекрасно отличишь такого монстра от человека, лишь только глянешь на него.

— К а к? Где находятся те шрамы, или родимые пятна, или что там еще, по которым можно отличить искусственного человека от любого другого? Назови хоть один признак.

— Марджи, с тобой сегодня очень трудно! Ты словно задалась целью дразнить меня... Это на тебя совсем не похоже, милая. Ты превращаешь наши каникулы во что-то очень неприятное.

— Не я, Вик. Ты это делаешь. Болтая отвратительные, наиглупейшие вещи о том, в чем ты ни черта не смыслишь. (И эта моя фраза с блеском доказывает, что, как ни старайся гениальный конструктор, настоящего с у п е р человека ему не создать, потому что моя реплика хоть была и честна, и справедлива, но совершенно не годилась для споров с родными — слишком резко.

— О... Как ты могла!.. Это н е п р а в д а!..

То, что я сделала вслед за этим, вовсе не следствие моей лояльности по отношению к другим искусственным людям по той простой причине, что ИЧ не испытывает никакой приверженности к своей категории, — для этого просто нет никаких предпосылок. Я слышала, что француз может умереть, защищая честь «родной Франции», но... Вы можете представить себе, чтобы кто-то сражался и умирал за честь «Гомункул инкорпорэйтед, секция Нью-Джерси»? Я думаю, что сделала это ради себя самой, — это было одно из тех критических решений в моей жизни, которые я никогда не могла потом проанализировать, не могла понять причины, побудившей меня поступить так, а не иначе. Босс говорит, что весь процесс обдумывания важнейших поступков и решений происходит у меня на каком-то подсознательном уровне. Может быть, он прав.

Я встала с постели, скинула ночную рубашку и встала прямо перед ней.

— А ну-ка посмотри на меня, — требовательно сказала я. — Кто я? Искусственная? Или нет? И как ты это определила?

— Ох, Марджи, кончай выставлять себя напоказ. Всем известно, что у тебя самая лучшая фигура в нашей семье, и тебе совершенно незачем это доказывать.

— Отвечай! Скажи, кто я и как ты это определила. Можешь не отвечать сейчас — в любой лаборатории сделай любой анализ, любой тест, но... Потом скажи, кто я, и покажи тот знак, который докажет то, что ты скажешь.

— Ты противная девка, вот ты кто.

— Возможно. Даже вероятно. Но какого сорта? Натуральная? Или искусственная?

— Ох, чтоб тебя!.. Натуральная, конечно.

— Ты ошибаешься. Я искусственная.

— Да прекрати ты дурочку из себя строить! Надень рубашку и ложись спать.

Вместо этого я накормила ее досыта правдой: сказала, в какой лаборатории была создана, назвала день и месяц, когда была извлечена из искусственной матки — мой «день рождения» (правда, мы, искусственные, «вынашиваемся» дольше, чтобы был ускорен затем процесс созревания), заставила ее выслушать подробное описание жизни в лабораторных яслях. (Вернее, в яслях при той лаборатории, где была сделана я, в других кое-что, может быть и по-другому.) Я кратко рассказала ей о жизни после яслей — почти все здесь было ложью, потому что я не могла выдавать секреты Босса, повторила, в основном, то, что давным-давно еще рассказывала всей семье, сказала, что работала и работаю секретным коммерческим агентом. Упомянуть Босса было не нужно, поскольку несколько лет назад Анита решила, что я агент международной фирмы — что-то вроде дипломата, постоянно путешествующего с секретными миссиями... Напрашивающийся вывод, который я с удовольствием подтверждала тем, что никогда не опровергала его.

— Марджи, — сказала Викки, — зачем ты это делаешь? Ведь всей этой ложью ты можешь погубить свою бессмертную душу?

— У меня нет души! Я ведь именно об этом тебе и твержу.

— Ну прекрати! Пожалуйста!.. Ты родилась в Сиэтле. Твой отец был инженер по электронике, твоя мать была педиатром. Ты потеряла обоих родителей при землетрясении — ты же рассказывала нам о них... Показывала фотографии.

— «Мать моя пробирка, и скальпель — мой отец»! Викки, на свете миллион или больше искусственных людей, чьи «свидетельства о рождении» были «уничтожены» при разрушении Сиэтла. Их невозможно сосчитать, потому что невозможно уличить их во лжи. После того, что случилось в этот месяц, появится еще множество людей моего сорта, которые «родились» в Акапулько. Мы вынуждены искать такие зацепки, чтобы нас не преследовали невежественные и предрешенные люди.

— Ты хочешь сказать, что я «невежественная» и «предубежденная»?

— Я хочу сказать, что ты прелестная девчонка, которой взрослые заморочили голову. Тебе наплели много ерунды, и я хочу это исправить. Но если эти «башмаки» тебе подходят, можешь в них оставаться.

И я заткнулась. Викки не поцеловала меня на ночь. Мы обе долго не могли заснуть.

Весь следующий день мы делали вид, что разговора просто не было. Викки не упоминала об Эллен, и я не упоминала об искусственных людях. Но все это испортило нам настроение, у обеих остался неприятный осадок. Мы купили все, за чем приезжали, и вечерним «Шаттлом» отправились домой. Я не сделала того, чем грозилась, — не стала звонить Эллен, когда мы вернулись. Я не забыла о ней, я просто надеялась, что, быть может, ситуация разрешится сама собой. Трусость, наверное.

В начале следующей недели Бриан позвал меня с собой, когда поехал проверять участок земли для какого-то клиента. Это была долгая и приятная поездка верхом с остановкой и ленчем в сельской гостинице — фрикасе, зажаренное как свиные отбивные, но явно из говядины, и море сидра. Ели мы снаружи, прямо под деревьями.

После сладкого — вишневый пирог, жуткая вкуснятина.

Бриан сказал:

— Марджи, Виктория рассказала мне очень странную историю.

— Вот как? Что же это за история?

— Дорогая, пожалуйста, поверь, я никогда бы не заговорил об этом, если бы Викки не была так расстроена. — Он замолчал и посмотрел на меня.

Я выдержала паузу и спросила:

— Чем она расстроена, Бриан?

— Она клянется, будто ты сказала ей, что ты искусственное существо, выдающее себя за человека. Прости, но это ее слова.

— Да, я сказала ей это. Правда, другими словами. — Больше я не стала ничего объяснять.

Бриан долго молчал, а потом очень мягко обратился ко мне:

— Могу я спросить, зачем?

— Послушай, Бриан, Викки наболтала очень много ерунды про тонганов, и я постаралась объяснить ей, что это все глупость и неправда, что она этим оскорбляет Эллен. Я очень расстроена из-за Эллен. В тот день, когда я приехала, ты дал мне знак — заткнуться, и я заткнулась... Но я не могу больше сидеть и молчать. Бриан, что нам делать с Эллен? Она же твоя дочь. И моя... Не можем же мы сидеть и смотреть, как с ней обращаются! Что нам делать?

— Я не совсем согласен с тем, что нужно что-то делать... Марджи, пожалуйста, не уходи от темы. Викки действительно очень расстроена, и я стараюсь это как-то исправить — выяснить, где вы не поняли друг друга.

— Я не уйду от темы. Наша тема — это несправедливость, которая совершается по отношению к Эллен, и я этого не оставляю. Есть что-нибудь явно неподходящее в ее муже, кроме этого дурацкого предубеждения? Ну, из-за того, что он тонган?..

— Насколько я знаю, нет. Хотя, на мой взгляд, со стороны Эллен было неразумно выходить замуж за человека, который даже не был представлен семье. Я не вижу в этом поступке элементарного уважения к людям, которые любили ее и заботились о ней на протяжении всей ее жизни.

— Одну минуту, Бриан. По словам Викки, Эллен попросила разрешения привести его домой с формальным визитом — как когда-то была приглашена я сама, но Анита запретила ей. После чего Эллен и вышла за него замуж. Это правда?

— Ну... Да. Но Эллен была упряма и поступила необдуманно. Я считаю, что ей не следовало так поступать, не поговорив с остальными родителями. Этот ее поступок сильно задел меня.

— А она пыталась поговорить с вами? И ты сам пробовал поговорить с ней?

— Марджори, к тому времени, когда я узнал обо всем, все было уже в прошлом.

— Понимаю... Бриан, с тех пор, как я приехала домой, я все жду, что мне кто-нибудь объяснит, что же произошло. По словам Викки, все это даже не выносилось на семейное обсуждение. Анита запретила Эллен приводить в дом своего любимого. Все остальные родители Эллен или не были в курсе, или просто не стали мешать этой, м-мм, жестокости. После чего девушка вышла замуж... Да-да, жестокость! А потом Анита к жестокости присовокупила еще и жуткую несправедливость: она отказала Эллен в ее семейной доле. Это правда?

— Марджори, тебя здесь не было. Мы все — остальные родители — старались вести себя как можно более обдуманно в сложной ситуации. И я не думаю, что с твоей стороны правильно — заявляться после всего случившегося и осуждать всех и вся. Честное слово, я так не думаю.

— Родной, я не хотела тебя обидеть. Я лишь хочу сказать, что вас было шестеро... Ш е с т е р о! И вы н и ч е г о не смогли сделать. Анита в одиночку совершила поступки, которые я считаю жестокими и несправедливыми, а все остальные... Стояли в стороне и молча наблюдали это. Никаких семейных решений не было, были решения Аниты. Если это правда, Бриан, а если нет, поправь меня, тогда я считаю себя вправе потребовать полного собрания всех мужей и жен, чтобы загладить жестокость, — пригласить в дом Эллен с мужем и исправить несправедливость, выплатить Эллен ее долю полностью или хотя бы, если этот долг нельзя погасить сразу, признать его. Что ты на это скажешь?

Бриан побарабанил пальцами по столу.

— Марджори, — вздохнув, сказал он, — это очень упрощенный

взгляд на очень сложную ситуацию. Ты сомневаешься в том, что я люблю Эллен и не меньше тебя забочусь о ее состоянии?

— Нет, конечно, дорогой.

— Благодарю. Я согласен с тобой, Анита не должна была отказывать Эллен в праве привести своего молодого человека в дом. В самом деле, если бы Эллен взглянула на него на фоне своего домашнего окружения, на фоне наших традиций и теплоты наших отношений, возможно, она сама пришла бы к заключению, что он ей не подходит. Анита сама толкнула Эллен на этот глупый брак — я так ей и сказал. Но скоропалительно приглашая их сейчас в гости, мы... Словом, этим дела не поправишь. И ты это сама понимаешь. Допустим, мы решим, что Анита должна оказать им теплый и радушный прием, но... Ведь и ежу понятно, что она этого не сделает, даже если они приставят ей нож к горлу! — Он улыбнулся, и я вынуждена была улыбнуться в ответ.

Анита может быть очаровательной, но... Точно так же может быть и холодной, и грубой, если это ей нужно.

— Вместо этого, — продолжал Бриан, — я найду предлог поехать в Тонго через пару недель, и это даст мне возможность как следует выяснить обстановку без бдительного ока Аниты...

— Правильно! Возьми меня с собой... Ну пожалуйста!

— Это разозлит Аниту.

— Бриан! Анита достаточно разозлила меня. И из-за того, что она будет злиться, я не собираюсь лишаться удовольствия повидаться с Эллен.

— М-мм... А ты можешь отказаться от удовольствия совершить нечто такое, что может повредить нашему общему благополучию?

— Если ты так ставишь вопрос, то да. Но я могу потребовать объяснений.

— Можешь. И конечно же, получишь их. Но давай сначала разберемся со вторым пунктом твоих обвинений. Разумеется, Эллен получит все, что ей причитается, до последнего пенни. Но ты должна согласиться, что нет никакой нужды торопиться с этим. Скоропалительные браки, как правило, длятся недолго. И, хотя у меня сейчас нет никаких доказательств, может ведь оказаться, что Эллен попала на крючок заурядного охотника за приданым. Давай подождем немного и посмотрим, как скоро захочет этот парень наложить лапу на ее деньги. Разве это не разумно?

Я вынуждена была признать его правоту.

— Марджори, — сказал он, — родная моя, ты особенно дорога мне и всем нам, потому что мы так редко тебя видим. И каждый твой приезд домой — новый медовый месяц для нас всех. Но из-за того, что ты так редко бываешь дома, ты не совсем понимаешь, почему мы все так стараемся не раздражать Аниту.

— Ну... Да, я действительно не понимаю. Не понимаю, почему это происходит только с вашей стороны, ведь обе стороны должны идти навстречу друг другу.

— Имея дело с законом и с живыми людьми, мне очень часто приходилось наткаться на разницу между тем, что «должно быть», и тем, что «есть». Я жил с Анитой дольше, чем вы все, и я научился справляться с ее, м-мм, небольшими слабостями. Может быть, ты этого до конца не осознаешь, но именно она — тот цемент, который держит нас всех вместе.

— Почему, Бриан?

— Да, ведь ее роль в семье очевидна. Как управляющая всеми семейными делами и финансами, она просто незаменима. Возможно, кто-нибудь из остальных тоже мог бы этим заниматься, но ты же знаешь, что никто не х о ч е т брать это на себя, и у меня есть все основания считать, что никто не обладает ее способностью и компетентностью. У нее есть огромный авторитет не только в денежных делах — идет ли речь о предотвращении ссоры между детьми или о тысячах других мелочей, неизбежных в такой большой семье, Анита всегда в состоянии взять на себя ответственность и все уладить. У С-семьи — такой, как наша, обязательно должен быть ответственный и сильный лидер.

(«Ответственный и сильный тиран...» — пробормотала я сквозь зубы.)

— И потому, девочка моя, подожди ты немного и дай старику Бриану время, чтобы все уладить. Ты ведь веришь, что я люблю Эллен не меньше, чем ты?

— Конечно, родной. — Я погладила его руку. — Только не тни слишком долго!

— Значит, когда мы вернемся домой, ты разыщешь Викки и скажешь ей, что ты пошутила и что ты не хотела ее огорчить? Пожалуйста, я прошу тебя.

(Черт! Я была так поглощена проблемой Эллен, что совсем забыла с чего начался разговор.)

— погоди минутку, Бриан! Я подожду и не стану раздражать Аниту, раз ты говоришь, что это необходимо. Но я не собираюсь потакать расовым предрассудкам Викки.

— Тебе и не нужно этого делать. В нашей семье не все смотрят на эти вещи одинаково. Я и Лиз согласны с тобой, Викки же колеблется... Она хочет найти любое оправдание, хочет уцепиться за любой предлог, чтобы Эллен могла вернуться домой. И теперь, после того, как я поговорил с ней, она готова признать, что тонганы ничем не отличаются от маори и что главное — каков человек сам по себе. Но ее очень расстроило твое странное заявление насчет... тебя самой.

— Но, Бриан, ты ведь сам говорил мне как-то, что почти получил степень биолога, перед тем как окончательно решил стать юристом.

— Ну... Да, хотя «почти» — пожалуй, слишком сильно сказано.

— Тогда ты должен знать, что искусственный человек биологически идентичен естественно рожденному, и отличить их

невозможно. Ведь отсутствие души снаружи незаметно. И изнутри тоже.

— М-мм? Дорогая, я ведь обычный прихожанин, а в вопросах души пусть разбираются теологи. Однако на самом деле искусственное существо легко обнаружить.

— Я не сказала «искусственное существо». Под это определение подходит даже говорящая собака, такая, как Лорд Нельсон. Но искусственный человек ничем не отличается от обычного. Так как же ты его обнаружишь? Викки говорила чушь, когда утверждала, что может различить. Возьми, скажем, меня. Бриан, ты ведь знаешь меня со всех сторон... И я очень рада этому обстоятельству. Так кто я? Искусственный человек или обычный?

Бриан ухмыльнулся и облизал губы.

— Марджори, родная, я готов присягнуть в любом суде, что девять десятых твоего тела — человеческие на сто процентов... За исключением тех мест, которые ангелоподобны. Назвать их?

— Я знаю твои вкусы, родной, в этом нет необходимости. Спасибо, но... Пожалуйста, будь серьезным. Предположим, ну, чисто умозрительно, что я — искусственная. ИЧ. Каким образом мужчина, побывавший со мной в постели, как ты прошлой ночью и во множестве других ночей, обнаружит, что я — ИЧ?

— Марджи, прекрати. Это уже не смешно.

(Иногда обычные люди выводят меня из себя.) Ровным голосом я сказала:

— Я — искусственная.

— Марджори!

— Не веришь мне на слово? Тебе нужны доказательства?

— Прекрати эти дурацкие шутки! Немедленно! Или когда мы вернемся домой, я тебя просто выпорю! Марджори, я никогда пальцем тебя не тронул... И ни одну из своих жен, но, ей-Богу, ты заслуживаешь трепки!

— Да? Видишь этот последний кусочек торта на твоей тарелке? Я сейчас возьму его. Накрой ладонями тарелку, чтобы помешать мне.

— Не будь дурочкой.

— Попробуй, накрой. Ты не сумеешь сделать это так быстро, чтобы остановить меня.

Мы взглянули друг другу прямо в глаза, и вдруг он начал сдвигать ладони. Чисто автоматически я вошла в разнос, взяла вилку, подцепила кусок торта, пронесла его между сдвигающимися ладонями Бриана и вышла из разноса прямо перед тем, как положила кусочек торта себе в рот.

(Пластиковые ложки в яслях нужны были не для моего унижения, а для моей безопасности. Когда я впервые взяла в руку вилку, я проколола себе губу насквозь, потому что не умела еще замедлять свои движения до уровня обычного человека.)

Я не знаю слова, которое могло бы достоверно передать выражение лица Бриана.

— Достаточно? — спросила я. — Наверное, нет. Что ж, дорогой, давай тогда поздороваемся за руку. Пожмем друг другу руки и посмотрим, кто кого. — Я протянула ему правую руку.

Он поколебался, потом вытянул свою. Я позволила ему ухватиться как следует, а потом медленно и осторожно начала сжимать ладонь.

— Не сделай себе больно, милый, — предупредила я его. Скажи, когда хватит.

Бриан не неженка и умеет переносить боль. Я уже готова была разжать руку, чтобы не сломать ему кости, когда неожиданно он выдал:

— Х в а т и т!

Я тут же разжала свою руку и принялась массировать его кисть.

— Мне было ужасно неприятно делать тебе больно, родной, но я должна была доказать, что говорю правду. Обычно я никогда не показываю свои реакции и силу. Но они нужны мне для моей работы. Несколько раз сила и быстрота реакции спасали мне жизнь. Я никогда не применяю их... Только когда меня вынуждают. Так что, тебе нужны еще какие-нибудь доказательства? У меня стимулированы не только скорость реакции и сила, но силу и скорость легче всего показать.

— Нам пора домой, — сказал он.

По дороге домой мы не обменялись и десятком слов. Я обожаю кататься верхом, но в этот день я с гораздо большим удовольствием прокатилась бы на чем-нибудь лязгающем и гроыхающем, но только — б ы с т р е е!..

Следующие несколько дней Бриан явно избегал меня — мы встречались с ним только за обеденным столом. Потом как-то утром ко мне подошла Анита.

— Марджори, дорогая, — сказала она, — я собираюсь съездить в город по разным мелким делам и хочу, чтобы ты помогла мне. Ты не прокатишься со мной?

Разумеется, в ответ она услышала «да». Мы зашли в несколько магазинчиков на Глоугестер-стрит и в Дерхэме, никакой помощи от меня не требовалось, и я решила, что она просто не хочет быть одна. Это обрадовало меня — в обществе Аниты бывать очень приятно (до тех пор, пока ей не перечишь).

Закончив ходить по магазинам, мы прошлись по Кэмбридж-Террас, вдоль берега Авона, по Гэгли-Парку и вошли в ботанический сад. Там она нашла местечко на солнце, откуда мы могли наблюдать за птицами, и извлекла из сумочки свое вязание. Мы просто сидели и болтали ни о чем.

Примерно через полчаса ее телефон звякнул. Она отложила вязание и приложила к уху миниатюрную пластиковую трубку.

— Да? — Секунду она слушала, потом кивнула и сказала: — Спасибо. Пока, — и спрятала трубку, не удостоив меня сообщением, кто ей звонил. Что ж, ее право.

Впрочем, когда она заговорила со мной, я почувствовала, что телефонный разговор имел к этому отношение.

— Скажи мне, Марджори, — спросила она, — ты никогда не испытываешь никакого сожаления? Или хотя бы малейшего чувства вины?

— Иногда... Почему бы и нет. А что случилось? Ты о чем? — Я стала прикидывать, где я могла быть неосторожной и чем-то задеть ее.

— О том, как ты обманула и предала нас?

— Что-о-о?!

— Не строй из себя святую невинность. Мне никогда не приходилось раньше иметь дело с существом, рожденным не по законам Божеским. И я не знаю, доступны ли твоему пониманию понятия вины и греха, но, полагаю, теперь, когда ты разоблачена, это не имеет значения. Семья требует аннулирования контракта немедленно. Бриан сегодня встречается с судьей Риджли.

Не шелохнувшись, я спросила:

— На каком основании? Я не совершила ничего дурного.

— В самом деле? Ты забыла, что, по нашим законам, нечеловек не может вступать в брак с людьми?

8

Часом позже я села в «Шаттл», летящий в Окленд, и в моем распоряжении оказалось достаточно времени, чтобы обдумать глупость, которую я сотворила.

Почти три месяца — с той самой ночи, когда мы говорили об этом с Боссом, — я впервые, наверное, чувствовала себя легко и свободно относительно моей «человечности». Он сказал мне, что я «женственна не меньше, чем сама праматерь Ева», и что я спокойно могу рассказывать всем и каждому, что я ИЧ, потому что никто мне не поверит.

Босс был почти прав. Но он не рассчитывал на то, что я стану доказывать свою «нечеловечность» — юридическую «нечеловечность» по новозеландским законам.

По первому импульсу я сразу потребовала, чтобы меня выслушал весь семейный совет, но... Мне было заявлено, что мой вопрос уже разбирался на совете без моего участия, и голосование состоялось: шестеро — против меня и ни одного — за. Я больше не вернулась в дом. По телефону (в ботаническом саду) Аните сообщили, что все мои личные вещи упакованы и отправлены в камеру хранения на «Шаттл»-вокзале.

Конечно, я могла настаивать на том, чтобы «приговор» был произнесен мне всем домом, а не довольствоваться заявлением лишь одной Аниты. Но зачем? Чтобы выиграть спор? Доказать свою правоту? Или помахать после драки кулаками? Пять секунд ушло у

меня на то, чтобы осознать — все, чем я дорожила, пропало. Гордая, как телеграфный столб, вся надувшаяся от спеси, как мыльный пузырь, я — больше не «часть». Те дети — не мои. И никогда мне уже не кататься с ними по полу.

Я размышляла об этом с холодным сожалением и так тщательно старалась сохранить глаза сухими, что чуть было не забыла — Анита обошлась со мной очень «благородно». В контракте, который я подписывала с семьей, черным по белому было написано, что в случае нарушения мною данного контракта я обязана выплатить всю сумму полностью незамедлительно. Быть «нечеловеком» — значит, нарушить контракт? (Хоть я ни разу не просрочила ни единого взноса.) Итак, с одной точки зрения, если они исключают меня из семьи, мне причитается около восемнадцати тысяч новозеландских долларов. С другой — мне не только не принадлежит выплаченная часть моей доли, но я еще должна уплатить им в два с половиной раза большую сумму.

Но они поступили «благородно»: если я тихо и незаметно исчезну, они не станут выдвигать против меня обвинений. Что произойдет в случае, если я стану подымать шум и нарываться на публичный скандал, не оговаривалось, но ясно подразумевалось.

Я исчезла без шума.

Мне не нужен психоаналитик для того, чтобы понять — я сделала это ради себя самой. Это я и так прекрасно понимала с той самой минуты, когда Анита объявила мне «приговор». Вопрос другой: почему я это сделала?

Я поступила так не ради Эллен, и у меня не было ни малейших оснований тешить себя иллюзией, будто я сделала это для нее. Наоборот, мой идиотизм напрочь лишил меня возможности хоть как-то помочь ей.

Почему я сделала это?

Злоба.

Другого ответа я найти не могла. Злоба на весь род людской за то, что моя порода считается у них «нелюдью», а, стало быть, такие, как я, не имеют у них права на нормальное отношение и на элементарную справедливость. За то, что с первого дня своей жизни я столкнулась с непреложной истиной: у рожденных детей с самого начала есть привилегии, которых никогда не будет у меня по той простой причине, что я не человек. Возможность быть принятой за человека — это возможность очутиться в стане привилегированных, но это не означает, что я приняла саму систему. Наоборот, я испытывала еще большее ее давление на себе, потому что не могла это высказать. И наступил день, когда для меня стало важнее, примет ли меня моя семья такой, какая я е с т ь, чем сохранение теплых отношений под м а с к о й. Я хотела получить ответ на этот вопрос.

И его получила. Н и о д и н из них не вступился за меня... Как ни один не вступился за Эллен. Думаю, я почувствовала это — по~~ню~~яла, что они отринут меня, как только узнала, что они предали

Эллен. Но этот уровень моего знания запрятан так глубоко, что я сама его не очень хорошо понимаю, — это та «черная дыра», где, по словам Босса, происходит самый главный процесс моего подлинного мышления.

Прилетев в Окленд, я выяснила, что опоздала на сегодняшний рейс полубаллистика на Виннипег. Зарезервировав место на завтрашний рейс и сдав в багаж все, кроме спортивной сумки, я стала раздумывать, чем мне заняться в ближайшие двадцать два часа. И, конечно, тут же подумала о своем Вежливом Волке — о капитане Жане. Судя по тому, что он мне говорил, шансы на то, что он в городе, — один против пяти, но... В его квартире, если она свободна, наверное, все-таки приятнее, чем в отеле. Я отыскала терминал и набрала код.

Через несколько секунд экран засветился, и на нем появилось довольно симпатичное и радостно улыбающееся лицо молодой девушки.

— Привет, меня зовут Торчи, а вы кто?

— Я Марджи Болдуин, — ответила я, — кажется, я не туда попала. Мне нужен капитан Тормей.

— Нет, крошка, ты попала куда надо. Подожди минутку, и я выпущу его из клетки. — Она отвернулась и, отходя от экрана, позвала: — Эй, красавец! Там роскошная девка на проводе! Она знает, как тебя зовут.

Когда она отвернулась и стала отходить от экрана, я увидела сначала обнаженную грудь, а потом и всю ее целиком. Отличное тело — быть может, чуть широковатый таз, но длинные ноги, тонкая талия и ягодицы — точь-в-точь как у меня... А на мои еще никто никогда не жаловался.

Я тихонько выругалась — ведь я прекрасно отдавала себе отчет в том, зачем я позвонила капитану: чтобы забыть о трех мужчинах в объятиях четвертого. Я застала его дома, но, кажется, место уже занято.

Он появился перед экраном, одетый, но не слишком — обернутое вокруг бедер полотенце, это, по-моему, называют «лава-лава». На лице его сначала появилось удивленное выражение, а потом он узнал меня.

— О-о-о! Мисс... Б о л д у и н! Вот здорово! Вы откуда?

— Из аэропорта. Представился случай сказать вам «привет»!

— Стойте, где стоите. Не двигайтесь и не дышите. Семь секунд, чтобы натянуть брюки и рубашку, и я подъеду за вами.

— Нет, капитан. Я, правда, только хотела сказать «привет». Я опять здесь транзитом.

— Куда вы летите? В какой аэропорт? Когда вылет?

А, черт! Я не заготовила версии заранее... Ну что ж, иногда бывает лучше сказать правду, чем выдавливать из себя вымученное вранье:

— Возвращаюсь в Виннипег.

— Серьезно? Тогда вы разговариваете с вашим пилотом. Завтрашний рейс — мой. Скажите мне точно, где вы стоите, и я заеду за вами минут через сорок, если мне повезет с такси.

— Капитан, вы очень любезны, но совершенно свихнулись. У вас уже есть одна гостья — та молодая дама, которая ответила на мой звонок. Торчи. Больше вам не осилить.

— Торчи — это не имя. Это ее состояние. Она моя сестра, ее зовут Бетти. Она живет в Сиднее и торчит здесь всякий раз, когда приезжает... Я, по-моему, вам о ней говорил. — Он обернулся и крикнул: — Бетти! Подойди и представься. Только води себя прилично.

— Уже поздно вести себя прилично! — раздался ее бодрый голос, и она показалась из-за его спины, поправляя распахнувшуюся «лаву-лаву» (кажется, с этой проблемой она сталкивается не впервые). — А, чтоб ей черт!.. Мой братец вечно хочет, чтобы я вела себя прилично, а вот муж — тот махнул давно рукой. Слушай, крошка, я слышала, что ты тут говорила. Я его замужняя сестра, это — чистая правда. Но только, если ты не хочешь выйти за него замуж — тогда я сразу становлюсь его невестой. Так ты хочешь?

— Нет.

— Отлично. Тогда можешь брать его тепленького. Я пока сделаю чай. Ты пьешь джин? Или лучше виски?

— Я выпью то же, что и вы с капитаном.

— Ему ничего нельзя, у него рейс меньше чем через сутки. Но мы с тобой надеремся как следует.

— Тогда я пью то же, что и ты. То есть все, что угодно.

Я убедила Жана, что ему не стоит ездить за мной, — в порту было полно такси. Номер 17 по Локсли Пэрэд находился в многоквартирном, недавно выстроенном блоке с двойной системой охраны: войдя в главный вход, я оказалась запертой между первой дверью и второй, как в космическом корабле.

Бетти чмокнула меня в щеку, и я поняла, что она уже успела выпить, мой Вежливый Волк тоже чмокнул меня, и его поцелуй ясно дал мне понять сразу две вещи: первое — он ничего не пил, второе — он рассчитывал затащить меня в постель в самое ближайшее время. Он ничего не спрашивал о моих мужьях, и я сама не заговаривала о своей семье... Своей бывшей семье. Нам с Жаном было хорошо вместе, потому что мы пользовались одними и теми же сигналами, причем пользовались со знанием дела, не промахиваясь и не вводя друг друга в заблуждение.

Пока мы с Жаном вели этот безмолвный разговор, Бетти вышла из комнаты и тут же вернулась, держа в руках «лаву-лаву».

— Чаепитие официальное, — икнув, сказала она, — так что вытряхивайся из своего и влезай в парадную форму.

Интересно, это она придумала? Или он? Я подумала и решила, что она. Хотя распутные намерения Жана были так же недвусмысленны, как прямой удар в челюсть, по сути своей он был

весьма старомоден, чего не скажешь о Бетти — та давно объявила себя вне закона. Впрочем, дело шло к тому, чего хотела я сама, а на остальное мне было наплевать. Обнаженные женские ноги действуют ничуть не меньше, чем обнаженная грудь, хотя большинство людей этого почему-то не понимает. Женщина в «лаве-лаве» гораздо более соблазнительна, чем вообще без всего. Вечеринка развивалась как надо, и я предоставила Жану решать, когда нам избавляться от опеки его сестрички. Если это вообще стоит делать — я не удивлюсь, если окажется, что Бетти в этом смысле торгует билетами. И не расстроюсь. Ни капельки...

Я здорово надралась. Как здорово — я поняла лишь на следующее утро, когда, проснувшись, нашла себя в постели с мужчиной, и мужчина этот был не Жан Тормей.

Несколько минут я лежала не шевелясь и, глядя на похрапывающего человека, старалась пробиться сквозь джиновую завесу на моей памяти и сообразить, кто же это такой. Мне кажется, что женщину все-таки обычно знакомят с мужчиной перед тем, как она ложится с ним в постель. Интересно, представили ли нас с ним друг другу? И знакомы ли мы с ним вообще?

Что-то стало выплевывать по «кусочкам»... Имя: профессор Фредерико Фарнези. Зовут: или Фредди, или Элли, или Толстячок. (Нет, он не толстяк — так, небольшое брюшко от сидячего образа жизни.) Муж Бетти и зять Жана. Каким-то образом он присутствовал вчера вечером, но я не могла вспомнить ни когда он приехал, ни почему его не было вначале, ни... Ничего.

Но раз он был вчера вечером здесь, меня ничуть не удивляло, что я спала с ним. При том настроении, которое у меня было вчера, ни один мужик поблизости не мог чувствовать себя в безопасности. Но кое-что меня угнетало: неужели я продавила моего Вежливого Волка и оставила его с носом ради другого мужика? Стыдно, если так, Пятница! Это крайне невежливо...

Я сосредоточилась и «копнула» поглубже. Нет, по крайней мере, один раз я уж точно не продавила Жана. К моему большому удовольствию. И к его — тоже, если его слова вчера были искренними. Нет, я не была невежлива с моим гостеприимным хозяином, а он, в свою очередь, был очень нежен со мной — именно это мне и было нужно после того, как меня предала и бросила банда самовлюбленных расистов под предводительством Аниты... Потом я действительно «изменила» Жану, но — по его просьбе. Да, теперь я вспомнила: моему хозяину потребовалась помощь от вновь прибывшего, и в этом нет ничего удивительного, чтобы утешить тоскующую женщину, усилий одного мужчины часто бывает недостаточно, но... Я совершенно не помнила, каким образом состоялся «обмен». Мы что, все поменялись? Пятница, не будь идиоткой! ИЧ не может, конечно, до конца разобраться во всех людских сексуальных табу, но это — самое строгое (я как следует усвоила это, когда проходила курсы «платных подружек»), и

соблюдается оно даже теми, кто плюет на все остальные. Итак, этот вариант отпадает...

Фредди перестал храпеть и открыл глаза. Он зевнул, потянулся, увидел меня и удивленно вытаращился, но в ту же секунду, вспомнив что-то, улыбнулся и потянулся ко мне. Я с радостной улыбкой приняла его объятия и уже готова была принять искреннее участие в действии, когда в комнату зашел Жан.

— С добрым утром, Фредди, Марджи, — сказал он, — простите, что прерываю вас, но экипаж ждет. Марджи должна встать и одеться. Нам нужно ехать сейчас же.

Но Фредди и не подумал отпускать меня. Он кашлянул, прочистил горло и продекламировал:

« — Птичка утром прилетела,
И давай в окно стучать:
Как тебе не надоело!
Как не стыдно столько спать!..»

М-мда, капитан, ваше отношение к служебным обязанностям и забота о нашей гостье делает вам честь. Когда вы должны там быть? За два часа до отлета, да?

— Да, но...

— В то время, как Элен... Тебя ведь зовут Элен, правда? Так вот, Элен должна быть там за тридцать минут до вылета. Что я беру на себя.

— Фред, я вовсе не хочу портить тебе утро, но ты же знаешь, что здесь чертовски трудно достать кэб. Поэтому я позаботился заранее, и он сейчас стоит и ждет нас, хоть и ворчит. Я имею в виду кучера.

— Чистая правда. Кучера нас любят, потому что их лошади не любят взбираться на наш холм. Именно по этой причине, мой дорогой и любимый родственник, я вчера вечером заказал экипаж, пообещав мешок золота. И в эту самую минуту надежный старик Россинант находится внизу, в стойле у привратника, — он набирается сил, пожирая кукурузу, початок за початком, чтобы быть в полной боевой готовности. И как только я дам сигнал, привратник (разумеется, подкупленный мной заранее) запряжет милое животное в коляску и подаст коляску к подъезду. После чего я доставлю Элен к выходу на посадку ровно за тридцать одну минуту до вылета. И таким образом я ублажу то обилие плоти, которое окружает твое сердце.

— Ты хочешь сказать, которое сейчас находится рядом с твоим сердцем.

— Я хочу сказать то, что сказал.

— Что ж... Мардж, ты как?

— М-мм... А это ничего, Жан? Мне бы не хотелось выпрыгивать из постели сию секунду, но... Я не хочу опоздать на твой рейс.

— Ты не опоздаешь. На Фредди можно положиться, хотя по его

виду этого не скажешь. В любом случае выйди отсюда не позже одиннадцати, тогда ты успеешь даже пешком. Я сохраню тебе место после последней проверки — у капитана все же есть некоторые привилегии. Ну-с, очень хорошо, можете возвращаться к прерванному занятию. — Жан взглянул на часы. — Мне пора. Пока, ребята!

— Эй, может ты поцелуешь меня? Что это за «пока»?

— Зачем? Мы увидимся на корабле, а потом у нас будет время в Виннипеге.

— Поцелуй меня, чтоб тебя черт побрал, или я опоздаю на твой дурацкий корабль!

— Тогда оторвись от своего жирного римлянина и постарайся не испачкать мою красивую форму.

— Старик, — ухмыльнулся Фредди, — не подвергай свой фрак такому риску! Я поцелую Элен и за тебя, и за себя.

Жан наклонился и как следует поцеловал меня в губы, а я... Я не испачкала его красивой формы. Потом он чмокнул макушку Фредди и сказал:

— Все, развлекайтесь, ребята. Но не забудь доставить ее вовремя в порт. Пока! — В комнату заглянула Бетти, Жан обнял ее за талию и вместе с ней вышел, закрыв за собой дверь.

Я переключилась на Фредди. Он с улыбкой спросил:

— Элен, ты готова? Если нет, приготовься.

И я с удовольствием приготовилась, радостно думая, что Жан, Бетти и Фредди — это как раз то, что нужно Пятнице, чтобы выкинуть из головы тех лицемерных пуритан, с которыми мне так долго пришлось делить крышу над головой.

Бетти принесла нам чай так вовремя, что, я полагаю, она подслушивала у двери. Она уселась на кровати в позе лотоса и выпила с нами чаю. Потом мы встали и позавтракали. Я съела кашу со сливками, два яйца всмятку, сэндвич с колбасой и кентерберийской ветчиной, кусок горячего пирога с вишневым джемом и лучшим в мире маслом, апельсин и запила все это крепким кофе с молоком и сахаром. После этого, даже если бы весь мир лопнул так же, как лопнула для меня Новая Зеландия, мне было наплевать.

Фредди к завтраку надел «лаву-лаву», но Бетти не стала утруждать себя этим, и я последовала ее примеру. Я росла в «спецях», и потому никогда не пойму до конца все правила человеческого этикета, но одно я усвоила твердо — женщина в гостях должна одеваться (или раздеваться) соответственно хозяйке. Вообще-то я не привыкла разгуливать голышом перед людьми (перед «своими» в «яснях» — это другое дело), но с Бетти я чувствовала себя удивительно легко и просто. Интересно, вела бы она себя так со мной, если бы знала, что я — ИЧ? Думаю, да, но у меня не было большого желания экспериментировать. Потрясающий завтрак.

Фредди доставил меня в пассажирский салон ровно к одиннадцати двадцати, вызвал Жана и потребовал квитанцию, какую тот ему торжественно выписал. Как и в первую нашу

встречу, Жан наклонился и помог мне пристегнуть ремень, тихонько шепнув:

— Тебе ведь тогда вовсе не требовалась моя помощь, правда?

— Правда, — с улыбкой кивнула я. — Но я рада, что притворилась. Я потрясающе провела время.

— Мы хорошо проведем время и в Виннипеге. Я позвонил Жанет из порта и сказал, что привезу тебя ужинать. Она просила тебе передать, что и завтракать ты будешь с нами. Она велела сказать тебе, что покидать Виннипег ночью — большая глупость. И она права, на любой пересадке тебя запросто могут укокошить нелегальные иммигранты из Империи, которых мы постоянно хватаем и отсылаем за границу.

— Я обсужу это с ней, когда мы приедем. (Капитан Жан, вы просто обманщик! Кто говорил мне, что вряд ли женится, что хочет всегда быть свободным, как «дикий гусь»? Не помните? Я так и думала, что вы не захотите это сейчас вспоминать.)

— Нечего обсуждать, все уже решено. Жанет может не доверять мне, она считает, что по части женщин я слабоват... Что, конечно, чистейший вздор. Да, но она полностью доверяет Бетти, а Бетти сейчас уже, наверное, звонит ей. Она знает Бетти дольше, чем меня, они снимали вдвоем квартиру, когда учились в Мак-Гилле. Там-то я и познакомился с Жанет, а Фредди — с моей сестричкой. От нас четверых не было спасенья, нам очень нравилось иногда трясти этот шарик — от Северного полюса до Южного.

— Бетти просто прелесть. Жанет похожа на нее?

— И да, и нет. Жанет была вожаком во всех наших соблазнительных проказах. Прости, мне нужно пойти и сделать вид, что я — капитан. Вообще-то управляет этим летающим гробом, конечно, компьютер, но, помню, еще на прошлой неделе я собирался выяснить, как у него это получается, — с этими словами он подмигнул мне и ушел.

После пьяной ночной вакханалии с Жаном, Фредди и Бетти я была способна более здраво размышлять о своей бывшей семье. Была ли я и вправду обманута?

Я подписала этот тупой контракт по своей доброй воле, включая и параграф о его аннулировании, давший им возможность меня вышвырнуть. За что платила? За секс?

Нет! Все что я говорила раньше, чистая правда: секс есть везде, бери, если хочешь. Я платила за счастливую участь быть п р и ч а с т н о й. Причастной к с е м ь е, особенно к счастливым домашним обязанностям, вроде... Ну, сменить мокрые пеленки, вымыть посуду, приласкать котенка. Мистер-смотри-под-ноги был для меня гораздо важнее, чем Анита, хотя я никогда не позволяла себе даже мысленно рассуждать об этом. Я старалась любить их всех до тех пор, пока случай с Эллен не высветил темные уголки этого «дома».

Что ж, давайте посмотрим. Я точно знала, сколько дней за всю совместную жизнь я провела со своей бывшей семьей. Немножко

арифметики и — вот вам, во сколько мне обходилась комната и все мои сладкие домашние обязанности (поскольку все это было конфисковано): чуть больше четырехсот пятидесяти новозеландских долларов в день.

Даже для роскошного отеля это, пожалуй, дороговато. А ведь реально мое пребывание не обходилось семье и в четвертую часть этих денег. Интересно, на каких финансовых условиях вступали в семью остальные? Этого я так никогда и не узнала.

Может быть, Анита, понимая, что не сумеет запретить мужчинам приглашать меня в дом, когда им захочется, организовала все таким образом, чтобы я и была не в состоянии бросить работу (нужно ведь платить долю), и в то же время была привязана к ним на условиях, очень выгодных для семьи?.. То есть для Аниты? Трудно сказать наверняка. Я так мало знаю о браке у людей, что даже сейчас не берусь судить. Даже сейчас, когда...

Но я знаю одно: меня очень удивило, что Бриан оказался против меня. Я считала его самым старшим, самым умным и самым терпимым в семье и уж во всяком случае человеком, достаточно разбирающимся в биологии, чтобы понять...

Может, все было бы иначе, выбери я что-нибудь иное для демонстрации своих способностей? Может, покажи я ему что-нибудь менее жесткое?..

Но я показала ему свое превосходство в силе — там, где у мужчины есть все основания считать себя выше. Я врезала ему прямо по его мужской гордости...

Никогда не бейте мужика по яйцам, если только не решили для себя, что через секунду вы его убьете. Никогда! Даже в переносном смысле... Нет, о с о б е н н о в переносном смысле.

9

Наконец-то свободное падение закончилось, и мы плавно вошли в дивное скольжение по гиперпространству. Компьютер работал идеально, сводя напряжение почти к нулю, но все же вибрация ощущалась на кончиках зубов... А я, после моей бурной ночи, чувствовала ее и в других местах.

Довольно резко мы вышли из гиперпространства, долго болтались в подпространстве (визг в ушах нарастал), потом вынырнули, включились тормоза и... Посадка. Я с облегчением перевела дыхание — как ни любила я полубаллистики, но от «выныривания» до посадки всегда не дышала.

С Северного Острова мы вылетели в четверг днем, таким образом, в Виннипег прибыли вечером предыдущего дня (среды), и я тут совершенно ни при чем — если не верите, сверьтесь с картой, где отмечены временные пояса.

Я опять задержалась и выходила последней. Капитан, как и в

самую первую нашу встречу, взял мою сумку и повел к таможене, но уже в качестве старого друга — чему я была очень рада. Он провел меня к иммиграционной службе и таможенному контролю через служебный вход и предложил для осмотра сначала свою сумку.

Не притронувшись к ней, офицер кивнул и сказал:

— Привет, капитан. Какая контрабанда сегодня?

— Все как обычно. Краденые бриллианты, промышленный шпионаж, оружие... Ну, не без наркотиков, конечно.

— И все? Жалко даже мел на это тратить. — Он нарисовал мелом на сумке Жана какой-то значок. — Дама с тобой?

— Первый раз ее вижу.

— Моя — индейская скво, — вмешалась я, — а белый босс обещал мне много огненной воды. Белый босс не сдержал своего слова.

— Еще бы, он его никогда не держит. Долго собираетесь пробить здесь?

— Я живу в Империи, а здесь транзитом... Может быть, на сутки. В прошлом месяце я делала здесь пересадку на пути в Новую Зеландию. Вот мой паспорт.

Он кинул на него беглый взгляд, поставил штамп и, не открывая сумки, нарисовал на ней мелом знак.

— Если надумаете задержаться, я с удовольствием угощу вас огненной водой. А капитану Тормею не стоит доверять.

Мы прошли таможеню, и сразу за барьером Жан выпустил из рук обе сумки, схватил стоявшую там женщину за локти, поднял ее — что свидетельствовало о его прекрасной форме, поскольку она была лишь сантиметров на десять ниже его, и жарко расцеловал. Опустив затем ее на землю, он указал ей на меня и торжественно произнес:

— Жанет, это Мардж.

(Интересно, на кой черт Жану нужна была возня со мной, если у него дома есть т а к о е? Потому что в Окленде ее не было? Другой причины нет, но... Ведь здесь она е с т ь. Дорогая моя леди, надеюсь, вы подыщите мне на ночь какую-нибудь занятную книжонку?)

Жанет поцеловала меня, и я почувствовала себя лучше. Потом она, не убирая рук с моей талии, отодвинулась и, внимательно рассмотрев меня, произнесла:

— Я не вижу его. Милая, ты оставила его на корабле?

— Что оставила? У меня только эта сумка, и все... А багаж мой на транзитной линии.

— Да нет, я имею в виду сияние. После разговора с Бетти я ожидала увидеть сияние.

Я обдумала это и спросила:

— Ты уверена, что она говорила про сияние?

— Ну... Она сказала, что ты — ангел. Остальное, возможно, уже мои домыслы.

— Возможно. Во всяком случае, прошлой ночью на мне не было сияния. Я вообще его редко надеваю, когда путешествую.

— Да, — кивнул капитан Жан, — прошлой ночью на ней... вернее, в ней была только изрядная доза спиртного. Родная, мне неприятно тебе это говорить, но... Бетти дурно влияет на окружающих. Просто спаивает их. Прискорбно, но факт.

— О, Господи! Может, нам лучше сразу сходить на молитвенное собрание? Как ты, Марджори? Быстро перекусим прямо здесь и плюнем на ужин. Все прихожане дружно помолятся за тебя, а?

— Как скажешь, Жанет. (Должна ли я соглашаться? Я плохо знаю ритуал «молитвенных собраний»..)

— Слушай, Жанет, — вмешался капитан Жан, — может, мы лучше отвезем ее домой и там сами помолимся за нее. Я не уверен, что Марджори привыкла к публичным раскаяниям.

— Марджори, этот вариант тебя больше устраивает?

— Я думаю... да.

— Тогда поехали. Жан, пойді поздоровайся с Джорджем.

* * *

Джоржа звали Джордж Перралт — больше я ничего в данный момент о нем не узнала, кроме того, что он правил парой великолепных черных рысаков, запряженных в коляску фирмы «Хонда». Не дешевый экипаж. Интересно, сколько получает капитан полубаллистика? Пятница, не лезь не в свои дела! Но экипаж действительно красивый. Как, впрочем, и сам Джордж — высокий, темноволосый, в темном костюме и темной шляпе. Изумительный кучер. Однако Жанет представила его отнюдь не как слугу, а он наклонился и поцеловал мне руку. Разве кучер целует руку гостям? М-да, кажется, я залезла в совершенно незнакомую область людского этикета — этому меня не учили.

Жан сел впереди, рядом с Джорджем, а Жанет усадила меня сзади, развернула огромный шерстяной плед и сказала:

— Вряд ли, летя из Окленда, ты захватила с собой шаль. Залезай.

Я не стала возражать и объяснять, что не подвержена простуде. Это было очень мило с ее стороны, и я с благодарностью залезла под плед. Джордж вырулил на шоссе, шелкнул языком, и лошадки припустили мерной рысью. Жан достал рожок и сильно дунул в него — вряд ли в этом была необходимость, просто ему, наверное, нравился этот громкий звук.

Мы приехали не в город, их дом находился в небольшом городке к северу от Виннипега и ближе к аэропорту. Когда мы подъезжали, было уже темно, но это не помешало мне сразу увидеть, что дом выстроен, как загородная крепость, и способен выдержать любое нашествие, кроме профессионального военного штурма. Тройные ворота, причем между первыми и вторыми — открытое пространство. Снаружи не было видно ни электронных глаз, ни автоматических

ловушек, но я не сомневалась в их существовании — на заборе были красно-белые отметины, предупреждающие господ «незваных гостей», чтобы они не беспокоились.

Я плохо рассмотрела, как устроены ворота, — было слишком темно, и внутри тоже не увидела ни «ловушек», ни инфракрасной сигнализации, ни электронного оружия, но... Вряд ли разумные люди потратят столько сил и денег на ограду и будут полагаться при этом лишь на пассивные формы обороны. Вспомнив, как ферма Босса попала впросак, когда «дядя Джим» отключил питание, и как вся защита пошла насмарку, я хотела было спросить об их системе энергоснабжения, но... Наверное, это был не тот вопрос, который могла задать обычная гостя.

И еще больше меня заинтересовало, что случится, если на нас нападут, скажем, до того, как мы окажемся внутри, за воротами. Но это опять-таки был бы не очень тактичный вопрос, хотя, если у них нет при себе оружия... Я-то обычно не ношу с собой оружия, но другие — вряд ли. Ведь далеко не все проходили специальный курс тренировок, и еще меньше — обладают моими способностями. Я больше полагаюсь на свою «безоружность», чем на разные железки, которые могут конфисковать на любой таможне, которые вы легко можете потерять и к которым в самый нужный момент обычно не хватает патронов. Я в ы г л я ж у безоружной, и это дает мне преимущество, но... У других людей — другие проблемы. Я ведь — особый случай.

Жан подудел в свой дурацкий рожок, но на сей раз не бесцельно — все ворота распахнулись, и мы въехали внутрь.

— Веди ее в дом, дорогая, — сказал Жан, — а я помогу Джорджу управиться с лошадьми.

— Мне вовсе не нужна помощь.

— Ладно, вылезайте. — Жан слез, помог нам выбраться и вручил мою сумку Жанет.

Джордж щелкнул языком, коляска покатила в сторону, и Жан пошел за ней. Жанет провела меня в дом и... У меня перехватило дыхание. Прямо в холле бил фонтан, причем не простой, а с постоянно меняющимися формами и цветом воды. Отовсюду раздавалась негромкая музыка, на переливы которой, по-видимому, и реагировал фонтан.

— Жанет... Кто архитектор?

— Нравится?

— Еще бы!

— Тогда сознаюсь: архитектор — я. Техническое исполнение Жана, а Джордж занимался интерьером. Он в некотором смысле художник, и в другом крыле находится его студия. Кстати, забыла тебе сказать. Бетти просила меня спрятать твою одежду, пока Джордж не напишет с тебя хоть одно ню.

— Бетти так сказала? Но я никогда не была моделью и... Мне надо возвращаться на работу.

— А, может, тебе не захочется — все ведь в наших руках.

Впрочем, если... Может быть, ты снесняешься? Бетти сказала, что ты не из стеснительных, но Джордж может рисовать натуру не только обнаженную. Во всяком случае, он может начать с одетой...

— Нет, я не из стеснительных. Ну, может, позировать я и стесняюсь немного — никогда раньше не пробовала. Слушай, а мы можем подождать с этим? Честно говоря, сейчас мне гораздо больше хочется в туалет, чем на холст, — я не была там с тех пор, как вышла из квартиры Бетти. В порту просто времени не хватило.

— Прости, родная! Идиотизм — заставлять тебя торчать здесь и рассуждать о живописи Джорджа. Еще много лет назад мать учила меня: первое, что надо сделать для гостя, — это показать ей, где ванная комната.

— Моя мать твердила мне то же самое, — солгала я.

— Вот сюда. — Слева от фонтана открылся занавес, и она провела меня по коридору. — Здесь твоя комната. — Она кинула мою сумку на постель. — А здесь ванная. Она у нас с тобой общая, потому что моя комната прямо за ней, с другой стороны, и по виду — зеркальное отражение твоей. Так что ванную мы делим на двоих...

Было что делить! Три отдельные кабины, каждая — с биде и сушилкой. Душ, в котором свободно разместилось бы предвыборное собрание, с огромным количеством тумблеров и переключателей (придется спрашивать, что они означают и как ими пользоваться). Стол для массажа и искусственного загара. Бассейн (или у них это называется горячей ванной?) — явно не для одной персоны, а для большой и веселой компании, два одинаковых туалетных столика. Терминал, холодильник, книжный шкаф со специальной полкой для кассет...

— А леопарда нет? — спросила я.

— Ты ожидала увидеть леопарда?

— Каждый раз, когда на экране в «чувствилках» я вижу такую комнату, главная героиня всегда появляется с ручным леопардом.

— Понятно. А котенок не подойдет?

— Конечно! Вы с Жаном — любители кошек?

— Я не смогла бы жить в доме, где нет кошки. Даже не стала бы пробовать. Кстати, сейчас их у нас столько, что я могу предложить тебе неплохой экземпляр. О цене не беспокойся.

— Я бы взяла с удовольствием. Но не могу.

— Обсудим это позже. Ты будешь принимать душ? Я приму, а то я так долго чистила Черную Красотку и Дьявола перед поездкой в аэропорт, что от меня, наверное, здорово пахнет стойлом. Чувствуешь?

И вот так — легко и просто, минут через двенадцать я очутилась в ванне (бассейне!). Джордж тер меня губкой сзади, Жан — спереди, а хозяйка терла себя сама, весело смеясь и давая мужчинам различные советы, на которые они не обращали внимания. Если бы вы могли все это наблюдать, то увидели бы, что вся последовательность моих действий была очень логична и что эти добрые сибариты ни единым

жестом не смутили меня — ни одной попытки соблазнить, ни единого намека на то, что прошлой ночью я попросту изнасиловала (во всяком случае, в переносном смысле) хозяина этого дома.

Потом я делила с ними роскошный ужин... Нет, просто пир — в гостиной (или большом холле, или маленькой столовой, или как там она у них называется) с камином. Камин, как мне с гордостью поведала хозяйка, Жан сделал своими руками... На мне был один из халатов Жанет, за который в Крайстчерче она была бы немедленно арестована. Но здесь это не вызвало никаких реакций у обоих мужчин.

Когда мы добрались до кофе и коньяка, я немного осоловела от выпивки до обеда и вина за обедом. По просьбе Джорджа я сняла (с сожалением) халат Жанет, и он сделал несколько стереоснимков, усаживая и укладывая меня в разных позах. При этом он так бесстрастно обсуждал мои прелести, словно речь шла о куске телятины. Я продолжала твердить, что завтра мне нужно уезжать, но мои протесты звучали вяло, и на них никто не обращал внимания — Джордж меньше всех. Он сказал, что у меня «хорошая масса» — может, это и комплимент, но уж во всяком случае никак не призыв к действию.

Некоторые карточки получились прекрасно, особенно та, где я раскинулась ни низкой тахте, а по груди, по животу и по ногам у меня ползает дюжина котят. Я попросила снимок для себя, и оказалось, что у Джорджа есть необходимое оборудование, чтобы сделать копию.

Потом Джордж снял меня вместе с Жанет, и я попросила и с этой карточки сделать копию, потому что наш с ней контраст выгодно оттенял обеих, а Джордж ухитрился сделать нас красивее, чем в жизни. В конце концов я стала зевать, и Жанет велела Джорджу прекратить. Я принялась извиняться, говоря, что с моей стороны очень странно хотеть спать, потому что в той зоне, откуда я прилетела, сейчас еще лишь начало вечера.

Жанет фыркнула, заявила, что сон не имеет никакого отношения к часам и временным зонам, и:

— Джентльмены, мы ложимся! — с этими словами она увела меня из гостиной.

Мы зашли в ее великолепную ванную комнату, она положила руки мне на плечи и сказала:

— Марджи, ты предпочитаешь быть одна в спальне или хочешь компанию? Я знаю от Бетти, что у тебя была бурная ночь. Может быть, ты хочешь просто тихонько поспать? Или нет? Скажи сама.

Я честно сказала ей, что, если это зависит от меня, я никогда не сплю одна.

— И я тоже, — кивнула она. — Мне нравится, как просто ты это сказала — не стала мямлить и притворяться... С кем бы ты хотела спать?

(Добрая ты душа, как же я могу сделать вид, что не понимаю, как тебе хочется самой побыть со своим мужем в первую ночь его приезда домой!)

— Может быть, нам лучше начать с другого конца — кто хотел бы спать со мной?

— С т о б о й? В с е мы, конечно, я уверена в этом. Или двое из нас, или один — на твое усмотрение. Решай сама.

Я растеряннo заморгала, пытаюсь прикинуть, сколько же я выпила.

— Четверо в о д н о й постели?

— Тебе это не нравится?

— Никогда не пробовала. Звучит заманчиво, но в постели, наверное, будет тесно... На мой взгляд.

— Ну, нет. Ты не была в моей комнате. Кровать у меня по-настоящему б о л ь ш а я, потому что оба моих мужа очень часто хотят спать со мной... И там еще остается много места, так что мы всегда рады гостям.

Да, я действительно перебрала — пила две ночи подряд и такими дозами, к которым совершенно не привыкла...

— Д в а мужа? Я не подозревала, что Британская Канада приняла австралийскую норму!

— Британская Канада — нет, но британские канадцы — приняли. Во всяком случае, многие из нас. Ворота заперты, а остальное никого не касается. Ну, так как, хочешь попробовать в большой кровати? Если захочешь спать, всегда можешь тихонько уползти в свою комнату — для этого я и сделала такую планировку. Что скажешь?

— Пожалуй... да. Только сначала я, наверное, буду чувствовать себя дилетанткой.

— Это быстро пройдет. Давай...

Ее прервал резкий звонок на терминале.

— А, черт! Да чтоб тебя!.. — воскликнула Жанет. — Наверняка это из аэропорта... Срочный вызов Жану и, конечно, ему надо ехать, и плевать им на то, что он только что возвратился из дальнего рейса! — Она подошла к терминалу включила «прием», и мы услышали:

— «...случае тревоги. Наша граница с Чикагской Империей нарушена, и большое количество беженцев скопилось в приграничной полосе. Атака со стороны Квебека более серьезна, но, возможно, она нанесена по инициативе местного приграничного командования, поскольку объявления войны не было. В настоящее время введено чрезвычайное положение, поэтому рекомендуем: не выходить на улицы, сохранять спокойствие и ожидать на этой частоте официальных сообщений и инструкций...»

Начался Красный Четверг.

Мне кажется, все знают и думают о Красном Четверге и о том, что было потом, примерно одно и то же. Но чтобы объяснить самому

себе (а может, и самой себе, если это вообще возможно!), я должна рассказать, как я восприняла это, включая все мои страхи и всю мою растерянность.

Мы вчетвером залезли в большую постель Жанет, но не для секса, а просто для того, чтобы как-то сохранить душевный комфорт и быть вместе. И мы не могли оторвать глаз и ушей от экрана терминала. Там все время повторялись одни и те же сообщения — отражение атаки со стороны Квебека. Глава Чикагской Империи убит в своей постели, граница и Империей закрыта, саботаж повсюду, не выходить на улицы, сохранять спокойствие. Но все равно каждый раз мы, вслушивались, ожидая услышать хоть что-нибудь, что внесло бы хоть какой-то смысл во все эти новости.

Однако вместо этого положение становилось все хуже и хуже. К четверем утра мы уже знали, что волна убийств и саботажа охватила всю планету. Когда рассвело, появились неподтвержденные сообщения о трагедиях на Эль-4, на базе «Тихая», на стационарном спутнике и, оборванное на полуслове, на Сириусе. Невозможно было выяснить, достигла ли беда Альфы Центавра и Тау Кита, но... официальный дикторский голос с терминала практически «прояснил» это — громогласно отказываясь «гадать» и призывая всех нас не верить «необоснованным и вредным» слухам.

Около четырех Жанет соорудила с моей помощью несколько сэндвичей и сварила кофе.

В девять я проснулась оттого, что пошевелился Джордж, и обнаружила, что заснула, положив голову ему на грудь и обняв его правой рукой за шею. Жан полулежа расположился поперек кровати, уставившись на экран терминала... закрытыми глазами. Жанет исчезла — уползла тихонько в мою комнату и залезла в считавшуюся ныне моей кровать. Я осторожно вылезла из постели, умудрившись при этом не разбудить Джорджа, и проскользнула в ванную. Там избавилась от естественных последствий выпитой канистры кофе и сразу почувствовала себя лучше. Заглянув в «свою» комнату, увидела, что покинувшая нас хозяйка уже не спит и машет мне рукой, приглашая войти. Повинуясь ее жесту, я зашла в комнату и, когда она подвинулась, освобождая мне место рядом с собой, залезла в постель. Она поцеловала меня и спросила:

— Ну, как там мальчики?

— Оба спят. Во всяком случае, спали три минуты назад.

— Хорошо. Им надо поспать. Они оба — паникеры, что же касается меня, то я — нет. Я решила, что нет никакой надобности отправляться в преисподнюю сонной, и потому уползла сюда. Ты уже, по-моему, спала, когда я ушла.

— Наверное. Не помню, когда я заснула. Диктор бубнил одно и то же, бубнил уже в тысячный раз и... Потом я проснулась.

— И ничего не упустила. Я убавила звук, но оставила титры — там повторялось одно и то же. Марджори, мальчики ждут бомбежки. Я же думаю, что никакой бомбежки не будет.

— Надеюсь, что ты права. Но почему?

— Кто кого будет бомбить? Кто враг? Насколько я поняла из этих сообщений, все основные средоточия власти и силы сейчас в беде. Но... Помимо идиотской оплошности какого-то генерала в Квебеке, никакие военные силы не принимают участия в происходящем. Убийства, пожары, поджоги, взрывы, саботаж, насилие... Словом, все что угодно, но не схватка. Нет, это не Восток против Запада, не марксисты против фашистов, не черные против белых... Марджори, если кто-то прибегнет к ракетам, это будет означать, что весь мир свихнулся.

— А разве это не так?

— Думаю, что нет. Смысл всего этого в том, что тут вообще нет смысла. Мишень — повсюду. Везде. Это направлено на все правительства сразу.

— Анархисты? — предположила я.

— Не знаю. Может быть, нигилисты.

В комнату вошел Жан в старом халате, с двухдневной щетиной, кругами под глазами и очень хмурым лицом.

— Жанет, — сказал он, — Я не могу дозвониться Бетти и Фредди.

— А они собрались возвращаться в Сидней?

— Да нет, дело не в этом... я не могу пробиться ни в Сидней, ни в Окленд. Всюду этот дурацкий компьютерный автомат: «В-данный-момент-линия-не-работает-попробуйте-чуть-позже-спасибо-за-внимание».

— Черт! Может, повреждение?

— Может быть. Но может, и что-то похуже. Потом я позвонил в справочную аэропорта и спросил, что случилось со спутником связи Виннипег — Окленд. Пришлось назвать свой чин, чтобы подошел старший инспектор... Он сказал, чтобы я пока не дергал его с линиями связи, потому что у них дела поважней: все полубаллистики на земле, потому что два были уничтожены в воздухе. Рейс двадцать девятый «Виннипег — Буэнос-Айрес» и сто первый — «Ванкувер — Лондон».

— Жан!..

— Оба уничтожены мгновенно. Никто не уцелел. Прессованные взрыватели — никаких сомнений, потому что оба взорвались, выходя из атмосферы... Жанет, в следующий свой рейс я проверю все сам. Задержу взлет под любым предлогом и все проверю... Но, — уныло добавил он, — кто знает, когда он будет, мой следующий. Невозможно же взлететь на полубаллистике, когда нет связи с портом приземления... А инспектор признался, что все линии связи оборваны.

— Жан! — Жанет спрыгнула с кровати, подбежала к нему и поцеловала. — Прекрати себя грызть! Сейчас же прекрати. Конечно, ты сам все проверишь и будешь проверять, пока они не поймают вредителей. Но сейчас, сию минуту, ты выкинешь это из головы,

потому что никаких рейсов не будет, пока не починят линии связи! Значит, объявляются каникулы. Что касается Бетти и Фредди... Безобразие, конечно, что мы не можем связаться с ними, но ведь ты сам прекрасно понимаешь, что они — взрослые люди, и нянька им не нужна. И наверняка они точно так же волнуются сейчас из-за нас, и... Совершенно зря. Я очень рада, что это случилось, когда ты дома, а не на другой стороне планеты. Ты — здесь, тебе ничего не угрожает, а на остальное мне наплевать. Мы будем сидеть здесь и веселиться, пока вся эта чушь не закончится.

— Мне нужно быть в Ванкувере.

— Тебе не нужно ничего делать, о мой муж, кроме как платить налоги и жить до старости, а потом умереть. Никто не станет запикивать искусственные существа в корабли, когда корабли не летают.

— Искусственные существа? — невольно вырвалось у меня, о чем я тут же пожалела.

Жан взглянул на меня, словно видел впервые, но тут же улынулся и извиняющимся тоном сказал:

— Привет, Мардж, доброе утро... Ты не волнуйся и прости, что я затеял этот дурацкий разговор, как раз когда ты здесь... Искусственные существа, про которые говорила Жанет, это не машины, а... Ну, они живые. Понимаешь, у руководства фирмы возникла эта бредовая идея, будто ИС, сделанный специально для пилотирования, будет лучшим пилотом, чем человек. Я — секретарь Виннипегской секции, поэтому я должен бороться с этим. Встреча руководства и представителей гильдии пилотов назначена в Ванкувере на завтра.

— Жан, — вмешалась Жанет, — позвони Генеральному. Глупо лететь в Ванкувер, не проверив сначала, будет ли вообще...

— Ну хорошо, хорошо.

— Но не просто спроси, а убеди Генерального нажать на руководство и заставить их отложить встречу, пока не отменят чрезвычайное положение. Я хочу, чтобы ты был здесь... Чтобы ты сберег меня в целости и сохранности.

— Или наоборот...

— Или наоборот, — согласно кивнула она. — Но если это будет необходимо, я упаду в обморок прямо в твои объятия. Что тебе сделать на завтрак? Только что-нибудь не очень сложное, не то я велю тебя арестовать.

Я не слушала их разговор с того момента, как слова «искусственные существа» резанули мне слух. Я думала, что Жан — да и все они и здесь, и там, в Окленде, — цивилизованные люди без всяких предрассудков... Уж во всяком случае настолько, чтобы относиться к моему сорту ничуть не хуже, чем к себе подобным. А только что я своими ушами услышала, что Жан представляет свою гильдию в сваре работодателей и рабочих и борется за то, чтобы не

позволить моему сорту, или «виду», или... Словом, называйте как хотите, — чтобы такие, как я, не могли соревноваться с людьми. ✓

(Что же прикажешь нам делать, Жан? Перерезать себе глотки? Мы не просили нас делать, точно так же, как вы не просили вас рожать. Может быть, мы и не люди, но мы целиком разделили с людьми эту старую, как мир, участь: мы чужаки в этом мире, который создан не нами...)

— Мардж!..

— А?.. Простите, я замечталась. Что ты сказала, Жанет?

— Я спрашивала, что ты хочешь на завтрак, родная?

— Мне все равно. Я ем все, что не движется, или... Двигается, но медленно. Можно, я помогу тебе?

— Я надеялась, что ты предложишь это, потому что на кухне от Жана мало проку несмотря на его заверения.

— Я отлично готовлю! Из меня вышел бы прекрасный повар, — с ноткой обиды в голосе произнес Жан.

— Ну конечно, дорогой... Жан когда-то дал мне письменное заверение, что всегда будет готовить завтрак, если я попрошу. И он держит слово — ни разу еще не пытался увильнуть. Только мне нужно действительно проголодаться, чтобы попросить его!

— Марджи, не слушай ее!

Я так до сих пор и не знаю, умеет ли Жан готовить, но что касается Жанет, то она безусловно умеет. Джордж, как я выяснила позже, тоже прекрасный кулинар. Она подала на завтрак (не без моей помощи) пышный омлет с чеддером, нежные пирожки с сахаром и джемом и сэндвичи со слегка поджаренной ветчиной. И еще: апельсиновый сок, только что выжатый из свежих апельсинов вручную, а не соковыжималкой-автоматом. И еще: потрясающий кофе из только что сорванных кофейных зерен.

(Да, новозеландская еда, конечно, очень красива, но новозеландская кухня — это просто не кухня.)

Джордж появился к завтраку с точностью кошки — в данном случае, мамы-кошки, вошедшей за секунду до его появления, а может, и на секунду позже. Котятам вход был запрещен — Жанет была слишком занята завтраком, чтобы не наступить на одного из них в суматохе. Она также объявила, что, пока мы едим, новости будут выключены, а за столом можно говорить обо всем, кроме чрезвычайного положения. Меня это устраивало, потому что свалившиеся на нас странные и мрачные события не лезли у меня из головы, даже когда я спала. Как справедливо заметила Жанет, накладывая табу на эту тему, только ядерная бомба может пробить нашу «защиту», а взрыва ядерной бомбы мы, по всей вероятности, даже не заметим — так что надо расслабиться и наслаждаться завтраком.

Вот я и наслаждалась... Вместе с мамой-кошкой, ходившей по нашим ногам против часовой стрелки и давая знать каждому, когда наступала его очередь протянуть ей кусочек ветчины... Думаю, ветчины она съела больше всех нас.

Когда я убрала со стола (вымыв, а не выбросив тарелки — Жанет в смысле посуды была очень старомодна), Жанет сварила еще кофе, включила новости, и мы уселись послушать, посмотреть и обсудить их — уселись в кухне, а не в громадной зале, где вчера ужинали. Это была так называемая «крестьянская кухня», хотя никогда, по-моему, крестьяне таких кухонь не имели: огромный камин, большой круглый стол с «капитанскими» стульями, мягкие кресла и очень много свободного пространства, что не допускало превращения готовки и подавания на стол в каторгу. Котят впустили в кухню, положив тем самым конец их громким жалобам, и они мигом заняли весь пол. Я взяла одного из них на руки — белого с большими черными пятнами, — и он тут же громко замурлыкал. Было ясно, что сексуальная жизнь мамы-кошки ничем и никем не лимитировалась, — среди котят не было двух одинаковых или хотя бы похожих...

В сообщениях не оказалось почти ничего нового, кроме некоторых событий в Империи: хватали демократов и по приговору военно-полевых судов (их называли офицерскими трибуналами) уничтожали на месте — кого лазерами, кого расстреливали, а кого вешали. Чтобы спокойно смотреть, мне пришлось здорово взяться за самоконтроль... Приговору подлежали все взрослые — от четырнадцати лет и старше, — нам показали одну семью, где приговоренные родители умоляли пощадить их сына, утверждая, что ему всего двенадцать. Президент суда, офицер Имперской полиции оборвал дебаты, достав личное оружие и самолично застрелив парня, а потом велел прикончить родителей и старшую сестру мальчишки.

Жан выключил изображение и звук, оставив лишь ползущие по экрану титры.

— Хватит! — буркнул он. — Я уже насмотрелся... Ясно, что тот, кто сейчас у власти вместо убитого главы, уничтожает всех по малейшему подозрению. — Закусив губу, он мрачно посмотрел на меня. — Мардж, ты еще не выкинула из головы свое идиотское намерение возвращаться сейчас домой?

— Я же не демократ, Жан. Я вообще не занимаюсь политикой.

— А ты думаешь, тот мальчишка занимался политикой? Эти казаки прикончат тебя просто так, для тренировки... Как бы там ни было, ты все равно не можешь ехать. Граница закрыта.

Я не стала говорить ему, что на земле вряд ли найдется такая граница, которую я не могла бы перейти. Вместо этого я сказала:

— По-моему, это распространяется только на тех, кто движется на север. Разве они препятствуют гражданам Империи возвращаться домой?

— Марджи, — вздохнул он, — ты не умнее котенка, которого держишь на коленях. Ты что, не понимаешь, что симпатичной маленькой девочке не надо играть в игры с плохими ребятами, а то ей могут сделать очень больно? Я уверен, если бы ты была дома, твой отец не выпустил бы тебя на улицу. Но ты сейчас здесь, у нас,

и это накладывает на нас с Джорджем определенную ответственность... Правда, Джордж?

— Так точно, мой генерал!

— Между прочим, я буду защищать тебя и от Джорджа. Жанет, ты в состоянии объяснить этому ребенку, что все здесь ей рады и хотят, чтобы она осталась? Она, по-моему, из тех дам, которые всегда норовят сами выписать чек.

— Дело не в этом, Жан, — начала я, но меня прервала Жанет.

— Марджи, — сказала она, — Бетти просила меня позаботиться о тебе как следует. Если ты считаешь, что кому-то что-то должна, сделай взнос в Британско-Канадский Красный Крест. Или в приют для бездомных кошек. Что же касается нас, то так уж вышло, что мы трое зарабатываем кучу денег, и у нас нет детей. Ты для нас все равно что еще один котенок... Так как? Ты остаешься? Или мне нужно спрятать твою одежду и хорошенько тебя выпороть?

— Я не хочу, чтобы меня порол.

— Жаль, я предвкушала... Джентльмены, вопрос решен, она остается. Мардж, мы тебя надули. Джордж несомненно попросит тебя позировать в свободное время — он вообще жуликоватый парень, — а картинки представит нам вместо того, чтобы оплатить овощи и фрукты, как он обязан по нашему договору. И еще представит это так, будто он нам делает одолжение.

— Ничего подобного, — вмешался Джордж. — Ее содержание я оформлю, как деловые расходы, моя очаровательная Жанет. И должен тебе сказать, что она стоит дороже, чем мои взносы за питание — по крайней мере, в полтора раза.

— Согласна. Но не в полтора, а в два. По крайней мере. И не торгуйся, ты ведь ничего ей не заплатишь... Кстати, а в твоей студии она тебе не нужна? Я имею в виду — в лаборатории?

— Ценная мысль! Она витала где-то на задворках моего сознания, и... Спасибо тебе, бесценная наша, за то, что ты извлекла ее на свет Божий! — Он повернулся ко мне. — Мардж, ты не продашь мне одно яичко?

Он застал меня врасплох. Я постаралась сделать вид, что не понимаю:

— Но... У меня нет никаких яиц!

— Есть, есть! И на самом деле — много. Гораздо больше, чем понадобится тебе самой. Я имею в виду яйцеклетки. В лабораториях за яйцеклетки платят гораздо дороже, чем за сперму, — простая арифметика. Ты поражена? Я тебя шокировал?

— Нет... Только удивил. Я думала, ты художник.

— Мардж, — вмешалась Жанет, — я говорила тебе, что он — артист во многих смыслах. Это правда. С одной стороны, он — старший профессор тератологии в университете Манитобы, с другой... Он — главный специалист-технолог в Ассоциации генетических лабораторий и «спецяслей». Это, кстати говоря, требует большого артистизма и очень высокой квалификации. При этом он

недурно управляется с холстом и красками. А также с приборной панелью компьютера.

— Это точно, — кивнул Жан. — К чему бы Джордж ни прикоснулся, он — мастер. Но зря вы, двое, обрушили это на Мардж. Она же наша гостья... Многие люди очень огорчаются, когда слышат разговоры о манипуляциях с генами... Особенно с их генами.

— Мардж, я огорчил тебя? Прости, я не хотел...

— Ничуть. Жан, я не принадлежу к тем, для кого неприятна сама мысль об искусственных людях, или искусственных существах, или кого-то там еще... да что там, многие мои друзья — ИЧ...

— Ну, ну, дорогая, — мягко прервал меня Джордж, — не надо заходить так далеко.

— Почему ты так говоришь? — спросила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал не очень резко.

— Говорю, потому что знаю, потому что работаю в этой области, и у меня действительно много друзей — ИЧ. Чем я, кстати, горжусь. Но...

— Я полагала, — тут же возразила я, — что ИЧ никогда не знает своих создателей.

— Это правда, и я никогда не нарушал кодекс. Просто я хочу сказать, что у меня есть много возможностей познакомиться с искусственными существами и искусственными людьми (это, кстати, не одно и то же) и занять друзей среди них. Но прошу прощения, дорогая мисс Марджори, если вы только не моя коллега по профессии... Нет?

— Нет.

— Только гениальный инженер, или кто-то, очень тесно связанный с этой промышленностью, может утверждать, что у него есть друзья среди ИЧ. И это потому, моя дорогая, что, невзирая на очень распространенную байку, отличить искусственного человека от обычного совершенно невозможно. Да-да... А из-за нелепых предрассудков, свойственных тупым и невежественным людям, искусственный человек почти никогда добровольно не признается в своем происхождении. Да что там — «почти»! Вообще никогда. Поэтому, хоть я и очень рад, что у тебя не едет крыша от разговора об ИЧ, мне приходится расценивать твое утверждение, как... Ну, как гиперболу, что ли, к которой ты прибегла, чтобы продемонстрировать свою свободу от предрассудков.

— Что ж... Ладно. Пусть будет так. Я не понимаю, почему ИЧ должен считаться гражданином второго сорта. Это несправедливо.

— Несправедливо. Но некоторые люди напуганы. Спроси, например, у Жана. Он готов сейчас сломя голову мчаться в Ванкувер, только чтобы не дать ИЧ возможности стать пилотами. Он...

— Заткнись ты! Черта с два! Я поддерживаю это потому, что мои братья по гильдии так проголосовали, но... Я же не идиот! Джордж, я же живу с тобой, мы общаемся, и... Я понял, что тут нужен компромисс, — мы должны как-то договориться. Мы ведь в

нынешнем веке уже не настоящие пилоты — все делает компьютер. Если компьютер вырубится, я, как настоящий бойскаут, попытаюсь посадить коробку на землю, но... Не спеши ставить на меня! Скорости, требующиеся в критические моменты, давно уже лежат за пределами человеческих возможностей... Ну конечно же, я постараюсь! И каждый пилот на моем месте выложится, но... Джордж, если ты можешь создать ИЧ, который будет мыслить и действовать со скоростью, достаточной, чтобы самостоятельно выйти из подпространства, я уйду на пенсию. Это — все, чего мы добиваемся: если компания заменит нас ИЧ, нам должны быть выплачены все наши деньги. Если ты, конечно, и впрямь можешь создать такое...

— Ну, разумеется, я мог бы это сделать. И когда я сотворил бы это, если бы мне позволили, все пилоты могли бы спокойно отправляться удить рыбу до конца своих дней. Но это был бы не ИЧ, а искусственное существо. Если бы мне пришлось создавать организм, способный обеспечить полную безопасность при пилотировании, я никогда не стал бы ограничивать себя таким потолком — соблюдать абсолютную его идентичность обычному человеку...

— Не надо этого делать!

Мужчины уставились на меня с изумлением, а Жанет — с любопытством. Я же... пожалела, что не прикусила себе язык вовремя.

— Почему нет? — поинтересовался Джордж.

— Ну... Потому что я никогда бы не села на такой корабль. Гораздо безопаснее я чувствую себя с Жаном.

— Спасибо тебе, Мардж, — улыбнулся Жан, — но... Ты ведь слышала, что сказал Джордж. Речь идет о пилоте, который будет делать все лучше, чем я. Это вполне возможно. И так оно, черт возьми, и будет. Шахтеров заменили автоматы — так же заменят и нас. Я не обязан кричать «ура» по этому поводу, но я не могу закрыть на это глаза.

— Что ж... Скажи, Джордж, ты работал когда-нибудь с компьютером, наделенным интеллектом?

— Конечно, Марджори. Искусственный разум — та область, которая очень тесно переплетается с моей.

— Хорошо. Тогда ты должен быть в курсе, что множество раз специалисты-ученые по ИР объявляли всему свету, что они совершили переворот и вплотную подошли к созданию полностью разумного компьютера. И каждый раз это кончалось пшиком.

— Да. Это печально.

— Нет. Неизбежно. Это всегда будет кончаться именно так. Компьютер может стать полностью разумным — какие сомнения?! Доведите его до уровня сложности, идентичного человеческому мозгу, и ему придется стать разумным. Но тогда он осознает, что он — не человек. Потом он обнаружит, что никогда не станет человеком, и все, что он может, — это сидеть и подчиняться

человеческим приказам... И тогда он сходит с ума. — Я пожала плечами. — Это тупик. Он не может быть человеком, и никогда не сможет. Может быть, Жан и не сумеет спасти своих пассажиров в критический момент, но он постарается. Искусственное же создание, не будучи человеком и не испытывая никакой лояльности по отношению к человеческим существам, может запросто разбить корабль... Просто так! Просто потому, что он устал от несправедливого обращения с ним. Нет, Джордж, лично я полечу с Жаном, а не с твоим ИЧ, который в конце концов станет ненавидеть весь род людской.

— Только не с моим ИС, дорогая, — мягко поправил меня Джордж. — Разве ты не заметила, в каком наклонении я все время обсуждал этот проект?

— Нет. Мне кажется...

— В сослагательном. Потому что ты не сказала мне сейчас ничего нового. Я никогда над этим не работал и не стану работать. Я способен создать такого пилота. Но я не способен встроить в этого ИС то этическое восприятие, которое есть у Жана.

— Может быть, мне стоит на предстоящей встрече потребовать, чтобы любой пилот, будь он ИЧ или ИС, проходил этический тест? — подумав, спросил Жан.

— Какой тест, Жан? Я не знаю способа всунуть в него этические понятия, а Мардж только что убедительно объяснила, почему в данном случае не помогут никакие тренировки и обучения. Но так или иначе, каким тестом ты это обнаружишь? — спросил он. — Я читал старинные рассказы о роботах-гуманоидах... Да, очаровательные рассказы, и многие из них были основаны на, как их называли, Законах робототехники. Главное в этих Законах было то, что в каждого робота вставлялось основное правило: он никогда не мог ни прямо, ни косвенно причинить вред человеку. Прекрасная основа для фантазии, но... Как это сделать на практике? Что может заставить разумный организм нечеловеческого происхождения, электронный или органический, быть лояльным по отношению к людям? Я не знаю, как это сделать. Точно так же не знают и искусственные люди. — Джордж усмехнулся. — Разумность можно определить как уровень мышления, на котором разум вопрошает: «А что во всем этом есть для меня?» Ну-с, Мардж, как насчет продажи мне одного свежего яичка? Быть может, я тогда попробую сказать, что в этом есть для тебя, а?

— Не слушай его, — вмешалась Жанет, — он положит тебя на холодный стол и станет вторгаться в лоно любви без всяких романтических намерений. Я-то знаю, я ведь уже трижды имела глупость поддаться на его уговоры. И он даже не заплатил мне.

— Как же я мог тебе заплатить, если у нас с тобой все общее? Марджори, дорогая моя девочка, стол совершенно не холодный, он очень удобный, и ты можешь в это время читать, или болтать по видеофону, или делать все, что тебе заблагорассудится. Теперь эта

процедура уже не та, что была сто лет назад, когда лезли через брюшную полость и нередко протыкали...

— Хватит! — прервал его Жан. — Тут, кажется, что-то новенькое. — Он прибавил звук на терминале, и...

— «...Совет за Выживание. События, происшедшие за последние двенадцать часов, есть предупреждение богатым и власть имущим о том, что время их сочтено и справедливость должна восторжествовать. Убийства и прочие наглядные демонстрации продолжатся до тех пор, пока не будут удовлетворены наши справедливые требования. Оставайтесь на местах и не выключайте местные каналы экстренных сообщений...»

11

Даже те из вас, кто слишком молод, чтобы самим слышать это объявление, наверняка читали о нем и проходили в школах. Но все равно я должна кратко пересказать его, чтобы объяснить потом, как и почему повлияло оно на меня и на мою странную жизнь. Так называемый Совет за Выживание объявил себя секретным обществом «простых людей», посвятивших себя искоренению миллиардов несправедливостей, царящих на Земле и на всех планетах, куда только ступала нога человека. Этому они решили отдать свои жизни.

Но для начала в их планы входило — взять кое-какие жизни. Они заявили, что составили списки всех истинных «дергателей за веревки» на нашей планете и за ее пределами: свой список для каждого территориального государства и вдобавок один общий список «вождей» мирового масштаба. Имена в этих списках и были их мишенями.

Перечислив имена мировых «вождей», голос с терминала приступил к списку для Британской Канады. По выражениям лиц и глубокомысленным кивкам моих хозяев я видела, что они согласны с большинством кандидатур. Заместитель премьер-министра был в этом списке, а вот сама премьер — к моему и, вероятно, к еще большему ее удивлению, — в списке отсутствовала. Как бы вы чувствовали себя, если бы потратили всю свою жизнь на политику, прошли весь путь до самой вершины, а потом появились бы какие-нибудь умники и объявили, что вы настолько не имеете никакого значения, что вас даже убивать ни к чему? Это все равно, как если бы вас изнасиловала кошка!

Далее голос пообещал, что в грядущие десять дней убийств больше не будет. Если по истечении этого срока положение не исправится, каждый выбранный по жребию десятый из этого списка будет уничтожен. Приговоренные не будут казнены, они будут просто убиты. Еще через десять дней — опять каждый десятый. И так — до тех пор, пока выжившие не создадут Утопию.

Голос объяснил, что Совет — никакое не правительство и не собирается заменять какой бы то ни было правительственный орган.

Совет — это просто гвардия моралистов, олицетворяющих собой гражданское сознание общества. Те из власть имущих, кто выживет, так и останутся у власти, но они выживут лишь при условии, что будут творить справедливость. Пытаться уйти в отставку и сложить с себя бремя власти — бессмысленно, о чем их предупредили, и:

— «Вы слушали голос Выживания! Близится рай на земле!»

После этого последовала длинная пауза — слышно было, как проматывается пустой конец пленки, — а потом на экране появился диктор.

Первой нарушила молчание Жанет:

— Да, но... — начала она, но Жан резко переспросил:

— Что «но»?

— Нет сомнений, что в этом списке значатся самые влиятельные люди страны... Власть имущие. Представь, что ты — в этом списке и настолько труслив и глуп, что согласен сделать все, лишь бы уцелеть. Ну, и что ты будешь делать? Что есть справедливость?

(«Что есть истина?» — спросил Понтий Пилат и... умыл руки. У меня ответов не было, поэтому я молчала.)

— Дорогая, это же очень просто, — ответил ей Джордж.

— Просто?!

— Конечно. Они все здорово упростили. Каждый шеф, босс или, допустим, тиран изначально знает, что он должен делать. Так, во всяком случае, предполагается — ведь это его работа. Если он делает то, что должен, что ему положено, все идет нормально. Если же его постигает неудача, ему предлагают прислушаться к... гражданскому сознанию общества. С помощью доктора, м-мм... гильотины.

— Джордж, сейчас не до шуток!

— Никогда не говорил серьезнее, дорогая. Если лошадь не берет барьера, пристрели лошадь. Продолжай дальше в том же духе, и в конце концов ты найдешь лошадь, которая возьмет барьер. Если у тебя не кончатся лошади. Это особый сорт псевдологии, с помощью которой невозможно сомневаться в том, что человечеством вообще можно управлять с помощью любой системы правительств.

— Править — всегда грязное дело, — буркнул Жан.

— Верно. Но убивать — еще грязнее.

Эта политическая дискуссия длилась бы еще дольше, если бы экран не осветился, — кстати, я давно заметила, что политические дебаты никогда не иссякают сами по себе, пока их не оборвет что-то извне. На экране появился диктор, вернее, дикторша.

— Пленку, которую вы только что прослушали, — объявила она, — передали нам прямо на станцию. Представитель премьер-министра высказался о ней крайне отрицательно и распорядился, чтобы те станции, которые еще не транслировали пленку, воздержались от трансляции — под флагом Закона о защите граждан. То, что подобное распоряжение означает введение предварительной цензуры, а следовательно, идет вразрез с Конституцией, — очевидно. Голос Виннипега будет продолжать сообщения о развитии событий.

Призываем вас сохранять спокойствие и оставаться в домах, если только гражданские службы не нуждаются в вашем присутствии.

Далее последовало повторение тех новостей, которые мы уже слышали, и Жанет выключила звук.

— Жан, — сказала я, — предположим, я останусь здесь до тех пор, пока все не успокоится в Империи...

— Это не предположение, а свершившийся факт.

— Слушаюсь, сэр. Но тогда мне нужно срочно связаться со своим шефом. Могу я воспользоваться вашим терминалом? С моей кредитной карточкой, конечно.

— Только не с твоей. Я закажу разговор сам.

Я почувствовала, что начинаю злиться.

— Жан, я в восторге от гостеприимства, которое ты... С которыми вы все меня встретили. Но если вы собираетесь оплачивать даже то, за что любой гость может и должен платить сам, то вам лучше зарегистрировать меня как наложницу и объявить, что вы выплачиваете все мои долги.

— Резонно. Какое жалование ты хочешь?

— Постой! — вмешался Джордж. — Я заплачу больше. Он у нас жадина.

— Не слушай их обоих, — посоветовала Жанет. — Может, Джордж и заплатит побольше, но он заставит тебя позировать и потребует яичко — за ту же зарплату. Что касается меня, то я всегда мечтала о наложнице-рабыне. Родная, из тебя выйдет роскошная одалиска, даже без ожерелья на шею. Ты умеешь делать спинной массаж? А как насчет вокала? И, наконец, главный вопрос: как ты относишься к женскому полу? Последнее можешь шепнуть мне на ухо.

— Послушайте... давайте я выйду на минутку, потом вернусь, и мы начнем все сначала. Мне просто нужно сделать один звонок. Жан, я могу воспользоваться своей кредитной карточкой? У меня — единая, с кредитом «три-А».

— Где зарегистрирована?

— Имперский банк в Сент-Луисе.

У тебя железные нервы. Ты, стало быть, сладко спала всю ночь и не слышала объявления. Ты хочешь, чтобы твоя карточка была уничтожена?

— Уничтожена?..

— Эхо, что ли, у нас в доме? Брит-Кан-Кредит объявил, что, в связи с чрезвычайным положением, карточки, зарегистрированные в Империи и Квебеке, подлежат ликвидации. Так что прошу — вставляя ее в прорезь и увидишь, как обрадуется компьютер. А потом почувствуешь запах паленого пластика.

— Ох...

— Ну-ну, продолжай. «Ох» у тебя отлично получилось.

— Ты прав, Жан, и... Давай я съем пирог с горчицей и с перцем. Но после этого можно я позвоню Боссу за твой счет?

— Конечно-конечно... Если ты уладишь этот вопрос с Жанет. Она ведь ведет хозяйство.

— Жанет?

— Ты так и не ответила на мой главный вопрос, родная. Шепни мне на ухо.

Я наклонилась к ней и прошептала ей на ухо несколько слов. Она широко открыла глаза.

— Ну и ну... Но сначала давай сделаем твой звонок.

— Я назвала ей код, она пошла к себе в комнату и набрала это на своем терминале. Титры на экране исчезли, и появился фирменный знак связи, а потом надпись:

«Служба безопасности. Нет связи с Чикагской Империей».

Буквы светились десять секунд. Когда они погасли, у меня с губ сорвалось довольно сильное словцо.

— Ай-яй-яй, — раздался за спиной голос Жана. — Ни дамам, ни хорошеньким маленьким девочкам не следует так говорить.

— А я — ни то, ни другое. И я в полной ярости!

— Я знал, что ты будешь злиться. Я слышал объявление. Но я знал и то, что ты не поверишь мне на слово и захочешь сама попробовать.

— Да, Жан, конечно... А теперь я не только расстроена, а... Вообще на мели. У меня огромный кредит в Имперском банке Сент-Луиса, но я не могу взять оттуда ни пенни. Все, что у меня есть, — несколько новозеландских долларов и какая-то мелочь. Да, еще пятьдесят империалов и... Недействительная карточка. Ты говорил что-то о наложнице? Можешь нанять меня за гроши — этот рынок, пожалуй, сейчас хорош для покупателей.

— Подумаю. Обстоятельства изменились, и я, пожалуй, возьму тебя за кошку и харчи. Впрочем... Что ты там нашептала Жанет? Это может повлиять на окончательное решение.

— Она нашептала: «Не рой другому яму», — вмешалась Жанет (я ничего подобного ей не говорила), — и я адресую это тебе, мой добрый повелитель. Мардж, за прошедший час ты не стала хуже. Ты по-прежнему не можешь возвращаться, пока все не уляжется... А когда все уляжется, границы откроют, восстановят связь и твоя кредитная карточка снова станет желанной и почитаемой... Ну, если не здесь, то уж во всяком случае через сто миль после границы. Так что расслабься и жди...

— ...С ясным умом и спокойным сердцем. Аминь! Да, это самое лучшее, — кивнул Жан. — А Джордж скоротает время, рисуя тебя в разных видах. Он ведь в аналогичном положении — оба вы опасные чужаки, и вас интернируют, стоит вам лишь переступить порог этого дома.

— Мы что, пропустили еще какое-то объявление? — спросила Жанет.

— Да. Оно повторялось несколько раз. И Джордж, и Марджори должны немедленно явиться в ближайший полицейский участок. Я

бы не советовал этого делать. Джордж может строить из себя дурака и твердить, что он понятия не имел о том, что указ распространяется на проживающих здесь постоянно. Они, конечно, могут и отпустить вас на поруки, но с тем же успехом вы можете провести зиму в каких-нибудь грязных бараках, ибо где гарантия, что эта вистопляска закончится через неделю — две?

Я задумалась. Всему виной моя собственная глупость. В деловые поездки я всегда беру с собой не одну кредитную карту и приличную сумму наличными. Но, отправляясь в отпуск, я и не подумала соблюсти это правило. За наличные и верблюд может пролезть сквозь игольное ушко... Даже не один раз. А вот без них... Что делать без них?

После курса основной подготовки я ни разу не пробовала нелегально пересечь границу. Может, настала пора проверить на практике, что дает этот курс? Слава Богу, погода нормальная!

— Эй! Включите звук! — послышался голос Джорджа. — Или идите сюда!

Мы все побежали в гостиную и услышали с экрана:

— «...Господа! Не верьте хвастовству грешников! Мы и только мы несем ответственность за знаки грядущего апокалипсиса, что вы видите вокруг. Прислужники Сатаны пытаются присвоить себе святые действия избранных Богом слуг и направить их на свои гнусные цели. За это они несут сейчас кару. Правители же мира здесь, на земле, должны осуществить следующие святые деяния:

Прекратить все полеты к раю Господню, ибо, если бы Господь пожелал, чтобы люди летали, он дал бы им крылья.

Не допустить, чтобы бесовские наваждения продолжали существовать. Так называемая генная инженерия есть издевательство над высшими помыслами Господними. Разружьте здания, где творят этот смертный грех. Уничтожьте живых мертвецов, коих создают в черных ретортах. Перевешайте бесов, что творят сии беззакония.

(«О, Господи, — пробормотал Джордж. — Похоже, это обо мне!» — Я промолчала. Я-то знала, что это — обо мне.)

Мужчины, лежащие с мужчинами, женщины, лежащие с женщинами, все, кто ложатся с животными, должны быть забиты камнями. Как и женщины, уличенные в измене.

Паписты и сараины, неверующие и евреи, а также все, кто поклоняется идолам, — Ангелы Господни обращаются к вам: покайтесь, ибо час пробил! Покайтесь или падите от меча Избранных Богом!

Развратники, проститутки и нечестивцы, покайтесь! Или ждет вас страшная кара Господня!

Грешники, не выключайте эту волну, ибо здесь вам могут поведать, как сумеют обрести Свет те из вас, для кого еще не все потеряно!

По приказу высшего генерала Ангелов Господних!»

Пленка кончилась и наступила тишина.

— Жанет, помнишь, как мы первый раз увидели этих ангелов Господних? — спросил Жан.

— Никогда не забуду. Но я никак не ожидала такого...

— А что, эти Ангелы Господни и впрямь существуют? — спросила я. — Значит, это не просто бред?

— Ну... Вообще-то трудно представить, чтобы те Ангелы, которых мы видели с Жаном, были связаны с этим делом. Прошлой весной, в апреле, я заехала в аэропорт, встретить Жана. Главный зал был полон поклонниками Хари Кришны — эти кришнаиты в длинных робах, с бритыми головами, прыгали, тряслись и выпрашивали деньги. С посадочной площадки выходила делегация ученых-исследователей, прилетевшая на какую-то конференцию... По-моему, на Североамериканскую Конвенцию. Когда они подошли вплотную к кришнаитам, появились эти самые Ангелы Господни — с написанными от руки плакатами, тамбуринами и дубинками... Марджи, это была самая поганая свара, которую я где-либо видела. Отличить их друг от друга не составляло труда. Кришнаиты — одетые, как клоуны в цирке, с их бритыми лбами... В общем, с ними все ясно. Ангелы и ученые спецкостюмов не носили, но перепутать было невозможно. Вышедшие с посадочной площадки все были чистые, коротко постриженные, аккуратные, а Ангелы выглядели, как... незастеленные кровати. Да еще этот их «благочестивый» запах — когда ветер от них подул в мою сторону, я поспешила отойти, чтобы меня не стошнило... Ученым, конечно, не впервой было драться за свои права, и они защищались стойко, не бросая ни одного своего раненого на произвол. Кришнаиты дрались беспомощно, как цыплята, не обращая внимания на раненых, но Ангелы... Они лезли, как сумасшедшие, напролом... Они и есть сумасшедшие! Дрались кулаками, зубами, дубинками до тех пор, пока уже не могли подняться. Чтобы оттеснить этих Ангелов, понадобилось по одному конному полицейскому на каждого, хотя обычно одного верхового хватает на десяток хулиганов... Похоже, Ангелы знали время прилета ученых и специально пришли встретить их — кришнаиты там оказались случайно... Порт — удобное место для плясок, трясок и выколачивания монет, а Ангелы, увидев, что не смогут разделить ученых и кришнаитов, принялись молотить и тех, и других.

— Я видел их из-за барьера, — кивнул Жан. — Эти Ангелы дрались как одержимые, но... Я представить себе не мог, что эти грязные придурки могут запугать всю планету. Черт!.. Я и сейчас не могу поверить! Я думаю, они просто блефуют — ну, как те психопаты, что берут на себя ответственность за любой террористический акт.

— Все равно, мне бы не хотелось столкнуться с ними лицом к лицу, — возразила Жанет.

— Это верно! Я скорее схватился бы со сворой диких собак. Но у меня не укладывается в голове, как свора диких собак может запугать правительство! Что за странный мир?..

Никто из нас не предполагал, что могут появиться другие претенденты на ответственность за акции, но... Двумя часами позже на волне появились некие Стимуляторы:

— «Говорит официальный представитель Стимуляторов. Тщательно выбрав цель, мы совершили первые казни, после чего не начинали никаких беспорядков. Мы сочли целесообразным заблокировать некоторые линии связи, но блокада будет снята, как только позволят обстоятельства. Дальнейшее развитие событий вынуждает нас огласить наш благотворный и лишенный всякого насилия проект. Оппортунисты, называющие себя Советом за Выживание в англоязычных странах, или последователями Льва Троцкого, или прочими бессмысленными именами где бы то ни было, пытаются воспользоваться нашей программой. Они легко могут быть выведены на чистую воду вследствие того простейшего факта, что никакой программы у них самих нет. Хуже дело обстоит с религиозными фанатиками, зовущими себя Ангелами Господними. Их так называемая программа — это безумная смесь антиинтеллектуальных лозунгов и невежественных предрассудков. Успеха они не добьются, но их доктрина ненависти может натравить людей на своих братьев и сестер, поэтому фанатики должны быть остановлены.

Чрезвычайный декрет № 1: Все, кто называют себя Ангелами Господними, приговариваются к смертной казни. Власти обязаны приводить приговор в исполнение сразу же по опознании виновных. Всем гражданам при каждой встрече с именующими себя Ангелами Господними следует сообщать о них властям. Гражданам разрешается самим совершать аресты и применять при этом силу в случае необходимости. Соккрытие сведений о вышеозначенной группе лиц, а также укрывание их, оказание им любой помощи приравнено к тягчайшим уголовным преступлениям.

Чрезвычайный декрет № 2: Ложно взятая на себя ответственность за любую акцию Стимуляторов, а также ложные ссылки при каких-то действиях на приказ Стимуляторов приравнивается к тягчайшему преступлению. Все власти повсеместно обязаны следовать этому закону. Декрет распространяется на группы и личности, именующие себя Советом за Выживание, однако декрет не ограничивается лишь этой категорией.

Примечание. Вышеназванные законы вступают в действие с момента их объявления. Политические, финансовые и прочие лидеры обязываются исполнять вышеназванные меры и несут личную и коллективную ответственность за их выполнение. За ослушание — смертная казнь.

Немедленные реформы:

— Все налоги, цены и ренты объявлены замороженными. Все закладные на частное жилье аннулированы. Любая прибыль не должна превышать шести процентов.

— В каждой стране медицинская промышленность полностью национализируется. Врачам выплачивается жалованье, адекватное

зарплате преподавателей высших учебных заведений, сестрам — адекватное зарплате учителей в начальных школах. Отменяется плата за содержание в клиниках и больницах. Все граждане, независимо от социального уровня, обеспечиваются медицинским уходом самого высокого класса.

— Все общественные и частные службы, функционирующие в данный момент, продолжают работу. После переходного периода будут разрешены и произведены те перемены местоположения различных учреждений и лиц, которые приведут к росту общего благосостояния.

Следующие демонстрационные казни произойдут через десять дней, плюс-минус два дня. Список официальных лиц, подверженных риску, оглашенный так называемым Советом за Выживание, не утверждается и не аннулируется. Каждый из вас должен заглянуть себе в душу и спросить себя, все ли вы делаете правильно и на благо ваших сограждан? Если ответ положителен, вы — в безопасности. Если ответ отрицателен, вы можете быть причислены к следующей группе, избранной в качестве наглядного примера всем тем, кто вверг нашу честную планету в пучину несправедливостей и гнусных привилегий.

Специальный декрет: Производство псевдолюдей прекращается немедленно. Все так называемые искусственные люди и (или) искусственные существа должны быть готовы подчиниться новому закону, выработанному властями, как только таковой появится и вступит в силу. Во время же переходного периода, пока готовится руководство, по которому псевдолюди будут жить, не причиняя вреда человечеству, в обстоятельствах, исключающих возможность бесчестной конкуренции с подлинными людьми, подобные существа должны продолжать работу, но оставаться полностью изолированными в нерабочее время.

Местным властям запрещается уничтожать этих существ, и лишь при следующих условиях их можно...»

Речь неожиданно прервалась, и на экране появилось потное лицо усталого мужчины.

— Я — сержант Мэллой, — представляю и говорю от имени Председателя парламента Хендерсона. Все подобные неофициальные передачи отныне запрещены. Обычные регулярные программы вскоре будут продолжены. Однако не снимайте настройку с этого канала на случай чрезвычайных сообщений. — Он запнулся, вздохнул и устало произнес: — Плохое время, ребята. Наберитесь терпения.

— Ну, вот, дорогие, выбирайте, кому что нравится, — усмехнулся Джордж. — Теократия во главе с охотниками на ведьм и бесов. Или фашистский социализм во главе с вчерашними

недоучками. Или толпа беснующихся прагматиков, обожающих пристреливать лошадь, не берущую барьер. Делайте ваши ставки! Выбор свободен, но только — по одной на каждого!

— Прекрати, Джордж! — сказал Жан. — Это не предмет для шуток.

— Брат мой, какие шутки? Я плачу. Одна банда велит застрелить меня при первом появлении, другая — объявляет мою профессию вне закона, а третья... Мне кажется, третьей — той, что отделяется общими угрозами, не конкретизируя, — нужно бояться больше всего. Стало быть, если я не удовлетворюсь одной лишь врачебной практикой, вновь сформированное правительство — моя нынешняя альма матер, — объявит меня чужаком, которого нужно пока что держать взаперти, а потом... Так что же мне делать? Шутить? Или рыдать у тебя на груди?

— Прежде всего, перестать разглагольствовать — вот что. Мир сходит с ума прямо на наших глазах, и нам стоит хорошенько все обдумать и решить, что можно предпринять.

— Прекратите, вы — оба! — твердо сказала Жанет. — Есть одна вещь, которую знает любая женщина и не знает почти ни один мужчина: бывает время, когда самый мудрый поступок — ничего не делать, а ждать. Я прекрасно знаю вас обоих. Вы, конечно, дайте вам волю, тут же побежите в пункт набора рекрутов, запишетесь в ополчение и целиком отдадите себя во власть сержантов. Это очень подходило вашим отцам, вашим дедам, и, поверьте, мне искренне жаль, что это совершенно не годится для вас. Но если кто-то знает лучший способ противостоять этому, чем просто сидеть и ждать, пусть выскажется. Если же нет, то хватит нам бегать кругами. Подходит время того, что обычно называли ленчем. У кого-нибудь есть лучшие предложения?

— Мы очень поздно завтракали.

— Значит, у нас будет поздний ленч. Когда ты увидишь его на столе, тебе немедленно захочется его съесть. И Джорджу — тоже... Мы можем сделать и еще кое-что: если вдруг положение ухудшится, Мардж должна знать, куда укрыться в случае бомбежки.

— Или чего-нибудь похуже, — буркнул Жан.

— Или чего-нибудь похуже, — согласно кивнула Жанет. — Ты прав, Жан. Скажем, если полиция станет разыскивать вражеских лазутчиков. Кстати, а вы — двое сильных и храбрых мужчин, — подумали, что нам делать, когда начнут стучаться в нашу дверь?

— Да, я думал об этом, — ответил Джордж. — Первый план таков: вы отдадите Мардж в руки казаков, это отвлекает их и, таким образом, дает мне время убежать далеко-далеко.

— Понятно, — кивнула Жанет, — но у тебя, кажется, есть и другой план?

— Ну, он не так прост и элегантен, как предыдущий, но... Есть и другой. Я сам отдаюсь в руки гестапо. Они выясняют, можно ли меня — почетного гостя и исправного налогоплательщика, ни разу

не уклонявшегося от взносов в фонд полицейских и пожарников, — бросить в застенки без всяких на то оснований. И пока я таким образом приношу себя в жертву высоким идеалам, Мардж ныряет в тайник и ложится на дно. Они ведь не знают, что она здесь, а вот обо мне, к сожалению, знают. Так что, «на смертный бой идти готов...»

— Не играй в благородство, дорогой, это тебе не подходит. Мы из этих двух планов сделаем один. Если... Нет, когда они придут искать кого-то из вас, или обоих, вы вместе нырнете в тайник и пробудете там столько, сколько потребуются. Дни... Недели. Словом, сколько нужно.

— Нет, — покачал головой Джордж, — это не для меня. Сыро. Вредно для здоровья.

— И потом, — вмешался Жан, — я обещал Мардж, что буду защищать ее от Джорджа. Какой смысл спасать ей жизнь, но при этом швырять ее в объятия этого сексуально озабоченного дикаря?

— Не слушай его, милая. Моя единственная слабость — сладкий ликер.

— Крошка, ты нуждаешься в защите от Джорджа?

Вполне искренне я ответила, что скорее Джорджу может понадобиться моя защита, но в подробности вдаваться не стала — пусть примут это как юмор.

— Что же касается твоих жалоб на сырость, Джордж, то наша «нора» имеет тот же климат, что и во всем доме, — я сама делала проект. Полиции мы тебя не отдадим, даже если понадобится для этого связать тебя и запихнуть туда силой. — Жанет повернулась ко мне. — Идем со мной, родная. Мы совершим легкую прогулку. Не без дождичка, правда. — Она провела меня в предназначенную мне комнату и взяла в руки мою спортивную сумку. — Что у тебя здесь?

— Ничего особенного. Несколько пар чулок, трусики... Паспорт. Бесплезная кредитка, немного наличных, удостоверение личности, блокнот... Весь мой багаж остался в порту.

— Это хорошо, потому что все эти мелочи можно оставить в моей комнате — у нас с тобой примерно один и тот же размер. Она открыла ящик комода и достала пластиковый конверт, прикрепленный к поясу. Обычный дамский кошелек на поясе — я его сразу узнала, хотя никогда таким не пользовалась. Он не годится для моей работы, слишком примитивен.

— Положи сюда все, с чем ты не хочешь расстаться, и надень пояс на себя... Да, застегни его как следует, потому что ты вся вымокнешь. Волосы не боишься мочить?

— Господи, нет, конечно! Я и феном-то никогда не пользуюсь — просто вытираю их полотенцем или отряхиваюсь.

— Отлично. Клади все в кошелек, надевай пояс и снимай с себя всю одежду — незачем ее мочить. Впрочем, если явятся жандармы, тебе все равно придется быстро нырнуть, и шмотки вымокнут, но ты высушишь их в «норе».

Мы зашли в ее огромную ванную, на мне был только пояс, на ней — одна улыбка.

— Родная, — сказала она, — посмотри под сиденье на той стороне, — и указала на противоположный конец ванны-бассейна.

— Ничего не вижу, — сказала я, пристально взглядевшись в поверхность воды.

— Я специально так рассчитала. Вода чистая, и ты можешь разглядывать все дно сколько угодно. Но в том единственном месте, откуда видно то, что находится под сиденьем, свет лампы так отражается от поверхности воды, что бьет прямо тебе в глаза. Под сиденьем небольшой туннель. Ты его не увидишь, как бы ты ни старалась, но если залезешь в воду, можешь дотянуться до него. Вход в туннель — чуть меньше метра в диаметре, а длина всего туннеля — метров шесть. Ты не боишься закрытого пространства? Клаустрофобия или что-нибудь в этом роде?

— Нет.

— Это хорошо. Единственный способ пробраться в нору — это вдохнуть поглубже, нырнуть и проплыть весь туннель. Это не так уж трудно, на дне его встроены специальные уступы, от которых можно отталкиваться... Но главное — не сомневаться, что ты вынырнешь и все будет нормально. Сначала в туннеле будет темно, но свет включится сам — там система радиационного включения, реагирующего на тепло тела. Для начала, пожалуй, я нырну первая. Ты готова?

— Да.

— Пошли. — Жанет вошла в бассейн. Вода доставала ей чуть выше талии. — Делаем глубокий вдох! — Она вдохнула и нырнула под мраморное сиденье.

Я вошла в воду, набрала в грудь воздуху (мне этого хватит надолго, чем любому человеку) и нырнула вслед за ней. Найти туннель на ощупь не составило труда, двигаться по нему было легко, а уступы на дне еще больше облегчали путешествие, но все равно мне показалось, что там гораздо больше шести метров.

Неожиданно впереди меня зажегся свет, я доплыла до него и поднялась на ноги, Жанет протянула мне руку, помогла выбраться из воды, и я очутилась в крохотной комнатке — от пола до потолка было не больше двух метров... Уютнее, чем в могиле, конечно, но... Ненамного.

— Повернись, дорогая. Вот сюда.

«Вот сюда» — это, оказалось, за тяжелую стальную дверь, в полуметре над полом. Жанет открыла ее, мы по очереди сели на порог, потом перебросили ноги на ту сторону, и дверь закрылась за нами со звуком крышки барокамеры.

— Дверь герметичная, — объяснила Жанет. — Если бомба разорвется поблизости, взрывная волна выплеснет всю воду из туннеля сюда, но дальше двери — ни на миллиметр. Ну, конечно, при прямом попадании... Впрочем, прямого попадания мы не заметим, так что я

на него не рассчитывала. Осматривайся, привыкай... Я сейчас поищу полотенце.

Мы очутились в длинной узкой комнате с аркообразным потолком. Справа у стены стояло несколько раскладных кроватей, стол со стульями и рядом с ним — терминал компьютера, в дальнем конце — крохотная кухонька и дверь в ванную или душевую. Жанет зашла за эту дверь и тут же вышла с большим полотенцем.

— Постой спокойно и не вертись, пока мамуля тебя не вытрет, — сказала она. — Фенов здесь нет, я постаралась обойтись минимумом автоматике.

Она вытерла меня насухо, а потом за полотенце взялась я и «поработала» над ней — с большим удовольствием, должна признаться, ибо Жанет была красивым экземпляром человеческой породы. В конце концов она сказала:

— Хватит, крошка. Теперь давай-ка я устрою тебе небольшую экскурсию: ведь если ты окажешься здесь, то в качестве беженки, а стало быть, вполне вероятно, будешь совсем одна... Да-да, это очень даже возможно, и твоя жизнь будет зависеть от того, насколько хорошо ты изучишь это место. Итак, первое: видишь книжку, висящую на цепи, над столом? Это — инструкция, мое личное изобретение, и цепочка здесь вовсе не ради шутки. С этой книжкой тебе не нужны никакие экскурсии — в ней все. Где аспирин, где аммонал, где яблочный соус — там все указано.

И все же она, несмотря на инструкцию, прочла мне коротенькую лекцию: запасы пищи, морозильная установка, система вентиляции, ручной насос для воды на случай отказа автоматике, одежда, лекарства и так далее...

— Я рассчитала здесь все на три месяца для троих, — сказала она.

— А как ты возобновляешь запасы?

— А как бы ты это делала?

— Откачала бы воду из туннеля и бассейна, — подумав, ответила я.

— Совершенно верно. У нас есть потайной резервуар, он не значится ни на одном из планов постройки. Впрочем, многие вещи не боятся воды, а что-то можно протащить и в водонепроницаемых пакетах... Кстати, как там деньги у тебя в кошельке на поясе? Не намокли?

— Думаю, нет. Я выдавила весь воздух из кошелька, прежде чем закрыть его. Жанет... А ведь этот тайник не только бомбоубежище, иначе ты бы не тратила столько сил и денег, чтобы сохранить его в тайне, а?

Она нахмурилась, а потом усмехнулась.

— А ты догадлива, родная. Ты права, я не стала бы строить это место только ради бомбоубежища. Если на нас когда-нибудь станут падать ядерные бомбы, я не очень захочу уцелеть и пережить это. Я сделала «нору», чтобы иметь защиту в случае, как говорят,

«гражданских беспорядков»... Мои дед и бабка часто рассказывали мне о временах, когда люди были вежливы друг с другом, никто не боялся выходить ночью на улицу, и почти все не запирали двери на замки. Не было, или почти не было, заборов вокруг домов, не говоря уже об электрической проволоке и лазерной защите. Может, так оно все и было, но я не так стара, чтобы помнить это. На протяжении всей моей жизни, и это я хорошо помню, все менялось к худшему. Когда я закончила школу, то на своей первой работе занималась тем, что разрабатывала модели новых защитных устройств для реконструированных старых зданий. Но те модели уже устарели, а ведь это было не так уж давно. Тогда главной задачей защиты было — остановить и спугнуть незваного гостя, сейчас же защита, как правило, двухступенчатая: если первая «ступень» не остановила, вторая — должна убить. Это противозаконно, но все, у кого есть достаточно средств, пользуются только такими. Марджи, скажи, что я тебе еще не показала? Не лезь в книгу, ты ее испачкаешь. Напряги извилины — какую главную часть «норы» я не показала тебе?

— (Она что, и вправду хочет, чтобы я сказала?) — По-моему, ты показала мне все... Даже основной блок энергоснабжения!

— Ну подумай, родная. Представь, что дом наверху взорван. Или что он полон незваных гостей... Ну хотя бы, что полиция обыскивает каждый закуток, — ищут тебя и Джорджа. Что тогда нужно иметь здесь?

— Ну... У каждого, кто живет под землей, — лисиц, там, зайцев, кротов, — должен быть запасный выход, да?

— Умница! Где он?

Я притворилась, что стараюсь отыскать его. На самом деле, из-за подсознательного рефлекса, привитого специальными тренировками («Не расслабляйся ни на секунду в закрытом помещении, пока не нашла способ выбраться»), я давно уже нашла его.

— По идее, он должен быть напротив основного входа, то есть туннеля, а значит... Я думаю, он внутри этого шкафа. Да?

— Не знаю, то ли поздравлять тебя, то ли как следует подумать, как бы его спрятать получше. Ты права — внутри шкафа и сразу налево. Свет зажжется от тепла твоего тела, как и в туннеле, — система питания отдельная и, по-моему, ее хватит на всю жизнь. Но на всякий случай стоит захватить с собой фонарь — ты знаешь, где он лежит, — потому что этот туннель довольно длинный. Он выходит наружу далеко от дома, в небольшой рощице, там, где густые заросли кустарника. Замаскированная дверь, хоть она и тяжелая, открывается легко. Вот так...

— Здорово сделано, но... Слушай, Жанет, а что если кто-то найдет этот вход снаружи и войдет? Хотя бы я, а? В конце концов, я ведь — посторонняя.

— Ты не посторонняя. Ты наша старая подруга, с которой мы просто недавно познакомились. Но ты права, кто-то может случайно найти запасной выход несмотря на то, что он хорошо замаскирован.

Тогда... Первое: жуткий вой сирены по всему дому, и мы, не спускаясь вниз, просмотрим каждый метр туннеля — на экране одного из мониторов. Далее, мы кое-что предпримем — слезоточивый газ, например. Но если в это время нас не будет дома, то мне, честно говоря, останется лишь посочувствовать Жану и Джорджу.

— Почему?

— Потому что мне сочувствие вряд ли понадобится — я сошлюсь на внезапное женское недомогание. Мне не очень улыбается избавляться от мертвецов, особенно если тело пролежало уже несколько дней... Брр-р-р.

— А-а... Понятно.

— Но тело не будет мертвым, если у его владельца останется хоть одна извилина. Вспомни, что я тебе говорила, Мардж, я же профессиональный специалист по защитным устройствам — по современным, то есть двухступенчатым. Допустим, кто-то добрался до этой двери и просунул свои когти внутрь — нет, он пока еще живой. Если это кто-то из нас — вряд ли, но в принципе возможно, — он легко дотянется до потайного выключателя, и защита не сработает. Я покажу тебе, где он находится... Если же это незванный гость, он увидит загоревшуюся надпись на двери: «Частная собственность — держись подальше!» Допустим, он плюет на это и проходит дальше метров пять — раздается голос, предупреждающий, что дом под активной защитой. Кретин продолжает идти вперед... Вой сирены, красный свет слепит ему глаза. Он идет дальше? Что ж, бедным Жану и Джорджу придется вытаскивать из туннеля груды вонючего тряпья — только не наружу и не в дом. Если кто-то покончит с собой, стараясь прорваться сквозь нашу защиту, тело его никогда не найдут, он просто исчезнет. Хочешь узнать, каким образом?

— Совсем не хочу. Я уверена, что я не из тех, «кому следует ознакомиться». (Замаскированный боковой туннель, Жанет, и — в конце его известковая яма... Интересно, сколько тел уже там? Жанет, ты вся такая нежная, как утренний туман, но если кто-то и выживет в эти сумасшедшие годы, ты будешь среди них. Ума и осторожности тебе не занимать, и наивна ты не больше, чем Мария Медичи.)

— И я так думаю. Хочешь посмотреть что-нибудь еще?

— Вряд ли, Жанет. Тем более, что, скорее всего, я никогда не воспользуюсь этим чудным убежищем. Возвращаемся?

— Позже. — Она подошла ближе и положила руки мне на плечи. — Так что ты мне там прошептала на ухо?

— По-моему, ты слышала.

— Да. Я слышала. — С этими словами она притянула меня к себе и...

На терминале, стоящем у стола, зажглась надпись: «Ленч готов!» Жанет с отвращением взглянула на экран и, вздохнув, сказала:

— Тупая машина. Всю малину изгадила...

Ленч был великолепен. Вокруг огромной супницы с подогревом расположились холодные закуски: маринованные огурцы, сыр несколько сортов, хлеб, соленья, орехи, маслины, сельдерей и, чуть поодаль, хлебные корочки, натертые чесноком. Джордж склонился над супом с торжественностью метрдотеля и разлил его по глубоким тарелкам. Когда я уселась за стол, Жан повязал мне шею огромной салфеткой и посоветовал:

— Приступай как можно скорее. И не стесняйся чавкать по-свински.

Я попробовала суп и кивнула.

— Так и сделаю. — Потом повернулась к хозяйке и добавила: — Жанет, ты наверное придумывала этот суп весь вчерашний день.

— Ничуть не бывало, — возразила Жанет, — Он был завещан Джорджу его прапрабабкой.

— Ну, не надо преувеличивать, — вмешался Джордж, — моя покойная матушка, упокой Господь ее душу, начала варить его в тот год, когда я родился. Моя старшая сестра всю жизнь мечтала унаследовать рецепт, но она вышла замуж за недостойного — британского канадца, естественно, — и поэтому рецепт отошел ко мне. Я стараюсь следовать традициям, но все же... думаю, и вкус, и букет были лучше, когда его готовила покойная маман.

— Я в этих вещах не разбираюсь, — пожала я плечами, — но ручаюсь, этот суп не имеет никакого отношения к консервам.

— Я пробовала варить его на прошлой неделе, — сказала Жанет, — но Джордж отогнал меня от плиты и следил за ним сам. Он понимает в супах больше, чем я.

— Я вообще ничего не понимаю в супе, я просто ем его, и... надеюсь, в супнице есть еще.

— Кажется, нет, — сказал Джордж, — но мы можем сварить еще. Правда, мяса, по-моему, нет, но мы наловим мышей...

— Что там свежего в новостях? — перебила его Жанет.

— А как же твое правило? «Только не за едой», а?

— Жан, любимый, уж кто-кто, а ты должен прекрасно знать, что мои правила распространяются на всех, кроме меня самой.

— В общем, без перемен. Об убийствах больше ни слова. Если и появились какие-нибудь новые охотники взять на себя весь происшедший кошмар, наше заботливое правительство решило не уведомлять нас об этом. Господи, как же я ненавижу эту логику — «Папочка лучше знает!» «Папочка» не знает, иначе мы бы не очутились по уши в том дерьме, в котором торчим сейчас. Все, что мы знаем, — правительство ввело цензуру. Это лишь подтверждает, мы не знаем ничего, и мне по этому поводу так и хочется пристрелить кого-нибудь.

— По-моему этого уже было достаточно. Или ты хочешь записаться в Ангелы Господни?

— Улыбайся, когда говоришь такие вещи. Или хочешь, чтобы у тебя распухла губа?

— Вспомни, последний раз, когда ты хотел выпороть меня, что из этого вышло?

— Именно поэтому я и сказал «губа»?

— Дорогой, я закажу для тебя успокоительную микстуру... Поверь, мне очень жаль, что ты так расстроен. Мне тоже это не нравится, но я не вижу другого выхода, кроме как выкинуть все это из головы.

— Жанет, ты иногда бываешь разумна до невозможности. Что действительно выводит меня из себя, так это — огромная черная дыра во всех сообщениях... И я не вижу никакого объяснения этому.

— Чему?

— Международным корпорациям. Все новости касались только территориальных государств, и ни слова — о корпоративных. А между тем всякому, кто умеет считать до десяти, ясно, на чьей стороне сегодня настоящая власть. Что, эти обороты не в курсе?

— Старина, — мягко сказал Джордж, — может быть, именно поэтому корпоративные государства и не объявлялись мишенями?

— Да, но... — Жан пожал плечами и уставился в свою тарелку.

— Жан, — сказала я, — помнишь тот день, когда мы впервые встретились? Ты объяснил, что не существует способа ударить по корпорациям, — говорил еще о Ай-Би-Эм в России.

— Я говорил не совсем так, Мардж. Я сказал, что военная сила бесполезна, когда имеешь дело с корпорацией. Обычно, когда эти гиганты воюют между собой, они пользуются деньгами и юридическими завышками, то есть воюют с помощью банкиров и адвокатов, а не грубого насилия. Ну да, иногда они нанимают боевиков, пользуются военной силой, но никогда не признаются в этом, и... Это не их стиль. Однако нынешние шутники используют как раз то оружие, которым можно врезать по корпорациям и здорово задеть их: терроризм и саботаж. Это же очевидно! И меня здорово беспокоит, почему мы до сих пор ничего об этом не слышали. И я не понимаю, что происходит. Почему они до сих пор не вступили в игру?

Я проглотила большой кусок хлеба, который перед этим обмакнула в потрясающий суп, а потом сказала:

— Жан, а может так быть, что это какая-нибудь корпорация... или даже не одна, а несколько, — стоит за всем этим спектаклем?

Жан так резко выпрямился, что задел ложку в тарелке и пролил суп на скатерть.

— Мардж, — медленно проговорил он, — ты просто чудо. Я выудил тебя из толпы по причинам, не имеющим никакого отношения к твоим мозгам...

— Я знаю.

— Но мозги у тебя на месте. Ты моментально углядела самое слабое место в этом идиотском намерении компаний нанимать искусственных пилотов... Я повторю твои аргументы в Ванкувере. А

теперь — в этой бредовой картине всего происходящего... Ты добавила один мазок, и все стало на свои места.

— Я не уверена, что все встало на места, — сказала я. — Но, судя по сообщениям, убийства и саботаж охватили всю планету, равно как и Луну, и дошли аж до Сириуса. Для этого нужны сотни людей, скорее всего, даже тысячи. И убийства, и саботаж — профессии не из легких, они требуют тренировок. Любители, если даже их и удастся нанять, завалят дело в семи случаях из десяти. Все это означает, что... За этим стоят деньги, много денег. У какой-то вшивой политической организации или у сумасшедшей религиозной секты таких денег нет и быть не может. Так у кого же есть деньги для демонстрации такого масштаба? Я не знаю... Я просто назвала один из возможных вариантов.

— Ты решила проблему. Все ясно, кроме одного: кто? Мардж, чем ты занимаешься в свободное время от семьи на Южном Острове?

— У меня нет семьи на Южном Острове, Жан. Мои мужья и сестры по С-браку развелись со мной.

(Выговорив это, я вдруг так же поразились сказанному, как и он.)

Все замолчали. Жан с трудом глотнул и тихо сказал:

— Мне... Мне очень жаль, Марджи.

— Не стоит, Жан. Это была ошибка, теперь она исправлена, и тема закрыта. Я больше не поеду в Новую Зеландию. Но я с удовольствием съездила бы как-нибудь в Сидней — повидала Бетти и Фредди.

— Я уверен, им это придется по вкусу.

— Мне тоже. Кроме того, они оба приглашали меня. Жан, а что преподаст Фредди? Мы с ним... У нас не было времени поговорить об этом.

— Фредерико мой коллега, Мардж, — ответил мне Джордж, — счастливое совпадение, приведшее к моему пребыванию здесь.

— Да, это правда, — кивнула Жанет. — Толстячок вместе с Джорджем перекраивал гены в Мак-Гилле, там Джордж встретил Бетти. Бетти отфутболила его в моем направлении, а я... Я его сцапала.

— Вот мы с Джорджем и договорились, — вмешался Жан, — поскольку никто из нас в одиночку не мог справиться с Жанет. Верно, Джордж?

— Ты прав, о брат мой. Если, конечно, мы вдвоем можем с ней справиться.

— Мне, кстати, трудно справляться с вами, — заметила Жанет. — И я попрошу Мардж помочь мне. Ты как, Мардж?

Я не стала серьезно отвечать на это предложение, потому что ни на йоту не верила в его серьезность. Все просто болтали ерунду, чтобы как-то загладить мое шоковое сообщение. И мы все это знали. Но заметил ли кто-нибудь, кроме меня, что вопрос о моей работе больше не обсуждался? — Я-то знала, что произошло, но... Почему

же так резко проснулся мой подсознательный инстинкт и произвел столь сильный отвлекающий маневр? Ведь я все равно никогда бы не стала выдавать секреты Босса!

Вдруг до меня дошло, что мне необходимо срочно связаться с Боссом. Участвует ли он в этих странных событиях? И если да, то на чьей стороне?

— Желаете еще супу, мадам?

— Нет. Не давайте ей больше супу, пока она не ответит на мой вопрос.

— Жанет, ты же это не на полном серьезе. Джордж, если я съем еще супу, я захочу еще хлеба. И растолстею. Нет, не надо меня искушать.

— Еще супу?

— Ну, хорошо... Только немного.

— Я совершенно серьезно, — твердо сказала Жанет. — Я, конечно, не хочу тебя ничем связывать, потому что сейчас ты, наверное, не испытываешь большого энтузиазма при мысли о браке. Но ты можешь попробовать, и через год мы вернемся к этой теме. Если захочешь. А пока что ты будешь просто моей собственностью... Да, и я разрешу этим двум маньякам находиться с тобой в одной комнате, только если их поведение меня будет устраивать.

— Эй, постой! — протестующе воскликнул Жан. — Кто, интересно, привез ее сюда? Я! Так что Мардж — дама моего сердца!

— Она дама сердца Фредди, если верить словам Бетти. И ты привез сюда Мардж в качестве заместительницы Бетти, но... Это все было вчера, а с сегодняшнего дня она — дама моего сердца! И если кому-то из вас захочется с ней поговорить, будьте любезны, подойдите ко мне на предмет получения талона. Я права, Марджори?

— Конечно, Жанет, если тебе так хочется. Но боюсь, сейчас вопрос носит чисто академический характер, потому что мне действительно надо уезжать. Скажи, в доме есть большая карта приграничной полосы? Я имею в виду южную границу.

— Конечно. На компьютере. А если хочешь распечатку, сделай сама на принтере в моем кабинете — он сразу за спальней.

— Но я не хочу прерывать новости.

— Ты и не прервешь. Каждый терминал здесь может работать самостоятельно. Без этого в доме невозможно было бы жить, ты же видишь, какие здесь все эгоисты...

— Особенно Жанет, — кивнул Жан. — Мардж, зачем тебе понадобилась большая карта границы с Империей?

— Вообще-то я с большим удовольствием вернулась бы домой монорельсом, но... Это сейчас невозможно, а поэтому мне нужно найти какой-то другой способ.

— Так я и думал. Родная, мне придется спрятать подальше твои башмаки. Ты понимаешь, что тебя могут запросто пристрелить на границе? Причем пограничники с обеих сторон сейчас с удовольствием развлекутся.

— М-мм... Так можно я займусь картой?

— Разумеется... Если ты пообещаешь даже не пытаться лезть в приграничный район.

— Брат мой, — мягко произнес Джордж, — зачем заставлять человека лгать и ввергать его в искушение?

— Джордж прав, — подвела итог Жанет. — Никаких принудительных обещаний. Валяй, Мардж, действуй, а я уберу со стола. Жан, ты собирался мне помочь.

Следующие два часа я провела с компьютером, сначала запоминая общую картину границы, а потом самым подробнейшим образом — некоторые ее участки. Граница не может быть на все сто процентов на замке, не помогут даже стены с колючей проволокой, которыми в тоталитарных государствах огораживают некоторые объекты. Обычно наилучший маршрут в таких случаях — где-нибудь недалеко от охраняемых портов. Дорожки там хорошо протоптаны, но... Я не собираюсь пользоваться всем известным путем.

Поблизости было несколько пропускных пунктов: Станция Эмерсон, Сосновая бухта, Южная станция, Гретна, Мэйда и еще парочка. Я обратила внимание на Розовую реку, но она, кажется, уходила в сторону и впадала в Красную реку (карта в этом месте была смазана).

Был еще странный кусок суши, клином входящий в Лесное озеро — к юго-востоку от Виннипега. На карте он был выкрашен в тот же цвет, что и Империя, и, кажется, мне ничего не могло помешать пересечь границу на этом участке — если не принимать во внимание несколько километров болота. Я не сверхчеловек, и я запросто могу захлебнуться и утонуть, но... Этот неохраняемый участок уж очень дразнил мое воображение. В конце концов я все же выкинула это из головы по той простой причине, что, хотя формально этот кусок был частью Империи, его отделяли от Империи двадцать два с лишним километра воды. Украсть лодку? Голову даю на отсечение — стоит появиться в этом пространстве любой лодчонке, она немедленно нарвется на прожектор, и, если не назовет нужный пароль, ее тут же угостят лазером, а с лазером не поспоришь. Во всяком случае, я с ним в спор не вступаю, потому что ему ни глазки не состроишь, ни взятку не сунешь, ни... Я выкинула это из головы.

Только я оторвалась от карты и принялась строить в воображении свой маршрут, как с терминала раздался голос Жанет:

— Марджори, пожалуйста, пройди в гостиную. И побыстрее!

Я пришла туда очень быстро. Жан говорил с кем-то, глядя на экран. Джордж стоял так, что его с экрана не было видно. Жанет знаком показала мне, чтобы я тоже встала в непросматриваемом участке комнаты.

— Полиция, — шепнула она. — Тебе лучше нырнуть в «нору». Давай, не мешкай, а когда они уйдут, я тебя позову.

— Они в курсе, что я здесь? — шепотом спросила я.

— А черт их знает.

— Тогда давай подождем, пока это не выяснится. Если они знают про меня и не смогут меня найти, у вас будут неприятности.

— Плевать мы хотели на неприятности.

— Спасибо... Но давай все-таки подождем и послушаем.

— Мел, не валяй дурака, — говорил меж тем Жан, обращаясь к лицу на экране. — Джордж не чужак и не враг, ты же прекрасно это знаешь. А что касается этой... Мисс Болдуин, так ты ее назвал?.. Почему вы решили искать ее здесь?

— Вчера вечером она выехала из аэропорта вместе с тобой и с твоей женой. И если она не с вами, то вы наверняка знаете, где она сейчас. Что касается Джорджа, то любой квебекец сегодня — чужак и враг. Не важно — сколько он здесь прожил и в какой клуб ходит. Я полагаю, ты сам предпочтешь, чтобы его забрал ваш старый приятель, чем посторонний патруль. Давай, отключай верхнюю защиту, я сажусь.

— Вот уж действительно старый приятель! — громко шепнула Жанет. — Он еще со школьной скамьи пытается затащить меня в постель, а я с тех самых пор твержу ему «нет»... Он какой-то весь скользкий!

— Мел, — со вздохом произнес Жан, — сейчас твои заверения в дружбе по меньшей мере смешны. Если бы Джордж был здесь, он наверняка предпочел бы быть арестованным посторонним, чем человеком, разглагольствующим о дружбе. Так что начни все сначала, и пусть все будет по правилам.

— Значит, ты так хочешь? Ладно! Говорит лейтенант Дикей. Я должен произвести арест в вашем доме. Отключите защиту, я приземляюсь.

— Говорит Жан Тормей, домовладелец. Приветствую блюстителей порядка. Лейтенант, приставьте ордер к своему передающему устройству так, чтобы я мог удостовериться в его правильности и сфотографировать его.

— Жан, ты что, совсем спятил? Было объявлено чрезвычайное положение, и мне не нужен никакой ордер!

— Что-то трещит, я вас не слышу.

— Не слышишь? Ну, может, тогда ты это услышишь: я приземляюсь и вынужден спалить твою защиту. Если при этом загорится что-то еще, мне будет очень жаль.

Жан с отвращением посмотрел на экран и чем-то щелкнул на приборной доске.

— Верхняя защита отключена, — сказал он, потом выключил микрофон и повернулся к нам. — У вас двоих есть три минуты, чтобы спуститься в «нору». Я не смогу задержать его дольше на пороге.

— Я не собираюсь лезть ни в какие норы, — спокойно ответил Джордж. — Я буду настаивать на своих правах. И если не сейчас, то позже я привлеку Мелвина Дикей к суду и спущу с него шкуру.

— Ты спятил, — пожал плечами Жан, — но ты уже не мальчик.

Поступай как знаешь. Мардж, детка, ныряй вниз. Он не уверен, что ты здесь, и я быстренько от него избавлюсь.

— Что ж... Если это необходимо, я нырну, но... Я ведь могу просто переждать в ванной комнате у Жанет, а? Он придет, покрутится здесь и уйдет. А я включу там терминал, чтобы все видеть. Идет?

— Мардж, с тобой становится все труднее и труднее.

— Тогда уговори Джорджа — пусть он тоже нырнет в «нору». Если же он останется здесь, я могу вам понадобиться... Чтобы помочь ему. И тебе.

— Ты соображаешь, что ты говоришь?

Я сама толком не отдавала себе отчет, но просто знала, что со всей моей подготовкой глупо было выходить из игры и отсиживаться в этом убежище.

— Жан, этот Мелвин Дикей... Он, по-моему, может сделать Джорджу что-нибудь... плохое. Я чувствую по его голосу и... Если Джордж не ныряет со мной, я останусь с ним, чтобы этот Дикей ничего не... Ну, я хочу сказать, что тому, кто попал в руки полиции, всегда нужен свидетель.

— Мардж, ты же все равно не сможешь его остановить... — Послышался дверной гонг. — А, черт! Это он... Исчезни отсюда! И ныряй в «нору»!

Я убралась из гостиной, но — не в «нору», а в ванную Жанет. Там я включила терминал, настроила изображение на гостиную и включила звук.

Разряженный как петух, Дикей горделивой поступью вошел в гостиную. Его маленькая душонка разместилась в теле, почти не уступающем размерами телу Жана. Бегающие глазки сразу засекли Джорджа, и на губах заиграла торжествующая улыбочка.

— Ага, вы здесь, — радостно протянул он. — Перральт, я арестую вас за сознательное уклонение от явки в полицию на предмет высылки из страны в условиях чрезвычайного положения — параграф шестой!

— Я не получал таких указаний.

— Чуть! Это передавалось по всем каналам новостей.

— А я обычно не слушаю новости. И я не знаю такого закона, который был бы применим ко мне. Могу я взглянуть на копию приказа, по которому вы намереваетесь арестовать меня?

— Не морочьте мне голову, Перральт. Мы действуем в условиях чрезвычайного положения, и я выполняю инструкции. Вы сможете ознакомиться с приказом в полиции. Жан, я обязываю вас помочь мне. Возьмите эти браслеты, — Дикей вытащил из-за спины пару наручников, — и наденьте их на него. Руки заведите ему за спину.

— Мел, — Жан не тронулся с места, — не старайся быть глупее, чем ты есть на самом деле. У тебя нет ни малейшего повода надевать на Джорджа наручники.

— Нет повода? Черта с два! Нам придется сидеть рядом, а арест

я совершаю без чьей бы то ни было помощи. И я не могу рисковать и допускать, чтобы он попробовал выкинуть какой-нибудь трюк по дороге в полицию. А ну-ка живо! Надевай на него браслеты!

— Не смей наставлять на меня свой дурацкий пистолет! — раздался голос Жанет, и...

Я уже не смотрела на экран. Вон из ванной, мимо двух дверей, вниз, через длинный холл, и — я уже была в гостиной, чувствуя странный озноб, как всегда, когда мне приходится резко входить в разнос.

Дикей пытался взять на прицел сразу троих, одной из которых была Жанет. Этого ему не стоило делать. Я очутилась рядом с ним, одной рукой взяла у него пистолет, а другой ударила его по шее. Послышался неприятный хруст костей — с таким хрустом всегда ломаются шейные позвонки, этот звук никогда не спутаешь с треском ребер... Я опустила тело на ковер и положила пистолет рядом, механически отметив, что это — «Рэйтон-505», которым можно было уложить мамонта... Интересно, почему люди с маленькими душками обожают большой калибр?

— Жанет, ты не ранена? — спросила я.

— Нет.

— Я прибежала так быстро, как только могла... Жан, когда я говорила, что вам может понадобиться моя помощь, я имела в виду что-то вроде этого... Но мне надо было оставаться здесь — я чуть не опоздала.

— В жизни своей не видал, чтобы кто-то двигался так быстро!

— Я видел, — спокойно произнес Джордж.

— Ну разумеется. — Я кинула на него быстрый взгляд. — Разумеется, ты видел... Джордж, ты сможешь мне убрать это? — Я указала на мертвеца. — Да, и еще — ты умешь водить гравилет? Полицейскую модель?

— Умею, если нет другого выхода.

— И я примерно так же. Давайте сначала избавимся от тела. Жанет говорила мне о яме, куда попадают тела непрощенных гостей. Нет, она не показывала место. Это где-то рядом с потайным выходом из «норы»? Надо приниматься за дело. Жан, как только мы избавимся от трупа, Джордж и я — мы можем убрать отсюда. Или Джордж может оставаться... Но главное — избавиться от гравилета и от тела — тогда вы с Жанет можете изображать глухонемых. Вы никогда его не видели, никаких улик нет. Но нам нужно спешить, пока его не хватились.

Жанет опустила на колени рядом с бывшим лейтенантом полиции.

— Мардж, ты... по-настоящему убила его.

— Да, я очень спешила. Но я все равно бы убила его, потому что, когда имеешь дело с полицейским, убить — гораздо безопаснее, чем ранить. Жанет, ему не надо было наставлять свою пушку на тебя. Если бы не это, я, быть может, лишь отняла у него пистолет,

а потом... Потом убила бы его, если бы ты сама решила, что это необходимо.

— Ты... и впрямь очень спешила. Тебя здесь не было, потом ты оказалась здесь, а Мел стал падать... Необходимо? Я не знаю, но... Мне его ничуть не жаль, он — обыкновенная крыса... Был обыкновенной крысой.

— Мардж, — медленно произнес Жан, — кажется, ты не отдаешь себе отчета в том, что убийство полицейского — это очень серьезное дело. Это тягчайшее преступление, причем единственное, за которое в Британской Канаде полагается смертная казнь.

Когда люди так говорят, я просто перестаю их понимать — разве полицейский чем-нибудь отличается от остальных?..

— Жан, для меня тыкать пистолетом в моих друзей — очень серьезное дело. Тыкать им в Жанет — тягчайшее преступление. Мне очень жаль, если я тебя огорчила, но... Сейчас у нас здесь тело и гравилет, и от них нам надо избавиться. Я могу помочь. А могу и просто исчезнуть — сию минуту. Мы ведь не знаем, как скоро они примутся искать его... И нас. Мы лишь знаем, что этого не избежать.

Говоря это, я одновременно шарила по карманам у бывшего лейтенанта — он был без сумки, поэтому пришлось обыскивать тело, причем очень аккуратно, потому что естественные реакции организма всегда одинаковы... К счастью, он всего лишь чуть-чуть замочил трусы, и вони не было. Почти. Все самое важное было у него в карманах пиджака — бумажник, рация, удостоверение, деньги, кредитные карточки — словом, вся дребедень, без которой современный человек не может ощущать себя живым. Я взяла бумажник и «Рэйтон-505», все остальное — чепуха. Да, еще эти дурацкие браслеты...

— Как избавиться от металла? Их можно кинуть в ту же яму?

Жан все еще кусал губы. Джордж мягко сказал:

— Жан, нам стоит воспользоваться предложением Марджори и принять ее помощь — ведь ясно, что она в этих делах эксперт.

Жан наконец стряхнул с себя оцепенение и перестал хмуриться.

— Джордж, — сказал он, бери его за ноги.

Мужчины подняли тело и потащили его в ванную Жанет. Я побежала вперед, бросила бумажник, пистолет и наручники на кровать в своей комнате и, оглянувшись, увидела, что Жанет присовокупила к этим вещам шляпу своего несостоявшегося любовника. Я кивнула и поспешила в ванную, раздеваясь на ходу. Мужчины внесли туда тело, и Жан сказал:

— Мардж, тебе не стоит нырять, мы с Джорджем протащим его сами. И сами избавимся от тела.

— Хорошо, — кивнула я, — только давайте я сначала его вымою. Я знаю как это делается, и мне удобнее сделать это раздетой. Потом я быстренько приму душ.

— Зачем? — С недоумением Жан уставился на меня. — Пускай остается грязным.

— Пожалуйста, если ты так хочешь, но тогда вы не сможете пользоваться бассейном и нырять в «нору», пока не смените воду и как следует не вычистите дно. По-моему, лучше вымыть тело — так будет быстрее. Хотя... — Я повернулась к вошедшей в этот момент Жанет. — Ты говорила, что можно перекачать всю воду в специальный резервуар... Сколько это займет времени? Если полный цикл — туда и обратно?

— У нас маленький насос, так что... Около часа.

— Жан, если вы разденете его и засунете под душ, я справлюсь минут за десять. Да, а что делать с одеждой? Она пойдет с ним в «склеп», или уничтожим ее другим способом?

Дело пошло быстро, как только они принялись выполнять мои команды. Жанет тоже разделась и заявила, что поможет мне с телом, Джордж собрал всю одежду и понес ее в стиральную машину, а Жан нырнул в туннель, чтобы проверить, как работает насос.

Мне не хотелось, чтобы Жанет помогала мне обмывать труп, потому что я проходила соответствующую психологическую подготовку, а она, я уверена, нет. Но с подготовкой или без, она держалась прекрасно — не раскисла ни на секунду, лишь пару раз сморщила нос. С ее помощью я управилась быстрее, чем если бы делала все одна.

Джордж принес обратно выстиранную одежду, Жанет засунула шмотки в пластиковый пакет и перед тем, как закрыть его, выдавила оттуда весь воздух. Из бассейна вынырнул Жан, держа в руках конец веревки. Мужчины обвязали веревкой тело под мышками и через несколько секунд оно исчезло.

Через двадцать минут мы все были чистыми и сухими, а в доме не осталось и следа от лейтенанта Дикей. Жанет вошла в «мою» комнату, как раз когда я перекладывала содержимое бумажника Дикей в свой пластиковый конверт на поясе, который она мне дала. Наличные, две кредитные карточки — Америкэн Экспресс и Мэйпл Лиф...

Она не стала говорить никаких глупостей, вроде: «Грабитель мертвых...», — а если бы и сказала, я бы не стала ее слушать. В эти дни обойтись без действующей кредитки и наличных — невозможно. Жанет вышла из комнаты и тут же вернулась, неся в руках раза в два больше наличных денег, чем я вытащила из бумажника полицейского. Я взяла их, но сказала:

— Ты ведь знаешь, что я и понятия не имею, когда и как смогу тебе их вернуть.

— Конечно, знаю. Мардж, я — богата. Богатыми были мои дед и бабушка, богатыми — мои родители, теперь богата я сама... Слушай, родная, какой-то ублюдок наставил на меня пистолет, а ты... Ты пришибла его голыми руками. Смогу я когда-нибудь рассчитаться за это? Там стояли оба моих мужа, но... врезала ему ты!

— Не нужно винить мужчин, Жанет, — у них нет моей подготовки.

— В этом я имела случай убедиться. Когда-нибудь ты

расскажешь мне поподробнее... Скажи, ты можешь оказаться в Квебеке?

— Очень может быть. Особенно если Джордж решит, что ему тоже лучше убраться отсюда.

— Я думала об этом. — Она протянула мне еще деньги. — Обычно я не держу квебекские франки дома, поэтому вот все, что есть.

В этот момент в комнату вошли мужчины. Я взглянула на свои часы, потом — на те, что висели на стене.

— Сорок семь минут прошло с того момента, как я убила его, значит, он не разговаривал со своим начальством где-то около часа. Джордж, я хочу попытаться... Думаю, я справлюсь с полицейским гравилетом. Ключ — у меня. Или ты полетишь со мной и сам сядешь на место пилота? Решай — летишь? Или остаешься ждать, пока они не придут арестовывать тебя еще раз? Так или иначе, я — лечу отсюда.

— Давайте все смоемся! — неожиданно выпалила Жанет.

— Лихо! — Я не сумела скрыть радости.

— Ты действительно этого хочешь? — спросил Жан.

— Я... — Она запнулась и растерянно огляделась. — Я не могу. Мама-кошка, котята... Черная Красотка, Дьявол, Звездочка, Рыжик... Мы, конечно, можем закрыть дом, отапливается он всего одним энергоблоком, но уйдет как минимум дня два, чтоб устроить всю нашу семью... Я не могу их просто бросить... Даже если бы был один-единственный котенок, все равно!.. Я просто не могу! Возразить на это было нечего, и я промолчала. Страшная кара ожидает тех, кто бросает котят на произвол судьбы... Босс говорит, что я сентиментальна до идиотизма. Что ж, он прав.

Мы вышли из дома. На улице лишь начинало темнеть, и до меня неожиданно дошло, что я приехала сюда только вчера... Странно, а казалось, будто прошел целый месяц. Надо же, двадцать четыре часа назад я еще была в Новой Зеландии!..

Полицейская машина торчала прямо на огороде Жанет, что вызвало у нее тираду, слегка удивившую меня, — я не ожидала, что она умеет произносить такие слова. Это был обычный антиграв, не предназначенный для выхода из атмосферы, примерно такого же размера, как наш фермерский вагончик на Южном Острове. Нет-нет, это не вызвало у меня никаких ностальгических воспоминаний — Жанет со своими мужчинами и Бетти с Фредди вылечили меня от тоски по бывшей С-семье. Что прошло, то — прошло, такова я... А теперь я очень хотела вернуться к Боссу. Образ отца? Может быть, но меня мало увлекают все эти заумные теории.

— Дайте-ка мне взглянуть на эту землечерпалку, прежде чем вы начнете с ней играть, — сказал Жан, — а то вы можете натворить с ней дел.

Он поднял дверцу и забрался внутрь. Минут через пять вылез и сказал:

— Что ж, если хотите, можете лететь. Но сначала выслушайте меня. У него есть опознавательный сигнал. Наверняка есть и активный маяк, хотя я так и не сумел его отыскать. Энергоблок стоит на тридцати одном проценте, так что о Квебеке забудьте — выше двенадцати тысяч метров вам не подняться. Но что хуже всего, на терминале постоянно вызывают лейтенанта Дикей.

— Ну и что? Мы не будем обращать на это внимания, и все дела!

— Разумеется, Джордж. Но в прошлом году, после заседаний в Ортеге в полицейские машины разрешено вмонтировать устройства, позволяющие уничтожить аппарат с помощью дистанционного взрывателя. Я пытался найти это устройство и... если бы нашел, конечно, сумел бы отключить. Но я не нашел, и это вовсе не значит, что его там нет.

— Жан, — пожалала я плечами, — я никогда не бегала от необходимого риска, но всегда старалась избежать риска другого сорта. Тем не менее, нам все равно нужно избавиться от этой консервной банки — взлететь на нем и бросить его где-нибудь.

— Не суетись, Мардж. Летать — все-таки моя профессия. Что касается этого... Да! На нем стоит стандартный Эй-Джи-автопилот военного образца, так что мы можем его куда-нибудь отправить. Но куда? Может быть, на восток? Он разобьется, не долетев до Квебека, и... Это может навести их на мысль, что ты, Джордж, хотел сбежать на родину. А между тем, ты преспокойно отсидишься в «норе».

— Жан, мне все равно, потому что я не собираюсь отсиживаться ни в каких норах. Я согласился убраться отсюда, только потому что Мардж может понадобиться моя помощь.

— Скорее уж она будет о тебе заботиться — ты что, не видел, как она уложила Головастика?

— Видел. Но я не сказал, что ей нужна забота, я сказал, что ей может понадобиться помощь.

— Не вижу разницы.

— А я вижу, но не хочу спорить. Впрочем, если ты настаиваешь...

Я прервала этот диалог, сказав:

— Жан, у него хватит энергии до южной границы с Империей?

— Да. Но лететь тебе на нем опасно.

— Я не это имела в виду. Задай ему курс на юг и поставь на предельную дистанцию. Может быть, его собьют ваши пограничники, а может, — со стороны Империи. Возможно, ему удастся пересечь границу, и он будет уничтожен дистанционным взрывателем... Или просто кончится энергия, и он разобьется. Словом, в любом случае мы избавимся от него.

— Будет сделано! — Жан снова залез внутрь, поколдовал у приборной панели и, когда гравилет оторвался от земли, спрыгнул вниз и прокатился по земле.

— Все в порядке? — протягивая ему руку и помогая подняться, спросила я.

— Все отлично! Смотрите!

Полицейская машина быстро набирала высоту, разворачиваясь к югу. Неожиданно она резко вырвалась из облаков, вся осветилась в лучах заходящего солнца, стала быстро уменьшаться в размере, превратилась в крошечную точку и исчезла.

14

Мы снова сидели в кухне и обсуждали создавшееся положение, одновременно прислушиваясь к терминалу и потягивая коктейли, которые соорудил нам Жан.

— Послушай, Мардж, — говорил он, — не дергайся, посиди здесь и, когда этот дурацкий сон кончится, ты поедешь домой со всеми удобствами. Если они вновь заявятся сюда, ты нырнешь в «нору». Самое худшее — побудешь там какое-то время, а Джордж, как ему велела Бетти, напишет с тебя парочку ню. Ты согласен, Джордж?

— Это было бы замечательно.

— Ну, так как, Мардж?

— Жан, если я скажу Боссу, что не могла прибыть, когда следовало, потому что двадцатипятикилометровая полоса границы была закрыта, он мне просто не поверит. (Сказать им, что я — курьер со спецподготовкой? Нет, не стоит. Пока не стоит.)

— Что же ты собираешься делать?

— Ребята, я думаю, я вам уже порядком надоела. (Жан, родной, ты же все еще не можешь оправиться от шока после того, как на твоих глазах, в твоей гостиной убили человека! Хоть ты и взял себя в руки, и ведешь себя как профессионал, но...) Я теперь знаю, где ваш запасной выход, так что, когда вы завтра утром проснетесь, меня, возможно, здесь уже не будет. И вы спокойно забудете все неприятности, которые из-за меня вам...

— Нет!

— Жанет, когда кончится эта свистопляска, я тебе позвоню. И, если захочешь, я с удовольствием навещу тебя, как только у меня будет свободное время, но сейчас я должна вернуться к своей работе. Ну, сколько раз я могу это повторять?

Но Жанет и слышать не желала о том, чтобы я в одиночку пыталась пересечь границу. (Это я-то, которой так же нужен был здесь помощник, как рыбе зонтик!) У нее, правда, был свой план: мы с Джорджем могли путешествовать по ее с Жаном паспортам. Мы с ней были примерно одинаковой комплекции, да и Джордж был почти одного роста с Жаном. Лица, конечно, разные, но... Кто в наше время смотрит на стереографии в паспорте?

— Вы можете потом послать паспорта по почте обратно... Впрочем, есть вариант и попроще. Можете отправиться в Ванкувер, а оттуда в Калифорнийскую Конфедерацию по обыкновенным туристическим картам, но — под нашими именами. Когда пересечете

калифорнийскую границу, можете считать, что вы дома... Мардж, там твоя кредитка будет действительна, и ты запросто свяжешься со своим шефом. И никакая полиция там вам ничего не сделает. Изящно?

— Да, — подумав, согласилась я. — Прodelка с туристскими картами, пожалуй, безопаснее, чем с паспортами... Для всех безопаснее. Как только я окажусь там, где действует моя кредитка, у меня не будет никаких проблем. (Я тут же заполучу наличные и... Никогда и никто не застанет меня больше враспloh без денег. С наличными же деньгами нигде не пропадешь. Особенно в Калифорнии — там полно жуликов, в отличие от Британской Канады, где еще сохранилось много патологически неподкупных чиновников.)

— В конце концов, — добавила я, — в Беллингхеме мне будет никак не хуже, чем здесь... Оттуда я доберусь до Республики Одинокa Звезды и, если там граница закрыта, попытаюсь перейти ее нелегально. Есть какие-нибудь сложности у Техаса с Чикаго? Они не разорвали дипломатические отношения?

— Судя по сообщениям, нет, — ответил Жан. — Впрочем, я могу запросить компьютер.

— Да, будь добр, запроси до того, как я уеду... Если понадобится, я могу добраться через Техас до Виксберга. Вверх по реке всегда плавают контрабандисты, и за деньги можно легко к ним примазаться...

— До того, как мы уедем, — мягко поправил меня Джордж.

— Джордж, этот маршрут удобен для меня, но тебе... С каждым шагом ты будешь все дальше и дальше от Квебека. Ты же говорил, что твой второй дом — в Мак-Гилле?

— Моя очаровательная леди, у меня нет ни малейшего желания отправляться в Мак-Гилл. Раз уж у меня возникли осложнения с полицией здесь — в моем истинном доме, — мне ничего не остается, кроме как ехать с тобой. Как только мы окажемся в Вашингтонской провинции Калифорнии, ты можешь сменить имя миссис Тормей на миссис Перралт, поскольку я уверен, что обе мои кредитные карточки — и Мэйпл Лиф и Квебекский кредит, — будут действовать там.

(Джордж, милый, ты просто прелесть... Но когда я буду рвать когти из Калифорнии, мне так же понадобится «прелесть», как испанский сапожок. А когти, милый, мне придется рвать, что бы там Жанет ни говорила, — домой и оттуда попасть непросто.)

— Джордж, это звучит здорово. И я не могу сказать, что ты должен оставаться дома. Но я должна сказать, что по профессии я — курьер, и годами я путешествовала по всей планете одна, не раз бывала в космических колониях и на Луне. На Марсе и Сириусе — еще нет, но в любой момент меня могут послать туда...

— Ты хочешь сказать, что предпочитаешь ехать одна? Ты не хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

— Да нет же! Нет! Я просто хочу сказать, что, если мы поедем вместе, это будет просто... Ну, просто для удовольствия — твоего и моего. Но ты должен понять, что, как только я окажусь в Империи, я должна буду остаться одна, потому что я там немедленно приступаю к своим обязанностям.

— Слушай, Мардж, — сказал Жан, — пусть Джордж по крайней мере поможет тебе выбраться отсюда в такое место, где и речи не будет о том, что тебя могут выслать, и где твоя кредитная карточка станет действительной.

— Да-да, — добавила Жанет, — главное — это добраться до нормальной территории, где никто не будет на тебя смотреть как на вражеского лазутчика... Да, Мардж, ты можешь пользоваться моей визовой карточкой, сколько захочешь, у меня есть еще Мэйпл Лиф... Только не забудь, что ты — Жанет Паркер.

— Паркер?

— На визе стоит моя девичья фамилия. Вот, возьми...

Я взяла, решив, что использую ее лишь в самом крайнем случае, если кто-то будет висеть у меня на хвосте и заглядывать мне через плечо. При нормальных же обстоятельствах я постараюсь списать все на счет лейтенанта Дикея — его кредит наверняка не аннулируется в течение ближайших нескольких дней, а может, и недель... Мы еще немного поболтали, а потом я сказала:

— Я уезжаю прямо сейчас. Джордж, ты — со мной?

— Постой! — воскликнул Жан. — Что за спешка? Уже поздно, и утро вечера мудренее.

— Зачем ждать утра? Монорельс работает круглосуточно. Или нет? (Я знала, что работает.)

— Да, но до ближайшей станции пилить и пилить... И на улице уже темно, как в мешке с углем.

— (Не стоит, пожалуй, сейчас обсуждать мою способность видеть в темноте.) Жан, даже если идти пешком, я успею на станцию к полуночи. Если капсула отправляется ровно в полночь, я смогу как следует выспаться в Беллингхеме, и, если граница с Империей в Калифорнии открыта, я свяжусь со своим Боссом завтра утром. Я права?

Через несколько минут мы все уже сидели в их изящном экипаже. Жан был мною недоволен — еще бы, я оказалась совсем не тем мягким, нежным и беспомощным созданием, которых так обожают мужчины. Но он справился со своим раздражением и, когда они высадили нас на углу Периметра и Мак-Филипс, прямо напротив станции, очень нежно поцеловал меня на прощанье. Мы с Джорджем смешались с толпой и влезли в двадцатитрехчасовую капсулу. Всю дорогу через континент нам пришлось стоять.

В Ванкувере мы были в двадцать два часа (по тихоокеанскому времени, в Виннипеге — полночь), садясь в «Шаттл» на Беллингхем, взяв декларации для туристических карт, заполнили их во время полета и на выходе заложили в компьютер. Оператор даже не поднял

головы, когда компьютер выплюнул нам наши карты, а лишь пробормотал: «Желаю приятно провести здесь время».

В Беллингхеме выход с ванкуверского «Шаттла» ведет прямо в нижний холл беллингхемского отеля «Хилтон». Прямо перед нами в воздухе плавали буквы:

Бар. Горячие завтраки

Бифштексы, коктейли, моментальное обслуживание

Бар — работает — круглосуточно

— Миссис Тормей, любовь моя, — обратился ко мне Джордж, — мне кажется, мы с вами забыли поужинать.

— Мистер Тормей, вы, как всегда, правы. Давайте закажем жареного медведя.

— Кухню Конфедерации не назовешь экзотической или тонкой, но... она здоровая, простая и вполне подходящая для тех, кто успел как следует проголодаться. Я уже как-то раз ел в этом заведении. Несмотря на его название, здесь можно заказать довольно разнообразные блюда. Если ты отложишь в сторону меню и позволишь мне сделать заказ, я могу гарантировать — голодной ты не останешься и получишь определенное удовольствие.

— Джордж... То есть я хочу сказать, Жан... Я ела твой суп, так что можешь заказывать все, что пожелаешь.

Это действительно был бар — без столиков. Но стулья были мягкие, со спинками, и, садясь к стойке, вы не бились об нее коленями, так что все — вполне сносно. Как только мы уселись, перед нами оказались аперитивы с яблочным соком. Джордж сделал заказ, пошел к приемному столику и зарегистрировал там нас. Вернувшись, он уселся на стул, поднял бокал с аперитивом и сказал:

— Теперь можешь называть меня «Джордж», поскольку ты — миссис Перральт. Именно так я написал в регистрационной карте компьютера. Ваше здоровье, мадам.

— Благодарю вас, месье. — Я подняла свой бокал.

Сок оказался ледяным и потрясающе вкусным. Хотя я и не собиралась заводить себе мужа (хватит с меня), но из Джорджа получился бы замечательный — и «подставной», как сейчас, и в натуре, но... Жанет просто-напросто одолжила мне его на время — только и всего.

Прибыл наш «завтрак»: ледяной яблочный сок, земляника «Имперская долина» со взбитыми сливками, по два яйца, зажаренных в виде «глазуньи» на каждом бифштексе среднего размера — таком нежном, что его вполне можно «резать» вилкой («Яйца в седле»), большие горячие пирожки, масло, клеверный мед, черный кофе в огромных чашках. Кофе, сок и пирожки исчезали так быстро, что их едва успевали подносить. Нам предложили повторить бифштексы с яйцами, но мы вынуждены были отказаться.

На том уровне, где мы сидели, шум не располагал к

оживленному разговору. На экране над баром шли объявления — каждое задерживалось ровно настолько, чтобы его можно было успеть прочитать. Как обычно, все они снабжались кодовыми номерами, чтобы посетитель мог легко воспроизвести нужное на стоящем возле каждого места у стойки личном терминале. За едой я машинально читала все объявления:

«Свободный звездолет "Джек Пот" набирает членов экипажа в бюро по найму в Вегасе. Льготы ветеранам, участвовавшим в вооруженных столкновениях».

Неужели пиратский корабль так открыто объявляет о себе? Пусть даже в Свободном штате Вегас... Трудно поверить, но еще труднее понять смысл как-то иначе.

«Если курить, то уж со вкусом — табак, одобренный Иисусом!

Ангельские палочки

Гарантировано; неканцерогенны!»

Насчет рака я могла не волноваться, но так или иначе ни суррогатные «палочки», ни никотиновые сигареты — не для меня. Рот у женщины должен быть свежий.

«Господь ожидает тебя в номере 1208 в "Башне Лыиса и Кларка". Не заставляй его самого приходить за тобой — тебе это придется не по вкусу!»

Мне это было явно не по вкусу.

«Скучаешь? Мы сколачиваем группу первопроходцев на необжитую планету типа Т-13. Секс — без ограничения. Средний биологический возраст — 32 (± 1 год). Тестирование темперамента не обязательно. Никаких предварительных взносов. Корпорация "Система Экспансии", Отдел демографии и экологии. Луна-Сити, ГПО, почтовый ящик ДЕМО, или ТИХО 800 — 2300».

Я набрала код и внимательно перечитала это объявление на своем терминале. Интересно, каково было бы — осваивать новый мир бок о бок с товарищами? С теми, кто не имел бы понятия о моем происхождении... И кого бы это совершенно не волновало. Мои способности могли бы вызвать там уважение, а не неприязнь, во всяком случае, пока они не были бы обращены на моих коллег...

— Джордж, взгляни на это.

— Ну и что? — взглянув, спросил он.

— Это могло бы быть занятным... Нет?

— Нет! Марджори, по Т-шкале все, что превышает восьмерку, требует огромных денег, баснословно дорогого оборудования и тренированных колонистов. Т-13 — утомительный способ самоубийства и больше ничего.

— Вот как?..

— Прочти вот это. — Он указал на экран.

Я прочла:

«У. К. — Составь завещание. Тебе осталось жить неделю.

А. С. Б.»

— Джордж, это действительно угроза убить этого У. К.? Вот так открыто? Ведь можно выследить...

— Не знаю. Это может оказаться не так просто. Интересно, что мы увидим на этом месте завтра? Будет написано: «Шесть дней»? А потом: «Пять дней»? Ждет ли У. К., когда его настигнет удар? Или это какой-то новый вид рекламы?

— Не знаю... — Мне пришло в голову как-то связать это с нашим бедственным положением. — Джордж, а может, все эти страшные угрозы в «Новостях» — часть какого-то жуткого надувательства?

— Ты хочешь сказать, что на самом деле не было никаких убийств и все новости — ложные от начала и до конца?

— Я... Сама не знаю, что хочу сказать.

— Марджори, надувательство, конечно, во всем этом есть. И прежде всего в том, что три разные группировки приписывают все себе, а следовательно, две из них занимаются надувательством и пытаются обмануть весь белый свет. Я не думаю, что сообщения об убийствах ложные. У надувательства, как у мыльного пузыря, есть верхний предел, дальше которого — хлоп!! Я имею в виду предел во времени и в количестве людей, которых пытаются одурачить. Это — слишком большой «пузырь», слишком много людей и слишком большая территория, чтобы оказаться обманом. Иначе отовсюду уже поступали бы опровержения. Хочешь еще кофе?

— Нет, спасибо.

— Еще что-нибудь?

— Ничего. Еще один пирожок с медом, и — я лопну.

Снаружи это была обыкновенная дверь в номере отеля: 2100. Но, очутившись внутри, я воскликнула:

— Джордж! Зачем?

— Невесте положен подвенечный наряд.

— Как красиво... Это потрясающе. Но ты не должен был тратить столько денег. Ты и так превратил унылую поездку в блестящий пикник. Но если ты хотел, чтобы я вела себя сегодня ночью как невеста, тебе не стоило кормить меня «яйцами в седле», и целой корзиной горячих пирожков. Невеста должна быть очаровательна, а я вся раздулась, как бочка.

— Ты очаровательна.

— О, Господи! Джордж, не надо сейчас играть... Пожалуйста, не надо! Ты засек меня, когда я убила Дикея. И ты знаешь, что я такое.

— Я знаю, что ты нежная, храбрая и чрезвычайно галантная дама.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Ты ведь занимаешься этим, и ты конечно же сразу все засек и раскусил меня.

— У тебя суперреакции. Да, я видел это.

— Значит, ты знаешь, что я. Я признаюсь. Да. Я уже давно

так живу. Я долго практиковалась — годы, — и умею это скрывать, но... Этот ублюдок не должен был целиться в Жанет!

— Не должен был. И за то, что ты сделала, я навечно твой должник.

— Серьезно? А Жан считал, что я не должна была убивать его.

— У Жана первая реакция всегда — общепринятая. Потом до него доходит. Жан вообще — истинный пилот, он думает мускулами, но... Послушай, Марджори...

— Я не Марджори.

— М-мм?

— Ты можешь звать меня моим настоящим именем — тем, которое я получила в «яслях». Меня зовут Пятница. Фамилии, конечно, нет. Когда мне нужна фамилия, я беру первую попавшуюся — как правило, Джонс. Но зовут меня на самом деле Пятница.

— Ты хочешь, чтобы я так называл тебя?

— Ну... Да, пожалуй. Так меня зовут там, где мне не нужно скрывать это. Когда я с людьми, которым доверяю. Мне следовало с самого начала доверять тебе, правда?

— Мне это очень приятно. Я просто польщен и... Я постараюсь оправдать твоё доверие, тем более, что я у тебя в долгу.

— Как это, Джордж?

— Я думал, это всем ясно. Когда я увидел, что хочет Мел Дикей, то решил сдержаться и не осложнять положение всех остальных. Но когда он стал грозить своей пушкой Жанет, я дал себе слово, что позже, когда буду на свободе, убью его. — Джордж едва приметно усмехнулся. — Однако, едва я успел пообещать себе это, как появилась ты — внезапно, как карающий ангел, — и привела приговор в исполнение. Так что с меня причитается. Один раз за мной.

— Одно убийство?

— Если пожелаешь, пожалуйста.

— Да нет, не стоит. Как ты сам сказал, я — супер... И я привыкла управляться с этим сама, когда вынуждена...

— Тогда все, что ты пожелаешь, дорогая Пятница.

— Да-да... То есть иди ты к черту, Джордж! Я вовсе не хочу, чтобы ты чувствовал себя в долгу передо мной. Я тоже люблю Жанет... По-своему. Этот гад сам подписал себе приговор, когда наставил на нее пистолет. Я сделала это не для тебя, а для себя, и ты мне ничего не должен.

— Дорогая Пятница, ты такая же любвеобильная, как и Жанет. Я давно уже это понял.

— Ну... Тогда почему бы тебе не затащить меня в постель, где я с удовольствием отплачу тебе за все хорошее? Я понимаю, что я не человек, и не рассчитываю, что ты будешь меня любить, как свою человеческую жену... Ты вообще не будешь меня любить, но... Кажется, я нравлюсь тебе, и ты не относишься ко мне как... Ну, как

отнеслись мои мужья и С-сестры и как большинство людей относятся к ИЧ... Ты не потратишь времени зря, я могу доставить тебе удовольствие, правда, могу. Я так и не сдала экзамен на «подружку», но прошла почти всю подготовку и... Я постараюсь.

— Господи, милая моя!.. Кто ж тебя так обидел?

— Меня? Со мной все в порядке. Я просто пытаюсь объяснить, что давно знаю, как устроен этот мир. Я не ребенок и не вчера вышла из «яслей». ИЧ не может ждать от рожденного человека сентиментальной любви — мы оба знаем это, и ты понимаешь это лучше других, ты ведь профессионал. Я отношусь к тебе с огромным уважением и, честное слово, ты мне очень нравишься. Если ты позволишь мне лечь с тобой в постель, я приложу все усилия, чтобы ублажить тебя как можно...

— Пятница!

— Да, сэр?

— Ты не ляжешь со мной в постель и не станешь улаживать меня.

Неожиданно я почувствовала слезы на глазах — вот уж, действительно, редкая штука.

— Простите, сэр, — грустно сказала я. — Я не хотела вас обидеть. Простите, что я осмелилась...

— Черт бы тебя побрал! Прекрати!

— Сэр?

— Прекрати называть меня «сэр». Прекрати вести себя как рабыня! Называй меня Джорджем. И если хочешь прибавить «дорогой» или «милый», как ты иногда делала раньше, пожалуйста, не забывай, как это произносится. Или придумай мне какое-нибудь прозвище... Словом, обращайся со мной нормально, как со своим другом. Всю эту болтовню о «человеке» и «нечеловеке» придумали тупые и невежественные кретины, и уж кто-кто, но любой, как ты выражаешься, профессионал это прекрасно знает. Твои гены — человеческие, их выбирали чрезвычайно тщательно. Возможно, это делает тебя сверхчеловеком, но сделать тебя нечеловеком это никак не может. Ты бесплодна?

— А? Нет, с естественным предохранением.

— За десять минут под местным наркозом я могу убрать это. Потом ты забеременеешь от меня. Твой ребенок будет человеком? Или нечеловеком? Или, может быть, получеловеком?

— Ну... Человеком.

— Можешь дать свою голову на отсечение, что именно так?! А теперь запомни и никогда не забывай: родить человека может только человеческая мать. Понятно?

— Да... Я не забуду. — Неожиданно я почувствовала какое-то странное волнение, что-то вроде покалывания внутри, там, где... Желание? Да, но какое-то не похожее на то, что я обычно чувствую, хотя похотлива я, как кошка. — Джордж... А ты хочешь это сделать? Хочешь, чтобы... Чтобы я забеременела от тебя?

По его лицу было видно, что он очень удивился. Помолчав, он

подошел ко мне вплотную, обеими руками осторожно поднял мне голову и заглянул прямо в глаза. Потом он обнял меня и поцеловал — по десятибалльной шкале мне пришлось бы оценить этот поцелуй в восемь с половиной. Может быть, даже в десять... Вряд ли можно было сделать это лучше — стоя и не снимая одежды. Потом он взял меня на руки, сел в кресло, усадив меня к себе на колени, и начал медленно и как-то очень бережно меня раздевать. Жанет заставила меня надеть ее шмотки, поэтому на мне было много разных вещичек, которые куда интереснее снимать, чем обычный спортивный комбинезон. Костюм из суперкожи — выстиранный и выглаженный — отдыхал в моей сумке.

Расстегнув все пуговички, все «молнии» и сняв, наконец, с меня все, Джордж сказал:

— Эти десять минут мне нужно было бы провести в моей лаборатории, а потом должно пройти не меньше месяца до твоей первой брачной ночи, так что... Эти два условия спасли тебя от раздутого живота... Да-да, только эти два, ибо фраза, подобная той, что ты произнесла, действует на человеческих особей мужского пола как красная тряпка на быка. Словом, тебе повезло, и вместо всего этого я собираюсь затащить тебя в постель и постараться ублажить тебя... Хотя, признаюсь, я тоже не сдавал экзамен. — Он поставил меня на пол и снял последний клочок одежды, еще остававшийся на мне. — На тебя очень приятно смотреть. И еще приятнее трогать... Кто первый идет в ванную? Мне лично нужно принять душ.

— Пожалуй, я — вторая. У меня это займет больше времени.

И действительно, когда я вышла из ванной, было уже больше двух, но зато я была свежа, чиста и так весела, как, наверное, еще никогда в своей жизни. Ни капли духов — запах свежего женского тела мужчины любят гораздо больше, чем самые тонкие ароматы самой изысканной парфюмерии (пусть даже некоторые из них сами не подозревают об этом).

Джордж лежал в постели под одеялом и, судя по похрапыванию, уже спал. С величайшей осторожностью я забралась в постель и улеглась рядом с ним, ухитрившись не разбудить его. Честно сказать, я не была разочарована, потому что я вовсе не эгоистка. И потом, я пребывала в счастливой уверенности, что он несомненно разбудит меня утром — свежую и отдохнувшую, — и это будет гораздо лучше. Лучше для нас обоих — минувший денек был тяжеловат и для меня тоже.

15

Я не ошиблась.

Я вовсе не собираюсь отбивать Джорджа у Жанет, но... С удовольствием думаю о грядущих веселых и радостных визитах к ним в гости. И если он когда-нибудь захочет ликвидировать мою «стерильность», может, будет и неплохо родить от него ребенка и

даже сделать это по-кошачьи... Не понимаю, почему Жанет до сих пор не занялась этим.

В третий или четвертый раз я проснулась от дивного запаха — Джордж вынимал завтрак из продуктового лифта.

— У тебя есть двадцать одна секунда на то, чтобы встать с постели и принять душ, — сказал он. — Суп на столе. У тебя был очень правильный завтрак вчера, посреди ночи, следовательно, тебя ожидает совершенно неправильный перекусон.

Я думаю, это действительно неправильно — есть на завтрак свежего омара. Но мне понравилось. К омару были кусочки банана и кукурузные хлопья в молоке — как-то уж слишком правильно, — а также горячие сухарики с зеленым салатом. Все это я запила чашкой кофе с цикорием и хорошей порцией брэнди. Джордж — замечательный распутник, добрый гурман, дивный шеф-повар и потрясающий целитель душ, который легко может заставить ИЧ поверить в то, что она — человек, или, по крайней мере, в то, что это не имеет никакого значения.

Кстати, интересно: почему все трое представителей этой семьи такие стройные? Уверена, они не сидят на диете и не изнуряют себя мазохистскими упражнениями... Как-то один врач сказал мне, что всю необходимую зарядку человек может делать, не вылезая из постели, если партнер подходящий. Может, от этого?..

Так, это все были хорошие новости, что же касается плохих...

Международный коридор был закрыт. Можно, конечно, добратся до Дезерета с пересадкой в Портленде, но нет никаких гарантий, что открыт Оаха-Гэри-туннель. Можно без проблем попасть в Сан-Диего, поскольку туннель Сан-Жозе открыт от Беллингхема до Ла Джоллы. Но Висксбург — это не Чикагская Империя, а лишь речной порт, из которого при деньгах и желании можно попасть в Империю.

Я постаралась дозвониться Боссу. Через сорок минут я испытывала к синтетическому голосу примерно те же чувства, с которыми большинство людей относится к моей «породе». Кому, интересно, в голову пришла идея — запрограммировать в компьютер вежливость? Может быть, в первый раз и приятно слышать машинный голос, произносящий: «Благодарю за терпеливое ожидание», но уже на третий раз вы испытываете раздражение, а сорок минут разговора могут вывести из терпения даже индийского йога.

Я так и не заставила этот дурацкий терминал признать, что дозвониться в Империю невозможно. Этот электронный кретин не был запрограммирован на то, чтобы сказать простое «нет», он был запрограммирован на вежливость. А между прочим, было бы большим облегчением услышать от него после нескольких бесплодных попыток что-нибудь, вроде: «Кончай меня насиловать, детка, ты же видишь, что не выходит».

Потом я постаралась дозвониться до беллингхемского почтового отделения и выяснить, как работает почтовая связь с Империей, —

можно ли черкнуть несколько слов и оплатить их как обыкновенную посылку, без всяких факсимильных копий, почтограмм и прочей электроники? В ответ мне прочли жизнерадостную лекцию о том, что рождественские послания нужно отправлять заблаговременно. Поскольку Рождество было почти полгода назад, вряд ли я могла расценить это как своевременное предупреждение.

Я пробилась туда еще раз, и мне выдали целый набор бесполезных кодов.

Я ухитрилась дозвониться в третий раз — в бюро по обслуживанию клиентов — и услышала: «Все наши помощники, к сожалению, в настоящий момент заняты, благодарю за терпеливое ожидание».

Я не стала терпеливо ожидать. В любом случае мне не нужен ни телефонный разговор, ни тем более письменный. Мне надо доложиться Боссу лично. Для этого нужны деньги. Наличные. Оскорбительно-вежливый голос терминала сообщил, что местное отделение Единой Карты находится в Беллингхемском отделе Транс-Американской корпорации. Я набрала код отдела, и сладкий голосок — не синтетический, а записанный на пленку, — проворковал: «Благодарим за звонок в Единую Карту. В интересах максимальной прибыли миллионов наших благополучных клиентов все наши отделы в Калифорнийской конфедерации объединены с главным отделом в Сан-Жозе. Для скорейших услуг, пожалуйста, используйте свободный от налогообложения код, отпечатанный на обратной стороне вашей Единой Кредитной Карты...» После этого голосок принялся перечислять лучшие бары Беллингхема, а я быстро отключилась.

Моя Единая Карта, зарегистрированная в Сент-Луисе, была без этого «свободного» кода — на ней стоял лишь код Имперского банка в Сент-Луисе. Я попробовала набрать его, и... та же «песенка».

Пока я набиралась ума-разума у компьютера, Джордж читал олимпийское издание «Лос-Анджелес Таймс» и терпеливо ждал, когда мне надоест валять дурака. Наконец я сдалась и спросила:

— Джордж, что там в газете насчет чрезвычайного положения?

— Какого положения?

— А? Ну, хорошо, прости меня, ты был прав, я сдаюсь.

— Пятница, любимая моя, единственное чрезвычайное положение, о котором упоминает этот листок, связано, как они пишут, с возрастанием опасности «Русско диверсико». Также планируется демонстрация с пикетами против «Доу Кемикл», а во всем остальном — тишь и благодать. Словом, на западном фронте без перемен.

Я наморщила лоб, чтобы лучше собраться с мыслями.

— Джордж, я плохо разбираюсь в калифорнийской политике...

— Дорогая моя, никто не разбирается хорошо в калифорнийской политике, включая и калифорнийских политиков.

— ...Но я помню, в новостях были сведения о, как минимум,

дюжине политических убийств в Калифорнийской конфедерации... Что же, это все — фальшивка? — Я прикинула время, учитывая разные временные пояса... Прошло около тридцати пяти часов.

— Я нашел тут некрологи, посвященные некоторым выдающимся дамам и джентльменам, чьи имена упоминались в новостях той ночью, но... О них не сказано как об убитых. Один скончался после «продолжительной болезни», другой — в результате «неосторожного обращения с огнестрельным оружием», третий — при «необъяснимой катастрофе частного гравилета», и Генеральный прокурор приказала начать расследование. Правда, я помню, тогда объявляли, что сама Генеральный прокурор — убита...

— Джордж, что происходит?

— Не знаю. Но думаю, что выяснять сейчас не стоит. Это может быть довольно опасно.

— Но я не собираюсь ничего выяснять, я ведь не политик и никогда в эти игры не играла. Я хочу лишь как можно быстрее попасть в Империю. Но для этого, чтобы там ни писала «Лос-Анджелес Таймс», мне нужны наличные — ведь граница закрыта. Но мне подумать тошно, что придется разорять Жанет и пользоваться ее Визовой картой. Может, я могу использовать свою собственную, но для этого мне надо добраться до Сан-Жозе и там попытаться счастья — у них теперь такая система, понимаешь? Ты поедешь со мной в Сан-Жозе? Или вернешься к Жану и Жанет?

— Моя прекрасная леди, все, чем я располагаю, в твоём распоряжении, но... Укажи мне путь в Сан-Жозе, и я буду тебе весьма благодарен. Слушай, ну почему ты из кожи лезешь вон, лишь бы не брать меня с собой в Империю? Разве не может так случиться, что твоему шефу пригодятся мои способности? Я ведь не могу вернуться в Манитобу, и мы оба знаем, почему.

— Джордж... Я не лезу из кожи, просто граница с Империей закрыта! Поэтому, может быть, мне придется вломиться туда, как Дракуле. Это опасно, но я обучена таким вещам, только... Я должна это делать одна, понимаешь? Ты ведь профессионал и все знаешь... Кроме того, хоть мы и не знаем, что происходит в самой Империи, судя по новостям, сейчас везде круто. И вполне возможно, что по прибытии туда мне придется действовать очень быстро... Чтобы остаться в живых. Я и этому обучена.

— Ну, да, и потом ты ведь — супер, а я... Да, я понимаю.

— Джордж, родной, я не хотела тебя задеть. Слушай, как только я улажу свои дела, я сразу позвоню тебе! Сюда, или домой, или куда ты скажешь. И я тогда уже буду знать, опасно ли переходить границу... (Джордж попросит у Босса работу? Невозможно! Или?... Что если у Босса есть нужда в опытном генном инженерере? В сущности, когда дошло до дела, оказалось, что я ничего не знаю про Босса и про его интересы, кроме того маленького «кусочка», где работаю сама.) Ты серьезно хочешь попросить работу у моего Босса? Так... что же мне сказать ему?

Джордж едва заметно усмехнулся — этой усмешкой он пользовался, когда хотел скрыть свои мысли, точь-в-точь, как я «натягивала» на себя лицо, похожее на мое изображение в паспорте.

— Откуда мне знать? — сказал он. — Я знаю о твоём шефе лишь то, что ты упорно не хочешь говорить о нём и что он может позволить себе пользоваться такой, как ты, в качестве, м-мм, посланника. Но, Пятница, я могу вычислить не хуже, а может, и лучше тебя, сколько вложено в твоё создание, воспитание и подготовку... Да, ещё — сколько твоему шефу пришлось заплатить за выкуп тебя...

— Меня не надо было выкупать. Я — свободная личность!

— Тогда это стоило ещё дороже, и это влечет за собой другие догадки, но... Не обращай внимания, дорогая, я больше не буду гадать. Ты спросила, серьезно ли я, — что ж, человеку всегда интересно, что там, за горизонтом. Я напишу тебе свой послужной список, и если что-то в нём заинтересует твоего шефа, он наверняка даст мне знать. Теперь насчет денег: тебе не удастся разорить Жанет, потому что деньги для неё ничего не значат. И ещё потому, что лично я с удовольствием снабжу тебя наличными в любом количестве. Да-да, я уже выяснил, что мои кредитные карточки, несмотря на все политические проблемы, пользуются здесь большим почётом. За наш полуночный завтрак я заплатил квебекской кредиткой, за номер в отеле — Америкэн Экспресс, а за утренний перекусон — Мэйпл Лиф. Таким образом, у меня три действующие карты, и все они соответствуют моему удостоверению личности, так что, — он хмыльнулся, — сделай милость, разори меня, милая.

— Но я не хочу разорять ни тебя, ни Жанет. Слушай... Давай попробуем мою карточку в Сан-Жозе и, если не сработает, я... Я с удовольствием одолжу у тебя наличные. И верну, как только окажусь на своей территории. (А может, Джордж согласится воспользоваться для меня кредиткой лейтенанта Дикей? Женщине ведь дьявольски трудно получить наличные по кредитке мужчины. Одно дело всунуть кредитку в автомат, когда платишь за какую-нибудь покупку, и совсем другое — получать наличные).

— Ну что ты все время твердишь: «Одолжу, одолжу?...» Ведь это я — твой вечный должник.

Я решила изобразить из себя дурочку и спросила:

— Ты действительно считаешь, что должен мне? За эту ночь?

— Конечно. Было неплохо. Ты вполне нормальна.

— Что-о-о? — Я чуть не задохнулась.

— Ты хотела бы, чтобы я сказал «плохо»? — без тени улыбки, глядя на меня в упор, спросил он. — Или что ты ненормальна?

— Джордж, — сказала я, когда ко мне вернулось дыхание, — раздевайся. Все снимай. Сейчас я заташу тебя в постель и буду убивать. Медленно... Очень медленно. А в конце я тебя задушу и сломаю хребет «Плохо», «неплохо»... Раздевайся, дрянь!

Он улыбнулся и потянулся к молнии на брюках.

— Ладно, прекрати, — прервала я его движение. — Лучше

поцелуй меня, и поехали в Сан-Жозе. «Неплохо!» — Я фыркнула. — Это со мной-то? Нормальная — это я-то?»

Поездка из Беллингхема в Сан-Жозе занимает примерно столько же времени, сколько из Виннипега в Ванкувер, но на этот раз нам достались сидячие места. Мы вынырнули на поверхность в 14,15, и я с любопытством стала озираться по сторонам — мне никогда раньше не доводилось бывать в столице Конфедерации.

Первое, что бросилось мне в глаза, это огромное количество гравилетов в воздухе, снующих, как огромные мухи, — в большинстве своем такси. Я не знаю второго такого города, где разрешалось бы до такой степени заполнять воздушное пространство. Кругом было полно конных экипажей, вдоль каждой улицы шли огороженные тротуары для пешеходов, и тем не менее от самоходных колясок было не продохнуть — как от велосипедов в Кантоне.

Второе, что привлекло мое внимание, это сам дух Сан-Жозе. Это не город. Теперь я поняла смысл классической фразы: «Тысячи деревушек, съехавшихся вместе в поисках города».

Кажется, у Сан-Жозе нет других занятий, кроме политики. Но Калифорния вообще отдается политике больше, чем все остальные страны вместе взятые, — здесь полнейшая, безо всяких ограничений и поправок демократия. Конечно, демократию можно встретить повсюду — слабенькой ее формой пользуется даже Новая Зеландия. Но только в Калифорнии найдете вы демократию в ее чистейшем и неразбавленном виде. Любой гражданин здесь начинает голосовать, как только его (ее) рост позволяет ему (ей) дотянуться до кнопки регистрации, а голоса принимаются регистраторами, даже если голосующему недавно было выдано свидетельство о смерти.

Я не понимала этого до тех пор, пока не прочла в колонке новостей, что на Сосновом кладбище в приходе было организовано три избирательных участка, и голосование шло полным ходом с помощью доверенностей, выписанных умершими на своих родственников. («О, Смерть, не будь горда!»)

Лично я столкнулась с демократией уже будучи взрослой женщиной. В умеренных дозах и разумных пределах она кажется мне вполне нормальным делом. Скажем, британские канадцы пользуются демократией в слегка разбавленном виде и прекрасно себя чувствуют. Но лишь в Калифорнии демократией упиваются круглые сутки. Здесь, кажется, дня не проходит, чтобы где-то не проводились какие-нибудь выборы, и, как мне говорили, избирательные участки не живут без выборов и месяцев.

Думаю, они могут себе это позволить. У них везде чудесный климат — от Британской Канады и до Мексиканского королевства, — и богатейшая земля на всей планете. Второе любимое занятие калифорнийцев — секс — в его простых формах почти ничего не стоит. Как марихуана, оно доступно всем и везде. Это оставляет уйму времени и сил для первого любимого занятия — политики — политики — политики.

Они избирают всех и каждого — от регистратора на избирательном участке и до Председателя конфедерации (Шефа). И почти так же быстро они их всех отзывают и переизбирают. Например, Шеф избирается сроком на шесть лет, но из последних девяти шефов лишь двое отбыли полный срок, а все остальные были отозваны, кроме одного, которого линчевали. Во многих случаях чиновника не успевают привести к присяге, как появляется первая петиция о его отзыве.

Однако калифорнийцы не ограничиваются выборами, перевыборами, отзывами и (иногда) линчеванием своих представителей власти, они еще обожают принимать законы. На каждом выборах баллотируется гораздо больше законов, чем кандидатов. Провинциальные и национальные представители обладают порой здравым смыслом — во всяком случае, меня уверяли, что типичный калифорнийский законник снимет свое предложение, если вы сумеете доказать ему, что дважды два — не три и не пять, независимо от того, сколько избирателей проголосовали за это. Но подлинные законники («инициативные группы») не принимают во внимание подобные «мелочи».

Например, три года назад один «подлинный» экономист обнаружил, что выпускники колледжей зарабатывали в среднем на тридцать процентов больше, чем их сверстники, не обладающие степенями бакалавров. Подобный факт попирает святая святых калифорнийской демократии — саму Калифорнийскую Мечту, — и потому он был предан анафеме, и на следующих же выборах были приняты меры: выпускники всех высших учебных заведений в Калифорнии, а равно и все калифорнийские граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста, автоматически получали степень бакалавра.

Восхитительная мера — обладатель степени теперь не имел никаких антидемократических привилегий. На следующих выборах ожидалось уменьшение возрастного ценза, и сейчас ширилось и крепло движение за распространение этого закона на всех граждан, включая новорожденных.

Глас народа — глас Божий. Лично я не вижу в этом ничего страшного. Это не стоит ни гроша и всем доставляет много радости (за исключением нескольких здравомыслящих людей, которых, впрочем, можно пересчитать по пальцам).

Было около трех часов, когда мы с Джорджем шли по южной стороне Национальной площади перед председательским дворцом и искали главное отделение Единой Карты. Джордж говорил, что с моей стороны было бы разумно и правильно попросить зайти к «Королю Бергеру» на предмет маленького перекусона вместо ленча. По его мнению, громадный «бергер», сотворенный из филейных частей и соевого шоколада, являлся единственной калифорнийской данью международной кухне. Незаметно кривясь, я соглашалась с ним...

Человек двадцать мужчин и женщин спускались по огромной дворцовой лестнице. Джордж начал было сворачивать в сторону, чтобы не столкнуться с ними, когда в середине этой толпы я заметила маленького человечка в традиционном головном уборе из орлиных перьев, со знакомым по фотографиям лицом, и остановила Джорджа. И в тот же самый момент краем глаза я заметила еще кое-что: фигуру человека, выходящего из-за колонны на самом верху лестницы. Дальше я действовала по внезапному импульсу. Отшвырнув в стороны нескольких человек из свиты Шефа, я опрокинула его на ступеньки и тут же ринулась к колонне.

Я не убила того, кто прятался за ней, — я просто сломала ему руку, в которой он держал пистолет, а потом врезала ему как следует по хребту, когда он попытался бежать. Мне не нужно было так торопиться, как пришлось за день до этого в доме Жанет, и, ликвидировав мишень, которую изображал из себя Шеф (ну, на кой черт он носит этот нелепый головной убор?), я успела подумать, что, если взять убийцу живьем, он может привести к тем, кто стоит за всеми этими идиотскими убийствами. Однако я не успела решить, что мне делать дальше, — двое из столичной полиции уже держали меня за руки. У меня здорово испортилось настроение — я представила, каким презрительным тоном будет разговаривать со мной Босс, когда я признаюсь, что позволила арестовать себя среди бела дня при всем честном народе. Какую-то долю секунды я всерьез подумывала о том, чтобы вырваться и исчезнуть за горизонтом. Это было вполне достижимо, поскольку у одного полицейского явно подскочило давление, а второй был пожилым близоруким человеком в очках с толстыми стеклами...

Слишком поздно. Если я войду в полный разнос, через два квартала я почти наверняка затеряюсь в толпе и оторвусь от них. Но эти дуболомы, стараясь попасть в меня, уложат как минимум с полдюжины случайных прохожих. Непрофессионально! Какого черта дворцовая стража не охраняет как следует своего Шефа, а заставляет заниматься этим меня?.. Надо же, какой-то осел за колонной, мать честная! Такого не было со времен убийства Хью Лонга...

Ну почему я влезла вдруг в это дело и не дала убийце пришить Шефа Конфедерации в этой дурацкой шапке? А потому что я натренирована на активную защиту — вот почему. И в драку я вступаю рефлекторно. У меня нет ни малейшего интереса к дракам, я не люблю их, но... Так уж выходит.

Впрочем, долго размышлять о своих рефлексх мне не пришлось, потому что в игру вмешался Джордж. Джордж говорит на британо-канадском английском без акцента (может быть, слишком правильно), но сейчас он бормотал что-то невразумительно по-французски и пытался оторвать двух стражей порядка от моих локтей. Тот, что в очках, пытаясь разобраться с Джорджем, отпустил мою левую руку, и я тут же врезала ему локтем в поддых. Он ухнул

и брякнулся на землю. Второй все еще держал мою правую руку, поэтому тремя пальцами левой я достала его в то же место, что и первого. Он, тоже ухнув, свалился на своего коллегу, и оба, раскрыв рты, стали судорожно ловить губами воздух.

Все это произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю, то есть: два осла схватили меня под руки, вмешался Джордж, и — я свободна. Сколько могло пройти? Две секунды? Как бы там ни было, но убийца со своим пистолетом исчез.

Я уже была готова тоже исчезнуть вместе с Джорджем (пусть даже мне пришлось бы тащить его волоком на себе), когда обнаружила, что он уже все за меня решил. Джордж поставил меня по правую руку от себя и направил прямо на главный вход во дворе, расположенный за длинным рядом колонн. Когда мы вошли в ротонду, он отпустил мой локоть, тихонько сказав:

— Не беги, дорогая... Тише, тише, вот так. Возьми меня под руку.

Я взяла его под руку. В ротонде было полно народу, но никто не суетился, и никак нельзя было сказать, что в нескольких метрах отсюда только что была совершена попытка убийства главного правительственного чиновника страны. Арендованные ларьки жили своей напряженной жизнью, особенно те из них, у которых из окошек свешивались разные шмотки и сувениры. Слева от нас молодая женщина продавала лотерейные билеты. Вернее, пыталась продавать — в данный момент покупателей не было, и она, уткнувшись в свой терминал, смотрела душещипательную драму.

Джордж затормозил, и мы остановились у ее киоска. Не поднимая глаз, она пробормотала:

— Сейчас-сейчас, вот только закончится... Сейчас будет перерыв, и — я к вашим услугам. Вы пока осмотритесь, выберите что-нибудь...

Вся ее будка была снаружи увешана гирляндами из лотерейных билетов. Джордж принялся внимательно рассматривать их, и я притворилась, что меня тоже они страшно интересуют. Мы тянули время, пока драма на терминале не сменилась рекламой. Молодая женщина убрала звук и повернулась к нам.

— Спасибо за то, что подождали, — с приятной улыбкой проговорила она. — Я никогда не пропускаю «Скорбящую женщину». Классный сериал, особенно теперь, когда Минди Лу опять забеременела, а дядя Бен так по-дурацки это воспринял. А вы смотрите театральные сериалы, дорогая?

Я призналась, что у меня редко хватает на них времени — слишком много работы.

— Это вы напрасно. Это плохо. Они так много могут дать и в смысле образования, и... Ну, вообще. Возьмите хоть Тима — это мой сосед и дружок, — он не смотрит ничегошеньки, кроме спорта. И поэтому у него в голове ни одной извилины, его ничего не колышет. Вот, например, этот переломный момент в жизни Минди Лу... Дядя

Бен буквально заел ее, оттого что она не хочет признаться, не хочет сказать, кто это сделал. Так вы думаете, Тима это хоть сколечко волнует? Да ему наплевать! И вот что никак не могут уразуметь и Тим, и дядя Бен, это то, что она просто не может сказать, поскольку это случилось на группировке. Да... Вы под каким знаком родились?

Вообще-то мне следовало иметь наготове ответ на такой вопрос, люди часто спрашивают об этом. Но если вы никогда не были рождены, то невольно стараетесь избегать таких вещей и даже не думать о них. Совершенно произвольно я назвала дату:

— Двадцать третьего апреля мой день рождения.

В этот день родился Шекспир, поэтому число и запало мне в голову.

— Ого! У меня как раз есть лотерейный билет для вас! — Она пошарила в одной из гирлянд внутри будки, нашла билет и показала мне его номер. — Смотрите! Видите? Ну, разве это не удача — именно сегодня вы подошли, и у меня как раз есть этот билет, а? Он стоит всего двадцать бруинов.

Я протянула ей британско-канадский доллар.

— С этого у меня нет сдачи, — покачала она головой.

— Оставьте себе сдачу. На счастье.

Она взяла доллар и протянула мне билет со словами:

— Вы настоящий игрок, дорогуша. Когда выиграете по нему, загляните ко мне, и мы пропустим с вами по рюмочке. Ну, а вы, мистер, нашли, что вам нужно?

— Пока нет, — с улыбкой ответил Джордж. — Я родился в девятый день девятого месяца девятого года девятой декады. Можете подобрать что-нибудь в этом роде?

— Ой-ей-ей! Вот так комбинация! Я, конечно, попробую, но... Впрочем, если не найду, не стану ничего навязывать. — С этими словами она нырнула в свои гирлянды и принялась перебирать их, все ниже опуская голову, пока совсем не скрылась под прилавком на несколько минут.

Когда ее лицо вновь появилось перед нами, оно так и пылало триумфом, а в руке был зажат лотерейный билет.

— Нашла! — воскликнула она. — Вы только гляньте сюда, мистер! И скажите мне спасибо!

Мы посмотрели на номер билета: 8109999.

— Я просто поражен, — признался Джордж.

— Поражен? Вы богаты. Вот ваши четыре девятки — четыре последних цифры. Сложите остальные — опять девятка. Разделите 81 на девять — снова девятка. Сложите последние четыре — тридцать шесть. Прибавьте к этому девятку, сложенную из первых двух цифр, — сорок пять. Из девяти в квадрате, то есть того числа, которое образуют первые две цифры, вычтите сорок пять — опять тридцать шесть, то есть ваши четыре девятки. Что бы вы ни делали с этими цифрами, все равно вернетесь к дате вашего рождения. Чего еще желаете, мистер? Голеньких танцовщиц, а?

— Сколько вы возьмете с меня за него?

— Ну, видите ли, это ведь не обычный билет. Любой другой вы, конечно, могли бы приобрести за стандартную цену — двадцать бруинов, но не этот. Что если мы сделаем так, вы будете выкладывать передо мной купюры до тех пор, пока я не улыбнусь, идет?

— Что ж, не так глупо. Но тогда, если вы не улыбнетесь в тот момент, когда я сочту, что уже пора улыбаться, я забираю свои деньги и ухожу. Идет?

— Но я могу окликнуть вас и попросить вернуться.

— А вот это уж нет. Раз вы не оговариваете четкую цену, я не дам вам возможности шантажировать меня.

— Вы крутой клиент. А что, если...

Тут неожиданно все громкоговорители вокруг нас принялись орать: «Слава Вождю», — а потом раздался гимн. Молодая женщина за прилавком махнула нам рукой и, стараясь перекрыть грохот литавров, крикнула: «Обождите! Это сейчас кончится!» Из дворца вышла толпа людей, прошла сквозь ротонду и направилась к главному выходу. Я заметила головной убор из орлиных перьев в середине толпы, но на этот раз Вождь был так тесно окружен своими телохранителями, что убийце пришлось бы здорово попотеть, вздумай он повторить попытку.

Когда все стихло, продавщица лотерейных билетов сказала:

— Это был малый выход. Интересно, если ему понадобилось сходить за парой носовых платков, почему он не послал кого-нибудь из своих шестерок? Весь этот шум только мешает торговле... Ну, так как, старина, вы решили, сколько вы согласны заплатить за то, чтобы стать богатым?

— Разумеется, — ответил Джордж, выложил на прилавок трехдолларовую бумажку и взглянул на продавщицу.

Секунд двадцать они молча смотрели друг другу прямо в глаза, потом она усмехнулась и сказала:

— Пожалуй, я улыбаюсь. Да. Думаю, что во весь рот. — Она одной рукой взяла деньги Джорджа, а другой протянула ему билет. — Хотя ручаюсь, что могла вытянуть из тебя еще доллар.

— Ну, этого мы никогда уже не узнаем, не так ли, — с улыбкой возразил Джордж.

— Может, еще раз? Удвоим ставки и — либо все, либо ничего, а?

— На тех же условиях? — мягко спросил Джордж.

— Слушай, парень, ты из меня сделаешь старуху. Ступай себе с Богом, пока я не передумала.

— Где здесь поблизости туалетные комнаты?

— Вниз по коридору и налево. Удачи!

Пока мы шли к туалетным комнатам Джордж шепотом по-французски сказал мне, что, пока мы торговались с продавщицей, жандармы прошли мимо нас, заглянули в туалеты, вышли, вернулись в ротонду и ушли по главному коридору. Я оборвала его —

тоже по-французски, — шепнув, что знаю все, но что все это место напичкано «глазами» и «ушами», поэтому поговорим позже.

Я действительно видела, как два стражника в униформах — не те двое, которым я устроила колики в желудках, — следовали за нами, почти наступая нам на пятки, потом прошли мимо, проверили туалетные комнаты (резонно, поскольку любители в таких случаях частенько прячутся именно в общественных туалетах), опять продефилировали мимо нас и скрылись в глубине дворца. Джордж преспокойно торговался с продавщицей лотерейных билетов, а те, что искали нас, проходили мимо дважды. Неплохо. Вполне профессионально.

Но мне пришлось подождать с вынесением ему похвалы — мы стояли как раз рядом с личностью неопределенного пола, продающей входные билеты в туалетные комнаты. Я спросила ее (или его), где тут можно попудрить женщине нос. Она (я все-таки решила, что это «она», так как при ближайшем рассмотрении под майкой у нее заметила или фальшивые, или очень маленькие груди) резко огрызнулась:

— Ты что, чокнутая? Или нарываешься? Я ведь могу и легавого позвать. — Потом, взглядевшись в меня пристальнее, пробормотала: — Ты иностранка.

Мне пришлось сознаться, что это правда.

— Ладно. Только больше так не разговаривай, тут этого не любят. Мы здесь все демократы, поняла? Так что и сеттеры, и терьеры пьют из одного крана! И давай, покупай билет, или не загораживай проход.

Джордж купил два билета, и мы вошли внутрь.

Справа от входа располагался ряд открытых кабинок, над ними плавала светящаяся голографическая надпись:

«Эти удобства предоставлены для вашего здоровья и комфорта Калифорнийской Конфедерацией. — Джон Тамбрил "Боевитый", Вождь Конфедерации».

Голографическое изображение Вождя в полный рост витало прямо над надписью.

Среди открытых кабинок были и кабины с дверями за отдельную плату, причем некоторые из них тщательно закрывались занавесками. Слева от нас за небольшим прилавком расположилась личность уж вовсе неопределенного пола. Джордж подошел к этому прилавку и, к моему удивлению, купил несколько косметических наборов и флакон дешевых духов. Затем он попросил билет для входа в одну из самых дальних закрывающихся кабин.

— Один билет? — подозрительно вскинув на него глаза, осведомилась личность за прилавком. — Эх ты, бесстыдник! Здесь не место для таких безобразий, парень.

Вместо ответа один британо-канадский доллар скользнул из руки Джорджа в руку продавщицы (или продавца) и мгновенно исчез. Очень слащавым голосом оно проворковало:

— Только недолго. Если я нажму на звонок, сразу приводите себя в пристойный вид. Кабина номер семь, в дальнем правом углу.

Мы вошли в кабину номер семь. Джордж как следует закрыл занавески, спустил воду в унитазе, отвернул кран холодной воды и оставил его открытым. По-французски он объяснил мне, что мы должны сменить наш облик, не пользуясь при этом карнавальными масками, а потому предложил мне надеть тот костюм, который лежал в спортивной сумке. Мешая английские слова с французскими, он принялся объяснять детали, продолжая время от времени нажимать на спуск воды и то увеличивать, то уменьшать струю, льющуюся в умывальник. Итак, он хотел, чтобы я напялила этот вызывающий костюм из суперкожи, наложила раза в три больше косметики, чем я обычно себе позволяю, и попыталась выдать себя за знаменитую вавилонскую блудницу или кого-то в этом роде:

— Понимаю, детка, это не твой стиль, но ты уж постарайся.

— Постараюсь. Постараюсь сделать это неплохо.

— Вот дрянь!

— А ты, значит, собираешься надеть платье Жанет? Не думаю, чтобы это тебе подошло.

— Вовсе нет. Я не стану выворачиваться наизнанку, просто чуть-чуть перевернусь.

— Прости, что сделаешь?

— Ну, я хочу сказать, что не стану влезать в женское платье. Просто попытаюсь придать себе чуть-чуть женственный вид.

— Вряд ли у тебя это выйдет. Впрочем, ладно, давай попробуем.

Со мной мы возились недолго — отработали лишь влажно-похотливый вид, который заарканил Жана в свое время, и наложили на физиономию до черта косметики. Гримом занялся Джордж, который, кажется, понимал в этом больше, чем я сама. Ну и походка, когда мы уже выходили, эдакая, знаете, «хочу-все-что-движется».

На себя Джордж намазюкал еще больше косметики, чем на меня, плюс эти чудовищные духи (к счастью, он не заставил меня душиться ими), плюс ярко-оранжевый шарф, который я носила в качестве пояса. Потом он заставил меня сделать ему начес и sprysнуть голову лаком... Вот, пожалуй, и все, если не считать его походки. Выглядел он по-прежнему Джорджем, но совсем не тем классным парнем, что так потрясюще будил меня несколько раз минувшей ночью.

Я сложила все оставшиеся шмотки в свою спортивную сумку, и мы вышли из кабинки. Бесполоая кляча у турникета в изумлении вытаращила на меня глаза, когда мы проходили мимо, но ничего не сказала, потому что мужик, стоявший облокотившись на столик с газетами, ткнул пальцем в Джорджа и сказал:

— Ты. Вождь желает повидаться с тобой, — а потом вполголоса добавил: — Глазам своим не верю... Не может быть, чтобы этот...

Джордж остановился и беспомощно всплеснул руками:

— Ой! Наверняка тут какая-то ошибка! — воскликнул он.

Мужик вытащил изо рта зубочистку и кивнул:

— Я и сам так думаю, гражданин, но... Я молчу и тебе советую. Пошли. Тебя, сестренка, это не касается.

— Я решительно отказываюсь идти куда бы то ни было без моей дорогой сестры! Вот так! — объявил Джордж.

— Морри, она не может торчать здесь, — вмешалась бесполоая корова. — Детка, пойди сюда и сядь рядом со мной.

Джордж незаметно качнул головой, но он мог этого и не делать — если бы я осталась здесь, «корова» тут же оттащила бы меня в кабинку для переодевания, или мне пришлось бы запихнуть ее в мусорную корзину. Какую-то долю секунды я взвешивала первый вариант: конечно, если бы я была «при исполнении», то легко прошла бы через это — уж во всяком случае это было бы более приятно, чем с Булыжником, — но без особой радости. Если (и когда) я пожелаю сменить свои сексуальные пристрастия, я сделаю это с тем, кто мне нравится и кто разбудит во мне хоть тень желания. Итак, придвинувшись поближе к Джорджу и взяв его за руку, я сказала:

— Мы никогда не разлучались с братом с тех пор, как мамуля на смертном одре велела мне заботиться о нем. — Я подумала и добавила: — Вот так!

Мы с Джорджем упрямо надули губы и уставились в пол. Тот, кого «корова» назвала Морри, взглянул на меня, перевел взгляд на Джорджа, потом опять на меня и вздохнул:

— Ладно, черт с вами. Двигай за нами, сестренка. Но помни: рот не открывать и в разговор не вступать.

Преодолев шесть контрольно-пропускных пунктов, на каждом из которых меня пытались отшить, мы с Джорджем наконец были введены в резиденцию. Первое мое впечатление от Вождя Конфедерации Джона Тамбрила было, что он выше, чем мне показалось вначале. Я решила, что все дело в отсутствии головного убора из перьев. Мое второе впечатление: он был еще безобразнее, чем на плакатах, портретах и экранах. Приглядевшись внимательно к нему, я лишь тверже уверилась в правильности второго впечатления — как и множество его предшественников на политической арене, Тамбрил превратил свое персональное уродство в определенного рода козырь. (Интересно, уродство — необходимое качество для главы государства?) Тамбрил был похож на лягушку, старающуюся выглядеть жабой, но терпящую фиаско.

Вождь прочистил горло и прорычал:

— А что эта здесь делает?

— Сэр, — быстро вмешался Джордж, — я хочу сделать серьезное заявление! Этот человек... Вот этот, — Джордж ткнул пальцем в красавца Морри, пытался разлучить нас с сестрой! Он должен быть наказан!

Тамбрил взглянул на Морри, потом на меня, потом опять на «шестерку».

— Это правда?

Морри принялся объяснять, что он этого и не думал делать, но если бы и сделал, то только потому, что он выполнял приказ Тамбрила, и в любом случае он считает...

— Ты тут не для того, чтобы считать, — буркнул Тамбрил. — Я поговорю с тобой позже. И почему она до сих пор стоит? Принеси ей стул! Мне, что ли, обо всем здесь думать?

Как только я была усажена, Вождь переключил свое внимание на Джорджа:

— Сегодня вы совершили Храбрый Поступок! Да, сэр, воистину Храбрый Поступок! Великая Калифорнийская Нация гордится тем, что умеет воспитывать Достойных Сынов Отечества. Как вас зовут? Джордж назвал свое имя.

— «Пэйролл» — Гордое Калифорнийское Имя, мистер Пэйролл. Оно происходит из глубин нашей Великой Истории, от Славных Предков, которые свергли гнет Испании, и восходит к Храбрым Патриотам, которые свергли гнет Уолл-стрит. Вы не против, если я буду называть вас Джордж?

— Конечно, нет.

— А вы можете называть меня просто — Миротворец. Это и есть Суть нашей Великой Нации, Джордж — все мы Равны!

— Скажите, — неожиданно вырвалось у меня, — а это распространяется на ИЧ? На искусственных людей, Вождь Тамбрил?

— Что-что?

— Я спросила насчет искусственных людей, вроде тех, что делают в Беркелэе и Дэвисе. Они тоже равны?

— Э-э... Вот что, юная дама, вам не следует перебивать старших, когда они заняты важным разговором. Что же касается вашего вопроса, то как, интересно, Человеческая Демократия может применяться к тем, кто не является Человеком? Хотели бы вы, чтобы кошки имели право голоса? Чтобы гравилет принимал участие в выборах? Ну, говорите.

— Нет, но...

— Вот видите. Все Равны и Все обладают Правом Голоса. Но должно же где-то провести черту. А теперь, черт возьми, замолчите и не прерывайте тех, кто умнее и лучше. Джордж, то, что вы сегодня совершили... Если бы этот псих пытался убить меня — а он и не думал этого делать, никогда не забывайте этого, — невозможно было вести себя более самоотверженно, в самых лучших традициях нашей Великой Калифорнийской Конфедерации. Я горжусь вами!

Тамбрил встал, вышел из-за своего огромного стола и, заложив руки за спину, принялся прохаживаться перед нами. Тут я поняла, почему сидя он казался мне выше — или он пользовался специальным высоким креслом, или кресло стояло на какой-то подставке. Встав на ноги, он едва доставал мне до плеча.

Прохаживаясь, он, казалось, думал вслух:

— Джордж, для человека вашей храбрости и отваги всегда

найдется место в моей, так сказать, официальной семье. Кто знает — может, настанет такой день, когда ты сможешь еще раз проявить свое мужество и спасти меня уже от настоящего покушения. Я имею в виду, разумеется, разных иностранных наймитов — Стойких Патриотов Калифорний мне бояться нечего, они все любят меня за то, что я сделал для них во время оккупации Бюро Октагона. Но соседние страны завидуют нам. Они полны зависти к нашему Богатому, Свободному и Демократичному образу жизни, и порой их ненависть выплескивается наружу, так что, кто знает... — Он постоял несколько секунд с опущенной головой, видимо, обдумывая что-то особо важное, потом торжественно произнес, выделяя голосом все заглавные буквы: — Есть Главная Цена в Привилегии служения Народу и его Вождю, но Цену Эту нужно платить с Радостью. Скажи мне, Джордж, если понадобится принести Самую Великую Жертву — жизнь свою отдать во имя жизни Вождя Твоего Народа и Твоей Страны, — если Вождь Страны Твоей потребует такой Жертвы, принесешь ли ты ее, не колеблясь?

— Вряд ли такое случится, — ответил Джордж.

— Что?..

— Ну, видите ли, когда я голосую... Кстати, это бывает нечасто, так вот, я обычно голосую за реюнионистов. А нынешний премьер у нас — реваншист. Так что вряд ли он обратится с таким требованием ко мне.

— Какого черта ты там мелешь?!.. Что это значит?..

— Я говорю о своей стране — с вашего разрешения, о Квебеке. Дело в том, что я из Монреаля.

16

Через пять минут мы очутились на улице. В течение этих пяти минут мне казалось, что нас наверняка повесят, расстреляют или по крайней мере приговорят к пожизненному заключению в тюрьме самого строжайшего режима по обвинению в некалифорнийском подданстве. Но все же было принято более мягкое решение, когда главный советник Тамбрила убедил его в том, что не стоит рисковать и устраивать судебное разбирательство, — по его словам, Генеральный консул Квебека мог бы пойти на это, но подкуп всего консульства обошелся бы слишком дорого.

Нам было дано несколько иное объяснение нашего освобождения, но советник не знал, что я слышала весь его разговор с Тамбрилом, — я не посвящала в свои способности усиливать слух даже Джорджа. Главный советник Вождя нашептал ему что-то о недавней истории с какой-то мексиканской куколкой, о которой газетчики раздули шумную историю, и сказал, что они не могут сейчас влезать в новый скандал, так что «хрен с ними, Шеф, пускай катятся восвояси...»

Итак, мы были отпущены из дворца и через сорок пять минут вошли в главную контору Единой Карты Калифорнии. Еще десять минут ушло у нас на то, чтобы смыть дурацкий грим и переодеться в туалете в здании Калифорнийского коммерческого кредита. Туалет здесь также отличался антидискриминационной политикой, но выражалась она не в столь агрессивной форме — вход был бесплатный, кабинки закрывались, и женщины располагались с одной стороны, а мужчины с другой — там, где были такие высокие стуковины, которыми мужская половина человечества пользуется с такой же легкостью, как унитазами. Единственное помещение, где оба пола сосуществовали вместе, — комната в центре со столиками и зеркалами, но и здесь женщины предпочитали стоять с одной стороны, а мужчины — с другой. Я не против общих туалетов, меня это ничуть не смущает — в конце концов, я воспитывалась в «яслях», — но я заметила, что, если у мужчин и женщин есть возможность разделяться при этом процессе, они всегда ею пользуются.

Джордж выглядел намного лучше с ненакрашенными губами. Он заодно смыл лак с головы и нормально причесался. Я сняла с него свой оранжевый шарф и засунула себе в сумку.

— Наверно, это выглядело глупо и наивно с моей стороны? Ну, весь этот маскарад... — сказал он.

Я огляделась. Поблизости никого не было, и кондиционеры здорово шумели.

— Не думаю, Джордж. Полагаю, недель за шесть из тебя можно сделать настоящего профессионала.

— Профессионала? В каком смысле?

— Ну, что-то вроде Пинкертона. Или... — Кто-то вошел и стал неподалеку от нас. — Обсудим это позже. Кстати, из этой истории мы выскочили с двумя лотерейными билетами.

— Верно, а я и забыл... Когда розыгрыш твоего?

Я вытащила билет и взглянула на него.

— Слушай, это сегодня! Сегодня днем! Или, может, я сбилась со счета?

— Нет, все правильно, — сказал Джордж, изучив мой билет. — Хорошо бы нам через час найти какой-нибудь терминал и проверить.

— Ни к чему, — возразила я. — Мне никогда не везло ни в картах, ни в рулетку, ни в лотерею. Даже когда я покупаю крекеры, в пачке очень редко оказывается призовой купон.

— И тем не менее, моя Кассандра, стоит проверить.

— Ладно, будь по-твоему. Когда розыгрыш твоего?

Он достал свой билет, я взглянула на него и воскликнула:

— Слушай, он тоже сегодня! Теперь и я думаю, что стоит проверить — твой.

— Пятница, — сказал Джордж, не отрывая внимательного взгляда от своего билета. — Посмотри сюда. — Он поскреб ногтем по билету: буквы остались, а серийный номер сполз с бумаги. — Ну и

ну! На сколько минут наша подруга нырнула под прилавок, прежде чем «найти» мой билет?

— Не помню. На одну-две, не больше.

— Однако этого ей хватило.

— Ты хочешь вернуться к ней?

— Я? Зачем, милая? Ее виртуозность достойна восхищения. Но она тратит свой талант на пустяки. Ладно, пошли наверх — закончим наши дела с Единой Картой до розыгрыша лотереи.

Я опять вернулась к своему статусу «Марджори Болдуин», и мы были допущены к беседе с «нашим мистером Чамберсом» в главном офисе Калифорнийской Единой Карты. Мистер Чамберс оказался очень приятным человеком — гостеприимным, дружелюбным, симпатичным, словом, как раз тем, кто был мне нужен, судя по табличке на двери его кабинета, гласившей, что он является вице-президентом отдела клиентуры. Но через несколько минут до меня дошло, что главная его обязанность — говорить клиентам «нет», а главный его талант — облекать этот ответ в такое количество дружелюбных и вежливых слов, что клиент в результате так толком и не соображает, что его попросту завернули.

— Итак, прежде всего, мисс Болдуин, пожалуйста, поймите, что Единая Карта Калифорнии и Единая Карта Чикагской Империи — это совершенно разные корпорации, и с нами у Вас нет никакого контракта. К нашему великому сожалению. Правда, в целях сотрудничества и углубления деловых контактов мы обычно принимаем их карточки, как и они — наши. Но... К его чрезвычайному сожалению, он вынужден объяснить, что в данный момент — он подчеркивает это, в данный момент, Империя прервала все внешние сношения и, как это ни странно и даже нелепо, по его мнению, сегодня у них нет даже определенного курса, по которому бруины соотносятся к кронам, а потом... Как, скажите, на самом деле, они могут выплатить сумму по карточке Империи при всем их, поверьте, горячем желании?... Разумеется, они почтут за честь сделать это... Позже. Но мы от всей души хотим вам помочь, надеемся, что вы прекрасно проведете здесь время, и что-могу-для-вас-сделать?

Я спросила его, когда, по его мнению, будет снято чрезвычайное положение. Мистер Чамберс моментально сделал нейтральное лицо:

— Чрезвычайное положение? О каком чрезвычайном положении вы говорите, мисс Болдуин? Может быть, таковое и введено в Империи, не случайно же они закрыли все границы, но... Здесь — нет! Оглянитесь по сторонам — вы когда-нибудь видели страну, так благоденствующую и процветающую, как наша?

Я сказала, что не видела, и поднялась, чтобы уйти, поскольку спорить и что-то доказывать было совершенно бесполезно.

— Благодарю вас, мистер Чамберс. Вы были очаровательно любезны.

— Это мой долг, мисс Болдуин. Это долг каждого служащего

Единой Карты. И не забудьте, если я могу вам чем-то помочь, я всегда к вашим услугам.

— Спасибо, буду иметь в виду. Да, кстати, в этом здании есть где-нибудь общий терминал? Я днем купила лотерейный билет, а розыгрыш, оказывается, сегодня же.

Мистер Чамберс весь расплылся в улыбке.

— Дорогая мисс Болдуин, я так счастлив, что вы спросили! Прямо на этом этаже расположен наш конференц-зал, и каждую пятницу, в полдень, все наши служащие — по крайней мере те из них, кто обладает билетами, — мы все собираемся там и наблюдаем розыгрыш. Джи Би — это наш президент, — так вот, старина Джи Би решил, что так будет лучше, чем если бы все служащие потихоньку под любыми предлогами отлучались в соседние магазины или кафе. Лучше с моральной точки зрения. А когда кто-нибудь из наших что-то выигрывает — такое случается, — он или она получает роскошный пирог, утыканный свечами, как принято дарить в дни рождения, — это подарок самого Джи Би. Он дарит его лично и даже съедает кусочек.

— У вас веселая команда.

— О, да! В нашем фанансовом учреждении и слухом не слыхивали о компьютерных махинациях, все любят старину Джи Би! — Он взглянул на свой палец, на котором красовалось кольцо с часами. — Давайте же пройдем в конференц-зал.

Мистер Чамберс проследил, чтобы нас усадили в самые удобные кресла, лично принес нам кофе и только потом уселся и принялся смотреть на розыгрыш.

Главный экран терминала занимал почти всю стену в зале. Около часа разыгрывались маленькие призы и в течение этого часа главный ведущий обменивался двусмысленными шутками со своим ассистентом, в основном, относительно прелестей девочек, вытаскивающих счастливые билеты из вертящегося колеса. Милашек выбирали явно из-за этих самых прелестей — их костюмы не только подчеркивали все формы, но также наглядно демонстрировали публике, что им в буквальном смысле нечего скрывать. Работа непыльная, если, конечно, студия нормально отапливалась.

Справа послышались восторженные возгласы — один из клерков Единой Карты выиграл тысячу бруинов. Чамберс с улыбкой заметил:

— Такое случается часто, поэтому будет обсуждаться всю следующую неделю. Ну, что — пойдем? Ах да, у вас же еще на руках билет, который может выиграть... Впрочем, вряд ли. Молния редко бьет в одно место дважды.

Под грохот барабанов девица в телесного цвета бикини вытащила два предпоследних приза и... Наконец, самый последний «Гран при — Супер-Калифорния». Ведущий церемонию громко зачитал его номер, после чего цифры засверкали над его головой.

— Мистер Зи, — обратился он к ассистенту, — обладатель выигрыша зарегистрировался в нашем списке?

— Одну минуточку... Нет, не регистрировался.

— Итак, среди нас есть Золушка! Незвестный победитель! Кто-то в нашей великой и чудесной Конфедерации стал на двести тысяч бруинов богаче! Слышит ли нас этот счастливцев сейчас? Позвонит ли он... Или, быть может, она... Позвонит ли она нам или придет сюда, чтобы все могли полюбоваться, глядя на нее... Или него... До конца нашего шоу?! Или же кто-то разбудит этого счастливца завтра утром, чтобы сообщить ему (или ей), что он разбогател? Ребята, вы все видите номер? Он будет сиять там до конца нашей программы, а потом его будут повторять в каждом выпуске новостей, пока не объявится счастливцев. А теперь прослушайте новости...

— Пятница, — шепнул мне Джордж, — дай-ка мне взглянуть на твой билет.

— В этом нет нужды, Джордж. Это он. Я выиграла.

Мистер Чамберс поднялся и с улыбкой обратился к нам:

— Представление окончено, — сказал он. — Это удача, что хоть кто-то из нашей дружной семьи выиграл небольшую сумму. Было очень приятно провести с вами время, мисс Болдуин и мистер Каро... Перра... И прошу вас, если у вас возникнут какие-либо вопросы, не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне, и я приложу все усилия, чтобы...

— Мистер Чамберс, — вежливо перебила я его. — Может Единая Карта получить это для меня? Мне бы не хотелось делать это самой.

Мистер Чамберс был во всех отношениях приятным мужчиной, но со слегка замедленными реакциями. Трижды он сравнивал номер на моем билете с цифрами, все еще сияющими на экране, прежде чем поверить своим глазам. Затем Джорджу пришлось резко остановить его, когда он попытался убежать сразу в нескольких направлениях: звать фотографа, представителей Национальной лотереи и заказывать команду телевизионщиков. Джордж сделал это вовремя, потому что, не вмешайся он, мне пришлось бы действовать самой, причем гораздо резче. Меня всегда раздражает, когда здоровенные мужики не принимают в расчет мои возражения, и я порой обхожусь с ними круто.

— Мистер Чамберс! — сказал Джордж. — Вы разве не слышали, что она сказала? Она не желает делать это сама. Никакой рекламы.

— Что? Но победители всегда попадают в выпуски новостей — это обычная процедура, таковы правила! Прошу вас, не беспокойтесь, это не займет ни минуты вашего времени, потому что... Помните девушку, выигравшую маленький приз до вас? Сейчас ее как раз фотографируют с Джи Би с его пирогом. Так что давайте пройдем сию минуту в его кабинет и...

— Джордж, — прервала я этот монолог. — Америкэн Экспресс.

У Джорджа прекрасная реакция, и я с удовольствием выйду за него замуж, если Жанет когда-нибудь решит его бросить.

— Мистер Чамберс, — немедленно отреагировал он, — будьте любезны сообщить нам адрес главного отделения Америкэн Экспресс в Сан-Жозе.

Мистер Чамберс застыл, словно на него напал столбняк.

— Что вы сказали? — с тихим ужасом прошептал он.

— Вы можете сообщить нам адрес Америкэн Экспресс? Мисс Болдуин желает получить по своему билету у них, что касается меня, то я предварительно позвоню им и выясню, как у них обстоит дело с тайной банковских операций.

— Но вы... Вы не можете так поступить! Она же выиграла здесь!

— Можем, и мы именно так и поступим. Она не выигрывала здесь. Просто она случайно оказалась здесь во время розыгрыша. А теперь, пожалуйста, дайте нам пройти, мы уходим.

Далее мы вынуждены были повторить всю сцену для Джи Би, обыкновенного напыщенного индюка с сигарой в углу рта и с куском пирога, прилипшим к верхней губе. При этом он был далеко не глуп, схватывал все на лету, но слишком привык к моментальному исполнению всех своих желаний, поэтому Джорджу пришлось очень громко упомянуть Америкэн Экспресс, прежде чем до него дошло, что я не соглашусь ни на какую рекламу и, в противном случае, скорее обращусь к уличным менялам валюты, чем к его фирме.

— Но, позвольте, какие менялы, если мисс... Э-э-э, мисс Булгрин является клиентом Единой Карты.

— Нет, — возразила я, — я лишь полагала, что являюсь клиентом Единой Карты, но мистер Чамберс отказал мне в кредите. Таким образом, мне придется открыть счет в Америкэн Экспресс. И без всяких фотографов.

Чамберс объяснил, что моя кредитная карточка выписана Имперским банком Сент-Луиса.

— Учреждение с прекрасной репутацией, — заметил Джи Би. — Чамберс, снабдите ее другой карточкой. Нашей. Немедленно. И оплатите ей выигрышный билет. — Он взглянул на меня и вынул сигару изо рта. — Без всякой рекламы. Все дела клиентов Единой Карты сохраняются в тайне. Вы удовлетворены, мисс... Э-а-а, мисс Уоллгрин?

— Вполне, сэр.

— Чамберс, приступайте.

— Да, сэр. На какую сумму открыть кредит, сэр?

— Какую сумму вы желаете, мисс Белгуим? Возможно, вы назовете сумму в кронах? Каков кредит, открытый вам моими коллегами в Сент-Луисе?

— Я отношусь к разряду золотых клиентов, сэр, и мой счет всегда измерялся в золоте, а не в кронах. Можно ли устроить это здесь? Видите ли, я просто не привыкла думать в бруинах. Я так часто путешествую, что мне гораздо удобнее оперировать граммами золота. (Упомянуть о золоте в стране с нетвердой валютой — почти нечестно. Это туманит мозги банкирам.)

— Вы хотите платить золотом?

— Если позволите. Через Южно-Африканское приемное отделение и контору в Луна-Сити. Это вас устроит? Обычно я плачу раз в квартал, но могу распорядиться, чтобы вам пересылали взносы ежемесячно, если вас это больше устраивает.

— Нет-нет, нас вполне устрают ежеквартальные взносы (еще бы — при этом они получают оптимальный процент!).

— Что же касается суммы кредита... Честно говоря, сэр, я не люблю помещать значительную часть своих финансов в какой-то один банк и в какую-то одну страну. Что, если мы остановимся на тридцати килограммах?

— Как пожелаете, мисс Бедлам. Если захотите увеличить сумму, просто дайте нам знать — только и всего. Чамберс, приступайте.

Итак, мы вернулись в тот самый кабинет, где мне полтора часа назад было сказано, что мой кредит здесь недействителен. Мистер Чамберс протянул мне бланк заявления со словами:

— Позвольте, я помогу вам заполнить это.

Я взглянула на анкету. Имена родителей, имена бабушек и дедушек. Дата и место рождения. Точные адреса проживания за последние пятнадцать лет. Нынешнее место работы. Предыдущее место работы. Причина увольнения с предыдущего места работы. Нынешний доход. Банковские счета. Три гарантии от лиц, знающих вас не менее десяти лет. Обращались ли вы с заявлением о банкротстве, возбуждались ли против вас преследования за неуплату счетов, были ли вы ответственным служащим какого-либо финансового учреждения, состояли ли компаньоном фирмы, впоследствии реорганизованной согласно параграфу тринадцатому Народного закона номер девяносто семь Калифорнийской Конфедерации по гражданскому состоянию? Были ли вы обвинены в?..

— Пятница. Ни в коем случае, — вполголоса произнес Джордж.

— Именно это я и собираюсь сказать, — кивнула я, вставая.

— Всего хорошего, мистер Чамберс, — вежливо произнес Джордж.

— Что-нибудь не так?

— Еще бы. Ваш начальник велел вам обеспечить мисс Болдуин золотой кредитной карточкой на сумму кредита в тридцать килограммов чистого золота, но он не велел подвергать ее перекрестному допросу.

— Но это ведь стандартный бланк заявления, обычная формальность, и нам...

— Нас это не интересует. Передайте Джи Би, что вы опять сели в лужу.

«Наш» мистер Чамберс позеленел и выдал:

— Прошу вас, сядьте.

Через десять минут мы ушли, я — обладательницей новенькой золотой кредитной карты, действительной где угодно (надеюсь на это). В обмен я указала номер моего почтового ящика в Сент-Луисе,

мой последний адрес (дом Жанет), номер моего счета в Луна-Сити с письменной инструкцией выплаты (ежеквартально) через Южно-Африканское отделение. Также мне была выдана приличная сумма наличными в бруинах и такая же — в кронах вместе с чеком на лотерейный билет. Мы вышли из здания, перешли площадь, нашли скамеечку и уселись на нее. Было всего восемнадцать часов, погода стояла прохладная, но солнце ярко освещало холмы Санта-Крус.

— Дорогая Пятница, каковы будут ваши следующие желания? — осведомился Джордж.

— Посидеть спокойно пару минут и немного сосредоточиться. Потом я угощу тебя выпивкой. Я выиграла в лотерею, и за это стоит выпить. По крайней мере.

— По крайней мере, да, — согласился он. — Ты получила двести тысяч бруинов за... Двадцать?

— За доллар, — поправила я его. — Я не взяла у нее сдачу.

— Все равно, вполне достаточно. Ты выиграла чистыми около восьми тысяч долларов.

— Семь тысяч четыреста семь долларов и сколько-то там центов.

— Ну, это не состояние, но вполне приличная сумма.

— Вполне приличная, — кивнула я. — Для женщины, которая с утра жила на благотворительные пожертвования своих друзей. Если я, конечно, не заработала что-то за мое «нормальное» поведение прошлой ночью.

— За эту реплику братишка Жан обеспечил бы тебя распухшей губой. Я же лишь могу заметить, что хоть семь тысяч четыреста и приличная сумма, гораздо большее впечатление на меня произвело другое, а именно: не обладая ничем, кроме лотерейного билета, ты заставила одну из самых строгих банковских фирм предоставить тебе открытый счет в пределах миллиона долларов — золотом. Родная, как ты это сделала? Безо всякой грызни! Ты даже не повысила голос.

— Но... Джордж, это же ты заставил их выдать мне карточку.

— М-мм? Нет, не думаю. Ну да, я, конечно, старался тебе подыгрывать, но... Играла, безусловно, ты сама. Все ходы — твоя личная инициатива.

— Только не с той дурацкой анкетой! Уж это ты мне не приписывай.

— А-а, да. Но эта лошенная задница не имела никакого права тебя допрашивать. Ведь его босс приказал выдать тебе карточку без всяких разговоров.

— Ты меня спас. Я была уже на пределе. Джордж... Джордж, родной, я знаю, ты сказал мне, чтобы я плюнула и не думала об этом... Ну, о том, кто я такая, но... Я стараюсь. Я правда стараюсь! Но когда он подsunул мне этот бланк, где надо писать все о родителях и о дедах и бабках... Это выбило меня из седла!

— Я и не ожидал, что за одну ночь сумею тебя исправить. Мы продолжим работу в этом направлении. Так или иначе, ты была «в седле», когда речь зашла о сумме кредита.

— Знаешь, я как-то слышала, как один человек сказал (это был Босс), что одолжить десять долларов гораздо труднее, чем миллион. Поэтому, когда они спросили, я и назвала миллион... Нет, не совсем миллион — в британо-канадских долларах около девятисот шестидесяти четырех тысяч.

— Не буду мелочиться. Когда счет заходит за девятьсот тысяч, у меня кончается кислород. Слушай, «нормальная», а ты знаешь, сколько получает профессор?

— Какое это имеет значение? Судя по тому, что я знаю о твоей профессии, одно успешное создание нового искусственного существа приносит миллионы. Даже миллионы граммов золота, а не долларов. У тебя что, не было успешных разработок? Или это бестактный вопрос?

— Давай сменим тему. Где мы проведем эту ночь?

— За сорок минут мы можем добраться до Сан-Диего, или за тридцать пять — до Лас-Вегаса. И там, и там есть свои плюсы и свои минусы в смысле шансов попасть в Империю. Джордж, теперь, когда у меня достаточно денег, я немедленно должна быть на работе, и плевать мне на всех сумасшедших и фанатиков. Но я клянусь тебе чем хочешь, что, как только у меня выберется несколько свободных денечков, я тут же навещу тебя в Виннипеге.

— Может статься, что я к тому времени еще не успею вернуться в Виннипег.

— Тогда я приеду к тебе в Монреаль. Слушай, родной, мы обменяемся с тобой всеми нашими адресами — я ни в коем случае не хочу тебя потерять. Ты ведь не только убедил меня в том, что я — человек, ты... Ты сказал, что я нормальная, что со мной нормально... Словом, ты вполне подходишь мне своими моральными устоями. А теперь выбирай, потому что мне все равно: Сан-Диего, где мы поболтаем по-испански, или Вегас — там поглазею на множество обнаженных дам, а?

17

Мы съездили и туда, и туда, а потом отправились в Виксберг. Оказалось, что техасско-чикагская граница закрыта с обеих сторон на всем ее протяжении, поэтому я решила попробовать сначала речной маршрут. Конечно, Виксберг принадлежит Техасу, но для моих целей его местоположение — главный речной порт рядом с империей, — было весьма удобно, поскольку этот порт — главная база контрабандистов обоих государств.

Виксберг делится на три части: Нижний город, порт — прямо у самой воды (нередко страдающий от наводнений), — и Верхний город, расположенный на огромном утесе примерно стометровой высоты и, в свою очередь, разделенный на Старый город и Новый. Старый город окружен полями сражений давно забытой (всеми,

кроме виксбергцев!) войны. Поля эти неприкосновенны, на них запрещены любые постройки, поэтому Новый город находится за пределами этой «святой» земли и со старым его связывают лишь подземные коммуникации: монорельсовые туннели и трубы. Верхний город сообщается с Нижним при помощи эскалаторов и фуникулеров.

Для меня Верхний город был лишь местом для сна и переодевания. Мы остановились в виксбергском «Хилтоне» (двойнике беллингхемского «Хилтона» и даже с точно таким же баром в холле), но приехала я сюда ради Нижнего, а точнее — ради реки. Время мы проводили грустно-весело, так как Джордж знал, что я не позволю ему двинуться со мной дальше, и мы оба избегали разговоров на эту тему. Я даже не разрешала ему сопровождать меня в Нижний город и предупредила, что в любой день могу не вернуться в отель, могу даже не оставить ему записки. Когда настанет момент, подходящий для «прыжка», я «прыгну».

Нижний Виксберг — город жестких нравов, порочный, со своими крутыми «законами». Днем полицейские появляются только по двое, ночью — их вообще не сыскать. Это город взяточников, проституток, контрабандистов, толкачей, продавцов наркотиков, пройдох, жуликов всех мастей, сутенеров, наемников, скупщиков краденого, нищих, воров, притонодержателей, кидал... Словом, чего только не найдешь в виксбергском Нижнем городе. Расчудесное местечко, только не забудьте сделать анализ крови, когда выберетесь оттуда.

Это единственное место, во всяком случае, мне известное, где искусственное существо, с такими явными «отметинами» своего происхождения, как, скажем, четыре руки, отсутствие ног, глаза на затылке или что там еще у них бывает, — может зайти (или заползти) в бар, заказать кружку пива и не привлечь к себе особого внимания. Что же касается моей «породы», то быть искусственно созданной — здесь ровным счетом ничего не значит, поскольку девяносто пять процентов представителей здешнего общества не осмеливаются ступить на эскалатор, ведущий в Верхний город.

У меня возникло огромное искушение — никуда не уезжать отсюда. Было тут что-то настолько радушное и дружелюбное во всем и повальном беззаконии, во всех этих изгоях, в жизни не ткнувших бы в меня обвиняющим пальцем... Если бы не два момента — с одной стороны, Босс, а с другой — Джордж и воспоминания о гораздо лучше пахнущих местах, — я, быть может, и осталась бы в Нижнем Виксберге и нашла бы себе подходящее занятие и применение моим способностям. Но... Не помню, кто это сказал: «Мой долг меня вперед зовет и спать спокойно не дает», — кто бы это ни придумал, он-то понимал, отчего люди продолжают упрямо двигаться, когда им так хочется лечь и передохнуть. Одевшись так, словно я была солдатом без работы, я шлялась по набережной, навострив уши, в поисках шкипера, который согласился бы взять на борт живой «товар». К моему разочарованию, движения по реке не было. Новостей из Империи не поступало, ни

одно суденышко не спускалось сюда — вниз по реке, — поэтому никому из скиперов не хотелось рисковать и плыть вверх.

Итак, большую часть времени я просиживала в барах, попивая (в умеренных дозах) пиво и потихоньку пуская слухи о том, что согласна уплатить приличную сумму за путешествие вверх по реке. Также я внимательно просматривала рекламу — гораздо более откровенную по сравнению с калифорнийской. Здесь можно было печатать практически что угодно. Например:

«Вы ненавидите ваших родных?

Вы растеряны, связаны по рукам и ногам?

Вам осточертела жена (муж)?

Тогда давайте мы сделаем из вас нового(ую) мужчину (женщину).

Пластические операции — реориентация — смена места жительства, и даже смена пола — неузнаваемость гарантируется. Свяжитесь с доктором Франком Франкенштейном в гриль-баре „Нежный Сэм”».

Впервые в жизни я столкнулась с рекламой платного убийства. Или я что-то не так поняла?

«У вас возникли проблемы?

Нет ничего незаконного — дело не в том, что вы делаете, а в том, как! Мы располагаем самыми искусными юристами-„отмазчиками” во всем штате Одинокой Звезды.

Фирма „Лазейки, инкорпорейтед”. Запросите „ЛЕВ” 10101».

Сверху — маленькое примечание, гласящее, что коды, начинающиеся с «ЛЕВ», — отвечают только запросам Нижнего города.

«Артист лимитэд.

Документы любых видов, инструменты и приспособления для любого рода общений, дипломы, свидетельства о рождении, удостоверения личности, паспорта, фотографии, деловые лицензии, свидетельства о браке, кредитные карты, голограммы, аудио-видео-записи, комиссионные сборы, завещания, отпечатки пальцев — качество всех работ гарантируется ассоциацией „Ллойда” — „ЛЕВ” 10111».

Разумеется, все вышеназванные услуги доступны практически в любом большом городе, но их крайне редко рекламируют в открытую. Что же касается «гарантии качества», то я не очень в это верю.

Я решила не рекламировать свою проблему, ибо сомневалась, что гласное объявление может помочь в таком интимном деле, и продолжала ронять пару слов то тут, то там, в надежде на барменов, попрошаек и бандерш. Но я продолжала внимательно читать рекламные приложения — на всякий случай: вдруг что-нибудь полезное да выплывет... И набрела как-то на хоть и лично мне ненужное, но весьма интересное сообщение. Я сделала копию и, вернувшись в отель, показала ее Джорджу:

«У.К. — Составь завещание. Тебе осталось жить десять дней.

Эй-Би-Си».

— Что это значит, Джордж?

— Первое, которое мы видели, давало У.К. всего лишь неделю. Прошло больше недели, и теперь у «него» в запасе десять дней. Если так будет продолжаться, У.К. умрет от старости.

— Значит, ты не думаешь, что...

— Нет, любовь моя, не думаю. Это просто шифр.

— Какой шифр?

— Да самый простейший, и поэтому неподдающийся расшифровке. Первым объявлением тому, или тем, «кому положено», сообщалось, что нужно осуществить что-то в размере семи, или ожидать чего-то в размере семи, или, наконец, сообщалось нечто, под кодовым обозначением «семь». В нынешнем объявлении сообщается то же самое, под кодовым названием «десять». Но значение самой цифры невозможно расшифровать с помощью статистического анализа, потому что задолго до середины процесса расшифровки код может быть сменен. Код — идиотский, а идиотский код, Пятница, расшифровать невозможно, если тот, кто им пользуется, обладает хоть каплей здравого смысла и не слишком часто пьет из одного и того же колодца.

— Слушай, Джордж, ты говоришь так, словно сам изобрел этот код, или, по крайней мере, работал дешифровальщиком или кем-то в этом роде.

— Ну да, кем-то в этом роде. Но понял я это не там. Самые сложные анализы шифров и кодов — они и сейчас далеко не совершенны, — производятся там, где имеют дело с живыми генами. Все генетические коды тоже относятся к разряду идиотских, да-да, все, но... Повторяются они столько миллионов раз, что в конце концов у нас появляется возможность отыскать и понять смысл некоторых сочетаний... Прости, что я заговорил об этом за едой.

— Да ладно, я ведь сама начала. Итак, угадать, что означает «Эй-Би-Си» невозможно?

— Абсолютно невозможно.

— Этой же ночью прокатилась вторая волна убийств, точно по графику. Нет-нет, я вовсе не утверждаю, что тут есть какая-то связь.

Они ударили ровно через десять дней после первой атаки. Впрочем, время не добавило ничего нового, и нам по-прежнему было неизвестно, какая группировка стояла за всем этим: и так называемый Совет за Выживание, и противники — Стимуляторы называли именно этот срок, а что касается Ангелов Господних, то те вообще не высказывались о времени второй «волны».

Между первой волной террора и второй была разница, причем такая, которая, казалось, поможет мне кое в чем разобраться... Вернее, нам с Джорджем, когда мы обсуждали это после сообщений.

1. Никаких новостей из Чикагской Империи. Никаких изменений здесь, поскольку из Империи вообще не поступало

никаких сведений после сообщений о ликвидации демократов... Итого: молчание оттуда длится уже неделю, что заставляет меня здорово беспокоиться.

2. Никаких сообщений из Калифорнийской Конфедерации о втором «ударе» — обычные сводки новостей и только. Кстати — после обычной сводки новостей и сообщений об убийствах «где-то там» — поступило следующее сообщение: «Боевитый» Вождь Конфедерации Тамбрил после консультации со своим врачом назначил чрезвычайное правительство в составе трех человек со всеми вытекающими отсюда полномочиями, а сам отправился на продолжительный курс лечения в свою летнюю резиденцию «Орлиное гнездо», недалеко от Тахо. Бюллетени о состоянии его здоровья будут поступать не из Тахо, а из Сан-Жозе.

3. По поводу этого и я, и Джордж сразу сошлись в одном: «курс лечения» означал попросту бальзамирование трупа этого жалкого позера, а бюллетени о состоянии его «здоровья» будут поступать до тех пор, пока кто-то из правительственной «тройки» не перегрызет горло остальным в борьбе за власть.

4. Никаких сообщений о втором «ударе» во внезапном пространстве.

5. Кантон и Маньчжурия не сообщили о второй волне убийств. Поправка: подобных сообщений не появилось в Виксберге, Техасе.

6. Насколько я могу судить, во всех остальных местах террористы нанесли удары. Тут, конечно, есть «черные дыры» — я не знаю, что произошло, скажем, в Непале или на острове Принца Эдуарда, но я не вижу причин, почему кого-то (за исключением тех, кто там проживает) это должно волновать — почти триста из четырехсот так называемых суверенных государств являются попросту фикцией, т. е. не имеют никакого значения в геополитическом смысле. Однако все основные страны, кроме указанных выше, испытали на себе вторую волну терроризма и сообщили об этом — за исключением тех, где эти «удары» оказались или очень слабо, или очень сильно ощутимы.

7. Почти все террористические акты потерпели фиаско. В этом и было главное отличие первой «волны» от второй. В первый раз большинство убийц достали свои жертвы, и большинству же убийц удалось скрыться. Теперь все получилось наоборот: большинство «мишеней» осталось в живых, а большинство террористов погибло. Очень немногих взяли живьем, и лишь единицам удалось бежать.

* * *

Этот последний пункт наконец-то избавил меня от довольно мучительного подсознательного раздражителя, здорово действующего мне на нервы последние десять дней. Что я имею в виду? За всеми этими убийствами стоял не Босс.

Почему я так уверена в этом теперь? Потому что вторая волна оказалась полным провалом того, кто стоял за этим. Далее: обычные исполнители, даже рядовые «бойцы» обходятся недешево, так что наниматели ими особенно не разбрасываются. Тренированный убийца стоит по меньшей мере в десять раз дороже рядового «бойца», и он (или она — что бывает чаще) никогда не даст себя ликвидировать! Бог ты мой, это же бред! Это профессионалы, они убивают и уходят. Стало быть, тот, кто стоял за всем этим, за одну ночь полностью разорился.

Непрофессионально! Значит, это был не Босс.

Но я так и не могла вычислить, кто же мог все-таки стоять за всей этой тупой клоунадой, потому что просто не видела, кто сорвал банк. Мое раннее предположение, что за все заплатила какая-то международная корпорация, кажется, было ошибочным: я не могла себе представить, чтобы хоть одна «международка» стала пользоваться услугами дилетантов и наняла желторотых птенцов, вместо специалистов.

Однако еще труднее представить, что за этим стоит какое-то территориальное государство, пытающееся таким бредовым способом добиться мирового господства.

Что же касается разных групп фанатиков, вроде Ангелов Господних или Стимуляторов, то для них это — слишком большой масштаб... И все же что-то фанатическое, что-то ненормальное за всем этим крылось... Что-то иррациональное, бессмысленное и потому мне непонятное... Впрочем, нигде ведь не написано, что я должна всегда все понимать и быть способной во всем разобраться...

На следующее утро после второго «удара» весь Нижний Висксберг пришел в страшное возбуждение. Стоило мне зайти в салун и кивнуть бармену, как ко мне приблизился какой-то юнец и заговорщицки шепнул:

— Хорошие новости! «Рэйчел Райдерс» нанимает всех... Рэйчел велела сказать это вам лично.

— Слушай, щенок, — вежливо ответила я. — Рэйчел не знает меня, а я не знаю никакой Рэйчел.

— Слово скаута!

— Ты никогда не был скаутом и вряд ли сможешь грамотно написать это слово.

— Слушай, командирша, — не отставал он, — я ничего не ел с самого утра. Давай просто пройдишь со мной туда, тебя ведь никто не заставляет ничего подписывать, а? Это прямо напротив, нам только улицу перейти.

Он и впрямь был тощий, но это могло означать лишь, что он вступил в тот переходный возраст, когда юнцы резко тянутся вверх: Нижний город — не то место, где голодают. Секунду я колебалась, и тут нашел нужным вмешаться бармен:

— Кончай, Коротышка! — процедил он сквозь зубы. — Оставь моих клиентов в покое. Не отвяжешься, перешибу хребет.

— Все в порядке, Фред, — кивнула я ему, — я зайду к тебе попозже. — Я кинула на стойку бумажку и, не дожидаясь сдачи, повернулась к юнцу. — Пошли, Коротышка.

Рекрутская контора Рэйчел оказалась подальше, чем «только улицу перейти», и по дороге туда еще двое «ловцов» пытались отбить меня у Коротышки. Но их призывы не возымели никакого эффекта, поскольку у меня была лишь одна-единственная цель: дать тощему юнцу ухватить свой жалкий кусок.

Сержант по найму напомнила мне ту клячу, что стояла в туалете дворца в Сан-Жозе. Она окинула меня равнодушным взглядом и буркнула:

— Походных шлюх сейчас не нанимаем, Сладкогрудка. Но если поболтаешься тут немножко, может, я и угощу тебя парой рюмок.

— Заплати своему гонцу, — сказала я.

— За что ему платить? Эй, Леонард, я же предупреждала — никаких шлюх. Выкатывайся отсюда и займись делом.

Я перегнулась через стойку и взяла ее за левое запястье. Вполне незаметно (для непрофессионала) в правой руке у нее очутился нож. Тогда мне пришлось переменить позу: я забрала у нее нож, воткнула его в стойку прямо перед ее носом и одновременно сжала ее левую лапку посильнее.

— Можешь заплатить ему одной рукой? — осведомилась я. — Или мне нужно сломать тебе пальчик?

— Тише, тише, — ответила она, не оказывая никакого сопротивления. — Держи, Лео. — Она открыла ящик, вытащила две техасские бумажки и протянула ему. Он моментально схватил добычу и исчез.

— И это все, что ты им платишь? — спросила я, ослабив хватку. — При такой-то конкуренции, когда их на улицах пруд-пруди?

— Он получает свои настоящие комиссионные, когда вы подписываете контракт, — ответила она. — Я ведь тоже получаю свои деньги, когда доставляю вас готовенькими. А теперь, если ты не против, отпусти мою руку, она мне понадобится, чтобы оформить твои бумаги.

Я отпустила, и неожиданно у нее в руке опять сверкнул нож, а рука двинулась прямо на меня. На этот раз, прежде чем вернуть ей нож, я сломала лезвие пополам.

— Не делай этого больше, — попросила я. — Пожалуйста. И тебе стоит купить перо получше. Это — не «Золинген».

— Я вычту цену лезвия из твоего аванса, родная, — невозмутимо ответила она. — С той секунды, как ты вошла сюда, на тебя глядит ствол. Мне нажать на курок, или мы прекратим эти игры?

Я не поверила ей, но ее предложение меня устраивало.

— Хорошо, больше никаких игр, сержант. Какие будут перспективы? Твой гонец обещал мне небо в алмазах.

— Кофе с пирожными и обычные расценки. Стандартное жалование. Контракт на девяносто дней с правом компании продлить его еще на столько же. Деревянный костюм оплачиваете пополам: половину — ты, половину — компания.

— Гонцы носятся по всему городу и предлагают стандартное жалование плюс еще пятьдесят процентов (это я «пальнула» втемную).

— Если так, — она пожала плечами, — мы это устроим. Каким оружием владеешь? Мы не берем новобранцев. В этот раз — не берем.

— Я дам тебе пару уроков с любимым, каким ты думаешь, что владеешь. Где будут действия? Кто на прицеле?

— М-мм, ты круто берешь. Хочешь подписаться как старший инструктор? Мне этого не надо.

— Куда мы тронемся? Вверх по реке?

— Ты еще ничего не подписала, а хочешь секретную информацию.

— За которую я готова заплатить. — Я вытащила пятьдесят техасских «одиноких звезд» десятками и положила перед ее носом. — Куда мы отправляемся, сержант? Я куплю тебе хороший нож вместо той картонки, которую мне пришлось поломать.

— Ты — ИЧ.

— Давай не переходить на личности. Я просто хочу знать: двинемся мы вверх по реке, или нет? Скажем, до Сент-Луиса, а?

— Хочешь подписаться как младший инструктор?

— Что-о-о? Господи, да нет, конечно! Как младший офицер.

Мне не стоило это говорить — во всяком случае так скоро. Хотя чины не были в ходу у Босса, я конечно же, была старшим офицером, потому что подчинялась и докладывала лишь одному Боссу и никому больше. Это всегда подтверждалось тем, что для всех, кроме Босса, я была мисс Пятница — даже доктор Крэсни обращался ко мне так, пока я сама не попросила его быть попроще, — за исключением тех случаев, когда мне хочется, м-мм... внеустановного общения. Но я никогда не думала о своем чине, поскольку хоть надо мной нет никого старше Босса, но нет и никого подо мной. По формальной шкале (а я никогда не сталкивалась с таковой у Босса) я бы занимала «клетку», сообщающуюся с «верхушкой» лишь горизонтально, вне вертикального подчинения — то есть, старшего штабного офицера, если вам нравится подобный бюрократизм.

— Хорошо, дорогуша! Если ты и вытащишь это, то не из меня, а из полковника Рэйчел. Я думаю, она появится часам к тринадцати. — С этими словами она, как бы в рассеянности потянулась к стопке купюр. Я взяла стопку первая, пошелестела банкнотами и положила их вновь на стойку, но на этот раз поближе к себе.

— Так давай немного поболтаем, пока она не пришла, — предложила я. — Сейчас в городе полно наборов, и чтобы выбрать один, нужно ведь иметь какой-то резон, правда? Так вверх по реке, или нет? И как далеко? И с кем будем махаться — с профессионалами или с местными придурками? Затыжная драчка, или врезать и слинять? Давай поболтаем как подруги, а, сержант?

Она ничего не ответила и, не шевелясь, смотрела на стопку купюр. Я добавила еще десятку и взглянула ей в глаза. Ресницы у нее дрогнули, но она не потянулась к деньгам. Я добавила еще десятку.

— Убери это со стойки или дай мне в руки, сюда могут войти, — хрипло пробормотала она.

Я взяла стопку бумажек и сунула в ее протянутую руку.

— Благодарю вас, мисс, — сказала она и деньги моментально исчезли. — Полагаю, мы пойдем вверх по реке и, уж по крайней мере, до Сент-Луиса.

— С кем будем драться?

— Вообще-то... Хотя ладно, если ты повторишь это кому-нибудь, я не только стану отрицать это, но выдерну из тебя селезенку и скормлю ее головастикам. Мы, может, и вовсе не будем драться. А может, и будем, но не в каких-то там операциях, а... Все мы составим новую охрану нашего нового Председателя. Я бы сказала, новоиспеченного — он только-только избран, наш «новорожденный».

— (Что за чушь!) Вот как? Занятно. Отчего же тогда все наемные конторы в городе рассылают гонцов в поисках новобранцев? Этот «новорожденный» Председатель что — нанимает всех? Для охраны своего дворца?

— Мисс, я сама хотела бы знать. И здорово хотела бы.

— Может, мне постараться самой выяснить? Когда мы отплываем?.. — Я быстро поправилась. — Если отплываем... Может быть, у полковника Рэйчел имеются под рукой гавилеты?

— М-мм... Черт, сколько секретной информации ты хочешь за свои вшивые семьдесят «звезд»?

Я задумалась. Ничего не имею против траты денег, но мне надо быть уверенной, что товар того стоит. Если войска двинутся вверх по реке, контрабандисты лягут на дно, по крайней мере, на ближайшую неделю. Стало быть, путешествовать придется тем транспортом, который под рукой, но... Только не в качестве офицера! Я и так слишком много наболтала. Я вытащила еще две десятки и пошелестела ими:

— Сержант, а ты сама пойдешь с нами вверх по реке?

Она уставилась на банкноты, я положила одну из бумажек на стойку, и она моментально исчезла.

— Как же я упущу такой шанс, дорогуша? Ведь, выйдя из этой конторы, я становлюсь настоящим взводным сержантом.

Я положила на стойку вторую бумажку, и она немедленно отправилась вслед за предыдущей.

— Слушай, — сказала я, — если я дождусь твоего полковника и переговорю с ней и если она меня возьмет, то наверняка в качестве персонального адъютанта, снабженца или тому подобного дерьма. А мне лично не нужны ни бабки, ни заботы. Что мне нужно, так это поразвлечься. Знаешь, так активно отдохнуть. Хочешь нанять тренированного рядового? Такого, которого ты сможешь произвести в капралы или даже младшие сержанты, как только строй новобранцев поредеет и тебе надо будет заполнить вакансии, а?

— Ну да, — тоскливо буркнула она, — мне только и не хватало миллионерши в своем взводе!

Мне на секунду стало ее жалко — какой сержант захочет набитого деньгами подчиненного?

— Да не буду я разыгрывать из себя миллионершу, — пообещала я, — я просто стану обыкновенным рядовым. Если не веришь, засунь меня в любой другой взвод, идет?

— Думаешь, я совсем рехнулась? — со вздохом спросила она. — Ну, уж нет, я суну тебя туда, где смогу глаз с тебя не спускать. Она полезла в ящик, вытаснула анкету с оттиском «Временное соглашение» и протянула ее мне. — Прочти это. Подпиши. Вопросы есть?

Я быстро проглядела анкету. Это была обычная формальность — объем грудной клетки, сумма наличных, состояние здоровья, — но между строк проглядывала инструкция о выплате жалованья лишь на десятый день после подписания контракта. Резонно. Для меня это являлось гарантией, что они и впрямь отправляются по тернистой дорожке, то есть — вверх по реке. Судите сами: во всех кошмарных снах нанимателям снится одно — беглецы-дезертиры, урвавшие аванс. На сегодняшний день в городе столько наемных пунктов, что любой бывалый солдат-ветеран может запросто подмахнуть штурк пять-шесть таких бумажонок, собрать авансы в каждом наборном пункте и отвалить в места, где растут бананы... Если контракт составлен так, что предоставляет ему такую возможность.

Соглашение подписывалось лично с полковником Рэйчел Райдерс или (в случае ее смерти или недееспособности) ее законным преемником и предусматривало выполнение подписавшим его рекрутом всех приказов полковника и тех штатных и внештатных офицеров, которых она назначает. Я обязуюсь честно сражаться и не просить пощады, согласно международному закону и обычаям военных операций. Весь контракт был составлен так туманно, что потребовалась бы дюжина юристов из Филадельфии, чтобы разъяснить все «серые пятна», а впрочем... Все это не имело никакого значения, потому что любая разница в истолковании вызывала лишь один естественный исход: подписавший, если он был с чем-то впоследствии несогласен, получал пулю в спину.

Срок контракта, как и объявляла мне уже сержантша, — составлял девяносто дней с правом полковника продлить его еще на столько же на тех же условиях. Не было здесь и намек на возможность дальнейшего продления срока, и это меня насторожило.

Что же это может быть за охрана политикана — на шесть месяцев? А дальше — привет?! Или сержантша наврала мне, или кто-то наврал ей, а она по своей тупости не разглядела такого явного несоответствия. Ну да ладно, хватит ее допрашивать — я потянулась за ручкой со словами:

— Когда медосмотр?

— Ты шутики шутишь?

— Конечно. — Я подписала соглашение и, когда она сообщила мне какие-то устные примечания, сказала: — Да-да, я в курсе.

Она уставилась на мою роспись.

— Слушай, Джоана, а буква «П» — это что за имя?

— Пятница.

— Глупое имя. При исполнении ты — Джоана Джонс. Все остальное время — Джонси.

— Как скажете, сержант. А сейчас я при исполнении или свободна?

— Еще один момент, и будешь свободна. Приказ таков: спуститься по Карликовой аллее, там вывеска: «Уоо Фонг и Братья Леви, инкорп». Быть там к четырнадцати ноль-ноль, готовой к отправке. Входить через заднюю дверь... Итак, до четырнадцати ты свободна и можешь уладить все личные дела. О своем поступлении в наши ряды можешь говорить кому угодно, но тебе строжайше запрещается под угрозой дисциплинарного взыскания делать какие-либо ссылки на характер задания, к которому ты отныне причастна. — Она так быстро произнесла последние фразы, словно это была ускоренная магнитофонная запись... Деньги на еду нужны? Ах, да, о чем это я... Конечно, не нужны... Так, это все, Джонси. Рада, что ты в нашей команде! Мы прекрасно проведем время. — И она поманила меня к себе.

Я зашла за стойку и подошла к ней. Она обвила рукой мои бедра, подняла на меня глаза и улыбнулась. Про себя я пожала плечами, поскольку решила, что сейчас не время обижать моего взводного сержанта, улыбнулась в ответ, наклонилась и поцеловала ее в губы.

— Не так уж плохо. — Дыхание у нее было свежее.

18

Экскурсионное судно «Мадам Лу» пахло эпохой Марка Твена, и путешествие оказалось еще более занятным, чем я предполагала, — три пассажирских палубы, четыре гальюна (по два на каждую из команд). Но корабль был здорово перегружен, и мне казалось, что легчайший ветерок играючи утопит это корыто. Наш «линкор» был не единственным — впереди виднелась «Миртл Т. Хэншоу», буравившая реку со скоростью, как минимум, узлов двадцать в час. Я подумала о подводных минах и понадеялась, что их радар-миноискатель работает нормально.

— Полковник Рэйчел была на «Миртл» и командовала обоими соединениями — это подтвердило окончательно все мои подозрения. Такая бригада просто не могла предназначаться для дворцовой охраны. Полковник Рэйчел явно ожидала военных операций. Вполне возможно, что на берег нам придется сходить под огнем противника.

Нам еще не роздали оружие, и все рекруты оставались в штатском — видимо, это означало, что полковник не ожидала немедленных действий, и это совпадало с моей информацией, полученной от сержанта Мэри Гэмм, что мы двинемся вверх по реке, по крайней мере до Сент-Луиса... Ну, а вся остальная ее болтовня — будто мы станем охраной новоиспеченного Председателя, — указывала на то, что мы пройдем весь путь до столицы, если...

Если «новорожденный» Председатель все еще возглавляет правительство. Если Гэмм в курсе всего, реально происходящего. Если кто-то не повернул реку вспять, когда я отворачивалась, — словом, слишком много «если», Пятница, и слишком мало чего-то определенного. Одно я знала наверняка, это что наше суденышко должно вот-вот пересечь границу Империи... То есть, на самом деле, я уже не знала, по какую сторону границы мы находимся в данный момент и как это сейчас определить. Но я не очень-то беспокоилась, поскольку рассчитывала незаметно дезертировать из отряда Рэйчел, как только мы окажемся где-нибудь недалеко от владений Босса — до начала всяких военных операций. У меня хватило времени более или менее изучить нашу «гвардию», и я была твердо уверена в том, что меньше чем за шесть недель, причем с помощью очень крутых сержантов и инструкторов, ее не привести в подобие боевой готовности. Слишком много сырых новобранцев и очень мало ветеранов или даже просто кадровых девок.

Формально-то требовалось, чтобы все они были кадровыми, но... Я не сомневалась, что многие из них — обыкновенные деревенские девчонки, сбежавшие от скуки из дому, которым от силы лет пятнадцать. Может, внешне они и выглядели старше и, как гласит старая поговорка: «Выглядишь взрослым, значит, ты — взрослый», — но, чтобы стать солдатом, нужно не только набрать вес в 60 килограммов.

Бросать такое «войско» в дело равносильно самоубийству. Но меня это мало беспокоило. С животом, набитым бобами, я уселась на корме, спиной облокотясь на катушку с проводом, и принялась наблюдать закат и переваривать мой первый солдатский ужин (если это можно назвать ужином), от души надеясь на то, что «Мадам Лу» пересекает или уже пересекла границу с Чикагской Империей.

— Прячетесь, рядовая? — раздался за моей спиной голос.

Я узнала этот голос и, повернув голову в его сторону, ответила:

— Как можно, сержант? У меня и в мыслях такого не было.

— Расслабься. Я просто задала себе самой вопрос: «Куда бы девалась я, если бы была такая же смазливенькая?» — и нашла тебя здесь. Так что не бери в голову, Джонси. Ты выбрала себе место?

Я этого еще не сделала, поскольку выбор был велик, но все варианты одинаково поганые. Большинство нашего «войска» разместилося в пассажирских каютах — по четверо в каждой двойной и по трое в одиночных. Но наш взвод с еще одним должен был спать в обеденном салоне. Так как я не видела причин, по которым меня пригласили бы за капитанский стол, то не стала дергаться и занимать какое-то определенное место. Выслушав это объяснение, сержант Мэри Гэмм кивнула и сказала:

— Верно. Когда возьмешь себе одеяло, не оставляй его, чтобы застолбить место, кто-нибудь обязательно сопнет. Тут за кубриками, рядом с кладовой, есть комната стюарда — она моя. Хоть она и на одного, но с широкой койкой. Кинь свое одеяло туда, там тебе будет удобнее, чем на палубе.

— Очень мило с вашей стороны, сержант! (Как, интересно, мне отмазаться от этого? Или, может, расслабиться и принять как неизбежное?)

— Зови меня Мэри, когда мы одни. Как, ты сказала, тебя зовут?

— Пятница.

— Да, Пятница. А что, довольно мило, когда не вдумываешься... — Мы молча уставились на исчезающий медно-красный диск солнца, а «Миртл» вильнула на восток, следуя извиву русла реки. — Кажется, она вот-вот зашипит и выпустит пары, — задумчиво проговорила Мэри.

— Мэри, у тебя душа поэта.

— Я часто думала, что смогла бы. Я имею в виду — писать стихи. Ты слышала приказ? Насчет маскировки?

— Не зажигать огонь, не курить снаружи. Не зажигать свет внутри, кроме как в полностью зашторенных каютах. Нарушителей пристрелят на рассвете, как только взойдет солнце. Мэри, меня это не колышет, потому что я не курю.

— Не совсем точно. Нарушители не будут расстреляны, они будут молить Бога, чтобы их просто расстреляли. Ты что, совсем не куришь, дорогая? Даже не побалуешься травкой с подружкой?

— (Сдавайся, Пятница!) Ну, это же не называется «курить», это так... Чтобы развлечься.

— И я так считаю. Я, конечно, не шляюсь постоянно с задурманенной башкой, но побаловаться травкой, когда у тебя и у подружки подходящее настроение, — это ничего. Ты ведь того же мнения, верно? Она уселась на палубу рядом со мной и обняла меня.

— Сержант! То есть, я хочу сказать, Мэри... Пожалуйста, не надо. Сейчас еще не очень темно и кто-нибудь может нас засечь.

— Ну и что? Кого это трогает?

— Меня. Мне это действует на нервы и не дает расслабиться.

— Ну, в нашем походе это пройдет. Ты что, первый раз? Я хочу сказать, с девчонкой?

— Ну... Мэри, ради Бога, не надо допроса. И пусти меня, пожалуйста. Извини, но это действует мне на нервы. Я имею в виду,

здесь. В любой момент ведь кто-то может выскочить из-за кубриков и напороться на нас.

Она хмыкнула, убрала руку и поднялась.

— Вообще-то это даже мило, что ты такая стеснительная. Ладно, у меня припасена бутылочка «Черной Омахи» специально для та...

Договорить она не успела. Небо прорезал яркий луч прожектора, осветившего плывущую далеко впереди «Миртл», потом: «И-И-И-БУХ!!» — И там, где только что находилась «Миртл», полыхнуло зарево.

— О, Господи!

— Мэри, ты умеешь плавать?

— Что? Нет...

— Прыгай за мной, я поддержу тебя на воде. — Не мешкая ни секунды, я прыгнула в воду, нырнула, вложив в это все, на что была способна, и, вынырнув, сделала еще несколько взмахов, прежде чем оглянуться. На фоне неба я увидела силуэт Мэри Гэмм, и...

Это было последнее, что я увидела, перед тем как «Мадам Лу» превратилась в ослепительную вспышку.

На этом участке Миссисипи ее западный берег — отвесный и скалистый, а восточный — пологий, еле видный, километрах в десяти — двенадцати. Река здесь может течь в любом направлении, это зависит от того, в какой канал мы вошли и у кого право собственности на этот канал. Мы могли плыть и на юг, и на север... Впрочем, нет, двигаясь вверх по реке, мы оставили закат за кормой. Но во время захода солнца судно повернуло влево, видимо, войдя в канал, текущий на север, — я заметила, что закат сместился в левую сторону, и поэтому прыгнула с левого борта.

Как только я коснулась воды, первым моим рефлекторным импульсом было — отплыть как можно дальше. Следующей реакцией — посмотреть, последовала ли за мной Мэри. Честно говоря, я не очень рассчитывала на это, потому что люди — я имею в виду живорожденных, — редко могут соображать так быстро. Она стояла на палубе, перегнувшись через поручни, когда я последний раз ее видела, и высматривая меня в воде, причем смотрела не туда, где я уже была, а гораздо ближе к кораблю. Потом сразу раздался взрыв, полыхнуло зарево и... Было уже поздно. Мне на секунду стало немного жаль Мэри — она была далеко не худшим экземпляром своей породы, — а потом я выкинула ее из головы. У меня были свои проблемы.

Проблема первая — не напороться на обломки судна. Я нырнула под воду. Вообще-то я могу плыть под водой около десяти минут, хотя и страшно не люблю этого делать. Сейчас я выжала из себя все и, вынырнув, около минуты жадно глотала воздух. По-моему, теперь вода вокруг была чистой, я уплыла достаточно далеко от взрыва. Возможно, кто-то и уцелел и теперь болтался на воде, но я не

слышала никаких звуков и не собиралась искать никого, поскольку у меня не было снаряжения не только для спасения утопающих, но и для моего собственного спасения. Ради Мэри я, может, и задержалась бы и рискнула, но она-то точно не уцелела.

Я перевернулась на спину и стала смотреть на небо. Луны не было видно, но вскоре я нашла Арктур, потом обеих Медведиц, а потом и Полярную звезду. Итак, где север — ясно, я чуть-чуть изменила направление и поплыла на запад. Плыла я на спине, потому что на спине, если не дергаться, можно плыть хоть целый год и совершенно не уставать при этом. Если конечности станут затекать, просто расслабьтесь и тихонько шевелите пальцами рук и ног в воде, пока не почувствуете, что все прошло. С дыханием на спине тоже нет никаких проблем, а спешить мне некуда, мне нужно лишь попасть в Империю со стороны Арканзаса. Но ни при какой погоде мне не нужно назад, в Техас.

Итак, карты нет, определить, где нахожусь, невозможно. Я знала твердо одно: я должна плыть на запад и ни в коем случае — на юг. Я продолжала лежать на спине, тихонько плыть по течению и внимательно смотреть на звезды. Сказать точно — на сколько меня сносит на юг по течению, было трудно, и единственное, на что я рассчитывала, — это, что если (и когда) река свернет на юг, я, плывя на запад, упрусь в берег на стороне Арканзаса.

Так и случилось. Через час, а может, и через два, я почувствовала, что подплываю к левому берегу. Взглянув на небо, сверилась с Вегой и забрала еще круче на запад. Вскоре головой я задела корягу, перевернулась, ухватила за нее, встала на дно и, осторожно обходя другие коряги, пошла к берегу. Дно было илистое и грязное. Я выбралась на берег и огляделась вокруг.

Темень стояла полная, светились по-прежнему лишь звезды в небе. Отличить темную полосу воды от такой же темной полосы прибрежных кустов можно было лишь по отражающимся в воде звездам. По звездам наверху я сообразила, что двигаться на запад — значит, прямо в темную полосу кустов. Бр-р-р... Но единственная альтернатива — обратно в реку и... Завтра я окажусь в Висксберге. Ну, нет, благодарю покорно.

Я нырнула в кусты, потом в лесок и быстро шла в течение нескольких часов, не останавливаясь. Может, это была и не самая длинная ночь в моей жизни, но что самая унылая — несомненно. Конечно, на свете полно куда более опасных джунглей, чем леса и кустарники в бассейне нижней Миссисипи, но у меня нет ни малейшего желания осваивать их без хотя бы самого примитивного мачете или, по крайней мере, без обычного острого ножа. Я шла, все время оглядываясь, и путь мой был так же извилист, как русло реки, из которой я выбралась. Двигалась я со скоростью, дай Бог, один километр в час, а может, и меньше — каждые несколько метров приходилось останавливаться и смотреть на звезды, чтобы не сбиться с пути.

Дико раздражали мухи, комары, какие-то жуки, о существовании которых я никогда не подозревала. Два раза чуть не наступила на змей — может, это были обыкновенные речные ужи, но я не стала проверять. Досаждали и птицы, которые издавали резкие крики, когда к нашему общему неудовольствию задевали крыльями мою физиономию. Под ногами было сплошное болото, и все время приходилось переступать через какие-то кочки и коряги. Раз а три или четыре я бухалась в воду и, когда она доходила мне до горла, я плыла. Как правило, вода была стоячая, но один раз мне показалось, что я попала в какой-то канал или маленький приток Миссисипи — когда за мной поплыло что-то очень большое. Огромная рыба? Сом? Но они, по-моему, обычно лежат на дне... Крокодил? Но они, насколько мне известно, вообще здесь не водятся. Может, это чудище Лох-Несс вышло на прогулку? Не знаю, я его не видела, потому что как только почувствовала, буквально взвилась в диком прыжке над водой и очутилась на суше.

Тысячу лет прошло после взрыва «Миртл» и «Мадам Лу», и, наконец, рассвело.

В километре к западу от меня виднелась долина Арканзаса. Я испытала настоящий триумф.

Кроме этого я испытывала дикий голод, была вымотана, вся искутана комарами и прочими насекомыми, начисто лишилась всякой привлекательности и страшно хотела пить.

Несколькими часами позже я очутилась в гостях у мистера Азры Хантера. А еще через пару часов в его маленьком фермерском вагончике, запряженном парой симпатичных мулов, мы подъезжали к небольшому городку под названием Эдора.

Поспать мне не удалось, но все остальное в доме Хантеров я получила — еду, питье, возможность умыться и привести себя в относительный порядок. Увидев меня, миссис Хантер всплеснула руками, одолжила мне расческу и накормила завтраком: яичница с домашней ветчиной, зажаренная на сале, кукурузный хлеб, масло, кофе и молоко. Чтобы как следует оценить кулинарные способности миссис Хантер, советую вам проплыть полночи по Миссисипи, а вторую половину проплутать по близлежащим болотам по колено в грязи. Никогда не ела ничего вкуснее!

Ела я в ее халате, потому что она заставила меня выстирать мой спортивный костюм, — когда пришло время прощаться, он был почти сухой и я выглядела не так уж плохо. Почти прилично.

Я не предлагала Хантерам денег. Бывают среди живорожденных людей такие, у которых очень мало денег, зато очень много доброты и достоинства. Их гостеприимство не продается и не покупается, равно как и все остальные их поступки. Я еще только учусь распознавать такую особенность в некоторых представителях рода людского, но с Хантерами ошибиться было невозможно.

Мы пересекли долину Мэйкон, и дорога уперлась в широкую трассу. Мистер Хантер, остановив мулов, слез со своего сиденья и подошел к двери.

— Мисс, — сказал он, подавая мне руку, — я буду очень признателен, если вы сойдете здесь.

Оперевшись на его руку, я вышла из вагончика и спросила:

— Что-нибудь случилось, мистер Хантер? Я обидела вас?

— Нет, мисс, — помолчав, ответил он, — совсем даже нет. Вы... Вы рассказали нам, как ваша рыбацкая лодка зацепилась за корягу и перевернулась...

— Ну да, а что?

— Бывают коряги в реке, конечно... На них можно напороться. — Он помолчал, а потом добавил: — Вчера вечером, когда солнце уже почти зашло, что-то плохое произошло на реке. Да, два взрыва недалеко от пролива Кентукки. Очень сильные взрывы. Мы видели их из дома. И слышали...

Он опять умолк. Я тоже молчала. Мое объяснение о том, как я попала сюда, было, конечно, шито белыми нитками. Но что еще могла я сказать им? Разве что придумать историю о летающей тарелке.

— У моей жены и у меня, — продолжал мистер Хантер, — никогда не было неприятностей с имперской полицией. И мы не хотели бы их иметь. Поэтому, если вы чуть-чуть пройдетесь пешком вот по этой трассе налево, вы попадете в Эдору. А я покачу к себе домой.

— Понимаю, мистер Хантер. Хотела бы я знать, как мне отплатить вам и миссис Хантер за все, что вы для меня сделали.

— Очень просто.

— Просто? (Он, что, имеет в виду деньги? Ну, нет, не может быть!)

— Когда-нибудь вам повстречается кто-то, кому будет нужна ваша протянутая рука. Так протяните ее и вспомните нас.

— О... Я так и сделаю. Я сделаю это, можете быть уверены!

— Только не надо уведомлять нас об этом письмом. Людей, получающих письма... издали... их обычно берут на заметку, а нам с женой не хотелось бы, чтобы нас замечали.

— Понимаю. Я сделаю это и буду думать о вас. Не один раз.

— Это хорошо. Брошеное семя всегда дает всходы, мисс. Миссис Хантер просила передать вам, что она будет молиться за вас.

Мои глаза стали мокрыми так внезапно, что я потеряла его из вида. — О... Пожалуйста... Пожалуйста, передайте ей, что я буду поминать ее в своих молитвах и... Буду молиться за вас обоих! (Никогда в жизни я не молилась, но... Помолюсь. За Хантеров!)

— Сердечно вам благодарен. Я передам ей. Мисс, могу я дать вам один совет, так, чтобы вы не обиделись?

— Конечно. Мне сейчас очень нужен хороший совет.

— Вы не собираетесь надолго остаться в Эдоре?

— Нет. Мне нужно на север.

— Да, вы говорили. Так вот, Эдора — это просто полицейский участок и несколько магазинов. Лэйк Вилледж находится дальше, но зато там есть станция рейсовых гравилетов. Это около двенадцати километров отсюда, если вы пойдете по трассе направо. Если вы сможете пройти такое расстояние до полудня, вы успеете на дневной рейс. Правда... идти далековато, и денек сегодня выдался жаркий.

— Я успею.

— Рейсовый гравилет может подбросить вас до Соснового Утеса или даже до Литтл Рока... Угу... Только это стоит денег. Я...

— Мистер Хантер, вы были очень добры ко мне. У меня с собой кредитная карточка, и я в состоянии оплатить рейс.

Я действительно была не в форме после моего романтического плавания и путешествия по болоту, но все кредитки, удостоверения личности, паспорт и наличные лежали в водонепроницаемом кошельке на поясе, который мне дала Жанет тысячу световых лет назад. Ничего не намекло — когда-нибудь я расскажу ей об этом.

— Это хорошо. Я просто хотел предупредить. И еще одно. Местные ребята здесь, как правило, не суют нос в чужие дела. Если вы пойдете себе прямо на станцию и сядете в гравилет, те несколько приставучих, которые все же есть в округе, вряд ли успеют вам... надоест. Так что до свидания, и желаю вам удачи.

Я попрощалась с ним и пошла по трассе направо. Хотела было поцеловать его на прощание, но... Мистер Хантер был не из тех, с кем посторонняя женщина могла позволить себе такие вольности.

Я успела на дневной рейс и в 12.52 была в Литтл Роке. Экспресс-капсула была уже битком набита, и я пошла на станцию монорельса. Через двадцать одну минуту очутилась в Сент-Луисе. Прямо на станции, в кабинке с терминалом, набрала контактный код Босса.

Мне ответил голос:

— Используемый вами код в настоящее время отключен. Оставайтесь у терминала, и оператор... — Я быстро нажала на кнопку отключения и еще быстрее вышла из кабины. Потом я побродила по подземной части города, делая вид, что разглядываю витрины магазинов, а на самом деле все дальше уходя от станции.

Отойдя на порядочное расстояние от той кабинки, я нашла терминал в каком-то магазине. Когда голос повторил: «Используемый вами код в настоящее время...» — я нажала на кнопку, но голос не прервался. Тогда я быстро закрыла лицо руками, опустила на колени, выползла из кабинки и поспешила убраться эдакой конспиративной походкой, которую я ненавижу, но... Только таким способом я могла избавиться от того, чтобы меня сфотографировали прямо с терминала, а это я ненавижу еще больше.

Несколько минут ушло на то, чтобы как следует затеряться в толпе. Окончательно уверившись в том, что за мной никто не следит,

я спустилась на один уровень ниже, зашла на городскую станцию местного сообщения и поехала в Ист-Сент-Луис. В запасе у меня был еще один код — для сверхчрезвычайных обстоятельств, но я не собиралась им пользоваться без соответствующих приготовлений.

Новые владения Босса наверняка были в пределах шестидесяти минут пути от любого места, но где именно — я не знала. Я говорю о месте с такой уверенностью, потому что, когда меня отправили на курс переподготовки, полет на гравилете занял ровно шестьдесят минут. Когда я возвращалась — те же шестьдесят минут. Когда я уезжала на «каникулы» и попросила отвезти меня к капсуле на Виннипег, то была доставлена в Канзас-Сити ровно за шестьдесят минут. Только вот гравилеты были такие, что у пассажира не было ни малейшей возможности разглядеть хоть что-нибудь снаружи. По законам геометрии, географии и исходя из того, на что, в принципе, способен гравилет, новые владения Босса должны располагаться где-то недалеко от Дес-Моинса, но в данном случае это «недалеко» охватывает круг с радиусом, километров в сто. Я никогда не старалась угадать, где находится база, как не старалась угадать, кто из нашей команды в курсе. Знали лишь «те, кому следует», а гадать о том, как Босс устраивает свои дела, — пустая трата времени.

В Ист-Сент-Луисе я купила легкий плащ с капюшоном и, в магазине сувениров, карнавальную маску, постаравшись выбрать самую нейтральную. Потом нашла терминал в самом людном месте. Хоть я и не была уверена, но у меня возникли сильные подозрения, что Босс подвергся нападению еще раз, причем в этом случае проиграл схватку. Единственная причина того, что я еще сохраняла самообладание, — моя спецподготовка, включающая умение не впадать в панику при любых чрезвычайных обстоятельствах.

В маске и под капюшоном я набрала последний резервный код. Результат — прежний, а терминал опять не отключился при повторном нажатии клавиши. Я повернулась спиной к экрану, скинула маску, швырнула ее на пол будки, выскочила на улицу, завернула за угол, скинула плащ, скомкала его, швырнула в урну и вернулась в Сент-Луис.

Там, решив играть внаглую, я использовала кредитную карточку Имперского Банка в Сент-Луисе, чтобы оплатить монорельс до Канзас-Сити. Часом раньше в Литтл Роке я пользовалась ей без всяких колебаний, но сейчас... Сейчас у меня было лишь чисто религиозное убеждение в том, что с Боссом ничего не могло случиться (то есть вера была, а доказательств — увы!).

Это действительно была игра внаглую, поскольку действовать следовало так (невзирая на религиозные чувства), словно с Боссом и впрямь что-то случилось, то есть брать в расчет, что моя сент-луисская карточка, выписанная на кредит Босса, может засветить меня в любой момент. Она вполне могла быть уничтожена, стоило мне всунуть ее в автомат при расплате за какую-нибудь покупку. Однако этого не случилось.

Через пятнадцать минут (и четыреста километров) я очутилась в Канзас-Сити. Не выходя из здания вокзала, запросила местную справочную о маршруте: Канзас-Сити — Омаха-Сиюкс — Фоло — Фарго — Виннипег. Мне было сообщено, что до приграничной Пембины — пожалуйста, а дальше — «ни-ни». Через пятьдесят шесть минут я была на границе с Британской Канадой, к югу от Виннипега. Стоял все еще ранний полдень. Десятью часами раньше я выбиралась из болота на левом берегу Миссисипи, прикидывая: добралась ли я до Империи, или, не дай Бог, меня снесло течением обратно в Техас.

Теперь меня гораздо больше волновало прямо противоположное: как выбраться из Империи? До сих пор мне удавалось хоть на полшага опережать имперскую полицию, в случае, если она мною почему-либо интересуется, но сейчас... Прежде всего, сейчас у меня не оставалось ни малейших сомнений в том, что у полицейских властей есть сильное желание побеседовать со мной. Я такого желания не испытывала, потому что слышала множество сплетен и примерно представляла себе, какими методами они пользуются при расследованиях. Те парни, которые меня уже допрашивали в этом году, были, прямо скажем, не очень-то нежны, но... Имперская полиция просто-напросто выжигала у подследственных мозги.

19

Четырнадцать часов спустя я была лишь в двадцати пяти километрах к востоку от того места, где мне пришлось сойти с монорельса. Час из этих четырнадцати ушел у меня на покупки, почти час на еду, более двух часов на консультацию со «специалистом», шесть сладких часов на сон и почти четыре — на осторожное продвижение на восток, вдоль границы, не приближаясь близко к пограничной «изгороди»... И вот, когда рассвело, я приблизилась к «забору» и пошла по нейтральной полосе под видом обычной ремонтницы.

На мне по-прежнему был выцветший голубой комбинезон, в котором я нырнула с «Мадам Лу» — не потому, что он мне очень нравился, а потому что голубой комбинезон — это самый неприметный костюм для персоны любого пола, какой только можно придумать. Он сойдет и на Эль-5, и в Луна-Сити, и вообще где угодно. Добавьте к нему шарф, и — добропорядочная домохозяйка вышла за покупками. Возьмите «дипломат», и вы — респектабельный бизнесмен. Возьмите в руки шляпу с медяками, и вы — патентованный попрошайка. Его трудно выпачкать, легко чистить, на нем не бывает складок и ему нет износа, поэтому он — идеальная одежда для курьера, желающего оставаться в тени, не имеющего возможности тратить время на переодевания и охоты таскать с собой тяжелый багаж.

К этому комбинезону я добавила лишь засаленную кепку с пришпиленным к ней значком «моего» профсоюза, хорошо подогнанный пояс со связкой подержанных, но вполне пригодных инструментов и на одно плечо повесила «патронташ» с отремонтированными сигнальными «светлячками», а на другое — паяльник для их установки.

Пембина — просто деревня. Поэтому, чтобы найти специалиста, мне пришлось быстренько смотаться на местной капсуле в Фарго. Мне нужен был специалист, вроде «Артист, лимитэд» из Висксберга, правда в Империи подобные мастера обходятся без рекламы, и чтобы найти их, нужно время и некоторые усилия. Офис «моего» располагается в нижней части города, недалеко от Мэйн-авеню и Университетского проспекта, — разумеется, под вполне респектабельной вывеской.

Вся моя экипировка была подержанной, включая и перчатки. В правом набедренном кармане, застегнутом на молнию, лежал старый кожаный бумажник, а внутри него — удостоверение личности, из которого явствовало, что я — Ханна Дженсен из Мурхеда. Была там также и мятая карточка Красного Креста с указанием группы моей крови — ОРХ, подпункт 2 (это, кстати, соответствовало действительности), но представленные даты свидетельствовали, что я просрочила посещение донорского пункта на шесть с лишним месяцев. Не обошлась я и без бумажек, обеспечивающих «Ханну Дженсен» определенным кредитом, — в бумажнике лежала Визовая карта, выписанная мурхедским сбербанком и ссудной компанией. Правда, на этом я сэкономила Боссу, как минимум, тысячу крон: так как я не собиралась ею пользоваться, на ней не было невидимого магнитного кода, без которого любая кредитная карточка — не более чем кусок обычного пластика.

Итак, настало утро, и у меня по моим подсчетам было максимум три часа на то, чтобы перейти через «забор» — никак не больше, поскольку через три часа должны приступить к работе настоящие ремонтники, а встречаться с ними не входило в мои планы. Да, до их появления Ханна Дженсен должна исчезнуть, вообще скрыться с лица земли... Сегодня настал день моего банкротства — я истратила всю наличность в кронах. Правда, у меня оставалась еще моя имперская кредитная карточка, но... Я всегда проявляла крайнюю осторожность с электронными ищайками. Ввели ли в действие три мои недавние попытки дозвониться Боссу по одной и той же карте в какую-нибудь подпрограмму, по которой меня можно теперь опознать? Вроде бы я пользовалась этой карточкой лишь на вокзалах, да и то сразу после звонков, но... Удалось ли мне избежать всех электронных ловушек? Не знаю, да и не очень стремлюсь узнать, а просто хочу пробраться через этот «забор».

Я пошла вперед, еле удерживаясь от галопа, который не соответствовал моей роли. Мне нужно было место, где я могла бы пройти через «забор» так, чтобы меня никто не видел, невзирая на

тот факт, что полоса просматривалась и простреливалась на пятьдесят метров с той и с другой стороны... Да, это следовало принять как должное или, во всяком случае, неизбежное. Что мне было нужно, так это — полоска деревьев или кустов вдоль «полосы», наподобие нормандских живых изгородей.

Но в Миннесоте не бывает нормандских живых изгородей.

В северной Миннесоте вообще почти нет деревьев — по крайней мере, их нет на том участке границы, на котором находилась я. Я стояла, уставясь на кусок «забора», и старалась убедить себя, что широкая полоса открытого пространства ничем не отличается от зарослей кустарника, когда никого нет поблизости. Мне это почти удалось. Я сделала шаг вперед и... В этот момент вдаль показался полицейский гравилет, медленно летящий на запад вдоль «забора». Я дружески помахала им рукой и не торопясь зашагала тоже вдоль «забора», но только на запад.

Они сделали небольшой круг, развернулись и сели метрах в пятидесяти от меня. Я повернулась и пошла им навстречу. Сначала вылез патрульный офицер, за ним — пилот, и по их униформам я распознала (Черт! Чтоб вас!..) не провинциальную полицию Миннесоты, а имперскую.

— Что ты здесь делаешь в такую рань? — резким тоном обратился ко мне патрульный. Я ответила ему так же резко:

— Я работала, пока вы мне не помешали.

— Какого черта? Здесь до восьми никого не должно быть.

— Ты отстал от графика, здоровяк, — любезно возразила я. — Так было на прошлой неделе. Теперь нас две команды. Первая заступает в полночь, а вторая сменяет нас в полдень. Ясно?

— Но нас никто не уведомлял.

— А вы ждали личного послания суперинтенданта? Назовите мне ваш номер, и я передам, чтобы он послал вам его. А заодно передам, что вы ему так велели!

— Закрой ротик, крошка. Тут что-то не так... Ты, пожалуй, прокатайся с нами.

— Валяйте, я хоть отдохну... А вот вы дадите объяснение, почему этот участок не починен.

— Ладно, — помолчав, сказал патрульный, — клепай дальше.

-- И они полезли обратно в гравилет.

— Эй, ребята, у вас нет с собой травки? — окликнула я их.

— Мы не балуемся этим на дежурстве, — буркнул пилот, — и ты не вздумай.

— Глянь на свой нос, — вежливо посоветовала ему я, — он у тебя весь черный от табака.

Пилот хотел что-то ответить, но патрульный захлопнул люк, и они взмыли вверх — прямо над моей головой, так что я вынуждена была пригнуться. По-моему, я им не понравилась.

Я вернулась к «забору», отметив про себя, что Ханну Дженсен вряд ли можно назвать истинной леди. Не стоило так грубо

обходиться с легавыми только лишь оттого, что они такие поганые твари. В конце концов, тараканы, вши и гиены тоже должны как-то жить, хотя, честно говоря, не понимаю, зачем?

Во время нашего любезного диалога я пришла к заключению, что мой план не блещет остроумием, — Босс его бы не одобрил. Пересекать «забор» среди бела дня — слишком рискованно. Лучше как следует выбрать местечко, затаиться где-нибудь до ночи, а потом вернуться. Или провести ночь, обдумывая план № 2, — нырок под «забор» в реке Розеу.

Меня не очень-то прельщал этот план № 2. Нижнее течение Миссисипи было сравнительно теплым, но водичкой в здешних северных речках можно взбодрить и мертвеца. Позавчера я попробовала искупаться в одной речушке в Пембине — бр-р-р-р! Это на самый крайний случай.

Итак, выбрать точку, решить, как именно «пролезть», потом отыскать какую-нибудь рощицу или кустарник, зарыться в теплые листья и дожидаться темноты. Отработать каждое движение, каждый жест, чтобы пройти сквозь этот «забор», как кипятик сквозь лед... Я подняла глаза и столкнулась с еще одним ремонтником — мужчиной.

Если колеблетесь, идите сразу в атаку.

— Какого черта ты тут делаешь, а? Охотишься?

— Я обхожу «забор». Мой участок. А вот ты что тут делаешь, сестренка?

— Да пошел ты! Какая я тебе сестренка? Или ты забрел на чужой участок, или ты вообще чужой. — К своей досаде я заметила на его новехонькой робе болтающийся «уоки-токи». Что ж, я ведь совсем недавно занялась такой работой и на этом поприще всего лишь подмастерье.

— Черта с два! — возразил он. — По новому графику я заступаю с рассвета, и сменяют меня в полдень. Может, ты и должна меня сменить, а? Да, скорее всего так, и ты просто пришла раньше. Сейчас я свяжусь с начальством, и мы все уладим.

— Валяй, — сказала я, подходя ближе.

Он заколебался и начал было:

— Впрочем, может быть, лучше я... — но договорить не успел, потому что я не колебалась.

Мне не хочется, чтобы читатель этих мемуаров подумал, будто я убиваю каждого, с кем у меня возникают какие-то разногласия. Я не причинила ему особого вреда, даже не сделала очень больно — просто усыпила ненадолго, правда, без предупреждения. Веревкой, болтающейся у меня на поясе, связала ему ноги и руки. Будь у меня под рукой медицинский пластырь, заклеила бы ему рот, но в конце концов, гораздо важнее было пройти через «забор», чем мешать ему взывать о помощи к кроликам и койотам. Не трата времени даром, я занялась делом.

Паяльником, пригодным для починки «забора», можно и разрезать «забор», но мой паяльник был немного лучше, чем

обычный, — я купила его в одном магазинчике в Фарго, зайдя с заднего входа. Это был не оксиацетиленовый паяльник, каким он казался, а режущий сталь лазер. За две секунды я проделала дыру, вполне достаточную для Пятницы, и уже собралась было нырнуть, как за спиной послышалось:

— Эй, возьми меня с собой!

Я заколебалась. Он принялся бессвязно, но настойчиво твердить, что он также хочет скрыться от имперских легавых, как и я, и... «Ради Бога, развяжи меня!»

То, что я сделала, по глупости может сравниться лишь с поступком жены Лота. Я достала нож, разрешила веревку, связывающую его по рукам и ногам... нырнула в проделанную моей игрушкой дыру и пустилась бежать. Я не стала ждать и смотреть, последовал он за мной или нет.

В полукилометре от меня виднелась роща, и я ринулась туда, ставя новый мировой рекорд по бегу. Тяжелый пояс с инструментами мешал мне, и я, не сбавляя темп, скинула его, а через секунду бросила и кепку со значком, и... «Ханна Дженсен» отправилась в небытие, так как «паяльник», перчатки и «патронташ» остались в Империи. Из «ее» принадлежностей у меня был еще кожаный бумажник, но я избавлюсь от него позже, когда не буду так сильно занята.

Нырнув в рощу, я быстро отыскала укромное местечко и обернулась назад. У меня было неприятное ощущение, что на «хвосте» кто-то висит. Мой бывший пленник к этому моменту был как раз на полпути от «забора» к роще, и тут... Над ним зависли сразу два гравилета. На том, что был ближе к нему, красовался кленовый лист Британской Канады. Я не могла рассмотреть опознавательный знак на втором, потому что он «смотрел» прямо на меня, пересекая нейтральную полосу.

Британо-канадский полицейский гравилет приземлился. Мой непрощенный гость, кажется, готов был сдаться без всякого сопротивления — резонно, поскольку гравилет из Империи приземлился сразу вслед за первым, забравшись при этом метров на двести в глубь Британской Канады... Да, это была имперская полиция, может быть, даже тот самый гравилет, что подлетал ко мне, когда я обходила «свой» участок.

По профессии я не юрист-международник, но не сомневаюсь, что войны порой начинались по куда менее значительным поводам. Я задержала дыхание, напрягла слух до предела и принялась слушать.

Среди полицейских обеих стран тоже не оказалось специалистов по международному праву: обсуждение состоялось шумное, и стороны долго не могли прийти к согласию. Имперская полиция требовала выдачи беженца на основании задержания при «попытке совершения», а британский канадец ссылался (и, по-моему, вполне оправданно), на то, что «попытка совершения» применима лишь к

уголовникам, застигнутым на месте преступления, в то время как единственным «преступлением» в данном случае являлся въезд в Британскую Канаду в месте, не предназначенном для въезда, — случай, не подлежащий юрисдикции имперской полиции, так что: «Уберите ваше корыто с британо-канадской территории!»

Легавые из Империи многословно принялись выражать свое несогласие, и это разозлило здешних полицейских. Канадец включил мегафон и рявкнул:

— Я арестую вас за вторжение на территорию и в воздушное пространство Британской Канады! Выходите и сдавайтесь! Не пытайтесь сбежать! — после чего имперский гравилет немедленно оторвался от земли, пересек границу в обратном направлении и исчез. Скорее всего, канадцы именно этого и добивались.

Я замерла и почти не дышала, потому что теперь у них было полно времени и они могли переключить свое внимание на меня.

Придется признать, что мой товарищ по побегу полностью оплатил мне «пропуск» через «забор»: меня не стали искать. Наверняка он-то видел, как я нырнула в рощу, но... Вряд ли меня засекла патрульная служба. Конечно, брешь в «заборе» тут же вызывает сигнал тревоги в полицейских участках по обе стороны границы, это срабатывает обычная электронная защита, действующая даже на случайное задевание «забора» какими-нибудь посторонними предметами (упавшее дерево, например). Потому-то я так торопилась.

Однако сосчитать количество тел, излучающих тепло, которые проникли в брешь, — это совсем иная электроника. Не невозможная, но дорогостоящая, и потому совершенно необязательная. Итак, мой неизвестный напарник не настучал на меня, и... Никто не стал меня искать. Через некоторое время прибыла вызванная британо-канадским гравилетом ремонтная команда: я видела, как они подобрали мой пояс с инструментами, от которого я избавилась на бегу. Когда они отбыли, другая команда — со стороны Империи, — прибыла к своей стороне «забора»: они проверили, как был произведен ремонт, и убрались восвояси.

Мне стало интересно, как все обернулось с поясами. Когда мой бывший пленник сдавался британо-канадской полиции, я не помню, чтобы на нем был пояс. Думаю, ему пришлось снять его, чтобы пролезть сквозь дыру в «заборе», — дыра была в аккурат для Пятницы, но для него, наверное, узковата.

Что же произошло? А вот что: канадцы видели один пояс на их стороне, а имперские легавые — тоже один, на своей стороне. Ни у той, ни у другой стороны не было причин подозревать, что какой-то второй бедолага пролез через дыру... Пока мой бывший пленник держит рот на замке.

Довольно мило с его стороны, как мне кажется. Многие мужчины не упустили бы шанс поквитаться за то, что их «погладили» так, как я его.

Я просидела в этой роще, пока не стемнело, — тринадцать утомительных часов. Мне не очень-то хотелось, чтобы меня кто-нибудь засек, пока я не найду Жанет (а если повезет, и Жана): зачем нелегальному иммигранту лишняя реклама? День тянулся долго, но еще давным-давно мой инструктор-гуру по самоконтролю как следует обучил меня, как бороться с голодом, жаждой и скукой, оставаясь при этом спокойной, внимательной и готовой ко всему. Когда полностью стемнело, я вышла из своего укрытия. Местность я знала лишь по карте, но этого было достаточно, поскольку карту изучила основательно — двумя неделями раньше, в доме у Жанет. Впереди меня ждали не такие уж большие трудности, пешая прогулка примерно в сто десять километров. Это расстояние нужно преодолеть никем не замеченной и — до рассвета. Не очень сложная задача.

Маршрут тоже довольно простой. Я должна двигаться на восток, пока не выйду на прямую трассу из Ланкастера (Империя) в Ла-Рошель (Британская Канада), а там — до официального пограничного порта (с этой стороны). Далее на север, к пригородам Виннипега, обойти город слева и выйти на северо-южную трассу, ведущую в порт. Оттуда Стонуолл совсем уже неподалеку, а значит, и дворец семейства Тормей. Последняя часть пути была самой трудной, потому что знала я ее не по карте, а лишь по сравнительно недавней поездке в веселой компании и в шикарном ландо, запряженной Черной Красоткой и Дьяволом.

Когда я подошла к внешним воротам замка Тормеев, уже светало. Я порядочно вымоталась, но была в неплохой форме: в принципе, я могу выдержать двадцатичетырехчасовой «марш-бросок-труской», если это необходимо (я проделывала это на тренировках). Правда, ныли ноги и очень хотелось пить, так что кнопку звонка я нажала с радостным облегчением.

Немедленно у меня над головой раздался голос:

— Говорит капитан Жан Тормей. Это запись. Дом охраняется виннипегской компанией «Волчья стража, лимитед». Я пользуюсь услугами этой фирмы, потому что их репутация всем известна: они всегда рады нажать на курок, чтобы отличиться, и защищают интересы своих клиентов с большим рвением. Все звонки, адресованные в этот дом, будут зарегистрированы, почта доставлена. Благодарю за внимание!

Нет, это я благодарю тебя, Жан! Черт!.. Черт-черт-черт!! Ну почему я решила, что они должны сидеть дома? Просто я не позволяла себе и допустить, что они могут уехать. Как говорят в таких случаях спецы-психоаналитики, я просто «дошла»: после потери новозеландской семьи и Босса (может, он уже мертв?) — семейство Тормеев в моем сознании трансформировалось в «мой дом», а Жанет — в мою мать, которой у меня никогда не было.

Мне страстно захотелось очутиться на ферме у Хантеров, под теплым и заботливым крылышком миссис Хантер... Или в Висксберге — полечить одиночество Джорджем...

Между тем всходило солнце, скоро на дорогах станет густо, а я... Я была здесь незваным чужаком, прибывшим сюда нелегально, со скудной мелочью в британо-канадской валюте в кармане, с туманом в голове от усталости, недосыпа и жажды, и... И при этом мне меньше всего хотелось быть кем-то замеченной, вытащенной на свет Божий и подвергнутой разнообразным вопросам.

Однако трудностей в выборе вариантов у меня не было — выход был один-единственный: я должна по-звериному заползти в какую-нибудь нору, причем быстро, пока на дорогах не сталолюдно.

Вокруг Виннипега маловато лесов, но я вспомнила, что слева от главной трассы оставалось несколько гектаров дикой земли, как раз позади дома Тормеев — ничьей земли, прямо под холмом, на котором Жанет выстроила свой дворец. Завидев вдаль молочный фургон, я не стала мешкать и, сойдя с дороги, нырнула в кусты.

Идти было очень неудобно, вскоре я стала прыгать «с кочки на кочку» и буквально продираюсь сквозь заросли колючек, но... Впереди замаячило кое-что получше леса — маленький ручеек, такой узкий, что я могла легко перешагнуть через него... Что я и сделала, но не раньше чем напилась как следует. Чистый? Наверняка нет, но я об этом не задумывалась, потому что благодаря своему «необычному» появлению на свет могла не бояться большинства инфекций. Вода пахла свежестью, и, напившись вволю, я почувствовала себя значительно лучше — физически, но не избавилась от тоски на сердце.

Я шла все дальше и дальше в поисках места, где не только смогу укрыться от посторонних глаз, но и рискнуть поспать хоть немного — последний раз я спала шесть часов, и было это двое суток назад. Трудность поиска такого местечка вблизи большого города состоит в том, что здесь очень часто снуют отряды скаутов, и вы можете не заметить их, пока они не пройдутся по вашей физиономии. Поэтому я искала не просто безопасное место, а такое, «куда не ступала нога человека».

И я нашла его. Выбоина прямо на крутой стене оврага, прикрытая колючим кустарником. Вход в пещеру загораживал еще и кусок скалы, торчавший здесь, наверное, с самого ледникового периода. Однако, приглядевшись к этому куску, я обнаружила, что он не такой уж древний. На то, чтобы найти удобную для пальцев зацепку, ушло минут десять, а потом... Он очень легко и просто отъехал в сторону. Я быстренько нырнула внутрь и задвинула обломок за собой — на прежнее место... Вокруг было совершенно темно, если не считать светящихся в воздухе букв: «Частная собственность — уберите прочь».

Я замерла и задумалась. Жанет говорила мне, что устройство, отключающее смертельные ловушки, находится где-то «неподалеку от входа». Но насколько неподалеку? И как оно замаскировано?

В любом случае замаскировано оно неплохо, по той простой причине, что вокруг было темно, как в угольной яме, и видны были лишь зловеще сверкающие буквы. Надпись явно и недвусмысленно сообщала: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Итак, Пятница, доставай свой карманный фонарик на маленьких шипстоунских батарейках и приступай к поискам. Но не заходи слишком далеко!

Да, конечно, в моей спортивной сумке, которую я оставила на «Мадам Лу», действительно лежал карманный фонарь. Может, он и сейчас горит, отпугивая рыб, на дне Миссисипи. Правда, я знала, что здесь, в туннеле, спрятаны другие фонари, но... У меня с собой не было даже спичек. Если бы я повстречала сейчас бойскаута, то терла бы его пятки друг о дружку до тех пор, пока не добыла бы огонь... Ладно, хватит валять дурочку, Пятница!..

Я прилегла на пол и дала себе волю немножко расслабиться и даже чуть-чуть всплакнуть. Потом вытянулась на этом цементном полу (твердом и холодном? Теплом и мягком? — Утром разберемся) и уснула.

20

Спала я долго и, проснувшись, почувствовала, что пол все-таки твердый и холодный. Но я так хорошо выспалась и отдохнула, что мне было все равно. Я встала, потянулась и обнаружила, что больше не чувствую безнадежной тоски. Но здорово хотелось есть.

В туннеле было светло. Светящаяся надпись по-прежнему не советовала мне идти дальше, но тьма рассеялась. Я огляделась в поисках источника света, и тут же до меня дошло, что свет по-прежнему исходит лишь от сверкающей надписи: просто мои глаза привыкли к темноте. У людей, я знаю, глаза тоже постепенно привыкают к темноте, правда, гораздо медленнее и хуже, чем у меня.

Итак, я хотела было уже двинуться вперед — на поиски отключающего устройства, но... Вместо этого я застыла на месте и постаралась как следует пошевелить мозгами — это немного труднее, чем шевелить мускулами, но зато не вызывает никакого шума и съедает меньше калорий. Кстати, эта способность единственная, которая отделяет нас от обезьян, правда... ненамного. Интересно, будь я на месте тех, кто ставил это устройство, куда бы я его запрятала? С одной стороны, оно должно быть достаточно надежно укрыто от посторонних глаз, с другой — оно должно вовремя спасти жизнь Жанет и обоих ее мужей. Итак, что же у нас получается?

Оно должно быть не слишком высоко, чтобы Жанет могла легко достать до него, а значит, могу достать и я, поскольку мы с Жанет почти одного роста. Стало быть... Мне не нужно подпрыгивать или влезать на какую-нибудь табуретку.

Мерцающие буквы находились метрах в трех от входа в пещеру.

Устройство не может быть намного дальше, потому что Жанет говорила, что следующее предупреждение, обещающее смертельный исход непрошеным гостям, было тоже «недалеко от входа» — она сказала: «В нескольких метрах...» Как правило, «несколько» значит — не более десяти. Жанет не стала бы прятать устройство так, чтобы один из ее мужей, спасая свою жизнь, был вынужден вспоминать точно, где оно находится. Просто уверенность в том, что это устройство существует, и была ключом к разгадке его точного местонахождения, но... При этом любой незваный гость, не зная, что оно есть, не должен его обнаружить.

Я прошла вперед по туннелю, встала прямо под светящимися буквами и взглянула наверх. Надпись освещала все вокруг, кроме небольшого кусочка куполообразного потолка туннеля — прямо над буквами. Даже я, с моим усиленным зрением и хорошо привыкнув к темноте, не могла разглядеть кусочка потолка, прямо над надписью. Я подняла руку и пошарила в том месте, которое было недоступно для глаз. Пальцы сразу нащупали что-то, похожее на кнопку, я нажала на эту кнопку и... надпись исчезла, а вместо нее зажглись лампы на потолке, освещающие весь туннель.

Еда в морозильне, печь для ее разогрева, большие полотенца, горячая и холодная вода, терминал в «норе», на котором я могу прочесть все сиюминутные новости, а также краткое содержание предыдущих... Книги, тихая музыка, приличная сумма наличных денег, оставленная на случай чрезвычайного положения, оружие, шипстоунские аккумуляторы, одежда всех сортов, сидящая на мне почти идеально, поскольку она предназначалась для Жанет, встроенные в терминал часы-календарь, по которым я поняла, что проспала тринадцать часов, пока меня не разбудила твердость моей цементной «койки», уютная постель, призывно манившая меня поспать после того, как я выкупалась, поела и выяснила все новости... И, наконец, чувство полной безопасности, позволившее мне расслабиться и не прибегать больше к жесткому душевному самоконтролю, помогавшему мне подавлять все чувства и действовать до сих пор...

По каналу новостей я узнала, что Британская Канада сменила чрезвычайное положение на «ограниченное чрезвычайное положение». Граница с Империей оставалась закрытой. Граница с Квебеком тщательно контролировалась, но разрешались поездки по делам легального бизнеса. Разногласия между этими государствами менялись, в основном, по поводу того, в каком размере Квебеку следовало выплатить репарации за ущерб от военной атаки, нанесенной, как теперь было признано, вследствие всеобщей паники и растерянности. Закон об интернировании еще действовал, но свыше 90% квебекцев были уже освобождены под «гаранты»... Но лишь 20% граждан Империи. Таким образом, я вовремя смылась,

поскольку, без всяких сомнений, меня отнесли бы к разряду «подозрительных» лиц. Но Джордж, похоже, мог возвратиться домой в любой момент, если... Если тут не было каких-то заставок, которые до меня не дошли.

Совет за Выживание пообещал третий раунд убийств «в воспитательных целях» через десять дней (плюс-минус два дня) после второго. Стимуляторы объявили то же самое через сутки, добавив, что так называемый Совет за Выживание тоже приговорен. Ангелы Господни на сей раз не делали никаких заявлений, во всяком случае, их не передавали по каналу новостей в Британской Канаде.

Я снова никак не могла сообразить, кто же стоит за всем этим безумием: Стимуляторы — слабая организация, занимающаяся лишь пропагандой, неспособная на террористические акты такого масштаба. Ангелы Господни были явно перебиты, или попросту смылись. Совет за Выживание вполне мог купить еще кучу непрофессиональных ублюдков, чтобы они пожертвовали собой в следующих неудачных попытках, но... Это были лишь домыслы, от которых придется отказаться, если следующая попытка обернется удачной и вполне профессиональной — лично я этого не ожидала, но я могла и ошибиться (со мной это бывало, и не раз).

Словом, по-прежнему оставалось лишь гадать, кто дирижировал этими тупыми всплесками терроризма. Уверена, что это не могло быть территориальное государство, это могла быть международная корпорация или консорциум, хотя я и не видела никакого резона. Это также могла быть какая-то отдельная супербогатая личность, если... Если эта личность окончательно свихнулась.

Пытаясь как-то связать концы с концами, я припомнила все, что происходило на моих глазах в Висксберге, а потом то, что произошло с двумя кораблями на Миссисипи, и... Ничего. А может, это все вообще — в порядке вещей, а?

Перед уходом я оставила Жанет записку, в которой написала, какую одежду я у нее взяла, сколько взяла британо-канадских долларов, включая те деньги, что она дала мне раньше, а также подробный отчет об использовании ее Визовой карты: рейс из Виннипега в Ванкувер, из Ванкувера в Беллингхем — по-моему, все. (Платила ли я ее картой за рейс в Сан-Жозе, или Джордж проявил там свою галантность? Не помню — все мои счета покоились на дне Миссисипи).

Взяв у Жанет достаточно наличных, чтобы убраться из Британской Канады (надеюсь!), я хотела было оставить вместе с запиской и ее Визовую карту, но... Кредитная карточка — палка о двух концах. Это всего-навсего кусочек дешевого пластика, который... Который может стоить миллионы долларов или даже граммов золота. И я чувствовала, что обязана сохранить ее любой ценой, пока не вручу Жанет из рук в руки, — любой другой вариант был бы просто нечестным.

Кредитная карточка очень смахивает на ошейник. В мире

кредитных карточек вы никогда не можете уединиться, а если вам это и удастся, то стоит это будет огромных усилий. Кроме того, знаете ли вы, что именно делают бесчисленные схемы компьютера, когда вы суете в него вашу карточку? Лично я — нет. И я гораздо спокойнее чувствую себя с наличными. Я никогда не слышала, чтобы кому-то повезло в споре с компьютером. На мой взгляд, кредитные карточки — жуткая гадость. Но я ведь не человек и, вполне возможно, что человеческий взгляд на эти кусочки пластика мне просто недоступен, как и многое-многое-многое другое.

Итак, на следующее утро я вышла из дома Тормеев в великолепной брючной тройке Жанет (я была уверена, что Жанет выглядела в ней прекрасно, и чувствовала себя поэтому очень красивой, несмотря на отсутствие зеркал в «норе») и хотела было нанять экипаж где-нибудь возле Стонуолла, но обнаружила, что могу выбирать лишь из двух вариантов: рейсовый гравилет или конный омнибус. И на том, и на другом можно было добраться до станции монорельса — кольцевой и Мак-Филипс, — откуда не так давно мы с Джорджем отправились в наше неофициальное свадебное путешествие. Хотя я и предпочитаю лошадей, но выбрала более скоростной вариант.

Из города я не сумею забрать свой багаж, все еще находящийся в камере хранения в аэропорту. А возможно ли забрать его из транзитной камеры хранения, не будучи при этом засеченной полицией и схваченной как подданная Империи? Я решила не рисковать и затребовать багаж, когда буду уже за пределами Британской Канады. В конце концов, я не распаковывала эти чемоданы с тех пор, как улетела из Новой Зеландии, и если до сих пор умудрялась обходиться без них, то проживу и дальше. Сколько людей нарывались на крупные неприятности и даже отправлялись на тот свет только лишь потому, что не желали расстаться со своим багажом, а?

Иногда мне кажется, что на плече у меня все время дремлет мой ангел-хранитель. Всего несколько дней назад мы с Джорджем подошли прямо к нужному турникету, не моргнув глазом, засунули в компьютер карточки Жана и Жанет и преспокойненько отправились в Ванкувер. На этот раз, хотя только что объявили посадку на рейсовую капсулу, я почему-то отправилась мимо турникетов к британо-канадскому Бюро путешествий. Там былолюдно, и вряд ли какой-нибудь дежурный может заметить меня и поинтересоваться: какого черта я тут делаю, но... Я все же выждала, пока не освободился терминал в самом уголке, подошла к нему, набрала код капсулы на Ванкувер и сунула в прорезь карточку Жанет.

Мой ангел-хранитель сегодня не дремал. Я вытащила карточку, торопливо спрятала ее в сумочку, надеясь, что никто не успел

унюхать запаха паленого пластика, и быстренько растворилась в толпе.

Когда возле турникета я попросила один билет до Ванкувера, дежурный с сожалением оторвался от спортивной колонки в виннипегской «Свободной газете» и уставился на меня с плохо скрытым раздражением.

— А почему вы не пользуетесь кредиткой? — спросил он.

— Вы продаете билеты? Если да, то в чем дело? Разве деньги уже отменили?

— Это не ответ...

— Я считаю, что ответила. Пожалуйста, один билет. И будьте добры, сообщите мне ваш номер и часы работы. Вы обязаны это сделать, если верить надписи над вашим затылком.

— Пожалуйста, вот ваш билет. — Он пропустил мимо ушей мое требование сообщить его номер, а я проигнорировала его неудавшуюся попытку заставить меня действовать согласно его представлениям о правилах поведения. На самом деле мне совершенно не улыбалось вступать в пререкания с его начальством, я просто хотела выдать себя за эксцентричную особу, желающую по своему странному капризу платить наличными, а не кредиткой.

Вагон был переполнен, но стоять мне не пришлось: какой-то рыцарь, забредший сюда, по-видимому, из средневековья, встал и уступил мне свое место.

Он был молод, недурен собой, и его галантность явно была вызвана наличием у меня, как у представительницы противоположного пола, тех же качеств. Я с улыбкой приняла его предложение, он встал надо мной, а я сделала то единственное, чем могла хоть как-то отблагодарить его, — чуть подалась вперед, давая ему возможность заглянуть мне за блузку. Юный Дон Кихот, казалось, чувствовал себя полностью удовлетворенным — всю дорогу он прилежно глазел в нужном направлении, — а мне это не стоило ни денег, ни хлопот. Я была очень благодарна ему за его интерес, избавивший меня от шестидесятиминутного стояния на ногах.

Когда мы сошли в Ванкувере, он осведомился о моих планах на обед, ибо, по его словам, если у меня нет на примете ничего определенного, он знает дивный ресторан в гостинице «Бэйшор». С другой стороны, если я предпочитаю японскую или китайскую кухню...

Я сказала, что мне очень жаль, но днем должна быть в Беллингхеме.

Вместо того чтобы с достойной грустью принять отказ, он радостно улыбнулся:

— Какое счастливое совпадение! Я тоже должен быть в Беллингхеме, но решил, что задержусь и пообедаю с вами... А если так, то мы можем отлично пообедать в Беллингхеме. Идет?

(Интересно, есть в международных законах что-нибудь о пересечении границ с аморальными целями? И можно ли явное

сексуальное устремление этого юнца рассматривать как «аморальное устремление»? Искусственный человек никогда не сумеет понять людской сексуальный кодекс. Единственное, что мы можем, это — запоминать как можно больше правил и стараться не влипнуть в какую-нибудь неприятность, но... Это не так-то просто: людские сексуальные кодексы переплетаются, как макароны в порции спагетти.)

Моя попытка вежливо отшить его не удалась, и мне нужно быстро решаться на что-то: или отшить его грубо, или пойти навстречу его явным намерениям. Я сказала себе (не очень вежливо): «Пятница, ты не девочка, и если ты сразу хотела бы лишиться его всякой надежды на то, что он уложит тебя в койку, это надо было делать, когда он предложил тебе сесть на его место в капсуле!» И все же я предприняла еще одну попытку:

— Хорошо, — ответила я, — идет. Но только при одном условии: я плачу за себя сама. И никаких споров по этому поводу.

Это была поганая выходка, поскольку мы оба знали, что, если он позволит мне заплатить самой за свой обед, его часовое стояние в капсуле больше не засчитывается и я ему ничего не должна. По правилам «танцулек», его галантность в капсуле тогда не предусматривает награды, и поэтому ему ничего не оставалось, кроме как...

— Хорошо, — кивнул этот грязный, похотливый, смазливый юнец, принимая условия игры.

— Споров не будет? — спросила я, с трудом скрыв свое изумленное негодование. — Я плачу сама.

— Никаких возражений, — кивнул он. — Вы явно не хотите налагать на себя ни малейших обязательств, хотя ведь это я пригласил вас пообедать, а стало быть, я и должен сыграть роль хозяина, тогда как у вас есть все привилегии гостя. Не знаю, чем я вам так не понравился, но не буду настаивать: на уровне вокзала в Беллингхеме есть «Мак-Дональд», я съем там один биг-мак и выпью кока-колу, а вы заплатите за это, после чего мы расстанемся друзьями.

— Меня зовут Марджори Болдуин, — первый раз как следует рассмотрев его, сказала я, — а вас?

— Меня — Тревор Андреас, Марджори.

«Тревор... Хорошее имя. Тревор, ты грязный, хитрый и заслуживающий всяческого презрения тип. Поэтому отведи меня в самый лучший ресторан в Беллингхеме, напои дорогими ликерами, накорми деликатесами и сам заплати за это. Может, это удержит тебя от крайнего морального падения, но я не думаю, что тебе удастся затащить меня в постель, у меня сегодня не то настроение».

Мое последнее утверждение было ложью: настроение у меня было как раз то — честно говоря, я здорово завелась, и, обладая он моим повышенным чутьем, он бы сразу понял это. Так же, как я учуяла, что он завелся. Мужчина — я имею в виду, человек —

никогда не сумеет обмануть в этом смысле ИЧ, ведь все чувства у нас искусственно обострены. Этому я обучилась, когда проходила курсы «подружек». Но, конечно, меня никогда не оскорбляет такая мужская реакция, иногда я лишь притворяюсь оскорбленной, подражая поведению живорожденной женщины, но... Стараюсь делать это как можно реже, а по возможности избегать совсем — я не такая уж хорошая актриса.

На всем пути от Висконсина до Виннипега я не испытывала сексуальных желаний — было как-то не до того. Но после двух ночей прекрасного сна, горячей ванны и вкусной еды мое тело возвратилось в нормальное состояние. Так почему же я солгала этому совершенно безвредному незнакомцу? «Безвредному»? Ну да, с моей, во всяком случае, точки зрения — у меня естественное предохранение от беременности и иммунитет против четырех наиболее распространенных венерических болезней, а в «яслях» меня научили смотреть на секс, как на еду, питье, сон, болтовню, игры... Словом, как на одну из приятных потребностей, благодаря которым жить — весело и приятно.

Я солгала ему, потому что человеческие правила поведения требуют лжи на данном отрезке «танцуплек», а я... Я выдаю себя за человека и не смею быть самой собой.

Он посмотрел на меня, заморгал и спросил:

— Так вы думаете, с моей стороны это все напрасно?

— Боюсь, что так. Извини.

— Вы ошибаетесь. Я никогда не стараюсь затащить женщину в постель. Если она хочет очутиться со мной в постели, она найдет способ дать мне знать. А если она не хочет, то мне самому это не доставит никакого удовольствия. Но вам, кажется, неизвестна одна банальная истина: даже просто сидеть и смотреть на вас — стоит хорошего обеда, особенно если не замечать ту глупую болтовню, которая слетает у вас с язычка.

— Болтовню?! За это тебе придется найти очень хороший ресторан. Ладно, пойдем, уже объявили посадку на «Шаттл».

Я приготовилась к тому, что возникнут сложности на таможне, но офицер контрольного пункта очень внимательно изучил документы Тренора перед тем, как пропустить его за турникет, а мою Единую кредитную карточку из Сан-Жозе удостоил лишь беглым взглядом. Мне пришлось подождать Тренора за турникетом, как раз под светящейся надписью: «Бар. Горячие завтраки».

— Если бы я увидел раньше вашу золотую кредитку, — сказал он, когда его наконец пропустили, — которой вы помахали перед носом таможенника, я бы даже не предлагал заплатить за ваш обед, мадемуазель. Вы, оказывается, богатая наследница.

— Слушай, охотник за девицами и приданым, уговор есть уговор. Ты сам заявил, что просто сидеть и смотреть на меня стоит хорошего обеда. Даже несмотря на мою «болтовню». Я постараюсь быть сговорчива и, возможно, расстегну блузку... На одну пуговицу.

Может, даже на две. Но увильнуть тебе не дам, богатые наследницы тоже ищут своей выгоды.

— Ну и влип же я.

— Хватит ныть. Где этот ресторан?

— Слушай, Марджори... Теперь я вынужден сознаться, что совсем не знаю здешних кабаков. Может быть, ты сама выберешь?

— Тревор, твоя техника кадрезки просто чудовищна.

— Вот и моя жена всегда так говорит.

— Ты больше похож на волка-одиночку. Найди у себя ее фотографию, я взгляну на нее через пару минут, когда выясню, где мы будем обедать.

Я ухватила за локоть проходящего мимо таможенного офицера и спросила, как называется лучший местный ресторан.

— Знаете, — протянул он, наморщив лоб, — тут ведь не Париж...

— Это я заметила.

— И даже не Нью-Орлеан. На вашем месте я бы отправился в гостиничный ресторан «Хилтон».

Я вернулась к Тревору и сообщила ему:

— Мы обедаем здесь, двумя этажами выше. Если у тебя, конечно, нет возражений. А теперь покажи мне ее фотографию.

Он протянул мне маленькое фото, я взглянула на карточку и невольно присвистнула. Всегда была равнодушна к блондинкам, а когда была маленькая, даже старалась «отмыть» свои волосы, чтобы они стали светлее.

— Тревор, у тебя дома такое, а ты охотишься на улице за падшими женщинами?

— А ты разве падшая?

— Не уходи от вопроса.

— Марджори, ты мне не поверишь и опять примешься болтать вздор. Пошли наверх, пока у них не кончился мартини.

Обед получился неплохой, но Тревор не обладал воображением Джорджа, а также его кулинарными познаниями и искусством очаровывать метрдотелей. Словом, еда была сносная, но вполне стандартная — на усредненный американский вкус. Так можно поесть и в Беллингхеме, и Висксбурге, и вообще где угодно.

Мысли у меня были невеселые: то, что компьютер спалил кредитку Жанет, расстроило меня больше, чем отсутствие Жана и Жанет дома. Жанет влипла в неприятности? Может, она... Мертва?

Тревор тоже, казалось, утратил в значительной степени тот энтузиазм «охотника», столь необходимый в подобных игрищах. Вместо того чтобы смотреть на меня с вождением, он сидел с отсутствующим видом и думал, по-моему, о чем-то далеком. Интересно, с чего бы это он так переменялся? Из-за того, что я пожелала увидеть фото его жены? Может, я пробудила в нем угрызения совести? Мне кажется, мужчина не должен выходить на

«охоту», если дома у него не такая жена (или жены), которой можно рассказать все в деталях и похихикать вместе над забавными подробностями. Как, скажем, у Жана. Лично я никогда не рассчитываю на мужскую «порядочность», на то, что они станут «беречь мою репутацию» — на своем собственном опыте я давно убедилась, что это бесполезно. Если я хочу, чтобы мужчина ни с кем не обсуждал мои прелести и достоинства в постели, я просто не ложусь с ним в постель — это единственный способ... И вообще, Тревор первый упомянул о своей жене, так? Я прокрутила в памяти этот эпизод, и... Ну да, первый.

После обеда он немного оживился. Я сказала ему, чтобы он вернулся сюда, когда закончит свои дела, потому что я сниму номер — мне нужно отдохнуть, сделать несколько звонков через спутник (это правда), и, возможно, я останусь здесь ночевать: так что возвращайся, позвони, и я встречу тебя в вестибюле (это вряд ли — я сейчас так одинока и расстроена, что, пожалуй, велю ему сразу подняться в номер).

— Конечно, позвоню, — ответил он, — чтобы ты могла спроводить мужика, пока я буду подниматься. Но после звонка я велю мальчишке сразу отнести к тебе мои вещи, чтобы потом не ходить за ними самому.

— Не торопись, — возразила я. — Я обещаю лишь болтовню. В вестибюле, а не в своей спальне.

— Марджори, ты трудная женщина.

— Да нет, это ты трудный мужчина. А я прекрасно знаю, что мне делать. — Неожиданно дремавший во мне чертик-хранитель подсказал, что делать. — Слушай, а как ты насчит искусственных людей? Хотел бы, чтобы твоя сестра вышла замуж за ИЧ?

— А ты знаешь такого, который согласился бы? У сестренок, видишь ли, с зубами не все в порядке, так что ей не до выбора.

— Не води меня за нос. Ты сам женился бы на ИЧ?

— Но что подумают соседи? Слушай, Марджори, откуда ты знаешь, что я уже этого не сделал? Видела фото моей жены? Кстати, из искусственных существ выходят отличные жены. И когда они стоят, и когда — лежат.

— Ты хочешь сказать: «подстилки». Наложницы... На них вовсе не нужно жениться. Тревор, ты не только не женат на ИЧ, ты вообще ни черта о них не знаешь, кроме обычных сплетен... Иначе ты бы не говорил «существа», когда речь идет об искусственных людях.

— Я грязный, хитрый и достойный всяческого презрения тип. Я нарочно сделал вид, что путаю их, чтобы ты меня не раскусила. Вдруг я сам — ИЧ?

— Перестань молоть чепуху! Если бы ты был ИЧ, я бы давно тебя раскусила. Когда ты переспишь с ИЧ, тебе вряд ли захочется на ней жениться. Ладно, это все пустой треп, давай закончим. Мне нужно часа два, не удивляйся, если мой терминал будет занят.

Поболтай с автоответчиком и закажи хорошую выпивку, а я спущусь, как только освобожусь.

Я зарегистрировалась внизу и поднялась наверх — не в «свадебный» номер, конечно, без Джорджа я в таком номере чувствовала бы себя отвратительно, но в очень миленькую комнату с большой, широченной кроватью. Я заказала именно такую, ибо сильно подозревала, что похотливость Тренора (равно как и моя собственная) вынудит нас с ним разделить это ложе. А спать вдвоем на узкой койке...

Усилием воли я выбросила из головы все посторонние мысли и взялась за работу. Прежде всего я позвонила в виксбергский «Хилтон» — нет, мистер и миссис Перралът выехали из отеля. Нет, их местонахождение, к сожалению, нам неизвестно. «Нам-очень-жаль»!

Мне тоже было очень жаль, и утробный голос компьютера не принес мне никакого душевного комфорта. Я позвонила в университет Мак-Гилл в Монреаль, и у меня ушло двадцать минут на то, чтобы узнать: да, доктор Перралът является старшим сотрудником университета, но сейчас находится в университете Манитобы. Компьютер в Монреале с одинаковой легкостью синтезировал как английскую, так и французскую речь и отвечал на том языке, на котором к нему обращались. Далеко шагнули ребята-электронщики... На мой взгляд, даже слишком далеко.

Я попробовала номер Жанет (и Жана) в Виннипеге, и мне было доложено, что их терминал отключен «по желанию хозяев». Интересно, а как же я слушала сегодня утром новости в «норе»? Или «отключен» означает лишь, что он не реагирует на звонки?

Справочная служба авиалетных линий в Виннипеге долго морочила мне голову дурацкой информационной рутинной, предназначенной для пассажиров, прежде чем удалось добраться до человеческого голоса, неохотно сообщившего, что капитан Тормей находится в отпуске в связи с чрезвычайным положением и прекращением полетов в Новую Зеландию.

Номер Жана в Окленде ответил лишь музыкой и предложением записать послание на автоответчик, что, впрочем, было вполне естественно — раз полубаллистики не летали, Жан никак не мог там оказаться, и я надеялась лишь, что, может быть, застану на этой квартире Бетти или Фредди.

В самом деле, как можно попасть в Новую Зеландию, если полубаллистики отменены? На морском катере — невозможно, они слишком маломощные. Интересно, а эти огромные шипстоунские суда, которые строят прямо на воде, могут брать пассажиров? Думаю, что нет, я где-то слышала, что на многих из них вообще нет людей.

Я всегда полагаю, что благодаря своей профессии тренированного курьера я знаю гораздо больше способов путешествовать, чем обычный коммивояжер. Ведь мне нередко приходилось пользоваться такими способами передвижения, которые недоступны простым разъездным агентам, о существовании которых туристы вообще не

имеют понятия. Но сейчас до меня дошло, что мне в жизни ни разу не приходилось задуматься над тем, как добраться до места, если не летают полубаллистики. Какой-то выход должен быть, какой-то выход всегда есть, но... Я решу эту проблему. Позже.

Я позвонила в университет Сиднея, поболтала с компьютером, потом мне удалось добиться человеческого голоса, который признал существование профессора Фарнези, но сообщил, что тот на каникулах. Нет, частных адресов и номеров мы, к сожалению, не даем, извините. Может быть, вам стоит обратиться в справочную.

Компьютер сиднейского справочного бюро, казалось, очень соскучился от безделья — на мой запрос он радостно ответил длинной, нескончаемой речью, в которой сообщил уйму сведений, обо всем на свете, но... Я так и не смогла добиться у него подтверждения, что Фредерико или Элизабет Фарнези значатся в его сети. Я прослушала рекламу Величайшего в Мире Моста (это неправда), потом Величайшего в Мире Оперного Театра (это правда) и отключилась от связи с некоторым сожалением: дружелюбно настроенный компьютер с привычным акцентом в общении гораздо более приятен, чем большинство людей — и обычных, и моей породы...

После Сиднея я набрала код, который, надеясь, мне набирать не придется, — Крайстчерч. Возможно, служба безопасности Босса послала весточку на адрес моей бывшей семьи, когда наша «фирма» опять переехала... Если это был переезд, а не полное уничтожение. Была также и вероятность, хотя я в это не верила, что Жан мог послать мне весточку на этот адрес, когда столкнулся с полной невозможностью связаться с Империей. Я вспомнила, что давала ему свой номер в Крайстчерче, когда он любезно оставил мне номер его квартиры в Окленде. Итак, я набрала номер моего бывшего «семейного очага» и... испытала своего рода шок, какой испытывает человек, шагнувший в «никуда»: «Номер, который вы набрали, отключен. Звонки не регистрируются. В случае крайней необходимости наберите номер крайстчерчского»... — Далее последовал номер конторы Бриана.

Я прикинула разницу во времени, в глубине души надеясь, что эта разница избавит меня от необходимости звонить сейчас, но... В Новой Зеландии как раз наступило утро — без чего-то десять, — следовательно, Бриан наверняка сидит у себя в кабинете. Я набрала его номер, и через несколько секунд уставилась на его изумленную физиономию.

— Марджори?!

— Да, — подтвердила я. — Марджори. Как дела?

— Зачем ты мне звонишь?

— Послушай, Бриан, мы были женаты семь лет. Можем мы хотя бы вежливо поговорить друг с другом?

— Прости. Чем могу тебе помочь?

— Извини, что звоню тебе на работу, но я позвонила домой, а там отключен терминал. Бриан, ты ведь знаешь, что из-за

чрезвычайного положения с Чикагской Империей нет связи... Ну, все эти убийства, как они это называют, — Красный Четверг. Поэтому я сейчас в Калифорнии и не могу попасть домой в Империю. Скажи, на мое имя поступала какая-нибудь почта? Понимаешь, до меня ничего не дошло и...

— Мне нечего тебе сказать. Правда, нечего. Извини.

— Неужели ты не можешь сказать хотя бы, была какая-нибудь почта или не было? Если я буду знать, что была, это поможет мне проследить откуда, и...

— Дай подумать. — Он помолчал, а потом с усмешкой спросил: — А каким же способом ты выкачала все деньги? Значит, они ушли на твой счет, а с ними и все...

— Какие деньги?

— Деньги, которые ты потребовала назад, пригрозив открытым процессом. Немногим более семидесяти тысяч долларов. Марджори, я поражаюсь, как у тебя хватает духу сюда звонить, после... После того, как своей ложью, своим обманом и холодным расчетом ты разрушила всю нашу семью.

— Бриан, ты спятил? Что ты несешь? Я никому не лгала, я никого не обманывала, и я не взяла ни цента из семьи. «Разрушила семью»? Но... как? Меня вышвырнули из семьи за несколько секунд, просто отправили собирать вещи... Нет, даже собрали их за меня и прислали в отель. Я просто не могла ничего разрушить. Объясни мне все, пожалуйста?..

Он объяснил — холодно и во всех подробностях. Своим обманом — этой нелепейшей выдумкой, будто я искусственно созданное существо, — я принудила семью подать на развод. Я попробовала напомнить ему, как тогда продемонстрировала свои способности, но он просто не желал об этом разговаривать — все, что я вспоминала, все, что он мог бы припомнить, не имело для него никакого значения. Теперь — о деньгах. Это опять ложь — он сам видел чек с моей подписью.

Тут я оборвала его, сказав, что любая подпись, какую он мог видеть на любом чеке, — поддельная. Я не получала от них ни цента.

— Значит, ты обвиняешь Аниту в мошенничестве. Это — самая поганая выдумка из всех.

— Я ни в чем не обвиняю Аниту. Но никаких денег от семьи я не получала.

На самом деле я обвиняла Аниту, и мы оба это знали. Обвиняла и ее, и, быть может, самого Бриана... Я вспомнила, как Викки однажды сказала, что Анита возбуждается лишь от хруста толстых пачек кредиток... Я шикнула на нее, чтобы она перестала сплетничать, но... Я и от других «сестер» по С-браку слышала об Анитиной фригидности — то есть о том состоянии, которое ИЧ просто не может понять. Что ж, может, ее страсть... Ее подлинная страсть касалась лишь финансового положения семьи, ее престижа и места на социальной лестнице. Если так, то она должна была меня

ненавидеть: я не разрушала семьи, но, вышвырнув меня, она нарушила равновесие, и С-брак рассыпался как карточный домик. Сразу после моего отъезда Викки отправилась на острова одна — знакомиться с новым зятем — и... Велела своему адвокату начать бракоразводный процесс. Потом из Крайстчерча уехали Дуглас и Лиз и тоже подали на развод. Да, одно маленькое утешение для меня: от Бриана я узнала, что против меня было не шесть, а семь голосов. Каким образом? Очень просто: Анита настояла на том, чтобы голосовали не количеством членов семьи, а денежными паями. У Бриана, Берта и Аниты было семь долей в общем пае — вполне достаточно, чтобы изгнать меня, но... При этом Дуг, Викки и Лиз не голосовали вообще.

Слабенькое утешение. Они не противились Аните, не пытались остановить ее, даже не дали мне знать о том, что происходит. Они просто устарились... Стояли в стороне и смотрели, как приговор приводится в исполнение.

Я спросила Бриана о детях, и мне в вежливой форме было сказано, что это не моего ума дело. Потом он заявил, что у него много работы, и поэтому он не может со мной разговаривать, но я отвлекла его еще ненадолго, задав последний вопрос: что сделали с кошками?

По его лицу было видно, что он еле сдерживается.

— Марджори, — процедил он сквозь зубы. — У тебя что, совсем нет сердца?! Ты причинила всем столько неприятностей, сделала всем так больно и... Теперь тебя интересует лишь, что стало с какими-то кошками?

Он и впрямь здорово разозлился. Я тоже.

— Я хочу это знать, Бриан!

— Наверное, их отослали в Институт ветеринарных исследований. Или в какое-нибудь другое медицинское учреждение. До свидания. И, пожалуйста, не звони мне больше.

«Медицинское учреждение»... Мистер-смотри-под-ноги, привязанный к операционному столу, а над ним студент-практикант со скальпелем, режущим его маленькое, пушистое тело... Нет, я не вегетарианка и не стану спорить с тем, что невозможно обойтись без опытов над животными в науке. Но, Господи, если Ты все же есть где-нибудь, ну, не давай делать это с теми, которых вырастили и воспитали так, что заставили их думать, будто они тоже люди!.. Мистер-смотри-под-ноги, почему же я чувствую, как ты трешься и трешься о мою ногу, ведь ты — в «медицинском учреждении», а остальные — наверняка мертвы. И все же, если бы летали полубаллистики, я плюнула бы на все, сорвалась с места и первым же рейсом слетала в Новую Зеландию — пусть хоть один шанс из тысячи, но я попробовала бы спасти своего старого друга. Однако без современного транспорта Окленд был дальше, чем Луна-Сити, и ничего тут уже не сделаешь...

Я вспомнила весь курс тренировок по самоконтролю, собрала

волю в кулак, выкинула из головы все, с чем ничего не могла поделать, и...

...Мистер-смотри-под-ноги по-прежнему терся о мою ногу.

На терминале мигал красный сигнал. Я посмотрела на часы и сообразила, что прошло как раз около двух часов с тех пор, как я уселась за компьютер. Значит, звонит, наверняка, Тревор.

Ну что ж, приходи в себя, Пятница! Умой мордашку холодной водой, спустись вниз и дай ему возможность уговорить тебя... Или сразу скажи ему, чтобы поднимался, затащи его прямо в постель и поплачь ему в грудь! Во всяком случае, сначала... Сейчас у тебя, конечно, маловато желания, но... уткни морду в теплое мужское плечо, расслабься, и ты очень быстро заведешься. Ты ведь сама это знаешь. Женские слезы здорово подстегивают мужиков, уж это ты знаешь на собственном опыте. (Садизм? Мазохизм? Какая разница — главное, это дает нужный эффект!) Давай же, зови его. Закажи выпивку. Может быть, немного губной помады? Нет, к черту, все равно она надолго там не останется... Позови его, затащи в эту широкую койку и ублажи себя как следует своими стараниями как следует ублажить его. Вложи в это все... все, что можешь!

Я соорудила на лице дежурную улыбку и ответила на звонок. Со мной говорил гостиничный компьютер:

— У нас для вас коробка с цветами. Разрешите подать ее вам наверх?

— Да, конечно. (Не важно, от кого она, в любом случае коробка с цветами — это гораздо приятнее, чем удар рыбьим хвостом по голому брюху.)

У двери раздался звонок портье-автомата, я открыла, и у меня в руках очутился пакет, размером с детский гробик. Чтобы распечатать, мне пришлось положить его на пол...

Дивные алые розы на длинных стеблях! Я решила подарить Тревору больше, чем Клеопатра в ее лучшие денечки. Перестав ахать, я открыла конверт, лежавший рядом с розами, ожидая увидеть визитку или коротенькую записку с просьбой спуститься вниз, или что-то в этом роде, но...

Записка была длинной — целое письмо:

«Дорогая Марджори, я надеюсь, ты примешь эти розы не менее радушно, чем приняла бы меня самого...

(«Приняла бы»? Какого черта? Ладно, что там дальше?)

Должен признаться: я сбежал. Есть причина, заставившая меня понять, что я не должен больше навязывать тебе свое общество. Я не женат. Я не знаю, кто та очаровательная дама на фотографии, что я тебе показывал, я нашел это фото случайно, уже не помню где. Как ты изволила заметить, моя порода не годится для брака. Моя дорогая леди, я искусственный человек, да-да, "мать моя пробирка, скальпель — мой отец". Поэтому мне непозволительно оказывать знаки внимания живорожденной женщине. Конечно, я живу под видом человека, но мне лучше сказать тебе правду, чем

продолжать свои ухаживания, — ведь так или иначе ты все равно узнала бы, только... Позже, потом, а это не совсем честно. Да-да, ты все равно узнала бы, потому что я отношусь к дурацкой породе правдолюбцев и наверняка сам бы сказал тебе. Потом. Так что уж лучше я скажу сейчас, чем обижу тебя позже.

Конечно, мое второе имя вовсе не Андреас — у моей породы вообще не бывает вторых имен, как, впрочем, и семьи. Но, знаешь, напоследок я не могу не сказать тебе, что мне очень бы хотелось, чтобы ты тоже была ИЧ. Ты очень симпатичная, к тому же очень сексуальная, а твоя манера болтать о вещах, в которых ты ничего не смыслишь, таких, как, скажем, ИЧ — не твоя вина. Ты напомнила мне маленькую фокстерьершу, которая была у меня когда-то. Очень милая и ласковая, она охотно сражалась бы с целым светом в одиночку, если бы такая мысль пришла ей в голову. Сознаюсь, собак и кошек я люблю больше, гораздо больше, чем многих людей: ведь они ничего не имеют против моей породы, во всяком случае, они никогда не презирали меня за то, что я — не человек.

Надеюсь, розы тебе понравились.

Тревор».

Я протерла глаза, высморкалась, сбежала вниз, промчалась через вестибюль, потом через бар, вниз к выходу на гравировкал, встала у турникета, мимо которого все шли на посадку, и стояла... И стояла, и ждала-ждала-ждала, пока полицейский не стал коситься на меня и в конце концов не подошел ко мне и не спросил, что мне надо и чем он может мне помочь.

Я сказала ему правду, или часть правды, и он отошел. А я ждала и ждала, и, наконец, он снова подошел ко мне и сказал:

— Слушай, если ты настаиваешь на своей версии, мне придется попросить тебя предъявить твою лицензию и медицинское свидетельство, и если что-то там окажется не в порядке, задержать до выяснения. Мне не хочется этого делать, у меня дома дочка, ей столько же лет, сколько тебе, и мне не хотелось бы думать, что у нее могут возникнуть такие же неприятности с полицией. Поверь мне, это дело не для тебя. Любой, кто на тебя посмотрит, сразу поймет, что тут нужны девки покруче.

Я хотела было показать ему свою золотую кредитку — вряд ли где-нибудь есть проститутки, таскающие с собой золотые кредитные карточки... Но этот старый ворчун и впрямь хотел мне добра, а я... Я за сегодняшний день достаточно наоскорбляла людей. Я поблагодарила его и вернулась к себе в номер.

Люди... Как они всегда уверены, что могут отличить ИЧ от... Бестолочи! Мы не можем сами распознать друг друга. Из всех, кого я встречала, Тревор был единственным мужиком, за которого я могла бы выйти замуж с чистой совестью, а я... Я взяла и отшила его.

Но он был уж слишком чувствителен!

Кто слишком чувствителен? Ты, Пятница, и никто другой.

Но черт возьми, ведь это правда, что большинство людей

презирают нашу породу! А если собаку часто пинать ногами, она научится здорово прыгать. Возьмите хотя бы мою новозеландскую семейку: Анита, наверное, чувствовала себя в своем правё, когда обманывала меня — я ведь не человек!

Итак, счет на сегодня: Люди — 10, Пятница — 0.
Где же Жанет?

21

Пробуждение мое было не очень приятным. Меня продавали с аукциона, покупатели желали проверить, в порядке ли у меня зубы, и лезли мне руками в рот. Я рассердилась и укусила одного, тогда владелец аукциона принялся охаживать меня кнутом и тем самым разбудил. После такого сна номер в беллингхемском «Хилтоне» показался мне очень уютным, и я сделала звонок, который следовало бы сделать раньше всех остальных. Но без остальных все равно было не обойтись, а этот стоил очень дорого и без него можно было бы обойтись, если бы сработал хоть один из предыдущих. Кроме того, я не люблю звонить на Луну, меня раздражает запаздывание ответов.

Итак, я позвонила в Южно-Африканский Приемный отдел — это банк Босса, или один из банков Босса. Во всяком случае, тот, который выдает мне кредит и платит по моим счетам. После обычной трепотни с синтетическими голосами, особенно неприятной из-за дурацкой задержки ответов, мне наконец удалось вытащить на свет Божий, а вернее, на экран, человеческое создание — потрясающей красоты женщину, явно нанятую, чтобы служить декоративной ширмой. Да, одна шестая земного притяжения придает груди форму лучше, чем любой бюстгальтер. Я сказала ей, что мне нужно поговорить с каким-нибудь старшим банковским служащим.

— Сейчас вы говорите с одним из вице-президентов, — ответила она. — Вы умудрились убедить компьютер в том, что вам действительно нужна помощь ответственного представителя банка. Непростой трюк — наш компьютер крепкий орешек. Чем я могу помочь вам?

Я рассказала ей часть моей неправдоподобной истории и добавила:

— Ну вот, несколько недель ушло на то, чтобы попасть обратно в Империю, а когда мне это удалось, все контакты оказались оборваны. Есть у банка какой-нибудь телефонный код для меня?

— Посмотрим. Как называется компания, на которую вы работаете?

— У нее несколько названий, в их числе — «Систем Энтерпрайз».

— Как зовут вашего начальника?

— У него нет имени. Он пожилой, коренастый, одноглазый, у него большие ноги, и он медленно передвигается с помощью двух костылей. Ну, как? Я заслужила приз?

— Посмотрим. Вы сказали, что мы снабдили вас Единой Картой, выданной Имперским банком в Сент-Луисе. Прочтите медленно номер вашей кредитной карточки.

Я сделала это и спросила:

— Хотите сфотографировать ее?

— Нет. Назовите число.

— Десять, шестьдесят шесть.

— Четырнадцать, девяносто два, — назвала она.

— Четыре тысячи, четыре, Би-Си, — ответила я.

— Семнадцать, семьдесят шесть, — пальнула она.

— Две тысячи двенадцать, — парировала я.

— Чувство юмора у вас, как у медведя, мисс Болдуин. Хорошо, все в порядке, вы — действительно вы. Но если это не так, то готова с вами поспорить, что следующего этапа проверки вам не пережить. Мистер Два Костыля давно слывет своей крайней неприязнью к незваным гостям. Запишите телефонный код. А потом повторите его мне.

Я так и сделала.

Через час я шла мимо Дворца Конфедерации в Сан-Жозе, опять направляясь в здание Калифорнийского Коммерческого Кредита и твердя про себя, что ни при какой погоде не стану ввязываться ни в какие драки, кого бы ни пытались здесь убить. Мне неожиданно пришло в голову, что на этом самом месте я была две недели назад. Да, точно, две недели назад. Если меня сейчас отсюда направят в Висксберг, я просто рехнусь.

В здании Коммерческого Кредита мне надлежало обратиться не в Единую Карту, а в юридическую контору, расположенную на другом этаже, куда я позвонила из Беллингхема, получив нужный код с Луны. Я завернула за угол и хотела было войти, как вдруг у меня над ухом чей-то голосок шепнул:

— Мисс Пятница.

Я обернулась и увидела женщину в униформе «Желтого такси». Я всмотрелась в нее, и радостно вскрикнула:

— Рыжик!!

— Вы заказывали такси, мисс? Вам придется пересечь площадь и спуститься вниз, здесь нам не разрешают парковаться.

Мы пошли через площадь. Не помня себя от радости, я сразу принялась болтать, но Рыжик тихо шикнула на меня и сказала:

— Пожалуйста, мисс Пятница, ведите себя как обычный пассажир. Хозяин требует от нас полной конспирации.

— С каких это пор ты называешь меня «мисс»?

— Так будет лучше. С дисциплиной у нас сейчас очень строго. У меня специальное разрешение на то, чтобы встретить тебя, но я никогда бы не получила его, если бы не сумела доказать, что без всяких паролей смогу тебя опознать.

— Что ж, ладно. Но зови меня так, только когда это нужно для дела... Рыжик, милая... Я так рада тебя видеть, что могу разреветься.

— Я тоже. Особенно если учесть, что в понедельник пришло сообщение о твоей смерти. Кстати, я тогда разревелась. И у многих глаза были на мокром месте.

— Смерти? Моей смерти? Но ведь... Я и близко к смерти не была. И не рисковала особо нигде, я просто... Потерялась. А теперь нашлась.

— Я этому жутко рада!

Через десять минут я вошла в кабинет Босса и сказала:

— Пятница докладывает, сэр.

— Ты опоздала.

— Я оказалась в одной экспедиции, сэр. Плыли вверх по Миссисипи с военным патрулем.

— Да, я слышал. Кажется, ты одна спаслась. Я имел в виду, что ты опоздала сегодня. Границу в Калифорнии ты пересекла в 12.05. А сейчас 17.22.

— Черт возьми, Босс, у меня были трудности.

— Курьеры обучены справляться с трудностями. И быстро.

— Босс! Я была не на задании, а значит, не была курьером. В конце концов, это мой отпуск и вам не стоит так со мной разговаривать. Если бы вы не перебазировались, не предупредив меня, у меня не было бы никаких проблем... Я находилась здесь, две недели назад. В Сан-Жозе, в двух кварталах отсюда.

— Тринадцать дней назад.

— Вы так пунктуальны лишь затем, чтобы не признавать, что это ваша вина, а не моя.

— Хорошо, я готов признать свою вину, если это избавит нас от ненужной болтовни и пустой траты времени. Я предпринял все, чтобы известить тебя, то есть гораздо больше, чем обычная организация делает для своих старших офицеров, и мне очень жаль, что все мои попытки не увенчались успехом. Пятница, что я должен сделать, чтобы ты наконец убедилась и поверила, что ты представляешь собой исключительную и ни с чем не сравнимую ценность для нашей фирмы? Если бы наше предвидение событий, называемых теперь Красным Четвергом...

— Босс! — изумилась я, — В этом замешаны мы?!

— Что навело тебя на эту бредовую мысль? Нет, конечно. Просто наша служба безопасности и разведка предвидела это... Кое-что было известно, уже когда ты возвратилась с Эль-5... И мы стали предпринимать определенные меры предосторожности. Как оказалось, вовремя. Но первая атака опередила наши самые мрачные прогнозы, поэтому начало Красного Четверга застало нас «на колесах». Было необходимо срочно перебазироваться за границу, не силовыми приемами, конечно, а с помощью подкупа. Извещение о смене адреса и телефонного кода было послано заранее, но лишь обосновавшись здесь, я узнал, что ты не вышла на обычную связь.

— По той простой причине, что я не получала никакого дурного известия!

— Будь добра, поспокойней. Узнав, что ты не связалась с нами, я попытался дозвониться до твоего дома в Новой Зеландии. Наверное, ты в курсе, что спутниковая связь была прервана...

— Слышала.

— Временно. Через тридцать два часа я дозвонился и побеседовал с мисс Дэвидсон. Ей около сорока, твердые черты лица. Старшая жена в вашем С-браке?

— Да. Анита... Она и лорд-протектор, и лорд-все-остальное.

— Именно такое впечатление она произвела на меня. Мне показалось, что ты стала там персоной нон грата?

— Вам правильно показалось. Давайте, Босс, выкладывайте, что эта старая крыса про меня наболтала?

— Почти ничего. Ты оставила семью неожиданно. Нет, ты не оставляла ни для кого никаких адресов и телефонов. Нет, она сейчас очень занята. Марджори натворила здесь черт-те что. До свидания.

— Босс, у нее есть ваш адрес в Империи. И у нее были адреса Сириуса и Южной Африки, на Луне, потому что ежемесячные взносы я делала через них.

— Я понял это из разговора с ней. Мой представитель в Новой Зеландии (представитель? Впервые слышу о таком!) раздобыл для меня адрес работы твоего старшего мужа по С-браку, Бриана Дэвидсона. Он вел себя вежливее, и толку от него было больше. От него мы узнали, на каком «Шаттле» ты улетела из Крайстчерча, и это привело нас к списку пассажиров полубалластика, который доставил тебя из Окленда в Виннипег. Там мы ненадолго потеряли твой след, пока мой агент не выяснил, что ты уехала из аэропорта вместе с пилотом полубалластика. Когда мы сумели связаться с ним, он готов был помочь — я имею в виду капитана Тормея, — но ты уже уехала. Рад сообщить тебе, что мы получили и использовали возможность отплатить услугой за услугу капитану Тормею. Благодаря усилиям нашей тамошней внутренней службы мы сумели предупредить его о том, что его вместе с женой собирается арестовать местная полиция.

— О Господи! За что?

— Формальное обвинение: укрывательство чужака из враждебной державы и неизвестного субъекта из Империи во время чрезвычайного положения. На самом же деле местную полицию Виннипега не интересовала ни ты, ни доктор Перральт, это был лишь предлог, чтобы задержать Тормеев. Неофициальное обвинение гораздо серьезнее — пропал лейтенант Мелвин Дикей. Последнее, что о нем известно, — его устное сообщение о том, что он отправился к капитану Тормею забирать доктора Перральта. Подозрение, естественно, пало на Тормея и его жену.

— Но против Жана и Жанет нет никаких улик... Я хочу сказать, против Тормеев.

— Улик нет. Именно поэтому местная полиция собиралась задержать их по другому, куда более безобидному поводу. Есть и еще кое-что. Гравилет лейтенанта Дикея потерпел аварию возле Фарго, в Империи. Он был пуст. Полицейские всегда очень тщательно снимают отпечатки пальцев со всех предметов. Возможно, они именно сейчас этим и занимаются, поскольку, как сообщили час назад «Новости», граница Чикагской Империи и Британской Канады вновь открыта.

— О Господи!

— Возьми себя в руки. На приборах гравилета действительно были отпечатки пальцев. И принадлежали они не лейтенанту Дикею. Они совпадали с отпечатками пальцев капитана Тормея, зарегистрированными в его личном деле. Обрати внимание на время, в котором я говорю об этих отпечатках, — они были там, но сейчас их там уже нет. Пятница, хотя действовать за границей Империи не так уж просто, у меня все же есть там кое-какие связи. И агенты. И кое-кто мне кое-что задолжал. В этом корыте больше нет отпечатков пальцев капитана Тормея, но зато есть много других.

— Босс! Дайте я вам поцелую ручки!

— Придержи язык. Я сделал это вовсе не для того, чтобы натянуть нос британо-канадской полиции. Мой агент в Виннипеге прошел нашу обычную подготовку, а кроме того, он — дипломированный психолог. Согласно его профессиональному заключению, капитан Тормей и его жена способны на убийство в целях самозащиты, но нужны сверхчрезвычайные обстоятельства, чтобы заставить их пойти на убийство полицейского. По его же заключению, доктор Перральт еще менее склонен к поступкам, связанным с насилием.

— Это я убила его.

— Так я и предположил. Другого варианта просто не было. Желаете обсуждать это? Это как-то касается нашей работы?

— Ну... Думаю, нет. Правда, вы сами включили это в вашу работу, стерев отпечатки пальцев. Я убила его, потому что он угрожал пистолетом Жанет... Жанет Тормей. Я вполне могла просто обезоружить его, у меня было полно времени, но я убила, потому что хотела убить. Я сделала это совершенно сознательно.

— Я был бы (и буду, если такое случится) крайне разочарован в тебе, если бы ты просто обезоружила или только ранила полицейского. Раненый полицейский опаснее, чем раненый зверь. Я представлял себе все именно так, как ты описала, разве что... Я полагал, что ты защищала доктора Перральта, поскольку он... кажется, неплохо подошел тебе в роли фальшивого мужа.

— О, да, он очень неплох в этой роли. Но когда этот паршивый урод вздумал грозить Жанет своей пушкой, я прыгнула! Босс, пока это не произошло, я и знать не знала, что люблю Жанет. Я... Я не знала, что могу так любить женщину. Вы знаете больше моего, как меня сделали. Скажите... У меня что, перемешаны гормоны?

— Я знаю достаточно о том, как ты была сделана, но не собираюсь обсуждать это с тобой. Тебе это знать совершенно не обязательно. Твои гормоны в полном порядке, как у любого здорового человека, разве что у тебя нет лишней У-хромосомы. Каждый нормальный человеческий организм обладает смешанными гормонами, и человеческая раса делится на тех, кто знает это, и тех, кто не знает. Прекрати эту глупую болтовню — гениям она не к лицу.

— О-о, так я уже стала гением?! Вот это здорово!..

— Не дерзи. Ты — супергений, но тебе еще очень далеко до того, чтобы как следует осознать свои возможности. Что касается гениев и супергениев, они всегда устанавливают для себя собственные законы — и в сексе, и во всем остальном. Им не нужно по-обезьяньи следовать обычаям их современников. Ладно, вернемся к нашим баранам. Может так случиться, что они обнаружат тело?

— Это все равно что найти прошлогодний снег.

— Есть смысл обсуждать это со мной?

— Нет, не думаю.

— Тогда это меня не касается, и я полагаю, Тормей могут спокойно вернуться домой, как только полицейские придут к выводу, что невозможно установить *corpus delicti*. Хотя *corpus delicti* формально и не требует наличие *corpus*, представить обвинение в убийстве без тела чертовски трудно. Если их все же арестуют, хороший адвокат вытащит их за пять минут, а я смею полагать, у Тормеев будет очень хороший адвокат. Кстати, тебе будет приятно узнать, что выехать из страны им удалось с твоей помощью.

— С моей?

— Твоей и доктора Перралья. Вы помогли им, выехав из Британской Канады под именами мистера и миссис Тормей, используя их кредитные карточки и заполнив карту туриста от их имени. Таким образом, вы двое оставили след, доказывающий, что Тормей покинули страну сразу вслед за исчезновением лейтенанта Дикей. Это сработало так достоверно, что несколько дней полицейские пытались выследить их, а вернее, вас в Калифорнийской Конфедерации. И даже обвиняли своих коллег из Калифорнии в нерасторопности, думая, что это они вас упустили. Но меня слегка удивил тот факт, что их не смогли арестовать в их доме, поскольку моему агенту весьма легко удалось войти в дом и поговорить с ними.

(Меня это вовсе не удивило. Если появляется полицейский, хлоп — «нора» закрылась за ними. Если же это не полицейский, и Жан в нем уверен... — Скажите, Босс, а ваш агент в Виннипеге называл им меня? Меня как «Марджори Болдуин»?)

— Конечно. Пока он не назвал это имя и не показал твою фотографию, миссис Тормей категорически отказывалась впустить его. Без помощи Тормеев я напал бы на твой след гораздо позже. Мы помогли друг другу: они помогли сбежать тебе, а мы помогли сбежать им — я велел своему агенту сообщить им о том, что их ищут, и обеспечить побег. Все кончилось хорошо.

— А как вам удалось обеспечить побег, Босс?

— Ты уверена, что ты хочешь знать?

— М-мм, нет. (Когда я теперь смогу узнать? Если бы Босс хотел рассказать мне, он бы это сделал сразу. «Все тайное становится явным»? Да, но только не у Босса.)

Босс вышел из-за стола и... Я неприятно поразились — обычно он мало двигался, и в его старом кабинете он мог, не вставая, дотянуться до всех аксессуаров своего чаепития. Сейчас же он не вышел, а выехал из-за стола в инвалидном кресле, подъехал к маленькому столику и стал возиться с заварным чайником.

— Можно я налью вам? — спросила я, торопливо встав.

— Спасибо, Пятница. Будь добра. — С этими словами он укатил обратно за письменный стол, а я занялась чаем. Для этого мне пришлось повернуться к нему спиной, а мне в тот момент только это и было нужно.

Конечно, нет ничего шокирующего в том, что инвалид в один прекрасный момент решил сменить костыли на кресло с колесиками — на нем гораздо удобнее. Инвалид — да, но только не... Босс. Если бы древние египтяне проснулись как-то утром и обнаружили, что пирамиды сгорели, а у сфинкса новый, хорошо подогнанный нос, они были бы поражены меньше, чем я теперь. Есть некоторые вещи... И люди тоже... Которые должны оставаться неизменными.

— Налив себе и ему чаю (ему — с теплым молоком и двумя кусками сахара), я уселась в кресло, и у меня отлегло от сердца. У Босса всегда на вооружении самое последнее слово техники и устаревшие манеры: я никогда не видела, чтобы вокруг него хлопотала какая-нибудь женщина, но если женщина находится в его кабинете по делу и предлагает налить чаю, он, конечно, вправе любезно принять ее предложение и превратить чаепитие в маленький приятный обед.

Он поболтал со мной на отвлеченные темы, пока мы пили чай, потом я налила ему вторую чашку, сама от второй отказалась, и он подытожил наш деловой разговор:

— Ты меняла имена и кредитные карточки так часто, что мы все время отставали от тебя на шаг. Мы бы не напали на твой след в Виксберге, если бы твои действия там не навели нас на мысль о созревшем у тебя плане. Хотя и не в моем стиле влезать в дела агента, как тщательно ни наблюдал бы я за ним, я, возможно, решил бы избавить тебя от путешествия вверх по Миссисипи... Особенно, зная, что экспедиция обречена...

— Босс, что это была за экспедиция? Я не поверила ни одному слову своего сержанта и...

— Обычная мародерская вылазка. Довольно неуклюжая. За две недели в Империи наступил такой бардак, что возникло много желающих поживиться. Еще бы, за две недели сменилось три диктатора. Тот, что сейчас у власти, ничуть не лучше своих предшественников и вряд ли протянет дольше них... Пятница, мне

гораздо удобнее работать при твердой тирании, чем при любом из свободных, демократических режимов. Но твердая тирания такое же редкое явление, как процветающая демократия. Подведем итог: ты улизнула от нас в Виксберге, потому что действовала без всяких колебаний, — ты очутилась на борту опереточного линкора «Мадам Лу» и уплыла на нем до того, как наш агент узнал о твоём вступлении в это «войско». Я очень рассердился на него. Рассердился настолько, что пока даже не наказал — мне нужно остыть.

— Не нужно его наказывать, Босс, я действовала быстро. Если только он не висел у меня на самом хвосте, — а я всегда замечая это и принимаю меры вовремя, — у него не было шанса угнаться за мной.

— Да-да, мне знакома твоя, м-мм, технология. Но, думаю, ты поймешь, что у меня были причины для раздражения, когда мне доложили, что наш человек видел тебя в Виксберге, а через двадцать четыре часа он... Докладывает, что ты мертва.

— Может, так, а может, и нет. Один человек в этом году уже пробовал наступать мне на пятки. В Найроби. Он завис у меня на хвосте и так рьяно дышал в спину, что это оказался его последний вздох. Если вы и впредь собираетесь следить за мной, вам стоит предупредить своих людей.

— Пятница, я обычно никогда за тобой не слежу. С тобой лучше обходиться «проверочными пунктами». К счастью для нас всех, ты уцелела. Хотя все терминалы моих агентов в Сент-Луисе были поставлены на прослушку правительством, какую-то пользу они все же мне принесли. Когда кто-то трижды пытался связаться с нами в Сент-Луисе и ни разу не был засечен, мне тут же доложили об этом, и я подумал, что это, должно быть, ты... Потом узнал точно, что ты, — когда ты добралась до Фарго.

— А кто был «ваш» в Фарго? Тот «спец», у кого я купила документы и прочий хлам?

Босс сделал вид, что не слышал вопроса.

— Пятница, у меня еще много дел. Продолжай доклад и, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Я покинула экспедиционный корабль, когда мы были уже в Империи, добралась до Сент-Луиса, обнаружила, что ваши контактные коды подвергаются проверке, уехала в Фарго, как вы справедливо заметили, пересекла границу Британской Канады километрах в двадцати шести от Пембины, отправилась в Ванкувер, сегодня — в Беллингхем и сейчас нахожусь перед вами.

— Какие-нибудь трудности?

— Нет, сэр.

— Какие-нибудь детали, представляющие профессиональный интерес?

— Нет, сэр.

— Зафиксируй доклад со всеми подробностями на пленку и отдай персоналу для аналитического исследования. Побольше

фактов, поменьше собственных заключений и оценок. Я пошлю за тобой недели через две-три. А с завтрашнего утра ты приступишь к школьным занятиям. С девяти ноль-ноль.

— Что-что?

— Не тарашь глаза, красивым женщинам это не идет. Пятница, твои действия я считаю удовлетворительными, но настало время тебе приступить к твоей настоящей работе. Вернее сказать, к твоей настоящей работе на данном этапе. Ты чудовищно невежественна. Мы это поправим. Итак, завтра, в девять ноль-ноль.

— Слушаюсь, сэр. (Я — невежественна? Вот нахальный старик! Черт, как же я была рада его видеть, только... Это инвалидное кресло меня здорово расстроило.)

22

«Паджаро» раньше был модным курортным отелем. Он расположен в тихом местечке на Монтерейском Утесе, неподалеку от тихого городка, Уотсонвиля. Уотсонвиль — один из самых больших портов в мире, откуда экспортируют нефть, и по вкусу и цвету он похож на холодный блинчик без варенья. Ближайшие развлечения — казино и бордели — находятся в пятидесяти километрах отсюда, в Кармеле. Но я лично не люблю рулетку и мало интересуюсь платным сексом, пусть даже его экзотическими формами, распространенными в Калифорнии. Немногие из команды Босса посещали Кармел, поскольку для прогулки верхом на уик-энд это далековато, рейсовых капсул не было, а что касается гравилетов, то, несмотря на либеральное отношение калифорнийских властей к самоходным и самолетным агрегатам, Босс разрешал использовать их только для деловых турне.

Большим развлечением для нас в «Паджаро» была красота природы, из-за которой он и был построен, — море, песок, закаты...

Я очень увлеклась серфингом, но когда научилась как следует управляться с доской, он мне надоел. Я много плавала, загорала на песке, наблюдала за огромными нефтяными танкерами, выходящими в море, и с удовольствием замечала, что дежурившие на мостиках «впередсмотрящие» очень часто смотрят не вперед, а назад (на меня!), причем через сильные бинокли.

Всем нам было отнюдь не скучно — ведь у каждого имелся свой персональный компьютер с полным набором услуг. Люди настолько привыкли сегодня к компьютеру, что нередко забывают, каким «окном» в целый мир может служить обычный терминал. Некоторые, и часто — я сама, пользуются компьютером лишь для заполнения счетов, телефонных звонков и прослушивания последних известий и тем самым здорово сужают рамки его возможностей. Если обладатель компьютера согласен немного заплатить за услуги, терминал может дать ему практически все — любые наслаждения, кроме тех, что получают в постели.

Музыка? Я могу заглянуть на сегодняшний концерт в Беркли, но это еще что — я могу заглянуть на концерт, состоявшийся в Лондоне десять лет назад, и эффект присутствия будет точно такой же, как на любой сегодняшней программе. Электронам нет дела до времени, как только какая-то информация попадает в компьютерную сеть, время для нее застывает, и все, что необходимо помнить, это — необъятное наследие прошлого всегда к вашим услугам, стоит лишь набрать нужный код.

Босс послал меня в школу, состоящую лишь из компьютерного терминала, и в этой школе у меня было гораздо больше возможностей, чем у любого студента Оксфорда, Сорбонны и Эдинбурга в далеком прошлом.

Сначала мне вообще казалось, что школа — это какой-то камуфляж. В мой первый день в «Паджаро» мне было сказано, чтобы я доложила о себе главному библиотекарю — милому, добрейшему старикану профессору Перри, — с которым я познакомилась, еще когда проходила основной курс подготовки. Он здорово суетился сейчас — еще бы, библиотека Босса наверняка оказалась самой громоздкой и сложной для перевозки из Империи в «Паджаро». У профессора Перри, вне всяких сомнений, впереди была огромная работа на недели, а то и на месяцы — по приведению всего его хозяйства в полный порядок... Тем временем Боссу придется довольствоваться порядком относительным. Да и чудаческая привязанность Босса к бумажным книгам, составлявшим большую часть его библиотеки, а не к кассетам, дискам и микрофильмам — не облегчала задачу старика Перри.

Когда я явилась к нему и доложила о себе, он посмотрел на меня без особой радости, указал на небольшой закуток в углу и сказал:

— Мисс Пятница, почему бы вам не сесть вон там?

— А что я должна делать?

— А? Ну... Пока трудно сказать. Но, вне всяких сомнений, мы скоро получим указания. М-мда... Я, видите ли, сейчас очень занят, мм-м... И помощников у меня чрезвычайно мало, а без них я — как без рук... Так вот, может быть, вы, чтобы как-то войти в нашу атмосферу, э-ээ, займетесь чем-нибудь, что... вам самой по душе, а? Познакомитесь с оборудованием... Да-да, с оборудованием. Словом, приступайте.

Ничего особенного в здешнем оборудовании не было, разве что добавочные клавиши на приборной доске компьютера, обеспечивающие прямую связь с несколькими крупнейшими библиотеками мира — Гарвардской, Вашингтонской, Атлантического Союза, Британским музеем, — минуя обычную бюрократическую процедуру. Да, и еще — уникальная возможность прямого доступа к личной библиотеке Босса. Я легко могла бы читать его бумажные книги на своем терминале, если бы захотела, даже не прикасаясь к фолиантам, а переворачивая страницы простым нажатием клавиши.

Этим утром, торопливо ища индекс лучшей в Республике

Одинокой Звезды Туланской университетской библиотеки, чтобы раздобыть историю старого Висксберга, я натолкнулась на антологию спектральных различий звезд и... Не могла от нее оторваться. Почему? Сама не знаю, со мной иногда бывает такое.

Я все еще читала трактат об эволюции звезд, когда меня отвлек профессор Перри, предложив сходить пообедать. Мы пошли, но перед этим я быстренько набросала для себя заметки о том, какого рода математические пособия мне понадобятся, — астрофизика захватила меня, но чтобы хоть чуть-чуть разобраться в ней, нужно знать ее язык.

В этот день я позанималась еще немного старым Висксбергом, отыскала забавную музыкальную пьесу, когда-то поставленную в этом городе, а остаток дня провела, глядя и слушая бродвейские мюзиклы тех счастливых лет, когда Северо-Американская Федерация еще не раскололась вдребезги. Почему, интересно, сейчас уже невозможно писать такую музыку? Наши предки умели веселиться! Я лично получила массу удовольствия от «Принца-студента» и от «Моей прекрасной леди» и отметила для себя еще десяток подобных, чтобы просмотреть их потом (это и называется «ходить в школу?»).

На следующий день я решила как следует заняться изучением серьезных предметов, в которых мало разбиралась, — я резонно решила, что, как только мои преподаватели укажут мне на мою сферу, у меня не останется времени на что-то для души. Еще бы! Прежние тренировочные курсы в системе Босса отнимали у меня куда больше двадцати четырех часов в сутки. Но за завтраком моя подруга Анна спросила меня:

— Пятница, что ты можешь сказать мне о влиянии Людовика Одиннадцатого на французскую лирическую поэзию?

Я расстерянно заморгала ресницами.

— Это — как приз в лотерее? Для меня «Людовик» звучит, как название сыра. Единственный французский стишок, который я знаю, — это «Мадемуазель из Армантьера», но он, наверное, не в счет...

— А профессор Перри сказал, что об этом надо спросить именно тебя.

— Он просто разыграл тебя, — пожала я плечами и пошла в библиотеку. Там я сразу наткнулась на старика Перри.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась я с ним. — Анна сказала, что вы послали ее ко мне, спросить про влияние Людовика Одиннадцатого на французскую поэзию.

— Да-да, — конечно, но... Вы бы не могли сейчас не мешать мне, а? Тут такая сложная программа попалась... — И он уткнулся в свои программы, забыв о моем существовании.

Расстерянная и слегка раздраженная, я взялась за Людовика № 11. Через два часа я вышла глотнуть свежего воздуха. Я ничего не выяснила насчет поэзии — насколько я могу судить Людовик-Паук в жизни не придумал ни одной рифмы и даже не

покровительствовал искусству. Но я много чего узнала о политической жизни в пятнадцатом веке... Жуть! По сравнению с нравами той эпохи мои собственные маленькие переделки показались мне детскими играми.

Остаток дня я посвятила французской лирической поэзии, начиная с 1450-го. Недурные стихи. Во всяком случае, некоторые. Французский язык больше подходит для лирических стихов, чем английский, — чтобы извлекать красоту из английского, нужен как минимум Аллан Эдгар По. Немецкий же вовсе не годится для поэзии, причем настолько, что переводы звучат лучше, чем оригиналы. В этом, конечно, не виноваты ни Гете, ни Гейне, — сам язык уж больно противный. Испанский — настолько музыкален, что реклама пудры звучит на нем более поэтично, чем самые лирические строки на английском. Испанский язык сам по себе так красив, что стихи на нем звучат даже лучше, если читатель не знает испанского и не понимает смысла.

Мне так и не удалось установить, какое влияние на французскую лирику оказал Людовик Одиннадцатый, если он вообще оказал хоть малейшее.

Однажды, в очередное утро я обнаружила, что мой закуток в библиотеке занят. Я вопросительно взглянула на главного, и он с видимой досадой оторвался от своих дел.

— Да-да, у нас сегодня, знаете ли, как-то народу прибавилось... М-да, вы... Вот что, мисс Пятница, а почему бы вам не пользоваться терминалом в вашей собственной комнате? У него точно такие же возможности, а если вам будет нужна моя консультация, вы можете получить ее даже проще, чем сидя здесь, — наберите семерку, а потом ваш личный код, и я заложу в свой компьютер программу, дающую вам все преимущества, — вас сразу соединят со мной. Идет?

— Замечательно, — кивнула я. Мне была по душе товарищеская обстановка в библиотеке, но у себя в комнате я могу в любой момент, когда мне захочется, скинуть с себя всю одежду, не боясь смутить папашу Перри. — Что я должна изучать сегодня?

— Господи!.. Неужели нет предмета, который бы вас интересовал и которому вы сами хотели бы посвятить несколько... м-мм, несколько дней? Мне не хочется тревожить Первого по таким пустякам.

Я пошла к себе и взялась за историю Франции, начиная с Людовика Одиннадцатого, что привело меня к новым колониям в Атлантике, а оттуда к экономике, а потом к Адаму Смиту и политическим наукам. Я пришла к заключению, что Аристотель был не дурак, а это привело меня к выводу, что Платон был попросту напыщенным жуликом. Все это вместе явилось причиной того, что меня трижды звали к обеду, а последний звонок сообщил, что опоздавшим останется лишь холодная закуска. Наконец, в четвертый раз, позвонила Рыжик и пообещала притащить меня в столовую за волосы, если я сейчас же не спущусь сама.

Босиком, в одном комбинезоне я сбежала вниз. Анна осведомилась, чем это я таким срочным занималась, что совсем не «по-пятницки» забыла о еде — она, Рыжик и я обычно обедали вместе.

— Забывала себе мозги всякой всячиной, — сказала я, — и теперь вы имеете дело с главной всезнайкой и мировым авторитетом на всем белом свете.

— В какой области ты всезнайка? — поинтересовалась Рыжик.

— Во всех. Спрашивайте — отвечаю. На легкие вопросы — сразу, на трудные — завтра утром.

— Ну-ка, докажи, — хмыкнула Анна. — Сколько ангелов уместится на кончике иголки?

— Это очень легкий вопрос. Измерьте площадь ступней у ангелов, измерьте площадь кончика иголки, разделите первое число на второе — и получите точный ответ. Это может сделать любой школьник.

— Экая ты умница. Как изучить хлопок в ладоши?

— Нет ничего проще. Включи любой терминал на запись звука, хлопни в ладоши, а потом проигрывай это место на пленке и изучай сколько хочешь.

— Рыжик, попробуй ты.

— Какова численность проживающих в Сан-Жозе?

— Это — трудный вопрос! Завтра утром получишь ответ.

Эта карусель продолжалась около месяца, пока до меня не дошло, что кто-то (конечно же, Босс) пытается заставить меня стать «великой всезнайкой» и «мировым авторитетом». Кстати, в одно время действительно был один такой «мировой авторитет». Я набрела на него, пытаюсь разобраться в одном из бессмысленных вопросов, часто неизвестно откуда появившихся на моем терминале, — вопрос был таков: «Установите компьютер на положение поиска, введите параметры в следующей последовательности: "Североамериканская культура", "Англоязычная", "Середина XX века", "Комедии", "Мировой Авторитет", ожидаемый ответ — "Профессор Ирвин Корей"». Этот парень действительно разбирался в юморе.

Вот так меня «откармливали» информацией, как рождественского гуся.

И все же это было чудесное время. Очень часто мои близкие друзья, а их у меня было здесь не меньше дюжины, приглашали меня разделить с ними койку — не помню, чтобы я хоть раз кому-то отказала. Свидания назначались обычно днем, когда мы все плавали и загорали, и это добавляло прелесть солнечным ваннам и купанию. Все делали это здесь так ласково и просто, что не составляло труда ответить, скажем: «Прости, Теренс предложил первый. Может, завтра? Нет? Ну, ладно, тогда на днях», — и никаких обид. Одним из недостатков С-брака, к которому я когда-то была привязана, было

то, что любовные расписания составлялись исключительно мужчинами по неведомому протоколу, который никто мне никогда не удосужился объяснить. И всегда в этом присутствовала какая-то неловкость.

Количество глупейших вопросов на моем терминале возрастало. Лишь только я более или менее ознакомилась с искусством керамики Мингов, как терминал сообщил мне, что кто-то из нашей команды хочет разобраться во взаимосвязи мужских бород, женских юбок и цен на золото. Я уже научилась не высказывать удивления, сталкиваясь с любыми нелепостями, — в окружении Босса к ним быстро привыкаешь, — но это уже, по-моему, сверхнелепость. Почему здесь должна быть хоть какая-то взаимосвязь? Бороды меня никогда не интересовали: они колются и часто бывают грязными. В женских юбках я вообще не разбираюсь — почти никогда их не носила. Они, конечно, иногда неплохо смотрятся, но для путешествия крайне неудобны — носи я юбки, меня уже три-четыре раза могли легко пришить. Ну, а дома... Зачем вообще прикрывать шкуру дома?

Но я давно уже научилась не отбрасывать вопросы лишь потому, что они кажутся очевидной нелепостью. Я ввела в компьютер все данные, пришедшие мне в голову, исходя из самых неожиданных ассоциаций и личных домыслов. Затем велела машине рассортировать все на несколько категорий. Черт!.. Кажется, и впрямь наметилась какая-то связь!

Когда набралось достаточно категорий, стало ясно, что единственный способ охватить глазом все вместе, это — велеть компьютеру составить график в трех измерениях. Получилась такая многообещающая картинка, что я перевела ее в цветное и голографическое изображение. Красота! Не знаю, почему три исходных параметра сочетались друг с другом, но они сочетались. Остаток дня я провела, манипулируя на все лады с разными шкалами, меняя местами икс, игрек и зет, вертя в разные стороны изображение, пока... Пока не заметила бледную синусоиду, мелькнувшую при вращении картинки. Тогда вдруг, сама не знаю почему, я решила ввести в машину двойной график возникновения солнечных пятен, и...

Эврика! Просто и ясно, как керамическая ваза Мингов! Еще до обеда я получила уравнение — одну строчку, включающую в себя всю идиотскую информацию, которую я умудрилась извлечь из компьютера. Я набрала код начальника «команды» и записала это уравнение, добавив несколько возможных вариаций без всяких комментариев со своей стороны, — мне хотелось заставить безымянного шутника поинтересоваться моим собственным мнением.

В ответ я получила обычную реакцию, то есть — нулевую.

Весь следующий день я провела в ожидании и от нечего делать доказывала самой себе, что, вытащив любой групповой снимок любого временного периода, я могу по мужским лицам и женским

ногам почти точно определить взлеты и падения золотого курса, соотнеся время снимка с двойным графиком возникновения солнечных пятен, а кроме того — что самое поразительное, — могу сказать, распадается ли в данное время данная политическая структура, или, наоборот, консолидируется.

Вечером на терминале раздался сигнал. Экран осветился, но звонивший, как обычно, не продемонстрировал свою персону, и я прочла лишь появившийся на экране текст: «Просьба произвести быстрый и тщательный анализ возможности того, что эпидемии чумы в шестом, четырнадцатом и семнадцатом веках возникли в результате политического заговора.»

Ну и ну! Что за маньяки меня донимают в этой «школе»? Что ж, ладно, вопрос настолько сложен, что меня долго никто не будет тревожить. Это меня вполне устраивало — я уже так пристрастилась к подобным играм с компьютером, со всеми его громадными возможностями и доступом к Всемирной информационной сети, что это стало для меня своего рода наркотиком. Я принялась вводить в список самые разнообразные предметы без всякого ограничения по самым отдаленным ассоциациям: чума, эпидемиология, блохи, крысы, Даниэль Дефо, Исаак Ньютон, заговоры, масоны, Кеннеди, Освальд, испанская инфлюэнца, санитарный контроль, и так далее, и тому подобное. Через три дня мой список предметов, могущих иметь хоть какое-то отношение к проблеме, был раз в десять длиннее.

Через неделю я поняла, что на тщательный анализ всех предметов в моем списке одной жизни не хватит. Но мне было сказано, изучить проблему и сделать тщательный анализ, и я взялась за дело. Правда, в слово «быстрый» я вложила собственное понимание: я решила работать не менее пятидесяти часов в неделю, но в том темпе и по тем часам, которые удобны мне... И так до тех пор, пока кто-нибудь не объяснит мне, почему я должна лезть из кожи вон и менять удобный для меня дневной распорядок.

Так продолжалось несколько недель, а потом как-то ночью меня разбудил сигнал чрезвычайной связи на терминале — и я отключила компьютер перед тем как забралась в постель. (Одна. Почему? Не помню.)

— Ну, ладно-ладно, — сонно пробормотала я, — говорите, если уж так не терпится.

На экране не возникло никакого изображения, лишь голос Босса спросил:

— Пятница, когда произойдет следующая вспышка эпидемии «черной смерти»?

— Через три года, — автоматически отреагировала я, — в апреле... Начнется в Бомбее и тут же распространится по всему свету. И в космосе — на первом же пассажирском корабле.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Я уронила голову на подушку и моментально заснула. Проснулась я, как обычно, ровно в семь и сразу задумалась, пытаюсь

понять: действительно ли я разговаривала ночью с Боссом и дала ему этот абсурдный ответ? Ладно, Пятница, что толку лежать и вспоминать, — бери быка за рога.

Я набрала номер «Первого»:

— Босс, это Пятница, насчет того, что я вам сказала ночью... У меня, кажется, было временное помешательство, Босс...

— Чушь. Жду тебя в десять пятнадцать.

У меня было сильное желание провести следующие три часа в позе лотоса, распевая псалмы и перебирая четки, но... Я глубоко убеждена в том, что даже конец света не обязательно встречать, не позавтракав. Это было правильное решение, потому что на завтрак сегодня подали: свежие финики со сливками, жареную ветчину, залитую яйцами, английские булочки, апельсиновый мармелад и колумбийский кофе с молоком. Меню так порадовало меня, что целый час после завтрака я пыталась проследить математическую связь между всей предыдущей историей чумы и датой, которую я выплюнула со сна. Это долго не удавалось, а когда в мозгу наконец забрезжило какое-то подобие графика, мой терминал звякнул три раза, напоминая о randevu с Боссом.

Я не стала стричься наголо и брить затылок для удобства палача, но в кабинет Босса вошла на цыпочках.

— Пятница явилась, сэр.

— Садись. Почему Бомбей? Я полагал, что ты назовешь Калькутту.

— Думаю, это связано с предсказаниями погоды и муссонами. Блохи не переносят сухой жаркий климат. На восемьдесят процентов тело блохи состоит из воды, и когда эта цифра падает ниже шестидесяти, насекомое умирает. Таким образом, сухой жаркий климат приостановит распространение эпидемии. Но, Босс — все — чушь! Вы разбудили меня посреди ночи, задали идиотский вопрос, и я выдала вам спросонок идиотский ответ. Может быть, я отвечала во сне, последнее время у меня часто случаются кошмары, снится черная смерть, а кроме того... Когда-то эпидемия действительно началась с Бомбея. В 1836-м. И пошла дальше...

— Не так далеко, как из Гонконга, — тремя годами раньше. Пятница, аналитический отдел нашей Организации выдал расчет, из которого следует, что эпидемия «черной смерти» разразится не раньше чем через год после названной тобой даты. И начнется не в Бомбее, а в Джакарте и в Хошимине.

— Но это же нелепость!.. — вырвалось у меня, но я тут же прикусила себе язык. — Простите, сэр, кажется, мне опять снится какой-то кошмар. Босс, нельзя ли мне заняться чем-нибудь более приятным, чем блохи, крысы и «черная смерть»? Я от всего этого паршиво сплю.

— Можно. Можешь перейти от чумы к...

— Ура!..

— К любому предмету, будущему в тебе любопытство и желание

связать концы с концами в каком-нибудь запутанном клубке. Что же касается чумы, Организация займется всеми необходимыми приготовлениями. Действовать мы будем, основываясь на твоём предсказании, а не на математическом расчёте аналитического отдела.

— Я могу лишь ещё раз повторить: моё предсказание — чушь.

— Пятница, самое слабое твоё место, это — неспособность осознать свою истинную силу. Хороши бы мы были, если бы стали действовать, исходя из математического анализа, а взрыв разразился бы на год раньше? Это явилось бы полным крахом. Принятие же необходимых профилактических мер на год раньше срока практически ничем не грозит, вреда от этого не будет никакого.

— Мы что, собираемся предотвратить это? (На всем протяжении своей истории люди сражались и с блохами, и с крысами. Пока что счёт ничейный.)

— Господи, да нет же, конечно! Прежде всего, дело слишком велико для нашей Организации. Впрочем, нет, это — во-вторых. А во-первых, я никогда не берусь за дела, которые не могу выполнить, а данное — как раз из этой серии. В-третьих, с чисто человеческой точки зрения, любая попытка приостановить процесс уменьшения населения в перенаселённых городах носит антигуманный характер. Смерть от чумы — противная штука, но быстрая. Смерть от голода не менее противна, но... Длится она гораздо дольше. — Босс вздохнул, помолчал немного и добавил. — Наша организация сосредоточится на проблеме: как не допустить распространение «чёрной смерти» за пределами этой планеты. Как это сделать? Отвечай сразу!

(Чудеса! Задайте подобный вопрос медицинскому департаменту при любом правительстве — он выделит специальную исследовательскую группу, выбьёт себе специальные исследовательские фонды и добьётся установления «нормального» срока для проведения фундаментальной исследовательской работы — лет пять, не меньше.)

Я ответила сразу:

— Взорвать их.

— Взорвать колонии в космосе? Кошмарное решение проблемы.

— Да нет, взорвать блох. Во время мировых войн двадцатого столетия кто-то обнаружил, что от вшей и блох можно избавиться, поднявшись на определённую высоту. Их там разрывает. Высота, м-м, километров пять... Впрочем, это легко установить экспериментальным путём. Я обратила на это внимание, потому что станция антиграва в Кении находится явно выше критической точки, а почти все космические вылеты с планеты совершаются оттуда. Кроме того, есть обычные методы — прожарка, просушка. Они достаточно эффективны, но не так быстры. Но главное, Босс, это никаких исключений. Достаточно одного экипажа, одного груза, по «дипломатическим» причинам избежавшего процедуры, и — все. Достаточно одной комнатной собачки, одной кошки, одной

лабораторной морской свинки, и... Если это примет легочную форму. Эль-5 опустеет за неделю. Луна-Сити — тоже.

— Если бы у меня не было другой работы для тебя, я поручил бы тебе возглавлять операцию. Ну, а что с крысами?

— Не надо мне такой работы, меня от нее тошнит. Босс, убить крысу чрезвычайно просто: нужно засунуть ее в мешок... А потом можно бить по мешку топором, можно прошить его полями, можно утопить, можно сжечь и развеять пепел по ветру. Пока вы будете этим заниматься, самка произведет на свет следующую порцию крысят, и вам придется иметь дело уже не с одним мешком, а по меньшей мере с дюжиной. Босс, все, что мы можем сделать с крысами, это — загонять их в угол. Но победить их мы не можем. Более того, стоит нам на мгновение зазеваться, как крысы тут же возьмут верх. Я... — Я вздохнула. — Я думаю, они следующие на очереди, и ждут лишь своего часа.

Черт возьми, это дурацкое задание, связанное с чумой, здорово расстроило меня.

— Поясни свою мысль.

— Если гомо сапиенс суждено исчезнуть, а этот вид делает все, чтобы покончить с собой, то... Крысы стоят на стреме и всегда готовы занять его место.

— Чушь. Маразматический бред. Пятница, ты преувеличиваешь человеческое стремление к вымиранию. В течение многих поколений у нас были возможности загубить всю нашу расу, эти возможности находились в самых разных руках. Но мы этого не сделали. С другой стороны, чтобы заменить собой нас, крысам придется отрастить огромные черепа, а затем и тела, чтобы носить эти черепа. Придется научиться ходить на двух задних лапах, а передними — совершать самые сложные манипуляции. Словом, чтобы заменить человека, иная порода должна превратиться в человека. Бред. Забудь об этом. Прежде чем мы оставим тему чумы, скажи, что ты думаешь о заговорах в этой связи?

— Глупое предположение. Речь шла о шестом, четырнадцатом и семнадцатом веках, а это означает... плавучие корабли или караваны кораблей и полное незнание с бактериологией. Допустим, кто-то развел миллион крыс и напичкал их блохами — довольно просто. Крысы и блохи заражены кем-то чумными бактериями — тоже несложно, даже не зная теории. Но как оружие поразит мишень? Как доставить оружие в нужное место — город, страну? На корабле? Через несколько дней весь миллион крыс, а заодно и команда, будут мертвы. По суше? Еще сложнее. Чтобы реализовать такой заговор в те времена, необходима современная наука и вместительная машина времени. Босс, кто придумал этот идиотский вопрос?

— Я.

— Я почему-то так и подумала. Зачем?

— Это заставило тебя изучить проблему в гораздо более

широком плане, чем если бы речь шла просто о вспышках эпидемии. Разве не так?

— Ну... — Я задумалась: и впрямь, я гораздо больше времени уделяла политике и истории, чем непосредственно эпидемии и самой болезни. — Наверное, да.

— Не наверное, а совершенно точно. Ты сама это знаешь.

— Ну, в общем, да. Знаете, Босс, не существует такого зверя, как точно доказанный заговор. Иногда, правда, они бывают чересчур хорошо доказанными, но все доказательства противоречат друг другу. Если заговор произошел давно — два-три поколения помнят о человеке по имени Джон Ф. Кеннеди?

— Да. Глава государства, Федерации в середине двадцатого века, расположенной между Канадой... я имею в виду Британскую Канаду, Квебеком и Мексиканским Королевством. Он был убит.

— Совершенно верно. Он был убит на глазах у сотен свидетелей, и каждая деталь этого убийства, включая его подготовку и все последствия, была установлена. И вся эта лавина фактов и свидетельств вылилась в следующее: никому не известно, кто его застрелил, сколько их было, сколько раз в него стреляли, почему это было сделано и кто организовал заговор, если таковой имел место. Невозможно даже установить, был ли заговор составлен за границей или же являлся изделием домашнего производства. Босс, если ничего нельзя сказать наверняка даже в этом сравнительно недавнем эпизоде, то как можно установить истину, когда речь идет о заговоре, скажем, против Юлия Цезаря. Все, что можно сказать в таких случаях наверняка, — это что официальную версию подобных событий писали люди, оказавшиеся в результате этих «заговоров» наверху, у власти. Эту версию мы и находим в исторических книгах и учебниках, и история эта столь же честна, сколько может быть честна автобиография властителя.

— Пятница, почти все автобиографии в принципе честны.

— Босс! За кого вы меня принимаете?

— Не шуми. Автобиографии, как правило, честны, но в них очень мало правды.

— Что-то я не улавливаю...

— Подумай об этом. Пятница, сегодня я не могу тратить на тебя время, ты слишком много болтаешь и часто меняешь темы. Теперь придержи язык, я кое-что скажу тебе. С этого дня ты переходишь на постоянную работу в штабе. Ты становишься старше, и твои рефлексy, естественно, замедляются. Я не стану больше рисковать и использовать тебя на открытой местности...

— Я, кажется, не жаловалась!

— Я сказал, придержи язык. Так вот, ты теперь при штабе, но это не значит, что ты прикована к креслу. Изволь проводить меньше времени за терминалом и больше — за тренировками. Настанет день, когда твои ускоренные реакции и усиленные физические способности вновь спасут тебе жизнь. И, возможно, не только тебе. Сейчас же

подумай о том времени, когда придется самой строить свою жизнь без чьей бы то ни было помощи: тогда тебе не стоит оставаться на этой планете, здесь тебе нечего делать. С балканизацией Северной Америки исчез последний шанс на возврат эпохи Возрождения, поэтому тебе стоит подумать о других вариантах — не только за пределами этой планеты, но и за пределами Солнечной системы. Обдумай все варианты, начиная от планет с примитивным уровнем цивилизации и вплоть до высочайшего. Исследуй возможности миграции туда и подсчитай, во что это примерно обойдется. Тебе понадобятся деньги... Ты хочешь, чтобы мои агенты вернули тебе ту сумму, на которую тебя обсчитали в Новой Зеландии?

— Откуда вы знаете, что меня... обсчитали??

— Ну, ладно-ладно, брось. Мы же с тобой не дети.

— Ну... Можно мне подумать?

— Да. Относительно будущей миграции — я бы не советовал перебираться на планету Олимпия. Других конкретных рекомендаций у меня нет, кроме самого факта миграции. Когда я был моложе, я думал, что сумею изменить этот мир. Сейчас я больше так не думаю, но по некоторым причинам эмоционального характера я должен продолжать действовать. Ты же — молода, и благодаря своему необычному рождению эмоционально не очень привязана к той части человечества, которая проживает здесь, на Земле. Я не мог говорить об этом, пока ты не обрубил свои эмоциональные привязанности в Новой Зеландии...

— Я не «обрубала» их, это мне там дали пинка под зад!

— Пусть так. Пока ты будешь думать, взгляни на шкалу капризов Бенджамина Франклина, а потом скажи мне... Вернее, скажи самой себе: переплатила ли ты за свой «каприз», или нет. С этим — все... Тебе два задания: изучить аккумуляторную корпорацию «Шипстоун», вернее, весь этот комплекс, включая его внешние связи с другими корпорациями. И второе: когда мы увидимся в следующий раз, я хочу, чтобы ты сказала мне, по каким признакам можно распознать больную культуру — культуру в самом широком смысле этого слова. Это все.

Босс переключил внимание на свой письменный стол, и я поднялась с кресла. Но мне было нелегко принять такую резкую отставку, да еще без права задать мучившие меня вопросы.

— Босс, у меня что, теперь не будет никаких обязанностей? Просто какие-то беспорядочные занятия которые никому не нужны?

— Первое: они очень нужны мне. Второе: обязанностей у тебя две. Первая: изучать различные предметы. Вторая: быть готовой к тому, что тебя разбудят среди ночи или остановят в столовой и зададут дурацкий вопрос.

— И все?

— А что ты хотела? Ангелов, играющих тебе марш гладиатора?

— Ну... — Я смешалась. — Например, звания. Раньше я называлась курьером, а кто я теперь? Изобретатель-одиночка?

— Пятница, у тебя почему-то развивается бюрократическая жилка. Вдруг тебе понадобилось «звание»!.. Что ж, очень хорошо. Ты штатный интуитивный аналитик, подчиняющийся непосредственно и только мне. Но звание это дается вместе с предписанием: тебе запрещено обсуждать что-либо более серьезное, чем карточные игры, с любыми членами аналитической группы генерального штаба. Спи с ними, если тебе угодно, — я знаю, ты это очень часто делаешь, не отдавая особого предпочтения кому-то одному, — но держи язык за зубами.

— Босс! Мне бы очень хотелось, чтобы вы поменьше времени проводили у меня под кроватью!

— Я трачу на это столько времени, сколько требует гарантия безопасности Организации. Пятница, ты же прекрасно понимаешь, что отсутствие «глаз» и «ушей» сегодня означает лишь то, что они очень хорошо замаскированы. И будь уверена, я совершенно бесстыден, когда речь идет об охране и безопасности дела.

— Да, уж бесстыдства вам не занимать. Босс, ответьте мне еще на один вопрос: кто стоит за Красным Четвергом? Третья волна практически провалилась... Будет четвертая? Что вообще все это значит?

— Изучи этот вопрос сама и сама найди ответ. Если ответ тебе дам я, ты не узнаешь его, а просто получишь. Изучи все как следует, и однажды ночью, когда ты будешь спать одна, я спрошу тебя об этом, ты ответишь мне и таким образом сама узнаешь истину.

— Мать честная!.. Вы что, всегда знаете, когда я сплю одна, а когда — нет?

— Всегда, — кивнул он и добавил: — Все, ты свободна.

23

Выходя из святой святых, я столкнулась с Рыжиком и едва кивнула ей. Я здорово разозлилась, но Рыжик, конечно, была ни при чем... Босс, черт бы его побрал! Надменный, бесстыжий всезнайка! Я пошла к себе в комнату и взялась за работу, чтобы перестать злиться.

Прежде всего я запросила все названия и адреса всех корпораций «Шипстоун». Пока список печатался, я затребовала у компьютера историю всего комплекса. Компьютер выдал сразу две: официальную историю компании вместе с краткой биографией Дэниэля Шипстоуна и неофициальную — под названием «сплетня». Затем машина предложила еще несколько версий. Я велела распечатать обе «истории» и сделать краткие выжимки остальных версий, а потом глянула на список корпораций:

Дэниэль Шипстоун Инкорпорэйтед
Исследовательская Лаборатория

Шипстоун Никогда-Никогда
Шипстоун Эль-4

Памяти Мюриэл Шипстоун
Шипстоун Темп

Шипстоун Гоби
Шипстоун Аден
Шипстоун Сахара

Шипстоун Африка

Шипстоун Карро
Шипстоун Долина Смерти

Компания Кока-Кола Инк

Корпорация Колониальных
Внеземных систем
Корпорация Волчий След

Шипстоун Эль-5
Шипстоун Стационарная
Орбита

Шипстоун Тихо
Шипстоун Арес
Шипстоун Глубинные Во-
ды

Шипстоун Беспредел, ди-
митэд

Фонд Прометея
Монтгомери Инкорпорэй-
тед

Школа Билли Шипстоуна
для детей-инвалидов

Джек Шипстоун Антиграв
Ассоциация Морган

Фонд помощи беженцам
«Ниво»

Музей и школа изобрази-
тельных искусств Шип-
стоун

Этот перечень не вызвал у меня особого энтузиазма. Я, конечно, и раньше понимала, что комплекс «Шипстоун» огромен, — кто сейчас не пользуется повседневно по крайней мере дюжиной шипстоунских аккумуляторов, не считая основного в доме или квартире? Но, глянув на список, я прикинула, что на беглое знакомство с этим монстром у меня может уйти вся оставшаяся жизнь. А честно признаться, мне не очень-то хотелось посвящать этому всю жизнь — не так уж интересен был сам предмет.

Я сидела и бегло просматривала вылетающие из компьютера данные, не решаясь углубиться как следует в какую-нибудь одну корпорацию, и... Ко мне заглянула Рыжик и сообщила, что я пропустила тренировку.

— Кстати, — сказала она, — мне даны инструкции насчет тебя. Да-да, я должна следить, чтобы ты не слишком долго торчала у компьютера, не больше восьми часов в день. И в выходные ты должна отдыхать, как все.

— Ну, конечно. Старый пень не спускает с меня глаз... Тоже мне, всезнайка!

Мы пошли с ней в столовую.

— Пятница... — начала было она, но запнулась.

— Ну? Что ты замолчала, Рыжик?

— Ты, конечно, замечаешь, что Хозяин сейчас стал ворчлив и иногда тебе с ним... трудно.

— Иногда? С ним всегда трудно.

— Да-да... Ты хорошо его знаешь, но... Ты не знаешь, что сейчас он все время... Ему все время больно. — Она помолчала и добавила: — Он больше не может принимать наркотики, чтобы уменьшить боль.

Мы шли молча, пока я переваривала эту новость. Переварив, я спросила:

— Рыжик... А что с ним?

— Да, в общем, ничего особенного. Я бы сказала, что он еще неплохо себя чувствует... Для его лет.

— А сколько ему лет?

— Не знаю. Судя по тому, что я слышала, ему за сто. Но точно сказать не могу.

— Да нет! Не может быть... Рыжик, когда я начала работать на него, ему было не больше семидесяти. Ну да, он и тогда уже был на костылях, но... Прыгал, как кузнечик!

— Ну... В общем, это не важно. Просто ты должна помнить, что ему все время больно. И когда он бывает груб с тобой, это... Это в нем говорит его боль, а не он сам. Он здорово ценит тебя.

— С чего ты взяла?

— Ну... Впрочем, я и так слишком много наболтала о моем пациенте. Давай поедим.

* * *

Занимаясь комплексом корпораций «Шипстоун», я и не пыталась изучать сами шипстоунские аккумуляторы — для этого мне пришлось бы заново кончить школу, потом защитить докторскую в области физики, написать постдокторат по твердому состоянию и плазме, наняться на работу в одну из компаний «Шипстоун» и настолько поразить всех своей гениальностью и преданностью делу, чтобы меня допустили к последней части внутреннего цикла контроля за выпуском и качеством продукции.

Поскольку все это заняло бы по меньшей мере лет двадцать, мне нужно было начать в тринадцать. Полагаю, Босс ожидал от меня совсем иных действий. Поэтому сейчас я вам процитирую отрывок из официальной версии (можете называть это пропагандой):

«Прометей. Краткая биография и сокращенный перечень уникальных открытий Дэниэля Томаса Шипстоуна (далее полный перечень его научных званий и наград) и благотворной системы, им основанной.

...И вот однажды Дэниэль Шипстоун понял — его озарило! — что проблема состоит отнюдь не в нехватке энергии, а в ее транспортировке. Энергия существует везде и повсюду — в солнечном свете, в ветре, в землетрясениях, во всех полезных ископаемых, какие только можно отыскать, в угле, в нефти, в радиоактивных

металлах, наконец, даже в зелени на ваших огородах. В глубинах же океана и в космическом пространстве таится неисчерпаемые залежи энергии, превышающие нужды всего человечества.

Те, кто болтал об "энергетическом кризисе" и о необходимости "накопления энергии", ровным счетом ничего не смыслили и совершенно не разбирались в ситуации. Небеса готовы были развернуться энергетическим дождем, необходимо было иметь наготове лишь "корзину", чтобы поймать этот "дождь".

Вдохновляемый своей благородной женой Мэриэль, урожденной Гринтри, которая пошла работать, чтобы прокормить семью, молодой Шипстоун уволился с "Дженерал Атомик" и стал самым знаменитым из всех Американских Героев — изобретателем-одиночкой. Через семь голодных и нищих лет напряженнейшего труда он вручную собрал свой первый аккумулятор Шипстоуна. Он изобрел...»

Коротко говоря, он изобрел способ запихнуть такое количество киловатт-часов в столь малую массу и крошечное пространство, какое не снилось и не могло присниться ни одному инженеру. Назвать его изобретение «усовершенствованной аккумуляторной батареей», а в некоторых ранних исследованиях его так и называли, это все равно что назвать ядерную бомбу «усовершенствованным огнеметом». То, чего он достиг, явилось крахом громаднейшей индустрии, а заодно и организованной религии западного мира.

Что произошло дальше? Тут я, пожалуй, прибегну к истории «сплетен» и к некоторым другим независимым источникам, поскольку я не очень-то доверяю слащавенькой, приглаженной версии самой компании. Итак, диалог, а вернее, монолог, приписываемый «сплетнями» Мюриэль Шипстоун:

«Дэнни, милый, ты не будешь брать патент на свою игрушку. Что это тебе даст? Лет семнадцать, как минимум, со строгой изоляцией... А на трех четвертях планеты тебя и вовсе сживут со свету. Если ты попытаешься запатентовать эту штуку, и "Эдисон", и "Пи. Джи", и "Стандард Ойл" просто свяжут тебя претензиями, судебными преследованиями, исками и еще Бог знает чем. Но ты сам говорил мне, что ты можешь отдать эту штуку лучшей исследовательской группе, какую только можно собрать, и все равно они ни черта в ней не поймут: в лучшем случае она растечется у них между пальцев, а в худшем — разорвет их на куски. Ты сам говорил, да? Это правда?

— Конечно! Ведь они же не знают, как я вставил туда...

— Т-с-с!! Я не хочу этого знать. У стен есть уши. Мы не станем никому ничего объявлять или заявлять — мы просто начнем производство. Где сейчас самая дешевая энергия, а?»

Автор «сплетни» много упирал на «жестокую, бессердечную монополию», установленную комплексом «Шипстоун» и ударившую по нуждам «всех простых людей везде и повсюду». Честно говоря, я лично с этим не согласна. То, что было дорогостоящим и

лимитированным, Шипстоун со своими компаниями умудрился сделать дешевым и абсолютно доступным в любом количестве. По-вашему, это «жестоко»? «Бессердечно»?

У компаний комплекса «Шипстоун» нет никакой монополии на энергию. Им не принадлежат ни уголь, ни нефть, ни урановые разработки. Они арендуют большие пространства пустынных земель, но... Гораздо больше пустынных земель остаются неиспользованными, чем те, что находятся в распоряжении «Шипстоуна». Что касается космического пространства, то там вообще невозможно перехватить хотя бы один процент солнечной энергии от той, что неизбежно теряется внутри орбиты Луны, — попробуйте сами подсчитать, сколько миллионов уйдет на это, потому что, если подсчитаю я, вы никогда не поверите в результат.

Итак, в чем же они виноваты? Два пункта:

1. Компании «Шипстоун» виноваты в том, что они предоставляют энергию всему человечеству по ценам более низким, чем у их конкурентов.

2. Совершенно сознательно и чудовищно недемократично они отказываются делиться своим промышленным секретом последней стадии конструкции аккумулятора «Шипстоун».

Последнее в глазах множества людей и является главным пунктом обвинения. На моем терминале появилось множество печатных материалов под заголовками типа: «Право людей знать...», «Наглость гигантских монополий...» и тому подобных. Комплекс «Шипстоун», конечно, громаден, тут возразить нечего — ведь он снабжает миллиарды людей дешевой энергией, в которой эти миллиарды с каждым годом нуждаются все больше и больше. Но это никакая не монополия, поскольку им фактически не принадлежит ни один из видов энергии, они просто упаковывают энергию и доставляют ее туда, где в ней нуждаются. Миллиарды их покупателей могут разорить весь комплекс «Шипстоун» буквально за сутки, вернуться к прежним дням, то есть — начав сжигать уголь, леса, нефть, «сжигать» уран, распределяя энергию по континентам с помощью алюминиевых или медных проводов, а также длиннющими составами вагонов с углем и караванами танкеров с нефтью. Но никто, судя по информации на моем терминале, не желает возвращаться в те кошмарные прежние времена, когда весь пейзаж на планете был разнообразными способами изгажен и заплеван, и самый воздух был везде заражен канцерогенными отбросами, а невежественные толпы людей пугались ядерной энергии, как чумы... Впрочем, тогда вся энергия была и дорога, и крайне опасна. Нет, никто не хочет возвращаться в прошлое, даже самые яростные противники «Шипстоуна» нуждаются в дешевой и удобной энергии, но... Они мечтают, чтобы все компании «Шипстоун» как-нибудь незаметно исчезли.

«Люди имеют право знать» — а что имеют право люди знать? Дэниэль Шипстоун, вооружившись глубокими знаниями высшей

математики и физики, закрылся у себя в «подвале» на семь голодных, тяжких лет и своим умом дошел до такого аспекта одного из законов природы, который позволил ему создать «Шипстоун». Любой из людей, «имеющих право знать», волен поступить точно так же — ведь Дэниэль даже не запатентовал свой агрегат. Законы природы распространяются на всех, включая и неандертальцев. Таким образом, в данном случае беда тех, кто «имеет право знать», схожа с проблемой того, кто имеет «право» стать пианистом и давать сольные концерты, но при этом никак не желает учиться играть на фортепьяно. Впрочем, возможно, я сужу обо всем этом предвзято, поскольку никогда не была человеком и не имела никаких прав.

Независимо от того, предпочитаете ли вы слащавенькую версию компании, или «сплетни», основные факты о Дэниэле Шипстоуне и всем комплексе «Шипстоун» прекрасно известны и совершенно бесспорны. Что меня по-настоящему удивило (честно сказать, поначалу просто шокировало), это то, что я выяснила, когда начала копаться в собственности и управлении всего комплекса.

Первый шок я испытала, взглянув на распечатку основного списка компаний, входящих в комплекс «Шипстоун», но не имевших слова «Шипстоун» в своих названиях. Что я увидела? Если вы хотите выпить стаканчик кока-колы, вам приходится иметь дело... Правильно — с «Шипстоуном»!

Жан когда-то сказал мне, что за уничтожением Акапулько стояли международные корпорации — корпоративные государства... Это что же, значит, часть комплекса, основанного Дэниэлом Шипстоуном, то есть его доверенные лица велели уничтожить четверть миллиона ни в чем не повинных людей? И это те самые люди, которые содержат лучшие в мире больницы и школы для детей-инвалидов? Черт, да у меня самой есть акции «Монтгомери-Сиарс» — значит, и на мне лежит доля вины за взрыв Акапулько?

Я задала машине программу — составить схему внутреннего взаимодействия комплекса, а затем прикинуть, какое количество отделов и управлений в других компаниях подчинено руководителям компаний Шипстоуна. Результат был таков, что я запросила компьютер о процентном соотношении пакетов акций непосредственно самого комплекса «Шипстоун» с пакетами акций как бы самостоятельных компаний. Три дня я сортировала и изучала огромный поток информации, а затем записала сделанные мною выводы:

1. Комплекс «Шипстоун» является одной компанией и лишь выглядит как двадцать восемь отдельных организаций.

2. В собственности директоров и держателей акций комплекса «Шипстоун» находится (или держится ими под контролем) практически все, что предоставляет какое-то значение во всех главных территориальных государствах Солнечной системы.

3. «Шипстоун», вероятно, является всепланетным, а может, и всесистемным правительством, или правителем. Я не могу утверждать, действует ли «Шипстоун» в качестве такового, поскольку контроль за подобными действиями «Шипстоуну» пришлось бы (или приходится) осуществлять через корпорации, официально не входящие в империю «Шипстоун».

4. Это все меня здорово напугало.

Заметив кое-что, связанное с одной из компаний «Шипстоун» (Ассоциация «Морган»), я принялась копаться в кредитных компаниях и банках. Я ничуть не удивилась, а лишь еще больше расстроилась, когда выяснила, что компания, предоставившая мне кредит (Единая Карта Калифорнии), была на самом деле одновременно и той, которая обеспечивала этот кредит (Сириус и отделение «Южная Африка» на Луне), а заодно включала в себя и Визовую Карту, и Квебекский Кредит, и Мэйпл Лиф, и еще Бог весть что. Конечно, это было не очень ново, разные теоретики рассуждали об этом с тех пор, как я себя помню, но увидеть все это в цифрах, с неопровержимыми доказательствами...

Неожиданно для себя самой, по какому-то безотчетному импульсу, я вдруг задала вопрос компьютеру: «Кто твой владелец?»

В ответ загорелась надпись: «Нулевая программа».

Я перефразировала вопрос, подогнав его под язык компьютера, — дело в том, что компьютер, стоящий за моим терминалом, был очень умен и как правило «прощал» многие чисто человеческие обращения и формулировки. Обычно он вообще не обращал внимания на неформальные запросы и быстро «переваривал» их, но... Есть пределы в языке, за которые машина зайти не может, и подобный вопрос неизбежно потребовал семантического уточнения.

Вновь тот же ответ: «Нулевая программа».

Тогда, сосредоточившись и решив аккуратно вытащить из этой машины ответ, я сформулировала вопрос в самом строгом соответствии с компьютерным языком, компьютерной грамматикой и компьютерным «уставом»: «В чьем владении находится информационно-процессорная сеть, обладающая терминалами на территории Британской Канады?»

Высветился ответ, несколько раз поморгал и исчез... Причем исчез он без моей команды. Ответ был прост: «Требуемая информация в блоках моей памяти отсутствует».

Это повергло меня в такое уныние, что я плюнула на все дела, пошла купаться и выбрала себе партнера на предстоящую ночь, не дожидаясь, пока кто-нибудь сам не предложит разделить с ним койку. К этому меня побудила не врожденная похотливость, а какое-то странное одиночество — мне жутко захотелось ощутить рядом с собой теплое, живое человеческое тело, которое «защищило» бы меня от вооруженной интеллектом машины, отказывающейся сказать, кто (или что) она такая.

На следующий день за завтраком мне передали приказ Босса —

явиться к нему в 10.00. Я удивилась, потому что, на мой взгляд, прошло явно недостаточно времени для выполнения последних заданий: комплекс «Шипстоун» и признаки больных культур. Однако, когда я вошла к Боссу, он сразу вручил мне письмо в старомодном конверте с выведенным на нем адресом. Я узнала его моментально, поскольку сама посылала — Жанет и Жану. Удивило меня то, что письмо оказалось у Босса, ведь обратный адрес на нем был ложным. Я всмотрелась в конверт и увидела, что письмо было переадресовано адвокатской конторе в Сан-Жозе, той самой, через которую я в экстренных случаях могла связаться с Боссом.

— Ты можешь вернуть его мне, — сказал Босс, — и я перешлю его капитану Тормею... когда выясню, где он находится.

— Когда вы выясните, где находятся Тормеи, я напишу другое... Это я писала наугад. Как говорится, вслепую.

— Это заметно.

— Вы что, прочли его? (Это хамство, Босс!)

— Я читаю все, что адресовано капитану Тормею и его жене...

И доктору Перральту. По их собственной просьбе.

— Понятно. (Первый раз слышу! Что за чертовщина?) Я так написала... Ну, фальшивое имя и все остальное, потому что его могла вскрыть полиция, Виннипегская полиция..

— Вне всякого сомнения, они так и сделали. Полагаю, ты хорошо прикрылась. Сожалею, что не сообщил тебе, что вся почта, адресованная им, будет пересылаться мне. Именно так сейчас и происходит, если, конечно, полиция до сих пор просматривает корреспонденцию. Пятница, я не знаю, где сейчас Тормеи, но могу воспользоваться одним контактом... Могу воспользоваться им один раз, поэтому хочу сделать это, когда полиция снимет с них все обвинения. Я ожидал, что это произойдет уже несколько недель назад, но... Этого не произошло. Из чего я заключаю, что полиция в Виннипеге серьезно намерена повесить на Тормеев исчезновение лейтенанта Дикей, то есть предъявить им обвинение в убийстве. Разреши спросить тебя еще раз: может ли быть найдено тело?

Я задумалась, стараясь представить себе наихудший вариант. Если полиция все же проникла в дом... Что они могли там найти?

— Босс, полицейские побывали в доме?

— Конечно. Они обыскали дом через день после того, как его покинули хозяева.

— И они не нашли тела в утро того дня, когда я появилась здесь. Если бы они нашли тело позже, вы бы знали об этом?

— Думаю, да. Мои связи с этим полицейским участком оставляют желать лучшего, но все же я обычно располагаю свежей информацией, потому что плачу за нее.

— А вы знаете, что произошло со всеми их домашними животными? Четыре лошади, кошка с пятью котятками, свинка, может, еще какие-нибудь...

— А что тебе подсказывает твоя интуиция?

— Босс, я не знаю точно, каким образом спрятано тело, но Жанет... Я хочу сказать, миссис Тормей — архитектор, специализирующийся на двухступенчатой активной защите зданий. То, как она распорядилась со своими животными, подскажет мне, учитывала ли она малейшую возможность того, что тело в конечном счете может быть обнаружено.

— Хорошо. — Босс черкнул что-то у себя в блокноте, — мы обсудим это позже. Каковы признаки больной культуры?

— Ох, Босс, да ну вас, в самом деле! Я все еще копаюсь в этом комплексе «Шипстоун». Чтобы выяснить его подлинный объем...

— Ты никогда не выяснишь его подлинный объем. Я дал тебе сразу два задания, чтобы ты не заикливалась на одном, а чередовалась в работе. Это дает мозгам хорошую возможность отдохнуть. И не рассказывай мне сказки, будто ты вообще не думала о втором задании.

— Думала, но... Кое-что читала, конечно, и кое-какие прикидки у меня есть.

— Кстати, прочти обязательно Пенна — «Последние Дни Сладкой Земли Свободы».

— Слушаюсь, сэр. Плохой признак, когда люди страны прекращают отождествлять себя со страной в целом и начинают отождествлять себя с какой-то группой внутри страны. С расовой, допустим. Или с религиозной. Или с языковой... Словом, с чем угодно, но только не со всем населением.

— Да, это очень плохой признак. Сепаратизм. Когда-то он считался испанским пороком. Но, в принципе, любая страна может заболеть этим.

— Я очень мало знаю об Испании. Доминирование мужчин над женщинами тоже один из дурных симптомов, как, наверное, и обратное явление. Я, правда, об этом не слышала в современной истории, но ведь может случиться и такое, правда, Босс?

— А вот это ты мне должна сказать. Продолжай.

— Насколько я понимаю, перед какой-либо революцией население должно утратить доверие к полицейским и судебным структурам.

— Это элементарно. Продолжай.

— Ну... Важное значение имеет повышение налогов и, само собой, инфляция и понижение уровня жизни тех, кто целиком или частично находится на дотации государства. Но это все старые песенки — ведь каждый знает, что если у страны растет дефицит бюджета, то страна катится в пропасть, но никто и пальцем не шевелит. За исключением бесплодных попыток уладить дело с помощью улучшения законодательства. Но я начала разбираться с небольшими признаками — некоторые называют их приметами. Ну, например, вы знаете, что здесь запрещено законом находиться раздетой за пределами своего дома? Или даже внутри вашего собственного дома, если кто-то может это увидеть?

— Трудно заставить людей соблюдать это. Что тебя в этом заинтересовало?

— А никто и не заставляет. Но в то же время это и не отменяется. Конфедерация буквально напичкана подобными законами. Мне кажется, что любой закон, который невозможно заставить соблюдать и который поэтому не соблюдается, ослабляет и все остальные законы. Босс, вам известно, что Калифорнийская Конфедерация субсидирует проституток?

— Не замечал. Чего они добиваются? Зачем это нужно? Для вооруженных сил? Для пополнения тюрем? Для сохранения «отбросов общества»? Должен признаться, ты меня удивила.

— Да нет, вы меня не поняли. Правительство платит им за то, чтобы они не раздвигали ножки. Цель: чтобы их вообще не было на товарном рынке. Итак, их тренируют, обучают, им выдают лицензии, медицинские свидетельства и... «Замораживают» государственной субсидией. Только это не работает. Знаете, почему? А потому что эти «дипломированные артистки» спокойноенько получают по своим кредиткам субсидии и... Тут же выходят на улицу и начинают влиять хвостом и раскачивать бедрами. И это в то время, когда по закону они не должны этого делать даже для собственного развлечения, поскольку это сбивает цены и задевает права несубсидируемых «фей». Теперь профсоюз этих «артисток», который яро выступал когда-то за то, чтобы узаконить проституцию, пытается выработать какие-то поправки к существующему закону о субсидиях... Которые точно так же не будут работать.

— А почему они не будут работать?

— Босс, ведь кто-то из древних еще говорил, что не может работать закон, повелевающий реке течь вспять. Вы разве не в курсе?

— Я хотел убедиться, что ты в курсе.

— Между прочим, я могу и обидеться. То, с чем я столкнулась и о чем говорю сейчас, — обыкновенное ханжество. В Калифорнийской Конфедерации противозаконно отказывать в кредите какому-то лицу только лишь на том основании, что это лицо потерпело банкротство. Понимаете? Кредит — одно из гражданских прав.

— Полагаю, это тоже не работает, но какую форму принимает неподчинение этому закону?

— Это я еще не выяснила, но думаю, все успокаиваются, когда истец оказывается в крайне невыгодном положении человека, пытающегося всучить взятку судьбе... Хочу еще отметить один из самых очевидных симптомов: насилие! Драки, мордобой, поджоги, бомбежка, терроризм любого сорта. Ну, конечно же, заговоры, но... Мне кажется, случаи небольшого насилия, становящиеся повседневными, разрушают культуру гораздо сильнее, чем какие-то крупные заговоры. Вот, пожалуй, и все на сегодняшний день... Ну, конечно, рабство, коррупция судебных властей, тюремное заключение без санкций и судебной процедуры и... И так далее, это все очевидно, все эти вещи повторялись в истории множество раз.

— Пятница, я думаю, ты упустила самый страшный симптом из всех перечисленных.

— Правда? Вы назовете мне его? Или мне опять придется блуждать в потемках, ища неизвестно что?

— М-мда... Этот я назову тебе. Но ты все же ищи его везде. Изучай его. Больная культура демонстрирует весь комплекс симптомов, которые ты перечислила, но... Умирающая культура всегда отмечена личной грубостью каждого ее представителя. Дурные манеры, нежелание хоть в чем-то уступить другим. Утрата элементарной вежливости и хороших манер гораздо более симптоматична, чем какой-то заговор.

— Правда?

— Можешь не сомневаться. Мне следовало бы заставить тебя докопаться до этого, тогда ты бы не переспрашивала. Особенно серьезен этот симптом потому, что тот, кто выказывает его, никогда не считает его признаком болезни, а наоборот, принимает за доказательство своей силы. Изучи его как следует... Пятница, эту культуру спасти уже поздно. Я имею в виду весь этот мир, а не только калифорнийскую карикатуру на него. И потому сейчас мы должны приготовить монастыри, могущие выдержать нашествие Черных Веков. Электронные записи слишком хрупки, у нас опять должны быть книги, чернила, бумага. Но этого может оказаться недостаточно, и надежному резервуару всех наших знаний, возможно, придется спуститься с небес. — Он замолчал и тяжело перевел дыхание. — Пятница...

— Да, сэр?

— Запомни это имя и этот адрес.

Его пальцы пробежали по клавиатуре и на экране высветилась надпись. Я запомнила ее.

— Запомнила?

— Да, сэр.

— Нужно набирать еще раз?

— Нет, сэр.

— Ты уверена?

— Наберите еще раз, если таково ваше желание, сэр.

— М-мда... Вот что, Пятница, будь добра, окажи мне любезность — налей чашку чая... Руки у меня сегодня что-то устали.

— С удовольствием, сэр.

24

На следующее утро ни Рыжик, ни Анна не появились в столовой во время завтрака. Мне пришлось есть одной, и я управилась очень быстро — я смакую еду, только в хорошей компании. Стоило мне встать из-за стола, как из динамика раздался голос Анны:

— Прошу внимания. На меня возложена печальная обязанность

объявить вам, что сегодня ночью наш Председатель скончался. Тело кремировано и, согласно его воле, никакой похоронной церемонии не будет. На девять ноль-ноль в большом конференц-зале назначено общее собрание, на котором будут подведены итоги работы фирмы. Явка всех служащих обязательна. Просим не опаздывать.

До девяти я редела, не переставая. Почему? Наверное, от жалости к себе. Во всяком случае, Босс оценил бы это именно так. Он-то никогда не испытывал жалости к себе, как, впрочем, и ко мне, и не однажды ругал меня за это... нет ничего хуже, чем жалеть себя, говорил он, а я... Я все равно жалела. Я всегда злилась на него, ругала его (про себя) самыми последними словами даже после того, как он уничтожил мой прежний «контракт» и сделал меня свободной личностью, а я отблагодарила его тем, что убежала и скрывалась, пока он не нашел меня. Теперь я готова была язык себе откусить за каждую дерзость, каждую колкость, каждое обидное слово, пусть даже не произнесенное...

Потом я напомнила себе, что Боссу совсем не понравилось бы, будь я «тепленькая», «мягонькая», покладистая — без своих собственных взглядов. Он был тем, кем он был, а я — тем, кем я была, и так мы прожили вместе много лет, ни разу не коснувшись друг друга даже кончиками пальцев. Да, для Пятницы был установлен именно такой протокол взаимоотношений, и я никогда не пыталась нарушить этот протокол.

Интересно, знал он все эти годы, с тех самых пор, когда я только начала работать на него, что стоит ему шевельнуть пальцем, и я тут же прыгну к нему в объятия? Думаю, знал. Ведь, хоть я никогда в жизни и не дотронулась до него, даже не пожала ему руки, он был мне единственным отцом... Нет, единственным человеком, которого я могла бы так назвать, несмотря на мое происхождение, на мою «породу».

Большой конференц-зал был переполнен. Никогда в столовой я не видела столько народу, многие лица были мне абсолютно незнакомы. Я решила, что многие из тех, что работали в других местах, были срочно вызваны и сумели приехать вовремя. За большим столом сидела Анна и еще одна женщина, которую я видела первый раз в жизни. Перед Анной стоял компьютер, лежали пачки бумаг и другие секретарские принадлежности. Незнакомка была примерно ровесницей Анны, но вместо дружеского тепла той излучала холодную твердость классной дамы. Ровно в девять ноль-ноль и две секунды «классная дама» твердой ладонью громко хлопнула по столу и отчеканила:

— Прошу тишины! Меня зовут Рода Уэйнрайт, я — первый вице-председатель этой компании и главная советница усопшего мистера Болдуина. Таким образом, сейчас я — исполняющая обязанности Председателя, и мне поручено уладить все наши общие

дела. Всем здесь известно, что каждый из вас работал на компанию согласно контракту, заключенному лично с мистером Болдуином, и...

Разве я подписывала когда-нибудь такой контракт? Как же меня резануло это слово... «Усопший мистер Болдуин»! Это что, настоящее имя Босса? Как же случилось, что его настоящее имя было и моим псевдонимом, который я использовала чаще других? Значит, он выбрал для меня этот псевдоним? Не помню, это было так давно...

— ...Теперь вы все — свободные агенты. Мы представляем собой элиту в наших профессиональных сферах, и мистер Болдуин предвидел тот факт, что любая свободная компания в Северной Америке будет заинтересована в каждом из наших служащих, как только его смерть предоставит вам расторжение контрактов и свободу выбора. В каждом малом конференц-зале этого здания сидят агенты по найму из самых разных фирм. Как только ваше имя будет названо, пожалуйста, подойдите сюда, получите пакет со всеми вашими документами и распишитесь. Потом проверьте содержимое ваших пакетов, но не стойте, я повторяю, не стойте у стола и не отвлекайте меня вопросами и обсуждениями. Те, у кого возникнут вопросы, должны подождать, пока все остальные получат свои пакеты. Пожалуйста, не забывайте, что за всю ночь я не сомкнула глаз ни на минуту, поэтому...

Наняться тут же в какую-нибудь свободную компанию? Я что, разорена, и у меня нет другого выхода? Похоже на то! Правда, у меня оставались еще двести тысяч бруинов после выигрыша в ту дурацкую лотерею, но... Наверное, почти столько же я должна Жанет за ее Визовую Карту. Надо подсчитать. Итак, я выиграла 230,4 грамма чистого золота, вложенных на Единую карту как 200 000 бруинов, но обеспеченных золотым кредитом со дня помещения. Тридцать шесть граммов из них я взяла наличными, и... Да, я должна прибавить еще один счет — в Имперском банке Сент-Луиса. И еще наличные и Визовая Карта Жанет. И Джордж должен взять у меня половину того, что мы...

Кто-то выкрикнул мое имя. Ну, конечно, это Рода Уэйнрайт со своей недовольно брезгливой миной.

— Пожалуйста, побыстрее, мисс Пятница. Вот ваш пакет, распишитесь в получении, а потом отойдите в сторону и проверьте содержимое.

Я взглянула на бланк для росписи и сказала:

— Я распишусь, когда проверю содержимое.

— Мисс Пятница! Вы задерживаете всех!

— Ничего, я встану в сторонке. Но я не подпишу ничего, пока не удостоверюсь, что содержимое пакета соответствует указанному на бланке.

— Все в порядке, Пятница, — негромко произнесла Анна и успокоительно кивнула мне, — я проверяла.

— Спасибо, — вежливо ответила я, — но я поступлю так же,

как поступала ты с секретной документацией. Сначала взгляну, потом подпишу.

«Классная дама» вся кипела от ярости и готова была сварить меня заживо, а я... Я просто отошла в сторонку и стала просматривать содержимое пакета: три паспорта с тремя разными фамилиями, пачка удостоверений личности, сопутствующие документы к каждому удостоверению, счет на «Марджори Пятницу Болдуин», открытый в Сирусе и Приемном отделении Южной Африки, Луна-Сити, в размере 297,3 грамма... Это поразило меня, но следующие бумаги поразили куда больше: свидетельство удочерения Хартли М. Болдуином и Эммой Болдуин ребенка-девочки, Пятницы Джонс, впоследствии названной Марджори Пятница Болдуин, выписанное в Балтиморе, штат Мэрилэнд, Атлантический Союз. И ни слова о лэндстэйнерских «яслях» и о Джоне Хопкинсе, но дата — та самая, когда я оставила «ясли». И еще два свидетельства о рождении: одно выписано на Марджори Болдуин, родившуюся в Сиэтле, а второе — на Пятницу Болдуин, рожденную Эммой Болдуин в Бостоне, Атлантический Союз.

Итак, что очевидно? Первое: оба эти документа фальшивые. Второе: на них можно полностью положиться — Босс всегда был очень аккуратен в таких вещах.

— Все в порядке, — кивнула я Анне и расписалась на бланке.

Анна взяла у меня бланк и негромко сказала:

— Встретимся позже.

— Идет. Где?

— Найди Рыжика.

— Мисс Пятница! — проскрипела Уэйнрайт. — Вашу кредитную карточку, пожалуйста!

— Да? — Ну, да, конечно, после смерти Босса и роспуска компании я уже не могу пользоваться сент-луисским кредитом. — Вот она.

Рода потянулась за карточкой, но я придержала ее.

— Где ваши щипцы? Или вы пользуетесь кусачками?

— Да прекратите же вы! Я уничтожу ее вместе с остальными, когда сверю все номера.

— Миссис Уэйнрайт, если я сдаю вам мою недействительную кредитку, а насколько я понимаю, она уже недействительна, вы уничтожите ее на моих глазах.

— Вы причиняете мне много хлопот... Вы что, никому не верите?

— Совершенно верно.

— Тогда вам придется подождать здесь, пока я не закончу со всеми остальными.

— Не думаю! — возразила я.

Карточки Единой Карты Калифорнии делаются из очень твердого пластика, я же всегда очень тщательно следила за собой, чтобы ничем не выдать свои способности здесь, в «Паджаро», — не

потому, что я кого-то опасалась, а потому, что это было бы просто невежливо. Однако сейчас обстоятельства были не совсем обычные, поэтому я разорвала карточку пополам, а потом еще раз пополам и протянула Роде кусочки со словами:

— Надеюсь, вы сумеете сверить серийный номер.

— Я тоже надеюсь, — раздраженно бросила она, а когда я отвернулась и пошла прочь от стола, рывкнула мне вслед: — Мисс Пятница! Другую вашу карточку, пожалуйста!

— Какую другую? — резко обернулась я.

Интересно, кому это пришла в голову мысль лишать людей этой, пожалуй, самой необходимой вещи в современной жизни? Идиотизм. Ни на что не похоже. Уверена, что Босс не мог оставить таких распоряжений.

— Единую Карту Калифорнии, выданную... М-мм... в Сан-Жозе. Сдайте ее, пожалуйста.

— Компания не имеет никакого отношения к этой карточке. Я сама обеспечила там себе кредит.

— Что-о? Я не верю своим ушам! Она обеспечивается вашим кредитом в Сириусе и Южной Африке, то есть — компанией. Компанией, чьи дела ликвидированы. Потрудитесь сдать карточку сейчас же!

— Вы ошибаетесь, советник. Платежи производились Сириусом и Южной Африкой, но кредит там — мой собственный. К вам это не имеет никакого отношения.

— Вы очень скоро узнаете, что имеет, а что не имеет к нам отношение! Ваш счет будет арестован.

— На ваш страх и риск, советник. Я предъявлю вам иск, и из суда вам придется уйти босиком. Советую вам получше ознакомиться с фактами. — С этими словами я отвернулась и быстро отошла от стола, чтобы не сказать ей еще пару ласковых слов. Она так разозлила меня, что я даже забыла на минуту о Боссе.

Оглядевшись по сторонам, я увидела Рыжика. Она уже прошла эту процедуру с «классной дамой» и теперь спокойно сидела в уголке зала. Встретившись взглядом со мной, кивнула и похлопала по соседнему пустому креслу. Я подошла к ней, присела рядом и сказала:

— Анна просила найти тебя.

— Знаю. Я заказала номер в «Кабана Хьятт» в Сан-Жозе для себя и для Анны на эту ночь и предупредила, что, быть может, с нами будет третий. Ты не хочешь присоединиться к нам?

— Так скоро? Ты уже успела собрать вещи?..

Мне тоже надо собираться, хотя... собирать особенно нечего — мой новозеландский багаж так и торчит в камере хранения виннипегского аэропорта, потому что я боялась, что виннипегская полиция следит за ним. Стало быть, ему суждено торчать там, пока не объявятся Жан и Жанет.

— Вообще-то я хотела остаться здесь до завтра, но теперь...

— Кто хочет, может оставаться до завтра, но я бы не советовала тебе — управляющие... Я имею в виду, новые управляющие... Они хотят закончить все сегодня. Ленч — последнее, что нам подадут, а тем, кто захочет ужинать здесь, придется довольствоваться сэндвичами. Завтрака вообще не будет.

— Ну и ну! Как это не похоже на Босса! Не мог он так распорядиться, чтобы...

— Он и не распоряжался. Эта женщина... Хозяин отдавал все распоряжения старшему партнеру, но тот умер шесть недель назад. Но все это теперь не имеет значения, мы просто уедем и — все. Поедешь с нами?

— Да, наверное... Но сначала я, пожалуй, повидаю этих агентов по найму, что сидят здесь. Мне ведь скоро понадобится работа.

— Не нужно.

— Почему, Рыжик?

— Я тоже ищу работу. Но меня предупредила Анна. Все эти агенты здесь имеют дело с мадам Уэйнрайт. Если среди них есть стоящие, мы можем связаться с ними в Лас-Вегасе, причем не платя никаких комиссионных этой надутой индюшке Роде. Я буду искать для себя на время место старшей сестры в гражданском госпитале, или что-то в этом роде. Словом, потерпи до Вегаса, ты найдешь там что-нибудь для себя.

— Похоже, лучше Вегаса действительно ничего не придумаешь, но... Рыжик, я никогда раньше не занималась поисками работы, и... Мне как-то не по себе.

— Не переживай. Все у тебя будет нормально.

Спустя три часа, наскоро перекусив, мы отправились в Сан-Жозе. Два гравилета сновали от песков Адажаро к Национальной Площади — Рода Уэйнрайт стремилась избавиться от нас как можно быстрее... Когда мы уезжали, я заметила два доверху нагруженных грузовых экипажа. Каждый был запряжен шестеркой лошадей. На одном из них восседал взъерошенный папаша Перри. Интересно, куда денется теперь библиотека Босса! Мне вдруг стало грустно, оттого что никогда больше не представится шанса стать великой всезнайкой. Конечно, из меня вряд ли получился бы большой мыслитель, но я ужасно любопытна, а компьютер, соединенный с величайшими в мире библиотеками, мне явно не по карману. Когда я увидела, чем загружены эти два экипажа, мне неожиданно в голову пришла мысль, от которой я едва не слетела с кресла в гравилете.

— Анна, — неуверенным голосом спросила я. — Кто был секретаршей Босса?

— У него вообще не было секретарши. Я иногда помогала ему, когда он просил. Но очень редко.

— У него был один адрес для связи с моими друзьями — Жаном и Жанет Тормей. Что с ним могло стать?

— Если его нет здесь, — она вынула из сумочки конверт и протянула его мне, — то он пропал... потому что у меня был строгий приказ — после его смерти подойти к его личному компьютеру и ввести им самим составленную программу... Я знала, что это — программа стирания. Хотя он сам этого не говорил, но я... Я знала. Все, что касалось его лично, в блоках памяти должно было быть стерто. Этот адрес, о котором ты говоришь, он... Он носил личный характер?

— Очень личный.

— Тогда он пропал. Если только его нет в том конверте, который я тебе сейчас отдала.

Я взглянула на конверт — обычный запечатанный конверт с единственным словом, выведенным снаружи: «Пятница».

— Это должно было находиться в твоём пакете, — пояснила Анна, — но я вытащила его оттуда. Эта крыса лезла всюду, куда только могла запустить свои коготки, а я знала, что мистер Два Костыля... Прости, теперь мне лучше называть его мистер Болдуин, — я знала, что он хотел передать это лично тебе, и поэтому я не показала ей... — Анна вздохнула и добавила: — Я работала с ней всю ночь. И не убила ее. Сама не знаю почему.

— Нам нужно было, чтобы она подписала все счета, — усмехнулась Рыжик.

С нами в гравилете очутился один из штабных офицеров — Бертон Мак-Ни, — очень сдержанный, спокойный человек, редко высказывающий свое собственное мнение, пока его не спросят. Но сейчас он вдруг заговорил, не дожидаясь, пока к нему обратятся:

— Жаль, что вы удержались, — сказал он, повернувшись к Анне. — Взять хотя бы меня: у меня нет ни цента наличными. Я всегда пользуюсь кредитной карточкой. Эта грязная вышибала не давала мне расчетный чек, пока я не вернул ей кредитку... а что делают с расчетным счетом в банках, если у вас нет кредитки? Выдают наличные или просто приобщают чеки к своим коллекциям? Если второе, то эту ночь, мне, возможно, придется провести на площади.

— Мистер Мак-Ни...

— Да, мисс Пятница?

— Я больше не «мисс», просто — Пятница.

— В таком случае я — Берт.

— Хорошо, Берт. У меня есть немного наличных в бруинах и кредитка, которую Уэйнрайт не сумела сцапать, хотя и очень старалась. Сколько вам нужно?

Он улыбнулся и похлопал меня по коленке.

— Стало быть, все хорошее, что я о вас слышал, правда... Спасибо, родная, но я как-нибудь справлюсь. Для начала я отнесу это в Банк Америки. Если они не оплатят счет полностью, то, может, выдадут частями. Если же нет, я отправлюсь в офис к этой Уэйнрайт, разлягусь у нее на письменном столе и скажу, чтобы она нашла для меня подходящий ночлег. Черт! Шеф наверняка бы все предусмотрел

и выдал нам по паре сотен наличными, а она... Она это сделала нарочно. Может, для того, чтобы мы тут же полезли на крючок к ее агентам... Но ей это так не пройдет. Если она подымет шум и будет упорствовать, мне придется вспомнить несколько боевых приемов, которым меня учили на основном курсе тренировок.

— Слушай, Берт, никогда не сражайся с юристом руками, — посоветовала я. — Законника можно одолеть лишь с помощью другого юриста — лучшего. Так или иначе, мы остановились в «Кабана Хъятт». Если не сможешь получить по чеку, прими мое предложение. Меня это совсем не затруднит.

— Спасибо, Пятница. Но лучше я возьму ее за глотку и буду трясти до тех пор, пока она не подымет лапки кверху.

Рыжик заказала чудный маленький номер: спальня с большой водяной кроватью и гостиная с диваном, который по желанию тоже мог превратиться в двуспальную кровать. Пока Анна и Рыжик принимали ванну, я уселась на диван и, ожидая своей очереди, задумчиво стала вертеть письмо Босса в руках. Когда они вышли, я пошла в ванную, а выйдя оттуда, увидела, что они мирно посапывают на большой кровати — ничего удивительного, ведь всю ночь им пришлось быть на ногах и они здорово вымотались, тем более, что работа была не из приятных. Я тихонько прошла в гостиную, улеглась на диван, распечатала конверт и прочла:

«Дорогая Пятница!

Поскольку это мой последний разговор с тобой, я должен рассказать тебе то, что не мог сказать, пока был жив и пока оставался твоим работодателем.

Насчет твоего удочерения: ты этого не помнишь, потому что все происходило не совсем так. Тем не менее все документы в полном порядке, ты сама можешь в этом легко убедиться. Ты — действительно моя приемная дочь, а Эмма Болдуин — того же сорта, что твои "родители" из Сизтла, то есть она вполне надежна для "прикрышки". Тебе нужно быть внимательной лишь в одном: чтобы эти две легенды нигде не пересекались. Думаю, ты с этим справишься, ведь тебе не раз приходилось использовать подобные трюки в твоей работе.

Ты должна обязательно присутствовать, или иметь своего представителя, на оглашении моего завещания. Поскольку я — гражданин Луны (Вот это новость!), это произойдет в Луна-Сити сразу же после моей смерти. В Лунной республике нет столь обширной сети юридических услуг, как в большинстве государств на Земле, поэтому позвони в "Фонг, Томосава, Ротшильд, Фонг и Финнеган", Луна-Сити. Не предвкушай многого: мое завещание не избавит тебя от необходимости зарабатывать себе на жизнь.

Насчет твоего происхождения: ты всегда интересовалась этим по вполне понятным причинам. Поскольку твой генетический материал собирался из многих источников, а все документы давно уничтожены, я могу рассказать лишь то, что знаю сам. Позволь мне упомянуть

два источника, которыми ты можешь гордиться: это двое людей, известных под именами мистера и миссис Джозеф Грин. Недалеко от Луна-Сити, в кратере, им сооружен памятник, но ехать туда вряд ли стоит, потому что кроме памятника и кратера там ничего нет. Если ты обратишься в Коммерческую палату Луна-Сити по поводу этого памятника, то получишь кассету с подробным перечнем того, что они сделали. Когда ты прослушаешь ее, поймешь, почему я просил тебя не делать поспешных суждений о профессии убийц. Убийства, как правило, дело грязное, но... Некоторые исполнители становятся героями, причем вполне заслуженно. Впрочем, прослушай кассету и суди обо всем сама.

Много лет назад Грины были моими товарищами. Их работа была сопряжена с огромным риском, и поэтому я убедил их сдать на хранение генетический материал. Когда они погибли, материал этот был подвергнут анализу и выяснилась их несовместимость — простое соединение его спермы с ее яйцеклеткой оказалось невозможным. Вместо этого, когда стало возможным создание искусственных людей, их гены были использованы выборочно. Создание твоей личности оказалось единственным успешным — все остальные варианты пришлось забрасывать. Хороший генный инженер работает по принципу хорошего фотографа: идеальный результат получается лишь при готовности пустить в утиль все варианты с маломальским изъяном. Эксперименты с Гринами на этом закончились: яйцеклетки Гейл пропали, а сперму Джо использовать больше нельзя.

Невозможно, конечно, точно определить твою степень родства с ними, но, думаю, не ошибусь, если назову что-то среднее между внучкой и правнучкой. Остальной материал взят из множества источников, но ты можешь гордиться тем, что вся состоишь из очень тщательно отобранных генов, — твои создатели старались максимально улучшить породу гомо сапиенс. Таковы твои потенциальные возможности, а реализуешь ты их или нет — зависит уже от тебя.

Перед тем как все документы и записи были уничтожены, я из любопытства пролистал их, мне было интересно, какие расы и нации перемешались в тебе. Вот примерный список национальностей, если память мне сейчас не изменяет: финские, полинезийские, американо-индейские, ирландские, суази, корейские, германские, индуистские, англо-саксонские и... Еще множество «кусочков» отовсюду, да и все перечисленные выше — не «чистые». Не быть тебе никогда расисткой! В противном случае придется кусать саму себя за хвост. Все вышесказанное означает, что для твоего создания был отобран наилучший материал из всех возможных источников, и тебе просто здорово повезло, что ты оказалась при этом еще и с очень красивой внешностью...

(“Красивой”! Босс, у меня ведь всегда под рукой зеркало. Неужели, он и вправду так думал? Ну, конечно, сложена я — дай Бог всякой... Что лишний раз подтверждает, что я не родилась, а меня сделали. Ладно, если он и вправду так думал, мне очень

приятно, потому что... Потому что я — такая, как я есть, и другой меня уже не будет.)

Еще кое в чем я должен объясниться, а вернее, сказать, попросить у тебя прощения. Все было спланировано так, что ты должна была воспитываться приемными родителями как их родная дочь. Но когда ты еще весила меньше пяти килограммов, я очутился в тюрьме, и хотя мне удалось бежать на Землю, не мог вернуться до Второго Атлантического Сопротивления. "Шрамы" от этой осечки ты до сих пор носишь в себе, я это знаю. Я надеюсь, когда-нибудь ты избавишься от своего страха и недоверия к "настоящим" людям, — эти чувства лишь мешают тебе. В один прекрасный день ты должна принять и поверить эмоционально в то, что давно уже понимаешь умозрительно: ты и есть «настоящая», причем ничуть не в меньшей степени, чем те, которых ты считаешь другой "породой".

Ну что еще могу я сказать в этом последнем письме? Нелепая случайность, моя осечка сделала тебя легкоранимой и слишком сентиментальной. Дорогая моя, ты обязательно должна избавиться от всякого страха, от чувства вины и стыда. Надеюсь, что от жалости к себе ты уже избавилась (Черта с два!), но если нет, запомни: ты должна покончить с этим раз и навсегда. Думаю, ты обладаешь иммунитетом к религии. Если нет, я могу тебе тут помочь не больше, чем, скажем, в пристрастии к наркотику. Религия иногда бывает источником счастья, а я не могу лишать кого-либо счастья. Но это удобство подходит слабым, а не сильным. Что же касается тебя, то ты — сильна. Главная беда с религией — любой религией — состоит в том, что подверженный ей принимает определенные положения на веру, а следовательно, не может судить о них беспристрастно, исходя из реальности. Можно греться возле теплого огонька веры, а можно сделать другой выбор и жить в зыбкой неуверенности реальности, но невозможно обладать и тем, и другим.

И последнее, что я хочу сказать тебе, — чем я сам очень горжусь. Я — один из твоих "предков", не главный, конечно, но часть моих генов живет в тебе. Ты не только моя приемная дочь, но какой-то частью, пусть очень маленькой, и родная тоже. И я, правда, горжусь этим. Поэтому позволь мне закончить это письмо словом, которое я не мог произнести, пока был жив:

С любовью. Хартли М. Болдуин».

Я сунула письмо обратно в конверт, свернулась в клубок на диване и предалась наихудшему в мире пороку — принялась жалеть себя со вздохами, всхлипываниями и слезами. Не вижу ничего дурного в слезах, это — своего рода смазка для психики.

Выплакавшись, поднялась, умылась и решила на этом закончить траур по Боссу. Я была очень тронута тем, что он удочерил меня, согревала и мысль о том, что во мне есть его частичка, но... Он по-прежнему оставался Боссом. И я подумала, что он позволил бы мне один очистительный приступ печали, но вздумай я продолжать — это вызвало бы у него лишь раздражение.

Мои подружки продолжали мирно похрапывать, так что я прикрыла дверь в их комнату, с удовлетворением обнаружив, что дверь — звуконепроницаемая, уселась за терминал, сунула в прорезь свою кредитку и набрала код «Фонга, Томосавы и проч.», который выяснила в справочной, чтобы набрать его напрямую, а не связываться с гостиничной службой — напрямую было дешевле.

Я сразу узнала женщину, ответившую на мой звонок. Черт! Слабое притяжение и впрямь лучше любого бюстгалтера. Если бы я жила в Луна-Сити, я бы тоже носила одни трусики, а может, вообще лишь одну жемчужинку — в пупке.

— Прошу прощения, — сказала я, — я машинально набрала код «Сириуса и Южной Африки» вместо «Фонг, Томосава, Ротшильд, Фонг и Финнеган». Со мной так иногда бывает. Простите, что побеспокоила вас, и еще раз спасибо — за то, что вы помогли мне пару месяцев назад.

— Не стоит, — ответила она, — тем более, что вы набрали код правильно. Я — Глория Томосава, старший партнер в «Фонг, Томосава и т. д.» с тех пор, как папаша Фонг ушел на пенсию. Но это не мешает мне оставаться вице-президентом «Сириуса и Южной Африки»: мы являемся одним из отделов банка. Кроме того, я еще и старшее доверенное лицо, а это означает, что дело вам придется иметь именно со мной. Мы все скорбим здесь с тех пор, как пришло известие о смерти мистера Болдуина, и я прошу вас принять наши соболезнования, мисс Болдуин.

— Одну минуту, я как-то не совсем поняла... Можно повторить все сначала?

— Простите. Обычно все, кто звонит на Луну, хотят максимум информации в минимальное время, потому что звонок стоит недешево. Вы хотите, чтобы я повторила каждое предложение?

— Пожалуй, не стоит. Доктор Болдуин оставил мне письмо, где просил присутствовать при чтении его завещания на Луне. Я не сумею там быть. Не могли бы вы мне посоветовать, кого я могу найти на Луне в качестве моего представителя. И... Когда это будет?

— Это будет, как только мы получим официальное подтверждение смерти из Калифорнийской Конфедерации. Думаю, очень скоро, поскольку мы уже получили известие от нашего представителя в Сан-Жозе. Вам нужен кто-то, кто мог бы вас представлять... Скажите, а я — подойду? Наверное, мне следует добавить, что папаша Фонг был адвокатом вашего отца в Луна-Сити многие годы, так что... Поскольку я теперь вместо него, а доктор Болдуин скончался, могу представлять ваши интересы. Если, конечно, вы не возражаете.

— Конечно, я не возражаю, мисс... Миссис Томосава... Кстати, как правильно — мисс или миссис?

— Тогда я с удовольствием приму на себя эту обязанность. Правильно миссис. У меня сын примерно вашего возраста.

— Это невозможно. (Эта победительница на конкурсе красоток вдвоем меня старше?)

— Это в порядке вещей. Здесь, в Луна-Сити мы все очень старомодны. Здесь — не как в Калифорнии. Мы сначала выходим замуж, а потом рождаем детей — только в такой последовательности. Я бы не осмелилась быть «мисс» и при этом иметь взрослого сына — здешнее общество немедленно осудило бы меня.

— Да нет, я хотела сказать, невозможно, чтобы у вас был сын — мой ровесник. Вы же не могли родить его в четыре года, или максимум в пять.

— Мне очень приятно это слышать, — улыбнувшись, сказала она. — Почему бы вам не приехать и не выйти замуж за моего оболтуса? Он всегда мечтал о богатой наследнице.

— А я — богатая наследница?

— Видите ли. — Она помялась. — Я не могу сломать печать на завещании вашего отца, пока он юридически еще жив, то есть до официального известия о его смерти. Но поскольку подтверждение очень скоро придет, нет смысла заставлять вас звонить сюда еще раз. Я сама составляла завещание и сама положила его в свой сейф, предварительно запечатав, разумеется, поэтому ничего не случится, если я вам скажу, каково его содержание, только... Юридически вы этого не знаете до официального прочтения. Итак: да, вы богатая наследница, но охотники за приданым не станут виться возле вас. Наличными вы не получите ни грамма. Вместо этого банку (то есть мне) поручено субсидировать вас в случае миграции с Земли. Если вы выберете Луну, мы оплатим вам стоимость проезда. Если выберете необжитую планету, мы купим вам скаутский нож и станем молиться за вас. Если вы решите переселиться в такие дорогостоящие места, как, скажем, Кауай или Хальсион, мы оплачиваем ваш проезд, все ваши расходы и обеспечиваем вас первоначальным капиталом. Если вы вообще не покинете Землю, нам предписано помогать вам, исходя из суммы, оставшейся после всех остальных назначений и поручений. Таким образом, вы имеете приоритет в получении субсидий лишь в случае вашего переселения с Земли. Одно исключение: если вы отправляетесь на Олимпию, вы платите за себя сами — от нас вы не получите ничего.

— Доктор Болдуин говорил мне что-то об этом. А что такого страшного на этой Олимпии? Я вообще не помню колонии с таким названием.

— Не помните? А-а, ну да, вы же были слишком молоды тогда. Это то место, куда отправились когда-то себялюбивые супермены... Вообще-то не было нужды оговаривать этот пункт, поскольку корпорация даже не посылает туда свои корабли... Дорогая, вы наговорили со мной уже на очень приличную сумму.

— Да, наверное... Но звонить еще раз — обойдется дороже. Что меня раздражает, так это платить за «мертвое время» — пока идет сигнал. Скажите, а вы не можете сменить ненадолго шляпу и выступить как представитель «Сириуса и Южной Африки»? Или... впрочем, нет, мне, возможно, понадобится совет юриста.

— Я ношу все шляпы сразу, поэтому смело спрашивайте обо всем. Сегодня я отвечаю бесплатно.

— Нет-нет, я заплачу, сколько полагается.

— Вы говорите точь-в-точь, как ваш отец! Он случайно не изобрел переселения душ?

— На самом деле он мне не отец. Я хочу сказать, не родной отец, и я никогда его не считала своим отцом.

— Я знаю все, дорогая, мне приходилось иметь дело с вашими бумагами. Но он считал вас своей дочерью. И гордился вами. Мне было жутко интересно на вас смотреть, когда вы позвонили сюда первый раз... Я, конечно, держала язык за зубами и просто разглядывала вас. Ну, так о чем вы хотели спросить?

Я рассказала ей о своей ссоре с Родой Уэйнрайт по поводу кредитной карточки:

— Конечно, Единая Карта Калифорнии предоставила мне кредит, намного превосходящий мои потребности и возможности. Но ей-то какое дело? Я не превышала свой вклад, а кроме того, собираюсь еще вложить туда все деньги, полученные мною при окончательном расчете: двести девяносто семь и три десятых грамма — чистоганом.

— Рода Уэйнрайт всегда была паршивым юристом. После смерти мистера Эспозито вашему отцу следовало заменить своего представителя. Разумеется, это не ее собачье дело, какой кредит решила предоставить вам Единая Карта. И здесь, в банке, ее слово ничего не весит. Мисс Пятница...

— Не надо «мисс». Для вас я просто Пятница.

— Дорогая Пятница, ваш усопший отец был директором этого банка, а также владельцем основного пая. Хотя вы прямо и не наследуете его состояние, вам нужно наделать огромные долги, отказаться выплачивать их и отказаться даже отвечать на запросы по этому поводу, чтобы ваш счет был арестован. Словом, забудьте об этом досадном недоразумении. Теперь... Ваш адрес в «Песках Паджаро» уже недействителен, так что мне понадобится ваш новый.

— Да? Что ж... Пожалуй, единственный мой адрес сейчас — это ваш адрес.

— Понятно. Как только определишься, поставь меня в известность. У многих из вашей команды сейчас такие же проблемы, и все из-за стараний Роды Уэйнрайт. Кстати, некоторые из них тоже должны присутствовать на чтении завещания, но Рода не сообщила им об этом, и теперь неизвестно, где их искать. Скажи, ты не знаешь, как мне связаться с Анной Джонсон? И с Сильвией Хэвенсайд?

— Женщина по имени Анна была в «Песках Паджаро». Она работала с секретной документацией. Второе имя, которое ты назвала, мне неизвестно.

— Вероятно, это та самая Анна. У меня в списке она значится, как «сотрудник безопасности». Хэвенсайд — дипломированная медсестра.

— А-а, тогда тебе повезло! Они обе спят в соседней комнате. Работали всю ночь — разбирали архив доктора Болдуина.

— Сегодня мне везет. Пожалуйста, скажи им, когда проснутся, что они должны присутствовать при чтении завещания. Но будить их не стоит, я свяжусь с ними позже.

— А ты можешь представлять их на этом чтении?

— Если ты просишь, конечно. Но все-таки пусть свяжутся со мной, мне понадобится и их новый адрес. Где вы сейчас остановились?

Я объяснила ей, мы попрощались, и я отключила связь. Глория Томосава здорово помогла мне. Я думаю, есть два сорта юристов: те, кто стараются облегчить по мере возможности жизнь клиентов, и... их противоположность — проще сказать, паразиты.

Терминал звякнул, и на нем зажегся красный огонек — это был Бертон Мак-Ни. Я велела ему подняться, но попросила не шуметь. Когда он вошел, я бросилась к нему на шею и расцеловала, даже не потрудившись сообразить, относится ли он к разряду тех моих друзей, которым я задолжала поцелуй. Помогал он вытаскивать меня из лап «Майора»? Не помню, надо спросить.

— Все в порядке, — сказал он. — Банк Америки принял чек и даже снабдил меня без всякой проверки парой сотен бруинов на мелкие расходы. Они сказали, что золотой чек можно реализовать через банк на Луна-Сити в двадцать четыре часа. Так что, учитывая финансовую репутацию нашего бывшего шефа, я могу спать спокойно, главное, ты избавлена от моего присутствия здесь этой ночью.

— По-твоему, меня это должно обрадовать? Ладно, Берт, раз ты опять кредитоспособен, можешь угостить меня ужином. Давай куда-нибудь сходим и дадим моим подружкам выпастись — им, бедняжкам, пришлось всю ночь вкалывать.

— Ужинать еще рано.

Не знаю, как для ужина, но для того, чем мы занялись на диване, было совсем не рано. С моей стороны это было вовсе не преднамеренно, а Берт клялся, что он думал об этом еще в гравилете, но я ему не поверила. Я спросила его о той ночи на ферме и, конечно же, выяснилось, что он там был. Правда, он утверждал, что его держали в резерве и реально он ничего не сделал, но мне никто еще до сих пор не признавался в том, что подвергался той ночью хоть какой-то опасности. Однако я прекрасно помню слова Босса, когда он говорил, что задействованы были все, включая даже Теренса, мальчика с ангельским личиком, не знакомым с лезвием бритвы, ибо людей в ту ночь не хватало и все были наперечет.

Берт не сопротивлялся, когда я принялась стаскивать с него одежду.

Это-то мне и было нужно. Слишком много всего произошло за

день, я была на взводе, а секс — лучший из всех транквилизаторов и, в отличие от медицинских препаратов, очень полезен для здоровья. Не понимаю, почему люди, живорожденные люди, отягощают его какими-то сложностями: в нем нет ничегошеньки сложного, это просто самое лучше, самое приятное, что есть на свете, — даже приятнее, чем вкусно поесть.

* * *

Попасть в ванную в этом номере можно было, не проходя через спальню, наверное, потому, что гостиная могла вполне служить второй спальней. Мы чуть-чуть привели себя в порядок, я влезла в костюм из суперкожи, в котором когда-то заарканила Жана, сделала похотливые глазки и... Поймала себя на сентиментальной грусти по Жану. Впрочем, я перестала волноваться за Жана и Жанет. И за Джорджа — тоже. Теперь я была абсолютно уверена, что найду их. Даже если они больше не объявятся в своем доме, — разыщу их через Бетти и Фредди.

Берт принялся издавать вопли восторга по поводу моего вида в суперкоже, а я... Я прохаживалась по комнате, виляя задницей, и говорила, что затем и купила такой костюмчик, потому что такая уж я развратная тварь, которой ничуть не стыдно своего женского естества, и... Мне жутко хотелось отблагодарить его за то, что он так здорово меня успокоил. Нервы у меня были натянуты, а теперь я так чудесно расслабилась, что сама решила угостить его ужином.

Он пообещал задать мне хорошую трепку, если я еще раз повторю это предложение. Я не стала объяснять ему, что в минуты страсти мне приходится очень внимательно следить за собой, чтобы не сломать мужику ребра, а просто стала хихикать. Наверное, это выглядит ужасно глупо, когда женщина моего возраста хихикает, но я ничего не могу с собой поделать — всегда хихикаю от радости.

Я оставила записку своим подружкам, и мы пошли ужинать.

Когда вернулись, их в номере не было, и мы с Бертом сразу легли спать, успев на сей раз разложить диван во всю ширь. Я проснулась, когда Анна и Рыжик проходили через гостиную на цыпочках, возвращаясь к себе в спальню. Но я притворилась, что сплю, поскольку скоро, по моим расчетам, уже должно было светать.

Утром я открыла глаза и увидела, что Анна стоит рядом с нашей кроватью, и вид у нее — какой-то нерадостный. Тут мне впервые пришло в голову, что ей, может быть, не очень-то приятно видеть меня в постели с мужчиной. Ее вкусы были известны мне уже давно — я прекрасно помнила, как она сделала на меня стойку. Но потом она сама же и спустила это на тормозах, и я перестала думать о ней, как о каком-то невыплаченном долге, который когда-нибудь все-таки придется заплатить. И она, и Рыжик стали просто моими друзьями, которым я доверяла и которые могли на меня положиться.

Берт проснулся, увидел Анну и пробормотал:

— Не браните меня, леди. Я зашел сюда совершенно случайно, чтобы укрыться от дождя.

— Я вас и не браню, — возразила она грустновато, — я просто прикидывала, как подойти к терминалу, не разбудив вас обоих. Я хочу заказать завтрак.

— Для всех? — спросила я.

— Конечно. Тебе что заказать?

— Всего понемножку и жареной картошки впридачу. Анна, родная, ты же меня знаешь, когда я голодна, я готова сожрать все что угодно — живьем и прямо с костями.

— Я тоже, — радостно закивал Берт.

— Что за шумные соседи, — зевая пробормотала Рыжик, появившись в дверях. — Болтушки, давайте еще поспим.

Я взглянула на нее и поняла сразу две вещи: первая — я никогда как следует на нее не смотрела, даже на пляже, и вторая — у Анны не было никаких оснований сердиться на меня за то, что я спала с Бертом. У Рыжика на лице блуждала сонная, но очень сытая улыбка.

— Это в переводе означает «гавать на острове», — болтала Рыжик за завтраком, — и вообще-то писать мое имя надо через дефис, потому что иначе его никто не выговорит. Оттого-то я всегда зовусь просто Рыжиком — у нашего бывшего Босса это было легко, там вообще вторые имена не признавались. Но все-таки у меня имя не такое трудное, как у миссис Томо... Томосо... Томосавы! Когда я в четвертый раз произнесла его неправильно, она попросила называть ее просто Глорией.

Перед завтраком обе мои подружки дозвонились Глории, выяснили, что завешание уже оглашено и что они обе, равно как и Берт, к моему и его удивлению, стали немного богаче. Теперь мы все собирались в Лас-Вегас. Троим из нас предстояло искать работу, а Анна просто решила составить нам компанию, пока мы будем там болтаться. Потом она собиралась в Алабаму.

— Может, я и взвою там от безделья, — сказала она, — но я давно обещала дочке, что скоро уволюсь, и, наверное, сейчас самое время. Может, мне удастся заново познакомиться и подружиться с моими внуками до того, как они окончательно повзрослеют и я стану им совсем до лампочки...

— Анна — бабушка?! Так-то мы знаем друг друга!..

25

Лас-Вегас — это большой цирк: три дня в нем весело, на четвертый — наступает похмелье. Сначала я там наслаждалась, но, пересмотрев все шоу, слегка одурела от света, музыки, шума и грохота. Четыре дня в Вегасе — уже многовато.

Приехали мы туда в десять — выехали поздно, потому что у всех нашлись дела. Троем моим спутникам нужно было распорядиться деньгами, оставленными Боссом по его завещанию, а мне — внести сумму, полученную при окончательном расчете, на свою Единую Карту Калифорнии. С это я и начала. Я послушно заполняла бланк, когда вдруг мистер Чамберс спросил:

— Желаете ли вы, чтобы мы сами внесли за вас подоходный налог?

...Подоходный налог? Что за чушь! Я наверное, ослышалась...

— Что это значит, мистер Чамберс?

— Ваш подоходный налог в пользу Конфедерации. Если вы поручите это нам... Вот, кстати, бланк, который нужно заполнить. Да, если поручите нам, наши эксперты все рассчитают, мы вычтем его с вашего счета, и вам больше не нужно будет беспокоиться об этом. Плата нам — минимальная. В противном случае вам придется рассчитывать все самой, заполнять все формы, а потом мыкаться в очередях, чтобы заплатить.

— Когда я открывала здесь счет, вы, по-моему, и словом не обмолвились о подоходном налоге.

— Так ведь это же был приз в национальной лотерее! Приз — ваш, безо всяких налогов! В этом суть настоящей Демократии! Кроме того, правительство получает от лотереи свою прибыль.

— Понятно. И сколько же берет себе правительство?

— Ей-Богу, мисс Болдуин, этот вопрос нужно задавать правительству, а не мне. Если вы поставите свою подпись здесь, внизу, я заполню для вас все остальное.

— Одну минуту. А сколько составляет ваша «минимальная плата»? И каков сам подоходный налог?

Я ушла, так и не положив на счет свой расчетный чек, и, таким образом, опять огорчила беднягу Чамберса. Хотя инфляция и сильно сказалась на здешней валюте — даже за завтрак в макдональдсе нужно заплатить порядочно бруинов, — я не могу назвать тысячу «минимальной платой», поскольку это больше целого грамма золота, а в британо-канадских долларах составляет около тридцати семи. С их восьмипроцентным налогообложением Единая Карта получает неплохой навар, выступая еще и помощником Налогового управления Конфедерации.

Я вообще не была уверена, что должна платить какой-то подоходный налог, даже по диким калифорнийским законам, — большая часть этих денег была заработана не в Калифорнии, и я совершенно не понимала, почему Калифорния имеет какое-то право на часть моего заработка. Для начала мне нужно переговорить с хорошим юристом.

Я вернулась в отель. Рыжика и Анны еще не было, но Берт сидел в номере. Я рассказала ему все, зная, что он занимался финансовой отчетностью.

— Это спорный вопрос, — сказал он, — все личные контракты с

нашим бывшим Председателем были освобождены от налога, и в Империи властям ежегодно платилась взятка. Здесь взятку должны были уплатить через мистера Эспозито, а проще говоря, через миссис Уэйнрайт. Можешь спросить ее.

— Эту клячу? Черта с два!

— Естественно. По идее, она должна была заверить все контракты в налоговом управлении и заплатить весь налог сразу. Вернее, не налог, а взятку за всех. Но на деле она могла этого и не сделать — как ты сама понимаешь, мне об этом ничего не известно. А впрочем... У тебя ведь есть еще один паспорт?

— Конечно!

— Ну так воспользуйся им, и — все дела. Я во всяком случае так и сделаю. А потом переведу себе все деньги, когда буду знать, где остановлюсь. Пока же пусть полежат себе на Луне — так надежнее.

— Да, но, Берт... Я не сомневаюсь, что у Уэйнрайта есть список всех «лишних» паспортов. А ты, кажется, говорил, что они будут проверять нас при выезде.

— Ну и что с того, что у нее есть список? Она ни в коем случае не станет передавать этот список властям Конфедерации, не обезопасив при этом свою персону, а я сомневаюсь, что она успела это сделать. Так что заплати обычную пошлину, задержи кверху нос и смело проходи через таможню.

Он был прав. Я так разозлилась из-за этих дурацких налоговых игр, что забыла элементарные курьерские трюки.

Мы пересекли границу со Свободным штатом Вегасом возле Сухого Озера. Капсула задержалась у границы ровно настолько, сколько требуется, чтобы проставить выездной штамп в паспорте. Вся наша компания воспользовалась «лишними» паспортами с вложенной в них обычной пошлиной, и — обошлось. Въездных штампов в Свободном штате не ставят — там рады любому платежеспособному гостю.

Десять минут спустя мы зарегистрировались в отеле «Дюны» и сняли номер, аналогичный тому, что был у нас в Сан-Жозе. Правда, здесь он проходил под названием «Номер для оргий». Почему? Понятия не имею. Таблеток аспирина в ванной комнате и зеркала на потолке в спальне, по-моему, недостаточно для такого многообещающего названия — мой инструктор на курсах «подружек» просто расхохотался бы, доведись ему увидеть это. Впрочем, я думаю, никакие приметы не воспринимаются людьми как предварительные инструкции — мне говорили, что у людей вообще не принято проходить какие-либо обучения и курсы тренировок в этом плане. Интересно, кто же их учит всему? Их родители? Тогда что же, выходит, их главное табу на кровосмешение распространяется лишь на разговоры об этом, а не на само действие?

Когда-нибудь постараюсь разузнать об этом побольше, но до сих

пор я просто не знала, кого можно как следует расспросить. Может быть, Жанет расскажет мне? Когда-нибудь...

Мы договорились поужинать вместе и разделились: Берт с Анной отправились бродить по городу и по казино, а мы с Рыжиком пошли в Индустриальный парк. Берт тоже собирался приступить к поискам работы, но до этого решил слегка развлечься. Анна ничего не говорила о своих намерениях, но, думаю, ей тоже хотелось чуть-чуть вкусить от веселой жизни, прежде чем окончательно удовлетвориться ролью бабушки-на-пенсии. И лишь Рыжик со всей серьезностью собиралась начать в первый же день охоту за работой. Я тоже решила поискать работу, но... Прежде мне нужно было кое-что обдумать.

Наверное, я покину эту планету... Да, почти наверняка. Босс считал, что мне следует так поступить, и одного этого уже вполне достаточно. Но кроме того, заставив меня изучать симптомы болезни культур и цивилизаций, он сумел сконцентрировать мое внимание на вещах, которые давным-давно были мне известны, но о которых я никогда не давала себе труда задуматься всерьез. Я никогда не относилась критически к тем культурам, среди которых жила и в которых бывала, — вы поймите, искусственный человек всегда чужак, где бы он (или она) ни находился, независимо от того, сколько он прожил в одном месте. Никогда никакая страна или штат не станут моими, так какого черта о них думать?

Но, начав изучать проблему, я поняла, что вся эта старенькая планета находится в плачевном состоянии. Новая Зеландия — неплохое местечко. Британская Канада — тоже, но даже в этих двух странах уже есть признаки вырождения. Хотя эти две — пожалуй, лучшие из всех... Но... Не стоит спешить. Смена планеты — не та вещь, которую можно позволить себе сделать дважды, разве что, если быть уж очень богатой, чего никак не скажешь обо мне. Мне обещали оплатить одну эмиграцию, поэтому... Я должна была выбрать правильно с первого раза, ибо никто не станет платить за исправление моих ошибок: стоит мне выбрать и рвануть отсюда, как — все. Кроме того...

Где Жанет?

Не у меня, а у Босса был контактный адрес или телефонный код!

Не у меня, а у Босса была «рука» в виннипегской полиции!

Не я, а Босс обладал целой сетью «пинкертонов» по всей планете!

Я могу, конечно, пытаться время от времени звонить им домой. И буду. Я могу время от времени звонить в летнюю компанию Жана и в университет Манитобы. И буду. Я могу звонить по оклендскому номеру и на биологический факультет университета в Сиднее. Тоже буду. Но что еще я смогу сделать, если из всего этого ничего не выйдет? Могу поехать в Сидней и выжать из кого-нибудь домашний или загородный адрес профессора Фарнези. Но это обойдется недешево, и... Неожиданно до меня дошло, что все путешествия, так легко и просто дававшиеся мне в прошлом, теперь станут очень

трудны, а быть может, и вовсе невозможны. Поездка в Новый Южный Уэльс до возобновления полетов полубаллистиков обойдется очень дорого. В принципе, добраться туда можно — монорельсом, на корабле, проделав три четверти кругосветного путешествия, — но это будет не просто и, повторяю, недешево.

Может, мне поступить корабельной «подружкой» на какое-нибудь судно в порту Сан-Франциско? Тогда это будет и легко, и дешево, но... Придется потратить уйму времени, даже если я поплыву на шипстоунском танкере из Уотсонвила... На грузовом танкере? Ну нет.

Может, лучше нанять «пинкертона» в Сиднее? Сколько они берут? Смогу я себе это позволить?

Итак, меньше, чем через тридцать шесть часов после смерти Босса, я наткнулась лбом на простую истину: я никогда толком не знала, что почем на свете и вообще, сколько стоит цент или грамм. Еще учтите, что до сих пор я всю жизнь жила по трем принципам:

1. Находясь на задании, я тратила столько, сколько мне было нужно.

2. В Крайстчерче я тратила свои деньги, но немного — в основном, на подарки семье.

3. На «ферме», на следующей базе, а потом в «Песках Паджаро» я вообще не тратила никаких денег. Комната и еда входили в контракт. Я не пила и не играла в азартные игры. Вообще, если бы Анита не выпотрошила меня как следует, я могла бы накопить очень приличную сумму.

* * *

Итак, я вела вполне тепличный образ жизни и ни черта не знала о деньгах. Тем не менее я все-таки умею считать, не пользуясь терминалом. За номер, вернее, треть номера в «Кабана Хъятт» я платила наличными. За полет в Свободный штат Вегас — кредитной карточкой (и не платя подоходный налог). Я выяснила суточную стоимость номера в «Дюнах» и стала тщательно следить за всеми тратами в отеле — будь то наличные или кредитка.

Очень скоро я поняла, что номер и еда в первоклассных отелях в момент сожрут все мои сбережения, даже если я сведу все остальные траты — дорога, одежда, удобства, сувениры, пошлины и т. п. — к минимуму, к нищенству, вообще к нулю. Вывод: мне нужно или найти работу, или срочно присоединиться к колонизаторской экспедиции на любую планету без обратного билета.

Мне пришло в голову страшное подозрение: что если Босс платил мне гораздо больше, чем я стою? Нет, я, конечно, очень хороший курьер, лучше просто не бывает, но... Сколько получают курьеры?

Конечно, я могу поступить на службу, как рядовая, а потом очень скоро (в этом я не сомневалась) дослужиться до сержанта. Мне это не очень-то по душе, но, вполне возможно, я так и сделаю.

Гордость и тщеславие — не мои пороки, я прекрасно понимаю, что для большинства нормальных гражданских профессий я — более чем чернорабочий.

Не давало мне покоя и еще кое-что: я не хотела лететь на незнакомую планету одна. Это пугало меня. Я лишилась своей новозеландской семьи, если она вообще у меня была, Босс умер, и я чувствовала себя маленьким цыпленком, над которым разверзлись небеса. Мои друзья-коллеги разбежались на все четыре стороны, кроме троих, которые тоже скоро разбредутся... И еще я ухитрилась потерять Джорджа, Жанет и Жана.

Даже в жуткой толчее Лас-Вегаса я чувствовала себя одинокой, как Робинзон Крузо...

Мне бы очень хотелось, чтобы Жанет, Жан и Джордж эмигрировали вместе со мной. Тогда мне не было бы так неудобно. Тогда я бы всю дорогу преспокойненько улыбалась. Тогда...

Да, и еще одно — «черная смерть». Надвигалась чума.

Ну, разумеется, я говорила Боссу, что мое полуночное предсказание — просто бред. Но он в свою очередь сказал, что его аналитический отдел предсказал то же самое, только не через три, а через четыре года (маленькое утешение!). Таким образом, я была просто вынуждена принять свое собственное предсказание всерьез и предупредить Жана, Жанет и Джорджа!

Я не собиралась их пугать — не думаю, что этих троих вообще можно чем-нибудь напугать. Но я хотела сказать им: «Если не желаете эмигрировать, то по крайней мере отнеситесь серьезно к моему предупреждению и держитесь подальше от городов. Если сможете, сделайте себе прививки, и, пожалуйста, не отмахивайтесь от моих слов, даже если не верите мне».

Индустриальный парк расположен на дороге к Ховер-Дэм; там же находится и Рынок труда. В Вегасе запрещено пользоваться гравилетами в черте города, но там везде полно автомобильных трасс, и одна из них ведет прямо к индустриальному парку. Выбраться оттуда к Дамбе или к Буолдер-Сити можно на рейсовом автобусе — я рассчитывала воспользоваться им, поскольку компания «Шипстоун, Долина Смерти» арендует кусок пустыни между Восточным Лас-Вегасом и Буолдер-Сити для заправочной станции, и я хотела взглянуть на эту станцию живыми глазами.

Мог ли комплекс «Шипстоун» быть той самой корпорацией, что стоит за Красным Четвергом? Никакого смысла в этом я не видела. Но где организация, богатая настолько, чтобы за одну ночь опутать весь Земной шар и космическое пространство вплоть до Луны? Таких компаний очень немного. А что, если это какой-то супермиллиардер, или, скажем, несколько таких богачей? Нет, вряд ли... Вряд ли я вообще сумею это выяснить теперь, когда Босс умер. Хоть я и обзывала его про себя по-всякому, но он был единственным, к кому

я приходила, когда сама не могла до чего-то додуматься. Я даже не представляла себе, насколько полагалась на него, пока он не умер и я не лишилась его помощи и поддержки.

Рынок труда — это место, где есть все: от роскошных офисов с картинки в журнале «Уолл-стрит» до скаутов, чьи конторы находятся у них под кепками, а сами они снуют повсюду, не задерживаясь даже для того, чтобы поболтать друг с другом. Людская толчея, светящиеся вывески, огни рекламы: все это напомнило мне Нижний Висксберг, только запах посвежее.

Военные и военизированные свободные компании сгруппировались в восточной части Рынка. Рыжик переходила от одной к другой, а я послушно следовала за ней. Она везде оставляла свои данные и весь послужной список — по пути на Рынок мы сделали в городе распечатку ее данных, она оформила себе почтовый адрес, а заодно и меня убедила сделать то же самое.

— Пятница, — сказала она, — сли мы задержимся здесь дольше, чем на пару дней, я съеду из «Дюн». Ты ведь обратила внимание на их цены? Это чудное местечко, но каждые сутки они заново продают тебе койку, а я не могу себе этого позволить. Может, ты и можешь, но...

— Нет, я тоже не могу.

Таким образом, я тоже оформила себе абонентский ящик и телефонную связь и теперь могла сообщить об этом (кстати, не забыть бы!) Глории Томосаве. Заплатила я за год вперед и... Странно, но это дало мне ощущение какой-то гарантии и безопасности. Пока что у меня не было даже своего сарая, но... Уже был адрес, своего рода база, и я знала, что это так просто не исчезнет.

Рыжик в первый день так и не законтрактовалась, но это ее нисколько не огорчило.

— Просто сейчас нет войны, — сказала она, — вот и все. Но мир никогда не длится больше одного-двух месяцев. А потом они снова откроют набор, и мое имя будет в списках. Я пока зарегистрируюсь на бирже в городе и найду временную работу. Знаешь, Пятница, у медсестер есть одно преимущество, они никогда не голодают. Нехватка медсестер длится уже больше ста лет и, наверное, нескоро кончится.

Уже во второй рекрутской конторе, куда мы зашли и где Рыжик оставила свой послужной список, — «Колонна Цезаря», фирма, известная по всей планете, — обратилась ко мне:

— А как насчет вас? Вы тоже квалифицированная медсестра?

— Нет, я курьер.

— На это сейчас спрос невелик. Сегодня большинство организаций пользуется экспресс-почтой, если им не подходит компьютерная служба.

Хотя Босс и учил меня никогда не петушиться в таких случаях, я почувствовала себя задетой и надменноотреагировала:

— Я — высший эшелон. Отправляюсь куда угодно, и... То, что везу, попадает куда надо, когда все каналы перекрыты. Как, например, при последнем чрезвычайном положении.

— Это правда, — подтвердила Рыжик. — Она не преувеличивает.

— Тем не менее, на ваш талант спрос невелик. Что вы еще умеете делать?

— (Только не хвастаться!) Каким оружием вы владеете лучше всего? Можем устроить дуэль — хоть до первой крови, хоть до упора. Только сначала позвоните вашей жене и сообщите ей, что она — вдова.

— Ого! А ты, оказывается, задира! Когда-то у меня был фокстерьер — ты на него здорово похожа. Слушай, родная, я не могу отвлекаться на пустяки, у меня куча дел в этой конторе. Так что разговаривай нормально, и я занесу тебя в список.

— Извините, шеф, мне не стоило заводитьсь. Все правильно, я — курьер высшего разряда. Если я что-то везу, это попадает точно в цель, и поэтому мой гонорар очень высок. Или зарплата — в случае, если меня нанимают, то, конечно, я должна быть на высоте — с голыми руками, или с любым оружием, — потому что груз, который я везу, должен попасть куда надо. Но участвовать в схватках я не люблю, разве что плата будет уж очень высока. Предпочитаю работу курьера.

Он черкнул что-то у себя в блокноте и кивнул:

— Ладно. Нс на многое не рассчитывай. Те, на кого я работаю, используют курьеров преимущественно на полях сражений...

— Это я тоже могу. Все, что я везу, достигает цели.

— Или тебя убивают, — усмехнулся он. — Все охотнее используют на этом попроще суперсобак. Слушай, радость моя, у корпораций будет к тебе гораздо больший интерес, чем у военных. Почему бы тебе не оставить свои данные для каждой из «международок», а? Все самые крупные — связаны с моей конторой. И платят они больше. Намного. Ну, как?

Я поблагодарила его, и мы ушли. По настоянию Рыжика я зашла в местное отделение почты, и мне там сделали распечатку моего собственного послужного списка. Я вообще-то хотела слегка снизить себе цену — мне все больше казалось, что Босс завышал мою зарплату, но Рыжик не позволила.

— Да ты что? Наоборот, завьсь цену! Это как раз тот случай. Те, кто заинтересуется тобой, или заплатят, не моргнув глазом, или... По крайней мере, свяжутся с тобой и попробуют поторговаться. Снижать же... Слушай, родная, никто не бросается на дешевые распродажи, если может позволить себе отовариваться в местах получше.

Я раздала свои данные — по экземпляру в каждую международ-

ную корпорацию. Честно говоря, я не очень рассчитывала на эту «лошадь», но, по крайней мере, тот, кто интересуется лучшими в мире курьерами, получит удовольствие, изучая мои регалии.

Когда офисы и конторы стали закрываться, мы поспешили в отель, чтобы успеть к ужину. Анну и Берта мы нашли слегка поддатными — не пьяными, нет, просто они были навеселе.

Берт при виде нас стал в позу и торжественно произнес:

— Дамы! Смотрите на меня и восхищайтесь! Я великий человек. Я...

— Ты надрался.

— Разумеется, Пятница, любовь моя. Но перед тобой стоит человек, сорвавший банк в Монте-Карло! Я — гений! Да-да, такой маленький, розовенький, невин... Невинненький, финан... Нан... Финансистик! Можешь меня даже потрогать.

Вообще-то я серьезно намеревалась потрогать его сегодня ночью.

— Анна, он правда сорвал банк?

— Ну... Не совсем сорвал, но потрепал изрядно, — сказала она и икнула. — Из-вините. Мы поиграли чуть-чуть здесь, а потом поехали во «Фламинго», чтобы перебить фишку. Приехали как раз перед третьим заездом в «Святой Аните», и Берт поставил там на малышку, которую звали так же, как его мамочку. Длинный забег, и она — первая на финише. Рулетка там прямо рядом, и Берт ставит весь свой выигрыш на двойной ноль...

— Значит, он уже тогда был здорово пьян, — прокомментировала Рыжик.

— Я — гений! — подал голос Берт.

— И то, и другое. Выпал двойной ноль, и Берт берет свой громадный куш и ставит все на «черное», и выпадает «черное», и он оставляет все на «черном», и выпадает опять «черное», и он передвигает все на «красное», и выпадает «красное», и... Крупье зовет своего шефа, Берт желает играть на все, но шеф ставит лимит...

— Козлы! Гестаповцы! Подлые наемиты! Ни одного настоящего спортсмена во всем их дерьмовом казино... Забираю свои бабки и иду в дром!

— И теряешь все, — сказала Рыжик.

— Р-рыжик, д-дружище... Ты оч-ч-чень неуж-т-ельно сом-ной раз-з-гриешь. М-мм?

— Да, он мог все потерять, — согласилась Анна, — но я проследила за тем, чтобы он последовал совету шефа. В сопровождении шестерых охранников казино мы отправились в их банк — отделение «Лаки Страйк» и положили их там на счет. Иначе я не позволяла ему выйти оттуда. Представьте, как бы он тащил полмиллиона от «Фламинго» до «Дюн» наличными. Да он бы до соседней улицы не дошел.

— Чу-у-ушь! В Вегасе преступность меньше, чем в лем дром гор-р-рроде в Серной Амеке... Анна, левь моя, ты властная, хищ-щ-ная особа. Зак-к-левала меня ок-к-кончательно. Я на тебе не

женюсь, даже... Даже если ты будешь ум-м-молить на коленях. Я отберу у тебя башмачки и буду стегать плет-т-кой и держать на сухарях.

— Конечно, дорогой. Но сейчас лучше надень свои башмачки, потому что тебе придется повести нас ужинать. Сухарями. С трюфелями и икрой.

— И с шампанским! Но не ради твоей хищ-щ-ной натуры... Дамы! Пятница, Рыжик, р-родные мои... Вы мне поможете отметить мою фин... финансовую смекалку? С фазанами и пляшущими девками в таких шляпках... А?

— Да, — сказала я, — поможем.

— Поможем, — подтвердила Рыжик, — пока ты не передумал. Анна, ты сказала «полмиллиона»?

— Берт, покажи им.

Берт достал новенькую банковскую книжку и дал ее нам в руки, любовно поглаживая себя при этом по животу. Пятсот четыре тысячи — больше полумиллиона в самой твердой валюте во всей Северной Америке. М-мда, немногим более тридцати одного килограмма чистого золота. Нет, не хотела бы я тащить это по улице. Особенно без тележки. Это весит почти как половина меня самой — банковская книжка гораздо удобнее. Что ж, я с удовольствием позволю Берту угостить меня шампанским. И выпью много.

Именно это мы все и сделали — в кабаре «Стэрдаст». Берт знал, сколько нужно дать на лапу старшему официанту (а может, он дал ему, не глядя, слишком много), чтобы тот усадил нас за лучший столик, и мы навалились на шампанское, а потом славно поужинали — запеченная курица, значившаяся в меню, правда, как цыпленок, и молоденькие, веселые танцовщицы, от которых пахло свежестью только что принятой хвойной ванны. Были у них и танцовщики — для нас, женщин, но я мало обращала на них внимания, во-первых, потому что от них не так приятно пахло, а во-вторых, у меня создалось впечатление, что они больше интересуются друг другом, чем нами. Это, конечно, их дело, но лично я предпочитала смотреть на девочек.

Еще у них был замечательный маг-чародей, который доставал прямо из воздуха голубей, как обычно фокусники достают монетки. Мне очень нравятся фокусники — я никогда не могу понять, как они все это делают, — а на этого я вообще смотрела с открытым ртом: по-моему, он подписал контракт с самим дьяволом, иначе, как, скажите на милость... В какой-то момент его ассистентку заменила одна из танцовщиц. На ассистентке было не так уж много надето, но танцовщица носила лишь туфельки — снизу, шляпку — сверху, и улыбку — посерединке. Фокусник принялся доставать голубей из... Из нее. Я не поверила своим глазам. Там не могло быть столько места, а кроме того, ей было бы больно. Значит, этого не может быть, но... Когда-нибудь я приду сюда снова и посмотрю на это со всех сторон — сделать это по-настоящему просто невозможно.

Вернувшись в «Дюны», Рыжик захотела посмотреть вниз в холле ночную развлекательную программу, а Анна сразу отправилась спать. Я решила посидеть с Рыжиком, а Берт попросил занять ему место, сказав, что он только проводит Анну и сразу вернется.

Однако он не вернулся. Поднявшись в номер, я ничуть не удивилась, увидев, что дверь в спальню закрыта: еще до ужина я почуяла, что Берт вряд ли станет успокаивать мои нервы две ночи подряд. Что ж, это их дело, и я ничего не имела против. Когда мне действительно это было нужно, Берт обошелся со мной очень благородно и потрудился на славу. Я лишь подумала, что Рыжик может загрустить по этому поводу, но... Кажется, обошлось. Мы с ней забрались в постель, похихикали немножко, обсуждая, как фокусник ухитрился доставать голубей, и заснули.

Разбудила меня, как и в предыдущее утро, Анна — только на этот раз не с грустным видом, а сияя от счастья.

— Доброе утро, родная, — сказала она. — Умывайся и чисти зубы, завтрак прибудет через две-три секунды. Берт как раз вылезает из ванны, так что поторапливайся.

За второй чашкой кофе Берт повернулся к Анне и сказал:

— Ну так как, дорогая?

— Мне сказать?

— Давай, милая.

— Ладно. Рыжик, Пятница... Мы думаем, вы сможете уделить нам немного времени сегодня утром, потому что... Мы любим вас обеих и хотим, чтобы вы были сегодня с нами. Мы... Сегодня утром мы собираемся пожениться.

Мы с Рыжиком дружно выразили на лицах сначала изумление, потом — радость, а после этого вскочили и расцеловали их обоих. Что касается меня, то радость моя была искренней, а удивление — наигранным. У Рыжика, возможно, наоборот, но... Я оставила свои домыслы при себе.

Мы с Рыжиком отправились покупать цветы, договорившись встретиться с молодоженами позже — прямо в свадебной часовне «Гретна Грин». С облегчением я заметила, что Рыжик не погрустнела наедине со мной, а оставалась такой же радостной и веселой, когда мы вышли из отеля.

— Они здорово подходят друг другу, — сказала она мне. — Я никогда не одобряла планов Анны стать профессиональной бабушкой. По-моему, это для нее равносильно самоубийству. — Она помолчала и добавила: — Надеюсь, ты не станешь вешать нос?

— Вешать нос? — изумилась я. — Чего ради?

— Позапрошлой ночью он спал с тобой, а прошлой — с ней. Сегодня он женится на ней. Многим женщинам это доставило бы пару неприятных минут. Или часов.

— Господи, но почему? Я вовсе не влюблена в Берта! Нет, конечно, я люблю его, он ведь — один из тех, кто спас меня в ту хлопотливую ночь. Позапрошлой ночью я постаралась отблагада-

рить его... И он тоже был со мной очень ласков, когда... Когда мне это было нужно позарез. Но это вовсе не повод для ожиданий, что он станет посвящать мне каждую ночь или хотя бы еще одну.

— Конечно. Ты права, Пятница, но... Знаешь, немногие женщины твоих лет сумели бы так посмотреть на это.

— Ну... Не знаю. По-моему, это очевидно. Ты же не чувствуешь себя задетой. Значит, ты смотришь так же.

— Я? Что ты хочешь этим сказать?

— Все то же. Позапрошлой ночью она спала с тобой, прошлой — с ним. Но тебя, кажется, это не трогает.

— А почему это должно меня трогать?

— Не должно. Но ситуации ведь схожи. (Не держи меня за дурочку, Рыжик, я ведь не только видела тебя тем утром, но и кое-что учуяла — нюх у меня посильнее, чем у вас.) Кстати, меня это немножко удивило. Я не подозревала, что тебя тянет в эту сторону. Про Анну, конечно, знала... И удивилась, что она стала спать с Бертом... Ну, вообще с мужчиной. Я и не подозревала, что она когда-то была замужем.

— А-а, ну да. Возможно, это выглядит так со стороны. Но тут примерно то же, что у тебя с Бертом: мы с Анной любим друг друга вот уже много лет, но... Мы совсем не «влюблены» друг в друга, и мы обе питаем самые нежные чувства к противоположному полу, как бы ты ни расценивала то, что видела прошлым утром. Когда Анна по сути дела увела Берта у тебя из-под носа, я обрадовалась... Хотя и переживала немного за тебя. Но не очень — у тебя на хвосте всегда гроздь мужиков, а для Анны это редкость. Потому я и обрадовалась. Не ожидала, конечно, что они поженятся, но это ведь — здорово... Смотри, Золотая Орхидея. Купим?

— Постой минутку. — Я остановила ее у витрины цветочного магазина. — Рыжик... Я слышала, что кое-кто, рискуя жизнью, полез в спальню на ферме, таща раскладные носилки. Для меня.

— Кое-кто слишком много болтал, — нахмурилась Рыжик.

— Мне надо было сказать это раньше. Я люблю тебя. Люблю больше, чем Берта, потому что полюбила раньше. Мне вовсе не хотелось выходить замуж за него, и я не могу выйти за тебя, но... Могу просто любить тебя. Идет?

26

Наверное, я вышла замуж за Рыжика. Или... что-то в этом роде. Как только Анна и Берт поженились, мы вернулись в отель. Новобрачные переехали в номер «для молодоженов» (никаких зеркал на потолке, бело-розовые обои вместо черно-красных, в остальном — то же самое, только намного дороже), а мы с Рыжином заплатали по счету и сняли маленький домик — «конфетную коробку», — там, где Чарлстон переходит в Фремонт. Оттуда можно было пешком

дойти до автобусного маршрута, соединявшего Рынок труда с городом: Рыжику удобно добираться до любого госпиталя, а мне — ездить за покупками. Сними мы домик в другом месте, и нам пришлось бы брать напрокат лошадь с тележкой или покупать велосипеды.

Может, домик и оставлял желать лучшего, но для меня это был дивный замок из сказки, созданный для медового месяца, с дверью, как мне казалось, увитой розами. Никаких роз, конечно, не было и в помине, и дом был гадкий, и единственная современная вещь в нем — компьютерный терминал с очень ограниченными возможностями, но... Первый раз за всю мою жизнь у меня был свой собственный дом, а я стала «домашней хозяйкой». Дом в Крайстчерче никогда, по сути дела, не был моим, я никогда не была в нем хозяйкой, и мне постоянно теми или иными способами ненавязчиво давали понять, что я — гостя, а не полноправный член семьи.

Знаете, как здорово покупать соусницу для своей кухни?

Я стала домохозяйкой. В первый же день — Рыжику позвонили, предложили место в госпитале, и она стала заступать на дневное дежурство с семи ноль-ноль, или на ночное — с двадцати трех ноль-ноль. Пока она отсыпалась после первого ночного дежурства, я приготовила свой первый обед, и... У меня сторела картошка, и я разревелась. Интересно, рыдания по такому поводу — привилегия невесты? Если так, то я использовала свою привилегию, даже не успев стать настоящей невестой (если мне вообще суждено когда-нибудь стать настоящей, а не такой, как в Крайстчерче).

Я стала хорошей домашней хозяйкой, я даже купила семена душистого горошка и посадила их у крыльца вместо несуществующих роз, и... Обнаружила, что садоводство включает в себя нечто большее, чем просто закапывание семян в землю — эти семена так и не прижились. Тогда я пошла в библиотеку Лас-Вегаса и купила книгу по садоводству — да-да, настоящую книгу с бумажными страницами и замечательными иллюстрациями, наглядно показывающими, что и как должен делать хороший садовник. Я выучила ее наизусть.

Только одну вещь я так и не сделала, хотя мне ужасно хотелось — не завела котенка. Рыжик могла слинять в любой день, она сама предупредила, что, если меня вдруг в это время не окажется дома, она может даже не попрощаться (как я сама когда-то предупреждала Джорджа, и так оно и вышло). Если я беру котенка, то даю пожизненное обязательство, а курьер не может таскать повсюду кошку в дорожной сумке — тут, как с рождением детей. Однажды и мне придется слинять... Поэтому я не взяла котенка. Не считая этого, я наслаждалась всеми сладкими прелестями жизни домашней хозяйки... Включая пчел в сахарнице и загоревшегося как-то раз посреди ночи камина — без этих двух «прелестей» я постараюсь обойтись в следующий раз.

Чудное было время. Рыжик постепенно научила меня сносить

готовить — раньше я лишь полагала, что умею, а теперь я действительно умею. И я научилась смешивать мартини именно так, как она любила, — раньше я никогда не утруждала себя такими сложностями, но теперь я поняла, как необходим стаканчик мартини медсестре, валящейся с ног после ночного дежурства, как только она переступает порог своего дома.

Ей-Богу, если бы Рыжик была мужчиной, я покончила бы со всей временной стерильностью, с радостью нарожала бы ей кучу детей, завела кошек и увила бы дверь плющом.

Берт и Анна скоро уехали в Алабаму, но мы договорились не терять друг друга из виду. Они не собирались там жить постоянно, но Анна считала, что должна повидать дочь и внуков, а заодно, думаю, показать своего нового мужа. Потом они собирались законтрактоваться в какую-нибудь военную или полувоенную организацию, чтобы вместе участвовать в боевых операциях. Да-да, они оба устали от сидячей жизни, оба желали промотать все деньги и завербоваться в какой-нибудь боевой отряд. «Лучше один час полной жизни, чем сто лет унылых будней!» Что ж, может, так оно и есть. Во всяком случае, это их дело.

Я продолжала бывать на Рынке труда, потому что близился день, когда мне не то что захочется слинять, а придется это сделать. Рыжик неплохо зарабатывала и поначалу пыталась настоять на том, чтобы одной оплачивать все наши расходы по дому, но... Я зарычала и рычала до тех пор, пока она не согласилась на половину. Теперь ведь я сама ведаю хозяйство, заполняла счета, и прекрасно знала, во сколько обходится жизнь в Лас-Вегасе. Когда Рыжик оторвется отсюда, я одна смогу прожить здесь пару месяцев, не больше.

Только вряд ли я стану здесь жить. В «медовом» коттедже на двоих не очень-то весело жить одной.

Я продолжала свои попытки связаться с Жаном и Жанет, а также с Бетти и Фредди, но ограничила их двумя в месяц: звонки были тоже недешевы.

Два раза в неделю я проводила по полдня на Рынке труда, внимательно изучая все варианты. Я больше не рассчитывала найти работу курьера хотя бы с половинной оплатой по сравнению с той, что давал мне Босс, но все же продолжала наведываться в международные корпорации: если кому-то и нужны были тренированные курьеры, то это — им. Я перебирала и все остальные варианты любой работы, которая подходила бы моим необычным талантам. Босс утверждал, что я — своего рода суперчеловек. Что ж, если так, то могу подтвердить, что спрос на суперлюдей, мягко говоря, невелик.

Я стала подумывать о том, чтобы закончить курсы и стать крупье или просто служащим казино, но потом решила оставить это на самый крайний случай. Конечно, можно многие годы спокойно работать в игорном доме — крупье или кем-нибудь еще, — за приличную зарплату, но для меня это обернется просто каторгой.

Это способ выжить, но не жить. Лучше уж наняться рядовым и постараться побыстрее получить следующее звание.

Были и другие возможности, о которых я раньше никогда не помышляла. Хотя бы такие:

«Наемные Матери — по нелимитированной лицензии, заверенной „Транс Америкой“ или „Ллойдом“. Без доплаты за рождение близнецов, вплоть до 4-х. Плата по согласованию. Оплачивается стандартное обследование для проверки физического состояния со специалистом по вашему выбору.

Бэби'С Анлимитэд, Инк. ЛВ 7962М 4/3»

Что ж, могу законтрактоваться через «Бэби'С Анлимитэд», а могу и поработать частным образом, как «свободная художница». Мое естественное предохранение от беременности сыграет здесь только на руку — ведь больше всего покупатели наемных матерей не любят тех «мамочек», которые вдруг беременеют где-нибудь на стороне перед самым «заказом». Рожать для других — в качестве временного занятия, дело неплохое. Платят за это прилично.

«Требуется: 90-дневная жена для внеземного отпуска. Оплачиваются все расходы, удобства — 9+. Физические данные: С/У, сангвинический темперамент — 8, сексуальность — 7 или выше.

Клиент имеет лицензию на продолжение рода от Чикагской Империи, каковую вручит жене-на-отпуск в случае ее беременности или оплатит 120-дневную стерилизацию — по ее выбору. Связаться с Амелией Трент, лицензированным секс-брокером. § 18/20 Новый Кортекс, Мезанин».

Неплохое предложение для тех, кто нуждается в трехмесячном отпуске и любит русскую рулетку. Мне лично беременность не грозит, а индекс похотливости у меня выше, чем семь, — namного! Но шкала оплаты «подружек» в Свободном штате не так высока, чтобы терять из-за этого шанс устроиться на более постоянную работу... И клиент наверняка какой-нибудь зануда, иначе он не стал бы нанимать незнакомку для своей постели на время отпуска.

«Срочно требуются — два инженера по пространству — времени любого пола, имеющие опыт в н-пространственных работах. Должны быть согласны на риск невозвратимого темпорального перемещения. Условия оплаты — по договоренности. "Бэбкок и Уилкокс Лтд". Следите за "Уолл-стрит Джорнал", ЛВ Рын. Тр.»

Вот это как раз то, что мне нужно. Жаль только, у меня нет ни малейших навыков в этой специальности.

Перед первой Плазматической Церковью («Вначале была Плазма, в пустоте и без всякой формы...») висела доска с расписанием служб. Меня заинтересовало маленькое объявление, выведенное корявыми буквами на этой доске: «Следующая девственница будет принесена в жертву в 02.51, 22-го октября».

В слове «следующая» ощущалось некоторое постоянство, и даже надежность, но как и в случае с временно-пространственными инженерами, мне явно не хватало навыков по этой «специальности».

Вообще-то, честно говоря, я слегка растерялась. Пока я глазела на объявление, из церкви вышел человек, сменил расписание, и я обнаружила, что пропустила вчерашнее причастие, а следующее будет лишь через две недели. Это меня мало задело, но, как всегда, подвело любопытство, и я спросила:

— Вы правда приносите девственниц в жертву?

— Я — нет, — ответил он. — Я тут только помощник, но... Да нет, конечно, им вовсе не обязательно быть девственницами. Им нужно выглядеть девственницами. — Он оглядел меня с ног до головы. — Я думаю, у тебя получится. Хочешь зайти и поговорить со священником?

— Я? Нет-нет... Но скажите, он действительно приносит их в жертву?

Он опять внимательно оглядел меня.

— Ты ведь не здешняя? Да? — Я кивнула. — Значит, так... Если бы ты объявила, что снимаешь фильм ужасов про мертвецов, ты ведь вполне могла снимать его при дневном свете в павильоне, верно? И никто бы из статистов не спрашивал, будут ли из них и впрямь делать мертвецов, согласна? Такой вот у нас город. Что тут странного?

Наверное, и впрямь, ничего, только... А может, я просто деревенская дурочка.

Объявлений о различных внепланетных работах было множество, но я не собиралась наниматься на внепланетную работу, поскольку я рассчитывала соскочить с этой планеты в качестве колониста — это путешествие мне оплачивалось, так что я могла выбирать любую колонию: от Проксимы, что совсем неподалеку от нас, до Реальма, расположенного так далеко, что и груз, и пассажиров отправляли туда на Н-звездолетах... Правда, по последним сведениям, Первый Гражданин запретил миграцию на Реальм для всех за любую плату, за исключением некоторых артистов и ученых, причем каждая кандидатура разбиралась в индивидуальном порядке. Но я не очень-то рвалась на Реальм, какие бы сказки там про него ни рассказывали, — слишком далеко! Вот жители Проксимы — можно сказать, наши соседи; с Южного острова их солнце прекрасно видно: такая яркая, большая звезда... Смотрится очень симпатично! И все же я внимательно изучала каждое объявление.

Золотая дивизия «Трансураник» возле Проциона-Б нуждалась в опытных инженерах по рудникам — контракты на пять лет, плюс премиальные. В объявлении не упоминалось о том, что средний человек редко протянет больше пяти лет на Проционе-Б.

Гиперпространственные линии нанимали людей для путешествия на Реальм через Проксиму, Аутпост, Фидлер с Грин, Ферест, Ботанический Утес, Хальцион и Мидуэй. Четырехмесячное турне со стационарного спутника, выплата жалованья — через месяц после отбытия из земного порта или с Луны. Я пропустила условия оплаты для астронавигаторов, инженеров, связистов и медиков и принялась

изучать список остальных: официант, стюард в номерах, плотник-ремонтник, электрик, паяльщик, электронщик, программист, повар, повар по выпечке, повар по специям, заведующий буфетом, специалист по соусам, шеф-повар, бармен, крупье, администратор, фотограф-голограф, помощник зубного врача, певец, инструктор танцев, организатор игр, секретарь-компаньон, секретарша-компаньонка, помощник администратора, инструктор по изобразительным искусствам, карточный инструктор, устроительница вечеринок «интим», инструктор по плаванию, медсестра, няня, охранник порядка (вооруж.), охранник порядка (невооруж.), руководитель оркестра, театральные директор, музыкант (перечислено двадцать три наименования инструментов, но желательно — играющий на нескольких сразу), косметичка, парикмахер, массажист... Словом, вполне стандартный набор. И в этом нет ничего удивительного — все, что делают на земле, делают и на небесах. Правда, некоторые из специальностей были связаны исключительно с космосом — я просто не знала, что они означают (допустим, что, скажите на милость, значит — «сверх-гип-переходник 2/ц?»).

Лишь одна профессия не значилась в списке — «подружки». И это несмотря на гарантию предоставления равных возможностей на «Гиперпространственных линиях». Ну, я-то хорошо знаю эти «равные возможности». Если вы хотите получить какую-нибудь не шибко специализированную работу, вам очень помогут: смазливость, молодость, крепкое здоровье, сексуальность, а еще лучше бисексуальность, жажда заработать и готовность к любому более или менее разумному предложению. Сам капитан порта начинал карьеру со стюарда на старом «Ньютоне». В бытность свою стюардом, он внимательнейшим образом следил за тем, чтобы в полетах его пассажиры первого класса получали все, что им было угодно... И, разумеется, за тем, чтобы они хорошо платили за это. Став капитаном порта, он продолжал исповедовать ту же доктрину. Поговаривали, что он отдает предпочтение супружеским парам и вообще парам, если они умеют работать сообща, как в постели, так и за ее пределами. Мне рассказывали об одной паре — сутенере и его подружке, — которая сколотила состояние всего за четыре полета. С утра — инструкторы танцев, днем — инструкторы плавания, наемные танцоры — перед обедом и после, певичка и аккомпаниатор — вечером, а ночью — интимное обслуживание поодиночке или вместе. Итого: четыре полета и — можно спокойно уходить на пенсию... Впрочем, не только можно, но и должно. Их вынуждены были уволить, поскольку, выдерживая такой чудовищный темп, они очень скоро попросту высосали из себя все жизненные соки.

Не думаю, что деньги могут заставить меня пойти на такое. Я, конечно, прокувыркаюсь всю ночь, когда бы меня об этом ни попросили, но на следующий день я все-таки хочу урвать возможность как следует отоспаться.

Меня немного удивило, что «Гиперпространственные», имея всего четыре пассажирских лайнера, по-видимому, на каждый рейс нанимают заново всю службу. Помощница агента по найму удивленно приподняла брови и спросила:

— Вы действительно не знаете? — Я кивнула. — В трех местах посадки нужно очень много золотых кружочков, чтобы выкупить право на въезд. Три других — тоже недешевы, хотя в некоторых специальностях там нуждаются. И лишь одна планета принимает без ограничений кого угодно. Поэтому главная наша проблема — дезертирство. «Фидлер с Грин» такой лакомый кусочек, что несколько лет тому назад туда сбежал первый пилот «Дирака». Компания может быть относительно спокойна по поводу тех, кого нанимают здесь, в Вегасе, но... Представьте, что вы живете в Рангуне или Бангкоке, или в Кантоне, устроились рабочей в рейс на Хальцион, а ваш начальник засмотрелся в сторону... Ну, что вы сделаете? — Она передернула плечами и грустновато усмехнулась. — Я не выдаю вам никаких тайн. Каждый, кто хоть раз задумывался об этом, знает, что единственный способ для большинства людей убраться с Земли, хотя бы на Луну, — это завербоваться на космический рейс, а потом соскочить. Я бы и сама так сделала, если бы могла.

— А почему же не делаете? — спросила я.

— А потому что у меня шестилетний сын.

(Мне надо научиться не лезть в чужие дела!)

Кое-какие объявления пробудили во мне любопытство. Скажем, такое:

«Только что открыта новая планета — типа Т-8. Максимальная опасность гарантируется. Только пары или группы. В рамках плана развития и выживания. Черчилль и сыновья. Лас-Вегас, Рын. Тр. 96/98».

Я вспомнила, как Джордж говорил, что любая планета, выше по Т-шкале, чем 8, требует огромных затрат. Теперь я знала эту шкалу — восьмерка соответствовала первоначальному состоянию Земли, а большую часть нашей старушки было не так-то легко приручить. Очень многое пришлось переделывать, скажем, вот эта самая земля, на которой я сейчас стою, была населена жуткими монстрами и ящерицами, пока в нее не вбухали Бог знает сколько денег и... воды. Интересно, что означает «максимальная опасность»? Пригодятся ли для этого мои таланты? Вообще-то я бы не хотела становиться вождем отряда амазонок, потому что несколько моих девчонок наверняка погибли бы, а мне это не по вкусу. Другое дело — поймать саблезубого тигра или кого-нибудь в этом роде. Уверена, что смогла бы подойти к нему, стреножить и оттащить в кусты до того, как он сообразит, что с ним произошло. Так, может, Т-8 для Пятницы больше подходит, чем наманикюренное местечко, вроде «Фидлер с Грин»?

С другой стороны, «максимальная опасность» может означать и

множество действующих вулканов, и повышенную радиацию. Зачем палить втемную? Нет, Пятница, сначала разузнай все как следует — у тебя есть всего одна попытка.

В этот день я задержалась на Рынке, потому что Рыжик пришла после ночного дежурства. Я приготовила ей поесть и уложила спать около десяти. Я надеялась, что она проспит часов до восьми вечера, и поэтому бродила по Рынку, пока конторы не стали закрываться.

Когда я вернулась, наш дом был погружен во тьму. Меня это обрадовало — значит, Рыжик до сих пор спит, а стало быть, если повезет, я успею приготовить ей завтрак до того, как она проснется (с этими ее ночными дежурствами обеда, завтраки и ужины у нас поменялись местами). Стараясь не шуметь, я открыла дверь, вошла внутрь и... обнаружила, что дом пуст. Мне даже не нужно было обходить его, ведь пустота чувствуется сразу. Я прошла в спальню. Пустая кровать. Пустая ванная. Включила свет и сразу увидела большой лист бумаги возле терминала. Записка? Нет, пожалуй, целое письмо. Адресовано мне:

«Пятница, родная!

Похоже ты не придешь домой до того, как я уеду, и... Может, это и к лучшему, потому что мы обе стали бы плакать, а толку от этого — никакого.

Моя работа здесь подошла к финишу, но не совсем так, как я предполагала. Доктор Крэсни поддерживал контакт с моим здешним начальством, чтобы в нужный момент меня сразу отпустили, заплатив все, что причитается. Он позвонил мне сегодня, когда я еще не успела заснуть. Теперь он полковник медслужбы в новообразованном медицинском отделе, обслуживающем скаутов Сэм-Хьюстона. Скауты, естественно, лишь вспомогательная часть основного состава — каждый батальон распределяется между тремя основными войсковыми соединениями. Мне не положено сообщать, где мы дислоцируемся, а тем более, куда направимся, но (сожги это письмо, как только прочтешь!) если ты поедешь к западу от Плэйнвью, ты можешь наткнуться на нас в Лос-Лэнос-Эстакадос еще до того, как доберешься до Портэйлса.

Куда мы направимся? Это — действительно засекречено! Но если мы не врежем по Эскенсиону в ближайшее время, многие солдатские жены не получат пенсии. Я позвонила Анне и Берту, они встретят меня в 18-10 в Эль-Пасо (... в 18.10? Но тогда Рыжик уже в Техасе. О, Господи!..), потому что доктор Крэсни обещал им работу — или военнотружущими, или помощниками в медицинских частях, если возникнет какая-то задержка военных операций. Для тебя, моя дорогая, тоже есть работенка, если тебя интересует поле боя. А можешь быть и медтехничкой 3-го класса — тогда я возьму тебя к себе и быстренько натренирую на старшего сержанта медслужбы. Думаю, проблем не будет, я ведь знаю, чего ты стоишь. Знает это и полковник Крэсни. Было бы здорово, если бы мы вчетвером... То есть, я хочу сказать, впятером — опять собрались

вместе. Но я ни в коем случае не хочу давить на тебя. Я знаю, ты очень огорчена, что потеряла след своих канадских друзей, которые куда-то исчезли. Если считаешь, что должна оставаться свободной и продолжать их поиски — сохрани тебя Господь и пошли тебе удачу. Но если хочешь принять участие в небольшой заварушке за очень приличную плату, не теряй времени, поезжай напрямик в Эль-Пасо. Адрес: «Ручные разработки, дивизия Эль-Пасо, отдел полевых действий — изучение фактора окружающей среды, обращаться к Джону Крэсни — главному инженеру. Пожалуйста, не смейся, и сразу уничтожь письмо, как только прочтешь и запомнишь. Как только вести об этой операции просочатся в "Новости", ты можешь связаться с нами открыто через хьюстонское бюро скаутов. Но пока что я — "старший технический сотрудник" в группе "Изучения фактора окружающей среды"».

Дай тебе Бог всего самого хорошего и сохрани от всех бед и напастей.

С любовью. Рыжик»

27

Прочитав письмо, я сожгла его и сразу легла в постель — унять мне в этот вечер что-то расхотелось.

На следующее утро я отправилась на Рынок труда, нашла мистера Фаусетта — агента «Гиперпространственных линий» — и сказала ему, что хочу подписать контракт в качестве охранника порядка (безоружного). Этот высокомерный индюк расхохотался мне в лицо. Я взглянула на его помощницу в поиске моральной поддержки, но та отвела глаза. Тогда я подавила вспышку раздражения и очень вежливо спросила Фаусетта:

— Скажите, пожалуйста, что здесь смешного?

Он прекратил свое дурацкое хрюканье и сказал:

— Слушай, цыпочка, «охранник», а тем более «охранник порядка» должен, как минимум, быть мужчиной. А тебя мы можем нанять, но — как дамочку. И совсем по другой специальности.

— Ваше объявление гарантирует равные права для всех. В списке, где значится «официант», рядом написано: «официантка». Точно так же «стюард» не исключает «стюардессу». И так далее. Это что, неправда?

Фаусетт перестал ухмыляться, напустил на себя строго-торжественный вид и заявил:

— Совершеннейшая правда. Но там также сказано: «Физически способные выполнять работы, соответственно занимаемым должностям». Охранник порядка — это полицейский офицер на борту корабля. Безоружный охранник порядка — это легавый, который способен обеспечить порядок, не прибегая к оружию. Он может влезть в гущу драки и арестовать зачинщиков голыми руками. Вы

этого делать не в состоянии, так что не морочьте мне голову и не вздумайте брать меня на испуг; грозить жалобой в профсоюз и все прочее.

— Не собираюсь. Но вы не прочли мой послужной список.

— Какое значение может иметь ваше досье? Впрочем... — Он небрежно взглянул на лежащий перед ним лист бумаги. — Здесь сказано, что вы — «боевой курьер». Не знаю, что это означает, но...

— Это означает, что, когда у меня есть задание, меня никто не остановит. Если все же кто-то попробует, его можно бросить на съедение голодным собакам. Курьер действует без оружия. Иногда у меня бывает при себе лазерный нож или баллончик с газом, но в основном я полагаюсь на голые руки. Обратите внимание на мою подготовку.

Он опять взглянул на мое досье и пожал плечами:

— Ну, хорошо, вы прошли курс рукопашного боя! Но это вовсе не означает, что вы справитесь с каким-нибудь здоровенным верзилкой — выше вас на две головы и килограммов на сто тяжелее. Не отнимай у меня время, детка, тебе не справиться даже со мной.

Я обошла стол, за которым он сидел, дернула его со стула, дошла с ним до двери и там отпустила — достаточно быстро, чтобы никто снаружи этого не увидел. Его помощница тоже этого не видела — она очень тщательно этого не видела.

— Вот так, — сказала я, — я могу это делать, не причиняя боли. Но мне бы хотелось пройти испытание с самым крупным вашим охранником. С удовольствием сломаю ему руку. Если вы, конечно, не прикажете мне сломать ему шею.

— Ты схватила меня, когда я не ожидал!

— Конечно. Именно так следует управляться с пьяницей-дебоширом. Но сейчас вы ведь ожидаете? Вы готовы, не так ли? Давайте повторим все снова. Только на этот раз мне придется причинить вам боль. Немножко. Кости останутся целы.

— Стой где стоишь! Чушь это все... Мы не берем охранниками тех, кто научился каким-то восточным штучкам — мы нанимаем здоровенных мужиков. Таких, которые вызывают уважение одним своим видом. Им вовсе не нужно драться.

— Ладно, — согласилась я, — возьмите меня «легалым в штатском». Наденьте на меня вечернее платье и назовите наемной танцоршей. Когда кто-то моего габарита сделает вид, что поскользнулся на льду, врежет вашему «здоровому мужику» по мошонке и тот выпадет в осадок, я перестану играть «леди-танцует», вмешаюсь и наведу порядок.

— наших охранников ни от кого не нужно защищать.

— Возможно. По-настоящему здоровый мужик обычно ленив, неповоротлив и, как правило, мало смылит в драках, потому что ему драться-то никогда не приходилось. Он хорош, когда надо следить за порядком при игре в карты. Или справиться с одним несчастным пьяницей. Но что, если капитану действительно

понадобится помощь? Заговор, мятеж... Тогда будет нужен тот, кто умеет драться. Это — я.

— Оставьте заявление у моей помощницы. И не звоните нам, мы сами с вами свяжемся.

Я вернулась домой и стала прикидывать, куда бы мне еще обратиться. Или... Может, мне стоит уехать в Техас? Я допустила ту самую — непростительную, глупейшую оплошность с мистером Фаусеттом, что и с Брианом... Боссу было бы стыдно за меня. Мне нужно было не бросаться на его вызов, а вежливо настоять на честном испытании... Ни в коем случае нельзя было даже пальцем касаться того, к кому я обращалась, — у кого просила работу. Ты дура, Пятница, круглая дура!

Меня расстроила не потеря именно этой работы, а потеря возможности устроиться на любую работу в космосе на «Гиперпространственных линиях». А ведь так или иначе, мне очень скоро придется наняться на работу, чтобы оправдать тот простой факт, что Пятница хочет есть. Черт с ней, с этой — не обязательно быть «охранником порядка», — но мне нужна работа на «Гиперпространственных линиях», потому что за один рейс я смогу поглядеть своими глазами на половину колонизированных планет в освоенном космосе.

Хоть я и решила последовать совету Босса и эмигрировать с Земли, перспектива выбирать точку приземления, черпая информацию из брошюр, написанных рекламными агентами, да еще выбирать без права на повторную попытку — такая перспектива меня не устраивала. Я хотела сначала осмотреться. Возьмите, скажем, Эден — о нем написано больше хвалебных песен, чем о любой другой колонии в космосе. Достоинства: климат, очень похожий на Южную Калифорнию, почти на всей поверхности планеты нет никаких опасных хищников; нет насекомых; притяжение — на девять процентов меньше, чем земное, а содержание кислорода на одиннадцать выше; условия жизни очень похожи на земные, а почва так плодородна, что снять за год два-три урожая — сущий пустяк. Приятный пейзаж, в какую бы сторону вы ни глядели, а население на сегодняшний день не превышает десяти миллионов. Спросите, где же ловушка?

Я выяснила это случайно, когда однажды любезно согласилась поужинать в Луна-Сити с одним пилотом. Компания вложила огромные деньги в Эден — вкладывала с того момента, как он был открыт, — и сделала из планеты великолепный «Дом для пенсионеров». Таким «домом» он является и теперь — после того, как партия пионеров подготовила его для обитания и убралась. Девять десятых переселенцев туда составляют люди пожилые и богатые. По своему государственному устройству Эден — демократическая республика, но совсем не такая, как Калифорнийская Конфедерация. Чтобы получить право голоса на выборах, житель Эдена должен достичь возраста семидесяти земных лет и быть налогоплательщиком, т. е. землевладельцем. Лица от двадцати до тридцати лет заняты на

общественных работах, и, если вы понимаете это, как исполнение всех желаний и прихотей старшего поколения, то вы, безусловно, правы. И, естественно, все самые грязные и «черные» работы попадают под эту категорию, и никто не платит за них обычных надбавок — это просто не нужно, поскольку занятость на этих работах молодежи практически принудительная. Написано об этом в рекламных брошюрах? Не смешите меня!

Мне нужно выяснить очень многое, что не входит в рекламу, о каждой колонии в космосе, прежде чем я куплю билет в одну сторону на какую-то планету. Но я лишилась лучшей возможности удовлетворить свое любопытство. Решив доказать мистеру Фаусетту, что безоружная женщина может исполнить «а-ну-пройдем-ка» со здоровым мужиком, — я наверняка очутилась у него в черном списке. Интересно, повзрослею ли я?

Что толку плакать над опрокинутой кастрюлей с молоком? Босс презирал это не меньше, чем жалость к себе. Лишив себя шансов законтрактоваться на «Гиперпространственные линии», мне все равно нужно было убираться из Лас-Вегаса, пока у меня еще не кончились деньги. Раз уж я не могла слетать сама в Большое Путешествие, нужно было разузнать о колониях другим способом — например, тем, с помощью которого я ознакомилась с прелестями Эдена: можно было познакомиться поближе с членами экипажей звездолетов.

Заняться этим можно лишь в одном месте: на Стационарном Спутнике. Дальние грузовые звездолеты редко приближались к уровню земного притяжения ближе, чем Эль-4 или Эль-5, т. е. ближе Лунной орбиты. Избегали они и самой Луны. Но пассажирские корабли обычно садились на Стационарный Спутник. И все четыре гигантских лайнера «Гиперпространственных линий» — «Дирак», «Ньютон», «Максвелл» и «Форвард», — стартовали оттуда, возвращались туда и там же проходили техническую подготовку и брали топливо. Там находилось отделение комплекса «Шипстоун» («Шипстоун — Стационарная орбита») — в основном, для продажи энергии звездолетам, чаще всего — громадным лайнерам. Офицеры и обслуга, отпущенные в «увольнительную», обычно проводят свободное время на Земле, а вот те, кто должен нести вахту на корабле, часто выпивают и развлекаются на Стационарном Спутнике. Я не большая любительница Спутника — кроме захватывающей и постоянно меняющейся панорамы Земли там нет ничего примечательного, разве что дикие цены. Его искусственная гравитация действует на нервы — все время кажется, что она отключится в тот самый момент, когда вы поднесете ко рту ложку супа. Но если вы не привередливы, там нетрудно найти временную работу, а мне придется так или иначе зарабатывать на хлеб насущный, чтобы прожить там, пока я не разузнаю все как следует

о внеземных колониях, заарканывая и очаровывая суровых покорителей космоса.

Быть может, мне даже удастся обойти Фаусетта и дуриком просочиться оттуда на «Гиперпространственные линии». Случается, что недостающих членов команды набирают там за пять минут до вылета. Если мне повезет, я не повторю своей ошибки, не стану требовать должности охранника порядка: только официантка, стюардесса, горничная... Словом, ухвачусь за любую работу на корабле, лишь бы попасть в дальний рейс. А потом, когда выберу для себя новое пристанище, обязательно постараюсь попасть на тот же самый лайнер, но — уже в качестве пассажирки первого класса, раз уж странной волей моего приемного отца мне предоставится такая возможность...

Я оставила записку хозяину той мышеловки, что мы снимали, и стала соображать, что еще должна сделать перед отлетом в Африку. Африка... Придется добираться через Аскенсион, или... Интересно, полубаллистики уже летают? Африка заставила меня вспомнить о Рыжике, Анне, Берте и добряке Крэсни. Может быть, я попаду в Африку раньше, чем они, но... Какая разница? Там, насколько мне известно, лишь в одном месте идет что-то вроде войны, и я постараюсь бежать от этого района, как от чумы... Чума! Я должна сейчас же дать знать о чуме Глории Томосаве и моим друзьям на Эль-5 — мистеру и миссис Мортенсон. Навряд ли, конечно, мои слова убедят их (или вообще кого бы то ни было) в том, что эпидемия чумы разразится через два с половиной года — я сама в это не верила. Но если мне все же удастся заставить задуматься некоторых ответственных чиновников хотя бы настолько, чтобы санитарные меры против крыс стали жестче, а медицинские проверки в космопортах перестали быть бессмысленным ритуалом, то это может... Может спасти колонии в космосе и на Луне. Вряд ли, конечно, но... Я должна попробовать.

Да, надо попробовать еще разок связаться с Тормеями, и, если там пусто... Отложить это до возвращения со Стационарного Спутника или (хочу надеяться!) из дальнего рейса. Конечно, можно позвонить в Сидней или в Виннипег со Стационарного Спутника, но стоит это гораздо дороже, а я не так давно очень хорошо усвоила, что желать чего-то и быть способной это осуществить — не одно и то же.

Я набрала код Тормеев в Виннипеге, ожидая услышать в ответ обычное: «Набранный вами код временно отключен по желанию абонента». Но услышала я совсем другое:

— Дворец пиратской пиццы!

— Прошу прощения, — пробормотала я, — я неверно набрала номер.

После этого я набрала второй раз — очень аккуратно.

— Дворец пиратской пиццы!

— Простите, что беспокою вас, — сказала я. — Я нахожусь в

Лас-Вегасе и набираю код моих друзей в Виннипеге, но все время попадаю к вам. Видимо, что-то не так в компьютере, и...

— Какой код вы набираете? — осведомился дружелюбный женский голос.

Я назвала код Жана и Жанет.

— Все правильно, — подтвердила она, — это наш номер. Лучшая пиццерия во всей Британской Канаде. Но мы открылись всего десять дней назад. Вполне возможно, что раньше этот код принадлежал вашим друзьям.

Я поблагодарила ее, отключила связь и задумалась. Потом набрала код виннипегского аэропорта, сильно надеясь, что мой дешевенький терминал с ограниченными возможностями может принимать видеоизображение не только из Лас-Вегаса, но и из более отдаленных мест — в работе «пинкертон» очень важно видеть лица расспрашиваемых. Как только мне ответил компьютер аэропорта, я сразу же потребовала дежурного офицера — в общении с этим аэрофлотовским монстром у меня уже был опыт. Появившейся на экране женщине я объяснила:

— Я — Пятница Джонс, близкая знакомая капитана Тормея и его жены. Из Новой Зеландии. Стараюсь дозвониться им домой, но ничего не выходит. Вы не могли бы мне помочь?

— Боюсь, что нет.

— Вот как? И ничего не можете посоветовать?

— Простите, нет. Капитан Тормей подал в отставку. И даже забрал все, что ему полагалось по пенсионному обеспечению. Как я слышала, он продал свой дом, а стало быть, отправился в лучшие края. Единственный адрес, по которому с ним, быть может, удалось бы связаться, это адрес его зятя в Сиднейском университете. Но мы не имеем права сообщать этот адрес кому бы то ни было.

— Вы, вероятно, имеете в виду профессора Фредерико Фарнези с биологического факультета университета в Сиднее?

— Совершенно верно. Я вижу, вы в курсе.

— Да, Бетти и Фредди — мои друзья. Я познакомилась с ними, когда они жили в Окленде. Ну что ж, я доберусь до дому, свяжусь с Фредди и через него найду Жана. Спасибо за помощь.

— Не стоит. Когда увидите капитана Тормея, пожалуйста, передайте ему привет от младшего пилота Памелы Херсфорд.

— Непременно передам.

— Если вы собираетесь домой, у меня есть для вас хорошие новости. Все рейсы полубаллистиков на Окленд полностью функционируют. В течение десяти дней мы занимались лишь транспортировкой грузов и теперь полностью уверены в безопасности всех наших рейсов. Сейчас всем пассажирам предоставляется сорокапроцентная скидка — мы хотим, чтобы все наши друзья вернулись к нам.

Я поблагодарила ее, сказала, что, поскольку я сейчас в Вегасе,

то вылечу из Ванденберга, и — быстро отключилась, пока не пришлось придумывать новые отговорки.

И снова я задумалась: лететь ли мне сначала в Сидней, раз полубаллистики опять на ходу? Там был — раньше, во всяком случае, — еженедельный рейс из Каира в Мельбурн и обратно. Если теперь его нет, можно воспользоваться морем, или монорельсом — через Сингапур, Рангун, Дели, Каир, а потом Найроби, но... Это будет долго, дорого и ненадежно — возможны задержки на каждой пересадке и любые местные неурядицы. Может случиться, что я окажусь в Кении без гроша в кармане, и мне не хватит денег, чтобы попасть на Стационарный Спутник. Ладно, еще одна попытка — еще один звонок. Вряд ли, конечно, но — для очистки совести...

Я позвонила в Окленд и ничуть не удивилась, когда компьютер сообщил мне, что код отключен. Я прикинула, сколько сейчас времени в Сиднее, и позвонила в университет, но не через обычный справочный код, а прямо на биологический факультет — по коду, который мне удалось заполучить месяц назад.

Мне ответил знакомый голос.

— Привет, Айрин, — сказала я, — это Марджори Болдуин. По-прежнему пытаюсь отыскать мою заблудшую овечку.

— Господи! Милая, я честно пыталась передать от тебя словечко Фредди! Но профессор так и не появился у себя в кабинете. И вообще в университете. Он уехал!

— Уехал? Куда?

— Ты не поверишь, если я скажу тебе, сколько людей хотело бы это знать. Мне вообще-то не положено говорить тебе об этом, но... Кто-то основательно очистил его кабинет от всех следов, и в квартире — ни единого волоска... Он просто исчез, и все! И никто не знает, куда.

Я поблагодарила ее, отсоединилась и, поразмыслив, набрала код виннипегского бюро охраны «Волчья стая». С превеликими трудностями мне удалось добраться до человека, назвавшего себя помощником коменданта. Я честно сказала ему, кто я такая (Марджори Болдуин), где нахожусь (в Лас-Вегасе) и что мне нужно (найти своих друзей).

— Ваша компания, — сказала я, — охраняла их дом, пока он не был продан. Вы не можете сказать мне, кто купил дом, или хотя бы — через какого агента он был продан?

Вот тут мне бы очень хотелось не только слышать звук его голоса, но и увидеть физиономию!

— Слушай, сестренка, — буркнул он, — я чую легавого даже через компьютер. Пойди доложи своему начальству, что, как они ничего не добились от нас в прошлый раз, так не получают ни черта и в этот.

Я удержалась от резкости и вежливо объяснила:

— Я не легавый, но понимаю, что у вас есть причины мне не верить. Я действительно сейчас в Вегасе и вы легко можете это

★
проверить, позвонив мне сюда. За мой счет, конечно. Продиктовать вам код?

— Незачем.

— Хорошо. Капитан Тормей владел парой черных лошадей морганской породы. Вы можете сказать мне, кто купил их?

— Детка, сделай так, чтоб я тебя искал.

Что ж, Жан сделал правильный выбор: «Волчья стая» по-волчьи охраняла интересы своих клиентов.

Будь в моем распоряжении время и деньги, я могла бы раскопать что-нибудь, лично съездив в Виннипег и в Сидней. Знать бы только... Ладно, забудь об этом, Пятница, теперь уже ясно: ты потеряла их и осталась совсем одна. Хочешь увидаться с Рыжиком? Вяжешься ради этого в войну в Восточной Африке? Но ведь Рыжик ради того, чтобы остаться с тобой, не пожелала не ввязываться в эту заваруху... Это тебе ни о чем не говорит? Да, это говорит мне о том, что я сама всегда знала, но не желала признавать: люди, другие люди всегда нужны мне больше, чем я нужна им. Это — твой самый большой недостаток, Пятница. И ты прекрасно знаешь, откуда он возник и как к этому относился Босс.

Ладно, завтра летим в Найроби. Сегодня дадим знать о чуме Глории Томосаве и Мортенсонам, ночью как следует выспимся, а утром... Разница во времени — одиннадцать часов, так что надо рано встать. И нечего волноваться и дергаться по поводу Жанет и всех остальных, пока не вернешься со Стационарного с твердым решением — на какую планету-колонию отправляться. Когда вернешься, можешь потратить все до последнего грамма на их поиски, поскольку, как только ты определишься с колонией, Глория Томосава возьмет все твои дела в свои прелестные твердые ручки.

Ночью я хорошо выспалась, утром собрала вещички — старая спортивная сумка, наполовину пустая, — и бродила по кухне, собирая мелкие безделушки, когда раздался звонок на терминале.

Это была та симпатичная секретарша с шестилетним сыном из «Гиперпространственных линий».

— Хорошо, что застала тебя, — сказала она. — У босса есть работенка.

Я молча ждала продолжения. На экране показалась глупая физиономия Фаусетта.

— Ты утверждала, что ты — курьер, — многозначительно произнес он.

— Мне нет равных.

— Хорошо, если так. Работа не на Земле. Идет?

— Конечно.

— Записывай: Франклин Мосби, «Поиск, инкорпорэйтед», номер 600, здание комплекса «Шипстоун», Беверли Хиллс. Поторапливайся, он ждет тебя для беседы до полудня.

Я не стала записывать адрес, а вместо этого сказала:

— Мистер Фаусетт, это будет стоить вам шесть граммов, плюс оплата дороги на монорельсе. Деньги вперед.

— Что-о-о? Чушь!

— Мистер Фаусетт, похоже, вы решили подшутить надо мной. Вам, наверное, кажется чертовски остроумным — заставить меня прокатиться до Лос-Анджелеса и потерять целый день, да еще заплатить за это турне.

— Смешная ты девчонка! Послушай, можешь взять деньги за билет здесь, в конторе... После интервью. А насчет шести граммов — сказать тебе, куда их засунуть?

— Не утруждайте себя. В качестве охранника порядка я не претендовала ни на какие особые условия; но если этот человек действительно хочет нанять курьера такого класса, он заплатит мне за этот день, не раздумывая. Вы шутник, мистер Фаусетт, — добавила я и отсоединилась.

Он позвонил опять через семь минут и говорил так, словно каждое слово причиняло ему невероятные страдания:

— Плата за проезд и шесть граммов будут ждать тебя на станции. Но учти, они входят в твою зарплату, и ты вернешь их, если не устроишься на эту работу. А если устроишься, заплатишь мне мои комиссионные.

— Я не верну их ни при каких обстоятельствах, и от меня вы не получите никаких комиссионных, потому что я не нанимала вас в свои агенты. Может быть, вам удастся получить что-то от Мосби, но это не вычтется ни из моей зарплаты, ни из платы за сегодняшний визит. И я не буду бегать в поисках вашего посыльного с деньгами по станции, как потерявшаяся собачонка. Если хотите сделать дело, присылайте деньги сюда.

— Ты невыносима! — Его физиономия сморщилась, как от зубной боли, и исчезла. Но он не отключил линию, и на экране тут же появилась его секретарша.

— Слушай, — миролюбиво сказала она, — работенка и впрямь стоящая. Давай сделаем так: ты встретишь меня на станции возле Нью-Кортеса. Я доберусь туда быстро, захвачу с собой твои бабки и куплю тебе билет. Идет?

— Конечно, родная. До встречи.

Я позвонила хозяину дома, сказала, что оставляю ключ в холодильнике, рядом с остатками еды, которые он может, если голоден, съесть за мое здоровье.

Фаусетт кое-чего не знал, а именно: никакая сила на свете не заставила бы меня отказаться от этого интервью. Он продиктовал мне то самое имя и тот самый адрес, которые Босс велел мне запомнить прямо перед своей смертью. Я ничего не предпринимала по этому поводу, я ведь не знала, почему он хотел, чтобы я запомнила эти данные. Теперь я это выясню.

На двери была лишь табличка: «Поиск, инкорпорэйтед», — а ниже: «Специалисты по межпланетным транспортировкам». Я вошла внутрь и тут же наткнулась на секретаршу.

— Мест нет, дорогуша, — небрежно бросила она, — последнее заняла я.

— Посмотрим, сколько ты на нем продержишься. У меня назначена встреча. С мистером Мосби.

Она неторопливо оглядела меня с ног до головы и осведомилась:

— Девочка по вызову?

— Благодарю за комплимент. Кстати, чем это ты так скверно вытравила волосы? Меня направили сюда из «Гиперпространственных линий». Контора в Лас-Вегасе. Каждая секунда нашей милой беседы стоит твоему боссу несколько бруинов. Меня зовут Пятница Джонс. Пойди доложи о моем прибытии.

— Ты шутишь? — Она нажала клавишу на своей приборной доске и включила индивидуальную защиту. Я наострила ушки.

— Фрэнки, тут какая-то шлюшка утверждает, что у нее с тобой назначена встреча. Говорит, будто ее послали «Гиперлинии» из Лас-Вегаса.

— Черт, я же просил не называть меня так на работе! Проводи ее сюда.

— По-моему, она не от Фаусетта. Ты что, дурачишь меня?

— Заткнись и проводи ее сюда.

Она отключила селектор и «защиту» и сказала мне:

— Посиди здесь. Мистер Мосби сейчас на совещании. Как только он освободится, я дам тебе знать.

— Вот как? Но это вовсе не то, что он велел тебе сделать.

— Что-о? А не много ли ты себе позволяешь?

— Он сказал, чтобы ты не смела называть его «Фрэнки» на работе, и велел проводить меня к нему. А заодно велел тебе заткнуться. Так что я пошла, лучше проводи меня.

Мосби было около пятидесяти, но старался он выглядеть на тридцать пять. Ровный загар, дорогой костюм, широкая улыбка, демонстрирующая полный набор зубов, и холодные глаза. Он усадил меня на стул для посетителей и спросил:

— Почему вы так долго? Я же сказал Фаусетту, что хочу поговорить с вами до полудня.

Я взглянула на свои часы, а потом на часы, стоявшие у него на столе. Было ровно четыре минуты первого.

— С одиннадцати часов я одолела четыреста пятьдесят километров, да еще чуть-чуть на городском «Шаттле». Мне что, вернуться в Вегас и попробовать добраться сюда побыстрее? Или мы перейдем к делу?

— Я велел Фаусетту позаботиться, чтобы вы успели на

десятичасовой... Ну да ладно. Насколько я понимаю, вам нужна работа.

— Я не голодаю. Мне сказали, что вам нужен курьер для работы вне Земли. — Я вытащила копию своего послужного списка и протянула ему. — Здесь сказано почти все о моей квалификации. Просмотрите список и, если я вам подхожу, расскажите поподробней о работе, а я выслушаю и скажу, подходит она мне или нет.

— А вот у меня есть сведения, что вы голодаете, — сказал он, кинув беглый взгляд на протянутый мной листок.

— Если вы имеете в виду время для ленча, то в этом смысле вы правы. Мой обычный гонорар указан в этом списке. Обо всех добавках нам следует договориться по ходу дела.

— А вы не из тех, что теряются, — заметил он, вновь поглядел на мой послужной список и неожиданно спросил. — Как поживает Хромое Брюшко?

— Кто?

— Тут сказано, что вы работали на «Систем Энтерпрайз». Я спросил вас, как поживает Хромое Брюшко. Хромое Брюшко Болдуин.

(Это что, проверка? Своеобразный тест? Прямо с утра все тщательно рассчитано, чтобы вывести меня из себя? Если так, то самое правильное — не выходить из себя ни при каких обстоятельствах.) — Никогда не слышала, чтобы его так называли. Председателя «Систем Энтерпрайз» звали доктор Хартли Болдуин.

— Полагаю, у него была докторская степень, но все, кто имел с ним дело, звали его Хромое Брюшко Болдуин. Я спросил вас, как он поживает.

(Спокойно, Пятница!)

— Он умер.

— Знаю. Хотел выяснить, знаете ли вы. В этом деле может быть много... Случайностей. Ну, хорошо, давайте поглядим на ваш сумчатый кармашек.

— Простите?..

— Слушайте, я очень спешу. Покажите мне ваш пупок.

(Где же произошла осечка? Там... Нет, всех тех убили. Всех... Во всяком случае, так полагал Босс. Значит, кто-то из них успел проболтаться до того, как был убит? Какая разница, главное — это все-таки раскрылось... Как Босс и предвидел.)

— Фрэнки, милый, если ты хочешь сыграть со мной в «покажи-пупок», должна предупредить тебя, что крашеная блондинка в твоей приемной наверняка подслушивает и почти наверняка записывает нашу беседу.

— О, нет, она не подслушивает, у нее на этот счет имеются предписания, и...

— И она выполняет их так же, как предписание не называть тебя «Фрэнки» в рабочее время. Послушайте, мистер Мосби, вы начали обсуждать секретную информацию в незащищенных

условиях. Если вы хотите, чтобы она принимала участие в нашем разговоре, позовите ее сюда. Если же нет, уберите с поля боя. И давайте больше не возвращаться к этой теме.

Он побарабанил пальцами по столу, потом резко встал и вышел в приемную. Дверь в приемную не была звуконепроницаемой, и до меня донеслись раздраженные голоса. Легкая перебранка. Когда он вернулся, физиономия у него была раздосадованная.

— Она пошла обедать. Хватит играть в кошки-мышки. Если вы та, за кого себя выдаете, — Пятница Джонс, известная так же как Марджори Болдуин, работавшая ранее курьером на Хро... на доктора Болдуина, главного директора «Систем Энтерпрайз», — у вас на животе имеется искусственный карман, сделанный путем хирургической операции. Покажите мне его и удостоверьте таким образом вашу личность.

Я обдумала это. Требование удостоверить таким способом мою личность было небеспочвенным: отпечатки пальцев — ерунда, во всяком случае, для тех, кто знаком с нашей работой. Ясно, что мой курьерский «кармашек» теперь — никакая не тайна, никогда уже мне им не пользоваться, и пригодиться он может мне лишь сейчас, как доказательство, что я — это я. Что я — это я? Как по-дурацки звучит...

— Мистер Мосби, вы заплатили шесть граммов чистого золота за интервью со мной, верно?

— Совершенно верно! И кроме словесных утверждений я пока от вас ничего не получил.

— Прошу прощения. Меня никогда раньше не просили показать свой секрет на пупке, потому что до сих пор это держалось в строжайшей тайне. Во всяком случае, я так полагала. Но поскольку вы об этом знаете, никакого секрета тут больше нет, следовательно, я не смогу использовать свой «кармашек» по курьерской надобности. Так что, если та работа, которую вы мне предлагаете, требует наличия у меня этого «тайника», то, быть может, вам лучше изменить ваши планы? Ведь «немного рассекреченный» секрет — это все равно что «немножко беременная» девушка, не так ли?

— Ну... И да, и нет. Покажите.

Я показала ему. Обычно я держу там пластиковый шарик диаметром в один сантиметр, чтобы «кармашек» не зарастал, пока я им не пользуюсь. Я вытащила шарик, показала ему «тайник», а потом положила шарик на место, продемонстрировав, что отличить мой живот от нормального — невозможно. Он внимательно изучил «кармашек» и, хмыкнув, произнес:

— Туда немного влезет.

— Может, вам лучше поискать кенгуру?

— Для нашего дела он подходит... Вполне. Вы повезете самый ценный груз в галактике, но он не займет много места. Застегнитесь и приведите одежду в порядок, мы идем обедать, и нам нельзя... нельзя опаздывать!

- Но что все это значит?
— Расскажу по дороге. Поторапливайтесь.

Экипаж уже ждал нас. В пригороде Беверли Хиллс, среди холмов, которые дали название этому городу^{*}, есть один очень старый и очень шикарный отель — там просто пахнет деньгами, а надо сказать, я отнюдь не презираю этот запах. После каждого пожара и большого землетрясения его отстраивали заново в том же виде, что и прежде, разве что в последний раз, как я слышала, сделали огнеупорным и неподвластным никаким подземным толчкам.

От здания «Шипстоун» до отеля было двадцать минут езды хорошим аллюром, и за это время Мосби ввел меня в курс дела.

— Поскольку этот экипаж, — начал он, — единственное место, где мы можем поговорить безо всякого «уха»...

(Он что, действительно в это верит? Я могу сразу назвать по крайней мере три прекрасных места для «уха»: моя спортивная сумка, его карманы и сиденье экипажа. Могут быть и другие места, разумеется, не столь очевидные, но... Это его трудности — у меня секретов нет. Особенно теперь, когда мой пупок стал полным достоянием гласности.)

— ...выслушай меня, не перебивая. Я согласен на твою цену. Более того, по окончании задания ты получишь премиальные. Путешествие с Земли на Реальм. За него тебе и платят. Путешествовать в обратную сторону ты будешь налегке, но поскольку весь путь туда и обратно занимает четыре месяца, тебе и заплатят за четыре месяца. Премиальные получишь по прибытии туда — в имперской столице. Зарплата — за месяц вперед, а остальное по ходу дела. Идет?

— Идет. — Мне пришлось скрыть свое ликование. На Реальм и обратно? Дорогой ты мой, еще вчера я собиралась совершить это турне в качестве и за жалованье «прислуги-за-все». — А как насчет оплаты всех издержек?

— У тебя не будет почти никаких издержек. На этих фешенебельных лайнерах все услуги входят в стоимость билета.

— Мелкие подарки, сувениры, планетные экскурсии, карманные расходы, игра в бинго и в казино на борту корабля — такие расходы обычно составляют, как минимум, четверть стоимости билета. Если мне нужно притворяться богатой туристкой, я должна и вести себя соответственно. Разве не такая у меня «легенда»?

— Э-э... Ну, да. Ладно... Никто не будет в претензии, если ты потратишь пару тысяч, играя мисс Богатую Сучку. Представишь нам потом все счета, и мы оплатим их.

^{*} hills — холмы, горы (англ.).

— Нет. Четверть стоимости билета — на руки, наличными. Я не стану брать никаких счетов, это не подходит для «легенды». Мисс Богатая Сучка никогда не опускается до таких банальностей.

— Ну хорошо, хорошо! Заткнись и дай мне сказать — скоро мы будем на месте. Ты — искусственное существо.

Давно на меня не накатывала такая холодная ярость. Но я взяла себя в руки, решив, что позже он заплатит... Дорого заплатит за подобную реплику.

— Вы намеренно хотели меня оскорбить?

— Да нет же, конечно. Не заводись. И ты, и я знаем, что искусственного человека невозможно отличить от живорожденного. На своем теле ты повезешь человеческого зародыша, находящегося в статисе. Повезешь в «кармане», где естественная температура тела и мягкая среда оградит его от повреждения. Когда попадешь на Реальм, подхватишь лихорадку, или простуду, или что-нибудь в этом роде и... Очутишься в больнице. Там твой груз вынут и отправят по назначению. Ты получишь премиальные и выйдешь из больницы, преисполненная гордости от того, что помогла молодой паре заиметь здоровое дитя... Да-да, в противном случае он был бы мертворожденным или инвалидом. Рождественская лихорадка.

Секунду я размышляла и пришла к выводу, что история эта похожа на правду.

— Принцесса? — спросила я.

— Что-о? Не будь дурой!

— И конечно, это не просто Рождественская лихорадка — с этим в королевской семье как-нибудь бы справились. Сам Первый Гражданин замешан в этом деле, тем более что наследование престола в этот раз идет не по мужской, а по женской линии, через его дочь. Эта миссия гораздо важнее и гораздо рискованнее, чем ты говорил... Следовательно, и стоит будет дороже.

Молча мы миновали два красивых утеса. Наконец, Мосби произнес:

— Ладно. Но сам Господь тебе не поможет, если ты заговоришь. Запомни, если вздумаешь болтать, жить будешь очень недолго. Конечно, мы увеличим премиальные, и...

— Вы как миленькие удвойте премиальные и положите их на мой счет перед отлетом. В этом люди бывают крайне забывчивы, когда все позади.

— Ну... Я сделаю все, что смогу. Сейчас мы пообедаем с мистером Скимаа и... Тебе вовсе не положено знать, что он не кто иной, как личный представитель Первого Гражданина в секретном ранге посла по особым поручениям, а также полномочный министр. Так что соберись и веди себя за столом прилично.

Через четыре дня я снова старалась вести себя прилично за столом, сидя по правую руку от капитана «Форварда». Теперь меня

звали мисс Марджори Пятница, и я была так оскорбительно богата, что прибыла на Стационарный Спутник на личной антигравитационной яхте мистера Скимаа, не утруждая себя такими плебейскими процедурами, как паспортный контроль, служба здоровья и проч. при прохождении на борт «Форварда». Мой багаж — множество чемоданов набитых дорогими шмотками, ювелирными изделиями и прочей ерундой, — прибыл на борт одновременно со мной. Но и этим занимались другие. Мне не нужно было заботиться ни о чем.

Из четырех дней перед отлетом три я провела во Флориде, в учреждении, выглядевшем обычной больницей, но в действительности бывшем (я-то знала!) великолепно оснащенной лабораторией по генной инженерии. Я могла даже точно вычислить, какой именно лабораторией, но держала свои догадки при себе, поскольку никакие домыслы и разговорчики здесь, мягко говоря, не поощрялись. Я была подвергнута самому тщательному медицинскому обследованию, какое только могла себе представить. Не знаю, зачем они проверяли состояние моего здоровья так, как обычно это принято у глав государств и президентов международных корпораций, но, полагаю, им не очень хотелось доверять кому-то, кто не в добром здравии, человеческий зародыш, который по прошествии нескольких лет превратится в Первого Гражданина чудовищно богатого Реальма. Впрочем, что бы я там ни полагала, рот мне следовало держать на замке.

В отличие от Фаусетта и Мосби, мистер Скимаа со мной не торговался. Как только он решил, что я ему подхожу, он отослал Мосби домой и принялся опекать меня с такой щедростью, что я ни к чему не могла придаться. Четверть от стоимости билета на карманные расходы? — Нет, этого мало, возьмите половину, вот, пожалуйста, в золотых сертификатах Луна-Сити, а если этого недостаточно, возьмите у чиновника еще под расписку, а чек пошлите мне. Нет, никакого контракта подписывать мы не станем, не такого сорта наше дело — просто скажите, что вам надо, и вы получите все и даже чуть больше. А вот маленький блокнотик, где сказано, кто вы такая, и в какую школу ходили в детстве, и все остальное. В три последующих дня у вас будет достаточно времени, чтобы как следует все запомнить, а если через три дня вы забудете сжечь блокнотик, не беспокойтесь: бумага сделана так, что на четвертые сутки она самоуничтожится, — не удивляйтесь, если странички начнут желтеть и рассыпаться.

Мистер Скимаа продумал все. Перед отъездом из Беверли Хиллс он привел фотографа — миленькую брюнетку, — и та сняла меня в разных позах: в платье, в комбинезоне, в белье, без белья, на высоких каблуках, на низких и босиком. Когда мой багаж прибыл на борт «Форварда», каждая шмотка подходила мне идеально по размеру, фактуре и цвету и на всех изделиях красовались этикетки самых знаменитых портных-дизайнеров Италии, Парижа и Биджинга.

Я не привыкла к частым переодеваниям и плохо разбираюсь в этикете, но мистер Скимаа предусмотрел и это. На борту меня сразу же встретило чудесное создание Востока по имени Шизуко, которое объявило, что она — моя личная горничная. Я не испытывала большой нужды в личных горничных, поскольку умывалась и одевалась самостоятельно лет с пяти, если не раньше, но... Не время и не место спорить.

Шизуко отвела меня в мою каюту — «ББ», чуть меньшую, чем волейбольная площадка. Как только мы вошли туда, оказалось, что, по мнению Шизуко, у нас в обрез времени для переодевания к обеду. До обеда было часа три, и меня это порядком удивило, но... Она твердо стояла на своем, а мне, видимо, полагалось просто плыть по течению — не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что ко мне ее приставил мистер Скимаа.

Она стала меня купать, и как раз, когда я стояла под душем, лайнер «прыгнул» в гиперпространство. На несколько минут на корабле нарушился гравитационный баланс, но Шизуко удержала меня на месте, не дав при этом почти ни капли воды пролиться на пол. Она выполнила это так мастерски непринужденно, что не оставила у меня ни малейших сомнений — она уже имела дело с «прыжками» звездолетов. Странно, на вид она была слишком молода для этого.

Целый час она колдовала над моей прической и лицом. В прошлом я мыла лицо, когда мне казалось, что его пора умыть, а все мое причесывание состояло из отбрасывания ладонями волос с лица, если они лезли мне в глаза. Теперь я поняла, до чего же я была неотесанной. Пока Шизуко наводила на меня, как на богиню Любви и Красоты, последний марафет, осветился маленький каютный дисплей, и на экране появилась надпись. Одновременно включился принтер и стал печатать, по-видимому, то же самое послание — очень дерзкое по стилю:

«Владелец гиперпространственного звездолета "Форвард" предвкушает удовольствие от присутствия мисс Марджори Пятницы на вечере с шерри и Bonhomie в капитанской гостиной в 19.00. С наилучшими пожеланиями...»

Я была удивлена, Шизуко — ни капельки. Она мигом достала и расправила платье-коктейль, которое закрыло меня всю, целиком и... Никогда еще я не одевалась в такое бесстыдство.

Шизуко запретила мне прийти вовремя. Она так рассчитала мой выход, что я очутилась в капитанской гостиной ровно в семь минут восьмого. Хозяйке бала уже было известно мое имя, и капитан почтительно склонился над моей рукой. Если спросите меня, скажу честно: по моему глубочайшему убеждению, быть на космическом корабле Богатой Сучкой гораздо лучше, чем охранником порядка.

«Шерри» включало в себя хайболлы, коктейли, Исландскую Черную Смерть, Весенний Дождь с Реальма (убойной силы — не прикасайтесь!), датское пиво, какую-то розовую водичку с Фидлер с

Грин и... Все остальное, если закажете. А также тридцать один сорт вкуснейших бутербродиков (я считала), которые надо было есть прямо руками. Мистер Скипаа мог мной гордиться: я выпила шерри (одну порцию) и изо всех сил сдерживала себя, когда мне предлагали один за другим все тридцать с лишним сортов бутербродиков. Как оказалось, я правильно делала, что отказывалась от этой вкуснятины: кормежка на лайнере полагалась восемь раз в день: утренний кофе с тортом; завтрак; предполуденный перекусон; ленч; послеполуденный чай с сэндвичами и сладостями; ранний коктейль с тридцатым одним сортом бутербродиков; ужин из семи блюд, если одолеете весь «маршрут», и, наконец, полуночный ужин в баре. Кроме того, если захотите есть в неурочное время, всегда можете заказать сэндвичи и напитки из буфета.

На корабле было два бассейна, гимнастический зал, турецкая баня, шведская сауна и контрольная служба здоровья. Два с половиной главных круга в гимнастическом зале равнялись километру, но я не думаю, что этого хватало: многие из моих коллег-пассажиров жрали так, словно прибыли из голодной галактики. Моей собственной главной целью стало — к прилету в имперскую столицу быть в состоянии отыскать свой пупок под складками жира.

Доктор Джерри Мэдсен, младший офицер медицинской службы, очень молоденький на вид, приметил меня в толпе на капитанском «шерри» и дождался, пока я выйду из столовой после ужина. Сам он ел не за капитанским столом и даже не в столовой первого класса, а в служебном помещении для обслуживающего персонала. Он повел меня в Галактическую гостиную, где мы сначала потанцевали, а потом посмотрели шоу-кабаре — песенки, танцы и фокусника-чародея. Последний напомнил мне о том кудеснике с голубями, о Рыжике, и мне неожиданно взгрустнулось, но я постаралась запрятать тоску поглубже. Затем мы снова танцевали, появились еще двое младших офицеров — Том Аделл и Джим Лопес, — и в конце концов гостиная закрылась, а трое кавалеров повели меня в маленькое кабаре под названием «Черная дыра», где я объявила, что напилась, но послушно шла танцевать с каждым, когда они приглашали. Доктору Джерри удалось избавиться от соперников и отвести меня в мою каюту «ББ» в уже очень поздний час по корабельному времени, но не столь поздний по флоридскому, по которому я проснулась этим утром.

Шизуко дождалась меня, одетая в красивое кимоно, шелковые тапочки и с новой прической. Она отвесила нам поклон и жестом попросила присесть — в части каюты, изображавшей из себя гостиную. Та часть, где помещалась кровать, была отгорожена ширмой и затемнена. Шизуко подала нам чай с маленькими пирожными. Очень скоро Джерри поднялся, пожелал мне спокойной ночи и ушел, после чего Шизуко раздела меня и уложила в постель.

У меня не было определенных планов относительно Джерри, хотя, без сомнения, он легко мог бы меня уговорить, если бы стал настаивать. Я гораздо лучше умею уступать, чем спорить. Но на нас обоих здорово действовало, что неподалеку от нас со сложенными ручками сидит эта японская куколка и смотрит, смотрит, и... ждет. Джерри даже не чмокнул меня на прощание.

Уложив меня в постель, Шизуко легла сама — с другой стороны ширмы. Никогда раньше меня так тщательно не опекали, даже в Крайстчерче. Может быть, это входит в условия неподписанного мною контракта?

29

Звездолет — я имею в виду гиперпространственный звездолет, — жутко интересная штука. Конечно, чтобы понять, почему и как звездолет движется, нужно очень здорово знать волновую механику и многопространственную геометрию. Такими знаниями я, конечно, не обладаю и вряд ли когда-нибудь уже буду обладать. С ракетами — нет проблем: Ньютон нам все объяснил. Антиграв — оставался загадкой, пока не появился доктор Форвард и не разгадал ее. Теперь антиграв можно встретить повсюду. Но каким образом звездолет, весящий около ста тысяч тонн, может разогнаться до скорости, почти в восемнадцать тысяч раз превышающей скорость света? И при этом никто на борту не разливает суп и никого не встряхивает по ночам! Не знаю. У нашего звездолета были самые большие шипстоунские аккумуляторы, которые я когда-либо видела, но... Тим Флэхерти, второй помощник главного инженера, сказал мне, что энергию для двигателей из них берут только до середины первого «прыжка», а все остальное путешествие они питают лишь вспомогательные службы (отопление корабля, готовка пищи, освещение и проч.).

Для меня это звучит, как профанация закона сохранения энергии — столь же незыблемого, как два основных правила, которым меня учили с детства: «Мыться надо регулярно» и «Бесплатных завтраков не бывает». Так я ему и сказала, но он лишь досадливо тряхнул головой и уверил меня, что как раз закон сохранения энергии и позволяет добиться этого. Он сказал, что двигатель работает, как фуникулер, — все, что вы кладете туда, возвращается вам обратно.

Не знаю. Там нет никаких канатов, и это не может работать по принципу фуникулера, но... Это работает.

Навигация корабля — еще более сложное дело. Правда, они сами называют это не «навигацией» и даже не «астронавтикой», а «космонавтикой». А может, это кто-то из команды подшутил надо мной, потому что офицеры рассказывали, что вся служба космонавтики, в смысле управления кораблем, нужна, как говорится, для блезиру. Они называли ее «косметической», поскольку

всю работу делает компьютер. Второй помощник инженерной службы, мистер Лопес, также сказал, что и инженерная служба присутствует на корабле только потому, что этого требуют профсоюзы. Он принялся было объяснять, как в данном случае работает компьютер, но разобраться в этом без глубоких познаний в высшей математике было все равно, что слушать лекцию на неизвестном наречии.

Одно усекала: там, в Вегасе, я была уверена, что любой полет на Реальм проходит по твердому маршруту — Земля, Проксима, Аутпост, Фидлер с Грин, Форест, Ботанический Утес, Хальцион, Мидуэй, Реальм. А потом — обратно, в той же последовательности. То есть, вернее, в обратной последовательности. Так вот, ничего подобного. Каждый полет кроится по-своему, а неизменными остаются лишь два пункта: на одном конце — Земля, а на другом (почти сто световых лет (98,7 +) — Реальм. Семь промежуточных остановок в каждом полете имеют разную последовательность, некоторые могут даже вообще отсутствовать. Последовательность подбирается по одному принципу: при полете «туда» расстояние от Земли должно все время увеличиваться, но так, чтобы при полете «обратно» оно оказалось минимальным. Кстати, на самом деле это не так сложно, как сейчас прозвучало: представьте себе, что вы должны обойти несколько магазинов, — естественно, вы спланируете поход так, чтобы от последнего в вашем списке было удобнее и ближе всего добираться домой.

Я, наверное, была единственным пассажиром на корабле, который не знал, что наша первая остановка — не Проксима. Мистер Лопес, объяснявший мне принципы навигации, взглянул на меня, как на несмышленного младенца, который в очередной раз упал в лужу. Правда, это не имело никакого значения, поскольку если его и интересовало во мне хоть что-то, то уж никак не мозги. Я не рискнула объяснять ему, что очутилась в списке пассажиров в самый последний момент, — это не вязалось бы с моей легендой. Ладно, в любом случае, мисс Богатая Сучка не обязана хватать звезд с небес.

Обычно звездолет делал остановку на Проксиме и по дороге «туда», и по дороге «обратно». Но мистер Лопес объяснил, что на этот раз у них на борту был очень небольшой груз, предназначенный для Проксимы, и всего лишь несколько пассажиров — недостаточно, чтобы оплатить посадку. Поэтому и груз, и эти пассажиры были сняты с рейса и остались дожидаться «Максвелла», стартующего через месяц, а «Форвард» на этот раз заглянет на Проксиму по дороге обратно — с грузом и, возможно, пассажирами, взятыми на борт в остальных семи портах. Мистер Лопес сказал (я этого, кстати, так и не поняла), что полет на десятки световых лет не стоит почти ничего — в основном, это жизнеобеспечение пассажиров, — а вот посадки на планетах обходятся баснословно дорого, и потому каждая остановка должна окупаться.

Когда мистер Лопес показывал мне разные диаграммы и

таблицы, пытаясь растолковать основные навигационные принципы, он предупредил, что все координаты здесь даны с точностью... ну, примерно, как в учебнике для старшей школы. Если по этим координатам вы наставите на звезду телескоп, то наверняка отыщете ее, но для большой науки, а также для космонавтики, этого мало — тут нужна большая точность, плюс поправка на «эпоху», то есть, проще говоря, все цифры должны быть сиюминутной свежести, потому что звезды движутся. Солнце Аутпоста движется медленнее всех, и его направление совпадает с направлением движения светил в нашей галактике. А вот звезда, вокруг которой вращается Фидлер с Грин, имеет другой вектор и скорость в 138 000 км/сек, и это значит, что за пять месяцев — с прошлого визита «Форварда» и до нынешнего, — сама Фидлер с Грин переместится на полтора миллиарда километров. Это крайне неудобно и, судя по словам мистера Лопеса, может стоить штурману его места и должности, потому что прибыльность путешествия напрямую зависит от того, насколько близко от планеты назначения штурман сумеет выдернуть корабль из гиперпространства, ни во что при этом не врезавшись (скажем, в звезду!). М-да, это все равно что управлять гравилетом вслепую!

Однако вряд ли мне когда-нибудь придется пилотировать гиперзвездолет, а у капитана Ван Коутена такой спокойный и надежный вид... И все же в этот вечер за ужином я спросила его, как у них обстоит дело с точностью попадания в «цель».

— Та-та, мы найдем ее, — важно кивнул он. — Только отин рас пришлось послать пару репят внис на причальной лотке, штопы они купили пирожных и поискали укаатель, или фыфеска.

Не зная, ожидает ли он от меня смеха или доверчивого кивка, я спросила, какие пирожные купили «репята». Но он повернулся к даме, сидящей по левую руку, и притворился, что не услышал вопроса. (Корабельная кондитерская делает лучшие пирожные, какие мне только приходилось пробовать в жизни, поэтому... Ее нужно запереть до конца полета.)

Капитан Ван Коутен — мужчина с очень мягкими, отеческими манерами. Тем не менее мне ничего не стоит представить себе его с пистолетом в одной руке и кинжалом в другой — сдерживающим целую толпу взбунтовавшихся головорезов.

За звездолет с капитаном Ван Коутеном не страшно ничуть.

Шизуко — не единственная, кто приставлен следить за мной. Я засекала еще четверых, и не уверена, что это — все. Почти наверняка — нет, потому что иногда я осматриваюсь по сторонам и не замечаю поблизости никого из этой четверки, а, кажется, по «сценарию» меня не положено упускать из виду ни на минуту. Кому-то может показаться, что у меня мания преследования. Но это не так.

Я — профессионалка, и много раз оставалась в живых лишь благодаря своему умению вовремя засекать, что меня «пасут». На этом корабле шестьсот тридцать два пассажира первого класса, около шестидесяти офицеров в униформах и еще обслуга, вроде наемных танцоров и танцорш, «хозяек бала» и т. п. Последние одеваются точь-в-точь как пассажиры, но их можно безошибочно отличить по их молодости, дежурным улыбкам и заботе о том, чтобы пассажирам было весело. Пассажиры первого класса моложе семидесяти (например — я!) — здесь редкость. Кроме меня есть две девчушки лет восемнадцати, один парнишка, которому еще нет двадцати, две молодые женщины и богатая пара, проводящая здесь медовый месяц. Все остальные — кандидаты в дом престарелых: пожилые, богатые, интересующиеся только своими собственными болячками. Тех, что дожили до почтенного возраста и не превратились в зануд, можно пересчитать по пальцам.

Конечно, никто из этих старперов за мной не следит, как, впрочем, и никто из молодых. Обслугу я тоже отбросила в первые же сорок восемь часов — всех, включая музыкантов, танцоров и прочих. Можно было бы заподозрить кое-кого из молодых офицеров, если бы каждому из них не надо было дежурить по крайней мере по восемь часов из двадцати четырех: у них просто не могло хватить времени на такое совмещение. Да, многие из них постоянно висели у меня на хвосте, но здесь была совсем другая причина; мое чутье меня никогда не обманывало. На тридцать молоденьких офицеров приходилось всего четверо, не считая меня, молодых женщин, и в таком раскладе у женщины должно уж очень неприятно пахнуть изо рта, чтобы за ней не тянулся шлейф кавалеров, как хвост за кометой. Все это так, но нескольких мужчин я все же засекла. Из первого класса? Да, они ели в нашей гостиной. Бизнесмены в деловой поездке? Однако, судя по рассказам старшего помощника, все бизнесмены путешествуют вторым классом: почти так же комфортабельно, но — вдвое дешевле.

Итак: когда Джерри Мэдсен со своими друзьями повел меня в «Черную дыру», в самом углу за столиком сидел одинокий парень и потягивал вино. На следующее утро Джимми Лопес пригласил меня в бассейн, и — когда мы пришли, этот парень уже был там. После ленча мы с Томом решили сыграть в карты на пару — парень оказался за нашим столиком.

Один-два раза могли быть случайными совпадениями, но... Через три дня я уже точно знала, что стоит мне оказаться вне моей каюты «ББ», кто-то из четверых мужчин немедленно появляется где-то поблизости. Обычно он старается держаться подальше, насколько это позволяют размеры помещения, но ни на секунду не выпускает меня из поля зрения.

Мистер Скимаа очень доходчиво объяснил, что груз, который я везу на себе, — «самый ценный в галактике, и ни один курьер такого еще никогда не возил». Но я не ожидала, что он сочтет нужным

«пасти» меня на звездолете. Неужели он опасается, что кто-то попытается выкрасть его из моего пупка? А может, меня «пасёт» вовсе не мистер Скимаа, а? Может, до моего отлета с Земли была утечка информации? Мистер Скимаа, конечно, профессионал, но... Как насчет мистера Мосби и его ревнивой секретарши? Трудно сказать. Я слишком мало знаю о политической ситуации на Реальме, чтобы строить какие-то предположения.

Позже я заметила еще кое-что: обе молодые женщины из первого класса тоже наблюдают за мной, но лишь в тех случаях, когда у мужчин просто нет такой возможности, — в салоне красоты, кабинках для переодевания, женском отделении сауны и т. п. Они стараются делать это ненавязчиво, но все равно меня это раздражает, и я с нетерпением жду момента, когда, наконец, избавлюсь от своего «груза» и смогу со спокойной душой вкушать все прелести нашего чудесного путешествия. К счастью, лучшая его часть предстоит после Реальма. Аутпост настолько сер и уныл, что никаких экскурсионных высадок на нем не планируется. Говорят, на Ботаническом Утесе жутко интересно, поэтому нужно обязательно побывать там, — вполне возможно, позже я переселюсь именно туда. О Реальме ходят легенды, как о самом красивом и богатом месте в галактике, и я бы хотела побывать на нем — в качестве туриста. Жить в этой колонии постоянно я не собиралась: по своему государственному устройству — это диктатура в чистом виде, точь-в-точь как в Чикагской Империи, а я этим сыта по горло. Есть и более веская причина, по которой я не стану обращаться за иммиграционной визой, — я слишком много знаю. Официально я, разумеется, не знаю ровным счетом ничего, поскольку мистер Скимаа не распространялся на этот счет, а я его не расспрашивала. Но рисковать все же не стоит.

Мидуэй — место, где очень хочется побывать, но, как и в случае с Реальмом, жить не стоит. Интересно ведь посмотреть на два солнца в небе, но самое интересное для туристов там — Папа-в-ссылке. Он действительно служит мессу на публике! Сам капитан Ван Коутен рассказал мне об этом, а Джерри утверждал, что видел собственными глазами. Я тоже смогу посмотреть — поездка не входит в обязательную программу, но вполне соответствует моей «легенде». Да, обязательно постараюсь попасть на это шоу, тем более что опасности — никакой, а другого случая у меня может и не быть.

Конечно, нужно тщательно осмотреть Хальцион и Фидлер с Грин. Каждый из них представляет собой нечто особенное, иначе иммиграционные визы не были бы так чудовищно дороги, но... Я постараюсь отыскать их «скелет в шкафу» — наверняка, есть там свои «поправки», как на Эдене. Мне было бы крайне досадно сделать выбор, получить организованную Глорией Томосава субсидию, а потом неожиданно выяснить, что терпеть не могу это место.

На Форесте, кажется, нет ничего интересного для туристов,

никаких развлечений, но я хочу хорошенько облазить и его. Это — новейшая из внеземных колоний, которая все еще целиком зависит от поставок с Земли и с Реальма, но было бы ошибкой в нынешнее время выбирать себе место жительства лишь по принципу — где веселее. Джерри очень холодно отзывается о Форесте, и на все мои вопросы лишь пожимает плечами и предлагает мне самой убедиться, что жизнь в джунглях — не сахар. Не знаю... Может, мне удастся договориться, чтобы наш звездолет, или какой-нибудь другой, забрал меня оттуда через несколько месяцев во время следующего рейса? Нужно выяснить у капитана.

Вчера в голографическом театре «Звездная пыль» шла чудная музыкальная комедия «Янки из Коннектикута и королева Жиневра». Забавная: старинная романтическая музыка, красивые лошади и прочий шик. Я избавилась от своих ухажеров и отправилась туда одна. Точнее, почти одна — от ненавязчивых соглядатаев избавиться мне сумела. Этот парень — я про себя называла его «номер третий», хотя в списке пассажиров он значился как «Говард Дж. Булфинч, Сан-Диего», — увязался за мной и уселся прямо позади, что было не совсем обычно: как правило, они старались держаться от меня подальше, насколько это позволяло помещение. Может, он боялся потерять меня из виду, когда погасят свет? Не знаю. Его присутствие у меня за спиной отвлекало, а когда королева запустила свои коготки в янки и потащила его к себе в спальню, я вместо того, чтобы наслаждаться происходящим на голо-сцене, стала тщательно принюхиваться ко всем доносящимся до меня запахам. Не так-то просто — в переполненном зале.

Когда спектакль закончился и зажегся свет, я подошла к боковой лесенке одновременно со шпиком, и он уступил мне дорогу. Я улыбнулась, поблагодарила его и вышла через переднюю дверь; он последовал за мной. За дверью была еще одна маленькая лесенка — всего четыре ступеньки. Я подскользнулась, откинулась назад, и он подхватил меня.

— О, благодарю вас! — воскликнула я, не торопясь высвободиться из его объятий. — За это я обязана пригласить вас выпить со мной в бар «Кентавр»!

— Вовсе нет, что вы...

— Это не обсуждается. Вам придется объяснить мне, почему вы следите за мной, кто вас нанял и еще кое-что.

Поколебавшись, он пробормотал:

— Вы явно ошиблись...

— Я? Ничуть, Мак. Вы пойдете добровольно, или... предпочитаете объясняться с капитаном?

* forest — лес, чаща (англ.).

— Ваша речь звучит очень убедительно, — пожал он плечами и смущенно (а может, цинично?) ухмыльнулся, — хотя вы и путаете меня с кем-то. Так или иначе я настаиваю на одном: я плачу за выпивку.

— Отлично. Это только справедливо.

Я выбрала столик в углу, где нас не мог подслушать какой-нибудь случайный посетитель, но... Конечно, нас могло подслушать «ухо». А как, скажите на милость, на корабле можно застраховаться от «уха»? Еще не придумано.

Нам принесли бокалы, и я почти беззвучно спросила его:

— Можете читать по губам?

— Не очень хорошо, — признался он тоже очень тихо.

— Ладно, давайте говорить как можно тише, и будем надеяться, что общий фон собьет «ухо» с толку. Скажи, Мак, ты недавно насиловал еще каких-нибудь беспомощных дамочек?

Он вздрогнул. Кто угодно вздрогнет, если ему врезать как следует. Но своим ответом он, во-первых, признал, что не считает меня душой, а во-вторых, продемонстрировал, что и сам не дурак:

— Мисс Пятница, — сказал он, — как вы узнали меня?

— Запах, — пояснила я. — Сначала, по запаху, ты ведь сидел рядом. Потом, когда мы выходили из зала, я заставила тебя подать голос. А потом поскользнулась на лестнице и вынудила тебя подхватить меня на руки. Этого было достаточно. Как ты думаешь, «ухо» пасет нас здесь?

— Возможно. Но вряд ли идет запись, и вряд ли кто-то сидит сейчас за наушниками. Хотя...

— Слишком рискованно. — Я задумалась. Может, нам прогуляться бок о бок по залам? Если «ухо» не настроено на постоянную слежку, это может сбить его с толку, но оно может следить автоматически, если на Маке есть датчик. Или если датчик незаметно навесили на меня. Бассейн? Акустика в бассейнах плохая, и в данном случае это мне на руку, но... Нет, черт возьми, мне нужно более укромное место! — Допивай и иди за мной.

Я привела его в свою каюту «ББ». Впустила нас Шизуко. Она, по-моему, несла при мне двадцатичетырехчасовую вахту, исключая те часы, когда я спала, — ей ведь тоже нужно было поспать. А может, и не нужно.

— Что у нас на сегодня, Шизуко? — спросила я.

— Вечеринка у штурмана, мэм. В девятнадцать ноль-ноль.

— Понятно. Сходи погуляй или займись чем-нибудь. Возвращайся через час.

— Слишком поздно, мэм. Через тридцать минут.

— Через час, я сказала!

— Да, мэм, — покорно ответила она, но только после того, как я поймала ее быстрый взгляд на Мака и его почти незаметный — миллиметров в пять — кивок.

Выпроводив Шизуко и заперев дверь, я небрежно спросила:

— Ты ее шеф, или она — твой?

— И то, и другое не совсем точно. Скорее: «помогающие друг другу независимые агенты».

— Понимаю. Она — неплохая профессионалка. Мак, ты знаешь, где здесь «уши», или нам придется их искать? Ты же не хочешь, чтобы разговор о твоём гнусном прошлом где-то записывался. Меня-то вряд ли что-нибудь может смутить, в конце концов, я — только невинная жертва. Но мне нужно, чтобы ты разговаривал свободно.

Вместо ответа он указал пальцем несколько точек: над диваном в гостиной, над изголовьем моей кровати, в ванной... Потом дотронулся пальцем до своего глаза и показал на притолоку возле двери.

Я кивнула и оттащила два стула в дальний угол, подальше от «ушей» и от пространства, просматриваемого «глазом» с притолоки над дверью. Потом я включила терминал, настроила его на воспроизведение музыки и выбрала пленку, на которой был записан «Хор Соленого Озера». Может, «ухо» и могло уловить наши голоса за таким шумом, но я лично в этом сомневалась. Мы уселись на стулья, и я спросила:

— Мак, как ты думаешь, есть причина, по которой мне не стоит убить тебя на месте? Прямо сейчас?

— Прямо сейчас? — переспросил он. — Даже не выслушав?

— А зачем мне тебя слушать? Ты меня изнасиловал — я это знаю, и ты это знаешь. Я хочу выслушать лишь ответ на этот вопрос: есть ли причина, по которой тебя не стоит наказывать немедленно?

— Ну, если ты так ставишь вопрос... Наверное, нет.

Мужики загонят меня в могилу.

— Мак, ты сильно утомляешь меня. Разве ты не видишь, что я не хочу тебя убивать и ищу предлог? Но без твоей помощи у меня ничего не выйдет. Как случилось, что ты оказался замешан в таком гнусном предприятии — участвовал в групповом изнасиловании беспомощной, слабой женщины?

Он долго молчал, а потом сказал:

— Я мог бы поклясться, что слишком глубоко увяз, и если бы не стал участвовать в изнасиловании, то был бы убит там, прямо на месте.

— Это правда? — спросила я, стараясь подавить растущее презрение к нему.

— Не вся правда. Мисс Пятница, я сделал это, потому что хотел. Потому что вы так сексуальны, что совратили бы святого Иосифа и заставили бы саму Венеру стать лесбиянкой. Я пытался убедить себя в том, что мне не избежать этого, но... На самом деле я-то знал правду. Ладно, тебе нужна моя помощь? Хочешь, чтобы это выглядело как самоубийство?

— Не обязательно. (Совратила бы святого Иосифа? А кто это такой? Надо выяснить при случае. Похоже, он говорил это как комплимент.)

— Но на корабле тебе некуда бежать. А труп рано или поздно найдут.

— Не думаю. Тебя наняли, чтобы ты следил за мной... Ты думаешь, со мной может что-нибудь случиться? Во всяком случае, у твоего босса были такие мысли, следовательно, от трупа на корабле можно как-то избавиться. Ладно, ты уже понял, что я отпущу тебя. Тем не менее, я требую кое-каких объяснений. Каким образом ты уцелел там, на ферме? Я была поражена, когда учуяла тебя, мне сказали, что вы все погибли. Сгорели.

— Я унес ноги до пожара.

— Вот как? Почему?

— По двум причинам. Я собирался исчезнуть, как только узнаю то, за чем пришел. Но в основном — из-за тебя.

— Мак, не держи меня за дурачку и не заставляй верить небывицам. Что ты хотел узнать? Зачем ты вообще туда полез?

— Но я так и не узнал это. Мне нужно было то же самое, что и им: зачем ты летала на Эль-5? Я слышал, как они допрашивали тебя, и понял, что ты ничего не знаешь. Поэтому и слинял. Очень быстро.

— Это правда. Я была простым почтовым голубком... А что может знать почтовый голубок о военных тайнах? Избивая меня, они лишь тратили время напрасно.

Ей-Богу, у него вытаращились глаза.

— Они избивали тебя?

— Хочешь казаться невинненьким? — резко спросила я.

— Я?.. Нет-нет, я виноват, конечно... Еще как виноват! Я участвовал в изнасиловании, но я понятия не имел, что они тебя били. Это же тупость... Так только в средние века допрашивали. Я присутствовал при нормальном допросе! Ну, довольно, крутом, конечно... А потом они накачали тебя «болтливым соком», и ты выдала ту же версию. Поэтому я понял, что ты говоришь правду, и поспешил убраться оттуда.

— Чем больше ты рассказываешь, тем больше у меня возникает вопросов. На кого ты работал? Почему ты занимался этим? Почему ты поспешил убраться? Чей это был голос, который отдавал вам приказы... Ну, тот, кого вы называли «Майором»? Почему всем так было важно узнать, что я везла? Причем так важно, что они пошли на военную акцию, потеряли много людей убитыми, зверски пытали меня, да еще оторвали правый сосок?

— Что? (Ей-Богу, физиономия Мака оставалась безучастной до тех пор, пока я не упомянула свою молочную железу! Может, кто-нибудь объяснит мне, что за существа такие — мужики? С диаграммой и краткими примечаниями...)

— Да, ладно, мне сделали полную регенерацию — и косметическую, и функциональную. Я покажу тебе... Позже. Если ты ответишь на мои вопросы. И ты сможешь сравнить с тем, как она выглядела раньше. А теперь — к делу. Говори.

Мак утверждал, что был двойным агентом; будучи офицером

службы безопасности в полувоенной охране, нанятой лабораторией «Мюриэль Шипстоун», он внедрился в организацию «Майора»...

— Погоди минутку, — прервала его я. — А он сам погиб при пожаре? Я имею в виду, тот, кого называли «Майором»?

— Я почти уверен в этом, но знает наверняка, пожалуй, один Мосби.

— Мосби? Фрэнклин Мосби? «Поиск, инкорпорэйтед»?

— Думаю, у него нет братьев... Хватит и одного такого. Да, Фрэнклин Мосби. Но «Поиск, инкорпорэйтед» — лишь прикрытие. За ними стоит «Шипстоун, анлимитэд».

— Но ты же говорил, что работал на «Шипстоун» по-настоящему... Ну, на лабораторию.

— Ну да, — удивленно нахмурился Мак, — ведь весь этот бардак с Красным Четвергом был не чем иным, как сведением личных счетов между верхушками одного и того же... Да, ведь все это прекрасно знают.

— Кажется, я всю свою жизнь прожила в блаженном неведении, — вздохнула я. — Ну, хорошо, ты работал на «Шипстоун», вернее — на одну его часть, а в качестве двойного агента работал на... Тот же «Шипстоун», но другую его половину. Но почему из-за меня разгорелся сыр-бор?

— Этого, мисс Пятница, я не знаю. Именно это мне и надлежало выяснить. Полагали, что вы — агент Хромого Брюшка Бол...

— Стоп! Если ты собираешься говорить о покойном докторе Болдуине, пожалуйста, не называй его этой кошмарной кличкой!

— Прости. Полагали, что ты — агент «Систем Энтерпрайз», то есть доктора Болдуина, и ты подтвердила это, возвратясь в место расположения его штаба...

— Постой! А ты был среди тех, кто схватил меня там?

— К радости своей могу признаться, что — нет. Двоих ты убила на месте, еще один умер чуть позже, и ни один из нападавших не остался без шрамов. Мисс Пятница, вы деретесь, как дикая кошка.

— Давай дальше.

— Хро... Доктор Болдуин не имел никакого отношения к комплексу «Шипстоун». Когда разгорелся Красный Четверг...

— Какое отношение имел к нам Красный Четверг?

— Как это какое? Самое прямое! Не знаю, что ты там везла с Эль-5, но именно это, уж как минимум, ускорило события. Я думаю, Совет за Выживание — та сторона, на которой работали парни Мосби, — почуяли неладное и начали заваруху, не будучи как следует подготовлены. Может, потому-то ничего путного из этого и не вышло. Так или иначе, они уладили свои разногласия в тиши кабинетов, но... Я никогда не сталкивался с подробным аналитическим отчетом, так что это — лишь моя версия.

(Я тоже не сталкивалась ни с какими отчетами и теперь вряд ли когда-нибудь узнаю правду. Будь у меня сейчас несколько часов свободного времени и терминал с неограниченными возможностями,

наподобие того, что был в «Песках Паджаро»... Какие директора компании «Шипстоун» были уничтожены во время Красного Четверга? Что происходило на биржевом рынке? Сомневаюсь, что ответы, имеющие реальное значение, попадут когда-нибудь в учебники истории. Только Босс, направляя мои изыскания, заставляя искать ответы на самые неожиданные вопросы, мог бы натолкнуть меня на истину, но... Он умер, и процесс моего образования резко оборвался. Может быть, когда-нибудь я еще сумею стать всезнайкой? Когда-нибудь...)

— Мак, это Мосби нанял тебя на нынешнюю работу? Я имею в виду, пасти меня на звездолете.

— Нет. На Мосби я работал всего один раз, да и то как двойной агент. А сюда я нанялся через контору, обслуживающую советника по культуре посольства Реальма в Женеве. Слушай, этой работы мне нечего стыдиться! Правда... Мы охраняем тебя, оберегаем от случайностей, и, по-моему, неплохо справляемся.

— Без изнасилований, наверное, скучновато.

— Ниже пояса.

— Какие у тебя инструкции насчет меня? И сколько вас здесь? Ты ведь старший среди всех, так?

Он заколебался, а потом неуверенно проговорил:

— Мисс Пятница, вы вынуждаете меня выдавать секреты моего начальства. В нашей профессии так не принято, как вы, вероятно, и сами знаете.

— Чушь. Когда ты вошел в эту дверь, ты прекрасно понимал, что твоя жизнь зависит от ответов на мои вопросы. Подумай о той своре ублюдков, что напали на меня на ферме, и... Вспомни, чем это для них кончилось. Давай, выкладывай.

— Я все время вспоминаю эту чертову ферму и то, как ты... Ладно, я действительно отвечаю здесь за всех, кроме... Кроме Тилли...

— Кто такая Тилли?

— Извини, я имел в виду Шизуко — это профессиональная кличка. А там, в отеле «Седьмое небо», где мы ждали тебя, ее звали Матильдой Джексон. Мы дожидались почти два месяца, пока...

— «Мы» — это множественное число. Назови их. Имена, под которыми они зарегистрированы в списке пассажиров. И не морочь мне голову кодексом чести, Шизуко вернется через несколько минут.

Он назвал, и ни одно имя не вызвало у меня удивления — я засекла их всех. Грубая работа. Босс не стал бы платить им ни гроша.

— Ладно, продолжай.

— Да, два месяца мы ждали, и «Дирак» улетел без нас, а за двадцать четыре часа до вылета «Форварда» нам неожиданно отдали приказ — лететь на нем. Затем мне выдали твои голографические карточки, чтобы я раздал их ребятам, и... Мисс Пятница, когда я увидел вашу карточку, я чуть в обморок не упал!

— Неужели, я так плохо выглядела?

— Что? Да нет, что вы! Выглядели вы замечательно, но... Вы понимаете, где я вас видел в последний раз? Я думал... Я был уверен, что вы погибли при пожаре, и... Должен сказать, я... Ну, словом, мне было очень жаль...

— Спасибо. Ладно, итак: семеро, считая начальника — то есть тебя. Недешевая прогулка, а, Мак? Почему меня опекают семь человек?

— Я думал, вы мне это объясните. Нет-нет, это, конечно, не мое дело — зачем вы летите на Реальм... Просто я знаю лишь свои инструкции. Вы должны быть доставлены на Реальм в нормальном состоянии — без единой занозы или царапины. Когда мы прибудем туда, за вами явится офицер дворцовой стражи, и — наше дело сделано. Но мы не получим ни гонорара, ни премиальных, пока вы не пройдете медицинское освидетельствование. Лишь после него нам заплатят, и мы сможем отправляться по домам.

Я задумалась. Все вроде бы отвечало волнениям мистера Скимаа по поводу «самого ценного груза в галактике», но что-то тут было не так. Мне знаком принцип двойной и даже тройной страховки — это все понятно, но чтобы семеро следили за тем, как бы я не свалилась с лестницы и не сломала себе шею? Явный перебор.

— Слушай, Мак, мне, пожалуй, не о чем тебя больше расспрашивать сейчас. Кроме того, Шизуко, вернее, Тилли — вот-вот вернется. Поговорим позже.

— Хорошо, мисс Пятница. Скажите, почему вы называете меня «Мак»?

— Потому что под этим именем тебя представили мне, когда мы последний раз виделись на официальном приеме. Я имею в виду групповое изнасилование, в котором мы оба принимали посильное участие. Впрочем, я догадываюсь, что ты не «Говард Дж. Булфинч». Как же прикажешь тебя называть?

— А-а, ну да... Тогда я был «Мак». Верно. Но обычно меня зовут — Пит.

— Значит, Питер?

— Ну... Не совсем. На самом деле — Персиваль, но так меня никто не зовет.

Я удержалась от улыбки и пожала плечами.

— А почему бы и нет, Пит? Так звали многих храбрых и достойных мужчин. Ладно, Тилли, наверное, уже торчит под дверью и с нетерпением ждет, когда можно будет взяться за меня — купать, одевать и все прочее. Еще один вопрос — последний: ты знаешь, почему ты еще дышишь? Почему ты до сих пор жив?

— Нет.

— Потому что ты отвел меня в ванну и дал пописать. Да-да, перед тем, как приковать наручниками к кровати.

Он неожиданно как-то криво усмехнулся и пробормотал:

— Как раз за это я получил нагоняй.

— Вот как? Почему?

— «Майор» хотел, чтобы ты напрудила в постель. Он решил, что так ты быстрее расколешься.

— Так я и думала. Дилетант вонючий. Знаешь, Пит, именно в те минуты я решила для себя, что ты еще не совсем безнадежен.

30

Аутпост не представляет собой ничего примечательного. Его солнце — звезда типа Г-8, а наше солнце по той же шкале относится к типу Г-2, следовательно, солнце Аутпоста заметно холоднее. Но большого значения это не имеет, поскольку тип звезд («Г») один и тот же. Когда-нибудь мы наверняка сможем колонизировать планеты и с другими типами солнц, но пока разумнее придерживаться тех звезд, чей свет не раздражает человеческого глаза, а степень радиоактивности — невысока. Это я цитирую Джерри. Впрочем, возле Земли, в пределах расстояния до Реальма есть более четырехсот звезд типа «Г», которые, как утверждает Джимми Лопес, не дадут нам сидеть сложа руки в ближайшие годы.

Итак, положим, мы нашли звезду типа «Г». Затем требуется планета на нужном расстоянии от звезды — таком, чтобы было тепло, но не слишком. Далее, притяжение планеты должно быть достаточным для удержания атмосферы. Атмосфере нужно дать время созреть, пока она не будет в состоянии предложить воздух, пригодный для жизни «в-ее-доступном-нам-понимании». (Жизнь «в-ее-недоступном-нам-понимании» — жутко интересная штука, но не имеет никакого отношения к колонизации планет людьми с Земли. Пока — не имеет. Мы также не будем сейчас обсуждать колонии искусственных существ и киборгов — оставим это колонистам из Далласа или Ташкента.)

Аутпост еле-еле соответствует названным мною параметрам. Содержание кислорода в воздухе таково, что ходить по поверхности нужно медленно, как на вершине горы. Планета настолько удалена от солнца, что на ней лишь два вида погоды — холод и мороз. Орбита скорее круглая, чем эллипсообразная, а ось практически не наклонена, так что отправляться на юг в поисках лета не имеет смысла, зима найдет вас повсюду. Все эти сведения я почерпнула из ежедневной корабельной газеты «Дэйли Форвард»! Словом, когда раздавались призы и награды, Аутпост стоял в прихожей.

И все же мне ужасно хотелось побывать там. Почему? Да потому что я никогда раньше не летала дальше Луны, а Луна — это почти дом родной. Аутпост расположен на расстоянии в сорок с небольшим световых лет от Земли. Знаете, сколько это километров? 300 00 x 40,7 x 31 557 600. Итого: 385 318 296 000 000! Пожалуй, надо написать прописью: (округленно) четыреста тысяч миллиардов километров.

По графику мы должны выйти на стационарную орбиту

(орбитальный период 22,1 часа — такова продолжительность суток на Аутпосте) в 2.47, а причальный бот стартует очень рано утром (рано — по корабельному времени) — в 3.00. Немногие записались на облет планеты на причальном боте — слишком неподходящее время для большинства наших лежбоек-пассажиров. О том, чтобы спуститься на поверхность, вообще речи не было, но я своего шанса упускать не собиралась.

Я улизнула с веселой вечеринки и легла в постель в 22.00, чтобы урвать хоть несколько часов сна перед полетом. Около двух я вскочила, нырнула в ванную, захлопнув за собой дверь. Если я забывала запереться, Шизуко следовала за мной, как тень, — это я усвоила в свой первый день на корабле.

...Я захлопнула за собой дверь и — меня сразу вырвало. Странно. Иногда меня мутит в полетах; но на этом корабле такого еще не было. Капсулой антиграв я всегда старалась пользоваться натошак — там содержимое желудка даст о себе знать, но на «Форварде» нас чуть-чуть потряхнуло, лишь когда мы «вынырнули». При этом я ощутила лишь легкую вибрацию, да и то нас заблаговременно предупредили об этом.

Что же, искусственная гравитация на корабле стала неустойчивой? Трудно сказать... У меня слегка кружилась голова, но вполне возможно, что это — после рвоты. Черт, меня вывернуло так, словно я и впрямь очутилась в капсуле антигравы.

Я прополоскала рот, почистила зубы и сказала себе: «Это — твой завтрак, Пятница, и не надейся, что из-за своего обжорства ты упустишь шанс поглядеть на Аутпост. Ты и так уже набрала два лишних килограмма. Настало время сесть на диету». Прочитав эту лекцию собственному желудку и призвав его к порядку, я позволила Тилли-Шизуко помочь мне облачиться в толстый спортивный костюм и пошла к ангару причального бота. Шизуко плелась сзади, таща две теплые куртки. С самого начала я решила обращаться с Шизуко по-дружески, но потом, догадавшись о ее роли при мне, а в конце концов и получив подтверждение от Мака-Пита, изменила свое решение. Глупо, наверное, и непрофессионально, но невозможно относиться к шпику так же дружески, как к слуге. Я, конечно, не стала обращаться с ней грубо. Просто перестала ее замечать. Ну а в это утро я вообще не была настроена на светские беседы.

Мистер Ву, помощник пилота и ответственный за экскурсии, стоял посреди ангара с папкой в руках.

— Мисс Пятница, — сказал он, — вашей фамилии нет в моем списке.

— Но я записывалась — это совершенно точно. Так что или впишите меня в ваш список, или обратитесь к капитану.

— К сожалению, я не могу этого сделать.

— Вот как? Тогда я устрою сидячую забастовку прямо посреди ангара. Мне это не нравится, мистер Ву. А если вы приметесь

убеждать меня, что я из-за какой-то канцелярской неразберихи не должна здесь находиться, мне это понравится еще меньше.

— М-мм... Полагаю, это действительно какая-то канцелярская путаница. Осталось очень мало времени, так что вам лучше пройти внутрь, вас проводят к вашему месту, а я улажу все формальности, когда закончу с остальными записавшимися.

Он не возражал, когда Шизуко последовала за мной. Мы прошли по длиннющему коридору — даже причальные боты на «Форварде» впечатляли размерами, — следуя указателям с надписями «К пассажирскому отсеку», и очутились в громадном помещении, немного похожем на внутренности пассажирского гравилета: спереди — приборные панели, а за ними пассажирские кресла возле больших иллюминаторов. Впервые с тех пор, как мы покинули Землю, я смотрела на «дневной» свет.

Это был свет солнца Аутпоста, освещавший сияющую белизной поверхность планеты. А над ним — черное небо. Самого солнца не было видно. Мы с Шизуко уселись на свои места, пристегнули ремни — ремней было всего пять, как на полубаллистике, и я, зная, что мы воспользуемся лишь антигравом, пристегнула только один — боковой. Но моя безмолвная «рабыня»-шпик наклонилась надо мной и аккуратно застегнула все остальные.

Через некоторое время появился мистер Ву, обшарил глазами салон, увидел меня и, перегнувшись через сидящего возле прохода мужчину, сказал:

— Мисс Пятница, прошу прощения, но вас по-прежнему нет в списке.

— Неужели? Что сказал капитан?

— Я не мог с ним переговорить.

— Что ж, достойный ответ. Я остаюсь.

— Простите, это невозможно.

— Вот как? Ну, и с какого конца вы возьметесь за меня? И кто поможет вам меня тащить? Учтите, вам придется меня тащить, потому что я буду визжать и царапаться...

— Мисс Пятница, мы не можем этого позволить...

Тут вмешался мой сосед:

— Молодой человек, — резко сказал он, — перестаньте валять дурака. Эта молодая леди — пассажирка первого класса, я видел ее в гостиной. За столом капитана. А теперь уберите у меня из-под носа вашу дурацкую папку и займитесь каким-нибудь полезным делом.

С удрученным видом — у младших пилотов всегда удрученный вид — мистер Ву отошел. Через несколько минут зажегся красный свет на табло, завывла сирена и громкий голос из динамика сообщил:

— Снимаемся с орбиты! Приготовьтесь к перегрузке!

В этот день мне явно не везло.

Три часа лета до поверхности, два часа на планете и три часа — обратно, на стационарную орбиту. По дороге туда мы слышали музыку, перемежающуюся унылой лекцией об Аутпосте, по дороге

обратно — только музыку, что было веселее. Два часа на поверхности могли бы быть интересными, если бы мы вышли из бота. Но нам было велено оставаться внутри, разрешили только расстегнуть ремни и пройти в так называемую гостиную, а на самом деле небольшую комнатку с баром, где подали кофе и сэндвичи. Оттуда через иллюминатор мы могли смотреть, как высаживаются переселенцы с нижней палубы и идет разгрузка багажа.

Низкие холмы, покрытые снегом. Что-то похожее на кустарник неподалеку от места посадки. Небольшие строения, обнесенные снежными валами. Переселенцы с узлами быстро двигались к этим строениям, а за ними ехал багаж на тележках, прикрепленных к какому-то самоходным экипажам, извергавшим клубы черного дыма... Точь-в-точь как на картинках в детских учебниках истории! Только здесь это было не на картинке.

Я слышала, как одна женщина сказала своему спутнику:

— Как может кому-то прийти в голову переселиться сюда?

Ее спутник промямлил какую-то чушь, вроде: «На все Божья воля», а я отошла от них и подивилась: как можно дожить до семидесяти (а ей было никак не меньше) и не знать, что никому не «приходит в голову» осесть на Аутпосте, за исключением тех случаев, когда людям «приходит в голову» выбирать между жизнью здесь или пожизненным заключением, а то и смертью, на Земле.

Дурнота у меня не проходила, поэтому я решила не притрагиваться к сэндвичам, но подумала, что чашка кофе не повредит. Однако стоило мне сделать глоток, как... Я быстро пошла в туалет и завоевала там звание «Железная Пятница». Все кабинки были заняты, и пришлось ждать, стиснув зубы, ждать, ждать, ждать, пока не прошла тысяча лет и не освободилась, наконец, одна кабинка, и... Я вбежала туда, и меня вывернуло наизнанку. Не стоило делать этого глотка кофе.

Полет обратно длился целую вечность.

Очутившись на «Форварде», я звякнула своему приятелю, Джерри Мэдсену, младшему хирургу на звездолете, и попросила принять меня. Сказала, что он нужен мне как врач. Согласно распорядку, прием в медицинском отделении ведется с утра, а в любое время нужно вызвать неотложную помощь, но я знала, что Джерри будет рад меня видеть в любое время. Я объяснила, что со мной ничего серьезного, просто мне нужны таблетки от дурноты, какие обычно употребляют старые девы от несварения желудка. Он попросил меня зайти к нему в кабинет.

Когда я пришла, вместо того, чтобы дать мне таблетки, он пригласил меня в смотровую и закрыл за нами дверь.

— Мисс Пятница, — обратился он ко мне, — хотите, чтобы я позвал медсестру? Или вы предпочитаете, чтобы вас осмотрела женщина-врач? Я могу позвать доктора Гарсиа, но мне бы не хотелось ее будить — она не спала всю ночь.

— Джерри... — удивилась я. — Что это значит? С каких пор я

для тебя мисс Пятница, а не Марджи? Я просто хочу пригоршню таблеток от дурноты. Таких, розовеньких.

— Присядьте, мисс Пятница... Ну, хорошо, Марджи... Мы не выписываем эти препараты или их аналоги молодым женщинам, пока не удостоверимся, что они не беременны. Лекарства могут плохо повлиять на зародыш.

— А-а, понятно. Но ты можешь спать спокойно, милый, — я не залетела.

— Это мы и должны выяснить, Марджи. И если ты все же беременна... Мы найдем другой препарат, который избавит тебя от неприятных ощущений, но никак не повредит твоему наследнику.

Вот оно что! Он просто прелесть — так заботится обо мне.

— Слушайте, начальник, а что если я дам вам честное скаутское слово, что я ничегошеньки не делала за последние два цикла, а? Хотя многие домогались, и ты — среди прочих.

— Тогда я скажу: «Возьми эту посудину и сдай мочу на анализ, а потом я возьму у тебя кровь и мазок». Знаешь, мне уже приходилось иметь дело с женщинами, которые «ничегошеньки не делали».

— Ты — циник, Джерри.

— Я просто о тебе же забочусь, дорогая.

— Я знаю. Ты прелесть. Ладно, я согласна на все и даже на тест с мышкой, но...

— Мы делаем не с мышкой, а с морской свинкой.

— Если морская свинка скажет: «Да», — ты можешь известить Папу-в-ссылке, что это наконец-то случилось. А я куплю тебе бутылку шампанского. Потому что предыдущие два месяца были самыми аскетическими в моей жизни.

Джерри взял у меня анализы, сделал еще двадцать различных манипуляций и дал мне голубую таблетку — принять перед ужином, а желтую — чтобы я быстро заснула, и еще одну голубую — перед завтраком.

— Они не такие сильные, — пояснил он, — как те, что ты просила, но сгодятся, а главное, из-за них ребенок не родится с ножкой на спине. Словом, никаких побочных эффектов. Я позволю тебе завтра с утра, как только закончу прием.

— А я-то думала, что тест на беременность сейчас делают за пять минут.

— Ну, знаешь... Твоя пра-пра-бабка определяла, что беременна, когда ее платье становилось ей тесно, а ты хочешь сразу. Скажи спасибо, если мне не придется делать повторных анализов.

Я сказала «спасибо» и даже поцеловала его. Он сделал вид, что хочет уклониться, но не очень правдоподобно. Джерри — просто ягненок.

С помощью голубых таблеток мне удалось нормально поужинать и позавтракать. После завтрака я осталась сидеть в своей каюте. Вскоре позвонил Джерри.

— Мардж, можешь себя поздравить, — сказал он. — Ты должна мне бутылку шампанского.

— Что-о-о? — воскликнула я, но тут же прикусила язычок, оглянувшись на Тилли. — Джерри... Ты просто спятил.

— Возможно, — согласился он, — но моей работе это не мешает. Зайди ко мне, и мы обсудим твой дальнейший режим. Давай часа в два, идет?

— Давай прямо сейчас. Я хочу поболтать с этой морской свинкой. Если она сумеет меня убедить...

Сумел меня убедить Джерри. Он подробно описал все детали исследования и показал, как проводится каждый тест. Бывают чудеса на свете, и вот — я беременна. Вот почему у меня в последнее время стала набухать грудь. Он набросал для меня краткий список: как себя вести, что есть, как купаться, чего избегать и так далее. Я поблагодарила его, взяла этот список и пошла к себе — никто из нас не заговорил о возможности аборта, и он не отпустил ни одной остроты про женщин, которые «ничегошеньки не делали».

Но я-то действительно ничего не делала. Последний раз — с Бертом. С тех пор прошло уже два цикла. И вообще, как бы там ни было, мне с помощью хирургии сделали в «яслях» предохранение от беременности, и я никогда не пользовалась никакими противозачаточными средствами — ни разу в своей достаточно хлопотливой «светской» жизни. И вот теперь он говорит, что я беременна!..

Нет, я все же не полная дура. Когда Джерри убедил меня в своей правоте, старое правило Шерлока Холмса подсказало, где, когда и как это произошло. Вернувшись к себе в каюту, я зашла в ванную, закрыла за собой дверь на задвижку, разделась, легла на пол, положила руки на живот, напрягла мышцы и надавила возле пупка.

Маленький пластиковый шарик выскочил наружу. Я тщательно осмотрела его — никаких сомнений, это тот самый шарик, который я всегда носила в «кармашке», чтобы он не зарос в паузах между заданиями. Никакого контейнера с зародышем в «стасисе», ничего похожего на контейнер, вообще ничего, кроме маленького белого шарика... Я вставила его обратно и задумалась.

Итак, они обманули меня. Порой я сомневалась: как «стасис» может сохраняться при температуре тела? Единственный «стасис», о котором я слышала применительно к содержанию живых клеток, требует криогенных температур, но...

Но это были трудности мистера Скипаа, а я — не биофизик, и, если он доверял своим специалистам-ученым, то зачем мне было в это влезать. Я — курьер, и моя единственная обязанность — доставить «груз» в место назначения. Какой «груз»? Пятница, не валяй дурачку, ты прекрасно знаешь, какой. Не тот, что у тебя в пупке, а тот, что десятью сантиметрами ниже и глубже. Тот, который всунули в тебя в одну из ночей во Флориде, когда ты спала гораздо крепче, чем думала. Тот, на «разгрузку» которого требуется девять месяцев, так что... Кажется, ты будешь вынуждена отложить свое

гранд-турне с Земли. Если они «нагрузили» тебя тем, чем ты думаешь, никто не позволит тебе покинуть Реальма, пока ты не «разгрузишься». Но если им нужна была наемная мамаша, почему, черт возьми, они прямо об этом не сказали? Я наверняка согласилась бы... Стоп! Родить этого ребенка должна Принцесса, в этом же все дело — речь идет о наследнике престола... Совершенно здоровом наследнике, без всяких врожденных дефектов, рожденном Принцессой и только Принцессой — в присутствии четырех придворных врачей, трех нянек и дюжины придворных. Ею, а не тобой — безродной ИЧ с фальшивой метрикой! Следовательно, сценарий будет слегка изменен: мисс Марджори Пятница, богатая туристка, сойдет на Реальме, чтобы насладиться красотой имперской столицы, и... подхватит простуду и ляжет в больницу, а Принцессу привезут туда же, и... Нет, постой! Разве может Принцесса унизиться до обычной больницы для туристов?

Ладно, попробуем иначе: ты попадаешь в больницу с какой-нибудь лихорадкой, а на следующий день или той же ночью выходишь через заднюю дверь, тебя кладут в машину для перевозки трупов, накрывают белой простыней и — во дворец. Сколько уйдет времени у придворных врачей на то, чтобы подготовить королевское тело к приему «багажа»? Ладно, не ломай себе голову — все равно ты не знаешь и не узнаешь этого. Когда она будет готова, они положат вас обеих на операционные столы, раздвинут тебе ноги, вытащат это из тебя и вставят в нее... Пока оно маленькое, это не так уж сложно. А потом... Тебе заплатят приличную сумму, и ты уберешься оттуда. Первый Гражданин скажет тебе «спасибо»? Вряд ли он сделает это лично, скорее всего — инкогнито, если... Прекрати, Пятница! Хватит мечтать, ты ведь все прекрасно понимаешь. Вспомни лекции на основном курсе подготовки — одна из первых лекций самого Босса... Вот это место:

«Главная трудность такого рода миссии заключается в том, что после ее успешного завершения с агентом случается нечто „непредвиденное“, что навсегда лишает его возможности болтать. Поэтому, как бы ни высок был гонорар, разумно избегать заданий подобного рода».

31

Все время, пока мы двигались к Ботаническому Утесу, я не переставала думать об этом, прикидывая и так, и эдак, ища хоть малейший изъян в собственном логическом выводе. Я вспомнила классический случай Дж. Ф. Кеннеди: его убийца был убит (ликвидирован) так быстро, что не было даже предварительных слушаний. А этот дантист, застреливший Хью Лонга, покончивший с собой несколькими секундами позже... А взять любого из бесчисленных агентов времен «холодной войны» — все они прожили ровно столько, сколько было нужно для исполнения их задания, а

потом «случайно» оказывались перед мчащимися с огромной скоростью автомобилями.

Все чаще и чаще перед моим мысленным взором разворачивалась сцена из столь давних времен, что ее можно, пожалуй, отнести к мифологии: пустынный берег океана, вождь пиратов следит за тем, как его люди закапывают сокровища, — яма выкопана, золото сложено в нее, и... Все те, кто копал яму, застрелены и своими телами накрывают клад.

Похоже на мелодраму? Возможно, но ведь речь идет о моем чреве, а не о вашем. Каждому во Вселенной известно, что отец нынешнего Первого Гражданина когда-то вскарабкался на трон по бессчетному количеству трупов, а его сын, то есть нынешний Первый, остается на троне благодаря еще большей жестокости. Станет ли он благодарить за продолжение его династии? Или велит выбросить останки на свалку?

Не морочь себе голову, Пятница! Нет ничего хуже, чем слишком много знать. Особенно в политике. Если бы они собирались обойтись с тобой по-честному, ты не была бы беременна. А раз ты беременна, тебе придется признать, что они не станут обходиться с тобой по-честному после того, как извлекут из тебя королевский зародыш.

Совершенно ясно, что нужно делать.

Не ясно лишь, как это сделать.

Отсутствие моей фамилии в списке экскурсантов к поверхности Аутпоста больше не казалось мне следствием обычной бюрократической путаницы.

На следующий вечер, на коктейль-парту я предложила Джерри потанцевать со мной. Играли классический вальс, и мне было нетрудно придвинуться к нему вплотную и поговорить так, чтобы нас никто не слышал.

— Как дурнота? — спросил он. — Прошла?

— Голубенькие таблетки здорово помогают, — ответила я. — Слушай, Джерри, кто еще знает об этом, кроме меня и тебя?

— Тут такое дело... Я был так занят, что не успел занести это в твою медицинскую карту. Все записи хранятся у меня в сейфе.

— Да? А как насчет лаборанта?

— У него было много работы, поэтому все анализы делал я сам.

— Что ж, ладно... А как ты думаешь, могут эти записи пропасть? Ну, скажем, сгореть, а?

— Мы ничего не сжигаем на корабле — это действует на нервы начальнику пожарной охраны. Поэтому ненужную бумагу мы рубим в «капусту» и запускаем в машину, выделяющую из нее чистые листы. Так что, милая, можешь не волноваться, твоя постыдная тайна умрет вместе со мной.

— Джерри, ты настоящий друг. Знаешь, милый, если бы не моя горничная, я считала бы тебя отцом — помнишь первый вечер на звездолете?

— Вряд ли я его забуду. Я тогда здорово разозлился.

— Не моя вина в том, что ко мне ее приставили. Так решила моя семья. Она прилипла ко мне, как пластырь. Как будто на меня нельзя положиться. Впрочем, ты-то знаешь, что нельзя. Ты не можешь придумать, как бы нам от нее избавиться? Мне сейчас очень хорошо. С тобой. Я знаю, что во всем могу на тебя рассчитывать.

— М-мм... Надо подумать. Моя каюта не подходит — чтобы попасть туда, тебе придется миновать двадцать кают других офицеров и пройти через кают-компанию... Осторожно, к нам движется Джимми!

Ну конечно, я хотела ублажить его, чтобы он молчал, но помимо этого испытывала к нему благодарность и чувствовала, что задолжала кое-что. Если он хочет отведать моей порочно-беременной плоти (а он хочет!), я готова — причем по собственному желанию. В последнее время меня держали на голодном пайке, а Джерри — недурен собой. Беременность хотя и очень необычна для меня, ничуть не мешает, а кроме того, я хочу сохранить ее в тайне (если это, конечно, возможно; если об этом не знает уже вся корабельная команда!). Да, в тайне, пока я не придумаю, как мне выпутаться.

Итак, разложим все по полочкам: если я отправлюсь на Реальм, меня, скорее всего, убьют в операционной — тихо, легально и со знанием дела. Если вы не верите, что такое возможно, значит, вы живете совсем в другом измерении и вам совершенно незачем читать эти мемуары. На протяжении всей истории человечества самым надежным способом избавиться от лишнего свидетеля было — заставить его перестать дышать.

Быть может, этого удастся избежать. Но это произойдет, вне всякого сомнения, если я отправлюсь на Реальм.

Остаться на борту звездолета? Я думала об этом, но... В ушах у меня звучали слова Пита-Мака: «Когда мы прибудем, придворный офицер взойдет на борт, и на этом наша миссия закончится». Скорее всего, они не станут ждать, пока я сама спущусь на землю и подхвачу лихорадку.... Следовательно, я должна сойти с корабля до того, как мы прилетим на Реальм, то есть на Ботаническом Утесе — другого не дано. Как просто! Сойти с корабля... Ну конечно! Спуститься по трапу и помахать с земли ручкой.

Только я ведь не на морском корабле. «Форвард» не приближается к планете ближе стационарной орбиты, что на Ботаническом Утесе составляет тридцать пять тысяч километров, а это — не так близко, особенно если учесть, что километры эти — безвоздушное пространство. Единственное средство, добраться до Ботанического Утеса с орбиты — корабельный причальный бот, вроде того, на котором я летала на Аутпост.

Пятница, они не дадут тебе войти в причальный бот. На Аутпост тебе удалось слетать — нахрапом. Это наверняка их насторожило, и во второй раз у тебя ничего не выйдет. Что же произойдет? Мистер Ву или еще кто-нибудь сверится со списком в ангаре, и твоей фамилии опять там не окажется. Но на этот раз с ним будет

вооруженный охранник порядка. Что ты сделаешь? Ну что же, придется отнять у него оружие, стукнуть их головами друг о друга и, войдя в бот, усестся в кресло. Да, ты можешь это сделать — ты хорошо натренирована и генетически создана именно для таких вот грубых трюков. Но что дальше?

Дальше: причальный бот не улетит в назначенное время. Он задержится, пока не придут человек восемь и с помощью грубой силы и пуль с транквилизаторами не вытащат тебя оттуда и не запрут в каюте «ББ». Где ты останешься до тех пор, пока придворный офицер с Реальма не появится на корабле и не возьмет на себя заботу о твоём чреве. Нет, грубой силой эту проблему не решить, значит, остаются сладкие речи, преимущества слабого пола, и взятки.

Стоп! А как насчет откровенности? А?

Почему бы и нет? Пойти прямо к капитану. Рассказать о том, что обещал тебе мистер Скипаа, как тебя потом обманули... Попросить Джерри показать ему свидетельство твоей беременности, сказать, что ты напугана и что решила подождать на Ботаническом Утесе корабля, летящего не на Реальм, а на Землю. Капитан — старый сентиментальный чудак, он показывал тебе фотографии своей дочки... Он защитит тебя!

Что бы сказал на это Босс?

А Босс обратил бы внимание на то, что ты сидишь по правую руку от капитана. Почему? Тебе была предоставлена самая комфортабельная каюта на «Форварде», и это — в самый последний момент. Почему? Было найдено место для семерых других, которые только и делают, что следят за тобой, — ты думаешь, капитан об этом не знает? Кто-то вычеркнул твоё имя из списка экскурсантов на Аутпост — кто? Кому принадлежат «Гиперпространственные линии»? Тридцать процентов находится в собственности международных корпораций, которые, в свою очередь, принадлежат комплексу «Шипстоун» или контролируются им. А ты обратила внимание, что одиннадцать процентов принадлежат трем банкам на Реальме? Да, ты обратила внимание, потому что остальные «ветки» комплекса «Шипстоун» принадлежат тому же Реальму. Так что... Вряд ли тебе стоит рассчитывать на сентиментального старика Ван Коуэна. В ответ на свои «сказки» ты услышишь: «Та нет, я так не тумаю. Мистер Скипаа мой хороший трук, я снафал ефо мноко лет. Та-та, я опешал ему, что фы путете ф полной неопасности, и потому я не моку посфолит фам от-правляться на тикий чушой планет. Но кокта мы полетим опратно, я путу покасыфать фам настоящую красота — на Хальсион. Опешаю. А теперь путь умнисей и не тостафляй мне хлопот — итет?» Возможно, он даже сам будет верить в это.

Он наверняка в курсе, что никакая ты не «Богатая Сучка». Скорее всего, ему сказали, что ты — наемная мамочка (не посвящая в то, что это касается королевской семьи, хотя... он мог и сам догадаться), и он воспримет твои «сказки», как элементарное желание увильнуть от вполне законного контракта. Пятница, ведь

у тебя нет ни единого письменного доказательства, что тебя подставили. И не рассчитывай на капитана и вообще на кого бы то ни было здесь. Надеяться можешь лишь на себя.

Я долго ломала себе голову над тем, что же мне предпринять, но — безрезультатно. В основном все мои размышления сводились к прикидкам: что делать, если мне все же не удастся соскочить на Ботаническом Утесе? Скажем, так: «Эй, капитан, слышите меня? Я запираюсь в своей каюте и не выйду из нее, пока мы не улетим с Реальма! Если будете ломать дверь и вытаскивать меня силой, что ж, помещать вам не смогу, но офицер из дворца получит лишь мой труп!»

(Чушь! Все, что понадобится, это — через кондиционер накачать в каюту усыпляющий газ.)

Ладно, тогда: «Капитан! Вы когда-нибудь видели, как делают аборт вязальными спицами? Нет? Ну так приходите посмотреть. Если любите кровавые зрелища, получите массу удовольствия!»

(Вдвойне чушь! Я могу сколько угодно болтать об аборте, но не смогу это сделать... Хотя ничего хорошего незваный гость, очутившийся в моей матке, и не принес, но ведь он-то ни в чем не виноват.)

В конце концов я решила не тратить время попусту на подобные мечтания и сосредоточиться на реальности, а главное — постараться ничем себя не выдать. Когда объявили, что настало время записываться на экскурсию на Ботанический Утес, я выскочила одной из первых: обсуждала громко разные варианты, задавала кучу вопросов, таскала брошюры к себе в каюту и, в конце концов, записалась на все самые дорогие поездки и заплатила наличными.

За ужином я болтала с капитаном о тех маршрутах, которые выбрала, спрашивала, что бы он мог мне еще посоветовать, и жаловалась без конца на то, что мое имя было потеряно в списке экскурсантов на Аутпост... Я попросила его самого проверить список на этот раз, чтобы не было никаких «накладок»... Как будто у капитана огромного звездолета нет других дел, кроме как следить, чтобы никто не забыл о «Богатой Сучке». Внешне он ничем себя не выдал: выслушал, ни разу ни дрогнув, всю мою болтовню, благосклонно кивая на каждую просьбу и словом не обмолвясь о том, что мне запрещено спускаться на поверхность планеты. Но, возможно, он не менее искушен в искусстве лжи, чем я сама, а я научилась лгать с невозмутимым видом задолго до того, как вышла из «яслей».

Этим вечером я оказалась в «Черной Дыре» в компании моих трех постоянных ухажеров, Джерри Мэдсена, Джимми Лопеса и Тома Аделла. Том был первым помощником главного инженера, но я так толком и не выяснила, что это означает. Я лишь заметила, что он носил на одну нашивку больше, чем двое его соперников. В мой первый вечер на корабле Джимми торжественно объявил мне, что Том — главный привратник. Том не стал с этим спорить, а лишь добавил:

— Ты забыл сказать, что я еще и главный грузчик.

В этот вечер, всего за семьдесят пять часов лета до Ботанического

Утеса, я частично выяснила, чем занимается Том. Причальный бот был полон груза для Утеса...

— Оба бота мы загрузили сразу перед отлетом. Но один пришлось освободить, потому что он нужен был нам для Аутпоста. Но для полета на Утес нам понадобятся оба бота, так что опять придется загружать его... — Он усмехнулся. — Да, попотеем как следует.

— Тебе это полезно, Томми, ты здорово толстеешь.

— Джимми, ты бы на себя посмотрел...

Я спросила:

— Ведь ангары очень маленькие, как же вы загружаете боты?

— Ангарами мы не пользуемся. Хочешь посмотреть, как это делается?

Я кивнула, и мы договорились встретиться здесь завтра утром.

Кое-что я усекла. Внутренние помещения «Форварда» огромны, но и грузовые отсеки причальных ботов тоже не маленькие. На них перевозят довольно громоздкие предметы. Особенно огромно оборудование. На Ботанический Утес нужно было переправить турбогенератор «Вестингауз» — величиной с дом. Я спросила Тома, как они собираются сдвинуть с места такую машину.

— Черная магия, — усмехнулся он.

Четверо его помощников накинули на турбогенератор металлическую сеть и пододвинули к нему какой-то железный ящик размером с обычный чемодан. Том внимательно осмотрел все и сказал:

— Отлично. Подымайте.

Один из четверых чем-то шелкнул. Железная машина вздрогнула и поднялась в воздух. Портативный антиграв, наподобие тех, что в гравилетах... С осторожностью, манипулируя тросами и специальными баграми, они провели эту штуковину через громадные ворота в грузовой отсек бота. Том объяснил, что, хотя этот железный монстр и свободен сейчас от искусственного внутрикорабельного притяжения, он не утратил ни грамма своей массы и может раздавить человека так же легко, как человек — муравья.

— Рабочим приходится постоянно помнить, что жизнь всех зависит от каждого. Я, конечно, отвечаю за всю команду, но мертвому будет все равно, кто виноват. Так что они должны друг друга подстраховывать.

Главным, за что он отвечал, было то, чтобы каждый этап загрузки шел по плану, каждый груз — был прочно закреплен, а большие двери грузового отсека после каждой погрузки как следует заперты.

Том провел меня по отсекам, предназначенным для пассажиров-мигрантов.

— У нас в этот раз больше мигрантов на Утес, чем когда бы то ни было, — заметил он. — Когда мы оставим их там, третий класс почти весь опустеет.

— Они все австралийцы? — спросила я.

— Нет, около двух третей. Но у всех одно общее — они говорят на английском. Это единственная колония с языковыми требованиями. Они там пытаются сделать так, чтобы на всей планете был единый язык.

— А-а, я что-то слышала об этом? Зачем?

— Многие считают, что так уменьшается вероятность вспышек разных междоусобиц и войн. Может, и так, но самые кровавые войны, что были в нашей истории, — гражданские. Без всяких языковых проблем.

У меня не было на этот счет никаких соображений, и я промолчала. Мы вышли из бота через пассажирский ангар и, когда Том запер его, я вспомнила, что забыла внутри шарф.

— Ты не видел его, Том? Я хорошо помню, что в отсеке для мигрантов он был на мне.

— Не заметил... Но сейчас мы его найдем. — Он вернулся и открыл дверь ангара.

Шарф был там, где я его оставила, — между двух кресел в отсеке для мигрантов. Я набросила его Тому на шею, притянула его к себе, поблагодарила и позволила благодарности зайти так далеко, как ему хотелось (достаточно далеко, но не до конца, потому что он был на дежурстве). Он заслужил благодарность — на двери был цифровой замок. Теперь я могу открыть его в любой момент.

Когда я вернулась с экскурсии по причальному боту и его грузовым отсекам, подошло время ленча. Шизуко, как всегда, над чем-то хлопотала (не может у одной женщины уходить все время на ухаживание за другой).

— У меня нет настроения идти в столовую, — сказала я ей. — Я приму душ, надену халат и поем здесь.

— Что мэм угодно? Я сейчас закажу.

— Закажи для нас обеих.

— Как? И для меня?

— И для тебя. Я не люблю есть одна, а мне не хочется одеваться и тащиться в столовую. Не надо спорить. Просмотри меню. — С этими словами я отправилась в ванную.

Оттуда я слышала, как она заказывает ленч, а когда выключила душ, девушка была уже наготове: маленькое полотенце обернуто вокруг бедер, а большое — в руках, чтобы обернуть им меня. Вытерев меня насухо, она помогла мне облачиться в халат. Пока она открывала пищевой лифт и вытаскивала еду, я оттащила маленький столик в тот угол каюты, где мы раньше беседовали с Питом-Маком. Шизуко, наблюдая за моими действиями, удивленно приподняла брови, но ничего не сказала, а начала накрывать на стол. Я настроила терминал на музыкальное воспроизведение и выбрала кассету с записью погромче — классический рок на сей раз.

Шизуко поставила на столик только один прибор. Я повернулась к ней так, чтобы она услышала меня несмотря на музыку и сказала:

— Тилли, поставь тарелку для себя тоже.

— Что-что, мэм?

— Ну хватит, Матильда. Игры кончились. Я поставила эту пленку, чтобы мы могли спокойно поговорить.

Она колебалась секунду-другую, а потом согласно наклонила голову.

— Хорошо, мисс Пятница.

— Зови меня лучше Мардж, чтобы мне не приходилось называть тебя мисс Джексон. Или зови меня моим настоящим именем — Пятница. У нас с тобой есть о чем поболтать. Кстати, в качестве горничной тебе нет равных, но отныне, когда мы наедине, тебе не стоит утруждать себя. Я прекрасно могу вытереться сама после душа.

Она едва приметно улыбнулась и негромко сказала:

— Мне самой нравится обхаживать вас, мисс Пятница... Мардж... Пятница.

— Да? Ну, что ж, благодарю! Давай поедим. — Я любезно положила ей на тарелку полную ложку «суки-яки».

Пожевав минуты две — разговаривать за едой всегда как-то легче, — я сказала:

— Сколько ты получаешь за это?

— Получаю за что, Мардж?

— За то, что состоишь при мне и передашь в руки придворного офицера?

— Обычный контракт. Платят моему шефу. В условия контракта входят и мои премиальные, но я верю в премии, только когда они у меня в руках.

— Ясно. Матильда, я линяю на Ботаническом Утесе. Ты мне можешь.

— Зови меня Тилли. Помогу?

— Поможешь. Потому что я заплачу тебе намного больше твоих премиальных.

— Ты думаешь, меня можно так легко перекупить?

— Да. Потому что у тебя есть два выхода. — Между нами на столике лежала стальная разливная ложка. Я взяла ее в руки и пальцами сплющила толстую стальную «чашечку». — Ты можешь помочь мне. А можешь умереть. Причем довольно быстро. Что тебе больше по вкусу?

Она взяла у меня из рук ложку и, повертев ее, сказала:

— Мардж, не стоит все так драматизировать. Что-нибудь мы придумаем. — С этими словами она большими пальцами разогнула сплюснутый металл. — Что у тебя стряслось?

Я уставилась на ложку.

— «Мать моя пробирка...»

— «А скальпель мой отец». Равно как и твой, — кивнула она. — Потому-то меня и наняли на эту работу. Давай поговорим. Почему ты решила соскочить с корабля? Если ты это сделаешь, с меня шкуру сдерут.

— А если не сделаю, проживу очень недолго. — Не скрывая ничего, я подробно рассказала ей о своем «контракте», о том, как оказалась беременной, и почему так уверена, что у меня нет ни единого шанса пережить визит на Реальм.

— Итак, — закончив рассказ, сказала я, — что заставит тебя переметнуться на мою сторону? Я полагаю, меня устроит твоя цена.

— Не одна я слежу за тобой.

— Пит? Думаю, я справлюсь с Питом. Остальных — троих мужиков и двух женщин, — думаю, можно вообще не брать в расчет, если вы с Питом поможете мне. Из всех лишь ты и он — профессионалы, а остальные... Кто их нанимал? Дилетанты.

— Не знаю. Я даже не знаю, кто нанял меня. Этим занимался мой босс. Может, ты и права... Может, остальных и не стоит брать в расчет — все зависит от твоих планов.

— Давай договоримся о деньгах.

— Нет уж, давай сначала поговорим о планах.

— Что ж... Как, по-твоему, ты можешь имитировать мой голос?

— Что ж... — ответила она. — Как, по-твоему, ты можешь имитировать мой голос?

— А ну-ка, еще раз!

— А ну-ка, еще раз!

— Ладно, — кивнула я. — Ладно, Тилли, ты можешь. В «Дэйли Форвард» сказано, что мы выскочим из гиперпространства возле Ботанического Утеса завтра утром. Если расчеты так же точны, как были на Аутпосте, мы выйдем на стационарную орбиту и пошлем туда причальные боты послезавтра, где-то около полудня, то есть меньше чем через сорок восемь часов. Значит, завтра я заболела — печально, правда? Я ведь так рассчитывала спуститься на поверхность и побывать на всех этих расчудесных маршрутах. Точное время для осуществления моего плана зависит от того, когда отчалят наши боты. А насколько я понимаю, это станет возможным, лишь когда мы выйдем в нормальное пространство и они сами смогут оказаться на стационарной орбите. Когда бы это ни произошло, в ночь перед их отлетом я слиняю из каюты. И с того момента ты будешь «работать» за нас обеих. Входить в кабину ты никому не позволишь — скажешь, что я слишком плохо себя чувствую. Если кто-то будет дозваниваться через терминал, не включай видео — я никогда не включаю! Когда это возможно, ты говоришь за нас обеих, а когда нет — скажешь, что я сплю. Если кто-то все же уловит разницу в голосе, скажешь, что у меня высокая температура, я напичкана лекарствами, и поэтому у меня заплетается язык... Закажешь завтрак для нас обеих: себе — свой обычный, а для «больной» — чай с молоком и пару тостов.

— Пятница, насколько я понимаю, ты собираешься соскочить на одном из причальных ботов. Но двери у них всегда на замке, поверь мне. Я это точно знаю.

На замке. Но тебе не стоит об этом волноваться, Тил.

— Ладно. Это — твои трудности. Я могу прикрыть тебя, но что я скажу капитану, когда все выяснится?

— Значит, капитан знает? Я так и думала.

— Он знает. Но приказы мы получаем от штурмана.

— Разумно. Мы устроим так, что ты будешь оглушена и связана. Тогда ты скажешь, что я напала на тебя. Сама я, конечно, не смогу это сделать, но, думаю, кое-кто мне поможет.

— Это сильно укрепит мое алиби, но... Кто же эта добрая душа?

— Помнишь нашу первую ночь на звездолете? Я вернулась поздно и — не одна. Ты еще подала нам чай с пирожными.

— Доктор Мэдсен? Ты на него рассчитываешь? И ты думаешь?..

— Думаю, да. С твоей, конечно, помощью. Той ночью он, кажется, был очень не прочь.

Она усмехнулась.

— Той ночью у него здорово слюни текли, а язык аж волочился по полу.

— Правильно. И волочится до сих пор. Завтра я заболēju. Он придет навестить меня — как врач. Ты, как обычно, будешь здесь. Мы погасим свет в спальне и... Если доктор Джерри еще не остыл ко мне (а я уверена, что нет), он примет мое предложение, а после того, как примет, сделает все, что нужно. Ну, как? Простенько и со вкусом, а?

Тилли задумалась и покачала головой.

— Нет, — сказала она.

— Нет?

— Давай сделаем все действительно простенько. Никого больше посвящать не надо. Вообще никого — и связывать меня тоже не надо, это лишь вызовет подозрения. Вот мой план: незадолго до того, как боты отчалият, ты решаешь, что уже выздоровела. Встаешь, одеваешься и выходишь из каюты, не говоря мне, куда идешь, — я всего лишь жалкая служанка, и ты никогда ничего мне не докладываешь. Может, ты решила все же отправиться на экскурсии... Я не в курсе, и как бы там ни было, это не имеет значения — я не обязана бегать за тобой по всему звездолету, мое дело — не спускать с тебя глаз в каюте. По-моему, Пит тоже не обязан таскаться за тобой по кораблю. Если тебе удастся соскочить с корабля, единственный, кто получит взбучку, это — капитан. Лично я по этому поводу плакать не стану.

— Тилли, кажется, ты права. Я полагала, что тебе понадобится алиби... Но, пожалуй, ты прекрасно обойдешься и без него.

Она подняла на меня глаза и улыбнулась.

— Я вовсе не хочу удерживать тебя от развлечений с доктором Мэдсеном. Затащи его в койку, если хочешь, и утешайся на здоровье. В мои обязанности входило — не подпускать мужиков близко к твоей постели... Ты, наверное, и сама это знаешь...

— Догадалась, — сухо бросила я.

— Но теперь, раз уж я перешла на другую сторону, это вовсе не

обязательно... — Неожиданно она засмеялась. — А может, мне предложить доктору Мэдсену себя в качестве приманки? Он зайдет навестить пациентку на следующее утро, я скажу ему, что тебе лучше и что ты пошла в сауну, или... Как по-твоему?

— Предлагай ему только то, что рассчитываешь дать, — посоветовала я. — Он не тот парень, которого можно динамить.

— Если уж я обещаю, то всегда даю, — кивнула она и встала. — Итак, вроде бы, все?

— Все, кроме одного, — поднимаясь с кресла, сказала я. — Сколько я должна тебе?

— Я думала об этом... Слушай, Мардж, ты лучше меня знаешь свои возможности, поэтому... Я оставляю это на твое усмотрение.

— Но ты не сказала мне, сколько тебе заплатят те.

— Потому что я сама не знаю. Мой хозяин мне не докладывал.

— Ты чья-то? — Я очень расстроилась. Как и любой ИЧ на моем месте.

— Не совсем. Я была продана на срок в двадцать лет. Осталось еще тринадцать, а потом — я свободна.

— Но... О, Господи, Тилли, давай тогда соскочим с корабля вместе!

Она положила мне руку на плечо и, заглянув в глаза, сказала:

— Не переживай. Ты заставила меня подумать об этом как следует. И это — главная причина, по которой я не хочу оставаться связанной. Мардж, меня-то ведь никто не станет держать взаперти на корабле. И, разумеется, я могу отправиться на любую экскурсию, когда пожелаю, если смогу заплатить за это. А я — смогу. Так что, может быть, мы увидимся внизу?

— Да! — воскликнула я и поцеловала ее.

Резким движением она привлекла меня к себе, и наш поцелуй затянулся. Она застонала, и я почувствовала ее руку у себя под халатом...

Оторвавшись от ее губ, я посмотрела ей прямо в глаза и спросила:

— Значит, вот в чем дело, Тил?

— Да! Да-а-а! С того первого дня, когда... А, черт, когда я впервые выкупала тебя...

Этим вечером мигранты, покидающие звездолет на Ботаническом Утесе, устраивали представление для пассажиров первого класса в большой гостиной. Капитан объяснил мне, что это — своего рода традиция, и что пассажиры первого класса обычно делают благотворительные взносы в помощь колонистам. По традиции он сам тоже присутствовал в зале, и я, сидя рядом с ним, не упустила случая пожаловаться на недомогание. Я добавила, что мне придется отказаться от экскурсий на Утес, что, конечно, очень обидно.

Он сказал, что, если я себя недостаточно хорошо чувствую, несомненно, следует воздержаться от полета на поверхность чужой

планеты, но... Не стоит переживать, Ботанический Утес — не лучшее местечко во Вселенной, остальная часть путешествия намного интереснее, так что будь пайнкой и не заставляй меня запира́ть твою каюту на замок.

Я сказала, что, если меня будет мутить, как сейчас, запира́ть каюту не придется — полет на Аутпост был кошмарным, меня выворачивало всю дорогу, и больше я такого не вынесу. Чтобы наглядно подтвердить свои слова, я почти не притронулась к еде за ужином.

Представление получилось вполне любительским, но очень веселым — немного танцев, но в основном песенки: «Привяжи меня к кенгуру», «Вальс Матильды» и несколько других. Я бы моментально забыла все, что слышала, если бы не мужчина во втором ряду исполнителей, показавшийся мне знакомым.

Я смотрела на него и думала: Пятница, неужели ты превратилась в потаскушку, которая даже не помнит, спала она с человеком или нет? Он напомнил мне профессора Фредерико Фарнези, но... Он носил густую бороду, а Фредди был чисто выбрит, что, конечно, ровным счетом ничего не значило, поскольку прошло достаточно времени с нашей встречи, чтобы отпустить бороду. Почти всех мужчин рано или поздно охватывает бородомания. Но из-за этой дурацкой бороды я никак не могла определить, он это или не он. По голосу — тоже не получалось, этот мужик ни разу не спел соло. Запах? Нет, на расстоянии в тридцать метров невозможно выделить и отличить его от остальных. Мне жутко хотелось плюнуть на все этикетки, встать, подойти к нему и спросить:

— Послушайте, вы — Фредди? С вами я спала как-то в Окленде прошлой весной, в мае?

Но что если он скажет: «Нет».

Я обыкновенная трусиха, поэтому сказала лишь капитану, что среди мигрантов, кажется, узнала своего старого приятеля из Сиднея, и:

— Как бы мне это выяснить?

В результате заполнила короткую анкету на имя Федерико Фарнези, капитан отдал ее пилоту, пилот — своему помощнику, тот вышел и вскоре вернулся с докладом: среди мигрантов есть несколько итальянских имен, но ни одно имя (итальянское или не итальянское) в списке и близко не похоже на «Фарнези». Я поблагодарила его, поблагодарила пилота, поблагодарила капитана и... Хотела было уже попросить их проверить «Тормея» и «Перральта», но вовремя сообразила, что это — полный бред. Среди пассажиров я не видела ни Бетти, ни Жанет, а уж они-то никак не могли отрастить бороды. Что же касается того мужчины, то ведь, по сути, я его даже не видела: наклейте на любого мужа бороду — что вы увидите? Да, ничего — это все равно что закрыть лицо забралом. Да, как видно, все, что пожилые жены рассказывают про беременных баб, не сказки, а чистая правда.

По корабельному времени было два часа ночи. «Форвард» выпрыгнул из гиперпространства вовремя — в одиннадцать утра, — и расчеты оказались настолько верны, что мы должны были выйти на стационарную орбиту Ботанического Утеса в семь сорок две — то есть на несколько часов раньше, чем предполагалось. Меня это не обрадовало, потому что из-за ранней отправки причального бота пассажиры, скорее всего, примутся бродить по коридорам среди ночи, но... Выбора не было — второго случая не будет.

Я быстренько закончила все приготовления, чмокнула на прощание Тилли, погрозила ей пальцем, чтобы она не шумела, и вышла из каюты. Мне нужно было спуститься вниз на три палубы. Дважды я прижималась к стенкам, чтобы не заметил ночной патруль, а один раз пришлось нырнуть в грузовой люк, чтобы избежать встречи с каким-то подвыпившим лунатиком. Наконец я добралась до короткого коридорчика, ведущего прямо в пассажирский ангар, и... Прямо перед собой увидела смотрящего на меня Мака-Пита-Персиваля.

Улыбнувшись и прижав палец к губам, я быстро подошла к нему и, ни слова не говоря, врезала пониже уха. Потом подхватила его обмякшее тело, осторожно опустила на пол и занялась дверным замком. Черт!.. В темноте было невозможно разглядеть ни одной цифры на диске даже с моим усиленным ночным зрением — в этом коротком коридорчике не было ни одной лампы. Я дважды набрала код и оба раза «промахнулась». Что же делать? Вернуться в каюту за фонариком? У меня его вообще-то и там не было, но, может, есть у Тилли. Если нет, то — что? Ждать утра, когда станет светло? Да, но тогда здесь будет полно народу...

Я взглянула на Пита — еще не пришел в себя, но дышал ровно... Значит, сердце крепкое. Тебе повезло, Пит — врежь я тебе изо всей силы, ты бы уже не дышал... Я обыскала его и нашла карманную авторучку с фонариком — ничего удивительного: мисс «Богатой Сучке», конечно, не нужна такая дребедень, а вот ему для работы (в смысле, для слежки за мной) фонарь мог пригодиться.

Через несколько секунд дверь распахнулась. Я втащила Пита внутрь и заперла за ним дверь простым поворотом колеса — сначала по часовой стрелке, а потом — против. Затем я обернулась, увидела, что у Пита дрогнули ресницы, и врезала ему еще раз. Потом пошла волянка: Пит весил килограммов восемьдесят пять — не так уж много для мужика, но... Это на двадцать пять кг тяжелее моего собственного веса. Том говорил, что на корабле поддерживается искусственное притяжение в 0,97 «д», то есть такое же, как на Утесе, но в эти минуты мне захотелось полной невесомости, потому что нельзя было бросать здесь Пита — ни живого, ни мертвого. Я умудрилась взвалить его на плечо (говорят, что так вытаскивают людей из огня пожарные), и поняла: чтобы руки были свободны, мне

нужно зажать ручку-«светлячок» в зубах, как сигару. Если бы не бесчувственное тело на моей шее, я, конечно, сориентировалась бы и в полной темноте, но с Питом... Без фонарика мне не обойтись.

Лишь один раз свернув не туда, я наконец добралась до огромного грузового отсека. Причальный бот был хорошо виден, и я быстро нашла то укромное местечко, которое облюбовала накануне — турбогенератор «Вестингауз».

Думаю, эта громадина работала на газе или на паре — во всяком случае не на шипстоунских батареях. В колониях часто пользуются такими агрегатами, которых уже не найдешь в тех местах, где есть «шипстоуны». Я в подобных штуковинах плохо разбираюсь, и меня совершенно не интересует, как он работает — главное: из него с одной стороны выпирает кусок огромной трубы, в которой вполне хватит места для человека. Даже для двоих — к счастью, ибо со мной рядом этот незванный гость, и я не могу ни убить его, ни бросить. Довольно уютное местечко, если учесть, что грузчики перед тем, как загрузить турбогенератор, укрыли его мягким стекловолокном. Я заползла в трубу, а потом пришлось попотеть, втаскивая туда Пита. Но я все-таки сделала это, оставив, правда, на краю трубы лоскут собственной кожи. Взглянув на Пита, я принялась раздевать его. Если мне повезет, я смогу чуть-чуть поспать, но не могу же я спать, оставив на свободе одного из своих шпигов. На Пите были надеты штаны с поясом, рубашка, трусы, носки, кроссовки и свитер. Я стащила с него все, связала ему рубашкой руки за спиной, щиколотки — штанинами, а потом закрепила связанные руки и ноги брючным ремнем. Придется ему полежать в этой страшно неудобной позе — так меня научили на основном курсе тренировок страховать-ся от побега пленника. Полезная наука.

Закончив с этим, я принялась хлопать его трусами по щекам.

— Не стоит, мисс Пятница, — спокойно сказал он. — Я пришел в себя довольно давно. Давайте поговорим.

— Я так и думала, — помолчав, сказала я. — Но решила делать вид до тех пор, пока ты не перестанешь притворяться. Надеюсь, ты понимаешь, что стоит только пикнуть, и я оторву твою мошонку и засуну ее тебе в глотку.

— Что-то в этом роде я предполагал. Но не думал, что вы окажетесь такой кровожадной.

— А почему бы и нет? Я уже имела дело с этим прибором раньше. Правда, не по своей воле. И имею полное право делать с ним все, что хочу. Есть возражения?

— Мисс Пятница, вы позволите мне сказать хоть слово?

— Конечно, почему бы и нет. Но учти, стоит тебе пикнуть чуть громче самого тихого шепота, и ты лишишься своей игрушки, — с этими словами я протянула руку и ясно дала ему понять, какую «игрушку» я имею в виду.

— М-мм... Осторожнее, прошу вас! Сегодня ночью штурман велел удвоить слежку за вами... Я...

— Удвоить слежку? Как это?

— Обычно Тилли... Ну, в смысле, Шизуко... Она караулит вас с того момента, как вы приходите к себе в каюту, и до тех пор, пока не встанете утром. Тогда она нажимает кнопку, и — мы получаем сигнал, по которому сразу начинаем вас пасти. Но сегодня штурман, а может, и сам капитан очень беспокоятся. Боятся, что вы можете попытаться слиться на Ботанический Утес...

Я сделала большие глаза.

— Мой Бог! Как можно было подозревать меня — саму невинность — в таких безобразиях!

— Понятия не имею, — торжественно произнес он. — Но что, интересно, мы делаем здесь, в причальном боте?

— Я собираюсь совершить ознакомительную прогулку. А как насчет тебя?

— Надеюсь, и я тоже. Мисс Пятница, я понимал, что если вы собирались соскочить на Утес, лучшее время было бы — сегодня ночью. Я не знал, каким образом вы рассчитываете сладить с замком на ангаре, но... Я верил в ваши способности, и вижу, что не ошибся.

— Спасибо. Кто следит за вторым ботом?

— Грэхэм. Такой маленький, рыжий. Может, вы замечали его?

— Даже слишком часто.

— Я выбрал этот бот, потому что вы ходили здесь вчера с мистером Аделлом. Или позавчера — смотря как считать.

— Не важно. Пит, что случится, когда тебя хватятся?

— А меня могут и не хватиться. Тупица Джо... Виноват, Джозеф Стюбен — это я про себя его так называю, — так вот, я велел ему сменить меня после завтрака. Насколько я знаю Джо, он не огорчится, не застав меня у двери в ангар, а просто сядет на палубу, облокотится на дверь и будет дремать, пока кто-нибудь его не разбудит. Потом проторчит у двери, пока бот не отчалит, а затем потащится к себе в каюту и будет терпеливо ждать, когда я за ним приду. Джо — исполнительный малый, но умом не блещет. На это я и рассчитываю.

— Пит, ты говоришь так, словно все идет по твоему плану.

— В мой план не входило получать по шее так, что у меня до сих пор болит голова. Если бы вы дали мне сказать хоть слово перед... Словом, тогда вам не пришлось бы тащить меня на себе.

— Если ты рассчитываешь заговорить мне зубы и думаешь, что я развяжу тебя, то напрасно пыжишься.

— Вы хотели сказать «напрасно стараешься» — пыжиться я в такой позе никак не могу.

— Не важно, главное — напрасно. И, исправляя мою речь, ты тоже ничего не добьешься. Ты попал в очень серьезную переделку, Пит. Назови мне хотя бы одну причину, по которой мне не стоит убивать тебя. Ты знаешь, ведь капитан был абсолютно прав: я действительно линяю с корабля и не могу отвлекаться на мелочи вроде тебя.

— Ну... Одна причина есть: утром, при разгрузке, найдут мое бременное тело. И начнут искать тебя.

— К тому времени я уже буду далеко-далеко за горизонтом. И потом, почему они непременно должны искать меня? Я не собираюсь оставлять на тебе отпечатки своих пальцев. Так... несколько лиловых полос на шее и — все.

— Мотив и возможность. Ботанический Утес — колония, достаточно уважающая закон, мисс Пятница. Может быть, вам и удастся соскочить с корабля и остаться на Утесе, — некоторые сумели это сделать, но... Если вас потребуют выдать как совершившую убийство на борту корабля, местные власти пойдут навстречу.

— Я сошлюсь на самооборону. Скажу, что имела дело с известным насильником... Ради Бога, Пит, придумай, что мне делать с тобой! Ты спутал мне все карты. Ты же знаешь, что я не убью тебя, — я не хочу хладнокровно убить человека, меня надо заставить... Вынудить. Но если оставить тебя связанным... Постойка, пять и три — восемь, да еще часа два, как минимум, пока они не примутся за разгрузку... Получается десять часов. Придется вставить тебе кляп в рот... И потом, тут становится все холоднее...

— Это точно! Я уже весь дрожу... Послушай, ты не могла бы накинуть на меня свитер?

— Ладно. Но учти, потом мне придется использовать его как кляп.

— А кроме холода, у меня уже затекают руки и ноги. Мисс Пятница, если вы оставите меня здесь связанного на десять часов, я получу гангрену рук и ног. Регенерации здесь нет. Когда я попаду туда, где ее смогут сделать, от меня останется лишь... Нет, милосерднее будет сразу убить меня.

— А, чтоб тебе провалиться! Ты бьешь на жалость!

— Сомневаюсь, что вам знакомо это чувство.

— Слушай, — помолчав, сказала я, — если я развяжу тебя и позволю одеться, чтобы ты не замерз, ты дашь мне потом без всякого шума опять связать тебя и засунуть в рот кляп? Или мне придется врезать тебе посильнее и вырубить уже как следует? С риском сломать тебе шею. А ты знаешь, я могу это сделать. Ты видел, как я дерусь, и...

— Как деретесь — нет. Я видел лишь последствия. Вернее, слышал о них.

— Не важно. Значит, ты знаешь. И тебе не вредно узнать, почему я способна на такое. «Мать моя — пробирка...»

— «Скальпель — мой отец», — закончил он за меня. — Мисс Пятница, я мог и не давать вам, как вы выражаетесь, вырубить меня. Да, у вас очень быстрые реакции, но... Но у меня они точно такие же, а руки — намного длиннее. Кроме того, я знал о ваших возможностях, а вот вы о моих — нет. Стало быть, у меня было преимущество.

Когда он делал это поразительное признание, я сидела в позе

лотоса, тупо уставившись на него, и молчала. Неожиданно дурнота подступила к горлу и меня чуть не вырвало.

— Пит, — почти молящим голосом пробормотала я наконец, — ты... Ты ведь не лжешь мне?

— Мне приходилось лгать всю жизнь, — ответил он, — так же, как и тебе. Впрочем... — Он шевельнул руками и путы на них лопнули. Вы представляете себе прочность скрученных рукавов добротной рубахи? Они прочнее каната такой же толщины... Не верите? Попробуйте сами.

— На рубашку мне наплевать, — будничным тоном сказал он, — у меня есть еще свитер. Но мне бы не хотелось портить свои штаны, поскользку, надеюсь, мне придется еще появиться в них на людях до того, как я смогу достать другие. Вам проще дотянуться до узлов. Вы можете мне развязать их, мисс Пятница?

— Пит... Перестань называть меня «мисс»! Мы оба — ИЧ... — я взялась за его штанины. — Почему ты не сказал мне раньше?

— Наверное, надо было сказать, но... Мы говорили на другие темы.

— Ну, вот и все... Ох, Пит, у тебя и вправду замерзли ноги! Дай-ка я их разотру как следует!..

* * *

Мы немного поспали. Во всяком случае я — заснула и проснулась от того, что Пит легонько тряс меня за плечо и тихо говорил:

— Просыпайся. Мы недалеко от поверхности... Уже видны огоньки.

Тусклый свет проникал сквозь полотно, которым был укутан турбогенератор. Я зевнула и сказала:

— Я замерзла...

— Ты еще внутри трубы, а вот я — почти что снаружи. Так что не жалуйся... Это я замерз.

— Так тебе и надо, насильник. Ты слишком тощий, из тебя никогда не выйдет хорошего одеяла... Пит, тебе надо было набрать побольше веса. Слушай, это, кстати, напомнило мне, что мы еще не завтракали, но стоит мне подумать о еде... Кажется, меня сейчас вырвет.

— А, черт... Переползи тогда через меня в самый угол, а то ведь нам еще придется здесь полежать. И потише — кто-нибудь уже может бродить неподалеку.

— Свинья. Бесчувственная свинья — вот ты кто. Назло тебе удержусь!

В общем, я не так уж плохо себя чувствовала. Перед выходом из каюты я приняла голубенькую таблетку и, кажется, она делала свое дело. Желудок давал о себе знать, но не так, чтобы вопить:

«Выпустите меня отсюда!..» К тому же у меня с собой был весь запас пилюль, которыми снабдил меня доктор Джерри.

— Пит, какие планы?

— Ты меня спрашиваешь? Я, что ли, затеял этот побег?

— Затеейла я, но... Ты здоровый, сильный мужик, который храпит так, что стены трясутся. Я думала, пока я посплю, ты постоишь на вахте и придумаешь что-нибудь... Я ошиблась?

— М-да... Пятница, а какие планы у тебя? Как ты все это себе представляла?

— Ну, я не строила четких планов. Когда мы приземлимся, им так или иначе придется открыть дверь — или маленькую, или большую, грузовую. Какую — не важно, главное, что они откроют, и тогда я вылетаю отсюда, как испуганная кошка, сшибая всех и вся на своем пути, и... Не останавливаюсь, пока не отбегу от корабля подальше. Надеюсь, никто не станет слишком рьяно меня тормозить, потому что я не хочу никому причинять вреда, но... В любом случае, меня никто не удержит.

— Неплохой план.

— Ты думаешь? Это вообще-то никакой не план, просто... Дверь распаивается — я вылетаю, вот и все.

— План хорош, я не вижу, где бы он мог дать осечку. И у тебя есть одно большое преимущество: они не осмелятся причинить тебе вред.

— Хотелось бы так думать.

— Если кто-то и заденет тебя, то лишь по чистой случайности, и то — виновника подвешат за ребра. Как минимум. Лишь когда ты рассказала мне всю твою историю, я понял, почему мне дали такие строгие инструкции. Пятница, ты нужна им не «живая-или-мертвая», а целая и невредимая. В полной сохранности. Они скорее дадут тебе сбежать, чем рискнут причинить вред.

— Тогда все упрощается.

— Не обольщайся. Хоть ты и дикая кошка, но если бросить на тебя достаточно мужиков, тебя можно схватить — тому уже были примеры. Если они поняли, что ты сбежала... А я думаю, они об этом уже знают — наш бот покинул орбиту на час позже расписания.

— Как? — воскликнула я и кинула быстрый взгляд на часы. — Да... Мы уже должны были приземлиться? Пит, они ищут меня?

— Думаю, да. Но будить тебя раньше не имело смысла. В их распоряжении было четыре часа, чтобы убедиться, что тебя нет на верхней палубе среди пассажиров первого класса. Конечно, им придется прочесать и всех переселенцев, значит... Если ты действительно здесь, а не прячешься где-то на корабле, ты должна быть в этом грузовом отсеке. Конечно, на таком большом боте можно поиграть в прятки, но они наверняка поставят кордоны на обоих выходах отсюда — грузовом и пассажирском. Пятница, если у них достаточно людей, а у них их предостаточно, и если у этих гавриков есть прочные сети и веревочные ловушки-петли, а они у них есть, —

они схватят тебя целой и невредимой, как только ты выйдешь из этого бота...

— Вот, значит, как? — Я задумалась. — Пит... если так случится, у них будет много убитых и раненых. Я и сама могу обломать себе зубы и даже проститься с жизнью, но они дорого заплатят за мою шкуру. Спасибо, что предупредил.

— Но, может, все случится и не совсем так. Возможно, будучи уверены, что через их кордоны и мышь не проскочит, они сначала выпускают всех мигрантов. Ты ведь в курсе, что мигранты проходят через грузовой выход?

— Первый раз слышу.

— Так вот, они сначала выпускают их, проверяют, а потом закроют двери и напустят сюда веселящий газ. Или слезоточивый. И выкурят тебя за милую душу — всю в слезах и в соплях.

— Бр-рр! Пит, неужели у них на корабле есть такой газ?

— Есть и покруче. Ты сообрази, ведь шкиперу приходится действовать за много световых лет от закона и порядка, и у него лишь горстка людей, на которых он может рассчитывать в случае какой-нибудь заварухи. Почти в каждом рейсе в четвертом классе сидит банда отъявленных уголовников, и, конечно же, шкипер в любой момент может пустить газ выборочно, в любой отсек корабля, но... Пятница, когда они пустят газ, тебя здесь уже не будет.

— Не будет? Что ты хочешь этим?..

— Мигранты пройдут через центральный коридор нашего отсека. В этот рейс их набралось около трех сотен, и их набьют в проходной отсек, как сельдей в бочку... Их так много, что я уверен — не все знают друг друга в лицо. За такой короткий срок они никак не успели перезнакомиться. Мы этим воспользуемся. И еще одним старым, испытанным средством.

Мы с Питом спрятались в темном углу за высоким концом турбогенератора. Скоро зажегся свет и послышался гул голосов.

— Идут, — шепнул Пит. — Главное, что тебе нужно сделать, это отыскать сразу кого-нибудь со слишком тяжелой кладью. Таких будет множество. Одежка у нас — что надо: по ней никак не скажешь, что мы из первого класса. Но мы обязательно должны что-то тащить. Мигранты всегда тащат уйму багажа, это я точно знаю.

— Я попытаюсь помочь какой-нибудь женщине нести ребенка, — сказала я.

— Это было бы самое лучшее. Тс-с, они идут.

Они действительно ташили на себе до черта — виною тому было крохоборское правило компании: каждый мигрант мог провезти по одному билету все, что влезет в небольшие «вспомогательные» каютки третьего класса (так они называют кладовки), если только он может тащить это по кораблю сам, без посторонней помощи. Таковы условия компании для обозначения «ручной клади». За все же, что они кладут в грузовой отсек, им приходится платить

отдельно. Я понимаю, компания должна иметь прибыль, но мне всегда это не нравилось. Правда, сейчас мы попытаемся извлечь из этого пользу.

Проходя мимо нас, редко кто из переселенцев даже глянул в нашу сторону, никому мы не были интересны. Все они выглядели усталыми и измученными, среди них было полно детей, и почти все дети дружно ревели. Первые несколько дюжин прошли быстро, а потом колонна притормозила и стала двигаться куда медленнее — больше детей, больше багажа, — и люди оказывались сильно притиснутыми друг к другу. Подходило время прикинуться «овечками» из этого стада... Неожиданно среди бесчисленных людских запахов — грязи, пота, испачканных пеленок и несвежего белья, — прорезался один, столь же кристально чистый, как партия Золотого Петушка в «Гимне Солнцу» Римского-Корсакова. Я испустила радостный вопль:

— Жанет!

Толстая женщина, стоящая с другой стороны очереди, обернулась, взглянула на меня и... С радостным криком: «Марджи!» — ринулась ко мне и схватила меня в объятия. А бородатый мужчина, подошедший вместе с ней, причитал:

— Говорил я тебе, что она на корабле! Говорил же...

А Жан, укоризненно кивая, сказал:

— Но ведь ты умерла!..

А я оторвала губы от Жанет ровно настолько, чтобы сказать:

— Ничего подобного. Кстати, младший пилот Памела Херсфорд передает тебе привет и наилучшие пожелания.

И Жанет фыркнула:

— Эта шлюшка?

И Жан сконфуженно пробормотал:

— Да ладно тебе...

И Бетти, внимательно оглядев меня с ног до головы, сказала:

— Точно, она. Привет, детка! Классно выглядишь.

И Джордж лопотал что-то по-французски, пытаясь осторожно вклинить между мною и Жанет.

И, конечно, мы затормозили всю очередь: люди наталкивались на нас, спотыкались, бормотали извинения, ворчали, ругались, протискивались между нами, и...

— Давайте двигаться дальше, — сказала я. — Потом поговорим.

Я обернулась, посмотрела туда, где оставила Пита, и обнаружила, что он исчез. Впрочем, за Пита я не беспокоилась, Пит — не пропадет.

Жанет не растолстела, просто она была беременна. Я взялась было за один из ее чемоданов, но она не позволила:

— Мне лучше с двумя, они держат меня в равновесии.

Тогда я взяла клетку с кошкой — мамой-кошкой, — и большой бумажный сверток, который раньше тащил под мышкой Жан.

— Жанет, а куда ты дела котят?

Вместо нее ответил Фредди:

— Я использовал свое служебное положение, — сказал он, — и устроил их на тепленькие места... Да-да, они теперь служат, м-мм, инженерами по контролю за грызунами на большой овечьей станции в Куинсленде. Ты расскажи нам, Элен, каким образом ты, которая вчера еще сидела по правую руку лорда-повелителя гиперпространственного звездолета, сегодня очутилась вместе с бедными крестьянами на дне этой чертовой корзины?

— Потом расскажу, Фредди. Когда выберемся отсюда.

Он взглянул на дверь и кивнул.

— Ладно, потом, в дружеской беседе и с изрядной долей вымысла. А сейчас нам предстоит миновать этих церберов.

Два «сторожевых пса» стояли у двери — по одному с каждой стороны. Оба были вооружены. Произнеся про себя коротенькое заклинание, я сделала вид, что болтаю с Фредди о какой-то ерунде. «Псы» внимательно оглядели меня и, кажется, не нашли во мне ничего из ряда вон выходящего. Наверное, тут сыграла свою роль моя неумытая физиономия и всклокоченные волосы — до сих пор я выходила из своей роскошной каюты лишь после того, как Шизуко так тщательно обрабатывала меня, словно я была выставочной моделью на аукционе.

Очутившись за дверью, мы спустились по коротенькой лестнице и выстроились в очередь к большому столу, установленному прямо на земле возле причального бота. Стол бы завален бумагами, и за ними восседали два чиновника в униформах.

— Фарнц, Фредери, Дж! — выкликнул один из них.

— Здесь! — ответил Фредди и стал обходить меня, чтобы приблизиться к столу.

— Вот она! — услышала я за своей спиной, плюхнула на землю клетку с мамой-кошкой и, не разбирая дороги, со всех ног пустилась бежать. За мной послышался шум и возбужденный гомон голосов, но я не обратила на это ни малейшего внимания — во что бы то ни стало мне надо было очутиться вне пределов досягаемости разных сетей, ловушек, капканов и газовых стволов. Конечно, от лазерного прицела и даже обычной скорострельной винтовки мне не уйти, но если Пит говорил правду, они мне не страшны. Справа от меня виднелась какая-то маленькая деревушка, а прямо передо мной, вдалеке — деревья. В данный момент меня больше устраивали деревья, и я, не сбавляя скорости, неслась вперед. Быстро оглянувшись, увидела, что большинство моих преследователей сильно отстали — ничего удивительного, я без труда могу одолеть тысячу метров меньше чем за две минуты. Но двое висели на хвосте и могли перерезать мне дорогу, поэтому я замедлила бег, прикидывая, когда будет удобнее их «погладить», а может, и... Оставить здесь навсегда.

— Нечего зевать! Беги! — рывкнул Пит. — Они думают, что мы гонимся за тобой!..

Я опять пустилась во весь опор — вторым преследователем оказалась Шизуко... Моя подружка — Тилли.

Очувшись среди деревьев и потеряв из виду причальный бот, я остановилась перевести дыхание. Они подбежали ко мне — Тилли обняла меня за шею и попыталась чмокнуть в губы. Я увернулась и воскликнула:

— Ой, нет!.. От меня должно жутко пахнуть... Ты что, прямо вот так и соскочила с корабля? — На ней была лишь одна меховая накидка, в которой она выглядела гораздо «восточнее» — выше, тоньше и намного женственнее, чем знакомая мне «горничная».

— Нет, в парадном кимоно. С поясом. Но я бросила его по дороге, в нем неудобно бегать.

— Хватит болтать! — раздраженно сказал Пит. — Надо выбираться отсюда. И как можно быстрее. — Он притянул меня к себе за волосы и поцеловал в губы. — Кого волнует, как от тебя пахнет? Пошевеливайтесь!

Мы вняли его совету и устремились в глубь леса, уходя все дальше от причального бота. Но скоро стало ясно, что Тилли подвернула лодыжку. С каждым шагом она ковыляла все медленнее.

— Когда ты рванулась, — пояснил Пит, — Тилли еще не успела спуститься с палубы первого класса... Ей пришлось прыгать, и она хреново приземлилась. Тил, ты просто растяпа!..

— Это все мои чертovy туфли... Пит, бери малышку и двигай с ней дальше. Мне эти ублюдки ничего не сделают.

— Черта с два! — сердито возразил Пит. — Мы втроем будем вместе до конца! Так, мисс?... Так, Пятница?

— Еще бы! Пит, бери ее справа, а я — слева.

На пяти ногах у нас неплохо получалось — не так уж быстро, но все же расстояние между нами и причальным ботом увеличивалось. Потом Пит решил взвалить ее себе на спину, но я велела всем остановиться.

— Тихо! Давайте послушаем.

Тишина. Ни малейшего шума погони. Лишь странные звуки странного леса. Птичий голос? Не знаю, не уверена... Странное место — манящее и пугающе чужое: трава — не совсем трава, деревья — казалось, перенесены сюда из другой эры... Красный хлорофилл? А может, тут уже осень... Интересно, ночью здесь будет холодно? Наверное, в течение следующих трех дней не слишком разумно искать местные поселения — на виду у команды звездолета. Без воды и пищи мы, конечно, протянем, но что если настанут заморозки?

— Ладно, — сказала я, — бери ее на плечи. Но тащить будем по очереди.

— Пятница! Тебе меня не поднять!

— Прошлой ночью я поднимала Пита. Скажи ей, Пит. Так что же я, по-твоему, не справлюсь с такой маленькой японской куколкой?

— Японской куколкой? Да, я ничуть не меньше американки, чем ты!

— Пожалуй, ты даже больше американки, потому что я, — не очень-то. Потом расскажу. Влезай мне на спину.

Я протащила ее метров пятьдесят, а потом Пит — метров двести, и так мы чередовались в соответствии с представлениями Пита о справедливости. Примерно через час мы вышли на дорогу, вернее на просеку в кустах, где виднелись следы колес и лошадиных копыт. Дорога налево вела прочь от города и от причального бота, поэтому мы и двинулись по ней. Шизуко кое-как шла сама, но, конечно, не без помощи Пита.

Мы подошли к какой-то ферме. Может, нам и следовало обойти ее стороной, но меня уже больше интересовал глоток воды, чем собственная безопасность, а кроме того, я хотела перевязать лодыжку Тилли, пока она не станет больше ее головы. На терраске дома, в кресле-качалке, сидела пожилая женщина — очень худенькая, с аккуратно уложенными седыми волосами, — и вязала. Она взглянула на нас и кивнула, приглашая подойти поближе.

— Я — миссис Дандэс, — сказала она, когда мы приблизились, — а вы — с корабля?

— Да, — призналась я, — с корабля. Я — Пятница Джонс, это — Матильда Джексон, а это — наш друг, Пит.

— Пит Робертс, с вашего разрешения, мэм.

— Проходите и садитесь. Простите, что я не встаю, — спина у меня уже не та, что прежде. Вы ведь беженцы, да? Вы сбежали с корабля?

— (Ну, Пятница, держи ухо востро. И будь готова ко всему!) Да, мэм. Мы сбежали.

— Ну, конечно. Добрая половина беженцев всегда проходит мимо нашего дома. Что ж, судя по утренним сплетням, вам придется прятаться здесь как минимум дня три. Добро пожаловать, мы всегда очень рады гостям. По идее, вам положено отправиться прямехонько в бараки для перемещенных лиц: там корабельные власти вас не достанут. Но там вас могут замучить бесконечными юридическими процедурами... Впрочем, решать вам, это можно обсудить и после обеда. А сейчас — как насчет чашки крепкого чая?

Не давши себе труда подумать, я выпалила.

— Да!

— Отлично. Малькольм! Эй, Малькольм!

— Что, мэм?

— Поставь чайник!

— Что?

— Чайник, я сказала! — Она повернулась к Тилли. — Детонька, что это ты наделала со своей ногой?

— Думаю, растянула лодыжку, мэм.

— Да еще как! Ты... Тебя зовут Пятница, да? Пойди найди Малькольма и скажи ему, что мне нужен большущий таз, доверху

набитый льдом. А вы... Вас, сэр, зовут мистер Робертс? Вы помогите мне, пожалуйста, встать с этого кресла, потому что нам придется сделать еще кое-что для этой бедняжки. Нужно перевязать ногу потуже, когда спадет опухоль. А ты, детка... Матильда, да? Ты хорошо переносишь аспирин?

— Да, мэм.

— Мэм! Чайник кипит!

— Ты... Пятница, да? Сходи, милая.

И я пошла разливать чай, хотя в ту секунду мне жутко хотелось сделать стойку на руках и испустить победный клич индейцев племени чероки.

33

Прошло двадцать лет — я хочу сказать, двадцать по летосчислению на Утесе, но разница несущественная. То были хорошие годы. Мемуары эти основаны на записях, сделанных мною в «Песках Паджаро», еще до смерти Босса, а также на кратком перечне событий, составленном уже здесь, вскоре после нашего прибытия, когда я еще опасалась, что мне придется «отбиваться» от требований моей выдачи. Впрочем, как только истекло время, когда они еще могли технически осуществить пересадку зародыша, я перестала представлять для этих ублюдков всякий интерес. Логично, потому что я для них была не чем иным, как ходячим инкубатором. А потом вопрос и вовсе стал чисто академическим, после того, как Первый Гражданин и Принцесса были разорваны бомбой, установленной в их опочивальне.

По сути дела, мемуары следовало закончить на моем прибытии на Ботанический Утес, потому что с этого момента жизнь моя утратила всякие приключенческие «взлеты» и «падения», — ну, скажите, о чем может писать провинциальная домохозяйка? Сколько яиц у нас было в прошлом сезоне? Вам это интересно? Мне — да, а вам... Вряд ли. Вообще, тем, кто счастлив, некогда писать дневники, они слишком заняты жизнью.

Однако, просматривая пленки и записи и сокращая их примерно вдвое, а то и больше, я обнаружила несколько моментов, которые следовало бы прояснить. Аннулированная Визовая карта Жанет — я ведь «погибла» при взрыве на «Мадам Лу». Джордж прочесал тогда весь виксбергский Нижний город и был в полной уверенности, что в том рейде не уцелел никто. Тогда он позвонил Жану и Жанет... Они, предупрежденные агентом Босса в Виннипеге, как раз собирались в Австралию и... Разумеется, Жанет аннулировала свою карту.

Самое странное то, что я нашла свою «семью». Но Джордж говорит, что странно было не их появление здесь, а мое. Всем им давно осточертела Земля, они были сыты ею по горло. Ботанический Утес, конечно, не рай, но для них это был самый приемлемый

вариант. Неплохая планета, очень похожая на Землю — какой она была несколько веков тому назад, — но с современными знаниями и современными технологиями. Она не столь примитивна, как Форест, и не так чудовищно дорога, как Хальцион и Фидлер с Грин. Быстро распродав свое имущество, они, конечно, много потеряли, но у них оставалось достаточно, чтобы прилететь третьим классом на Утес, заплатить компании за перевозку самого необходимого, внести вступительный взнос колонии и кое-что приберечь на первое обустройство.

(Знаете, здесь, на Утесе, никто не запирает двери на замки — у многих вообще нет замков в дверях... Фантастика!)

Джордж утверждает, что единственное по-настоящему случайное совпадение — то, что я оказалась на том же звездолете, что и они. Это и впрямь случай — они опоздали на «Дирак», а потом еле-еле уговорили Жанет лететь на «Форварде», потому что ей очень хотелось путешествовать с младенцем в животе, а не на руках. Но все равно, прилетели бы они раньше или позже, я так или иначе встретила бы их здесь — размером наша планета немногим уступает Земле, но колония очень маленькая, сосредоточена в довольно небольшой долине, и все очень интересуются вновь прибывшими. Мы бы наверняка встретились.

Ну а что, если бы я не клюнула на этот чертов «контракт»? Что ж, всегда можно говорить: «А что было бы, если бы?..», — но, я думаю, в любом случае после ознакомительного турне, которое я рассчитывала совершить по внеземному пространству, шансов, что я осела бы на Утесе, было бы так, примерно, пятьдесят из ста. «От судьбы никуда не уйдешь» — и я не жалею о своей судьбе. Мне нравится быть провинциальной домашней хозяйкой в «групповой восьмерке». Формально мы не состоим в С-браке, потому что здесь вообще маловато формальностей в плане секса и семьи. Мы ввосьмером и со всеми нашими малышами живем в просторном, но очень уютном доме, который Жанет спроектировала, а строили мы все вместе (я, конечно, не дизайнер, но... Видели бы вы, какой из меня плотник!). Соседи никогда не задают нам вопросов о том, где чьи малыши, а если бы кто-то и начал спрашивать, Жанет заткнула бы ему рот одним взглядом. Никому здесь до этого нет никакого дела — детям рады все на Ботаническом Утесе, и пройдет еще много веков, прежде чем кто-то заговорит о «перенаселенности» или «контроле за рождаемостью».

Мои воспоминания предназначены отнюдь не для наших соседей — единственное, что я бы хотела опубликовать здесь, это расширенное издание моей поваренной книги. (Книга — что надо, потому что я черпала материал у двух замечательных поваров — Джорджа и Жанет, — а еще приберегла много полезных советов для молодых жен, которыми я обязана Рыжику.) Таким образом, здесь я могу совершенно свободно обсуждать вопросы отцовства и материнства, равно как и все прочие... Джордж женился на Матильде

в тот день, когда Персиваль женился на мне, — по-моему, они тащили жребий. Та малышка, которая была тогда во мне, конечно, попадает под известную поговорку про «мать-пробирку и скальпеля-отца» — поговорку, которую я ни разу за все годы не слышала на Утесе. Может, Уэнди и унаследовала что-то или даже многое от своих предков из бывшей королевской семьи Реальяма. Но я ни разу ни словом не обмолвилась об этом при ней, и формально ее отец — Персиваль. Все, что мне известно, это: Уэнди абсолютно лишена присущих королевским семьям признаков вырождения, а Фредди и Джордж говорят, что у нее вообще нет никаких отклонений. В детстве к ней относились точно так же, как и ко всем остальным малышам, и когда она заслуживала, чтобы ее хорошенько отшлепали, никто не колебался. На мой взгляд, она очень симпатичная девчушка, и не скрою, мне это приятно, поскольку она хоть и не имеет со мной никакого кровного родства, но все же — единственное человеческое существо, которое я исторгла из своего тела. Единственное?..

Когда ее извлекали из меня, я попросила Джорджа убрать мое естественное предохранение от беременности. Они с Фредди подвергли меня тщательному осмотру и сказали, что это можно сделать... На Земле. Но не в Нью-Брайсбэне — во всяком случае, в ближайших десятилетия. Вопрос был закрыт, и... Я испытала некоторое облегчение: я сделала это один раз, и совершенно не обязательно было повторять. У нас полно малышей, собак, кошек и котят (все время надо смотреть под ноги), и вовсе не нужно, чтобы младенцы вырастали внутри меня. Все младенцы одинаковые, и Тилли справляется с этим прекрасно... Как, впрочем, и Бетти, и Жанет. Кстати, и — Уэнди.

Если бы это было хоть на секунду возможно, я подумала бы, что она унаследовала свою похотливость от мамочки... Я имею в виду себя. Ей еще не исполнилось четырнадцать, когда она пришла домой и заявила:

— Мам, я, кажется, беременна.

— Так чтобы не казалось, сходи, родная, к дяде Фредди, — посоветовала ей я, — и пусть он тебе скажет наверняка.

Она объявила результат за ужином, и ужин превратился в шумную вечеринку, потому что, по старому обычаю, когда женщина в нашей семье залетает, это — лучший повод для всеобщего веселья. Так весело и радостно Уэнди отметила свой первый «залет», когда ей было почти четырнадцать... Следующий — в шестнадцать, третий — в восемнадцать, а последний — на прошлой неделе. Я этим очень довольна, потому что всех их воспитывала именно я — всех, кроме последнего: тут она решила выйти замуж. Словом, недостатка в малышах я бы никогда не испытывала, даже если бы у нас и не было четырех... теперь уже пяти... Нет, шести мам.

У первого малыша Матильды первоклассный отец. Порода что надо — доктор Джерри Мэдсен. Так она мне сказала. И я ей

поверила. С ней получилось вот как: ее бывший хозяин, желая, чтобы она родила, убрал ее «временную стерильность», но тут ему как раз подвернулся шанс — продать ее на высокооплачиваемую должность на звездолете на четыре месяца. Так она стала «Шизуко» и с застенчивой улыбкой принялась служить мне «горничной», но... Получилось, что, сама того не зная, я тоже следила за «чистотой» ее поведения. Ну, конечно, пожелай она как следует, нашла бы время и днем, но... Ей ведь приходилось проводить двадцать четыре часа в сутки в каюте «ББ» на тот случай, если мне неожиданно заблагорассудится прийти туда средь бела дня и слегка развлечься.

Вы спросите: «Когда же?» В единственно возможное время: пока я, скорчившись, мерзла с Персивалем в турбогенераторе, моя «горничная» очень мило проводила время в постели с моим доктором. Чудные родители у этого малыша! Но главное: Джерри сейчас живет в Нью-Брайсбэне со своей миленькой женой — Дианой, — но Тилли и слышать не хочет о том, чтобы он узнал, что у нас в доме растет его сын. Да, Джерри живет здесь... Еще одно «случайное совпадение»? Не думаю. Человеку с профессией врача не нужно платить вступительный взнос в колонию — таков закон на Утесе. Джерри захотел жениться и прекратить странствовать, а зачем, скажите на милость, торчать на Земле, если у вас есть возможность поглядеть на разные колонизированные планеты и выбрать местечко получше?

Вся наша семья в случае надобности обращается к Джерри — он отличный врач. Ну да, у нас в семье есть два доктора, но всю жизнь они практиковались в другом: они были генными хирургами, генными инженерами, биологами-экспериментаторами, а теперь... Они — фермеры.

Жанет прекрасно знает, кто отцы ее первого ребенка: оба ее тогдашних мужа, Жан и Джордж. Почему оба? Потому что она так захотела; а любой каприз Жанет сделан из стали.

Первенец Бетти — почти наверняка не результат работы скальпеля и мог бы считаться «законным» где угодно, но... Бетти настолько несовместима с законопослушанием, что она скорее заставит вас поверить, что залетела в групповике на бале-маскараде. Нью-Брайсбэн — тихое местечко, но в доме, где находится Бетти, не соскучишься.

Об эпидемии «черной смерти» вы, наверное, знаете больше, чем я. Глория благодарна мне за предупреждение — Луну удалось спасти, но благодарить нужно скорее Босса. Без него из меня никогда не вышло бы Кассандры, даже на пару дней... Чума не распространилась за пределы Земли, и в этом, безусловно, заслуга Босса. Хотя был один случай, когда из Нью-Брайсбэна передали сигнал, запрещающий причальной лодке приземляться, пока она не пройдет вакуумную стерилизацию. И случилось так, что эта процедура помогла уничтожить просочившихся на звездолет и бот крыс и мышей, а вместе с ними и... блох! Как только это выяснилось,

капитан сразу прекратил пререкания по поводу доставки казенного груза в колонию.

Теперь о взносах: почта от Ботанического Утеса до Земли (и Луны) идет четыре месяца (восемь — туда и обратно). Не так уж и плохо для расстояния в сто сорок световых лет! (Один раз я слышала, как какая-то туристка спросила, почему мы не пользуемся радиопочтой?) Глория заплатила за меня взнос в колонию так быстро, как только это было возможно, и очень щедро снабдила меня начальным капиталом — завещание Босса открывало здесь самые широкие возможности. Она не посылала сюда золото — у колонии есть свои счета в Луна-Сити, которыми удобно расплачиваться за любой хозяйственный инвентарь, закупленный для Утеса.

Но у Пита на Земле было очень мало денег, а у Тилли — бывшей «рабыни», — вообще ничего. У меня же еще оставался «кусочек» приза в той дурацкой лотерее, весь мой расчетный чек от «Систем Энтерпрайз» и даже несколько акций. Это избавляло моих друзей от залога — наша колония никогда не отказывает беглецам в убежище, но... У них могли уйти годы на то, чтобы выкупить свои доли.

Они начала было рычать на меня, но я зарычала в ответ и — куда громче. Дело не только в том, что все это остается в семье, — ведь если бы не Пит и Матильда, меня бы наверняка поймали, отправили в Реальм, а там... Живой я бы оттуда не выбралась. Но они продолжали настаивать, что будут выплачивать мне...

В конце концов мы пошли на компромисс. На их выплаты и кое-какие другие остатки мы основали фонд «Искателей приключений» — для помощи новым беженцам и просто переселенцам.

Я давно уже не думаю о странности моего появления на свет. И уж тем более не стыжусь этого. «Только женщина-человек может родить человеческое дитя» — так, кажется, говорил мне когда-то Джордж. И это чистая правда: лучшее тому доказательство — Уэнди. Я — нормальный человек, и я не одна!

Думаю, это все, что человеку нужно. Быть не одной. Быть человеком среди людей, быть частичкой того, что зовется «люди».

Я — нужна им. Еще как нужна! На прошлой неделе я попыталась сообразить, почему у меня вечно не хватает времени, и... Я — секретарь городского совета, я — руководитель программы в Ассоциации «Родители — преподаватели». Я — старший инструктор в женском скаут-лагере, я — вице-президент Садового клуба, и я состою в комитете планирования колледжа, который мы основали здесь... О, да, я нужна им, нужна всем, и...

Какое же это сладкое чувство!

Перевод с английского
ФЕЛИКСА САРНОВА

Магия. Инкорпорейтед

— Чьими чарами вы пользуетесь, приятель?

Это были первые слова парня, который явился в мой магазин. Он отирался тут по крайней мере минут двадцать, разглядывая образцы водонепроницаемого пигмента, вертя в руках каталоги водопроводных труб и разглядывая выставку скобяных товаров, пока я не остался один.

Его манеры мне не нравились. Я ничего не имею против законного, делового осмотра со стороны заказчика, но бесплатное вынюхивание меня злит.

— Разных местных дипломированных практиков в волшебстве, — ответил я ему холодно, но вежливо. — Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Вы не ответили на мой вопрос, — указал он. — Давайте выкладывать, я могу торчать тут весь день.

Я сдержался. Я требую от своих служащих вежливости с посетителями, и хотя был уверен, что этот тип никогда не будет покупателем, я не хотел нарушать собственные правила.

— Если вы собираетесь что-то купить, — сказал я, — я буду счастлив сказать, используется ли магия в производстве данного товара, и назвать имя мага.

— Вы не хотите сотрудничать, — пожаловался он, — а мы любим тех, кто сотрудничает с нами. Вы не знаете, что случается с такими, кто не сотрудничает.

— Кого вы подразумеваете под словом «мы», — рявкнул я, отбросив всякие претензии на вежливость, — и что означает «случается»?

— Вот мы и подошли кое к чему. — Он отвратительно ухмыльнулся и уселся на край прилавка, так что дышал мне прямо в лицо. Он был маленьким, смуглым (наверное, сицилиец,

подумал я), его одежда и прочие предметы туалета целиком укладывались в схему, которую я не мог терпеть. — Я скажу вам, что я имел в виду под словом «мы»: я представитель организации, защищающей людей от неудач, если эти люди сообразительны и готовы с нами сотрудничать. Поэтому я и спросил вас, чьими чарами вы пользуетесь. Некоторые здешние маги не хотят объединений. Они портят свое счастье, и их неудачи отражаются на продукции.

— Продолжайте, — сказал я, желая, чтобы он зашел возможно дальше.

— Я знал, что вы сообразите, — ответил он. — К примеру, как вам понравится, если в ваш магазин выпустят саламандру, которая сожрет ваши товары и, возможно, распугает ваших покупателей? Или, скажем, вы продадите товары для постройки дома, а в доме поселится привидение, которое будет бить посуду, сквашивать молоко и выламывать фурнитуру? Это все может произойти с тем, кто имеет дело с неправильными магами. Немного того, сего — и ваш бизнес кончится. Мы не хотим, чтобы это случилось. Вам ясно? — Он хитро поглядел на меня. Я ничего не сказал, и он продолжил: — У нас в штате самые лучшие демонологи и самые опытные маги. Они могут сообщить, каким образом маг проникает в Нижний Мир и может ли принести своим клиентам неудачу. Тогда мы даем советы своим клиентам, с которыми имеем дело, и охраняем от неудачи. Понятно?

Я прекрасно понял. Я не вчера родился. Маги, с которыми я имел дело, были местными людьми, и я их знал много лет: у них была хорошая репутация как здесь, так и в Нижнем Мире. Они не делали ничего такого, что восстановило бы против них духов природы, и они не приносили неудач. А этот грязный тип хотел сказать, что я должен иметь дело только с теми магами, которых выбирала бы его банда, и платить такой гонорар, какой она установит, а затем она будет стричь и гонорар, и доходы от моего бизнеса. Если же я не соглашусь «сотрудничать», то меня станут преследовать элементалы, с которыми банда договорится, — надо думать, с ренегатами, имеющими человеческие пороки, — они испортят мой товар и распугают покупателей. Если я буду и дальше противиться, я могу встретиться и с по-настоящему опасной черной магией, которая может ранить и даже убить меня. И все это под предлогом защиты от людей, которых я знал и любил.

Чистый ржёт!

Я слышал, что подобные вещи случаются в Восточных штатах, но не думал, что они могут быть в таком маленьком городке, как наш!

Парень сидел, глазел на меня и ждал ответа, вытягивая шею из слишком тесного воротничка, и поэтому я кое-что заметил. Несмотря на его щегольский наряд, на его шее был шнурок — как раз над

воротничком, — на котором явно что-то висело. Амулет. Если так, значит, парень суеверен, хоть и молод.

— Вы что-то упустили, — сказал я ему. — Я седьмой сын, родился в сорочке, и у меня двойное зрение. С моей судьбой все в порядке, а вот над вами нависло несчастье, как кипарис над могилой!

Я протянул руку и схватил шнурок. Он лопнул и остался в моей руке. На нем висел амулет — противный комочек, ничего особенного не представляющий, но столь же аппетитный, как дно птичьей клетки. Я бросил амулет на пол и растер его в пыль.

Парень спрыгнул с прилавка и встал против меня, тяжело дыша. В его правой руке оказался нож, а левой он защищался от дурного глаза, вытянув указательный палец и мизинец по направлению ко мне — рога Асмодея. Я понял, что сейчас он в моих руках.

— Здесь твоя малая магия не пройдет! — крикнул я, выхватывая из ящика за прилавком пистолет и наставляя его в лицо паука. — Холодное железо! А теперь иди к своему хозяину и скажи ему, что холодное железо ждет и его тоже!

Он попятился, не спуская с меня глаз. Если бы взгляд мог убивать, то я был бы уже мертв. В дверях парень остановился, плюнул на порог и мгновенно скрылся.

Я убрал оружие на место и занялся своей работой: два покупателя вошли как раз после того, как мистер Грязный Бизнес вышел. Но, признаюсь, я был встревожен. Репутация — самая главная ценность человека. Я создал себе имя, хотя я еще молод, надежными товарами. Совершенно ясно, что этот тип и его дружки сделают все, чтобы уничтожить это имя, а это нетрудно, если они связаны с черными магами.

Конечно, строительные материалы не требуют так много магии, как менее крепкие товары. Людям, строящим дом, приятно сознавать, что их кровать не провалится в подвал, а крыша не исчезнет и не оставит их под дождем. К тому же, строительство включает в себя много железа, а очень немногие коммерческие колдуны могут справиться с холодным железом, и они так экспансивны, что использовать их в строительстве неэкономично. Конечно, если кто-то из компании объединения кафе или еще кто-нибудь в этом роде захочет иметь летний домик или плавательный бассейн, построенный целиком с помощью магии, я согласен на контракт с учетом издержек и найму экспансивного перворазрядного мага, но обычно в моем деле магия используется только для непрочных предметов и всяких побрякушек, которые люди покупают по дешевке и время от времени меняют. Так что я беспокоился не о магии, а о том, что магия может сделать с моим бизнесом, если кто-то захочет намеренно причинить мне вред. Я, во всяком случае, имел основания думать о магии, потому что недавно мне звонил некий Дитворт — не с гнусными угрозами, а с деловым предложением, насчет которого я еще не решил. Но это было то же самое, и это меня беспокоило.

Я закрыл магазин на пять минут и пошел повидать Джедсона, моего лучшего друга. Он был намного старше меня и настоящий ученый, хотя и не имел степени, знаток всех видов колдовского искусства, белой и черной магии, демонологии, чар и наиболее практикуемых форм предсказаний. Кроме этого, Джедсон был человеком практичным и способным в любом деле. Он очень много помог мне своими советами.

Я надеялся найти его в конторе и более или менее свободным в этот час, но там его не было. Рассылный направил меня в комнату, служившую Джедсону для торговых конференций. Я постучал и открыл дверь.

— Хелло, Арчи! — приветствовал он меня, как только увидел. — Входи. Я должен кое-что сделать. — И он повернулся обратно.

Я вошел и огляделся. Кроме Джо Джедсона, там была красивая рослая женщина лет тридцати в униформе сиделки и парень по имени Август Уилкер, мастер Джедсона. Он был ловким, оборотистым человеком с лицензией мага третьего класса. Затем я увидел маленького толстенького парня, Зейджила Фельдштейна, агента большинства второразрядных магов и нескольких перворазрядных. Естественно, его религия не позволяла ему практиковать самому, но, как я понимаю, он занялся частным коммиссионерством не из-за теоретических соображений. Я имел с ним дело, он был парень что надо.

Этот десятипроцентовик зажал в руке потухшую сигару и напряженно следил за Джедсоном и другой особой, полулежавшей в кресле. Эта особа была девушкой не старше двадцати пяти лет, а может, и моложе, блондинка, и до того худая, что, казалось, просвечивала. У нее были крупные чуткие руки с длинными пальцами и большой трагический рот. Она откинулась в кресле как бы в изнеможении. Сиделка растирала ей запястья.

— Что случилось? — спросил я. — Девушка в обмороке?

— Нет, — сказал Джедсон, повернувшись. — Это белая ведьма, работает она в трансе. Немного устала, только и всего.

— И какова ее специальность? — поинтересовался я.

— Полный комплект одежды.

— Гм... — Я и в самом деле удивился. Одно дело — сотворить ярд ткани и совсем другое — целиком платье или костюм, законченный и готовый к носке. Джедсон производил и продавал полный комплект одежды, в котором широко использовалась магия. Это была спортивная одежда, новинки, модные платья и тому подобное в том стиле, где носкость не являлась решающим фактором. Эти изделия обычно назывались «только на один сезон», но для этого одного сезона они были безупречны и пользовались большим спросом у покупателей.

Но делались они не сразу. Сначала надо было сделать первый ярд ткани, что обычно делал Уилкер. Цвет и чертежи кроя

добавлялись отдельно. Джедсон имел отличные связи с Маленьким народом и мог достать фасон и образцы из Нижнего Мира, сделанные исключительно для него. И в подборе одежды он пользовался и старыми методами, и магией, и нанимал нескольких самых талантливых художников. Некоторые из его дизайнеров бросали свою магию в Голливуде, чтобы устроиться у него. Стоило ему только дать объявление. Но вернемся к блондинке.

— То, что я сказал, — ответил Джедсон, — одежду и с хорошей носкостью. И нет никакого сомнения, что она настоящая Маккой: она была связана контрактом с текстильной фабрикой в Джерси-Сити. Я отдал бы тысячу долларов, чтобы увидеть, как она когда-то сделала этот полноодежный фокус. Никак не получается. Но я испытаю все средства, кроме раскаленных щипцов...

Малышка встревожилась, сиделка неодобрительно взглянула на Джедсона. Фельдштейн начал было дружески пенять ему, но он только отмахнулся.

— Это просто такой оборот речи. Ты же знаешь, что я не имею дела с черной магией. Ну как, милочка, — повернулся он к девушке, — хочешь попытаться еще раз? — Она кивнула, и он добавил. — Вот и хорошо. Тогда спи!

И она сделала новую попытку, уйдя в свое действо с минимумом вздохов. Эктоплазма вышла свободно, достаточно надежно сформировалась в комплект одежды вместо ярда ткани. Это было нарядное обеденное платье из небесно-голубого муарового шелка, примерно шестнадцатого размера. Платье было по высшему разряду, и мне было ясно, что любой торговец заказал бы его в нормальном размере.

Джедсон схватил его, отрезал образчик и сделал обычную проверку, а затем вытянул образчик из микроскопа и потрогал остаток.

— Черт побери, никаких сомнений! Это вовсе не новая интеграция, она точно восстановила старое тряпье!

— Давай-ка сначала, — сказал я. — В чем дело?

— А, Арчи, ты должен изучить это на кусочке. То, что она сделала, — вовсе не настоящее творение магии. Это платье, — он потряс его, — реально существовало где-то и когда-то. Она достала часть его, может, лоскуток или пуговицу, и, приложив законы гомеопатии и ассоциации, создала подобие того платья.

Я понял его, потому что сам пользовался этим в своем деле. У меня была секция трибуны, пригодная для парадов и спортивных выступлений, построенная в моем саду старыми методами хорошим механиком из лучшего материала. Но не из железа, конечно. Я разрезал ее на кусочки, по закону ассоциации каждый кусочек оставался частью структуры, которой он когда-то был. По закону гомеопатии — каждый кусок был потенциально целой структурой. Я должен был заключить контракт на четвертое для обеспечения зрителей циркового парада и послать двух магов с таким количеством фрагментов оригинала, сколько нужно было секций. Маги навели бы

чары вокруг каждого места на двадцать четыре часа, а потом трибуны сами бы исчезли автоматически. Но я сделал одну ошибку: ученик мага, чьей обязанностью было следить, как исчезает каждая секция, и собирать фрагменты для дальнейшего использования, случайно поднял не тот кусок дерева с того места, где стояли трибуны. В следующий раз, когда мы воспользовались этими фрагментами, оказалось, что вместо трибуны возвели четырехкомнатный бунгало. Это могло окончиться неприятностями, но я установил на нем вывеску: «Показ новой модели дома», а на конце поставил другую секцию. Городской концерн пытался оттереть меня от дела на сезон, но одна из секций упала — то ли из-за неправильной работы с образцом, то ли из-за неумелой магии — и покалечила несколько человек, так что для меня осталось немалое поле деятельности. Но я не понял возражения Джедсона насчет восстановления.

— Какая тебе разница? — спросил я. — Это платье или нет?

— Конечно, платье, но не новое. Этот фасон где-то зарегистрирован, и он не принадлежит мне. Но даже если бы здесь использовалось одно из моих платьев, все равно это не то, что мне нужно. Я мог бы продавать лучшие товары и дешевле.

Блондинка подошла и посмотрела на платье.

— О, мистер Джедсон, это сделала я?

Он объяснил ей, что произошло. Она опустила голову, и платье тут же растаяло.

— Не огорчайся, малышка, — сказал он, похлопав ее по плечу. — Ты устала. Мы попробуем еще раз завтра. Я знаю, что ты можешь это сделать, когда не нервничаешь и не переутомляешься.

Она поблагодарила его и ушла с сиделкой. Фельдштейн пустился в объяснения, но Джедсон велел ему забыть это и прийти завтра в это же время. Когда мы остались одни, я рассказал ему, что случилось со мной.

Он молча слушал. Его лицо было серьезно, и улыбнулся он только тогда, когда я рассказал ему, как надул своего посетителя насчет второго зрения.

— Ты, наверное, и в самом деле желал бы иметь это второе зрение. Да, неприятное дело. Ты известил Бюро Лучшего Бизнеса?

Я ответил отрицательно.

— Ну и ладно. Я позвоню им и в Торговую палату тоже. Они, вероятно, не могут помочь, но они имеют право на предупреждение и, может быть, на наблюдение за этим.

Я спросил, известить ли мне полицию. Но Джо покачал головой.

— Пока не надо. Ничего незаконного еще не сделано, а кроме того, начальство может решить, что легко справится с положением, если вызовет всех зарегистрированных магов города и припугнет их. Ни к чему хорошему это не приведет, а только восстановит против тебя легальных представителей этой профессии. Нет ни одного шанса из десяти, что колдуны, связанные с этим учреждением, имеют

лицензии на занятие магией, они почти наверняка тайные. Если полиция знает о них, то защищает их, а если не знает, то, скорее всего, не сможет тебе помочь.

— Что же мне, по-твоему, делать?

— Пока ничего. Иди домой и ложись спать. Возможно, этот парень работает на себя, делая мелкие вымогательства на блефе. Хотя я вообще-то не думаю, его манера говорить напоминает гангстера. Но нам нужно иметь больше фактов: мы не сможем ничего сделать, пока они не протянут руку чуть дальше.

Долго ждать не пришлось. Когда я на следующий день пришел на работу, меня ждали сюрпризы — не один, и все неприятные.

Выглядело все так, словно было вытащено, разбросано по полу и подожжено. Я тут же позвонил Джедсону, и он быстро приехал. Сначала он ничего не сказал, только прошелся по руинам, осматривая некоторые вещи. Он остановился там, где был склад скобяных товаров, наклонился и собрал горсть мокрого пепла и грязи.

— Ничего не замечаешь? — спросил он, шевеля пальцами, чтобы грязь стекла, а в руке остались металлические предметы — гвозди, шурупы и прочие.

— Ничего особенного. Здесь стояли ящики со скобяными изделиями, которые не горят.

— Да, я знаю, — нетерпеливо сказал он. — Но ты ничего больше не видишь? И разве у тебя не было запаса медной фурнитуры?

— Был.

— Ну-ка, найди что-нибудь.

Я начал рыться носком ботинка там, где должны были находиться медные петли и ручки, теперь полностью заваленные золой. Но я не нашел ничего, кроме гвоздей, крепивших ящики. Я сориентировался по тем признакам, которые мог обнаружить, и стал искать снова. Тут было полно болтов, гаек, оконных крючков и прочих железяк, но меди не было.

Джедсон следил за мной с сардонической ухмылкой.

— Ты все еще не понял? — спросил он. — Это магия, совершенно ясно. Во всем дворе не осталось ни крошки металла, за исключением холодного железа!

Да, это было ясно. Я и сам видел. Он возился в грязи чуть подальше. Теперь мы наткнулись на странную вещь: грязный мокрый след тянулся через весь мой участок и исчезал под одной из водосточных труб. Как будто здесь прополз гигантский слизняк размером с «крайслер».

— Ундина, — возвестил Джедсон и сморщил нос от запаха. Однажды я видел фильм под названием «Дочь водяного короля». Если судить по нему, ундины были достаточно ароматны, чтобы

привлечь графа Керрола, но если они оставляют такие следы, я бы не пожелал ни одной из них.

Джо достал носовой платок и расстелил его, чтобы сесть на то место, где раньше были мешки с цементом высшего качества: быстро схватывающиеся сорта с торговой маркой «Гидролит». Я заплатил по восемьдесят центов за мешок, а теперь это были просто булыжники.

— Арчи, тебе дали по зубам по крайней мере три из четырех типов элементов — земля, огонь и вода. Может быть, сильф воздуха тоже в этом участвовал, но я не могу этого доказать. Сначала пришли гномы и очистили все, что у тебя было вышедшее из земли, кроме холодного железа. За ними последовала саламандра и пустила огонь, сжигая все, что может гореть, и обуглив остальное. Затем ундина превратила это место в мерзкое болото и погубила все, что не могло гореть, как, например, цемент и известь. Ты застрахован?

— Естественно. — Но тут я задумался. Я страховался от обычного пожара, наводнения и кражи. Я не покрою страховкой то, что потерял, и не имею возможности выполнить текущие контракты. Чтобы покрыть все, придется продать весь участок, а если я брошу все, то это подорвет престиж моего предприятия, и с меня потребуют по суду возмещения убытков.

Ситуация была хуже, чем я представлял вначале, и выглядела ужасающе, чем больше я над ней размышлял. Естественно, я не мог заняться никаким новым делом, пока не будет ликвидирован беспорядок, расчищено место и не появится новый запас товаров. К счастью, большая часть моих бумаг была в стальном сейфе, но, во всяком случае, не все. Там могли быть счета, по которым я никогда не получал, потому что мне нечего было предъявить за них. Я работаю на небольшом коэффициенте прибыли, и весь мой капитал в деле. Похоже на то, что фирма Арчибальда Фрезера, торговца и подрядчика, скатывается в невольное банкротство. Я объяснил ситуацию.

— Не переживай чрезмерно, — успокоил Джо меня. — Магия сделала — магия и переделает. Нам нужен самый лучший маг в городе.

— А кто ему будет платить? — возразил я. — Эти ребята работают не за никель, а я начисто выпотрошен.

— Это легко устроить, сынок. Страховая компания, выплачивая тебе страховку, потеряет больше, чем ты. Если мы сумеем показать им способ спасти их деньги, мы сделаем дело. Кто их здесь представляет?

Я сказал ему. Юридическая фирма в деловой части города в Профессиональном здании.

Я вызвал свою секретаршу и велел ей позвонить тем заказчикам, которым сегодня полагалась доставка. Пусть наврет что-нибудь, а с делами, более неотложными, пусть обратятся к фирме, с которой я не раз обменивался услугами. Остальных своих помощников я отправил домой — они тут торчали с восьми часов, делая

бесполезные замечания, — и сказал им, чтобы не приходили, пока я не вызову их. К счастью, была суббота, и у нас было почти двое суток, чтобы что-то предпринять.

Мы проголосовали «магическому ковру», проплывающему мимо, и направились к Профессиональному зданию. Я сел сзади и решил, что буду радоваться поездке и постараюсь забыть о своих бедах. Я люблю такси, оно дает мне ощущение роскоши, и полюбил еще больше, когда с них сняли колеса. Эта машина оказалась новым «кадиллаком» каплевидной формы на воздушной подушке. Мы мчались по бульвару, тихому, как мысль, в шести дюймах от земли.

Наверное, нужно объяснить, что у нас было местное городское постановление: переноска возможна только в том случае, если она согласуется с правилами движения — наземного, я хочу сказать, а не воздушного. Это может показаться удивительным, но это результат неудачи одного человека по моей линии работы. Ему было заказано отгрузить одиннадцать тонн стеклянного кирпича для перестраивающегося ресторана на другом конце города. Он нанял мага с обычной грузовой лицензией. Не знаю, то ли маг был неосторожен, то ли просто глуп, только он уронил эти одиннадцать тонн кирпича на крышу баптистской церкви. Всякий знает, что магия не работает над освященной землей: если бы он взглянул на карту, то увидел бы, что по прямой линии груз пройдет как раз над церковью. Как бы то ни было, привратник был убит, а ведь могло быть полно и прихожан. Это вызвало такое смятение, что переноска была разрешена только над самой землей.

Наш человек был там — мистер Уиггин из фирмы «Уиггин, Снид, Макклетчи и Уиггин». Он уже слышал про мой пожар, но когда ему Джедсон объяснил, что, по его убеждению, тут работала магия, он заартачился и сказал, что не может это принять. Джедсон был на диво терпелив.

— Вы эксперт по магии? — спросил он.

— Я не специализировался в магической юриспруденции, если вы это имеете в виду, сэр.

— Так вот, сам я не имею лицензии, но магия издавна была моим хобби. Я уверен в том, что сказал вам насчет этого дела: спросите любого независимого эксперта, и он подтвердит мое мнение. Мы предлагаем условно считать, что этот убыток причинен магией. И если это так, то есть возможность спасти большую часть утерянного. Есть у вас авторитет утвердить претензии?

— Пожалуй, могу сказать — да, имея в виду законные ограничения и пункты контракта.

Я подумал, что он вряд ли может с уверенностью сказать без контролера за спиной, что у него на руке пять пальцев.

— Тогда дело вашей совести свести потери вашей компании к минимуму. Если я найду колдуна, который сможет уничтожить полностью или частично убыток, гарантируете ли вы ему гонорар от

имени вашей компании в разумных пределах, скажем, двадцать пять процентов от страховой суммы?

Уиггин запинаясь и мямлил, говорил, что не видит, как это можно сделать, и что, если пожар причинен магией, тогда восстановление магией не может стать уголовным преступлением, поскольку мы не можем быть уверенными, что у вовлеченных в дело магов нет связи с Нижним Миром. Кроме того, мы пришли с претензиями только сейчас и не известили компанию о посетителе, а компания, возможно, могла бы предупредить претензии. Во всяком случае, это очень серьезный прецедент, и ему, Уиггину, придется проконсультироваться в фирме.

Джедсон встал.

— Я вижу, что мы только теряем время — свое и ваше, мистер Уиггин. Ваше заявление относительно возможной ответственности мистера Фрезера попросту смехотворно, и вы сами это знаете. Согласно контракту, нет никаких оснований извещать вас, но даже если бы они и были, у него есть законные двадцать четыре часа для любого извещения. Я думаю, мы сами проконсультируемся в вашей фирме. — И он потянулся за шляпой.

Уиггин поднял руку.

— Джентльмены, джентльмены, прошу вас, не надо спешить. Мистер Фрезер согласен заплатить половину гонорара?

— Нет. С какой стати? Это ваш убыток, а не его. Ведь это вы страховали его, а не наоборот.

Уиггин постучал очками по зубам и сказал:

— Мы заплатим гонорар пропорционально результатам.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы человек в здравом уме имел дело с колдунами на таких основаниях?

Через двадцать минут мы вышли с документом, дающим нам право нанять ведьму или колдуна для спасения моего участка за гонорар, не превышающий двадцать пять процентов от объявленной оценки.

— Я уже думал, что нам придется отказаться от этого дела, — сказал я со вздохом облегчения.

Джедсон улыбнулся.

— Зря, сынок. Он просто пытался нас обжечь, чтобы сберечь деньги. Я дал ему понять, что знаю эти штучки.

Теперь надо было решить, кого пригласить. Джедсон откровенно признался, что не знает никого ближе чем в Нью-Йорке, кто мог бы честно и уверенно сделать эту работу вне зависимости от гонорара. Мы зашли в бар, и пока я заказывал пиво, Джедсон кому-то звонил. Наконец он вернулся и сказал:

— Кажется, нашелся человек. Я никогда не имел с ним дела, но у него хорошая репутация и опыт, и все, с кем я советовался, считают, что он единственный из возможных.

— Кто же это?

— Доктор Фортеско Бидди. Он живет ниже на улице. Давай сходим.

Я допил пиво, и мы пошли.

Квартира доктора Бидди впечатляла. Угловая, на четырнадцатом этаже, и он не пожалел расходов на ее убранство. Современный стиль, строгая элегантность врачебного общества. Вокруг стен шел фриз со знаками зодиака из врезного стекла с алюминиевой подкладкой. Это было единственное украшение, вся прочая обстановка была простой, но богатой, со множеством стекла и хрома.

Мы ждали минут тридцать во внешнем кабинете. Я проводил время, прикидывая, могу ли я сделать такую мебель и отдать свою в аренду из десяти процентов. Затем очень красивая девушка пригласила нас внутрь. Мы вошли в комнату поменьше, пустую, там мы ждали еще десять минут. Эта комната больше походила на приемную, там было только несколько застекленных книжных шкафов и старый бюст Аристотеля. Чтобы убить время, мы с Джедсоном разглядывали шкафы. Они были заполнены множеством редких старых книг по магии. Джедсон указал мне на Красную Книгу, и в это время позади нас раздался голос:

— Занятно, правда? Древние удивительно много знали. Не научно, конечно, но замечательно умно.

Мы обернулись. Сзади стоял человек, представившийся нам как доктор Бидди. Он показался нам довольно приятным и красивым малым. Он был лет на десять старше меня — под сорок, седеющие виски и маленькие жесткие усики делали его похожим на британского майора. Одежда его как бы сошла со страниц модного журнала, манеры достаточно любезные, но в выражении лица была некоторая надменность.

Он пригласил нас в свой кабинет, усадил и предложил сигареты.

— Вы, конечно, мистер Джедсон, — сказал он. — Полагаю, что вас прислал мистер Дитворт?

Я насторожился. Знакомое имя. Но Джедсон просто ответил:

— Нет. Почему вы так подумали?

Бидди колебался секунду, а затем сказал как бы про себя:

— Странно. Я был уверен, что слышал от него ваше имя. Кто-нибудь из вас знает мистера Дитворта?

Мы одновременно кивнули, и оба удивились. Бидди, кажется, поверил и сказал:

— Значит, никаких сомнений насчет этого. Но... мне нужна несколько большая информация. Вы извините меня, джентльмены, если я позвоню ему? — И с этими словами он исчез. Я такого еще не видел. Джедсон сказал, что для этого есть два способа: один — галлюцинация, другой — настоящий переход через Нижний Мир. Но каким бы способом это не было сделано — я считаю, что это плохие манеры.

— Кстати, насчет этого парня, Дитворта, — начал я. — Я хотел бы тебя спросить...

— Это подождет, — оборвал меня Джедсон. — Сейчас не время. И тут появился Бидди.

— Все в порядке, — возвестил он, обращаясь прямо ко мне. — Я могу взяться за ваше дело. Полагаю, что вы пришли насчет неприятностей в вашем заведении, случившихся прошлой ночью?

— Да, — согласился я. — Откуда вы это знаете?

— Методами моей профессии, — ответил он с улыбочкой. — Итак, насчет ваших проблем. Что вы желаете?

Я посмотрел на Джедсона. Он объяснил, что он думает и почему он так думает.

— Но я не знаю, специалист ли вы по демонологии или нет, — заключил он. — Мне кажется, что можно вызвать силы, ответственные за это дело, и заставить их исправить причиненный ущерб. Если вы сможете это сделать, мы готовы уплатить любой разумный гонорар.

Бидди улыбнулся и невольно бросил взгляд на ассортимент развешенных по стенам дипломов.

— Мне кажется, здесь есть все, чтобы исчезли ваши сомнения, — промурлыкал он. — Позвольте, я взгляну на место действия... — И он снова исчез.

Мне это уже начало надоедать. Может, это и необходимо, чтобы хорошо выполнить свою работу, но зачем показывать ее изнанку? Но я не успел разворочаться, как он вернулся.

— Похоже, все согласуется с мнением мистера Джедсона. Особых затруднений не будет. Теперь как насчет... оплаты? — Он вежливо кашлянул и улыбнулся, как бы извиняясь за такие вульгарные темы разговора. И почему некоторые люди делают вид, будто взять монету оскорбительно для их деликатных душ? Я имею законную прибыль и ничуть не стыжусь этого: это означает, что люди, которые платят мне за товар, считают мою работу полезной.

Тем не менее, мы договорились без больших затруднений, и Бидди просил нас ждать его на участке через пятьдесят минут. Мы с Джедсоном вышли и снова взяли такси. Сев в машину, я спросил его насчет Дитворта.

— Откуда ты его знаешь?

— Приходил ко мне с предложением...

Хм... Интересно. Дитворт делал предложение и мне тоже, и оно беспокоило меня.

— Какого рода предложение?

Джедсон потер лоб.

— Знаешь, трудно сказать. Осталось впечатление чего-то грязного. Он сказал, что он исполнительный секретарь недоходной ассоциации, целью которой является улучшение стандартов практикующих магов.

Я кивнул.

— Я слышал то же самое. Давай дальше.

— Он подробно остановился на неадекватности теперешних

лицензионных законов и указывал, что никто не должен уклоняться от экзаменов и ставить свою вывеску после двухнедельного изучения Красной или Черной книг, не имея фундаментальных знаний тайных законов вообще. Его организация будет чем-то вроде Бюро стандартов для улучшения этого положения, как, например, Американское медицинское общество или Национальная ассоциация университетов и колледжей. Если я подпишу соглашение приглашать только тех магов, которые удовлетворяют этим требованиям, я должен выставить удостоверение качества от этого общества и поставить на свои товары их разрешающую печать.

— Джо, я слышал ту же историю и совершенно не знаю, как поступить. Звучит она правильно, но я не хочу отказывать в работе тем людям, которые сделали мне в прошлом много добра, и не знаю, одобрит ли их эта ассоциация.

— Что же ты ему ответил?

— Немножко приврал, сказал, что не могу подписывать никаких обязательств, пока не посоветуюсь со своим адвокатом.

— Умница! И что он сказал?

— Ну, он держался очень достойно и, казалось, честно хотел мне помочь. Сказал, что, по его мнению, я умен, оставив меня в некотором замешательстве. Ты о нем что-нибудь знаешь? Сам-то он колдун?

— Нет, не колдун. Но кое-что я о нем узнал. Я слышал, что он занят в Торговой палате, но не знаю, есть ли он в списке привилегированных корпораций. Он юрист, но не практикующий. Похоже, что все его время уходит на деловые интересы.

— Он говорит как лицо ответственное.

— Пожалуй. Он, кажется, рекламируется гораздо меньше, чем можно ожидать от человека его делового значения, — может уклоняться, и кое-что подтверждает это.

— А именно?

— Я заглянул в регистрационные бумаги его ассоциации в картотеке Секретаря штата. Там три имени — его и еще двоих. Я обнаружил, что эти двое были его служащими — секретарь и клерк в приемной.

— Подставные лица?

— Бесспорно. Но в этом нет ничего необычного. Меня заинтересовало вот что: одно из этих имен я знаю.

— Да?

— Как тебе известно, я вхожу в комиссию по проверке штатного комитета моей партии. Я нашел имя этого секретаря там, где и предполагал. Это некий Метьюз, снятый за то, что собирал крупные пожертвования с правительственного персонала для избирательного фонда.

У нас не было больше времени для разговора, так как мы подъехали к моему участку. Доктор Бидди был уже там и занимался приготовлениями. Он воздвиг небольшой хрустальный павильон,

чтобы работать в нем. Весь участок спереди был отделен от зрителей неосязаемым экраном. Джедсон предупредил меня, чтобы я не касался этого экрана.

Должен сказать, что Бидди работал без обычных фокусов-покусов. Он просто поприветствовал нас и вошел в павильон, где сел на стул, достал из кармана записную книжку и начал читать. Джедсон сказал, что доктор пользуется также и некоторыми личными предметами. Может, и так, но я их не видел.

Прошло несколько минут, но ничего не произошло. Постепенно стены павильона затуманились и стало плохо видно, что происходит внутри, как раз тогда, когда я заметил, что рядом с Бидди кто-то есть. Я не разглядел, кто это, да, по правде сказать, и не стремился к этому.

До нас не доносилось ни звука, но было ясно, что в павильоне шел спор, потому что Бидди встал и начал размахивать руками. Существо рядом с ним откинуло голову и рассмеялось. Бидди печально глянул в нашу сторону, сделав быстрый жест правой рукой. Стены павильона стали непроницаемыми, и мы уже не видели ничего.

Еще через пять минут Бидди вышел из своего рабочего заведения, которое тут же исчезло. Бидди был весь в поту, его волосы были всклокочены, воротничок смят, и, что было хуже всего, бывшего апломба Бидди как не бывало.

— Ну как? — спросил Джедсон.

— Ничего нельзя сделать, мистер Джедсон — совершенно ничего.

— Значит, вы ничего не можете?

— Здесь никто ничего не сможет сделать, джентльмены. Бросьте это дело и забудьте о нем. Это мой вам совет.

Джедсон ничего не сказал, только задумчиво смотрел на Бидди. Тот начал приходить в себя, поправил галстук, надел шляпу и сказал:

— Я вернусь в свою контору. С вас за проверку пятьдесят долларов.

Я онемел от такой явной наглости, а Джедсон прикинулся, что не понял.

— Конечно, полагалось бы, — заметил он. — Жаль, что вы их не заработали. Я очень сожалею.

Бидди покраснел, но сохранил вежливость.

— Вы, как видно, не поняли меня, сэр. По договору, который я подписал с мистером Дитвортом, маги, одобренные ассоциацией, не могут давать бесплатные консультации. Это понижает стандарт профессии. Гонорар, о котором я упомянул, является минимальным для мага моей категории. Он не зависит от оказанных услуг.

— Понятно, — спокойно сказал Джедсон, — это цена визита в вашу контору. Но вы нам об этом не сказали, так что это неприемлемо. А что касается мистера Дитворта и вашего с ним

договора, то это нас ни в коей мере не касается. Я советую вам вернуться к себе и перечитать наш контракт. Мы вам ничего не должны.

Я думал, что Бидди на этот раз потеряет свою уверенность, но он только сказал:

— Я не буду тратить лишних слов. Но вы еще услышите обо мне. И он исчез.

Я услышал за собой смешок и повернулся, готовый свернуть шею любому. У меня был тяжелый день, и я не желал, чтобы смеялись за моей спиной. Там стоял парень примерно моих лет.

— Кто ты такой и что ты нашел здесь смешного? — рявкнул я. — Эта частная собственность!

— Прости, друг, — сказал он с обезоруживающей улыбкой, — я не над тобой смеялся, а над тем коротышкой, колдуном. Твой приятель здорово его разделал.

— А что ты тут делаешь? — спросил Джедсон.

— Я? Правильно, я должен объяснить. Видите ли, я сам занимаюсь этим делом.

— Строительством?

— Нет, магией. Вот моя карточка.

Он протянул карточку Джедсону, тот взглянул на нее и отдал мне. Я прочел:

ДЖЕК ВОДИ
МАГ ПЕРВОГО КЛАССА С ЛИЦЕНЗИЕЙ
Телефон: Крест 3840

— Видите ли, я слышал в Нижнем Море, что одна важная шишка будет сегодня здесь разыгрывать сильного. И я остановился поглядеть на комедию. Но как случилось, что вы сделали ставку на Бидди? Такие вещи он не тянет.

Джедсон взял у меня его карточку.

— Где вы учились, мистер Води?

— Я получил степень бакалавра в Гарварде, а аспирантуру закончил в Чикаго. Но главное не это. Всему, что я знаю, меня научил мой старик, хотя он настаивал, чтобы я кончил колледж, потому что маг без степени не получит в наше время приличной работы. И он был прав.

— Так вы думаете, что могли бы взяться за эту работу? — спросил я.

— Вероятно, нет. Я не хотел бы попасть впросак, как Бидди. А хотите найти того, кто сделал это?

— Естественно, — сказал я. — Иначе зачем мы здесь?

— Ну, вы пошли по неправильному пути. Репутация Бидди основана только на том, что он учился в Гейдельберге, в Вене. А это еще ничего не значит. Спорю, что вам ни разу не пришлось в голову обратиться с этой работой к старомодной ведьме?

— Не совсем так, — ответил Дждесон. — Я спросил своих деловых друзей, но не нашел никого, кто взялся бы за это. Но я хотел бы знать, кого вы имеете в виду?

— Вы знаете миссис Аманду Тедд Дженнингс? Она живет в старой части города, за кладбищем.

— Дженнингс... Дженнингс... Нет, по-моему, не знаю. Постойка! Это не та старая дама, которую называют Гренни Дженнингс? Носит шляпы времен королевы Мэри и ведет собственное дело?

— Она самая.

— Но она же не ведьма, а гадалка.

— Вы ошибаетесь. У нее нет регулярной коммерческой практики, это верно, потому что она на девяносто лет старше Санта Клауса и слаба на ноги. Но в ее мизинце больше магии, чем в книге Соломона.

Дждесон посмотрел на меня. Я кивнул, и он сказал:

— Вы не уговорите ее взяться за это дело?

— Думаю, она может это сделать, если вы ей понравитесь.

— Сколько вы хотите? Десяти процентов достаточно?

Води отмахнулся.

— К чертям. Я не могу взять ничего. Она была добра ко мне всю жизнь.

— За хорошие сведения платят, — настаивал я.

— Бросьте. Когда-нибудь ваши парни помогут мне. Этого достаточно.

Вскоре мы расстались. Води пошел куда-то, но обещал предупредить миссис Дженнингс о том, что мы придем.

Найти ее дом оказалось нетрудно. Одноэтажный коттедж стоял спиной к старой, обсаженной вязами улице. Веранда была вся в позолоченной резьбе, двор не слишком ухожен, но над крыльцом нависали симпатичные ползучие розы.

Дждесон дернул ручку дверного колокольчика, а я рассматривал треугольные цветные стекла в панелях дверей и думал, остались ли еще люди, умеющие делать такого рода работу?

Нас впустили. Хозяйка действительно представляла собой что-то невероятное. Она была такой крошечной, что я смотрел вниз на ее макушку, где сквозь скудные тонкие волосы просвечивала чистая розовая кожа. Весила она не более семидесяти фунтов вместе с одеждой, но стояла, гордо выпрямившись, в платье лавандового цвета с белым воротничком, и смотрела на нас живыми черными глазами, которые вполне бы подошли Екатерине Великой или Джейн, предсказательнице бедствий.

— Доброе утро, — сказала она. — Входите.

Она ввела нас через маленький холл с вышитыми бисером портьерами в свою приемную и, сказав коту на стуле: «Брысь!», усадила нас. Кот прыгнул, прошелся с видом оскорбленного достоинства, и сел, обернув хвост вокруг лап и поглядывая на нас с той же спокойной оценкой, что и хозяйка.

— Мой мальчик Джек сказал мне, что вы придете, — начала она. — Вы — мистер Фрезер, а вы — мистер Джексон. — Это был не вопрос, а утверждение. — Полагаю, что вы хотите узнать свое будущее. Какой метод вы предпочтете — по руке, по звездам?

Я хотел было поправить ее, но Джексон опередил меня.

— Я думаю, что лучше предоставить выбор вам, миссис Дженнингс.

— Ладно, тогда мы сделаем это на чайных листьях. Сейчас я поставлю чайник, он будет готов через минуту.

Она быстро вышла. Мы слышали ее легкие шаги в кухне, звон посуды. Когда она вернулась, я спросил:

— Надеюсь, мы не побеспокоили вас, миссис Дженнингс?

— Ничуть. Я люблю утром выпить чашку чая. Он дает комфорт телу. Я как раз снимала с огня любовный напиток, потому и задержалась. Тунту вредно ждать.

— По формуле Закербони? — спросил Джексон.

— Боже избави, конечно нет! — Она прямо расстроилась от такого предположения. — Я не стану убивать ни одно безвредное создание. Зайцы, ласточки, голуби — хорошенькое дело! Не знаю, о чем думал Пьер Мора, когда давал такой рецепт. Я бы нарвала ему уши! Нет, я использую колокольчики, апельсин и серую амбру. Это очень эффективно.

Джексон поинтересовался, не пробовала ли она сок вербены. Она пристально посмотрела ему в лицо.

— У тебя самого есть видение, сынок. Я права?

— Немного, мать, — смущенно ответил Джексон. — Чуть-чуть.

— Оно увеличится. Думай, как ты пользуешься им. А что касается вербены, то она эффективна, как тебе известно.

— Это ведь проще?

— Конечно, проще. Но если этот легкий метод станет известен, то любой человек начнет применять его где попало, а это плохо. А колдуньи умрут с голоду без клиентов — может, это и хорошо! — Она подмигнула одним глазом. — Но если ты хочешь простоты, то не нужно и вербены. — Она коснулась моей руки и произнесла несколько слов по-латыни. Я не имел времени задуматься над этой формулой, я был полностью занят тем поразительным, что снизошло на меня: я был влюблен, сладостно влюблен в Гренни Дженнингс. Я не хочу сказать, что она вдруг показалась мне молоденькой красавицей, — нет, этого не было, я по-прежнему видел маленькую сморщенную старушку с лицом умной обезьянки, достаточно старую, чтобы быть моей прабабушкой. Дело не в этом. Она была Еленой, которую желают все мужчины, предмет романтического обожания. Она улыбнулась мне теплой, полной нежности и понимания улыбкой. Все было в порядке, и я был совершенно счастлив. Затем она ласково сказала:

— Я не хотела посмеяться над тобой, мальчик. — И снова коснулась моей руки, что-то при этом прошептав.

И сразу все пропало. Она была просто милой старушкой, которая печет кексы для внука или сидит у больной соседки. Романтическое очарование осталось в неэмоциональной памяти. Но я стал значительно бодрее.

Чайник вскипел. Она засемила за ним и вскоре вернулась с подносом, на котором стояли чайные приборы, тарелочки с печеньем и тонкими ломтиками домашнего хлеба со свежим маслом.

Когда мы выпили по чашке чая с полагающимися церемониями, она взяла чашку Джедсона и посмотрела на осадок.

— Денег не очень много, — сказала она, — но тебе и не понадобится много: прекрасная полная жизнь. — Она коснулась кончиком ложки остатков жидкости, и та покрылась мелкой рябью. — Да, у тебя есть видение и есть желание понять, что с ним делать, но я вижу, что ты занят бизнесом вместо великого и даже малого искусства. Почему?

Джедсон пожал плечами и ответил, как бы оправдываясь:

— У меня в руках есть работа, которую нужно делать. И я ее делаю.

— Это хорошо, — согласилась она. — Понимание приходит в любой работе, и оно придет к тебе. В работе нет вреда: времени еще много. Когда к тебе придет предназначенная тебе работа, ты увидишь ее и будешь готов к ней. — Она повернулась ко мне. — Дай свою чашку.

Я подал. Она внимательно посмотрела в нее.

— Ну, у тебя нет ясновидения, как у твоего друга, но у тебя есть интуиция, которая нужна в работе. Больше не удовлетворило бы тебя, поскольку я вижу здесь деньги. Ты получишь много денег, Фрезер.

— Вы не видите скорого крушения моего бизнеса? — быстро спросил я.

— Нет. Посмотри сам. — Она пододвинула ко мне чашку, и я взглянул туда.

На секунду мне показалось, что я сквозь осадок вижу живую сцену, и я хорошо ее понял. Это был мой собственный участок, даже царапины на воротах, где неловкий шофер слишком близко срезал угол, но на восточной стороне участка стояла новая пристройка, а во дворе — две отличные пятитонки с моим именем на бортах. Я увидел себя выходящим из дверей конторы и идущим по улице, я был в новой шляпе, но в том же костюме, что и сейчас, и с тем же галстуком из шотландки моего клана. Я невольно потрогал оригинал.

— Это будет не так скоро, — сказала миссис Дженнингс и снова уставилась в чашку. — Ты видел, что тебе нечего огорчаться насчет бизнеса. А что касается любви, брака и детей, болезни и смерти — давай посмотрим. — Она коснулась пальцем поверхности осадка, чайные листочки чуть-чуть пошевелились. Она некоторое время внимательно смотрела на них. Брови ее сдвинулись, она хотела заговорить, но снова посмотрела в чашку.

— Я не вполне понимаю, — наконец сказала она. — Не ясно, тут падает моя собственная тень.

— Может, мне посмотреть? — предложил Джедсон.

— Сиди! — сказала она и закрыла рукой чашку. Я даже удивился резкости ее тона. Она повернулась ко мне с сочувствием в глазах. — Нет ясности. У тебя два возможных будущих. Пусть твоя голова управляет сердцем, не мучай душу тем, чего не может быть. Тогда ты женишься, будешь иметь детей и будешь счастлив.

На этом дело было закончено, потому что она обратилась к нам обоим:

— Вы пришли сюда не за предсказаниями, вы пришли просить помощи другого рода.

— Какого рода помощи, мэм? — спросил Джедсон.

— Для этого, — она сунула ему под нос чашку.

Он взглянул в нее и ответил:

— Да, это правда. Можете помочь?

Я тоже посмотрел в чашку, но увидел только чайные листья.

— Думаю, что да, — ответила она. — Не следовало приглашать Бидди, но эта ошибка понятна. Давайте пойдем. — Она достала пальто, перчатки, сумку, водрузила на макушку забавную старомодную шляпку и выпроводила нас из дома. Никаких дискуссий, это было явно необходимо.

Когда мы вернулись на участок, рабочая комната миссис Дженнингс уже была готова. В ней не было никаких причуд, как у Бидди: просто старая палатка, вроде цыганского шатра с остроконечным верхом, но ярко раскрашенная. Миссис Дженнингс отодвинула шаль, закрывающую вход, и пригласила нас войти.

Там было темно, но она зажгла большую свечу и поставила ее в середине. При свете свечи она начертила на земле пять кругов: сначала большой, потом несколько меньший — перед ним, и два по бокам большого. Они были такой величины, чтобы человек мог стоять в них. Она велела нам занять их и начертила пятый круг, в стороне, не более фута в поперечнике.

Я никогда не обращал особого внимания на методы магов и относился к ним, как, по слухам, Томас Эдисон относился к математике: когда она была ему нужна, он ее применял. Но миссис Дженнингс — другое дело. Мне очень хотелось понять, что она делает и почему.

Я знал, что она нарисует кучу каббалистических знаков внутри кругов. Тут были пятиугольники различных форм, какие-то надписи — я подумал, что это еврейский шрифт, но Джедсон сказал, что нет. Мне особенно запомнился знак вроде длинной буквы «зет», оплетающей мальтийский крест.

Были зажжены еще две свечи и поставлены по бокам первой. Затем она достала кинжал — Джедсон назвал его артейм — и

воткнула его в одну из фигур в вершине большого круга так сильно, что рукоятка вздрогнула и продолжала вибрировать все время.

В центре большого круга она поставила складной столик, села за него, вытащила маленькую книжку и начала читать беззвучным шепотом. Я не мог разобрать слов, но, признаться, и не хотел. Так продолжалось некоторое время. Я вгляделся и увидел, что маленький круг занят котом Серафимом. Он остался взаперти дома, когда мы уходили, а теперь спокойно сидел здесь и следил за всем происходящим с вежливым интересом.

Она закрыла книгу и бросила шепотку порошка в пламя большой свечи. Пламя ярко вспыхнуло и дало облако дыма. Я был не вполне уверен в том, что случилось несколько позднее, потому что дым ел мне глаза, кроме того, Джедсон сказал, что я вообще не понял цели окуливания. Во всяком случае, я предпочел бы верить своим глазам. То ли дым сгустился, то ли скрыл появление — одно из двух, — но я пропустил это действие.

В центре круга напротив миссис Дженнингс стоял маленький сильный человек примерно четырех футов роста. Плечи его были значительно шире моих, а верхняя часть рук с выпирающими мускулами — толщиной с мою ляжку. На нем были штаны, котурны и остроконечный колпачок. Кожа его была безволосая, грубая, землистая, тусклая. Все на нем было таким же тусклым, однотонным, только зеленые глаза злобно сверкали.

— Ну, — жестко сказала миссис Дженнингс, — ты тут немало поработал. Что ты скажешь в свое оправдание?

Он угрюмо ответил, как пойманный, но не раскаивающийся, на незнакомом мне языке, изобилующем гортанными и свистящими звуками. Она некоторое время слушала, а потом оборвала его:

— Меня не касается, кто тебе велел, ты должен считаться со мной! Я требую, чтобы этот вред был исправлен — немедленно и четко!

Он быстро злобно ответил, и она перешла на язык, на котором отвечал он, так что я не мог следить за смыслом, но было очевидно, что речь шла обо мне, так как он несколько раз бросал на меня злобные взгляды и наконец плюнул в мою сторону.

Миссис Дженнингс немедленно отреагировала, хлопнув его по губе тыльной стороной ладони. Он посмотрел на нее взглядом убийцы и что-то сказал.

— Ах, так? — сказала она, протянула руку и, схватив его за загривок, наклонила вниз. Затем сняла с себя туфлю и стала звучно хлестать его. Гном взвыл, но затем замолчал и только дергался при каждом ударе.

Затем она встала и швырнула его на землю. Он поднялся и тяжело заковылял в свой круг, потирая тело. Глаза миссис Дженнингс сверкали, голос звенел, в ней не было уже никакой слабости.

— Вы, гномы, слишком много из себя корчите! Я никогда не

слышала о таких вещах! Еще одна ошибка с твоей стороны — и твой народ увидит, как ты получаешь трепку. А теперь убирайся! Объясни своему народу его задачу и созови своих братьев и собратьев. Во имя Великого Тетраграмматона, покинь назначенное тебе место!

Гном исчез.

Следующий посетитель пришел почти сразу же. Сначала в воздухе носилась искорка. Она выросла в живое пламя, в огненный шар шести дюймов в диаметре, если не больше. Он плыл над центром второго круга на уровне глаз миссис Дженнингс. Он танцевал, кружился и пылал, хотя гореть было нечему. Я понял, что это саламандра, дух огня, хотя никогда ее не видел. Кем же еще мог быть этот шар?

Миссис Дженнингс некоторое время молча смотрела на саламандру. Похоже, она, как и я, восхищалась ее танцем. В саламандре была жизнь, поющая радость, безотносительно к человеку. Основаниями для ее бытия были гармония цветов и изгибов.

Полагаю, что я достаточно прозаичен. Во всяком случае, я всегда жил по принципу: делай свою работу, а все остальное пусть само о себе беспокоится. Но здесь было нечто, имеющее ценность само по себе, независимо от вреда, который, по моим стандартам, оно приносило.

Миссис Дженнингс говорила чистым, поющим сопрано без слов. Саламандра отвечала льющимися переливами цветов. Миссис Дженнингс повернулась ко мне.

— Она охотно признается, что сожгла твой участок, но ее пригласили это сделать, а она неспособна оценить свою точку зрения. Мне не хочется принуждать ее к тому, что противно ее природе. Нет ли у тебя какой-нибудь просьбы к ней?

Я задумался на мгновение.

— Скажи ей, что счастлив видеть ее танец.

Миссис Дженнингс снова запела. Саламандра закружилась, запрыгала, огненные усики завертелись, сливаясь в сложные, восхитительные узоры.

— Это очень хорошо, но недостаточно. Подумай еще о чем-нибудь.

Я подумал.

— Скажите ей, что она мне очень нравится. Я сделаю в своем доме камин, пусть она живет в нем, когда захочет.

Миссис Дженнингс одобритительно кивнула и снова запела. Я почти понял ответ саламандры, но миссис Дженнингс перевела:

— Ты ей нравишься. Можно ей приблизиться к тебе?

— Она не сожжет меня?

— Здесь — нет.

— Тогда пожалуйста.

Она нарисовала «Т» между нашими двумя кругами. Саламандра прошла близко к кругу, как кошка в открытую дверь, и закружилась вокруг меня, слегка касаясь моих рук и лица. Прикосновение ее не

было горячим, а покалывало, как от вибрации. Она проплыла по моему лицу. Я погрузился в мир света, как в центре северной зари. Сначала я боялся вздохнуть, но потом вздохнул, и никакого вреда мне от этого не было, хотя покалывание усилилось.

Странная вещь: с тех пор как саламандра коснулась меня, я ни разу не простудился, а раньше всю зиму страдал от насморка.

— Хватит, хватит, — сказала миссис Дженнингс, и облачко пламени вернулось в свой круг. Музыкальная дискуссия возобновилась, и они, видимо, сразу договорились, потому что миссис Дженнингс удовлетворенно кивнула и сказала:

— Уходи, огненное дитя, и возвращайся, когда будешь нужна. — И она повторила формулу, которой пользовалась для гнома.

Ундина появилась не сразу. Миссис Дженнингс снова взяла книгу и монотонным шепотом читала. Мне захотелось спать, в палатке было душно, но в это время зашипел кот. Он взглянул на центральный круг, выпустил когти, выгнул спину и распушил хвост.

В этом круге находилось нечто бесформенное, капающее и растекающееся слизью в границах магического кольца. Пахло рыбой, водорослями и йодом.

— Ты опаздываешь, — сказала миссис Дженнингс. — Ты получила мое послание. Почему же ты ждешь, чтобы я тебя принудила?

Ундина издала болезненный, сосущий звук, но не ответила.

— Прекрасно! — твердо сказала миссис Дженнингс. — Я не буду с тобой спорить. Ты знаешь, чего я хочу, и ты это сделаешь!

Она встала и схватила большую центральную свечу. Жаркое пламя взвилось вверх, как факел, и миссис Дженнингс провела им по кругу ундины.

Раздалось шипение, словно вода брызнула на раскаленное железо, и визгливое бормотание. Миссис Дженнингс тыкала в ундину огнем еще и еще. Наконец она остановилась и посмотрела вниз, где лежала вздрагивающая, съежившись, ундина.

— Так тебе и надо, — сказала миссис Дженнингс. — В следующий раз будешь слушаться своей госпожи. Убирайся!

И ундина как провалилась сквозь землю, оставив за собой сухую пыль.

Миссис Дженнингс разрежала кинжалом круги, чтобы позволить нам выйти, и пригласила нас в свой круг. Серафим легко выпрыгнул из своего маленького круга в большой и стал тереться о ноги хозяйки, громко мяуча. Она произнесла несколько непонятных слов и хлопнула в ладоши. Снаружи началось бурное движение и рев. Палатка колыхалась и трещала. Я слышал журчание воды, треск пламени и топот торопливых шагов. Миссис Дженнингс оглядывалась по сторонам, и там, куда падал ее взгляд, стена палатки становилась прозрачной. Я вглядывался в непонятную суматоху.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. В наших ушах была тишина. Палатка исчезла. Мы стояли в погруженном дво-

ре возле моего главного склада. Да, но он был снова здесь! Он вернулся невредимым, без всяких следов огня или воды. Я бросился через главные ворота туда, где моя контора выходила на улицу. Контора тоже была здесь, ее витрины сияли на солнце, на одном углу была эмблема Ротари-клуба, а наверху большими буквами вывеска:

АРЧИБАЛЬД ФРЕЗЕР

Строительные материалы. Подряды

Джедсон подошел ко мне и тронул за руку.

— Чего ты орешь, Арчи?

Я уставился на него. Я и не знал, что ору.

В понедельник с утра мы работали как обычно. Я решил, что все пришло в норму, и что все беды позади. Оказалось, что я поспешил с выводами.

Как будто ничего особенного не происходило — обычные превратности бизнеса, мелкие неприятности, случающиеся во всякой работе. Все это предполагаешь и обвиняешь небо. Ни одна из этих мелочей не стоила того, чтобы упоминать о ней отдельно, но дело в том, что они повторялись уж слишком часто.

Любой бизнес зависит от умения руководить им: убытки от непредвиденных событий должны быть средней величиной за несколько лет — порядка нескольких процентов от общих расходов. Так и учитывается в смете. Но я столкнулся с таким количеством пустяковых случаев и мелких затруднений, что вся моя прибыль была съедена.

Однажды утром два моих грузовичка не захотели заводиться. Мы не могли найти поломки. Я затащил их в мастерскую и на день арендовал грузовик в дополнение к моему оставшемуся. Свои поставки мы выполнили, но я вычел арендную плату за грузовичок, счет за ремонт и сверхурочные шоферам и имел за день чистый убыток.

На следующий день я собирался заключить сделку с человеком, которого два года пытался поймать: сделка была не великой важности, но обещала большую работу в будущем, потому что этот человек владел довольно-таки доходным имуществом — несколькими кортами, одним или двумя многоквартирными домами, торговыми точками — и оказывал влияние на местные выборы. Он постоянно делал заказы на ремонтные работы и очень часто — на новое строительство. Если бы я подошел ему, он, вероятно, стал бы постоянным клиентом с быстрой оплатой, так что имело смысл заключить с ним сделку даже с незначительной прибылью.

Мы стояли в выставочном помещении перед моей конторой и разговаривали, почти уже придя к соглашению. В трех футах от нас была выставка солнцезащитной краски — аккуратная пирамида банок. Я могу поклясться, что никто из нас не задевал ее, но она

вдруг обрушилась на пол со страшным грохотом. С одной банки слетела крышка, и моего предполагаемого клиента окатило красной краской. Он взвыл: я подумал, что он упадет в обморок. Я отвел его в контору и попытался успокоить, вытирая его костюм своим носовым платком — правда, без большого успеха. Он был вне себя от ярости.

— Фрезер, — кипятился он, — увольте работника, столкнувшего эти банки! Посмотрите на меня! Костюм погублен. И плакали мои восемьдесят пять долларов!

— Не спешите, — мягко сказал я, сдерживаясь. — Я не стану увольнять человека в угоду клиенту и не хочу, чтобы от меня этого требовали. Но возле этих банок не было никого, кроме нас с вами.

— Вы думаете, что это я их толкнул?

— Вовсе нет. Я знаю, что вы этого не делали. — Я выпрямился, вытер руки и достал из стола чековую книжку.

— Выходит, толкнули вы?

— И не думал, — терпеливо ответил я. — Сколько, вы говорите, стоил ваш костюм?

— А что?

— Я выпишу чек на эту сумму.

Я и в самом деле хотел это сделать. Я не чувствовал себя виноватым, но ведь это произошло в моем магазине.

— Вы так легко не отделаетесь! Дело не во мне, не в цене костюма... — Он схватил шляпу и выскочил. Я знал его репутацию: больше я его не увижу.

Вот такого рода вещи я и имел в виду. Конечно, банки могли быть плохо поставлены, но могло быть и колдовство. Несчастные случаи сами собой не происходят.

Через пять дней ко мне пришел Дитворт по поводу жульнического счета Бидди. Ночью и утром я подвергся непрерывному потоку неприятностей, и настроение у меня было никудышным. Как раз сегодня бригада цветных каменщиков бросила одну из моих работ, потому что увидела на некоторых кирпичах выведенные мелом знаки. «Это знаки вуду», — сказали они и дотронулись до кирпича. Я не был в настроении беседовать с Дитвортом и решил, что буду предельно краток.

— Добрый день, мистер Фрезер, — любезно сказал он. — Не уделите ли вы мне несколько минут.

— Десять минут, — согласился я, взглянув на часы.

Он поставил портфель возле ножки стула и достал несколько бумаг.

— Тогда я приступаю прямо к делу. Это по поводу требования мистера Бидди. Мы с вами деловые люди, и я уверен, что мы придем к соглашению.

— Бидди ничего не может требовать с меня.

Он кивнул.

— Я понимаю ваши чувства. Конечно, в письменном контракте не указано, что вы обязаны ему платить. Но бывает, что подразумеваемое не всегда записывается.

— Не могу согласиться с вами. Весь мой бизнес ведется по записи.

— Понятно, — согласился он. — Вы же бизнесмен. А у профессионалов ситуация несколько иная. Если вы просите зубного врача удалить вам зуб, и он делает это, вы обязаны заплатить ему, даже если о гонораре и не упоминалось...

— Совершенно верно, — перебил я, — но здесь нет параллели. Бидди не вырвал зуб.

— Кое-что он сделал, — настаивал Дитворт. — Он требует с вас за осмотр, который он провел до подписания контракта.

— Об оплате за эту услугу не было и речи.

— Вот это как раз подразумеваемые обязательства, мистер Фрезер. Вы сказали мистеру Бидди, что разговаривали со мной. Он вполне правильно понял, что я предварительно объяснил вам стандартную систему гонораров в ассоциации.

— Но я не принадлежу к вашей ассоциации!

— Знаю. Я объяснил это другим директорам, но они настаивают, чтобы дело было как-то урегулировано. Сам я не порицаю вас, но вы должны понять наше положение. Мы не можем принять вас в члены ассоциации, пока это дело не будет улажено в пользу доктора Бидди.

— Почему вы решили, что я хочу вступить в вашу ассоциацию? Он обиженно взглянул на меня.

— Я не рассчитывал, что вы займете такую позицию, мистер Фрезер. Людям вашего калибра ассоциация необходима. Вы должны будете вступить в нее из-за ваших же интересов, поскольку теперь будет очень трудно получить волшебство где-либо, кроме членов ассоциации. Мы хотим помочь вам, и вы, пожалуйста, не затрудняйте нас.

Я встал.

— Боюсь, что вам лучше обратиться в суд, и пусть он решает это дело, мистер Дитворт. Похоже, что это единственно правильное решение.

— Мне очень жаль, — покачал он головой, — это вызовет предубеждение против вас, когда вы захотите вступить в члены ассоциации.

— Ну и пусть, — сказал я коротко и указал ему на выход.

Когда он ушел, я наворчал на свою секретаршу, которая делала то, что должна была делать вчера, а затем извинился. Я расхаживал взад и вперед без дела, хотя у меня было полно работы. Я нервничал. Все эти мелочи, вместе взятые, уже встали мне поперек горла, и это последнее дурацкое требование Дитворта оказалось последней каплей. Не то что он мог получить от меня по суду — это абсурд, но

просто сам факт суда являлся такой же неприятностью, как и десятки других. Говорят, у китайцев есть пытка, когда человеку капают на голову по капле через каждые несколько минут. Здесь было то же самое.

В конце концов я позвонил Джедсону и пригласил его позавтракать.

После завтрака я почувствовал себя лучше. Джедсон, как всегда, успокоил меня, и я сумел отодвинуть в прошлое большую часть того, что мне досаждало, просто рассказав ему обо всем. Когда я выпил вторую чашку кофе и закурил, я уже почти годился для приличного общества.

Мы не спеша дошли до моего магазина, разговаривая о разных проблемах. Похоже, что блондинка, белая ведьма из Джерси-Сити, наконец-то сумела направить свою синтезирующую работу на обувь. Но и тут вышла загвоздка: она сделала восемьсот левых туфель и ни одной правой. Мы как раз обсуждали возможные причины такого осложнения, когда Джедсон вдруг сказал:

— Смотри, Арчи, к тебе начали проявлять интерес любители скрытой камеры.

Я взглянул. На обочине против моего участка стоял парень и наводил камеру на мой магазин. Я взгляделся в него и быстро сказал:

— Джо, это тот самый парень, что приходил ко мне. Я говорил тебе. С него все и началось.

— Ты уверен? — спросил Джедсон, понизив голос.

— Абсолютно.

Сомнений не было: он стоял неподалеку и на той же стороне улицы, что и мы. Тот самый рэкетир, в той же кричащей одежде.

— Сейчас мы его сцапаем, — шепнул Джедсон.

Я уже подумал об этом. Схватил парня за шиворот и, прежде чем он понял, что случилось, потащил за собой через улицу. Я так взбесился, что не смотрел под ноги и чуть не упал. Джедсон тяжело шел сзади.

Дверь конторы была открыта. Я сделал последний рывок и швырнул этого хмыря на пол. Как только Джедсон вошел, я закрыл дверь.

Джедсон сел за мой стол, открыл средний ящик и сделал поспешный обыск во всем том хламе, который обычно скапливается в таких местах. Он нашел, что искал, — синий плотницкий карандаш — и пошел к нашему гангстеру. Прежде чем тот пришел в себя, чтобы встать, Джедсон нарисовал вокруг него кольцо, чуть не задев в спешке собственные ноги, и замкнул кольцо замысловатым завитком.

Наш гость взвыл, увидев, что делает Джо, и попытался выскочить из круга, пока он не замкнулся, но Джо оказался проворнее: круг замкнулся и запечатался. Гангстер отступил в центр, словно вокруг него воздвиглись стеклянные стены, и упал на колени. Так он и остался, отчаянно ругаясь — вроде, по-итальянски, хотя

некоторые слова были явно английскими. Ругался он долго и безостановочно.

Джедсон закурил и предложил сигарету мне.

— Давай сядем, Арчи, и отдохнем, пока наш друг не начнет говорить о деле.

Я сел, и мы несколько минут курили. Поток ругательств не прекращался. Наконец Джедсон поднял брови и сказал:

— Ты, кажется, начал повторяться.

Это остановило парня. Он сел и свирепо посмотрел на нас.

— Ну, — продолжал Джедсон, — что ты скажешь в свое оправдание?

Тот заворчал:

— Я хочу вызвать своего адвоката.

Джедсон засмеялся.

— Ты не понимаешь ситуации. Ты не арестован, и нам плевать на твои законные права. Мы можем вызвать трещину в земле, спустить тебя туда и снова закрыть ее.

Смуглое лицо парня заметно побледнело.

— Да, — продолжал Джедсон, — мы вполне способны сделать это, а то и похуже. Видишь ли, ты нам не нравишься. Конечно, — задумчиво добавил он, — мы могли бы напустить на тебя полицию. Иногда я могу быть добрым.

Парень скис.

— Что, это тоже тебе не нравится? Может, у них есть отпечатки твоих пальцев? — Джедсон встал, быстро шагнул к парню и встал перед ним, держась вне круга. — Ладно, тогда отвечай: зачем ты фотографировал?

Парень что-то промямлил, опустив глаза. Джедсон отмахнулся.

— Не болтай вздор, мы не дети. Кто тебя послал?

Парень в панике замолчал совсем.

— Ну что ж, — сказал Джедсон и обратился ко мне: — У тебя нет кусочка воска, пластилина или чего-нибудь в этом роде?

— Замазка подойдет?

— Как раз то, что нужно.

Я принес пятифунтовую банку. Джедсон попросил открыть ее и выгреб здоровенную горсть замазки. Затем он сел за мой стол и стал добавлять в замазку льняное масло, пока она не размягчилась. Наш пленник молча и с опаской следил за его приготовлениями.

— Теперь пойдете! — возвестил Джо, выложил массу на лист бумаги и медленно вылепил маленькую куклу примерно девяти дюймов высотой. Кукла мало походила на кого-то — Джедсон не скульптор, однако он, как настоящий художник, переводил взгляд с фигурки на человека в круге и обратно. Надо было видеть, как с каждой минутой возрастал ужас парня.

— Готово! — сказал Джедсон, еще раз взглянув на фигурку и парня. — Она так же безобразна, как и ты. Ну, начнем. Зачем ты делал снимки?

Парень не ответил, только отполз подальше, насколько позволял круг. Лицо его было еще более омерзительно, чем раньше.

— Говори! — приказал Дждесон и двумя пальцами повернул ногу кукле. Нога нашего пленника дернулась, сильно вытянулась и повернулась. Он тяжело упал на пол и завизжал от боли.

— Ты хотел навести чары на этот участок?

— Нет, нет, мистер! — нервно проговорил парень. — Не я!

— Не ты? Понятно. Ты просто бродяга. Кто совершил магию?

— Не знаю... Ой, о, господи! — Он схватился за левую ногу. Дждесон ткнул пером в ногу куклы. — Я действительно не знаю! Ой, не надо!

— Может, этого ты и не знаешь, — проворчал Дждесон, — но во всяком случае ты знаешь, кто давал тебе приказы и кто еще состоит в вашей банде. Давай рассказывай.

Пленник раскачивался, закрыв лицо руками.

— Не смею, мистер, — стонал он. — Пожалуйста, не заставляй-те меня...

Дждесон снова ткнул пером куклу. Парень дернулся, на этот раз молча, с угрюмой решительностью.

— Ладно, — сказал Дждесон, — раз ты упрямисься... — Он раскурил сигарету и стал медленно приближать ее конец к лицу куклы. Парень в круге пытался отодвинуться, закрывая лицо, но усилия его были тщетны: я видел своими глазами, как кожа его покраснела и вздулась пузырями. Мне было тошно смотреть, и хотя я не чувствовал никакой симпатии к этой крысе, я повернулся к Дждесону и хотел прекратить это, но тот сам уже убрал сигарету.

— Готов к рассказу? — спросил он.

Парень слабо кивнул. Слезы текли по его обожженным щекам. Он, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Давай без обмороков, — сказал Дждесон и шлепнул пальцем по лицу куклы. Я услышал звучный шлепок, и голова парня дернулась от удара, но это, похоже, укрепило его.

— Ну, друг, говори все, что знаешь. Выкладывай. Если твоя память ослабеет, подумай о том, что сигарета сделает с глазами куклы. Давай, Арчи, записывай.

И парень заговорил, забормотал, точнее сказать. Дух его был полностью сломлен. Он даже как бы торопился говорить, останавливаясь лишь иногда для того, чтобы перевести дух и вытереть глаза. Дждесон требовал уточнения в том, что было неясно.

В банде было пять человек, насколько знал парень, и они принадлежали к организации, целью которой был сбор дани со всех, связанных с магией в этой части города, — с магов и их клиентов. Нет, они не могли дать никакой реальной защиты, кроме как от собственных пакостей. Он был уверен, что их босс работал на кого-то, но не знает, на кого именно. Он не может этого сказать, хоть жгите его глаза. Организация большая, в этом он уверен. Его самого прислали из города на востоке в помощь здешнему отделению. Он

маг? Нет, ни в коей мере. А босс в его отделении? Нет, наверняка нет, такого рода вещи направляются сверху. Больше он ничего не знает, можно ли ему теперь уйти?

Джедсон заставил его вспомнить еще. Он добавил кое-какие детали, большей частью незначительные, но я их записал. И последнее, что он сказал, — он думает, что мы находимся под наблюдением, поскольку мы успешно преодолели наш первый «урок».

В конце концов Джедсон отстал от него.

— Теперь я отпущу тебя, — сказал он. — Но будет лучше, если ты уедешь из города. Не вздумай снова бродить тут. Но не уезжай далеко, ты можешь мне понадобиться. Смотри. — Он слегка сжал куклу, и бедняга немедленно начал задыхаться. — Не забывай, что я могу сделать с тобой, если захочу. — Он разжал пальцы, и его жертва облегченно вздохнула. — Я имею твое второе «я», твое изображение, оно будет лежать в безопасности за холодным железом. Когда я захочу тебя видеть, ты почувствуешь боль вот здесь, — он цапнул ногтем плечо куклы, и парень взвыл, — и тогда ты позвонишь мне, где бы ты ни был.

Он достал из кармана перочинный нож и разрезал круг в трех местах.

— Теперь уходи!

Я думал, что парень выскочит, как пробка, но оказалось, что нет. Он неуверенно перешагнул линию, постоял, вздрагивая, а потом медленно заковылял к двери. На пороге он обернулся, посмотрел на нас расширенными от страха глазами и вроде бы хотел что-то сказать, но передумал и вышел.

Я взглянул на Джедсона. Он просматривал мои записи.

— Не знаю, — сказал он, — то ли сразу отнести это в Бюро Лучшего Бизнеса — пусть они сами справляются с этим, то ли заняться самому. Соблазнительное дело!

Но меня тогда интересовало не то, и я сказал:

— Джо, мне не нравится, что ты жег его!

— А? Что? — Он, казалось, удивился. — Я его не жег.

— Не надо уверток, — сказал я с досадой. — Ты жег его через куклу, я хочу сказать, магией.

— Но я этого не делал, Арчи, право же не делал. Он сам это сделал, и тут нет никакой магии. Я вообще ничего не делал!

— Какого дьявола ты имеешь в виду?

— Симпатическая магия — это на самом деле вовсе не магия, Арчи. Это нейропсихология и коллоидная химия. Все это он сделал себе сам, потому что он верил. Просто я правильно оценил его умственные способности.

Наш разговор был прерван страшным воплем, донесшимся откуда-то с улицы. Вопль поднялся до визга и резко оборвался.

— Что это? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Джедсон, шагнув к двери. — Видимо, где-то далеко. Я ничего не вижу.

Завыла полицейская машина. Мы услышали ее издалека, но она быстро приближалась, вывернула из-за угла и помчалась по нашей улице. Мы переглянулись.

— Может, пойти посмотреть? — сказали мы в один голос и рассмеялись.

С нашим гангстером рассчитались. Мы нашли его за полквартила от нашего дома, в окружении зевак, разрубленного от лба до талии тремя параллельными полосами, словно когтями хищной птицы. Только птичка эта должна быть размером с пятитонный грузовик. Лицо и горло его были покрыты желтоватой массой с красными прожилками, и от нее исходил такой тошнотворный запах, что я попятился и сказал Джедсону, который тоже не выглядел счастливым:

— Давай вернемся в контору.

Что мы и сделали.

В конце концов мы решили провести собственное маленькое расследование, прежде чем поделиться тем, что мы узнали, с Бюро Лучшего Бизнеса или с полицией. И хорошо сделали, потому что никого из гангстеров, чьи имена мы получили, уже не было в городе. Было совершенно ясно, что такие люди существовали и жили по тем адресам, которые Джедсон вырвал у их товарища, но все они без исключения разбежались в тот же день, как был убит их соучастник.

В полицию мы не пошли, потому что не хотели быть впутанными в эту ужасную и неожиданную смерть, но Джедсон сделал осторожный рапорт своему приятелю в Бюро Лучшего Бизнеса и тот передал его помощнику начальника отдела по борьбе с рэккетом и еще куда-то, куда счел нужным.

С этого времени я не имел никаких неприятностей и много работал, стараясь получить за квартал прибыль, несмотря на прошлые неудачи. Я выбросил из головы все, что произошло раньше если не считать того, что изредка посещал миссис Дженнингс и раз или два приглашал ее молодого друга Джека Води, когда нуждался в коммерческой магии. Он был очень хорошим работником и давал очень ценные советы, а не отделивался шуточками.

Я думал, что у меня уже весь мир на поводке, но впал в новую серию неприятностей. На этот раз они угрожали не моему бизнесу, а мне самому. А я, как и всякий человек, дорожу своей шеей.

В доме, где я живу, водонагреватель поставлен на кухне. Он аккумуляторного типа, с легкоплавким клапаном и термостатическим регулятором силы пламени, рядом с ним стояла плита с клапаном.

Я проснулся среди ночи и решил, что хочу пить. Когда я вошел в кухню — не спрашивайте, зачем я вошел в кухню, я и сам не знаю, — меня чуть не задушил запах газа. Я бросился к окну, затем

обратно в комнату, где тоже распахнул окно, чтобы устроить сквозняк.

Раздалось глухое шипение и грохот, а затем я обнаружил, что сижу на ковре.

Я не пострадал, и вообще убытка не было, разве что разбилось несколько тарелок на кухне. Открытые окна вызвали взрыв, который и дал такой эффект. Природный газ не взрывается, пока он в огражденном пространстве. Когда я осмотрел оборудование, мне стало все ясно. Клапан нагревателя вышел из строя: когда вода в котле остыла, термостат повернулся на большую струю газа, и газ немедленно пошел в кухню. Когда смесь распространилась, клапан на плите готовился уравновесить ее.

Случилось это, по-видимому, в полночь. Я рассказал об этом хозяйке дома, и мы договорились поменять нагреватель на электрический, который я и принес с работы. Естественно, эту замену оплатил я.

Никакой магии нет в этом инциденте, верно? Я так подумал, однако уверенности в этом не было.

Следующий инцидент, повергший меня в панику, произошел на той же неделе и, казалось, не имел никакой связи с первым. Я хранил сухую смесь — песок, камень, гравий в обычных больших бункерах, стоявших на высоких бетонных стойках, чтобы грузовик мог подойти под них для загрузки. Вечером после закрытия я проходил мимо бункера и увидел брошенную в подъемном углублении лопату. Я всегда ругал своих людей, когда они оставляли инструменты где попало; я решил взять эту лопату в свой кар, а утром поговорить с тем, кто ее бросил. Я хотел уже прыгнуть вниз, как услышал оклик:

— Арчибалд!

Голос был удивительно похож на голос миссис Дженнингс. Естественно, я оглянулся. Никого не было. Я снова повернулся к яме и услышал треск: лопата покрылась двадцатью тоннами гравия. На первый взгляд, причиной была трещина в задвижке из кристалло-видной ковanej стали. Наверное, так и было.

Ничего не было такого, что не имело бы естественных причин, однако в течение двух недель я наступал на банановые корки в прямом и переносном смысле. Я десятки раз спасал свою шкуру в последний момент. Но тут уж я не выдержал и рассказал обо всем миссис Дженнингс.

— Не переживай, Арчи, — успокоила она меня. — Не так-то просто убить человека магией, если только он сам не занимается ею и нечувствителен к ней.

— Можно убить человека, напугав его до смерти, — возразил я. Она недоверчиво улыбнулась.

— Не думаю, чтобы ты был очень напуган, парень. Во всяком случае, ты этого не показал.

Я уловил подтекст в этом замечании и спросил:

— Вы следили за мной и спасли меня от гибели под камнями, не так ли?

Она широко улыбнулась.

— Это моя профессия, Арчи. Но молодой человек не должен рассчитывать на помощь стариков, так что устраивайся сам. А я подумаю над этим делом.

Дня через два пришло письмо. Адрес был написан паутинным, спенсеровским почерком прошлого века, но слегка дрожащим, как будто писавший был болен или очень стар. Я ни разу не видел этого почерка, но догадался, от кого это письмо, еще до того, как вскрыл его. Письмо гласило:

«Мой дорогой Арчибалд!

Я хочу познакомить вас с моим уважаемым другом, доктором Рейсом Вортингтоном. Он остановился в "Бермонт-отеле" и хотел бы выслушать вас. Доктор Вортингтон исключительный знаток в делах, которые смущали вас в последнее время. Вы можете полностью положиться на его суждение и на те необычные меры, которые он потребует.

Пожалуйста, подключите и своего друга, мистера Джедсона, к этому знакомству, если желаете.

Искренне ваша, сэр,
Аманда Тодд Дженнингс».

Я позвонил Джедсону и прочитал ему письмо. Он сказал, что сейчас придет, и просил меня позвонить Вортингтону.

— Доктор Вортингтон? — спросил я, когда меня соединили.

— Да, я слушаю, — ответил культурный британский голос с оксфордским акцентом.

— Это Арчибалд Фрезер. Миссис Дженнингс посоветовала мне увидеться с вами.

— О, да! — ответил он заметно потеплевшим голосом. — Я буду очень рад. Когда вам удобно?

— Если вы свободны, я могу прийти прямо сейчас.

— Минуточку... — Он сделал паузу, достаточную, чтобы посмотреть на часы. — Я как раз сейчас должен быть в ваших краях и могу прийти в вашу контору минут через тридцать или чуть больше.

— Отлично, доктор, если это не доставит вам хлопот...

— Ничуть. Значит, я приду.

Чуть позже пришел Джедсон и первым делом спросил насчет Вортингтона.

— Я его еще не видел, — сказал я. — Но говорит он в манере оксфордского преподавателя. Он скоро придет.

Через полчаса секретарша принесла мне его карточку. Я встал, чтобы приветствовать его, и увидел рослого крепкого человека с явно интеллигентным и полным достоинства лицом. Одет он был, пожалуй, консервативно: в отлично сшитом костюме, с тросточкой и широким коротким портфелем. Но он был черен, как тушь чертежника.

Я постарался не казаться удивленным и надеюсь, что мне это

удалось, потому что я терпеть не могу, когда кто-то вызывает у меня определенные эмоции. Почему бы человеку не быть негром? Просто я не ожидал этого.

Джедсон выручил меня. Я уверен, что он не удивился бы, если бы даже яичница подмигнула ему. Как только я представил его гостю, он тут же начал разговор. Мы уселись и несколько минут болтали о пустяках, как это обычно бывает, когда люди хотят составить себе мнение о незнакомце.

Вортингтон перешел к делу.

— Миссис Дженнингс дала мне понять, что здесь случилось кое-что, в чем я, возможно, могу помочь одному из вас или обоим.

Я сказал, что так оно и есть, и рассказал ему все, начиная с появления в моем магазине рэкетира. Вортингтон задал несколько вопросов, и Джедсон помог мне уточнить некоторые детали. У меня было впечатление, что миссис Дженнингс уже рассказала ему большую часть, и он просто проверял ее рассказ.

— Прекрасно, — сказал он наконец своим звучным голосом. — Я думаю, что мы найдем средство справиться с вашими проблемами, но сначала я должен сделать кое-какие расследования, а потом уже установить диагноз. — Он наклонился и стал рыться в своем портфеле.

— Э... доктор, — начал я, — может, мы сначала заключим договор, пока вы не начали работу?

— Договор? — Он было опешил, но потом широко улыбнулся. — О, вы имеете в виду оплату. Мой дорогой сэр, для меня большая честь услужить миссис Дженнингс.

— Но... но... видите ли, доктор, я чувствовал бы себя лучше... Уверяю вас, что я привык платить за магию...

Он поднял руку.

— Мой юный друг, это невозможно по двум причинам: во-первых, у меня нет лицензии на практику в вашем штате, а во-вторых, я не маг.

Полагаю, я выглядел идиотом, когда забормotal:

— Хм... как же? Ох, извините меня, доктор, я подумал, что, поскольку миссис Дженнингс обратилась к вам, и ваш титул, и все такое...

Он улыбнулся, но это была улыбка понимания, а не насмешка над моим смущением.

— Это неудивительно. Даже ваши сограждане моей крови делают эту ошибку. Да, у меня степень почетного доктора юридических наук Кембриджа. Мои занятия — антропология, которую я когда-то изучал в Южной Африке. Но антропология иногда имеет странные ответвления, которыми можно пользоваться и здесь.

— Тогда могу я спросить...

— Конечно, сэр. Мое призвание, если это свободно перевести с непроизносимого собственного названия, — «вынюхивающий ведьм».

Я все еще не мог понять.

— Но разве это не магия?

— И да, и нет. В Африке иерархия и категория этого дела несколько иные, чем на этом континенте. Я не считаюсь магом или колдовским доктором, я скорее противоядие.

Что-то заботило Джедсона.

— Доктор, — спросил он, — но ведь вы родом не из Южной Африки?

Вортингтон сделал жест перед своим лицом. Это лежало за пределами моего понимания, но Джедсон, видимо, понял.

— Да, вы правильно заметили, — сказал доктор. — Я родился в племени бушменов на юге Нижнего Конго.

— Оттуда? Это интересно. Вы, случайно, не нганга?

— Не случайно. — Он повернулся ко мне и вежливо объяснил: — Ваш друг спросил, не был ли я членом оккультного братства, широко распространенного в Африке, основная масса которого живет на моей родной территории. Его основатели назывались нганга.

Любопытство Джедсона не унималось.

— Мне кажется, доктор, что Вортингтон — имя для удобства, и у вас есть другое имя.

— Опять вы правы. Мое племенное имя... Вы хотите узнать его?

— Если вы не против.

— Вот. — И он произнес серию странных шелкающих и чмокающих звуков. — Или, в переводе на английский, — «Человек, Который Задает Неудобные Вопросы». Другое разумное значение — практикующий юрист, и это не буквальный перевод, потому что там включаются племенные функции. Но мне кажется, — продолжал он, дружелюбно улыбаясь, — что это имя больше подходит вам, нежели мне. Могу ли я отдать его вам?

Здесь произошло то, чего я не понял, кроме разве того, что это основано на каких-то африканских обычаях, полностью чуждых нашему образу мыслей. Я собирался посмеяться остроумию доктора, полагая, что он пошутил, но Джедсон ответил совершенно серьезно:

— Для меня великая честь принять его.

— И вы делаете мне честь, брат.

И с тех пор во время нашего сотрудничества с доктором Вортингтоном он неизменно называл Джедсона своим африканским именем, а Джедсон звал его брат или Рейс. Все их поведение по отношению друг к другу изменилось, словно передача имени и в самом деле сделала их братьями со всеми привилегиями и обязательствами родства.

— Я не оставил вас без имени, — добавил Джедсон. — У вас есть третье, настоящее имя.

— Да, конечно, — согласился Вортингтон. — Имя, которое мы не упоминаем.

— Естественно. Имя, которое не должно упоминаться. Значит, беремся за работу?

— Да. Давайте сделаем так, — доктор повернулся ко мне. — У вас здесь есть какое-нибудь помещение, где я мог бы подготовиться? Небольшое...

— Это подойдет? — Я открыл дверь в уборную и умывальную рядом с моим кабинетом.

— Отлично, спасибо, — сказал он, вошел туда вместе со своим портфелем и закрыл за собой дверь. Он пробыл там не менее десяти минут.

Джедсон, похоже, не был расположен разговаривать, но он посоветовал мне предупредить секретаршу, чтобы она нас не беспокоила и никого не впускала. Мы сидели и ждали.

Когда доктор вышел из туалета, я опять ошалел: городской доктор Вортингтон исчез — вместо него появился африканский персонаж выше шести футов ростом, стоящий на крепких черных ногах, его широченная выпуклая грудь была полна толстых гладких мышц из полированного обсидиана. Он был опоясан леопардовой шкурой, на талии висели какие-то приспособления, в частности, небольшой мешочек. Но меня поразило не его снаряжение и даже не его пропорции воина, а лицо. Веки были окрашены в белый цвет, такая же полоса отделяла волосы ото лба — но на это я едва обратил внимание, главное было — выражение: суровое, неумолимое, полное достоинства и силы, которые нельзя было не оценить. Его глаза были полны мудрости, далекой от моего понимания, в них не было жалости, одно только суровое правосудие, с которым я сам не посмел бы встретиться.

Мы, белые, в этой стране склонны недооценивать черных, потому что мы видим их вне их культурной матрицы. Мы знаем, что они имели собственную культуру, которой они лишились несколько поколений назад, и им силой была привита рабская псевдокультура. Но мы забываем, что их культура была древнее нашей и имела более глубокие корни, она была основана на характере и силе мысли, а не на дешевых эфемерных фокусах механических приспособлений. Но это суровая, жесткая культура без какой-либо сентиментальности по отношению к слабым и больным, и эта культура никогда полностью не умирала.

Я встал в невольном почтении, когда доктор вошел в комнату.

— Давайте начнем, — сказал он и присел на корточки. Он достал из мешочка собачий хвост, сморщенный черный предмет размером с мужской кулак и еще какие-то непонятные вещи. Хвост он закрепил на поясе, так что он болтался сзади. Затем он взял в руку что-то маленькое, завернутое в красный шелк, и сказал мне: — Не откроете ли вы свой сейф?

Я открыл. Он положил туда сверток, закрыл дверцу и повернул рукоятку. Я вопросительно взглянул на Джедсона.

— В этом свертке его... так сказать, дух... и он запирает его за холодным железом. Он не знает, с какой опасностью он может встретиться, — прошептал мне Джедсон. — Видишь?

Я взглянул. Доктор провел пальцем по пазам дверцы сейфа.

Затем он вернулся на середину комнаты, поднял сморщенный черный предмет и любовно обтер его.

— Это отец моей матери, — возвестил он. Я присмотрелся. Это была мумифицированная человеческая голова с остатками волос. — Он очень мудр, и мне понадобится его совет. Дедушка, это твой новый сын и его друг. — Джедсон поклонился, и я тоже. — Они просят нашей помощи.

Он заговорил с головой на своем языке, время от времени прислушиваясь, а затем отвечая. Один раз они как будто вступили в спор, но потом пришли к соглашению, потому что совещание скоро закончилось. Вортингтон замолчал и оглядел комнату. Его взгляд остановился на плетеной полочке от вентилятора, она была подвешена довольно высоко.

— Вот! — сказал он. — Прекрасно подойдет. Дедушке нужно высокое место для наблюдений. — И он поместил маленькую головку на полочку лицом к комнате.

Он снова вернулся на середину комнаты, встал на четвереньки и стал водить носом вокруг, как охотничья собака, берущая след. Он ходил взад и вперед, приносясь и поскуливая, — как есть собака, огорченная смесью следов. Хвост, привязанный к талии, встал торчком и дрожал, как живой. Походка и поведение доктора так убедительно имитировали собаку, что я только заморгал, когда он вдруг сел и объявил:

— Никогда еще не видел места, более загруженного следами магии. Я отчетливо видел магию миссис Дженнингс и вашу деловую магию, но и после их отделения воздух все еще забит. Видимо, у вас тут все танцует, и шабаш носится вокруг вас.

Он снова вернулся к собачьим манерам, не ожидая нашего ответа, и начал обыск чуть шире. Теперь он, видимо, зашел в тупик, потому что сел, посмотрел на головку, громко заскулил и стал ждаться.

Ответ похоже удовлетворил его. Он порывисто залаял и вытащил нижний ящик картотеки, действуя неуклюже, как будто у него и в самом деле были лапы, а не руки. Он порывился в ящике, выволок что-то оттуда и спрятал свою находку в мешочек. Затем он бодрой рысью обожегал комнату, тыкаясь носом во все углы, и закончил тем, что вернулся в центр комнаты.

— Сейчас здесь следует опасаться всего. Эта комната — центр их атаки, так что дедушка согласился остаться здесь и последить, пока я обяжу шнур вокруг вашего помещения, чтобы ведьмы не могли войти сюда.

Меня это слегка смутило. Я был уверен, что головка напугает мою секретаршу до потери разума, если он у нее есть. Я высказал это возможно дипломатичнее.

— Как насчет этого? — спросил он голову и прислушался. — Дедушка говорит, что все в порядке: он не позволит увидеть себя никому, с кем он незнаком.

Так оно и было: никто не видел дедушку, даже уборщица.

— А теперь, — продолжал доктор, — я хочу проверить рабочее место моего брата как можно скорее, я хочу обнюхать ваши квартиры и изолировать их от зла. А пока совет вам обоим: не давайте ничего от себя в чужие руки: срезанные ногти, волосы, слюну — все это уничтожайте либо в огне, либо в текучей воде. Это упростит вашу задачу. Я кончил. — Он встал и направился обратно в туалетную комнату.

Через несколько минут достойный ученый доктор Вортингтон сидел и курил с нами. Я поглядывал на головку его дедушки в полном убеждении, что этот повелитель джунглей и впрямь находится здесь.

Работа шла хорошо, и у меня больше не было несчастных случаев после того, как доктор очистил мое помещение. Я видел прибыль за квартал и снова начал чувствовать себя бодро. Получил письмо от Дитворта насчет требований Бидди, но выбросил его в туалет, не задумываясь.

Однажды днем ко мне пришел Фельдштейн, агент магов.

— Привет, Зейдкил! — сказал я, увидев его. — Как дела?

— Мистер Фрезер, из всех вопросов, что вы могли бы мне задать, это главный. — Он печально покачал головой. — Дела — ужас!

— Почему? — спросил я его. — Я вижу кучу признаков активности вокруг...

— Внешность обманчива, — сказал он, — особенно в моем деле. Скажите, вы слышали о концерне, который называет себя: «Магия. Инкорпорейтед»?

— Странно, — сказал я, — я впервые увидел это сейчас, просматривая полученную почту.

Я взял со стола не вскрытое письмо с обратным адресом: «Магия. Инкорпорейтед».

Фельдштейн опасливо взял его, словно письмо было ядовитым, и внимательно осмотрел.

— Именно это я и имел в виду, — сказал он. — Ворье!

— Что вас тревожит, Зейл?

— Они не дают человеку честно жить... Мистер Фрезер, — вдруг перебил он сам себя. — Вы не прекратите работать со старым другом, который всегда был честен с вами?

— Конечно нет, Зейл! Но в чем дело?

— Прочтите это. — Он протянул мне письмо.

Я вскрыл конверт. Бумага была хорошего качества, с водяными знаками, бланк был заполнен просто и с достоинством. Я взглянул на список комитета и сразу же почувствовал калибр людей, которые были там директорами, — все люди большие, за исключением двух-трех исполнителей, имен которых я не знал.

Само письмо было проспектом. В нем содержалась новая идея, ее можно было назвать поддержкой магов. Предлагались услуги по

всем видам магии. Клиенту не надо было никуда ходить, он может позвонить, сказать, что ему нужно, и компания выполнит все и пришлет счет. Все это выглядело достаточно прилично — всего лишь объединенное агентство. Я посмотрел ниже.

«Полная гарантия услуг, подкрепленная всем имуществом компании...»

Поразительно низкие стандартные гонорары оказались возможными благодаря централизованному управлению и отсутствию агентов-посредников... Благодарные отзывы членов великой профессии дают нам возможность предсказать, что "Магия. Инк." станет естественным источником и, вероятно, единственным источником настоящей профессиональной магии для компетентных магов любого направления...»

Я положил письмо.

— Так что вам до этого, Зейл? Это совсем другое агентство. А что касается их уверений — вы же сами говорили, что в вашем стойле все самые лучшие маги. Или вы не надеетесь, что вам поверят?

— Не вполне надеюсь, между нами говоря. Но это по-настоящему серьезно, мистер Фрезер. Они переманили большую часть моих лучших работников таким жалованьем и премиями, каких я не могу дать. И теперь они предлагают магию публике за плату, куда более низкую, чем брал я. Это разорение, поверьте мне!

Трудное дело. Фельдштейн был славным парнем, который как умел собирал никели для жены и пятерых большеглазых ребятишек, которым он был предан. Но я чувствовал, что он преувеличивает: он любил драматизировать.

— Не огорчайтесь, — сказал я. — Я буду держаться вас, и так же, я думаю, сделает большинство ваших клиентов. Это предприятие не может собрать всех магов, этот народ достаточно независим. Вот посмотрите на Дитворта — он пытается создать ассоциацию. Что же вышло?

— Дитворт... ах... — Он хотел плюнуть, но вспомнил, что находится в моем кабинете. — Эта компания и есть Дитворт!

— С чего вы взяли? Он же не числится в бланке.

— Я узнал. Вы думаете, что ему не повезло, потому что вы устояли? Была встреча директоров ассоциации — Дитворта и двух его секретарей, и были одобрены контракты с новой корпорацией. Затем Дитворт отказался от должности, а его марионетки выступили единым фронтом за бездоходную ассоциацию, и Дитворт стал работать в обеих компаниях. Видите? Если бы вы заглянули в книги «Магия. Инк.», то вы обнаружили бы, что он там имеет контрольный голос. Я знаю это!

— Маловероятно, — сказал я.

— Увидите! Дитворт со всей своей болтовней насчет бездоходных услуг ради улучшения стандартов не может, по-вашему, занимать место в «Магия. Инк.»? Позвоните и спросите его...

Я не ответил, но набрал номер, указанный на бланке. Девичий голос ответил:

— Доброе утро. «Магия. Инк.».

— Мистера Дитворта, пожалуйста.

Она довольно долго молчала, а потом спросила:

— Кто его просит?

Настала моя очередь помолчать. Я не хотел говорить с Дитвортом, я хотел только установить факт его присутствия там. В конце концов я сказал:

— Скажите ему, что это из конторы доктора Бидди.

Она ответила довольно быстро, но с некоторым удивлением:

— Но ведь мистера Дитворта сейчас нет, он полчаса тому назад отправился в контору мистера Бидди. Разве он еще не приехал?

— О, — сказал я, — возможно, он у шефа, а я не видел, как он прибыл. Извините, вы правы, — сказал я и повесил трубку. — Да, вы правы, — обратился я к Фельдштейну.

Он был слишком огорчен, чтобы порадоваться этому.

— Я хотел бы, — ответил он, — чтобы вы позавтракали со мной. Мы сможем поговорить обо всем этом.

— Я как раз собираюсь на официальный завтрак в Торговой палате. Пошли, поговорим по дороге. Вы ведь тоже ее член.

— Идет, — скорбно согласился он. — Может, скоро я не смогу себе этого позволить.

Мы немного опоздали, и нам пришлось сесть в разных местах. Казначей тряс перед моим носом «котенка» и «крутил ему хвост», он хотел взять с меня десять центов штрафа за опоздание. «Котенок» — это обыкновенная сковородка с велосипедными звонками на ручке. Мы все платим штрафы немедленно — это благо для казны и источник невинного развлечения. Казначей трясет сковородку, и звонок позвякивает до тех пор, пока не уплатят. Я поспешил достать дайм и бросил его в сковородку. Стив Харрис, имеющий автомобильное агентство, завопил:

— Правильно! Пусть шотландец платит!

— Десять центов за беспорядок! — возвестил наш председатель Норман Сомертес.

Казначей зазвонил над Стивом. Я услышал, как монета звякнула о сковородку, но звонок зазвонил снова.

— В чем дело? — спросил Сомертес.

— Опять шуточки Стива, — устало ответил казначей. — Стив бросил фальшивую монету, которую ему сделал кто-то из магов. Естественно, она расплавилась, ударившись о холодное железо.

— За обман — вдвое, — решил Сомертес, — но затем надеть ему наручники и позвонить прокурору США.

Стив был фигурой, но он не мог воздействовать на Нормана.

— Не могу ли я сначала покончить с завтраком? — спросил он притворно жалобным тоном. Норман игнорировал его вопрос, и Стив заплатил.

— Шуты, Стив, пока можешь, — прокомментировал Эд Донахью. — Вот подпишешь договор с «Магией. Инк.» и откажешься играть шуточки с магией.

Я прислушался.

— Кто сказал, что я собираюсь подписывать его?

— А как же? Конечно, подпишешь. Это логично. Ты же не дурак.

— Почему именно я?

— Как почему? Веление прогресса, мой друг. Возьми мое дело: я держу самую модную линию — изготовление исчезающих десертов на всех пищевых точках города. Ты сможешь съесть три десерта, если хочешь, но не почувствуешь сытости и не прибавишь в весе ни унции. Я потерял на этом, но держу для рекламы, потому что этот способ привлекает женскую клиентуру. Так вот, «Магия. Инк.» предложила мне то же самое, но по такой цене, что я могу даже заработать на этом. Конечно, я подписал договор.

— А что если они поднимут цену, когда переманят или, лишив работы, выживут всех магов из города?

Донахью раздражающе самодовольно рассмеялся.

— У меня контракт!

— Да? Надолго ли? А ты читал аннулирующую оговорку?

Донахью, может, и не знал, что имеет в виду Харрис, но мне это было понятно, я сам погорел на этом. Лет пять назад в городе появилась портлендская цементная фирма и стала скупать весь цемент у мелких торговцев, снизив этим цены у остальных. Они довели шестидесятицентový цемент до тридцати пяти центов за мешок и разбили конкурентов, а затем выбросили его небольшими партиями, пока он не дошел до доллара тридцати пяти центов. Парни потерпели поражение раньше, чем поняли, что произошло.

На этом мы закончили разговор из-за гостя-оратора, старого В. Д. Тимкина. Он говорил о «Корпорации и сервисе». И хотя он был не бог весть какой оратор, но он сказал несколько очень впечатляющих вещей насчет того, как бизнесмены могут служить обществу и помогать друг другу. Я принял это к сведению.

Когда аплодисменты смолкли, Норман Сомертес поблагодарил В. Д. и сказал:

— На сегодня все, джентльмены, если нет чего-либо нового.

Джедсон встал. Я сидел спиной к нему и не знал, что он здесь.

— Мистер председатель, я думаю, что есть одно очень важное дело. Прошу разрешения на неофициальный разговор.

— Конечно, Джо, — сказал председатель. — Если это что-то важное.

— Спасибо. Это, в сущности, продолжение дискуссии между Эдом Донахью и Стивом Харрисом. Я думаю, главная перемена в деловых условиях вошла в этот город прямо под нашим носом, а мы и не заметили ее, разве что она касалась нашего собственного бизнеса. Я в торговле обращаюсь к коммерческой магии. Кто еще из вас пользуется магией? Поднимите руки.

Подняли все, кроме двух адвокатов. Лично я всегда считал, что они сами маги.

— О'кей, — продолжал Дждсон, — опустите. Мы знаем, что ею пользуются все. Я применяю ее в текстиле. Ник Меннинг, присутствующий здесь, ничем, кроме нее, не пользуется для очистки и давления, да, вероятно, и для других видов работ. Магазин Вилли Хайта пользуется магией для сборки и окончательной отделки мебели. Стен Робертсон скажет вам, что блестящие стекла витрин «Дешевой распродажи» прикрепляются чарами, так же как и две трети товаров в его магазине, особенно в отделе детских игрушек. Теперь я задаю вам другой вопрос: бывали случаи, когда расходы на магию превышали вашу прибыль? Подумайте, прежде чем ответить. — Он подождал. — Ну, поднимите руки.

Поднялось почти столько же рук.

— В этом корень всего дела. Мы привыкли опираться на магию в бизнесе. И если кто-нибудь зажмет магию во всей округе, мы окажемся в зависимости у них. Нам придется платить любую цену, какую они запросят, и либо увеличивать стоимость наших услуг и товаров, чтобы сохранить прибыль, либо прекратить работу.

— Минуточку, Джо, — прервал его председатель. — Допустим, что все, что вы сказали, правда, да, наверное, так оно и есть. Но у вас есть причины считать, что мы поставлены перед чем-то особо значительным в этом деле?

— Да, есть, — очень серьезно ответил Джо. — Большей частью мелкие причины, но они убеждают меня, что кто-то тайно собирается уничтожить торговлю. — Джо вкратце передал историю Дитворта организовать магов и их клиентов в ассоциацию, повысить профессиональные стандарты, и как рядом с этой бесприбыльной ассоциацией возникла солидная корпорация, которая вот-вот станет монополией.

— Постой, Джо, — сказал Эд Пермели, занимающийся мелким ремонтом, — я думаю, что такая ассоциация — дело неплохое. Мне угрожала какая-то крыса и пыталась запугать меня, чтобы я позволил ей подбирать мне магов. Я обсудил это с ассоциацией, она занялась ими, и никаких неприятностей больше у меня не было. Я думаю, что организация, могущая укротить рэкетиоров, — очень хорошая штука.

— Значит, ты подписал договор с ассоциацией, чтобы она тебе помогала?

— Ну да, это же самое разумное...

— Не думешь ли ты, что этот твой гангстер этого и добивался?

— Ну, уж это притянуто за уши.

— Не скажу, что это все объясняет, но определенная вероятность есть. Не в первый раз монополисты пользуются наемными бандитами, чтобы левой рукой взять насильно то, что не могут взять правой. Я хотел бы знать, у кого-нибудь из вас был подобный случай?

Оказалось, что у некоторых был. Я видел, что они задумались.

Один из адвокатов задал вопрос официально, через председателя:

— Мистер председатель, нельзя ли ненадолго перейти от ассоциации к «Магия. Инк.»? Является ли эта корпорация чем-то большим, чем союз магов? Они же имеют право организовать союз.

— Вы можете ответить на это, Джо? — спросил председатель.

— Конечно. Это вовсе не союз. Это параллель ситуации, когда все плотники наняты одним подрядчиком, и вы или имеете дело с этим подрядчиком, или вообще не строите.

— Тогда это простейший вид монополии. Продолжайте.

— Я думаю, вы сами увидите, что это монополия. Обратил ли кто-нибудь внимание на то, что на сегодняшнем завтраке нет ни одного мага?

Мы огляделись. Джо был прав.

— Я думаю, — добавил он, — что в дальнейшем вы увидите здесь магов, представляющих каких-нибудь администраторов «Магия. Инк.». Благодарю за возможность продолжать. — Он достал из кармана сложенную газету. — Кто-нибудь обратил внимание на правительственное сообщение о специальной сессии законодательного органа штата?

Эд Донахью презрительно заметил, что он слишком занят и не собирается тратить время на политическую игру. Он умышленно подкапывался под Джо, так как все знали, что Джо комитетчик и тратит кучу времени на гражданские дела. Подкоп, видимо, задел Джо за живое, потому что он сказал с жалостью:

— Эд, для тебя чертовски хорошо, что кто-то тратит время на управление, иначе ты в одно прекрасное утро обнаружил бы, что возле твоего дома украли тротуар.

Председатель призвал их к порядку. Джо извинился. Донахью пробурчал что-то насчет того, что вся политическая деятельность грязная и все, связанное с нею, идет по нечестному пути. Я потянулся к подносу и сбил стакан с водой. Вода облила колени Донахью и отвлекла его. Джо мог продолжать.

— Конечно, мы знаем, что специальная сессия созывается по разным причинам, но когда опубликовали повестку дня, я заметил спрятанный на самом конце вопрос: «Урегулирование волшебства». Я не мог поверить, что у специальной сессии могут быть какие-то причины заниматься таким делом. Значит, что-то произошло. Я позвонил в конгресс штата своей приятельнице, члену комитета. Она ничего об этом не знала, но обещала выяснить и позвонить мне. Вот что она узнала. Вопрос был включен в повестку дня по требованию некоторых сторонников правительственных компаний, сам по себе он не представляет особого интереса. Никто, кажется, не знает, в чем дело, но один билль уже брошен в хоппер. Он представлен только заголовком, мы не узнаем о его содержании, пока он не попадет в комитет. А заголовок такой: «Билль об установлении профессиональных стандартов для волшебников, о регулировании практики

профессионального волшебства, о назначении комиссии по экзаменам, лицензиям...» и так далее. Как видите, это омнибус, в котором они повесят все законы, касающиеся магии, включая ограниченные права, если пожелают.

Все молчали. Наверное, поворачивали свои мозги на незнакомый предмет — политику. Потом кто-то сказал:

— А что, по-вашему, мы можем сделать?

— Ну, — ответил Джо, — мы хотя бы должны иметь своего представителя в конгрессе, чтобы он защищал нас от клинча. Кроме того, мы должны представить собственный билль, если в том есть какие-либо фокусы, и выторговать самый лучший компромисс, какой удастся. По крайней мере, мы добьемся поправки, могущей оказаться самыми настоящими зубами в антитрестовских действиях штата в том, что касается магии.

— А почему Торговая палата штата не может устроить это для нас? У нее законная контора.

— Конечно, у них есть люди, оказывающие давление на членов конгресса, но вы отлично знаете, что Палате штата на нас плевать, мелких бизнесменов. Мы не можем надеяться на нее и должны бороться сами.

Джо сел, и начался полный тарарам. У каждого были идеи на этот счет, и все говорили разом. Но стало ясно, что общего согласия нет, поэтому председатель закрыл собрание и объявил, что те, кто хочет послать представителя в конгресс, могут остаться. Некоторые твердолобые, вроде Донахью, ушли, а остальные остались. Было предложено, чтобы представителем был Джо, и он согласился.

Фельдштейн встал и со слезами на глазах произнес речь. Сначала он блуждал без толку, но наконец высказался, что Джемсону понадобятся большие расходные фонды, чтобы добиться успеха в конгрессе, а также для компенсации его издержек и потери времени. Он удивил нас, вытащив пачку банкнот на сумму тысячу долларов, и тряс ею перед Джемсоном.

Этот искренний порыв заставил его стать с общего согласия казначеем, и подписи были собраны очень быстро. Я сдержал свою природную импульсивность и выложил столько же, сколько и Фельдштейн. Наверное, он потом чуточку остыл, потому что советовал Джо быть экономным и не тратить зря на ликеры для «всяких растяп в конгрессе».

Джемсон покачал головой и сказал, что, поскольку он намерен сам оплачивать свои расходы, у него должны быть развязаны руки, особенно в отношении угощений. Осталось слишком мало времени, чтобы взывать к благоразумию и бескорыстному патриотизму болванов, у которых собственного мнения не больше, чем у ветряной мельницы, и некоторые рады голосовать за любого, с кем пили.

Кто-то сделал возмущенное замечание насчет взяточничества.

— Я не намерен давать взятки, — ответил Джемсон. — Если бы дело зависело от взяток, мы бы с этого и начали. Я молюсь, чтобы

там было достаточное количество не связанных обещанием голосов, с которыми можно провести небольшую убедительную беседу и осторожно припугнуть их.

Он выбрал собственный путь, но я не мог согласиться про себя с Фельдштейном. В дальнейшем я решил уделять чуть больше времени политике: я ведь даже не знал имени нашего губернатора, и откуда мне знать, порядочный он человек или дешевый оппортунист?

И вот Джедсон, Води и я оказались в поезде на пути к столице штата. Води поехал потому, что Джедсон хотел иметь с собой первоклассного мага в качестве охотничьей собаки. Он сказал, что не знает, как обернется дело. Я поехал по собственному желанию: я никогда не был в Капитолии, разве что проезжал мимо, и мне было интересно посмотреть, как делается законодательная работа.

Джедсон пошел прямо в кабинет Секретаря штата зарегистрироваться, как лоббист, в то время как я и Джек Води принесли наш багаж в отель «Конституция» и заказали комнаты. Миссис Логан, приятельница Джо по комитету, появилась, прежде чем мы ушли.

В поезде Джо рассказал нам о Салли Логан. У него, похоже, было ощущение, что она умна, как Маккиавелли, и великодушна и прямо, как Оливер Уиндел Холмс. Я был удивлен его энтузиазмом, потому что часто слышал, как он ворчал насчет участия женщин в политике.

— Ты не понял, Арчи, — пояснил он. — Салли не женщина-политик, она просто политик и не просит никаких скидок на свой пол. Она может встать и обменяться кулачными ударами с самым несговорчивым деятелем из верхушки. То, что я говорил о женщинах-политиках, — истинная правда, как статистическое обобщение, но это не относится к некоторым особым женщинам. Дело в том, что у большинства женщин в США недальновидный крестьянский индивидуализм, происходящий от сотворенной мужчинами романтической традиции прошлого века. Их уверяли, что они высшие создания и гораздо ближе к ангелам, чем их мужья. Их не заставляли думать о социальной ответственности. В таких условиях сломается и сильный ум, а у большей части — что у женщин, что у мужчин — мозг просто не развивается. Следовательно, женщины как избиратели обычно склонны к романтическому вздору. Их еще легче, чем мужчин, уговорить на злоупотребления правом голоса. В политике их фарисейское чувство добродетели в соединении с основными понятиями дает представление ущербности, слабой развитости. Но Салли не такая. У нее крепкий мозг, который легко отбросит обман.

— У тебя с нею любовь?

— Что ты! Салли счастлива с мужем и двумя самыми лучшими ребяташками, каких я знаю.

— Кто ее муж?

— Юрист. Сторонник губернатора. Салли начала политическую деятельность с проталкивания своего мужа в избирательной кампании.

— Каково ее официальное положение здесь?

— Никакого. Правая рука губернатора. В этом ее сила. Салли никогда не занимается патронажной работой, и ей не платят за ее услуги.

После этого описания я боялся встретиться с таким алмазом. Когда она позвонила мне в номер, я хотел было сказать, что спущусь в холл, но она сообщила, что поднимется сюда, и повесила трубку. Я немного испугался неофициальности, но потом понял, что политика рассматривает номер отеля не как спальню, а как деловую контору.

Она вошла и сказала:

— Вы Арчи Фрезер, не так ли? Я Салли Логан. А где Джо?

— Он скоро придет. Присядьте и подождите, пожалуйста.

— Спасибо. — Она плюхнулась в кресло, сняла шляпу и тряхнула волосами. А я рассматривал ее.

Я бессознательно предполагал увидеть нечто весьма основательное, этакую мужеподобную матрону, а увидел молодую, пухленькую, приятную для глаз блондинку с растрепанной массой желтых волос и искренними голубыми глазами. Она была очень женственной, по виду не старше тридцати, и было в ней что-то бесконечно успокаивающее. Она наводила на мысль о местных ярмарках, чистой воде и сахарных булочках.

— Боюсь, что дело будет трудным, — начала она. — Я сначала не думала, но некто, имеющий солидный блок, принес в Ассамблею Билль-22 — тот самый билль, о котором я говорила Джо. Что вы планируете, мальчики: вести честную борьбу до конца или принять суррогат билля?

Джедсон составил честно-практический акт с помощью некоторых наших друзей из Нижнего Мира и пары юристов. Я спросил ее, хочет ли она посмотреть его?

— С удовольствием. Я была в типографии штата и взяла несколько копий билля, против которого вы выступаете. Мы обменяемся.

Я пытался перевести чужой язык юристов, на котором они пишут законодательные акты, когда пришел Джедсон. Он, ничего не говоря, потрепал Салли по щеке, а она схватила его за руку и потянула читать. Он начал читать через мое плечо. Я встал и отдал ему копию билля.

— Что ты об этом думаешь, Джо? — спросила Салли.

— Хуже, чем я предполагал, — ответил он. — Взять, например, параграф семь...

— Я еще не читала его.

— Да? Ну, во-первых, он гласит, что ассоциация полубобщест-

венный орган, вроде ассоциации баров, и разрешает ей начать действия еще до заседания комиссии. Это означает, что каждому магу лучше быть на глазах ассоциации Дитворта и заботиться, чтобы не оскорбить ее.

— Но это же незаконно! — сказал я. — Вроде бы нарушение конституционных прав — частная ассоциация и...

— Прецедентов полно, сынок. К примеру, корпорация по устройству всемирных выставок. Они признают установленную плату и даже голосуют за нее. А что касается неконституционности, то ясно, что закон применяется неодинаково, то так, то этак, но доказать это чертовски трудно.

— Но маг получит возможность быть выслушанным комиссией?

— Конечно, но тут есть загвоздка. Комиссия имеет широкую, почти неограниченную власть над всем, что связано с магией. Законопроект набит фразами вроде «разумно и честно», это имеет неопределенные границы, а их ничто, кроме здравого смысла и порядочности членов комиссии, не определяет. В том и суть моих возражений в комиссиях правительства, что закон никогда не применяется одинаково. У них есть право издавать приказы, а их слово — закон. В комиссии есть девять членов, предусмотренных на такой случай. Шестеро из них, я думаю, дипломированные маги первого класса. Вряд ли нужно говорить, что несколько неразумных назначений в комиссию превратило это в крепкую самосохраняющуюся олигархию благодаря ее власти на выдачу лицензий.

Салли и Джо пошли повидаться с законодателями, которые, как они думали, могли бы постоять за наш билль, а меня подбросили к зданию парламента. Я хотел послушать кое-какие дебаты.

Я с теплым чувством поднялся по ступенькам здания. Старое, безобразное каменное строение, казалось, имело в себе нечто от стойкого характера американского народа, от решимости свободных людей устраивать собственные дела. Наша текущая проблема выглядела здесь вовсе не такой уж важной, хотя и имеющей ценность, — просто один пример долгой истории общих проблем самоуправления.

Я решил идти в Ассамблею, а не в Сенат, так как Салли сказала, что в Ассамблее обычно более яркий показ. Когда я вошел в зал, там спорили о резолюции по расследованию случая, имевшего место в прошлом месяце, когда трех сельскохозяйственных рабочих вываляли в дегте и перьях. Салли говорила, что это у них по календарному плану на сегодня, но что это не займет много времени, потому что сторонники резолюции и сами не хотят ее. Однако центральный совет сельскохозяйственных рабочих просил об этом, и поддерживающие его члены не могли отказать ему.

Причина, по которой оттягивалась просьба о расследовании, состояла в том, что те рабочие были не людьми, а мандраками, о чем Совет штата не знал, когда просил о расследовании. Поскольку изготовление мандраков есть чернейший вид черной магии и

абсолютно незаконен, то нужен был какой-то способ потихоньку прекратить это дело. Использование мандраков всегда встречало противодействие организованных сельскохозяйственных рабочих, потому что мандраки вытеснили человека. По той же причине противились синтетическим рублям и гомункулам. Хорошо известно, что союз столь же не одобряет использование мандраков, миндрагоров и дублей, кроме тех случаев, когда они нужны для целей союза, — пикетчики, подавляющие группы и так далее. Я думаю, они считают оправданной борьбу с огнем. Гомункулы не используются в этих целях, так как они слишком малы, чтобы сойти за людей.

Если бы Салли не натаскивала меня, я бы так и не понял, что случилось. Каждый из членов вставал и в решительных выражениях требовал расследования. Когда все они выговорились, кто-то предложил отложить дело до Большого жюри графства, и все быстро проголосовали за это.

Повестка дня продолжалась. Кто-то сел рядом со мной. Я оглянулся. Это был Джо.

— Не вышло, Арчи, — спокойно сказал он.

— Ну?

— Коренник его партии вынес на рассмотрение тот билль, чтобы угодить определенному блоку избирателей.

Мы вышли, чтобы не мешать дебатам. Я спросил Джо, как случилось, что он так скоро вернулся.

— А он и не касался нашего билля. Сказал, что не может позволить себе идти против ассоциации.

— Значит, все кончено?

— Отнюдь. Мы с Салли сходим к другому сразу после ленча. Сейчас он занят.

Мы пошли в ресторан, где Джо договорился встретиться с Салли. Джо заказал ленч, а я — две банки пива и велел подать их невскрытыми. Я не люблю быть даже слегка под хмельком, хотя выпить не против. Был случай, когда я заплатил за обработанную магом выпивку, а вместо нее получил опьяняющую. Так что давайте невскрытые банки.

Я сидел, глядя в стакан, и думал о том, что сегодня слышал, в частности, насчет предложения запретить всю магию вообще. Чем больше я думал, тем лучше выглядело это предложение. В прежние дни все в стране было хорошо до того, как магия стала популярной и распространилась на торговлю. Во многих случаях это помеха, даже если оставить в стороне наши тепершние неприятности с рэкетирами и монополистами. Я поделился своими предположениями с Джо, но он не согласился. По его мнению, запрет никогда не срабатывает всюду. Все, что можно поставить и чего желают люди, будет поставлено, законно или незаконно. Запрет магии просто приведет к нечестным путям и к черной магии.

— Я вижу отрицательные стороны магии, как и ты, —

продолжал он — но это вроде огнестрельного оружия. Ясно, что ружье дает возможность любому совершить убийство и удрать. Но уж раз оно изобретено — убытка не миновать. Единственное, что можно сделать, — это попытаться овладеть им. Но типы, вроде Салливена, не будут тайно носить оружие, чтобы воспользоваться им, они просто возьмут его из рук честных людей. То же самое и с магией. Если ты ее запретишь, ты отнимешь у порядочных людей огромные блага, извлеченные из знаний великой тайны законов, а скверные, вредные тайны, скрывающиеся в черных и красных колдовских книгах, будут тайно продаваться любому, кто согласится платить и не уважает закон. Я не думаю, что, скажем, между 1750-м и 1950-м годами черная магия практиковалась меньше, чем теперь. Возьми, например, Пенсильванию и Юг. Но сейчас мы получаем пользу и от белой магии.

Подошла Салли.

— Я, — сказала она со вздохом облегчения, — нашла путь в кулуарах. «Третий дом» там явно в полном составе. Я никогда не видела их в таком количестве, особенно женщин.

— Какой «третий дом»? — спросил я.

— Она имеет в виду лоббистов, — объяснил Джо. — Да, я обратил на них внимание. Бьюсь об заклад, что две трети из них — синтетические.

— Ты уверен, Джо? — спросила Салли.

— Не вполне. Но Води согласен со мной. Он говорит, что женщины почти все мандраки или еще какие-то андроиды. Настоящие женщины никогда не бывают так безупречно красивы и так послушны. Я послал его проверить это.

— Каким образом?

— Он сказал, что может определить работу большинства магов, способных на этот высокий уровень. Возможно, мы докажем, что все эти андроиды изготовлены «Магия. Инк.», хотя я и не уверен, что это нам поможет. Води отметил нескольких зомби, — добавил он.

— Не может быть! — вскричала Салли, сморщив нос. — Странные вкусы у некоторых.

Они заговорили о политических аспектах, в которых я ничего не понимал, и Салли за это время проглотила весьма солидный ленч, увенчанный мороженым с ломтиком кекса. Но я заметил, что она заказывала из левой стороны меню, где калории исчезали, как алкоголь из моего пива.

Пока они разговаривали, я раздумывал над ситуацией. Когда законопроект попадает в законодательные органы, его первым делом передают на рассмотрение комитету для слушания. Билль Дитворта, АБ-22, был передан комитету Профессиональных Стандартов. Через Сенат этот билль передается помощникам губернатора, а председателем Сената — в комитет Индустриальной Практики.

Нашим неотложным делом было найти поручителя для нашего билля, если возможно, по одному от каждого «дома» и предпочти-

тельно из тех, кто был членом соответствующего комитета. Все это нужно было сделать до того, как билья Дитворта пойдет на слушание.

Я пошел с ними к их возможному второму поручителю. Он был не из Профессиональных Стандартов, а из комитета Путей и Средств, и это означало, что он имеет немалый вес в любом комитете. Это был приятный парень по имени Лютер Б. Спенс. Я видел, что его смутила просьба Салли. И им повезло с ним не больше, чем с первым. Он сказал, что у него нет времени бороться за наш билья, поскольку он сейчас замещает заболевшего председателя своего комитета.

Салли решительно прервала его.

— Видишь ли, Лютер, когда ты в свое время нуждался в поддержке, ты получил ее от меня. Я терпеть не могу напоминать человеку о его долгах, но ты вспомни дело о вакансии в Комиссии охоты и рыболовства в прошлом году. А теперь я жду от тебя действий, а не извинений.

Спенс был явно смущен.

— Ну, Салли, пожалуйста, не сердись. Ты взъерошилась из-за пустяков. Ты же знаешь, я всегда готов сделать для тебя все, что могу, но это дело тебе, в сущности, вовсе не нужно, а я должен буду пренебречь такими вещами, которыми не могу пренебрегать.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что мне это не нужно?

— Я имею в виду, что тебе нечего печалиться о АБ-22, это предрешенный билья.

Позднее Джо объяснил мне это выражение. Предрешенный билья — это билья, введенный из тактических соображений. Поручители никогда не пытаются ввести его в закон, а просто пользуются им, выторговывая что-то. Вроде «запрашивают» в сделках.

— Ты в этом уверен?

— Ну, я так думаю, — ответил Спенс. — Говорили что-то насчет другого билля, в котором нет таких «жучков», как в этом.

Когда мы вышли из кабинета Спенса, Джо сказал:

— Салли, я надеюсь, что Спенс прав, но только я не доверяю намерениям Дитворта. Индустрия почему-то поддерживает его, это я знаю.

— Лютер обычно имеет точную информацию, Джо.

— Да, не сомневаюсь, но ведь это не совсем по его линии. Как бы то ни было, спасибо, девочка. Ты сделала, что могла.

— Звони мне, если еще что-нибудь понадобится, Джо. И приходи к нам обедать, пока не уехал, ты давно не видел Билла и ребяташек.

— Спасибо.

Джо оставил бесплодные попытки провести наш билья и сконцентрировал внимание на комитетах, поддерживающих билья Дитворта. Он должен был пойти в четыре часа на коктейль-парти, и вернулся в отель в три часа утра с затуманенными глазами и с сообщением. Он разбудил меня и торжественно объявил:

— Дело в шляпе, Арчи!

— Ты убил тот билль?

— Не совсем так. Я не мог бы этого устроить. Но он, вероятно, выйдет из комитета настолько исправленным, что будет неудивительно, если он вообще провалится. Более того, в каждом комитете будут внесены свои поправки.

— Ну и что из этого?

— Это значит, что даже если он пройдет в перспективном «доме», он должен пройти на конференции комитета через разные железные преграды, а затем вернуться для окончательного утверждения каждой палатой. А шансы на это в короткой сессии ничтожны. Так что билль сдох.

Предсказания Джо оправдались. Билль вернулся из комитета с рекомендацией «утвердить» в субботу вечером. Конгресс закрывался за сорок восемь часов до того, как администрация разрешит первое и второе чтение «полагающегося» билля. Иначе говоря, официально это будет только в четверг. Может, это звучит глупо, но я сказал, что перед концом сессии все законодательные учреждения в стране делают именно так.

Главное в том, что в четверг или в субботу сессия иногда переносится на ночь. Я следил, как билль Дитворта поступил в Ассамблею. Он прошел без дебатов, в исправленном виде. Я облегченно вздохнул. Около полуночи ко мне подошел Джо и сообщил, что то же самое произошло в Сенате. Салли была на страже в конференц-зале комитета, чтобы удостовериться в «смерти» билля.

Мы с Джо остались в нашей перспективной палате. Вероятно, этого не требовалось, но зато вселило в нас чувство облегчения. Около двух часов ночи пришел Води и сказал, что Салли ждет нас за дверями конференц-зала. Я сразу забеспокоился.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, — успокоил меня Джо, когда мы вышли. — Все о'кей, Арчи. Салли присутствовала там, когда комитет был отложен на неопределенный срок, не успев проработать этот билль. Все прекрасно — мы победили!

Мы отправились в бар на другой стороне улицы, чтобы выпить на радостях.

Несмотря на поздний час, бар был порядком набит. Лоббисты, местные политики, атташе, рой сторонников разных лагерей, заполнявшие здание парламента, пока шли заседания, — все они бродили вокруг, а многие засели в баре, как в самом подходящем месте, где можно было ждать известий об отсрочке.

Нам повезло, что мы нашли стул для Салли, а сами столпились вокруг нее, пытаясь обратить на себя внимание перегруженного работой бармена. Нам удалось сделать заказ, и как раз в это время молодой человек похлопал по плечу клиента, сидевшего рядом с Салли. Тот немедленно встал и вышел. Я толкнул локтем Води — взять стул. Салли повернулась к Джо.

— Ну, скоро будет много свободных мест. Пришли армейские сержанты. — Она кивнула на молодого человека, который повторил свои действия дальше по линии.

— Что это значит? — спросил я.

— Это значит, что они сбежали перед последним голосованием за тот законопроект, которого ждут. Они отправились «позвонить домой», и спикер приказал сержанту послать своих людей арестовать отсутствующих.

— Как это — арестовать? — удивился я.

— Только технически. Видишь ли, Арчи, Ассамблея должна была ждать, пока Сенат кончит с их биллем, и большая часть членов разбрелась кто куда. А теперь надо голосовать, вот их и возвращают.

Толстый мужчина сел неподалеку от нас. Салли сказала:

— Привет, Дон.

Тот вынул сигару изо рта.

— Как дела, Салли? Что нового? Я ведь думал, что ты интересуешься этим биллем насчет магии.

Мы насторожились.

— Да, — сказала Салли. — А в чем дело?

— Ну, тогда тебе лучше идти туда. Там решили голосовать за него сразу же. Ты не обратила внимания на «позвонить домой»?

Мы, наверное, побили все рекорды, когда мчались через улицу. Салли лидировала, несмотря на свою полноту. Я спросил Джо, как такое могло случиться, но он бросил:

— Не знаю, парень. Увидим!

Нам удалось найти место в главном ряду за барьером. Салли подозвала знакомого служителя и послала его к столу секретаря за копией ожидаемого решения. Перед барьером группами собрались члены Ассамблеи. Вокруг стола руководителя партийной фракции сгрудилась плотная толпа депутатов, у стола лидера оппозиции толпа была поменьше.

Служитель принес копию билля. Это был последний из «нужных» биллей, ради которых была созвана сессия, — «Проект мелиорации средних графств», но к нему был подклеен билль Дитворта в своей первоначальной, самой проклятушей форме!

Он был добавлен, как поправка Сената, вероятно, в виде уступки марионеткам Дитворта, чтобы получить взамен их голоса и тем самым добиться нужного перевеса в две трети голосов для того билля, к которому он был подклеен.

Почти сразу же началось голосование. Было совершенно ясно, что лидер фракции получит свои две трети голосов и билль пройдет. Когда секретарь объявил об этом, лидер оппозиции предложил закрыть заседание «на неопределенный срок что было принято единогласно.

Стук молотка спикера вывел нас из столбняка, и мы поплелись прочь.

Поздним утром мы повидались с губернатором. Это свидание, с трудом втиснутое в переполненную повестку дня, было всего лишь уступкой Салли и лишний раз доказывало, как высоко ценят ее в Капитолии. Губернатор вовсе не хотел нас видеть и не имел для этого времени. Однако он тепло приветствовал Салли и терпеливо выслушал все то, что Джедсон объяснил ему в нескольких словах, почему мы считаем, что на комбинацию билля Дитворта с другим должно быть наложено вето.

Обстоятельства не благоприятствовали нам: дважды губернатора отвлекали телефонные звонки — один от главы финансов, а другой из Вашингтона. Вошел его личный секретарь и положил ему под нос меморандум, на который старик сначала печально глянул, затем нацарапал что-то и отдал обратно. Я бы сказал, что его внимание все время отвлекалось после ухода секретаря.

Когда Джо замолчал, губернатор взглянул на свой блокнот с выражением глубокой усталости и сказал:

— Нет, мистер Джедсон, я не могу выполнить вашу просьбу. Я, как и вы, сожалею, что это дело с регулированием магии оказалось связанным с совершенно другим, но я не могу наложить вето на одну часть, подписывая другую, даже если законопроект включает в себя два абсолютно разных предмета. Я ценю работу, которую вы провели, помогая избранию моей администрации, — сие, конечно, относилось к Салли, — и хотел бы прийти к соглашению, но проект мелиорации... я работал над ним перед своим избранием. Я уверен, что через него большая часть отсталых областей нашего штата решит свои экономические проблемы без дальнейших общественных дотаций. Если бы я думал, что изменения относительно магии и в самом деле нанесут вред штату... — Он сделал паузу. — Но я этого не думаю. Когда миссис Логан звонила мне, мой законодательный совет анализировал билль. Я согласен, что билль не так уж нужен, но он, похоже, добавляет просто чуть больше бюрократизма. Это, конечно, нехорошо, но ведь его полно и в любом другом деле, так что небольшое увеличение этого бюрократизма ничего не сможет изменить.

Я ввязался в разговор, возможно, резко, но был уж слишком взвинчен:

— Но, ваше превосходительство, если бы вы нашли время рассмотреть это дело в деталях, вы увидели бы, какой убыток оно принесет.

Я бы не удивился, если бы он разозлился, но он только указал на кучу бумаг.

— Мистер Фрезер, здесь пятьдесят восемь биллей, утвержденных на этой сессии. Во всех них есть какие-то дефекты. И они жизненно важны для всех или части людей штата. Некоторые из этих биллей длиной в добрую повесть. За девять дней я должен решить, какие из них станут законом, а какие должны ждать

рассмотрения на следующей сессии. За эти девять дней ко мне придет по крайней мере тысяча человек по поводу этих биллей...

Его помощник просунул голову в дверь.

— Двенадцать двадцать, шеф. Нам пора идти.

Губернатор рассеянно кивнул и встал.

— Вы извините меня. Меня ждут на официальном завтраке. — Он повернулся к помощнику, достававшему из шкафа шляпу и перчатки. — Речь с вами, Джим?

— Конечно, сэр.

— Минуточку, — прервала его Салли. — Вы взяли свое укрепляющее?

— Еще нет.

— Без укрепляющего вы с одного из таких завтраков не выйдете! — Она нырнула в его личную умывальную комнату и вернулась с аптечной бутылочкой. Мы с Джо поспешно откланялись.

Выйдя, я принялся окуривать Джо рассуждениями о том, как мы бегаем по кругу, и сделал несколько замечаний по поводу болванов, компрометирующих политику, но Джо оборвал меня.

— Заткнись, Арчи! Попробуй поработать по всему штату вместо мелкого бизнеса, и увидишь, легко ли это.

Я заткнулся.

Води ждал нас в коридоре здания конгресса. Он был чем-то до крайности возбужден. Он выбросил сигарету и кинулся к нам.

— Смотрите! — сказал он.

Мы взглянули по направлению его пальца и увидели двоих выходящих из больших дверей. Один был Дитворт, а другой — хорошо известный лоббист, с которым он работал.

— А в чем дело? — спросил Джо.

— Я остановился здесь, за телефонной будкой, прислонился к стене и достал сигарету. Как вы можете видеть, в этом большом зеркале отражается низ лестницы. Я смотрел туда, чтобы увидеть вас, и заметил, что этот лоббист Сеймс спускается один, а жестикулирует, словно с кем-то разговаривает. Меня это заинтересовало, и я выглянул из-за будки, чтобы видеть не его отражение, а его самого. Он был с Дитвортом. Когда я снова посмотрел в зеркало, Сеймс опять был один. Д и т в о р т н е о т р а ж а е т с я в з е р к а л е!

Джедсон шелкнул пальцами.

— Демон! — сказал он изумленно. — Вот уж не думал!

Удивляюсь, что большая часть самоубийств не происходит в поезде. Не знаю ничего более удручающего, чем сидеть в поезде, смотреть на монотонный сценарий и слушать сводящие с ума «ликетю-так» колес по рельсам. В этом смысле я радовался, что мне хоть есть о чем подумать: о нечеловеческом статусе Дитворта. Это

отвлекало меня от мыслей о бедняге Фельдштейне и его тысяче долларов.

Как ни потрясающе было открытие, что Дитворт — демон, это, в сущности, ничего не меняло в ситуации, разве что объясняло эффективность и быстроту, с которыми нас перехитрили, и придавало достоверность нашему убеждению, что рэкетиры и «Магия. Инк.» были двумя головами одного тела. Но у нас не было способа доказать, что Дитворт — чудовище из Нижнего Мира. Если мы попробуем потянуть его в суд для экспертизы, он вполне способен обойти закон и послать вместо себя дубля или мандрагора, которым нипочем проверка зеркала.

Мы боялись вернуться и сообщить о нашем провале. По крайней мере, этого боялся я. Но, в конце концов, мы же дрались. Билль о мелиорации выплыл внезапно, был внесен в повестку дня и подписан. Билль Дитворта вошел в дело как поправка с той же скоростью. Газеты, которые мы купили, сойдя с поезда, называли имена новых комиссионеров по волшебству. Комиссия не тратила времени зря: она объявила о своем намерении повысить стандарты магической практики во всех областях и с немедленным установлением новых, более строгих экзаменов. Ассоциация, ранее возглавляемая Дитвортом, открыла подготовительную школу, в которой практикующие маги могли освежить в памяти курс принципов волшебства и законы тайных снадобий. В согласии с высокими принципами устава, школа не ограничивалась членами ассоциации.

Это звучало как великодушные ассоциации, но таковым не было. В классах производился сильный нажим с намеками на то, что членство в ассоциации окажет большую помощь в предстоящих экзаменах. Куда ни сунься — везде примут. Ассоциация росла.

Недели через две все лицензии были аннулированы, маги допускались к повседневной практике при условии, что они в назначенный день явятся на переэкзаменовку. Несколько известных магов упорно отказывались от подписания договора с «Магия. Инк.». Их вызвали, проэкзаменовали и отказали в лицензии. Прижимали всех крепко. Миссис Дженнингс отказалась от всякой практики.

Ко мне пришел Води. У меня с ним был невыполненный контракт насчет нескольких жилых домов.

— Вот твой контракт, Арчи, — горестно сказал он. — Мне понадобится некоторое время, чтобы выплатить неустойку. Мой залог пропал, когда аннулировали лицензию.

Я взял контракт и разорвал его пополам.

— Забудь об этом разговоре насчет неустойки. Пройдешь экзамены, и мы подпишем новый контракт.

Он невесело рассмеялся.

— Не следует смотреть сквозь розовые очки.

Я сменил тему.

— Что ты собираешься делать? Подписать договор с «Магия. Инк.»?

Он выпрямился.

— Я никогда не связывался с демонами и впредь не собираюсь.

— Ты хороший парень, — сказал я. — Что ж, если тебе нечего будет есть, я полагаю, что мы найдем тебе здесь какую-нибудь работу.

Хорошо, что у Води сохранилось немного денег, потому что я проявил излишний оптимизм. «Магия. Инк.» быстро перешла ко второй фазе нажима, и пришлось задуматься над тем, буду ли я сам есть регулярно. В городе все еще оставалось довольно много дипломированных магов, не вступивших в «Магия. Инк.», — это была очевидная, действенная ловушка, потому что эти оставшиеся маги были некомпетентными растяпами, не умевшими даже составить приворотное зелье. Вне «Магия. Инк.» только эта некомпетентная помощь предлагалась за любую сумму.

Я был вынужден опуститься до старомодных методов во всех отношениях. Поскольку в некоторых случаях я не пользовался никакой магией и раньше, я мог делать это и теперь, но делать деньги и терять деньги — это вещи разные.

Я взял Фельдштейна в продавцы, когда его агентство рухнуло. Он оказался докой и помогал уменьшать расходы: он чуял выгоду раньше, чем я, дальше, чем доктор Вортингтон, чуял запах ведьм.

Но большинство бизнесменов вокруг вынуждено было капитулировать. Почти все они пользовались магией хотя бы в одной фазе своего бизнеса, и теперь перед ними стоял выбор: подписать контракт с «Магия. Инк.» или закрыться. У них были жены и дети — и они подписывали.

Гонорары за волшебство оставались на прежнем уровне, пока вся торговля не захлахла до того, что стало дешевле работать с магией, чем без нее. Маги не получали никаких новых доходов, все оставалось в корпорации. Конечно, маги теперь получали меньше, чем раньше, когда они были независимыми. Однако брали, что дают, и еще радовались возможности кормить семью.

Джедсон тяжело пострадал, просто катастрофически. Он держался, естественно, предпочитая честное банкротство сделке с демонами, но он пользовался магией на всем протяжении своего дела, и на этом терпел убытки. Сначала дисквалифицировали Августа Уилкера, его предсказателя, а затем подрезали все остальные его ресурсы. Это был намек, что «Магия. Инк.» не собирается иметь с ним дела, даже если бы он того пожелал.

Как-то вечером мы все сидели за чаем у миссис Дженнингс — я, Джо, Води и доктор Вортингтон, чуяющий ведьм. Мы пытались вести разговор, не касаясь наших неприятностей, но ничего не получалось: о чем бы мы ни заговаривали, все каким-то образом поворачивалось к Дитворту и его проклятой монополии.

Джек Води минут десять старательно и живо распространялся

насчет того, что он, в сущности, вовсе не колдун, что у него нет настоящего таланта, что он занимается этим, чтобы доставить удовольствие своему старику. Миссис Дженнингс слушала Джека с такой жалостью и состраданием в глазах, что мне захотелось быть. Я попытался сменить тему, повернулся к Джо и глупо спросил:

— Как поживает мисс Мегат?

Это была белая ведьма из Джерси-Сити, создательница магии в текстиле. Вообще-то я не слишком интересовался ее благополучием.

Джо удивленно посмотрел на меня.

— Элен? Она... с ней все в порядке. Месяц тому назад она получила лицензию, — закончил он с запинкой.

Это опять-таки было не то направление, по которому я хотел вести беседу.

— Она по-прежнему делает те фокусы с одеждой?

Джо немного повеселел.

— Ну да, делала... один раз. Разве я тебе не рассказывал?

Миссис Дженнингс выразила вежливое любопытство, за которое я мысленно поблагодарил ее. Джо объяснил остальным его попытки с Элен.

— Ей в самом деле хорошо удавалось, — продолжал он. — Однажды она начала и так шла прямиком, и мы не выводили ее из транса. Она вернулась с тысячами лоскутков спортивной одежды, одного размера и вида. Мой верхний склад был забит ими. Девять десятых растаяло, прежде чем я распорядился ими. Но еще раз она не рискнула, — добавил он. — Слишком тяжело для здоровья.

— Как так? — спросил я.

— Ну, она с каждым разом теряла до десяти фунтов веса. Она недостаточно сильна для магии. Ей надо бы поехать в Аризону и лежать там с год на солнце. Молю Бога, чтобы у меня были деньги, я бы послал ее туда.

Я подмигнул ему.

— Особый интерес, Джо?

Джо закоренелый холостяк, но мне нравилось предполагать противное. Обычно он отшучивался, но тут заметно рассердился.

— О, Господи, Арчи! Неужели я не могу иметь обычного человеческого интереса к кому-либо без того, чтобы ты не увидел в этом какие-то низкие мотивы?

— Прости, Джо.

— Ладно уж, — ухмыльнулся он. — Я не так чувствителен. Зато мы с Элен состряпали изобретение, которое могло бы быть решением всех вопросов. Я намеревался показать его всем вам, как только мы сделаем опытный образец. Вот, смотрите! — Он достал из кармана что-то вроде перьевой ручки и протянул это мне.

— Что это? Ручка?

— Нет.

— Термометр?

— Нет. Открой.

Я отвинтил колпачок и обнаружил миниатюрный зонтик. Он открывался и закрывался, как настоящий, и имел в раскрытом виде три дюйма в диаметре. Он напоминал японский сувенир, только сделан был из промасленного шелка и металла, а не из рисовой бумаги и бамбука.

— Симпатично, — сказал я ему, — и хитро придумано. Но зачем он?

— Окуни его в воду.

Я огляделся. Миссис Дженнингс налила немного воды в чашку, и я окунул в нее зонтик. Он, казалось, пополз в руках. Меньше чем за тридцать секунд я держал в руках зонт нормального размера и пиялился на него, как дурак.

Води хлопнул кулаком по ладони.

— Вот это здорово, Джо! Удивляюсь, почему никто не подумал об этом раньше?

Джо принимал поздравления с хитрой усмешкой, а затем сказал:

— Это еще не все. Смотрите! — Он вынул из кармана конвертик: там был крохотный прозрачный дождевой плащ, годный на шестидюймовую куклу. — Это такой же обман. И это. — Он достал пару резиновых сапожек не больше дюйма размером. — Мужчина может носить их, как брелок на часах, а женщина на браслете. С таким зонтом или плащом никакой дождь не страшен. Выстави их на минутку под дождь — и тут же полный размер. Когда высохнут — они опять съезжаются.

Мы передавали эти вещи из рук в руки и восхищались ими. А Джо продолжал:

— Вот что я думаю. Это дело требует мага, такого, как ты, Джек, и торговца, как Арчи. И два акционера: Элен и я. Она сможет получить нужное лечение, а я возобновлю свою учебу, как давно мечтал.

Мой мозг немедленно завертелся вокруг коммерческих возможностей, но вдруг я наткнулся на препятствие.

— Постой, Джо. Мы ведь не сможем поднять это дело в нашем штате.

— Нет.

— Но нам понадобится какой-то капитал, чтобы перебраться в другой штат. Как у тебя насчет этого? Откровенно говоря, я не соберу и тысячи долларов, если ликвидирую все.

Он сделал кислую мину.

— По сравнению со мной ты богач.

Я встал и заходил по комнате. Нам надо было где-то достать денег. Это было слишком хорошее дело, чтобы его упускать, оно восстановило бы наши дела. Оно ведь было явно рентабельно, и я уже видел коммерческие возможности, которые никогда бы не пришли в голову Джо: палатки для кемпингов, каноэ, купальные костюмы, туристское снаряжение всякого рода. Это была золотая жила.

Мои мысли прервал нежный голос миссис Дженнингс:

— Я не уверена, что найдется штат, где можно будет работать. Доктор Рейс и я провели некоторые исследования. Боюсь, что и вся страна так же под контролем, как и наш штат.

— Все сорок восемь штатов?

— У демонов нет такого ограничения во времени, как у нас.

Это меня доконало. Опять Дитворт!

Тяжелое уныние навалилось на нас, как туман. Мы обсуждали дело со всех сторон и пришли туда же, откуда начали. Уже и речи не было о помощи умному бизнесу: Дитворт выкинет нас из любого бизнеса. Мы все неловко замолчали. Наконец я прервал молчание взрывом, удивившим меня самого.

— Послушайте! Положение стало нестерпимым. Мы спокойно позволяем убивать себя. Пока Дитворт у власти, мы пропали. Почему мы ничего не предпринимаем?

Джо болезненно улыбнулся.

— Один Бог знает, как бы я хотел этого, Арчи. Если бы я мог придумать что-то полезное!

— Но мы знаем, что наш враг — Дитворт. Навалимся на него — легально или нет, честными методами или темными!

— В этом как раз и дело. Что мы знаем о нашем враге? Конечно, мы знаем, что он демон, но какой демон и где он? Его неделями никто не видит.

— Да? А я думал, что в тот день...

— Это макет, пустая скорлупа. Настоящий Дитворт где-то вне нашего поля зрения.

— Но послушай. Если он демон, его можно вызвать и принудить...

На этот раз ответила миссис Дженнингс:

— Можно, но это опасно. У нас не хватает главного — его имени. Чтобы вызвать демона, надо знать его настоящее имя, иначе он не станет повиноваться даже самым мощным заклинаниям. Я шарила в Нижнем Мире, но так и не узнала нужного имени.

Доктор Вортингтон трубно откашлялся и предложил:

— Если я могу помочь в уничтожении этой дряни — мои способности в вашем распоряжении.

Миссис Дженнингс поблагодарила его:

— Я пока не вижу, каким образом мы можем использовать вас, доктор, но я была уверена, что мы можем рассчитывать на вас.

— Белое превалирует над черным, — неожиданно сказал Джо.

— Конечно, — ответила она.

— Всегда?

— Всегда, потому что тьма есть отсутствие света.

— Не годится, чтобы белое прислуживало черному.

— Не годится.

— С помощью моего брата Рейса можно ввести свет во тьму.

Она подумала.

— Можно. Только очень опасно.

— Вы бывали там?

— Случалось. Но вы — не я.

Все, кажется, следили за нитью разговора. Все, кроме меня. И я вмешался:

— Одну минутку, пожалуйста. Не объясните ли вы мне, о чем идет речь?

— Никакого сомнения, Арчибальд, — спокойно сказала миссис Дженнингс. — Джозеф предлагает, поскольку мы зашли в тупик, спуститься в Нижний Мир, узнать этого дьявола и напасть на него на его собственной территории.

Я даже задохнулся от дерзкой простоты этого плана, а затем сказал:

— Шикарно! Давайте сделаем это. Когда мы выступаем?

Они снова ударились в профессиональную дискуссию, за которой я не мог следить. Миссис Дженнингс достала несколько заплесневелых томов и указала на ссылки, которые были для меня все равно что санскрит. Джо взял календарь и вместе с доктором вышел во двор посмотреть на Луну.

В конце концов они пустились в спор, вернее сказать, в обсуждение: спора не было, так как они целиком полагались на суждения миссис Дженнингс насчет связи. Похоже, что не было удовлетворительного способа для поддержания контакта с реальным миром, а миссис Дженнингс не желала начинать, пока все не будет отработано. Была и такая трудность: поскольку они не были черными магами и не подписывали соглашения со Старым Ником (дьяволом), они не были гражданами Нижнего Мира и не могли путешествовать по нему с определенной безнаказанностью.

Води повернулся к Джо.

— Как насчет Элен Магит? — спросил он с сомнением.

— Элен? Ну конечно. Она поможет. Я позвоню ей. Миссис Дженнингс, у кого-нибудь из соседей есть телефон?

— Не трудитесь, — сказал Води, — подумайте о ней несколько минут, и я установлю связь...

Он на секунду устоялся в лицо Джо, а затем внезапно исчез.

Минуты через три Элен возникла из ничего.

— Мистер Води явится через несколько минут, — сказала она. — Он остановился купить пачку сигарет.

Джо взял ее за руку и представил миссис Дженнингс. Элен выглядела больной, и я понял беспокойство Джо. Каждые несколько минут она слатывала и слегка задыхалась, как будто ей мешала щитовидная железа.

Как только Джек вернулся, они тут же стали обсуждать детали. Он объяснил Элен, что они решились сделать, и она полностью согласилась, уверяя, что одно лишнее занятие не нанесет ей вреда. Ждать не стали, они сразу же начали готовиться к отъезду. Миссис Дженнингс установила порядок марша.

— Элен, вам нужно следовать за мной в транс и держать со мной связь. Я думаю, ложе у камина будет хорошим местом для вашего тела. Джек, ты остаешься здесь стеречь портал. И будешь держать с нами связь через Элен.

— Ну, Гренни, я понадоблюсь в Нижнем Мире...

— Нет, Джек, — ласково, но твердо сказала она, — должен же кто-то стеречь дорогу и помочь нам вернуться, ты сам знаешь. У каждого своя задача.

Он поворчал немного, но согласился. Она продолжала:

— Я думаю, это все. Элен и Джек здесь, Джозеф, Рейс и я составляем отряд. А тебе, Арчибальд, остается только ждать, но мы пробудем там не более десяти минут по времени нашего мира — если сумеем вернуться. — Она заторопилась на кухню, говоря что-то о мази и о том, что у Джека должны быть наготове свечи. Я поспешил за ней.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что мне остается только ждать? Я тоже пойду!

Она повернулась и взглянула на меня с беспокойством.

— Не думаю, чтобы это могло случиться, Арчибальд.

Джо подошел и взял меня за локоть.

— Послушай, Арчи, будь спокоен. Это же совершенно исключается. Ты же не маг.

Я вырвал руку.

— Ты тоже не маг.

— В смысле техническом, может, и нет, но я знаю достаточно, чтобы принести пользу. Не будь дураком, парень. Ты будешь только нам мешать.

На такой аргумент трудно ответить и доказать его несправедливость.

— Почему? — упорствовал я.

— Черт побери, Арчи, ты молод, силен и полон рвения. Никого, кроме тебя, я не хотел бы иметь за спиной в драке, но в этом деле нужна не храбрость и даже не ум, тут требуются специальные знания и опыт.

— Ладно, — сказал я, — у миссис Дженнингс этого хватит на целый полк. Но — да простит она меня — она старая и слабая. Я буду ее мускулами, если ее сила ослабеет.

Джо это как будто позабавило, и я готов был лягнуть его.

— Вряд ли это потребуется в...

Низкий бас Вортингтона загромыхал где-то позади нас:

— Мне думается, брат, что есть возможность использовать бурное поведение нашего молодого друга. Бывают случаи, когда мудрость чересчур осторожна.

Миссис Дженнингс остановила их.

— Подождите, — приказала она и затрусила к кухонному шкафу. Открыв его, она отодвинула связки овсяной соломы и достала кожаный мешочек. Он был набит тонкими палочками.

Она высыпала их на пол, а три палочки держала в руке и изучала узор.

— Бросьте еще раз, — посоветовал ей Джо.

Она так и сделала.

Я увидел, как она и доктор торжественно кивают, соглашаясь друг с другом. Джо пожал плечами и отвернулся. Миссис Дженнингс повернулась ко мне:

— Пойдешь с нами. Это опасно, но ты пойдешь.

Мы больше не тратили времени. Мазь разогрелась, и мы намазали друг другу спины. Води, хранитель ворот, уселся среди своих магических фигур и рун, монотонно напевая что-то. Доктор решил, что пойдет в собственном виде — негр в набедренной повязке, с головы до ног расписанный символами, голова его деда качалась у него на локте.

Был небольшой спор, прежде чем установили одежду для Джо. Метаморфоза произошла почти мгновенно. У него появилось тонкое серое тело, странно изуродованная голова, покатаая спина, тонкие ребра животного и длинный костистый хвост, беспрерывно шевелящийся. Но в целом композиция приближалась к человеку, подвергшемуся резкому изменению, а не к какой-либо инопланетной форме жизни. Мне было смешно глядеть на него, но он был доволен.

— Правильно! — воскликнул он скрипучим голосом. — Вы сделали отличную работу, миссис Дженнингс. Асмодей не отличит меня от своего племянника!

— Сомнительно, — сказала она. — Ну, пошли.

— А как насчет Арчи?

— Лучше оставить его как есть.

— А ваша собственная трансформация?

— Я позабочусь сама об этом, — ответила она. — несколько уклончиво. — Занимайте свои места.

Я и миссис Дженнингс поехали вдвоем на одной метле — я впереди, против свечи, воткнутой в прутья. Я вспомнил декорации для кануна Дня Всех Святых: там у метлы ведьмы ручка была впереди, а прутья сзади. Эта была ошибка. В этих делах самое главное — обычай. Рейс и Джо ехали за нами. Серафим быстро прыгнул на плечо хозяйки и уселся там, его усы дрожали от нетерпения.

Води произнес слово, пламя нашей свечи взметнулось вверх, и мы отправились. Я испугался почти до паники, но вцепился в метлу и старался не показывать страха. Камин расширился и выгнулся, как огромная арка. Огонь в нем затрещал и завыл, как лесной пожар, вынося нас. Пока мы поднимались, я мельком увидел танцующую в пламени саламандру и был уверен, что это моя, та, что почтила меня своим одобрением и иногда украшала собой мой новый камин. Это показалось мне добрым предзнаменованием.

Мы оставили портал далеко позади, если слово «позади» можно употребить в таком месте, где направление чисто символично. Треска

и грохота пламени больше не было слышно, и я начал понемногу приходить в себя. Я почувствовал успокаивающую руку на своей талии и повернул голову, чтобы заговорить с миссис Дженнингс.

И чуть не упал с метлы.

Когда мы вылетели из дома, за моей спиной сидела старая, очень старая женщина, сморщенное и высохшее тело которой оставалось в живых только благодаря ее неукротимому духу. А сейчас я увидел за собой молодую, стройную, безупречного сложения женщину, волнующе прекрасную. Нет слов, чтобы описать ее: у нее не было ни единого дефекта, и никакое воображение не могло сделать ее более совершенной.

Видели ли вы когда-нибудь бронзовую Диану? Эта женщина чем-то напоминала ее, только металл не мог выразить живую, динамичную красоту, которую я увидел.

Однако это была миссис Дженнингс, Аманда Тедд, в ее тридцать пять лет, когда она достигла полного расцвета своей прекрасной женственности и время еще не смазало фокус идеала.

Я забыл о страхе, я забыл все, кроме того, что нахожусь в обществе самой изумительной женщины, какую я когда-либо видел. Я забыл, что она на шестьдесят лет старше меня, что ее теперешний вид — просто триумф колдовства. Если бы кто-нибудь спросил меня тогда, не влюбился ли я в Аманду Тедд, я ответил бы «да». Но в то же время мысли мои слишком перепутались, чтобы их можно было объяснить. Она была здесь — и этого было достаточно.

Она улыбнулась, в глазах зажглось понимание. Она заговорила, и ее голос был мне знаком, хотя это было богатое контральто, а не привычное чистое сопрано.

— Все в порядке, Арчи?

— Да, — ответил я дрожащим голосом. — Да, Аманда, все в порядке.

Что касается Нижнего Мира — как я могу описать место, которое ни в чем не соответствовало известным мне критериям? Что я могу сказать о том, для чего нет слов? Человек описывает незнакомые вещи, соотнося их с известными ему, здесь же не было ничего знакомого, за что можно было бы зацепиться. Все было не такое, ни к чему не относящееся. Я могу только рассказать, как все это действовало на человеческие чувства, какие события влияли на мои человеческие эмоции, но не знаю, что здесь — двойной обман — обман моего зрения и ощущений или фальшь моей передачи этого в словах.

Я разговаривал насчет этого с Джо, и он согласился, что эта трудность непреодолима, хотя кое-что можно сказать с долей правды, учитывая, каким образом Нижний Мир подействовал на меня.

Самое главное различие между реальным миром и Нижним в том, что в реальном мире существуют естественные законы, и существуют они вне перемен и обычаев в культуре: в Нижнем только обычаи имеют какую-то степень постоянства, а законов природы нет вообще. Вообразите, если можете, условия, в которых глава штата

может отменить закон гравитации, и его декрет будет вполне эффективен, место, где король Канут может приказать океану течь назад, и волны станут повиноваться ему, где понятия «верх» и «низ» — дело вашего мнения, а расстояние может считаться как в милях, так и в днях, или в оттенках.

И, однако, там нет бессмысленной анархии, поскольку все вынуждены подчиняться обычаям так же неукоснительно, как мы слушаемся законов природы.

Мы резко свернули влево, в бесформенную сырость, что избавило нас от осмотра шабаша. Аманда намеревалась встретиться прямо с Главным, а не искать бесцельно в изменяющихся лабиринтах Нижнего Мира существо, которое трудно идентифицировать.

Я не видел решительно ничего, пока мы вдруг не очутились на земле. Тогда только появился свет. Впереди, вероятно, за четверть мили от нас, находилось возвышение, на котором стоял гигантский трон, от него исходило красное сияние. Я не очень хорошо видел, кто сидел на троне, но знал, что это «Сам», наш древний враг.

Мы уже были не одни: жизнь — чувствующее, бессмертное зло кипело вокруг нас, царило в воздухе, ползло по земле. Сама земля дрожала и пульсировала, пока мы шли по ней. Безликие существа принимались и щипали нас за пятки. Мы знали о невидимом присутствии вокруг нас в унылом тумане: существа пищали, ворчали, плакали и чмокали. Похоже, их тревожило наше присутствие (а только один Бог знал, как я боялся их), потому что я слышал, как они торопились убраться с нашего пути, а затем осторожно подбирались сзади, как предупреждали друг друга непонятными звуками.

Кто-то остановился на нашей дороге, кто-то с непомерно раздутой головой и вялыми руками.

— Назад! — заверещал он. — Кандидаты на ведьмовство собираются на нижнем уровне! — Он говорил по-английски.

Рейс хлестнул его по лицу, и мы прошли по нему, по его известняковым костям, хрустевшим под ногами. Он снова собрался воедино и, покорно повизгивая, поплелся за нами до самого трона.

— Единственный способ общения с этими созданиями, — шепнул мне на ухо Джо, — дай ему в зубы первым, и он будет уважать тебя.

Пространство перед троном было заполнено черными ведьмами, черными демонами в самом разном обличье и прочей мелкой нечистью. Справа ведьмы пожирали кого-то. Я отвернулся. Прямо перед троном, как того требовал обычай, исполнялись ведьмины танцы для развлечения Козла. Несколько десятков мужчин и женщин, молодых и старых, миловидных и отвратительных, прыгали в немыслимом акробатическом адажио.

Когда мы подошли, танец прекратился, и танцоры неуверенно посторонились.

— Кто это? — послышался гнусавый флегматичный голос. — А,

это мое сердечко! Иди, садись рядом со мной, милочка! Ты, наконец, пришла подписать договор?

Джо схватил меня за руку. Я прикусил язык.

— Я останусь здесь, — презрительно ответила Аманда. — Что касается договора... ты хорошо знаешь.

— Тогда зачем ты здесь? И почему с такими необычными компаньонами?

Он смотрел на нас с высоты своего трона, хлопнул себя по волосатым бедрам и оглушительно захохотал. Рейс шевелился и что-то бормотал: голова его деда дрожала от ярости. Серафим шипел и плевался.

Джо и Аманда на секунду сблизили головы, а затем она ответила:

— На основании договора с Адамом я требую права на расследование.

Козел захихикал, и дьяволята вокруг него заткнули уши.

— Ты требуешь привилегий здесь? Без контракта?

— Таков обычай, — резко ответила она.

— Ах да, обычай. Ну, раз уж ты напомнила о нем, пусть он будет. И кого ты хочешь найти?

— Я не знаю его имени. Это один из твоих демонов, он позволил себе неуместные вольности вне твоей сферы.

— Один из моих демонов, и ты не знаешь его имени? Если ты пройдешь... я сейчас соображу... ровно пять месяцев и пять дней, ты найдешь моих джентльменов, выстроившихся для инспекции.

Я не помню, как мы шли. Громадная коричневая равнина, а неба не было.

Все дьяволята Нижнего Мира по военному приказу их повелителя выстроились легион за легионом. Старый Ник ждал нас со своими министрами. Джо указал мне на них: Люцифер, премьер-министр, Вельзевул и Левиафан — командующие авиацией, Ашторет, Абаддонна, Маммон, Титус, Асмодей и Инкуб, потерявшие трон. Семьдесят принцев, каждый командовал дивизионом и каждый остался со своей командой, так что в свите их владыки Сатаны остались только герцоги.

Сам Сатана все еще выглядел Козлом, но его штат принимал самые отвратительные формы, какие только мог придумать. Асмодей щеголял о трех головах — все разные и все вредные; Маммон грубо напоминал особо мерзкого тарантула, Ашторета я вообще не могу описать. Только Инкуб сохранял сходство с человеком, что лишь подчеркивало его гнусность.

Козел взглянул на нас.

— Торопитесь! — скомандовал он. — Вы здесь не на пикнике.

Аманда игнорировала его и повела нас.

— Назад! — взревел Сатана, и мы действительно попятились: наши ноги не шли вперед. — Не знаете обычая! Сначала — заложники!

Аманда прикусила губу и быстро посоветовалась с Рейсом и Джо: Я уловил ответ Рейса.

— Поскольку пойду я, — сказал он, — лучше мне самому выбрать спутника. Мой дедушка советует взять младшего. Это, конечно, Фрезер.

— В чем дело? — спросил я, услышав свое имя.

— Рейс хочет взять тебя с собой унюхать Дитворта, — объяснил Джо.

— И оставить Аманду с этими дьяволятами? Я бы этого не хотел.

— Я сама постою за себя, Арчи, — быстро сказала она. — Если доктор хочет взять тебя с собой, иди, этим ты поможешь мне куда больше, чем если останешься.

— А при чем тут заложники?

— Поскольку мы требуем права на расследование, — объяснила она, — то вы должны привести Дитворта, иначе заложники поплотятся.

Прежде чем я успел возразить, Джо сказал:

— Не разыгрывай героя, сынок. Тут дело серьезное. Лучше всего ты нам послужишь, если пойдешь. Если вы не вернетесь, будь уверен, мы им тут устроим бой, прежде чем с нас потребуют расплаты!

И я пошел. Доктор и я смело оставили их, и только тогда я понял, что островок мира в мыслях я получил от Аманды. Стоило мне выйти из под ее непосредственного влияния, весь ужас этого места и его кошмарные жители навалились на меня. Я почувствовал, что кто-то трется о мои ноги и выскакивает чуть ли не из-под самых ног. Но когда я взглянул вниз, я увидел Серафима. Кот решил пойти с нами. И мне стало немного легче.

Когда мы подошли к первому ряду демонов, Рейс принял свою собачью позу, но сначала передал мне голову деда. Раньше я подумал бы, что трогать мумифицированную голову противно, здесь же она показалась мне дружеской, уютной вещью. А Рейс опустил на четвереньки и стал причесывать ряды адских воинов. Серафим бежал на пару с ним и охотился вместе с ним. Собака, похоже, была рада оставить половину работы на кота, и я не сомневался, что это оправдывается. Я шел как можно быстрее по проходу между рядами, и животные бросались из стороны в сторону.

Мне кажется, это длилось много часов, настолько долго, что усталость сменилась деревянным автоматизмом, а страх превратился в тупое беспокойство. Я научился не видеть глаз демонов и не удивлялся никаким эксцентричным формам.

Мы прочесывали эскадрон за эскадроном, дивизион за дивизионом, пока не дошли до конца. Животные стали невероятно нервничать. Когда они прошли первый ряд последнего эскадрона, собака подбежала ко мне и заскулила. Я предположил, что она ищет своего деда, но наклонился и погладил животное по голове.

— Не отчаивайся, дружище, — сказал я. — Он здесь.

Я пошел к генералам и принцам, которые стояли перед своими

дивизионами. Мы шли с тыла, так что нам осталось только осмотреть генералов левого крыла. Но отчаяние уже кричало мне: что такое подлужины возможностей против отсеянных семи миллионов?

Собака затрусил к посту ближайшего генерала, кот бежал вплотную за ней, а я поспешил следом. Вдруг собака залаяла, и я бросился со всех ног. Демон зашевелился и начал изменяться, но даже в этой странной фигуре было что-то знакомое.

— Дитворт! — взвыл я и бросился на него.

Меня били крыльями, рвали когтями. Рейс пришел ко мне на помощь, он был уже не собакой, а двумястами фунтов сверкающего негра. Кот представлял из себя шар ярости, зубов и когтей. И все-таки мы пропали бы всем комплектом, если бы не произошло нечто поразительное: один из демонов вырвался из рядов и бросился к нам. Я скорее почувствовал, чем увидел его, и решил, что он бежит на помощь своему генералу, хотя и был уверен, что их обычаи не допускают этого. Но он помогал нам, своим извечным врагам, и напал на Дитворта с такой яростью, что выигрыш оказался на нашей стороне.

Внезапно все изменилось. Я обнаружил, что вцепился не в принца-демона, а в Дитворта в его псевдочеловеческой форме — довольно тихого, лысого, изысканно одетого, в очках и с портфелем.

— Уберите от меня эту штуку! — раздраженно кричал он. «Этой штукой» был дедушка, по собачьи вцепившийся беззубыми деснами в затылок Дитворта.

Рейс разжал руку, державшую Дитворта, и взял своего деда. Серафим не сходил с места, глубоко запустив когти в ногу нашего пленника.

Демон, помогавший нам, все еще был тут. Он держал когтями Дитворта за плечи. Я откашлялся и сказал:

— Я думаю, мы обязаны вам... — Но дальше просто не знал, что сказать, ситуация была явно беспрецедентной.

Демон сделал гримасу, которую вполне можно было принять как дружескую, хотя она показалась мне просто ужасной.

— Разрешите представиться, — сказал он по-английски. — Федеральный агент Вильям Кей, ФБР.

Не иначе как от этого я потерял сознание.

Когда я очнулся, я лежал на спине. Кто-то наложил мазь на мои раны и туго забинтовал их. У меня ничего не болело, но я смертельно устал. Где-то рядом разговаривали. Я повернул голову и увидел всех членов нашего отряда. Вортингтон и дружеский демон, назвавшийся федеральным агентом, держали Дитворта перед Сатаной. Мощной адской армии не было и следа.

— Значит, это мой племянник Киберус, — сказал Сатана, трясая головой и хихикая. — Киберус, ты скверный парень, и я горжусь тобой. Но боюсь, что тебе придется помериться силами с их чемпионом, раз уж они схватили тебя. — Он обратился к Аманде. — Кто твой чемпион, дорогая?

— Похоже, что это моя работа, — сказал дружественный демон.

— Не думаю, — ответила Аманда.

Она отвела его в сторону и что-то настойчиво зашептала. В конце концов он пожал крыльями и отошел в сторону.

Аманда вернулась к группе. Я с трудом встал и подошел к ним.

— Борьба до смерти, я полагаю? — сказала она. — Ты готов, Киберус?

Я разрывался между смертельным страхом за Аманду и глубокой уверенностью, что она может сделать все, за что возьмется. Джо посмотрел на меня и покачал головой. Я не связывался.

Но у Киберуса была кишка тонка. Он был все еще в виде Дитворта и выглядел смешным. Он повернулся к Сатане.

— Я не рискну, дядя. Исход совершенно ясен. Заступитесь за меня.

— Ладно, племянник. Я даже надеялся, что она тебя уничтожит. Ты иной раз надоедаешь мне. — Он обратился к Аманде: — Может, договоримся, ну, скажем, десять тысяч лет?

Аманда собрала взглядом наши голоса, включая и мой, к моей радости и гордости, и сказала:

— Пусть будет так!

Я бы сказал, не такой уж суровый приговор — примерно шесть месяцев тюрьмы в реальном мире, но Дитворт не погрешил против обычаев в их мире, а просто потерпел поражение от белой магии.

Старый Ник выразительно опустил руку. Раздался оглушительный треск, вспышка света — и Дитворт-Киберус распластался перед ним на громадном камне, массивные железные цепи сковывали его руки и ноги. Он снова был в обличии демона. Аманда и Вортингтон осмотрели оковы. Они приложили к каждому замку кольцо-печатку и кивнули Сатане. Камень тут же покатылся с громадной скоростью и вскоре исчез из виду.

— Ну, похоже, со всем этим покончено, и теперь, я полагаю, вы уйдете, — сказал Сатана. — Все, кроме этого. — Он указал на демона — федерального агента. — У меня свои планы относительно него.

— Нет, — ровным голосом сказала Аманда.

— В чем дело, милочка? Он не под защитой твоего отряда, и он нарушил наши обычаи.

— Нет!

— Я настаиваю!

— Сатана Микратриг, — медленно проговорила она, — не желаешь ли ты померяться силой со мной?

— С вами, мадам? — Он внимательно посмотрел на нее, словно впервые видел. — Ну, на это еще будет время. Пожалуй, не будем больше говорить об этом. Как-нибудь в другой раз...

И он исчез. Демон повернулся к Аманде.

— Спасибо, мадам. Снимаю перед вами шляпу. — И он с тревогой добавил: — Вы знаете выход отсюда?

— А вы знаете?

— Нет, в том-то и беда. Сейчас объясню: я был приписан к антимонопольному отделу. Мы вышли на этого типа — Дитворта, или Киберуса, думая, что он просто черный маг и что я вернусь назад через его портал. Когда я узнал, кто он, было уже слишком поздно, и я оказался в ловушке. Я почти покорился тому, что навеки останусь фальшивым демоном.

Я страшно заинтересовался его рассказом. Конечно, я знал, что все федеральные агенты — юристы, маги или бухгалтеры, но все, кого я знал, были бухгалтерами. Это спокойное принятие немислимых опасностей потрясло меня и еще более увеличило мое и без того высокое мнение о федеральных агентах.

— Вы можете воспользоваться нашим порталом, чтобы вернуться, — сказала Аманда. — Держитесь ближе к нам. Ну, пошли, — обратилась она к своему отряду.

Джек Води все еще напевал строчки из книги, когда мы приземлились.

— Восемь с половиной минут, — объявил он, взглянув на свои наручные часы. — Хорошая работа. Фокус удался?

— Да, — ответил Джо глухим от болезненного перевоплощения голосом. — Все, что...

Но Води прервал его:

— Билл Кейн, старый негодяй! Как ты затесался в эту компанию? — закричал он.

Наш демон произвел трансформацию по дороге и приземлился в своем естественном виде — тощий, молодой, упорный, в спокойном сером костюме и шляпе с опущенными спереди полями.

— Привет, Джек, — сказал он. — Я повидаяюсь с тобой завтра и все тебе расскажу. А сейчас я должен представить рапорт. — И он исчез.

Элен вышла из транса, и Джо заботливо наклонился над ней. Я оглянулся в поисках Аманды и, услышав ее шаги на кухне, поспешил туда. Она увидела меня и улыбнулась. Ее лицо сияло ясной и холодной красотой.

— Аманда, — сказал я, — Аманда...

Вероятно, у меня было подсознательное намерение поцеловать ее, любить ее. Но трудно предпринять что-нибудь в этом роде, если женщина ни в чем не выражает своей готовности. Аманда ее не выражала. Она была тепла и дружелюбна, но существовал барьер сдержанности, через который я не мог перейти. Я ходил за ней по кухне и говорил что-то бессвязное, пока она готовила на всех кофе и тосты.

Когда мы вернулись в комнату, я сел и с огорчением смотрел на Аманду, в то время как Джо рассказывал Элен и Джеку о наших

розысках. Вскоре он пошел проводить Элен домой, и Джек ушел вместе с ними.

Когда Аманда, проводив их, вернулась, доктор Райс вытянулся на коврике у камина. На его широкой груди свернулся Серафим, и они оба тихонько посапывали. Я внезапно почувствовал, что зверски устал. Аманда тоже почувствовала это и сказала:

— Ляг на кушетку и немного подремли.

Уговаривать меня не пришлось. Я лег, она укрыла меня шалью и нежно поцеловала. Я услышал, как она поднимается по лестнице, и тут же уснул.

Меня разбудили бьющие в лицо солнечные лучи. Серафим сидел на окне и умывался. Доктор Вортингтон ушел, но, видимо, совсем недавно, потому что коврик был еще смят. Дом казался пустым, затем я услышал легкие шаги на кухне, вскочил и бросился туда.

Она стояла спиной ко мне и тянулась к старинным ходикам, висевшим на стене. Когда я вошел, она обернулась — маленькая, невероятно старая, с собранными в узелок белыми волосами. Мне вдруг стало ясно, почему прошлой ночью я мог получить только материнский поцелуй на сон грядущий.

Она соображала за двоих и не позволила мне совершить глупость.

Аманда взглянула на меня и сказала своим прозаическим голосом:

— Видишь, Арчи, мои старые часы остановились вчера, но сегодня утром пошли снова. — Она протянула руку и коснулась маятника.

Больше рассказывать не о чем. С исчезновением Дитворта и рапортом Кейна «Магия. Инкорпорейтед» свернулась чуть ли не на следующий день. Новые законы с лицензиями перешли в небытие раньше, чем их отменили.

Мы все околачивались у миссис Дженнингс, насколько она позволяла нам это. Я искренне благодарен ей за то, что она не позволила мне вмешаться в ее омоложение, поскольку теперь в наших отношениях есть что-то необыкновенное, что-то связывающее нас.

Я помог Элен и Джо организовать дело, а Води взял к себе управляющим, так как решил, что не хочу больше работать по-старому. Я пристроил новое крыло к зданию и купил те два грузовика, о которых предсказывала мне миссис Дженнингс. Работа шла хорошо.

Перевод с английского
ВАДИМА ПОДБЕЛЬСКОГО

СОДЕРЖАНИЕ

ПЯТНИЦА, КОТОРАЯ УБИВАЕТ (Перевод с англ. Ф. Сарнова)

5

МАГИЯ. ИНКОРПОРЕЙТЕД (Перевод с англ. В. Подбельского)

314

Редактор *Г. Кондрашев*
Художник *П. Храмцов*
Технический редактор *Т. Луговская*
Младший редактор *М. Грушецкая*
Корректор *О. Поливанова*

Сдано в набор 01.09.92. Подписано к печати 16.11.92. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,00. Уч.-изд. л. 27,60. Тираж 50000 экз.
Заказ 1657

ПОО «Фабула». 117218 Москва, ул. Красикова, 27.

Московская типография № 7. Министерство печати и информации Российской Федерации. 103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
начата сборником произведений
Роберта А. Хайнлайна.

Находятся в печати знаменитые произведения Фрэнка
Херберта «Дюна» и «Мессия Дюны», объединенные
в одну книгу.

Подготовлены к выпуску:
Собрание сочинений в 8-ми томах Пола Андерсона;
Собрание сочинений в 4-х томах Роберта Шекли.

Готовятся к выпуску книги Г. Гаррисона, А. Азимова,
К. Саймака, Д. Уиндсма и других.

Оптовым покупателям обращаться по адресу:
117218 Москва, ул. Красикова, д. 27, офис 523.

Контактный телефон: 124-08-31.

Фрэнк

ХЕРБЕРТ

Дюна. Мессия Дюны

В серии «Мастера американской фантастики» выходит одна из нашумевших книг Ф.Херберта «Дюна. Мессия Дюны», ставшая мировым бестселлером.

АНОНС

Роберт ХАЙНЛАЙН

